

RARA ORIENTALIA

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е. Ю. КНОРОЗОВА

СТРАНСТВИЯ В БЕСКОНЕЧНОМ

ВЬЕТНАМСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ПРОЗА
МАЛЫХ ФОРМ

Санкт-Петербург
2009

ББК 81.2 (5Вье)-7
К 53

Руководитель проекта *Н. В. Колпакова*
Ответственный редактор *В. П. Леонов*
Рецензенты: *Т. И. Виноградова, Н. В. Григорьева*

Кнорозова, Е. Ю.
К 53 Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм / Е. Ю. Кнорозова; рук. проекта Н. В. Колпакова; отв. ред. В. П. Леонов; предисл. Т. И. Виноградовой. — СПб.: БАН; Альфарет, 2009. — 344 с.
ISBN 978-5-902882-55-8

В работе исследуются сборники коротких рассказов, которые были распространённым видом вьетнамской традиционной прозаической литературы.

Вниманию читателя предлагаются переводы трех литературных памятников: «Сны Южного старца» Хо Нгуен Чынга (XV в.), «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» (XV в.), «Случайные записки о превращениях судьбы» Фам Динь Хо и Нгуен Ана (XIX в.).

Работа может быть интересна как исследователям, так и любителям художественной прозы.

Екатерина Юрьевна КНОРОЗОВА
СТРАНСТВИЯ В БЕСКОНЕЧНОМ
Вьетнамская традиционная проза малых форм

Редактор *О. Г. Юдахина*
Художественное оформление
и верстка *А. В. Ухваловой*
Формат 70 × 100/16. Печ. л. 21,5. Заказ №

Издательский отдел Библиотеки Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1
Тел. (812) 323 04 05
E-mail: rio@rasl.nw.ru

ООО «Издательство „Альфарет“»
190000, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 101
Тел. (812) 313 88 25
www.alfaret.ru
E-mail: info@alfaret.ru

Отпечатано с готового оригинал макета
в типографии *Printissa*
197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 22
Тел. (812) 449 23 90
www.printissa.ru

ISBN 978-5-902882-55-8

© Кнорозова Е. Ю., 2009
© Библиотека Российской академии наук, 2009
© ООО «Издательство „Альфарет“», 2009

Содержание

Предисловие (Т. И. Виноградова).....	6
Вьетнамская традиционная проза малых форм	7
Хо Нгуен Чынг. Сны Южного старца	137
Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор.....	163
Фам Динь Хо и Нгуен Ан. Случайные записки о превратностях судьбы	215
Приложения.....	313

Предисловие

За 55 лет своего существования научно-исследовательский отдел литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской академии наук (ОЛСАА БАН) помимо своей основной деятельности, направленной на комплектование Отдела литературой на языках народов зарубежного Востока, ее обработку и хранение, проделал большую работу по раскрытию фондов Библиотеки, так или иначе связанных с Востоком. Выпускались библиографические указатели и пособия, сборники научных статей по материалам конференций, организуемых Отделом.

В последнее время интерес читателей ко всему восточному возрос настолько, что стало очевидно, насколько недостаточно этих, традиционных для Библиотеки способов раскрытия фондов. Мы храним книги на многих языках — арабском, турецком, китайском, японском... Однако языковой барьер не дает возможности даже приблизительно представить, какого рода эта литература. Исправить ситуацию отчасти может перевод.

Старинная вьетнамская литература в нашей стране недостаточно известна. Мы предлагаем вниманию читателя опыт полного перевода вьетнамских литературных памятников на русский язык.

Переводчик — научный сотрудник отдела Екатерина Юрьевна Кнорозова, кандидат филологических наук, долгое время занимается исследованиями традиционной вьетнамской прозы малых форм, мифов и традиционных верований вьетнамцев.

Три переведенных памятника отражают историю развития вьетнамской прозы малых форм. Сборник «Сны Южного старца» (XV в.) Хо Нгуен Чынга — первый известный образец такого рода прозы. Автор и время создания сборника «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» точно не установлены, он неоднократно переделывался, в настоящее время известен вариант с редакторскими предисловием Ву Куиня и послесловием Киеу Фу (XV в.). Фам Динь Хо и Нгуен Ан написали свои «Случайные записки о превратностях судьбы» в начале XIX в.

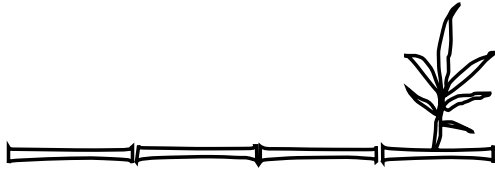
Вьетнам — древняя страна. Географически она принадлежит к странам Юго-Восточной Азии, а духовно во многом к дальневосточному культурному региону, в который входят Китай, Япония, Корея.

При подготовке издания Е. Ю. Кнорозова использовала оригинальные тексты, а не переводы старинных памятников на современный вьетнамский язык, так что читателю обеспечено максимальное приближение к букве и духу первоисточников.

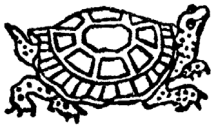
Т. И. Виноградова
канд. ист. наук

Вьетнамская
традиционная проза
малых форм

Введение	9
У истоков вьетнамской прозы малых форм	11
«О таинственных силах и духах земли Вьет»	20
«Сны Южного старца»	23
«Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор»	43
«Посмертное собрание рукописей Тхань-тонга»	90
«Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы	93
«Новое собрание рассказов об удивительном» Доан Тхи Диём	96
«Случайные записки о превратностях судьбы».....	102
«Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя».....	130
Заключение.....	134

Введение

Вьетнам относится к странам дальневосточного культурного региона. Исследователи не раз обращали внимание на культурное сходство Вьетнама, Кореи и Японии. Состоит оно, как отмечает Д. В. Деоник, в сочетании базового единства и одинакового использования экспортательных элементов китайской культуры в целях оформления своего типа общества. Из Китая были заимствованы письменность, административно-политическая система, экзамены, классическая литература, относительно светский характер общества, а также все то, что связано со статусом государственного служащего. В культурах трех стран возникла бинарность своего и китайского, причем из китайской культуры была взята только ее часть; как целое донорская ханьская модель оставалась чуждой этим обществам, т. е. неэкспортательной¹.

Вьетнамцы освоили китайскую иероглифическую письменность уже в эпоху своей зависимости от Китая (III г. до н. э. — 939 г. н. э.), некоторые даже занимали официальные чиновничьи должности в самом Китае². Однако первые из дошедших до нас письменных памятников Вьетнама относятся к X в. Они были написаны на *ханване* — так назывался во Вьетнаме *вэньян*, дальневосточная латынь, общий, «международный», язык стран Дальнего Востока. Существовала также во Вьетнаме письменность *ном*, созданная на базе китайских иероглифов. К. Ю. Леонов обращает внимание на то, что *ном* — это явление, во-первых, не уникальное, а, во-вторых, в процессе возникновения не изолированное от других некитайских иероглифических письменностей Дальнего Востока. Говоря о его «неуникальности», К. Ю. Леонов имеет в виду корейский *иду*, некоторые элементы древнеяпонского языка, письмо *чжуан* провинции Гуанси, иероглифику государства Наньчао, традиции которой сохранились до наших дней у народов *наси* и *ицзу*³. Когда возник *ном* — неизвестно, предположительно время его создания относят к X—XII вв.⁴ Однако при династии Чан (1225—1400) эта письменность уже использовалась авторами литературных сочинений. Есть и другая точка зрения, согласно которой *ном* стал употребляться со второго века н. э.⁵ Высказываются предположения, что во II—IX вв. на *номе* был написан ряд текстов, в том числе, «житийные» биографии (сюда относят записи двух типов: они велись как в общественных поминальных храмах и пагодах, так и в семейных поминальных храмах знатных вьетских родов), храмовые биографии буддийских наставников⁶. Как свидетельствуют сохранившиеся источники, вплоть до XV в. *ном* не получил широкого распространения, большинство сочинений писалось на *ханване*.

Для становления вьетнамской литературы большое значение имела не только иероглифическая письменность, но и разнообразные жанры китайской

¹ Деоник Д. В. Проблема сходства культур Вьетнама, Кореи и Японии // Традиционный Вьетнам. — М., 1996. — Вып. 2. — С. 42, 48.

² *Văn Tân v.v. Sơ thảo lịch sử văn học Việt Nam*. Т. 2. — Hà-nội, 1957—1960. — Тг. 11.

³ Леонов К. Ю. Ном в системе некитайской иероглифики Дальнего Востока // Традиционный Вьетнам. — М., 1996. — Вып. 2. — С. 202.

⁴ Очерки истории Вьетнама. — Ханой, 1978. — С. 5.

⁵ Познер П. В. Древний Вьетнам. Проблемы летописания. — М., 1980. — С. 85.

⁶ Там же. — С. 117—118.

словесности — поэзии и прозы. По мнению Д. В. Деопика, среди неэкспортабельных элементов китайской культуры, отсутствие которых объединяет культуру Вьетнама, Кореи и Японии, были высшие жанры литературы о государстве: династийные хроники китайского типа, подробно рубрицированные географические описания и т. п. (кроме Кореи). Зато порой воспринимались и получали широкое распространение периферийные в китайской книжной традиции литературные жанры, как например, рассказы о духах, об удивительном и необычайном⁷. Китайская цивилизация в значительной степени выступала в качестве оформителя вьетнамского материала, который во многом тяготел к традиции Юго-Восточной Азии.

Связь культур народов Вьетнама и стран Юго-Восточной Азии обнаруживается в памятниках материальной культуры, в музыке и т. д. В литературе, например, в сюжетах рассказов из средневековых сборников прозы (в частности, из «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» (Линь нам чить куай, редакторы Ву Куинь и Киеу Фу), запечатлелись предания, связанные с тайским государством Наньчао, Тямпой⁸.

Влияние традиций Юго-Восточной Азии Б. Л. Рифтин усматривает и в распространении во Вьетнаме в XVII—XVIII вв. поэм — *чуенов*. Эти поэмы заняли в истории национальной литературы то самое место, которое по общерегиональной модели развития, казалось бы, предназначено было народным повестям. У всех же народов Юго-Восточной Азии развитие повествовательности шло в поэтических формах — сюжетных поэмах⁹.

Как отмечает Н. И. Никулин, вьетнамцы приобщились и к индийской культуре¹⁰. В X—XII вв. в религиозной жизни страны были элементы индуизма, которые наложились на местные культы¹¹. Обнаруживаются следы воздействия на вьетнамскую средневековую новеллу легенд кришнаитского цикла, мифов об Индре¹². Французский ученый Э. Юбер сопоставляет «Рассказ о Зя Тхоа-*вьонге*» из вьетнамского средневекового сборника «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» с одним из эпизодов Рамаяны¹³. Воздействие индийской литературы на вьетнамскую средневековую новеллу обнаруживается на уровне заимствования сюжета, мотива, образа¹⁴.

Однако проблемы связей Вьетнама с культурами Индии, стран Юго-Восточной Азии еще ждут глубоких и всесторонних исследований¹⁵.

⁷ Деопик Д. В. Проблема сходства... С. 47.

⁸ Никулин Н. И. Вьетнамская литература X—XIX вв. — М., 1977. — С. 16.

⁹ Рифтин Б. Л. Классическая проза Дальнего Востока // Классическая проза Дальнего Востока. — М., 1975. — С. 12.

¹⁰ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 16.

¹¹ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета» во вьетнамской историографии // Краткая история Вьета. — М., 1980. — С. 74.

¹² Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 130—132.

¹³ Huber E. Etudes indochinoises. La legende du Ramayana en Annam // BEFEO. — Hanoi, 1905. — T. V. — P. 163.

¹⁴ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 132.

¹⁵ Отметим, что на эту тему написаны представляющие значительный интерес работы, например: Нгуен Ван Хоан, Никулин Н. И. Взаимосвязи культуры вьетов и других народов Юго-Восточной Азии // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1983; Парникель Б. Б. О фольклорном родстве народов Юго-Восточной Азии // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1983; Việt Nam — Đông-Nam Á. Quan hệ lịch sử văn hoá. — Hà-nội, 1993; Đình Gia Khánh. Văn hóa dân gian Việt Nam trong bối cảnh văn hóa Đông Nam Á. — Hà-nội, 1993.

У истоков вьетнамской прозы малых форм

Литература, как правило, имеет в основе местную фольклорную традицию. Существовавшие во Вьетнаме храмовые записи рассказов о духах (тхан фа), возможно, представляли собой раннюю фиксацию фольклорных сюжетов, связанных с местными культами. Как отмечают вьетнамские литературоведы, в этих записях излагались сведения о происхождении духов и некоторые события, с ними связанные. Сюда относились, например, повествования о духах прославившихся героев, истории духов-покровителей общин¹⁶.

Кроме того, во Вьетнаме были распространены семейные записи родословные (зя фа), которые, как свидетельствуют исследователи, составлялись рядом семей и родов¹⁷. Хранились эти биографии в поминальных храмах предков¹⁸. Известно также о существовании ныне утраченных «Нефритовых анналов» (Нгок диеп) — родословных царствующих домов. Они были составлены в 1026 г. по велению императора Ли Тхай-то (1010–1028) и в 1267 г. согласно приказу государя Чан Тхан-тонга (1258–1278).

Как пишет П. В. Познер, храмовые биографии, несмотря на ярко выраженную религиозную окраску, могут рассматриваться в рамках историографической традиции, т. к. в XV в. их основные сюжеты вошли в состав официальных вьетнамских летописных сводов. Ряд текстов храмовых биографий сохранился до наших дней¹⁹.

К ранним формам повествовательной прозы можно отнести эпиграфику — надписи на каменных стелах, медных колоколах и т. д. Среди типов вьетнамской эпиграфики А. Л. Федорин выделяет общинную, родовую и государственную²⁰. Один из ранних прозаических жанров *ки* — «записи», возможно, начался с надписей на стелах.

Высказывается предположение, что первым эпиграфическим памятником является так называемая «Стела с записью заклинания Будды», датированная 973 г. Этот восьмигранный каменный столб, поверхность которого покрыта письменами на *ханване* и санскрите, был найден на месте древней столицы Хоалы (пров. Ханамнинь)²¹. Среди наиболее древних памятников эпиграфики, сохранившихся до наших дней, можно назвать стелу при пагоде Баоан на горе Анхоать, стелу Баонинь Шунгфук, стелу Линьсыннг на горе Нгьонгшон (все они датированы XII в.).

Текст надписи обычно начинается с философского вступления, в котором выражается основная идея произведения. Затем излагается родословная и биография героя, перечисляются его наиболее известные деяния (в том числе и сооружения храма). Автор повествует также о создании надписи. Как правило, текст завер-

¹⁶ *Văn Tân* v.v. *Sơ thảo...* Т. 2. — Hà-nội, 1957—1960. — Тр. 36.

¹⁷ Там же. — Тр. 35—36.

¹⁸ *Познер П. В.* Древний Вьетнам... С. 125.

¹⁹ Там же. — С. 152.

²⁰ *Федорин А. Л.* Вьетнамская эпиграфика как исторический источник по периоду позднего средневековья и нового времени: Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1993. — С. 15.

²¹ *Чинь Хак Мань.* Становление и развитие вьетнамской эпиграфики и ее место в средневековой словесности Вьетнама: Автореф. дис. канд. фил. наук. — М., 1990. — С. 8.

шается резюмирующим стихотворением²². В ранний период — в эпоху Ли — Чан (1010—1400) — эпиграфические надписи напоминали традиционный биографический жанр *чуен* (кит. чжуань)²³. Обычно они были связаны с буддизмом.

Буддизм (махаяна) сыграл большую роль в культурном развитии страны. В процессе становления вьетнамской прозы буддизм в определенной степени явился собирателем и хранителем местной фольклорной традиции. Некоторые житийные рассказы, отмечает Н. И. Никулин, имеют фольклорную, сказочно-мифологическую основу, сквозь буддийский сюжет просвечивает мифолого-легендарный архетип²⁴.

Видный исследователь вьетнамского буддизма Чан Ван Зяп называет ранний период — с начала III в. н. э. до конца VI в. н. э. — триумфом индийского буддизма. В конце VI в. во Вьетнаме получила распространение одна из буддийских школ — *дхьяна* (вьет. тхиен). Впоследствии возникали как новые направления в рамках *тхиен*, так и другие школы. К XI в. буддизм во Вьетнаме достиг расцвета; школа *тхиен* имела большое значение для Вьетнама, отмечается ее тесная связь с *дхьяной* китайского толка — школой *чань*²⁵. При буддийских монастырях и храмах развивалась житийная литература.

В эпоху Ли — Чан буддизм пользовался большим влиянием. В это время многие императоры проповедовали буддизм, писали философские трактаты, и даже становились патриархами той или иной школы. Буддизм имел своеобразную окраску, он был деятельным, редко слышались призывы к уходу от жизни. Многие священнослужители владели землями и крестьянами, они принимали активное участие в политической жизни страны, государи часто внимали их советам. Буддизм в этот период, особенно, в эпоху Ли (1010—1225), был связан с патриотическими устремлениями вьетнамцев.

П. В. Познер обратил внимание на то, что в библиографии вьетнамских сочинений, составленной известным французским исследователем Э. Гаспардоном, среди произведений, появившихся в 1036—1300 гг. названы семнадцать больших буддийских трактатов и ни одного конфуцианского²⁶. Поскольку в тот момент буддийские монахи составляли большинство грамотных, образованных людей, они, в основном, и создавали письменные сочинения.

Среди разнообразных буддийских произведений, касающихся буддийской службы, объясняющих канон, трактующих философские проблемы и т. д., выделяется ряд биографических сочинений, в которых излагаются жизнеописания монахов. Эти сочинения оказали значительное влияние на становление художественной прозы Вьетнама и, по словам Н. И. Никулина, были одним из источников формирования новеллы²⁷.

Многие ранние вьетнамские произведения не сохранились до наших дней. Исследователям известны только названия, а об их содержании можно судить по свидетельству авторов более позднего времени. Некоторые из утраченных буддийских сочинений, судя по заголовкам, представляли собой сборники биографий монахов. Это, например, «Собрание смешанных записей о монахах»

²² Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 26.

²³ Чинь Хак Мань. Становление и развитие... С. 11.

²⁴ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 124.

²⁵ Tran Van Giap. Le buddhisme en Amman des origines au XIII siecle // BEFEO. — Hanoi, 1932. — Т. XXXII. — Р. 256.

²⁶ Познер П. В. Древний Вьетнам... С. 77.

²⁷ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 124.

(Танг зя тап лук), составленное монахом Бао Зяком, жившем в конце XI — начале XII в. Сочинение состояло из тридцати книг. Монахом Тхыонг Тиеу (XII в.) написано произведение «О преемственности закона южной школы» (Нам тон ты фап до). Э. Гаспардон характеризует его как утраченную историю вьетнамского буддизма²⁸. К периоду до XV в. вьетнамские исследователи относят «Записи о школе *тхиен* в стране Юга» (Нам минь тхиен лук)²⁹, точная дата создания неизвестна. Согласно Фан Хюи Тю, историографу начала XIX в., в этом труде, состоявшем из трех книг, содержались детальные жизнеописания монахов на протяжении ряда династий³⁰. Предположительно, в конце правления династии Ли — начале правления династии Чан было написано «Повествование о воздаянии за совершенство» (Бао кык чуен). Автор его неизвестен. Выдержки из этого произведения включены в сборники «О таинственных силах и духах земли Вьет» и «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор», и только эти фрагменты могут дать представление о содержании сочинения. Вероятно, в нем были рассказы о духах, которые, по предположению А. Б. Полякова, отражают местные народные верования, находившиеся под сильным влиянием буддизма³¹.

Необходимо иметь в виду, что некоторые ранние буддийские сочинения XI—XIV вв. стали нам известны благодаря интересу к письменному наследию и его изучению, характерному для культурной жизни Вьетнама середины XVII—XVIII вв. Однако, по словам современных вьетнамских ученых, люди, которые разыскивали древние произведения, стремились только лишь к более широкому распространению буддизма³². Отдельные ранние буддийские сочинения подвергались добавлениям и изменениям и уже в таком виде пришли к современному читателю.

Вероятно, не избежал переработки один из значительных памятников буддийского жизнеописания «Собрание выдающихся праведников из сада *тхиен*» (Тхиен уиен тап ань), современным исследователям известен не первоначальный вариант, а более поздние издания, одно из которых, например, датировано 1715 г.³³ Автор сочинения не установлен. Оно написано в период правления династии Чан: фамилия Ли в тексте заменена на Нгуен³⁴. Для более точной датировки всего произведения наиболее мотивированной кажется приведенная Э. Гаспардоном последняя дата из источника — 1228 г. (из биографии монаха Тхонг Ши)³⁵. С утверждением Э. Гаспардона соглашаются и российские исследователи, т. к. никаких событий и жизнеописаний позднее этой даты в произведении нет, а 1337 г.³⁶ выглядит как поздняя приписка, возникшая в ходе последующего редактирования источника³⁷.

²⁸ *Gaspardone E.* Bibliographie annamite // BEFEO. — Hà-nội, 1934. — Т. XXXIV. — Р. 139.

²⁹ *Văn Tân v.v.* Sơ thảo... Т. 2. — Tr. 37.

³⁰ *Phan Huy Chú.* Lịch triều hiến chương loại chí. Т. 4. — Hà-nội, 1960—1961. — Tr. 126.

³¹ *Поляков А. Б.* Место «Краткой истории Вьета»... С. 35.

³² *Thơ văn Lý — Trần.* Т.1. — Hà-nội, 1977. — Tr. 124.

³³ *Gaspardone E.* Bibliographie annamite... Р. 140.

³⁴ После того, как во Вьетнаме пришел к власти первый государь династии Чан, сменивший династию Ли, фамилия Ли стала запретной. Люди, носившие ее, вынуждены были заменить Ли на Нгуен; делалось это для того, чтобы истребить даже память о прошлой династии.

³⁵ *Gaspardone E.* Bibliographie annamite... Р. 142.

³⁶ Гипотеза о написании «Собрания выдающихся праведников из сада тхиен», выдвинутая Чан Ван Зяпом.

³⁷ *Поляков А. Б.* Место «Краткой истории Вьета»... С. 38

Фан Хюи Тю отмечает, что сочинение «...состоит из шести книг..., в нем приводятся жизнеописания монахов, представлены направления *тхиен* в нашей стране с конца династии Тан (618—907 — Е. К.), во времена правления династии Динь (968—980 — Е. К.), Ле (980—1009 — Е. К.), вплоть до династий Ли и Чан»³⁸.

В «Собрание выдающихся праведников из сада *тхиен*» входят сорок одна биография известных буддийских подвижников различных направлений *тхиен*. В повествование включены наставления монахов ученикам, стихи, сочиненные монахами, среди которых встречаются *ке* (кит. цзи) — короткие стихотворные поучения, сходные с буддийскими *гатха*, по содержанию представляющие собой поэтические «резюме» проповедей³⁹.

Историчность приведенных в этом сочинении сведений не подвергается сомнению, в частности, на его основе Чан Ван Зяп написал крупнейшую работу о вьетнамском буддизме⁴⁰. Возможно, такого рода вьетнамские биографии сходны с китайскими жизнеописаниями монахов, которые, как отмечает, М. Е. Ермаков, по степени достоверности отличаются от христианской агиографии и принадлежат к китайской книжной культуре, продолжают традицию и следуют нормам официальной китайской историографии⁴¹.

В ряде жизнеописаний ощущается влияние устного народного творчества. Как отмечают вьетнамские исследователи, живые подробности в рассказах о Зыонг Кхонг Ло и особенно Нгуен Минь Кхонге близко соотносятся с эпизодами из народных рассказов об этих лицах, которые еще и в настоящее время встречаются на равнинах и в срединных районах Бакбо⁴². В некоторых историях речь идет о чудесных событиях, монахи предстают людьми, владеющими искусством волшебства. Такие жизнеописания, повествующие о необычайном и удивительном, вероятно, вызывали особый интерес, и поэтому были перенесены в последующие собрания рассказов, носившие уже, в основном, светский развлекательный характер. Этому способствовало также то, что, как отмечают вьетнамские литературоведы, ряд биографий отличались живым языком и определенными литературными достоинствами⁴³. Возможно, жизнеописания монахов из «Собрания выдающихся праведников из сада *тхиен*» использовали авторы «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» и поздних добавлений к сборнику «О таинственных силах и духах земли Вьет», а также Хо Нгуен Чынг при написании «Снов Южного старца»⁴⁴.

К сочинениям, первоначальный вариант которых подвергся значительным изменениям, примыкают «Истинные записи о трех патриархах» (Там то тхык лук). Произведение состоит из одной книги, в заглавие входит сочетание слов,

³⁸ Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí... Т. 4. — Тр. 119.

³⁹ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 45.

⁴⁰ Tran Van Giap. Le buddhisme en Annam...

⁴¹ Ермаков М. Е. «Гао сэн чжуань» и агиографическая традиция // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (Краткие сообщения). — М., 1977. — С. 112—118.

⁴² Nguyễn Quang Vinh. Hình bóng người and hùng sáng tạo văn hóa trong truyền thuyết dân gian Không Lộ // Tạp chí văn học. — 1974. — № 1. — Тр. 62—63.

⁴³ Đình Gia Khánh. Văn học Việt Nam thế kỷ X nửa đầu thế kỷ XVIII. Т. 1. — Н., 1978. — Тр. 195; 200.

⁴⁴ Что же касается последнего сочинения, нужно сделать оговорку, что если автор действительно опирался на биографии из «Собрания выдающихся праведников из сада *тхиен*», то он не всегда точно следовал оригиналу.

характерное для исторических сочинений — *тхык лук* — «истинные записи»⁴⁵. В нем приводятся жизнеописания трех патриархов школы *тхиен*: императора Чан Нян-тонга (1279—1293), монахов Фап Лоа и Хюйен Куанга, в текст включены многие их стихотворения. Некоторые вьетнамские литературоведы относят время создания «Истинных записей о трех патриархах» к XIII—XIV вв.⁴⁶

В настоящее время наука располагает только текстом 1765 г. Вьетнамские ученые отмечают, что данный текст появился в результате трудов монахов Куанг Диена, Хай Лыонга и некоторых других лиц XVIII в., которые предприняли попытку реконструировать утраченные «Истинные записи о трех патриархах», используя для этого сохранившиеся памятники⁴⁷. Так, первая биография — Чан Нян-тонга — заимствована из другого сочинения — «Записей о передаче светильников совершенномудрыми» (см. о нем далее), в основном, там описываются поучения этого императора и его беседы с учениками. Второе жизнеописание является копией стелы XIV в. в одной из пагод. Повествование ведется в хронологическом порядке и состоит из краткого перечня событий жизни патриарха Фап Лоа. Что же касается третьего жизнеописания, то его прямого источника вьетнамские исследователи не обнаружили, они считают его произведением, обладающим определенной самостоятельностью и поэтому не похожим на другие биографии этого сочинения. Само название — «Истинные записи о трех патриархах» тоже, вероятно, не совпадает с первоначальным⁴⁸. Этот реконструированный памятник, скорее всего, следует рассматривать как литературное явление XVIII в. — времени, когда он фактически был создан.

Сочинение «Записи о передаче светильников совершенномудрыми» (Тхань данг лук) предположительно относится к эпохе Чан. Самый ранний вариант, которым располагают современные исследователи, датирован 1750 г. Произведение содержит биографии пяти крупных буддийских деятелей — императоров династии Чан — Чан Тхай-тонга (1225—1258), Чан Тхань-тонга (1258—1278), Чан Нян-тонга (1279—1293), Чан Ань-тонга (1293—1314), Чан Минь-тонга (1314—1329). В тексты жизнеописаний включено много стихов, различных исторических документов, писем. Отдельные вьетнамские литературоведы высказывают мнение, что, возможно, первоначально в это сочинение входил ряд других жизнеописаний известных монахов школы *тхиен* эпохи Чан. Уже впоследствии для того, чтобы сократить содержание и подчеркнуть значимую роль императоров, почитавших буддизм, из этого сборника были извлечены биографии других персонажей⁴⁹.

Буддийская традиция во Вьетнаме, как и в прочих странах Юго-Восточной Азии, проявилась также в произведениях не только религиозного, но и исторического характера⁵⁰.

Вьетнамские исследователи предполагают, что историки, записывающие события, касавшиеся правителя и его окружения, существовали при императорском дворе уже в начале эпохи независимости (т. е. начиная с X в. — периода

⁴⁵ Под термином *тхык лук* — «истинные записи» — обычно подразумевались анналы из года в год систематически писавшиеся при дворе императора и служившие основой для летописных сводов. Поляков А. Б. ... С. 33.

⁴⁶ Thơ văn Lý — Trần... Т. 1. — Тр. 118.

⁴⁷ Там же. — Т. 1. — Тр. 119.

⁴⁸ Thơ văn Lý — Trần... Т. 1. — Тр. 118, 121.

⁴⁹ Там же. — Т. 1. — Тр. 122—124.

⁵⁰ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»... С. 96.

расцвета буддизма во Вьетнаме)⁵¹. Примером раннего буддийского исторического сочинения могут служить «Исторические записки» (Ши ки) До Тхиена (XII в.), которые не дошли до наших дней. Есть предположение, что этот памятник был использован при создании летописи «Краткая история Вьетна»⁵². Упоминание об «Исторических записках» мы встречаем в последующих сочинениях, например, в сборнике «О таинственных силах и духах земли Вьет».

Однако буддийская историческая традиция занимала ведущее положение во Вьетнаме только до XIII в. Начиная с XIII в. все летописи уже писались чиновниками-конфуцианцами⁵³.

Конфуцианство проникло во Вьетнам во времена эпохи зависимости от Китая. В этот период в стране изучались конфуцианские канонические книги. Конфуцианство насаждали и китайские наместники, среди которых наибольшей активностью отличался Ши Цзю (вьет. Си Ниеп 187—226)⁵⁴.

В начальный период эпохи Ли — Чан конфуцианство не имело значительного влияния. Стоит отметить, что в 1169 г. при императоре Ли Ань-тонге впервые были введены конкурсные экзамены по дисциплинам *там дао* — «трех религий»: буддизму, конфуцианству и даосизму.

В конце правления династии Чан политическое влияние буддизма было ограничено. После отражения нападения Китая и прихода к власти династии Ле (1428—1788) могущество Вьетнама возросло, укрепилась его независимость. Конфуцианство стало официальной идеологией. Оно оказало воздействие и на вьетнамскую историческую традицию. Исторические сочинения способствовали формированию жанра средневековой новеллы⁵⁵. Авторы различных прозаических сборников даже позднего времени обращались к ним — брали темы для ряда рассказов, а также своих героев — известных исторических лиц. Кроме того, в ряде случаев писатели стремились придать черты историчности своим рассказам о необычайных событиях, представить героев, в них участвовавших, как исторических личностей.

Как сообщают исследователи, точно известно о существовании при династии Чан Ведомства истории⁵⁶. Возможно, в этом Ведомстве и были созданы первые конфуцианские исторические труды.

Вьетнамские исторические сочинения, в отличие от трудов китайских историков, составленных по образцу «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня, не имеют деления на главы, посвященные трактатам, географии и т. д.⁵⁷ Нет в них также разделов, посвященных биографиям. Во вьетнамской исторической литературе создавались отдельные сочинения, представляющие собой «жизнеописания» или «биографии»⁵⁸, некоторые биографии были включены в состав официальных придворных летописных сводов⁵⁹, размещались они прямо в тексте летописи.

⁵¹ *Văn Tân* v.v. *Sơ thảo...* Т. 2. — Тр. 35.

⁵² Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьетна»... С. 99.

⁵³ Там же. — С. 93.

⁵⁴ *Văn Tân* v.v. *Sơ thảo...* Т. 2. — Тр. 11—12, 20.

⁵⁵ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 122.

⁵⁶ *Văn Tân* v.v. *Sơ thảo...* Т. 2. — Тр. 35.

⁵⁷ Исключение составляет произведение Ле Чака (см. далее текст).

⁵⁸ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьетна»... С. 21.

⁵⁹ Познер П. В. Древний Вьетнам... С. 153.

В эпоху Ли — Чан, особенно в начальный период, судя по известным нам памятникам, традиция сборников светских биографий не была широко развита. Связано это, возможно, с господством буддизма и недостаточным влиянием конфуцианства (ср. широкое распространение в это время жизнеописаний буддийских подвижников, о которых речь шла выше). Незрелость светской биографии сближает Вьетнам с другими странами Юго-Восточной Азии. В книжной классике Индокитая, например, по словам Ю. М. Осипова, как будто, отсутствуют биографические жанры. Эта лакуна, поясняет исследователь, отчасти восполняется материалами хроник, где могут быть сведения о жизни почитаемых личностей — преимущественно правителей, реже полководцев, министров, литераторов и пр. Вместе с тем в этих странах существует область агиографии⁶⁰.

Многие ранние вьетнамские исторические труды не сохранились до наших дней. Исследователи, опираясь на свидетельства более поздних источников, отмечают, что некоторые из ранних исторических сочинений имели конфуцианскую направленность⁶¹. Это, например, летопись «Исторические записки о Великом Вьете» (Дай вьет ши ки), ее автор — Ле Ван Хью завершил свою работу над ней в 1272 г. Сохранились лишь отрывки произведения (и комментарии Ле Ван Хью), которые приводятся в более поздней летописи «Полное собрание исторических записок» (Ши ки тоан тхы), составленной в XV в. Нго Ши Лиеном.

Не дошли до нашего времени и «Истинные записки о возрождении» (Чунг хынг тхык лук). Как полагает Фан Хюи Тю, сочинение рассказывало о борьбе с монгольским завоеванием и состояло из двух книг⁶². А. Б. Поляков высказывает предположение, что основная часть трактата состояла из жизнеописаний воинов или военачальников, совершивших подвиги в сражениях⁶³.

В XIV в. написано также ныне утраченное «Описание поколений вьетнамского юга» (Вьет нам тхе ти). Автором его был Хо Тон Тхок, поэт и прозаик, создавший также несколько других исторических сочинений. Согласно Фан Хюи Тю, это произведение состояло из двух книг, в первой рассказывалось о правлении восемнадцати государей династии Хунг-выонгов (2879—258 гг. до н. э.), а во второй — о государях династии Чиеу (207—111 гг. до н. э.)⁶⁴. Вероятно, Хо Тонг Тхок первым в историческом сочинении описал развернутую генеалогию Хунг-выонгов⁶⁵. Из «Описания поколений вьетского юга» сохранилось только авторского предисловие, в котором Хо Тон Тхок пишет, что он часто спрашивал о прошлом, выслушивал рассказы стариков и, основываясь на традиции и наследии прошлого, составил свое сочинение⁶⁶. Вьетнамские литературоведы высказывают мнение, что, возможно, «Описание поколений вьетского юга» и было тем предшествующим сочинением, на которое опирались Ву Куинь и Киеу Фу при создании своего сборника⁶⁷.

⁶⁰ Осипов Ю. М. Литературы Индокитая. Жанры, сюжеты, памятники. — Л., 1980. — С. 92.

⁶¹ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»... С. 29.

⁶² Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 116.

⁶³ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»... С. 33.

⁶⁴ Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 118.

⁶⁵ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»... С. 32.

⁶⁶ Thơ văn Lý — Trần... Т. 3. — Тр. 77.

⁶⁷ Thơ văn Lý — Trần... Т. 3. — Тр. 77.

Древнейшим из дошедших до нас вьетнамских исторических произведений является летопись «Краткая история Вьета» (Вьет ши лыок). Это сочинение стало предметом детального исследования российского ученого А. Б. Полякова. Он пришел к выводу о неоднородности составных частей «Краткой истории Вьета». Основой первой и второй книг является другое, более раннее произведение; наиболее вероятным автором которого мог быть До Тхиен⁶⁸. Первая книга носит, в основном, компилятивный характер, а во второй отчетливо ощущаются буддийские мотивы⁶⁹. Влияние буддизма сказывается не только в упоминании фактов, свидетельствующих о распространении этого учения в стране. Это ощущается и в подаче материала. Например, как заметил Н. И. Никулин, «дурной» государь Ле Лонг Динь обрисован злодеем прежде всего с буддийской точки зрения. Он представлен как фигура кощунственная, как человек, находящийся наслаждение в нарушении первой из буддийских заповедей, которая запрещает убивать живое⁷⁰. По мнению А. Б. Полякова, автором третьей книги, вероятно, был чиновник-конфуцианец, эта часть выдержана в чисто конфуцианском духе и содержит критику буддизма. Исследователь предполагает, что «Краткая история Вьета» была завершена во второй четверти XIII в., и в ней, единственной из всех вьетнамских исторических сочинений, отразился переход от буддийской исторической традиции, преобладавшей в X–XII вв., к конфуцианской⁷¹.

В 1333 г. были завершены «Краткие записи об Аннаме» (Ан нам ти лыок). Автор этого труда — Ле Чак, находился в это время на службе в Китае. По форме сочинение отличается от остальных вьетнамских исторических произведений, написанных до XVI в. и, как отмечает А. Б. Поляков, больше напоминает китайские хроники. Ряд глав в нем посвящен географии, дипломатическим отношениям, отраженным в официальных документах, экономике, биографиям выдающихся людей, поэзии⁷². Все последующие вьетнамские историографы игнорировали это произведение по причине прокитайских настроений Ле Чака, отразившихся в его хронике⁷³.

В связи с проблемой формирования художественной прозы следует обратить внимание на один из значительных исторических памятников XV в. — «Истинные записи о Ламшоне» — (Лам шон тхык лук). Некоторые вьетнамские литературоведы приписывают их создание известному общественному деятелю, поэту, прозаику Нгуен Чаю (1380–1442); другие считают их автором Ле Лоя (1428–1433) — основателя императорской династии Ле (1428–1788)⁷⁴. Сочинение состоит из трех книг и представляет собой описание событий, связанных с борьбой против китайского господства, вплоть до изгнания врагов из Вьетнама (1414–1428).

В начале произведения рассказывается о предках Ле Лоя и чудесном рождении императора — дом наполнил красный свет, и распространился чудный аромат⁷⁵. В детстве Ле Лой, как сообщает автор «Истинных записей о Ламшоне», имел чудесный облик, сверкающие глаза, лицо дракона, двигался как дракон,

⁶⁸ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»... С. 52.

⁶⁹ Там же. — С. 99.

⁷⁰ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 119.

⁷¹ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»... С. 99–100.

⁷² Там же. — С. 30.

⁷³ Там же. — С. 31.

⁷⁴ Trần Văn Giáp. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm. T.1. — Hà-nội, 1970. — Tr. 48

⁷⁵ Nguyễn Trãi. Toàn tập. — Hà-nội, 1976. — Tr. 45.

ходил как тигр, шерсть была по всему телу, голос напоминал звук большого колокола, а сидел он как тигр⁷⁶. Вьетнамский император, реальное историческое лицо, представлен как человек, от природы наделенный необыкновенными чертами, при этом можно отметить, что его необыкновенность описывается по китайским историографическим и литературным образцам.

Некоторые события в «Истинных записях о Ламшоне» связаны с народными преданиями, например, упоминается о чудесном мече Ле Лоя, который помог ему одолеть врагов. Описываются сцены из жизни героев, в частности, в одном эпизоде рассказывается о том, как Ле Лой предложил одному из своих военачальников в предстоящем бою поменяться с ним одеждой и назваться его именем. Такая уловка нужна была для того, чтобы китайцы схватили этого человека и подумали, что раз вождь пойман, то восстание обезглавлено. А вьетнамские войска выиграли бы время для отдыха. Только Ле Лай, один из приближенных Ле Лоя, согласился на такое предложение.

Вьетнамские исследователи отмечают, что «Истинные записи о Ламшоне» представляют собой не только исторический источник, но и обладают достоинствами художественного сочинения⁷⁷.

Определенный этап в развитии вьетнамской историографии связан с летописным сводом Нго Ши Лиена «Полное собрание исторических записок», составленным в 1479 г. Этот труд опирался на предшествующие сочинения Ле Ван Хыу и Фан Фу Тиена. В XVII в. летопись Нго Ши Лиена была продолжена, весь свод получил название «Полное собрание исторических записок о Великом Вьете» (Дай вьет ши ки тоан тхы), под этим заголовком обычно и упоминается сочинение Нго Ши Лиена.

Сочинение представляет собой летописный свод, единицей изложения которого является погодная статья⁷⁸, в конце каждого смыслового куска, чаще всего в конце главы, Нго Ши Лиен поместил авторские «высказывания» по образцу Сыма Цяня⁷⁹. Сочинение охватывает историю страны от династии Хунг-вьонгов до 1675 г.

Нго Ши Лиеном впервые, если судить по сохранившимся источникам, были включены в исторический труд легендарные сведения по древней истории страны. Это, например, история об Ан Зьонг-вьонге, рассказ о сватовстве духа Гор и духа Вод к дочери правителя Хунга и т. д. Как замечает П. В. Познер, о легендарных событиях рассказывается в разделе «Внешние записи», а в качестве источника по этой части Нго Ши Лин называет «Семейные записи»⁸⁰.

Исторические сочинения, буддийские и конфуцианские, стояли у истоков вьетнамской развлекательной прозы не только потому, что в них включался сюжетный материал. Многим героям, о которых писали авторы исторических сочинений, их выдающимся деяниям и необычайным событиям жизни посвящены рассказы в более поздних собраниях прозы. Кроме того, писатели-прозаики сохраняли в своих произведениях исторический принцип изображения героя и события. Персонажами, как правило, являлись реальные лица, а описываемые события были представлены как происходившие в действительности, поэтому в рассказах обычно указаны время и место.

⁷⁶ Там же. — Тр. 45.

⁷⁷ *Đình Gia Khánh. Văn hóa dân gian Việt Nam...* Т. 1. — Тр. 523.

⁷⁸ *Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»...* С. 24.

⁷⁹ *Познер П. В. Древний Вьетнам...* С. 123.

⁸⁰ *Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»...* С. 24.

Исторический подход к материалу особенно заметен в трех ранних собраниях прозы малых форм — «О таинственных силах и духах земли Вьет», «Снах Южного старца», «Описании удивительного земель, расположенных к югу от гор».

«О таинственных силах и духах земли Вьет»

Произведения средневековой исторической прозы, замечает Н. И. Никулин, имеют функционально-практическое назначение — служить собранием назидательных исторических примеров и в этом смысле быть «памятью государства»⁸¹. В сочинениях, стоящих у истоков художественной прозы, тоже можно выделить стремление сохранить для последующих поколений деяния героев прошлого. Одним из таких произведений является сборник «О таинственных силах и духах земли Вьет»⁸² (Вьет диен у линь), завершённый Ли Те Сюйеном в 1329 г. О Ли Те Сюйене ничего не известно, кроме его должностей, отмеченных в авторском предисловии, из которых явствует, что он занимал довольно значительные государственные посты.

Вьетнамский литературовед Динь Зя Кхань высказывает предположение, что фактическим составителем сборника «О таинственных силах и духах земли Вьет» был автор, живший в эпоху Ли, а Ли Те Сюйен лишь переработал и дополнил его сочинение⁸⁴. Однако в предисловии сам Ли Те Сюйен ничего не говорит о своих предшественниках.

Сочинение «О таинственных силах и духах земли Вьет» впоследствии неоднократно дополнялось, к нему писались предисловия, сочинение редактировалось и комментировалось. В сборник Ли Те Сюйена включали рассказы из других произведений, например, из «Собрания выдающихся праведников из сада тхиен». В настоящее время в Научной Библиотеке в Ханое хранится восемь списков сборника «О таинственных силах и духах земли Вьет», количество рассказов в них варьируется от тридцати двух до восьмидесяти восьми⁸⁵.

О первоначальном составе произведения Ли Те Сюйена среди вьетнамских средневековых ученых не было единого мнения. Так, по свидетельству Ле Куи Дона, в него входило двадцать рассказов, а Фан Хюй Тю называл другую цифру — двадцать восемь⁸⁶. Э. Гаспардон указывает на существование двадцати семи первоначальных рассказов⁸⁷.

⁸¹ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 87.

⁸² Это сочинение хорошо исследовано. В частности, рассказы из сборника стали основным материалом для диссертации Бан Тиен Тана «Повествовательный фольклор и становление средневековой вьетнамской новеллы», защищенной в 1983 г. в МГУ.

⁸³ Что касается фамилии автора — Ли — вьетнамский ученый Чан Ван Зяп обращает внимание на то, что династия Чан, при которой жил Ли Те Сюйен, запретила фамилию Ли. В связи с этим Чан Ван Зяп высказывает предположение, что запрет действовал только в начале династии Чан, а потом — в тот период, когда жил Ли Те Сюйен, о нем забыли. *Trần Văn Giáp. Lược khảo sách Việt điện u linh. // Tạp chí văn học. — 1968. — № 8. — Tr. 72.*

⁸⁴ *Đình Gia Khánh. Lời giới thiệu Việt điện u linh. — Hà-nội, 1960. — Tr. 4.*

⁸⁵ Подробнее об этом см. *Познер П. В. Древний Вьетнам... С. 100—110; Trần Văn Giáp. Lược khảo sách Việt điện u linh... Tr. 64—72.*

⁸⁶ *Gasparone E. Bibliographie annamite... P. 126.*

⁸⁷ Там же. — P. 126.

Рассказы из сборника озаглавлены и представляют собой истории происхождения и деяний того или иного духа. Материал обычно располагается в следующем порядке: 1. Правители. 2. Сановники. 3. Различные сверхъестественные силы, не связанные с людьми⁸⁸. Время действия относится к разным эпохам, но, как обратил внимание П. В. Познер, оно помечено не ранее 40 г. н. э.⁸⁹ Название рассказа состоит из пышных титулов духов, а имена собственные не упоминаются. В тексте есть стихотворные вставки.

В течение ряда веков после Ли Те Сюйена его сборник «О таинственных силах и духах земли Вьет» воспринимался как дополнительный исторический материал, нечто вроде неофициальной истории⁹⁰. Некоторые исследователи считают, что средневековые вьетнамские историки, например, Нго Ши Лиен, включали повествования из сочинения «О таинственных силах и духах земли Вьет» в свои труды⁹¹. Об историческом характере сборника Ли Те Сюйена писал Ле Куи Дон, который отмечал, что это сочинение содержит достоверные исторические сведения⁹².

В сочинении Ли Те Сюйена речь идет о духах. В своем предисловии он писал: «...В нашей стране издавна существует великое множество духов, которым поклоняются в храмах и кумирнях. Но оказывается, что таких, кто помогал государству и спасал народ, не так уж много. Есть разные духи, и они отличаются друг от друга: это божества гор и рек или же выделявшиеся сверхъестественными способностями личности, могущество которых проявлялось не только при их жизни, но и после смерти. Если не записать их истории, то трудно будет различать. Таким образом, прошу позволения, опираясь на «поверхностные» мнения и «низкие» слухи⁹³, составить сборник, чтобы запечатлеть истории духов минувших лет. Если же найдутся образованные люди, желающие исправить и дополнить мое сочинение, то сбудется мое самое заветное желание»⁹⁴.

Анализируя предисловие Ли Те Сюйена, можно сделать вывод, что автора интересует необычное, однако, это не просто необычное, а те духи, которые помогали государству и народу. Ли Те Сюйена привлекают не всякие удивительные деяния, а только социальные, важные для истории страны, которые он и стремился сохранить в памяти последующих поколений. Он специально подчеркивает, что при составлении своего сочинения использовал неофициальные материалы — «слухи» и «мнения».

⁸⁸ Там же. — Р. 126.

⁸⁹ Познер П. В. Древний Вьетнам... С. 98.

⁹⁰ Рифтин Б. Л. Зарождение и развитие классической вьетнамской новеллы // Повелитель демонов ночи. — М., 1969. — С. 196.

⁹¹ Рифтин Б. Л. Зарождение и развитие... С. 196. П. В. Познер замечает, что Нго Ши Лиен не упоминает сборник Ли Те Сюйена среди использованных сочинений, хотя ряд текстов в обоих произведениях почти дословно совпадают. В качестве источника по разделу «Внешние записи» Нго Ши Лиен приводит «Семейные записи», на которые в свое время, вероятно, опирался Ли Те Сюйен. Исследователь относит сборник Ли Те Сюйена Вьет к сочинениям буддийского характера и считает, что Нго Ши Лиен не ссылается на него из-за того, что неоконфуцианство (его сторонником был Нго Ши Лиен) рассматривало буддизм как «ложное учение». Познер П. В. Древний Вьетнам... С. 125.

⁹² Gaspardone E. Bibliographie annamite... Р. 128.

⁹³ Эта строка переведена согласно оригиналу, приведенному Э. Гаспардоном. Gaspardone E. Bibliographie annamite... Р. 126.

⁹⁴ *Lý Tế Xuyên*. Việt điện u linh. — Hà-nội, 1960. — Тр. 13.

Э. Гаспардон отмечал биографический принцип строения рассказов⁹⁵. Так, в начале повествования обычно указывалось, откуда герой родом, приводились его титулы, события изложены в хронологическом порядке и точно датированы. Каждый рассказ содержит значительное количество исторических фактов⁹⁶. Все эти особенности сближают сборник «О таинственных силах и духах земли Вьет» с историческими сочинениями. Кроме того, Ли Те Сюйен, подобно историкам, стремился документировать сведения, которые он приводит, поэтому в его сочинении много ссылок на источники. Это, например, «Повествование о воздаянии за совершенство» неизвестного автора, «Записки о Цзяочжоу» (Цзяо чжоу цзи) Чжао Чана, «Записки о Зяоти» (Зяо ти ки) неизвестного автора, «Исторические записки» До Тхиена, введение До Тхиена к «Запискам о Зяоти», «Неофициальная история Великого Вьета» (Дай вьет нгой ши) неизвестного автора. Все эти сочинения ныне утрачены.

При составлении своего сочинения Ли Те Сюйен опирался также на храмовые записи. Возможно, особая схема строения большинства рассказов объясняется влиянием этих записей: в первой части повествования говорится о герое до учреждения культа, а во второй следуют сообщения о его деяниях после установления культа, в конце рассказа приводятся даты пожалованных наград и титулов. Как правило, они относятся к первому, четвертому, двадцатому годам правления императора Чан Нян-тонга (1279—1293), когда были одержаны крупные победы (в первом и четвертом годах — над войсками монгольской династии Юань, а в двадцатом году — над Тямпой), в ознаменование которых духам и «помогавшим героям» были пожалованы многочисленные пышные титулы⁹⁷.

Ли Те Сюйеном были широко использованы произведения устного народного творчества. Как предполагает Бан Тиен Тан, в этом сборнике можно встретить влияние почти всех повествовательных фольклорных жанров и их разновидностей⁹⁸.

Герои многих рассказов — духи выдающихся лиц. Во Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока, всякий, кто прославился при жизни каким-либо подвигом или добрым делом, мог после смерти стать если не святым в полном смысле слова, то объектом почитания, зачастую полурелигиозного характера. В основе всего этого лежал культ предков⁹⁹. Интересно отметить, что в одном из рассказов из сборника «О таинственных силах и духах земли Вьет» деяние реального персонажа, благодаря которому он стал духом, даже не упомянуто. Сообщено только лишь, что этот человек был военачальником при императорах династии Ли, и однажды застигла его на реке сильная буря, ладья его затонула, и сам он погиб в волнах («Князь, провозвестник воли небес, преданный и доблестный, могучий и грозный»). В основном, реальные личности, герои рассказов Ли Те Сюйена — вьетнамцы, хотя можно встретить и жену тямпского короля, которая также почиталась во Вьетнаме за свое добродетельное целомудренное поведение («Жена, верная и неизменно следующая истинною стезей, целомудренная и доблестная, постоянная и грозная»).

⁹⁵ *Gaspardone E.* Bibliographie annamite... P. 127.

⁹⁶ *Познер П. В.* Древний Вьетнам... С. 98.

⁹⁷ *Рифтин Б. Л.* Зарождение и развитие... С. 200—201.

⁹⁸ *Бан Тиен Тан.* Повествовательный фольклор и становление средневековой вьетнамской новеллы: Автореферат дис. канд. фил. наук. — М., 1983. — С. 7.

⁹⁹ *Рифтин Б. Л.* Зарождение и развитие... С. 198.

Ряд героев из сочинения «О таинственных силах и духах земли Вьет» — легендарные, мифические персонажи, например, дух горы Танвиен и т. д. В сборнике Ли Те Сюйена можно встретить не только персонажей вьетнамской мифологии. Отдельный рассказ, хотя и очень маленький, почти без всякого сюжета, посвящен Князю-просо, вероятно, заимствованному из китайской мифологии («Небесный предок, хозяин земли Князь-просо»).

Собрание «О таинственных силах и духах земли Вьет» — это произведение авторской литературы, корни которой уходят в фольклор. В этом сочинении проявляется значительный интерес не только к историческим героям, но и к фантастическим персонажам, деяниям духов, т. е. к необычному.

«Сны Южного старца»

«Сны Южного старца» (Нам онг монг лук) — один из ранних вьетнамских прозаических сборников. В его название включено слово «сон». В европейской и русской литературах можно встретить произведения, в заглавия которых входит это слово (напр. «Сон в летнюю ночь» В. Шекспира, «Сон советника Попова» А. К. Толстого и др.). Писатели, например, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров описывали сны своих героев, пользуясь этим литературным приемом для того, чтобы передать психологическое состояние человека, лучше раскрыть перед читателем изображаемую личность. Однако слово «сон» в литературах этих стран особой смысловой нагрузки не несет и не вызывает у читателя никаких ассоциаций.

Для дальневосточного культурного региона понятие «сон» было более значимым. Сон стал объектом особых рассуждений адептов разных философских направлений и мистических школ, таких, например, как буддизм и даосизм. У даосов, в частности, со сном была связана медицинская, гадательная и алхимическая практика¹⁰⁰. Широкую популярность получила на Дальнем Востоке притча из трактата Чжуан-цзы о снившейся философу бабочке. Чжуан-цзы задает вечный, «гамлетовский» вопрос: «Как мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что цеплялся за жизнь?» И далее продолжает: «Тот, кто видел во сне, что пьет вино, наяву плачет; тот, кто во сне плакал, наяву едет на охоту. Когда спят, не сознают, что это сон; во сне даже отгадывают сны и, только пробудившись, понимают, что то был сон. Но бывает великое пробуждение, после которого сознают, что то был глубокий сон. А глупцы считают, что они бодрствуют и, вникая (во все), познают, кто царь, а кто пастух. Как (они) невежественны! (Вы оба), и Конфуций и ты, видите сны. Я, говорящий, что ты спишь, тоже сплю. Такие слова называют невероятными, но если пройдет тьма поколений, и найдется великий мудрец, который сумеет дать им объяснение, то покажется, что до встречи с ним прошли сутки»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Воскресенский Д. Н. Даосские мотивы в художественной прозе Китая (тема жизни-сна в литературе XVII в.) // Народы Азии и Африки. — 1975. — № 4. — С. 101, 107.

¹⁰¹ Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. Вст. ст., перевод и комментарий Л. Д. Позднеевой. — М., 1967. — С. 145—146.

Как отмечает Д. Н. Воскресенский, в китайской литературе сон стал важной темой и вошел во многие сюжеты произведений разных жанровых форм. В сунской антологии «Обширные записи годов Великого мира» (Тайпин гуанцзи) есть большой раздел «Сны», непосредственно соприкасающийся с разделами «Волшба» и «Магическое искусство»¹⁰². Однако произведений, в заглавие которых входил бы иероглиф «сон», было сравнительно немного.

Тема сна в литературах стран Дальнего Востока довольно часто раскрывается по схеме, заданной буддийской притчей, «литературной матрице», по словам А. Ф. Троцевич, на которую каждая новая эпоха наращивала свой материал¹⁰³. Буддийская притча, называемая «История о том, как монах Солона попал в беду из-за царя Эшера», включена в сутру «Цза бао цзан цзин»¹⁰⁴ и представляет собой образец обрамленного повествования. Человек засыпает, видит сон, описанию которого и уделяется основное внимание. После пробуждения выясняется, что наяву прошло лишь несколько минут, тогда как во сне была прожита целая жизнь. Б. Л. Рифтин анализирует эту индийскую притчу и показывает ее влияние на тибетскую, монгольскую и даже европейскую литературы¹⁰⁵. Наибольший отклик притча получила в странах дальневосточного региона.

Как отмечает А. Ф. Троцевич, мотив «жизнь-сон» получил разное оформление в развлекательной прозе Кореи и Китая (добавим сюда и Вьетнам), но во всех так непохожих одно на другое произведениях неизменна мысль об истинной ценности земной жизни, четко выраженная в «Алмазной сутре»: «Все *дхармы* сущего подобны мороку фонарей с тенями, светящих при звездах. Они как роса, как пузыри на воде, подобны сну, молнии, облакам»¹⁰⁶.

Мотив относительности времени, присутствующий в повествованиях, отталкивающих от упомянутой притчи, встречается также в рассказах о посещении людьми иных миров, островов бессмертных, например, либо подземного мира, в который можно попасть через горную пещеру. В ином мире время течет гораздо медленнее, чем на земле, и герой, проживший несколько лет, например, в царстве фей и вернувшийся домой, застаёт в живых только своих потомков. Жизнь во сне и наяву происходит в разных пространственных и временных координатах, т. е. засыпая, человек переносится в иной мир, который может быть представлен как фантастическое пространство — страна муравьев или подводное царство, а может и напоминать обычный мир людей, но время течет там иначе. Таким образом, по временным параметрам, явь и сон разнятся между собой как, например, остров бессмертных и мир людей.

Автор «Снов Южного старца» поясняет в предисловии, что именно он хотел сказать, выбрав такое название для своего сборника: «Меня снова спросят: «Книга носит название «сны», какой в этом заключен смысл?» На это я скажу так: «Когда-то давно мои герои существовали во множестве, но из-за жизненных перемен от них как будто бы и следов не осталось. Получается, что только я один помню эти истории и могу о них поведать, разве это не сны?» Писатель фактически ставит знак равенства между судьбами реальных лиц и своими снами, отталкиваясь, вероятно, от буддийской (пришедшей из индийской куль-

¹⁰² Воскресенский Д. Н. Даосские мотивы... С. 101.

¹⁰³ Троцевич А. Ф. Корейский средневековый роман. — М., 1986. — С. 41.

¹⁰⁴ Там же. — С. 32.

¹⁰⁵ Рифтин Б. Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. — М., 1974.

¹⁰⁶ Троцевич А. Ф. Корейский средневековый... С. 35—36.

туры) идеи мимолетности, ничтожности человеческой жизни. Воспоминания об ушедших людях существуют в его сознании, и эти воспоминания ничем не отличаются от снов. Озаглавив свое сочинение «Сны Южного старца», Хо Нгуен Чынг хотел дать понять читателю, что ему не чужды буддийские идеи. Согласно буддийским концепциям, в нашем сознании настолько неверно отражается бытие, что нет никакой разницы между снами и нашими представлениями о действительности. В отличие от даосов, также говоривших об относительности яви и сна, отсутствии границы между ними, буддистов интересовали трансформации сознания, тогда как последователи Лао-цзы, в основном, занимались видоизменениями тела, единением с природой, космосом. Судьба автора «Снов Южного старца» сложилась так, что первую половину жизни он провел на родине, а вторую — в Китае. Возможно, с течением времени и сама его жизнь во Вьетнаме, а не только герои прошлого этой страны, в чем-то утратила реальные очертания и стала подобна «сну в начале тумана».

«Сон в начале тумана» — так называется роман известного чукотского писателя Ю. Рытхэу, рассказывающий об американце Джоне, оказавшемся на Крайнем Севере и в результате несчастья потерявшем почти все пальцы на руках. Товарищи бросили его и уплыли. Жизнь чукчей настолько отличалась от привычной среды обитания белого человека, что Джону, прожившему на севере вторую зиму, показалось иллюзорным его прежнее существование. А его друг, местный житель по имени Токо, говорил ему: «Пройдет время, и твоя жизнь здесь будет тебе как смутный сон. Знаешь, бывает такой сон, который плохо помнишь... сон в начале тумана...»¹⁰⁷

Автором «Снов Южного старца» является Хо Нгуен Чынг или Ле Чынг, второе имя Мань Нгуен, псевдоним Нам Онг — Южный старец. Предисловие, написанное им, датировано 1438 г. Хо Нгуен Чынг, уроженец района Дайлай провинции Тханьхоа, родился в 1374 г. Он был старшим сыном Хо Куи Ли (годы правления основанной им династии Хо — 1400–1407), появившегося на свет в 1335 г. и происходившего из старинного военно-служивого рода. Род Хо (кит. Ху) прибыл из Китая в X в., а Хо Куи Ли принадлежал к той ветви семьи, которая поселилась в Тханьхоа и в XII в. сменила имя на Ле¹⁰⁸. Многочисленные родственные связи соединяли Хо Куи Ли с правящим домом Чан. Так, две сестры его отца были женами императора Чан Минь-тонга. Родившиеся от первого альянса мальчики стали императорами Чан Хиен-тонгом (1329–1341) и Чан Нге-тонгом, а сын от второго союза — императором Чан Зюе-тонгом (1373–1377). Сам Хо Куи Ли был женат на дочери Чан Минь-тонга, а его дочь вышла замуж за императора Тхуан-тонга (1388–1398). Многолетним покровителем Хо Куи Ли являлся император Чан Нге-тонг (1370–1372): при нем он выдвинулся и сумел сосредоточить в своих руках большую власть, постепенно расправляясь с политическими противниками из дома Чан.

Как отмечал еще Плутарх, история чуть ли не любого престола так и пестрит убийствами детей, матерей, жен¹⁰⁹. А средневековый Вьетнам по жестокости и накаленной обстановке напоминал Англию в период Алой и Белой Розы или Францию во времена последних Валуа: в летописи часто встречаются описа-

¹⁰⁷ Рытхэу Ю. Сон в начале тумана. — Л., 1976. — С. 81.

¹⁰⁸ Whitmore John K. Vietnam, Ho Quy Ly and the Ming (1371–1421). — New Haven, 1985. — P. 13.

¹⁰⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 3. — М., 1964. — С. 195.

ния насильственных отречений от трона, случаев убийств малолетних королей или принудительных замужеств принцесс, преступной борьбы враждующих братьев, зверских убийств целых княжеских семейств, беспокойных периодов регентства, соперничества между министрами или узурпация ими власти¹¹⁰. Так что борьба Хо Куи Ли с родом Чан не являлась чем-то исключительным. Два века назад с помощью дворцовых интриг пришли к власти и сами Чаны, они тоже состояли в родстве с правившей тогда династией Ли. Основатели династии Чан — Чан Тхыа и Чан Тху До — не остановились и перед святотатством. После того, как основные претенденты на престол оказались устранены, второстепенных родственников, членов старой династии собрали на церемонию в династийный храм рода Ли. В храме вырыли яму, в которую они провалились в ходе церемонии и были засыпаны землей¹¹¹.

В историю Вьетнама Хо Куи Ли вошел прежде всего как реформатор, боровшийся против крупного наследственного частного и духовного землевладения, за восстановление централизованной феодально-бюрократической деспотии и укрепление служилых слоев и свободного крестьянства. Начатые им реформы были завершены уже после отражения китайского вторжения Ле Лоем, ставшим Ле Тхай-то — первым императором династии Ле.

В 1400 г. Хо Куи Ли объявил себя императором новой династии Хо, а государство Дайвьет стало именоваться Дайнгу. Хо Куи Ли находился на престоле меньше года, а затем передал его сыну — Хо Хан Тхыонгу. Обычно трон наследует старший сын — им являлся Хо Нгуен Чынг. Но он, отказавшись от борьбы, уступил эту честь своему младшему брату Хан Тхыонгу, довольствовавшись видными должностями. Основной причиной, побудившей Хо Куи Ли передать трон Тхыонгу в обход Чынга, явилось то обстоятельство, что мать Тхыонга — принцесса Хюи Нинь — была дочерью императора Чан Минь-тонга, и, соответственно, Тхыонг приходился ему внуком. Таким образом, Хо Куи Ли мог возражать своим оппонентам, обвинявшим его в узурпации власти, что на престоле находится не кто-нибудь, а внук Чан Минь-тонга.

Отношения обоих братьев не были безоблачными. Однажды Хо Куи Ли адресовал Чынгу и Тхыонгу следующие стихи: «Вы оба, старший и младший, почему так не любите друг друга? Увы! Насколько эти строки проникнуты печалью!...»¹¹². И все же Хо Нгуен Чынг, вероятно, был достаточно умен и понимал, что для обеспечения собственной безопасности в столь смутные времена, когда одно убийство следует за другим, лучше всего покориться воле отца. Исторические сочинения не оставили нам свидетельств о затеваемых Хо Нгуен Чынгом интригах, направленных против своего младшего брата, напротив, можно отметить единодушие и сплоченность семьи Хо в течение семи лет, пока эта династия находилась у власти.

Хотя династия Хо была официально признана минской империей, в 1406 г. китайская армия вторглась на территорию Вьетнама. Поводом послужило обращение за помощью членов династии Чан. Хо Куи Ли и его сын-император и раньше деятельно готовились к весьма вероятной войне, сделано было многое, и Вьетнам оказал длительное (сопоставимое с первой и третьей войнами с монголами) отчаянное сопротивление, исход войны определился да-

¹¹⁰ Шено Ж. Очерки истории вьетнамского народа. — М., 1957. — С. 52.

¹¹¹ Деоник Д. В. История Вьетнама. Ч. 1. — М., 1994. — С. 141.

¹¹² Đại Việt sử ký toàn thư. Т. 2. — Hà-nội, 1971. — Tr. 240.

леко не сразу. Но сторонники Чанов предали страну, раскололи единый фронт и привели китайцев к победе¹¹³. Войска Хо Куи Ли дали несколько сражений огромной наступавшей армии противника, но, невзирая на упорное сопротивление, успеха не имели.

Хо Нгуен Чынг, принимавший активное участие в борьбе с чужеземцами, был одним из военачальников. Несмотря на ряд достоинств, в том числе личную храбрость, — Хо Нгуен Чынг не боялся рисковать жизнью и появлялся на опасных участках фронта — талантом полководца он не обладал, и военные действия под его руководством нельзя назвать успешными. Так, в районе Ланькиня он чуть не был окружен; обманутый вражеской военной хитростью, допустил разрушение линии обороны в Фулыонге; потерпел поражение в Хоангзянге; попал в западню в Хымты¹¹⁴. Хо Нгуен Чынг понимал всю шаткость сложившегося положения. В летописи сохранилось его высказывание, относившееся еще к 1405 г.: «Первый министр Чынг сказал: “Я не боюсь сражаться, лишь опасаясь, последует за нами народ или нет и только!”»¹¹⁵.

Летом 1407 г. Хо Куи Ли вместе со своим семейством и военачальниками оказался в плену. Война была проиграна. Вьетнам после пяти веков независимого существования снова попал под иноземное господство.

Хо Нгуен Чынг был одним из тех немногих, кого освободили. Дело в том, что старший сын Хо Куи Ли изобрел знаменитое «волшебное орудие», состоявшее из нескольких стволов разного калибра и обладавшее убойной и разрушительной силой, намного превосходившей все огнестрельные орудия того времени, включая пушки минской армии. Хо Нгуен Чынг владел также в совершенстве техникой литья пушек. Когда он поведал некоторые секреты из этой области императору минской династии, китайцы поручили ему отливать пушки для своей армии и выпустили на свободу. Кроме того, Хо Нгуен Чынг был известен своими литературными способностями, поэтому китайцы решили использовать его у себя на службе. Хо Нгуен Чынг стал в Китае чиновником, занимал высокие должности. Умер он в 1446 г.

В предисловии к своему сочинению Хо Нгуен Чынг упоминает, что «в словах, делах и устремлениях людей прошлых лет есть много достойного сохранения. Однако из-за войн и пожаров книги были во множестве истреблены, и вышло так, что все эти сведения о событиях прошлого потерялись, не осталось никого, кто бы слышал о них, разве это не прискорбно? Размышляя об этом, я постоянно разыскивал и записывал сведения о древних событиях. Видя, что почти ничего не уцелело, из ста историй остались лишь две, решил внести свой вклад и написал книгу, которую назвал «Сны Южного старца».

Особенно тяжелыми для духовной культуры Вьетнама были потери, понесенные во времена недавней минской оккупации. По понятным причинам Хо Нгуен Чынг об этом умалчивает. Значительное число памятников оказалось разрушено. Китайцы стремились лишиться вьетов письменного наследия — пострадало как выбитое на камне, так и записанное на бумаге. Повсюду разбивались стелы. Одновременно вьетские книги и документы повсеместно уничтожались, многое было вывезено, и почти все пропало. Остатки списков и частично сохранившиеся источники говорят о том, что увезли книги по обрядам двора

¹¹³ Деоник Д. В. История Вьетнама. — М., 1994. — Ч. I. — С. 181.

¹¹⁴ Nguyễn Danh Phiết. Hồ Quý Ly. — Hà-nội, 1997. — Tr. 248–249.

¹¹⁵ Việt sử thông giám cương mục. — Hà-nội, 1958. — Chính biên XII, tập VII. tr. 738(96).

и священные книги вьетского культа духов «Земли и Урожая», свод законов династии Ли, свод законов династии Чан, летописи, труды по военному искусству Чан Хынг Дао, много литературных произведений (поэзия и проза)¹¹⁶. Все эти действия явились частью достаточно обширной китайской программы по ассимиляции вьетов, которая в области разрушения национальной культуры была в некоторой степени реализована. После изгнания врагов во Вьетнаме развернулось движение по собиранию и переписыванию старинных книг и рукописей, дабы хоть как-то заполнить образовавшиеся лакуны. Появились новые исторические и литературные труды. В этот ряд можно поставить и сочинение Хо Нгуен Чынга, сохранившее для потомков уникальные сведения.

«Сны Южного старца» являются ценным материалом для исследователей истории и литературы Вьетнама. В некоторых рассказах содержится информация, которая не дублируется в других сочинениях. Кроме того, здесь цитируются отрывки из произведений вьетнамских поэтов, в наши дни оказавшихся утерянными. Так, например, произошло со стихотворным сборником императора Чан Нян-тонга «Море разума Будды, преисполненное великим благоуханием» (Дай хыонг хай ан тап). Сочинение не существовало уже к началу XV в., о нем известно только из «Снов Южного старца», где приводятся несколько отрывков из этого сочинения. Другим интересным памятником, упоминающемся в сборнике Хо Нгуен Чынга, являются ныне утраченные «Всеобщие записи, охватывающие сто поколений» (Бать тхе тхонг ки тхы). В этой книге рассматривался обширный период — с 2357 г. до н. э. по 1367 г. Она была написана Чан Нгуен Даном (1320–1390) — известным поэтом, математиком, астрономом.

Есть в «Снах Южного старца» и неточности. Так, в рассказе «Прошение, оказавшееся действенным», речь идет о Чан Нят Зуате, шестом сыне императора Чан Тхай-тонга. Он родился в 1254 г., тогда как Хо Нгуен Чынг приписывает это событие одному из годов под девизом правления *Чжи-юань* (1263–1294). В рассказе «Буддийский монах и даос изгоняют духа» автором известного четверостишия, посвященного монаху Зяк Хаю и даосу Тхонг Хюйену, назван император Ли Тхай-тонг, а в действительности оно сочинено императором Ли Нян-тонгом. Рассказ «Жил честно и умер спокойно» повествует о Фам Нго и Фам Мае, которые были чиновниками при императоре Чан Минь-тонге (1314–1329). Хо Нгуен Чынг же пишет: «В один из годов под девизом правления *Чжи-чжэн* (1341–1352 — Е. К.) стали чиновниками при дворе Чан Минь-тонга». Кроме того, Нго Ши Лиен считает, что старшим был Фам Май, а младшим — Фам Нго, Хо Нгуен Чынг утверждает обратное. Случается, что мнения авторов средневековых сочинений расходятся. Так, в рассказе «Образец стихов с повторяющимися иероглифами» приведены стихи. Авторы «Снов...» и «Полного собрания исторических записок о Великом Вьете» приписывают их императору Чан Тхань-тонгу, а Фан Фу Тиен в «Сборнике стихов вьетского звучания» (Вьет ам тхи тап), завершеном в 1433 г., — императору Чан Нян-тонгу.

Произведения вьетнамских авторов — историков и литераторов не раз издавались в старом Китае. Чаще всего их включали в различные собрания и таким образом они становились известными довольно широкому кругу китайских ученых. Среди наиболее ранних сочинений можно назвать, например, «Краткую историю Вьета» неизвестного автора, датируемую XIII в., «Краткие

¹¹⁶ Деоник Д. В. История Вьетнама... С. 184.

записи об Аннаме», написанные Ле Чаком в XIV в. Оба эти произведения — исторические.

«Сны...» были написаны в Китае. Сборник Хо Нгуен Чынга входит в несколько китайских собраний¹¹⁷. По словам вьетнамского ученого Чан Ван Зяпа, читатели, привлеченные интересными, правдивыми историями, написали к этому произведению предисловие и заключение, позаботившись о том, чтобы оно могло находиться в обращении¹¹⁸. Автором первого предисловия, написанного в 1440 г., был Ху Ин, крупный сановник, глава министерства обрядов, служивший вместе с Хо Нгуен Чынгом. В конце книги есть послесловие вьетнамца Тонг Тионга, жившего в Китае, датированное 1442 г.

Наиболее раннее известное нам ксилографическое издание «Снов...» относится к 1617 г. Сочинение Хо Нгуен Чынга вошло в тринадцатый сборник серии «Собрание сочинений в жанре *цзилу*» (Цзилу хуйбянь)¹¹⁹, составитель Шэнь Цзефу. Рукопись эпохи Мин воспроизведена в девятом сборнике «Редкого собрания из Ханьфэньлоу» (Ханьфэньлоу бицзи), переизданного в 1920 г. Все современные издания «Снов...», а их около десяти, восходят к этим двум текстам. По словам тайваньских исследователей «Снов...», тексты, приведенные в «Цзилу...» и «Ханьфэньлоу...» не очень разнятся. «Цзилу...» более раннее сочинение, поэтому обычно используют его¹²⁰. Однако «Сны...» в «Ханьфэньлоу...» приведены не полностью. Отсутствуют рассказы «Судьба совпала с предсказанием, сделанным в стихах», «Стихи, выражающие желание подвигов и славы», половина рассказа «Стихи, говорящие о самонадеянности». Рассказ «Прекрасные строки из коротких стихов» отдельным заголовком не выделен, а вставлен в текст рассказа «Стихи, говорящие о самонадеянности». Кроме того, «Сны...» вошли в «Обширный обзор *сяошо* пяти династий» (Учао сяошо да гуань) в раздел «*Сяошо* различных авторов царствующей минской династии» (Хуанмин байцзя сяошо). В сокращенном варианте «Сны...» включены в «Продолжение рассказов из предместья» (Сюй шо фу) (1646 г.) (с первого по восьмой рассказы, а также двенадцатый). Сборник Хо Нгуен Чынга неоднократно переводился на современный вьетнамский язык¹²¹. Выборочный перевод (четыре рассказа) вошел в книгу «Повествовательная проза Вьетнама эпохи средневековья»¹²².

При изучении литературы всегда интересно выяснить, как сами авторы оценивали свои произведения. Такого рода оценки занимали особое место в дальневосточной литературе и были оформлены в специальные жанры авторских предисловий и послесловий к сочинениям. Как правило, вьетнамские средневековые писатели тоже снабжали свои произведения введениями и заключениями, и в этом смысле Хо Нгуен Чынг не был исключением. В предисловии к «Снам...» он, прежде всего стремился подчеркнуть значимость своей страны и всего того, что в ней происходило, а, следовательно, и необходимость письменной фиксации событий прошлого. Для того, чтобы его мысль выглядела убедительной, Хо Нгуен Чынг привел цитату из «Луньюя» — классического конфуцианского сочинения. Далее автор сообщил, что хотел сохранить для

¹¹⁷ См. например, Чжунго цуншу цзунлу. Т. 2. — Шанхай, 1982. — С. 634.

¹¹⁸ *Trần Văn Giáp. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm*. Т.1. — Hà-nội, 1970. — Tr. 40.

¹¹⁹ См. напр. издание: Шанхай, 1938.

¹²⁰ Юэнань ханьвэнь сяошо цункань. — Тайбэй-Сянган. 1978. — С. 3.

¹²¹ См. напр. *Thơ văn Lý Trần...* Т. 3.

¹²² *Nguyễn Đăng Na. Văn xuôi tự sự Việt Nam thời trung đại. Truyện ngắn*. — Hà-nội, 1997. — Т. 1.

потомков только славные деяния героев прошлых лет, т. е. свой материал он представил как исторически достоверный и специально отобранный.

В послесловии современника Хо Нгуен Чынга — Тонг Тионга — вьетнамца, находившегося на службе в Китае, заметно стремление подчеркнуть, что Вьетнам несколько не хуже своего северного соседа. «...разве имеется что-нибудь отличное от знаменитых совершенномудрых людей Китая!» — восклицал он, говоря о достойных лицах, описанных в «Снах...»¹²³.

Сборник Хо Нгуен Чынга состоит из тридцати одного озаглавленного рассказа, на части не разделен. Все рассказы представлены как описания действительных событий, а потому они часто датированы. Хронология дается по китайским девизам, по времени правления китайских императоров, встречаются ссылки на время правления вьетнамских государей. Временные рамки ограничиваются XI—XV вв. В «Снах...» представлена и география событий: реальные географические пункты указаны как место действия, либо как место, откуда происходит герой. Сам Вьетнам упоминается под названиями Зяоти (кит. Цзяочжи) и Аннам (кит. Аньнань) (в VII в. провинции китайской империи Цзяочжи присвоили новый статус «Общее управление Аньнань»). В целом датировка событий встречается чаще, чем ссылки на географию.

В сборнике Хо Нгуен Чынга можно выделить четыре группы рассказов, которые объединены между собой одной тематикой. Так, № 1—6 — это рассказы, касающиеся императоров династии Чан или членов их семей. Далее следуют истории образцовых подданных — чиновника, лекаря, военачальника, супружеской пары (№ 7—10). В рассказах № 11—16 речь идет о чудесных деяниях монахов и даосов, а № 17—31 — это рассказы о стихах¹²⁴.

Хотя сам автор и говорил о несерьезности, развлекательности своего сборника, ряд особенностей — представление событий как реальных, выведение в качестве героев исторических лиц, использование схемы исторического жизнеописания и т. д. — сближает «Сны...» с историческими трудами.

В «Снах...», также как и в исторических жизнеописаниях, в которых люди изображались как представители определенных социально-этических типов, в числе героев есть и преданный подданный, не боявшийся в ущерб собственной карьере сказать правду в глаза, и образцовый военачальник, и верная жена, покончившая с собой после смерти мужа. Некоторые рассказы построены по типу исторического жизнеописания. В начале, как правило, сообщается, откуда герой родом, указывается его псевдоним, затем приводится ряд деяний, а к концу иногда упоминаются потомки героя. После того, как судьба героя изложена и сообщено, что он умер, может быть приведен какой-нибудь примечательный эпизод из его жизни. Например, в конце рассказа «История Нге-вюнга» помещен эпизод из детства Нге-тонга, свидетельствующий о его смысленности.

Есть в сборнике Хо Нгуен Чынга рассказы не похожие на исторические биографии и представляющие собой отдельные сюжеты из жизни героя. Это, например, рассказ «Буддийский монах и даос изгнали духа», где речь идет только лишь о необыкновенном происшествии, случившемся во дворце правителя. Предыстория и описание того, что случилось в дальнейшем, отсутствуют.

¹²³ Thơ văn Lý — Trần... Т. 3. — Тр. 739.

¹²⁴ Чан Ван Зяп выделяет в «Снах...» следующие группы: 1. Исторические рассказы. 2. Рассказы, в которых преобладает элемент чудесного. 3. Рассказы из жизни разных слоев населения. 4. Рассказы о стихах и поэтах. *Trần Văn Giáp. Tìm hiểu...* Тр. 40.

В ряде повествований фигурируют буддийские монахи и монахини, а также даосы. Монах Куан Виен чудесным образом, во сне, излечил императора Чан Ань-тонга, у которого больше месяца болели глаза. Отказавшись от щедрого вознаграждения, Куан Виен отправился странствовать. Если ему встречались злые духи, он изгонял их, а кумирни разрушал. Люди с благодарностью долго вспоминали этого монаха («Во сне излечил болезнь»). Известную монахиню по имени Фам («Добродетельная монахиня»), прославившуюся мудростью и аскетическим образом жизни, ценил император Чан Нге-тонг, пожаловавший ей почетное прозвание. После смерти ее мощи обладали исцеляющими свойствами: достаточно было растереть малую толику с водой и дать умыться больному, как хворь исчезала. Один из даосов, о которых поведал Хо Нгуен Чынг, усмирил разбушевавшуюся стихию («Совершенный человек, успокаивающий волны»), а другой обратился к Верховному владыке с просьбой даровать императору Чан Тхай-тонгу сына («Прощение, оказавшееся действенным»). Интересно отметить, что многие описанные деяния буддийских монахов и даосов — это социальные подвиги, часто совершенные для блага государя.

Среди героев «Снов...» Хо Нгуен Чынг не забыл вывести и своих предков. Один из них служил при дворе императора Чан Ань-тонга и с успехом лечил всевозможные болезни. При этом он обладал гуманным сердцем: в рассказе описывается эпизод, когда лекарь поспешил сначала к тяжело больной бедной женщине, а уже потом отправился к знатному сановнику, недуг которого не требовал срочной помощи («Искусный в медицине и сердечный»).

В «Снах...» нашли отражение многие исторические события эпохи Ли—Чан. В основном, действие происходит при династии Чан.

Ко временам династии Ли относятся четыре рассказа. В рассказе «Непостижимые храбрость и сила» речь идет об известном военачальнике Ле Фунг Хиеу, который будучи начальником дворцовой стражи помог занять престол законному наследнику принцу Фат Ма, будущему императору Ли Тхай-тонгу (1028—1054). В XI в. отношения с Тямпой стали портиться, и в 1044 г. император Ли Тхай-тонг выступил против своего южного соседа. Многочисленные вьетские войска высадились неподалеку от столицы Тямпы Виджайи, разбили тямов, убили короля Джайю Симхавармана Второго, а затем уплыли обратно. В рассказе «Совершенный человек, успокаивающий волны» Хо Нгуен Чынг и повествует об этом походе. Герой его — даос — помог императору Ли Тхай-тонгу преодолеть ветер и волны, мешавшие продвижению вьетского флота к Тямпе. Ко временам императора Ли Нян-тонга переносит читателя рассказ «Буддийский монах и даос изгоняют духа». Действие рассказа «Чудеса Минь Кхонга» происходит при правлении императора Ли Тхан-тонга (1128—1138), речь идет о чудесном исцелении этого государя.

Хо Нгуен Чынг упомянул почти всех государей династии Чан, не забыл он также сообщить о существовавшей при этой династии практике передачи престола. Для гарантии стабильности в обществе и предотвращения узурпации трона императоры династии Чан, еще находясь в активном возрасте, уступали престол наследному принцу и принимали титул «государь-наставник». От дел они, как правило, не уходили. Вот как об этом писал Хо Нгуен Чынг: «По старинному обычаю дома Чан, когда наследный принц вырастал, правитель передавал ему престол, а сам удалялся во дворец Баккунг, почтительно именовался государь-отец. Вместе с сыном он управлял всеми делами при дворе, ибо в действительности уступал трон лишь на словах. Государь-отец стремился

достичь спокойствия, поспешно подготавливал для этого условия и только! Он все решал сам, а взошедший на трон правитель ничем не отличался от наследного принца» («История Нге-вьянга»).

Первый государь династии Чан — Чан Тхай-тонг (императора с храмовым именем Тхай-то у династии Чан не было) — упоминается в двух рассказах. В рассказе «Прошение, оказавшееся действенным» повествуется о Чан Няг Зуате, шестом сыне Чан Тхай-тонга, который родился после того, как даос Дао Тхам совершил церемонию моления богов о ниспослании потомства императору. О дочери Чан Тхай-тонга по прозванию Тхиеу Зьонг речь идет в рассказе «Услышав о смерти, испустила дух». Она была столь привязана к отцу, что не смогла пережить его кончины. Отметим, что Чан Тхай-тонг — автор известного буддийского трактата, сохранившегося до наших дней — «Записей о пустоте» (Кхоа хы лук). Он, наряду с императором Чан Нян-тонгом и Туе Чунг *тхьонг ши* (монашеское имя сына знаменитого полководца Чан Куок Туана), активно участвовал в формировании школы Чуклам Иенты тхиен — школы Чуклам («Бамбуковый лес») с горы Иенты, существовавшей в рамках буддизма *тхиен*. Эта школа, не имевшая китайского аналога, насчитывала девять патриархов, среди них два императора — Чан Нян-тонг и Чан Минь-тонг.

В 1257–1258 гг. еще при императоре Чан Тхай-тонге монголы предприняли первую, неудачную попытку захватить Вьетнам. После того, как ханом стал Хубилай, в Китае была основана новая монгольская династия Юань (1280–1367). Войска юаньской династии, вторгшиеся в 1285 г. во Вьетнам, также потерпели поражение. Третья война, успешная для вьетнамцев, сопротивлявшихся северному нашествию, произошла в 1287–1288 гг. Центральной фигурой, сумевшей обеспечить победу вьетнамцам, являлся принц из дома Чан — Чан Куок Туан (Чан Хынг Дао). Он не только с успехом командовал войсками в боях, но и осуществил подготовку к двум последним войнам, правильно выбрал стратегию и тактику. Одним из соратников принца Чан Куок Туана, пользовавшимся его доверием был известный полководец Фам Нгу Лао (1255–1320), также прославившийся в боях с монголами. Чан Куок Туан представил Фам Нгу Лао ко двору, выдал за него замуж свою приемную дочь. После отражения монгольского нашествия, Фам Нгу Лао участвовал в походах против лаосского княжества Сиенкуанг. В «Снах...» ему посвящен рассказ «Стихи, выражающие желание подвигов и славы».

Вторая и третья войны с монголами происходили уже при императоре Чан Нян-тонге. И хотя в 1289 г. Вьетнам праздновал победу над врагами, положение в стране, истощенной событиями последних десятилетий, оставалось тяжелым: многие люди погибли, сельское хозяйство находилось в упадке, значительное число городов и деревень было разорено. В 1290 г. начался сильный голод. И все же в мирных условиях жизнь постепенно налаживалась, хотя Чан Нян-тонг не предпринял никаких попыток помочь деревне. В 1293 г. Чан Нян-тонг передал трон наследному принцу, будущему императору Чан Ань-тонгу, а сам, отказавшись от мирской жизни, ушел в монахи, приняв имя Чук Лам *дайши*. Чан Нян-тонг считается основателем и первым патриархом буддийской школы Чуклам. Согласно существовавшим во Вьетнаме преданиям, Чан Нян-тонг — это будда, сошедший в мир. Некогда его мать во сне увидела духа, вручившего ей меч. От этого она оказалась в тягости и родила мальчика с золотистой кожей, которого прозвали Золотой будда (по другой версии — Золотой небожитель). Когда Чан Нян-тонг вырос, он однажды заснул в пагоде Тыфук, и ему приви-

делось, что из его пупка поднялся лотос, на котором сидел будда. По мнению вьетнамского исследователя Нгуен Зуи Хиня, в этих преданиях нашли отражение три ипостаси Чан Нян-тонга — герой, будда, небожитель. Меч указывает на рождение прославленного героя, победителя монголов. Чан Нян-тонг был также ревностным служителем буддизма — основал школу Чуклам. Передавая трон наследнику, он странствовал среди гор и рек — этот образ жизни соответствовал взглядам даосов¹²⁵.

Рассказ «Сопереживая, стал ходить пешком» повествует о Дао Тае, внуке Чан Тхай-тонга, считавшем Чан Нян-тонга своим учителем. Когда Нян-тонг ушел в монахи и стал вести аскетический образ жизни, Дао Тай отказался ездить в повозке или на лошади, а ходил только пешком. В рассказе «Растворение в небытии Чук Лама» речь идет о кончине Чан Нян-тонга. Он, стремясь помочь в царстве мертвых своей старшей сестре, совершившей в жизни много ошибок, приурочил переход в иной мир к ее смерти.

Частица мошей Нян-тонга чудесным образом указала на того из сыновей Ань-тонга, которому надлежало стать государем («Дух предка решил судьбу»). Им оказался будущий император Минь-тонг. Его высоким моральным качеством посвящен рассказ «Добродетельный непременно займет подобающее место». Образцовому чиновнику при дворе Минь-тонга — Фам Маю посвящен рассказ «Жил честно и умер спокойно». Фам Май пытался убедить государя проявить осмотрительность и не спешить наказывать своего тестя, как впоследствии выяснилось, оклеветанного врагами.

Как отмечает Д. В. Деопик, после победы над монголами слишком рано возобновилась активная внешняя политика — начались захваты земель соседей и подчинение горных княжеств. Действия велись на двух направлениях — на южном и на западном¹²⁶. На западе конфликт с лаосским княжеством Сиенкуанг с переменным успехом длился десятилетиями. В 1335 г. лаосские войска полностью разгромили армию Дайвьета. Кроме того, началась полоса войн с южным соседом — Тямпой, в которых Дайвьету не особенно везло. Тямпа вторгалась на территорию вьетов, разоряла целые области, неоднократно захватывала и грабила столицу Тханглонг. Почти весь XIV в. военные конфликты с сопредельными государствами истощали Дайвьет, так и не успевший восстановиться после отражения монгольских нашествий. Страна переживала глубокий социальный и экономический кризис.

В 1357 г. Минь-тонг умер, и власть оказалась в руках Зу-тонга, не правившего при государе-наставнике и не имевшего к занятию государственными делами никакой склонности. Он с большим размахом принялся строить дворцы и устраивать празднества. Беззаконие и коррупция процветали. Добродетельные чиновники пытались усуместить государя, но их доклады оставались без внимания. Одним из таких чиновников был Чан Нгуен Дан, дед знаменитого поэта Нгуен Чая (1380–1442) («Стихи, в которых преданный подданный иносказательно увещевал», «Печальные стихи по поводу увещевания государя»). Другим — Тю Ван Ан («Решительность и прямота Ван Чиня»), принадлежавший к таким кругам, которые требовали уже не реформ для сохранения централизованного государства, а казни недостойных министров. Тю Ван Ан подал знаменитое

¹²⁵ *Nguyễn Duy Hinh*. Tìm hiểu ý nghĩa xã hội của phái Trúc Lâm thời Trần // Tìm hiểu xã hội Việt Nam thời Lý Trần. — Hà-nội, 1981. — Tr. 650–651.

¹²⁶ *Деопик Д. В.* История Вьетнама... С. 164.

«Прошение на высочайшее имя о казни семерых». Оно осталось без ответа. Тю Ван Ан отказался от службы и вернулся в деревню. После смерти Зу-тонга легче не стало. Власть оказалась у Зыонг Нят Ле, началась смута. Вскоре Зыонг Нят Ле был казнен, а императором сделали Нге-тонга.

Приход к власти этого государя одобрили и Чан Нгуен Дан, и Тю Ван Ан. Жизнеописанию императора Нге-тонга, многолетнего покровителя семьи Хо Куи Ли, посвящен первый и самый большой рассказ, значительно отличающийся своим объемом от прочих («История Нге-выонга»). Хо Нгуен Чынг, не забыв милостей, оказанных его семье, всячески восхваляет этого правителя. Последний абзац рассказа напоминает описание правления идеального государя: «Близким и дальним родственникам покровительствовал, любил их. После беспорядков многие бедные люди не могли заключить брак, совершить обряд погребения, государь помогал им. Он вникал во все дела, интересуясь даже мелкими подробностями. Соседи жили в согласии, подобном весеннему теплу. Люди в стране изменились, нравы постепенно стали чистыми и искренними. Ну до чего же был наделен мудростью правитель этих земель?» Стихи Нге-тонга приводятся в рассказе «Стихи, достойные министра». Своему предку по женской линии по имени Нгуен Конг Хо Нгуен Чынг посвятил рассказ «Стихи, предвещавшие большое счастье». Нгуен Конг был дедом Нге-тонга.

Нге-тонг передал власть Зюе-тонгу, а затем сделал правителем его сына принца Хиена, ставшего императором Фе Де. В 1388 г. Фе Де был смещен Нге-тонгом из-за неприязненного отношения к Хо Куи Ли. Вслед за этим произошел мятеж столичных войск, но Фе Де не стал вести вооруженную борьбу, и вскоре был убит. В рассказе «Добродетельная и проникательная госпожа» говорится о главной жене Зюе-тонга и матери принца Хиена. Когда его сделали наследным принцем, она, предчувствуя несчастье, старалась заменить его кем-нибудь другим. Но все ее усилия оказались безрезультатными. Тогда она полностью отрешилась от всего мирского и погрузилась в монашескую жизнь. После Фе Де императором стал принц Нгак, будущий император Тхуан-тонг (1389—1398). Хронологически это последний правитель династии Чан, которого упоминает Хо Нгуен Чынг. Периода правления династии Хо, основанной его отцом, он не касается. В «Снах...» есть один рассказ, датируемый 1407 г. — в это время шли бои с минской армией, вторгшейся на территорию Вьетнама («Муж и жена погибли ради долга»).

Вьетнамский ученый Чан Нгия в своей статье «Так ли Хо Нгуен Чынг «был привязан к родине», «не забывал родину»? упрекает Хо Нгуен Чынга в отсутствии любви к родине¹²⁷. Действительно, автор «Снов...» называл вьетнамских императоров *выонгами* (князьями), Вьетнам — Аннам или Зяоти, т. е. повествовал о Вьетнаме с позиций китайцев. Однако иначе и быть не могло, если учесть, что автор находился в Китае. А вот последние фразы из рассказа «Стихи, предвещавшие большое счастье» трудно интерпретировать в патриотическом ключе: «Что же касается правнука в четвертом поколении, то есть меня, — я вышел из глухого ущелья, переселился на высокое дерево, и многочисленные невзгоды обернулись к моей пользе. Возможно, так произошло из-за того, что благотворное воздействие предка еще не прекратилось? И тогда остался в живых, встретился с мудрецами, приобщился к гуманности

¹²⁷ Trần Nghiã. Hồ Nguyên Trùng mà cũng “quyên luyến quê hương” không quên Tổ quốc ư? // Tạp chí văn học. — 1974. — № 4. — Tr. 24—25.

Яо. Разве это не странно?» Используя цитату из «Шицзина», Хо Нгуен Чынг говорит о своей судьбе, в частности, имеет в виду свою жизнь в Китае. Однако тематика сборника — описание деяний добродетельных лиц, а также псевдоним — Южный старец — свидетельствуют о том, что Хо Нгуен Чынг не утратил любви и интереса к своей земле.

По мнению некоторых вьетнамских исследователей, «Сны...» были распространены в Китае и потому не оказали никакого влияния на вьетнамскую литературу¹²⁸. У нас нет сведений, говорящих, что сборник Хо Нгуен Чынга получил широкую известность среди ученых и литераторов последующих поколений, однако, о нем упоминает, например, известный ученый XVIII в. Ле Куи Дон¹²⁹.

В «Снах...» можно обнаружить ряд общих для вьетнамских средневековых сочинений сюжетов. У сборника Хо Нгуен Чынга есть общие сюжеты как с предшествующими («Собрание выдающихся праведников из сада *тхиен*», «О таинственных силах и духах земли Вьет»), так и с современными и последующими памятниками («Сборник стихов вьетского звучания», «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор»), «Полное собрание исторических записок о Великом Вьете»). По словам вьетнамского ученого Чан Нгиа, сюжеты целого ряда рассказов из «Снов...» аналогичны историям, зафиксированным в других вьетнамских памятниках, хотя и встречаются расхождения. Так, рассказ «Непостижимые храбрость и сила» напоминает повествование о Ле Фунг Хиеу из сборника «О таинственных силах и духах земли Вьет». Рассказы «Помыслы стихов, светлых и оригинальных», «Образец стихов с повторяющимися иероглифами» похожи на записанное в самой ранней из известных нам средневековых антологий вьетнамской поэзии — в «Сборнике стихов вьетского звучания» Фан Фу Тиена (1433 г.). С «Полным собранием исторических записок о Великом Вьете» Нго Ши Лиена сближаются сюжеты следующих рассказов из «Снов...»: «Растворение в небытии Чук Лама», «Решительность и прямота Ван Чиня», «Муж и жена погибли ради долга», «Прошение, оказавшееся действенным», «Печальные стихи по поводу увещевания государя», «История Нге-вюнга», «Дух предка решил судьбу». Рассказы «Буддийский монах и даос изгоняют духа» и «Чудеса Минь Кхонга» похожи на истории из «Собрания выдающихся праведников...» и «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор»¹³⁰.

Рассмотрим рассказ «Непостижимые храбрость и сила», посвященный реальному историческому лицу XI в. Ле Фунг Хиеу. Благодаря своей необыкновенной силе, он сумел выдвинуться при императоре Ли Тхай-то (1010–1028) и стал занимать пост начальника дворцовой стражи. Когда Ли Тхай-то умер, на престол должен был вступить принц Фат Ма, старший сын Ли Тхай-то, будущий император Ли Тхай-тонг.

В «Краткой истории Вьета» дальнейшие события излагаются следующим образом: «Когда Тхай-то скончался, высшие чиновники направились во дворец Лаунг дык, чтобы в соответствии с завещанием просить (Фат Ма) вступить на престол. В то же время *вюнги* Зык Тхань и Ву Дык расположили в засаде войска за воротами Куанг фук, намереваясь внезапно напасть на *вуа*. Сам *вуа* через ворота Тьонг фу прошел во дворец Чиеу нгуен. Войска трех *фу*, воспользо-

¹²⁸ *Văn Tân v. v. Sơ thảo...* Т. 2. — Tr. 43.

¹²⁹ *Lê Quý Đôn. Kiền văn tiểu lục.* — Hà-nội, 1962. — Tr. 200.

¹³⁰ *Trần Nghiã. Hồ Nguyên Trừng...* Tr. 24–25.

вавшись (этим), стремительно атаковали. *Вуа* приказал Нгуен Нян Нгиа атаковать их. Войска трех *фу* были разбиты. Ву Дык *выонг* был убит Ле Фунг Хиеу»¹³¹. Последующие исторические сочинения отмечают, что мятежных *выонгов* было трое, в «Краткой истории Вьета» не упомянут Донг Тинь-*выонг*.

Согласно преданию, Ле Фунг Хиеу получил за заслуги право, стоя на горе Бангшон, бросить меч. Затем была описана окружность с этим радиусом, и все земли, оказавшиеся внутри нее, император даровал Ле Фунг Хиеу. С тех пор общинные земли, пожалованные за заслуги, стали именовать «земли брошенного меча». По мнению Д. В. Деопика, этот термин пришел с севера, а предание — пример так называемой «ложной этимологии»¹³². В сборнике Ли Те Сюйена «О таинственных силах и духах земли Вьет» рассказ о Ле Фунг Хиеу начинается следующим образом: «*Выонг* происходил из рода Ле, имя его — Фунг Хиеу, он был уроженцем деревни Бангшон уезда Тханьхоа. Некоторые говорят: *выонг* — это потомок господина Диньфиен-хау Ле Диня. *Выонг* был красивым на вид человеком высокого роста, обладавшим необычайной силой. Лицо его украшала борода. Когда он был еще маленьким и жил в Лыонгзянге, там появились молодцы, кичившиеся своей силой, которые усомнились в правильности проведенной между полями межи. *Выонг* выдернул с корнем молодой бамбук, набросился на них, никто не смог дать ему отпор». В «Дополнении к истории Вьета» сказано: «*Выонг* в детстве отличался отвагой. Деревни Коби и Дамса оспаривали, где провести межу между их землями, собрали два отряда, чтобы сражаться друг с другом. *Выонг* засучил рукава, сказал жителям деревни Коби: «Я и один могу одолеть десять тысяч человек!» Прослышав об этом, деревенские старейшины очень обрадовались, угостили его на славу. *Выонг* съел столько риса, что и тридцать человек еле одолели бы, выпил много вина, затем в одиночку пошел вызывать на бой своих противников. Они кинулись было на него, но *выонг* вырвал дерево и размахивая им так, что ветер в ушах свистел, как будто налетела буря. Многие среди воинов деревни Дамса оказались ранены, остальные в панике разбежались. Жители этой деревни, испугавшись, вынуждены были уступить земли...»¹³³.

Далее идет описание мятежа трех *выонгов*, почти дословно совпадающее с изложением тех же событий во вьетнамском летописном своде начала XIX в. «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора» (Кхам динь вьет ши тхонг зям кыонг мук)¹³⁴. Завершается рассказ сообщением о пожаловании Ле Фунг Хиеу более чем тысячи *мау* земли у подножия горы Бангшон за доблестное участие в походе против Тямпы, упоминается о даровании ему почетных титулов. Полного сходства между рассказами о Ле Фунг Хиеу из «Снов...» и сборника «О таинственных силах и духах земли Вьет» нет. Наиболее близок по содержанию в обоих сборниках сюжет, повествующий о том, как Ле Фунг Хиеу доблестно сражался с врагами до того, как его возвысил император Ли Тхай-то.

В рассказе «Муж и жена погибли ради долга» речь идет об известном эпизоде, упоминающемся во вьетнамских исторических сочинениях, например в летописном своде «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное

¹³¹ Краткая история Вьета. Пер. с вэньяня А. Б. Полякова. — М., 1980. — С. 145.

¹³² Деопик Д. В. История Вьетнама... Ч. 1. — С. 79.

¹³³ Việt điện u linh. — Hà-nội, 1960. — Тр. 34.

¹³⁴ Việt sử thông giám cương mục... Т. 3. — Тр. 53 (271).

по повелению императора»¹³⁵. Так, сообщается, что когда войска Хо Куи Ли сражались с минским захватчиками, многие вьетнамские сановники сдались в плен и были захвачены. Только два высокопоставленных чиновника — Нго Миен и Киеу Биеу — предпочли смерть бесчестью и утопились в реке. Жена Нго Миена, госпожа Нгуен, узнав о кончине мужа, тоже бросилась в воду и утонула. Если сравнить рассказ из «Снов...» с описанием этих событий в летописи Нго Ши Лиена, то можно отметить почти дословное совпадение слов госпожи Нгуен, произнесенных ею перед смертью. Далее Хо Нгуен Чынг восхваляет госпожу Нгуен за то, что она смогла пренебречь жизнью и поставить долг на первое место. В «Полном собрании...» сказано: «Историограф Нго Ши Лиен отмечает: Жена Нго Миена — госпожа Нгуен — не только умерла из-за душевной чистоты и высокого чувства долга, но в словах, сказанных ею перед смертью, содержится достаточно для того, чтобы преподать жизненный урок, поэтому привожу их здесь»¹³⁶.

В рассказе «Дух предка решил судьбу» повествуется о необычайном происшествии, которое помогло императору Чан Ань-тонгу определиться в выборе наследника. Вот как это событие излагается в «Полном собрании...»: «В третий день император (речь идет о Чан Нян-тонге — Е. К.) скончался в обители Нгоаван на горе Иенты. (...) Фап Лоа сжег труп, получилось больше трех тысяч мощей, отнес их в пагоду Тыфук в столице. Правитель (имеется в виду император Чан Ань-тонг — Е. К.) впал в раздумья, многие чиновники просили наказать Фап Лоа. В то время принцу Маню только исполнилось девять лет. Он находился поблизости от государя и вдруг обнаружил часть мощей, увязанных в сверток, протянул всем показать. Правитель повелел проверить мощи в раке, и люди увидели, что некоторых недостает. Государь взволновался, заплакал и только тогда избавился от тяжелых сомнений»¹³⁷. Дословного совпадения обоих памятников не наблюдается, однако ядро сообщения и там и там одинаково: мощи императора Чан Нян-тонга чудесным образом оказываются возле его внука, сына Чан Ань-тонга от наложницы. Это было расценено правителем как знак свыше, и он сделал мальчика наследным принцем.

Сюжет рассказа «Буддийский монах и даос изгоняют духа» встречается и у других вьетнамских средневековых авторов. Так, в «Собрании выдающихся праведников из сада *тхиен*» он включен в жизнеописание монаха Зяк Хая: «...Однажды во времена Ли Нян-тонга (1072—1128) Зяк Хай и совершенный человек Тхонг Хюйен были приглашены в императорский дворец. Они сидели, ожидая приказов государя, на прохладном каменном цоколе на террасе центрального зала. Вдруг два геккона, устроившиеся поблизости, закричали так, что в ушах зазвенело. Император повелел Тхонг Хюйену прогнать их. Тот тихо прочел заклинание, и один геккон упал на землю. Улыбаясь, Тхонг Хюйен сказал монаху: «Другого разреши уступить тебе!» Тогда Зяк Хай пристально посмотрел на оставшуюся ящерицу, и не успели все и глазом моргнуть, как другой геккон тоже свалился. Государь удивился, сочинил следующие стихи...»¹³⁸.

В «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» эта история входит в рассказ «Зыонг Кхонг Ло и Нгуен Зяк Хай» и вставлена в биогра-

¹³⁵ Việt sử... Т. VII. — Тр. 103 (745).

¹³⁶ Đại Việt sử ký toàn thư. — Hà-nội, 1967. — Т. 2. — Тр. 230.

¹³⁷ Đại Việt sử ký toàn thư. — Hà-nội, 1971. — Т. 2. — Тр. 105.

¹³⁸ Thiên uyển tập anh. — Hà-nội, 1993. — Тр. 140.

фическое повествование о Нгуен Зяк Хая. Она выглядит следующим образом: «Во времена Ли Нян-тонга Зяк Хая вместе с совершенным человеком Тхонг Хюйеном призвали во дворец Лиенхоа. Они сидели сбоку на прохладном камне, ожидая приказаний. Вдруг две жабовидные ящерицы закричали так, что в ушах зазвенело. Император повелел Хюйену прекратить это с помощью заклинаний. Хюйен произнес магические фразы, и одна из ящериц замолчала. Улыбаясь, государь обратился к Зяк Хаю: «Одного оставляю шрамане». Наставник прочел заклинание, и вскоре вторая ящерица утихла. Удивившись этому, правитель сочинил похвалу, гласившую:...»¹³⁹.

Как можно заметить, в этих двух сочинениях тексты практически одинаковы. Еще одну версию этого предания приводит Нгуен Ван Хюйен в своей книге «Культ бессмертных в Аннаме»: «Император с детства страдал глухотой. Никакие врачи и лекарства ему не помогали. Тогда призвали Тхонг Хюйена и Зяк Хая, чтобы они осмотрели больного. Как только первый начал произносить магические фразы, тут же левое ухо императора стало слышать. Тот улыбнулся и сказал: «Позвольте же и ученику Будды показать свое мастерство!» И тогда Зяк Хай, в свою очередь, стал читать заклинания, и император смог слышать на правое ухо. Был устроен богатый обед для обоих врачей. После угощения Тхонг Хюйен почтительно простился с императором и у него на глазах исчез. И император, бывший свидетелем этой чудесной сцены, сложил такие стихи:...»¹⁴⁰

Во всех имеющихся версиях даос Тхонг Хюйен и монах Зяк Хай по очереди демонстрируют свои волшебные умения, стараясь услужить императору династии Ли: утихомиривают ящериц или бесов либо же помогают обрести слух — в зависимости от варианта. В «Снах...» сначала действует монах, потом даос, а в остальных вариантах последовательность обратная. Отметим, что в хвалебном четверостишии император первым упомянул монаха Зяк Хая, а вторым — даоса Тхонг Хюйена. И тот, и другой были реальными историческими лицами, пользовавшимися авторитетом у императора Ли Нян-тонга, который часто приглашал их к себе.

Рассказ «Чудеса Минь Кхонга» посвящен известному монаху эпохи Ли — Нгуен Минь Кхонгу, фигурирующему в ряде вьетнамских преданий. Он, как отмечает Д. В. Деоник, перенес странную болезнь с императора Ли Тхан-тонга на тигра и за это был возведен в высший буддийский сан страны — стал *Куок ши* — «Наставник государства», а также получил земельное владение в десять тысяч семей¹⁴¹. В «Снах...» повествуется о том, как с помощью волшебства Нгуен Минь Кхонг излечил императора Ли Тхан-тонга, который покрылся шерстью и стал превращаться в тигра. Этот недуг связывался с предыдущим перевоплощением императора. Ли Тхан-тонг, до того, как родиться в семье правителя, был монахом, однажды неудачно пошутившим — он спрятался за дверь, затем выпрыгнул и зарычал по-тигриному, стараясь напугать Нгуен

¹³⁹ Юэнань ханьвэнь сяошо цункань. Т. 2. — Тайбэй-Сянган, 1992. — С. 93.

¹⁴⁰ Шаритов А. Ш. Вьетнамские легенды о бессмертных // Восток. — 2000. — № 1. — С. 150.

¹⁴¹ Деоник Д. В. История Вьетнама. Ч. 1, с. 135. В «Полном собрании...» сказано: «...Правитель заболел, лекарства не помогали, монах Минь Кхонг излечил болезнь, был удостоен титула «куок ши». Простили налоги и повинности нескольким сотням семей. (По преданию, когда монах Ты Дао Хань собирался перевоплотиться, будучи больным, передал лекарства и заклинания ученику — Нгуен Ти Тханю, т. е. Минь Кхонгу, и посоветовал, если через двадцать лет увидит, что государь заболел, придти и излечить его). *Đại Việt sử ký toàn thư*. — Hà-nội, 1967. — Т. 1. — Тр. 271.

Минь Кхонга. Эта история зафиксирована также в «Собрании выдающихся праведников из сада *тхиен*» и в «Описании удивительного земель, расположенных к югу от гор», различия сводятся к деталям, и более или менее подробному изложению материала. По словам вьетнамского ученого Чан Нгиа, рассказ о Минь Кхонге в «Описании удивительного...» иногда опирается на «Собрание выдающихся праведников...» (см. вариант «Описания удивительного...» № А.33 в Библиотеке Общественных Наук), а иногда как будто имеет один источник со «Снами...» (см. вариант № А.750 в Библиотеке Общественных Наук)¹⁴². В «Описании удивительного...» и в «Собрании выдающихся праведников...» названо имя монаха, перевоплотившегося в императора Ли Тхан-тонга. Это Ты Дао Хань (?—1117) — реальная историческая личность, герой ряда средневековых преданий. Некогда Нгуен Минь Кхонг жил в пагоде Кхонгло — «Путь в пустоте», что отмечено и в «Снах...». Возможно, это послужило основанием для возникшей путаницы — Нгуен Минь Кхонга стали идентифицировать с другим монахом — Зыонг Кхонг Ло (?—1119).

Как можно было убедиться, в ряде случаев Хо Нгуен Чынг повествовал о событиях и героях, широко известных во Вьетнаме и вошедших во вьетнамские средневековые сочинения.

Вьетнамские литературоведы считают, что Хо Нгуен Чынг, как и предыдущие авторы-составители, использовал для своего сочинения готовые истории¹⁴³, т. е. подвергал их минимальной авторской обработке. Возможно, так оно и было. Однако следует обратить внимание на то, что «Сны...» отличаются от предшествующих произведений. Так, в более ранних сборниках материал подобран по какой-нибудь определенной тематике, а рассказы построены по одному принципу. Например, «Собрание выдающихся праведников...» — это только жизнеописания буддийских подвижников, сочинение «О таинственных силах и духах земли Вьет» представляет собой собрание однотипных историй о духах. В «Снах...» собраны рассказы на разные темы, они не ограничены одной определенной схемой изложения.

По мнению И. А. Алимова, основной единицей бытования сюжетной прозы в Китае был именно сборник, имевший название и объединявший в себе отдельные фрагменты, в той или иной степени законченные и, как правило, без собственных заголовков. Человек же, чье имя было вынесено на титульный лист сборника, являлся автором в первую очередь данного собрания, компиляции, ибо далеко не все вошедшее в сборник было написано им лично; авторское начало состояло прежде всего не в сочинении отдельных произведений, но в принципе их подбора¹⁴⁴.

Возможно, «Сны...» — это одно из первых вьетнамских сочинений в жанре *бутки* (кит. бицзи). «Я постоянно разыскивал и записывал сведения о древних событиях» — сообщал Хо Нгуен Чынг, говоря о том, как возникли «Сны...». В Китае, замечал А. Н. Желоховцев, сочинения *бицзи* возникли из записей для памяти¹⁴⁵. В предисловии Хо Нгуен Чынг указал на несерьезность своего

¹⁴² Trần Nghiã. Hồ Nguyên Trửng... Tr. 25.

¹⁴³ Đình Gia Khánh. Văn học Việt Nam thế kỷ X nửa đầu thế kỷ XVIII. — Hà-nội, 1978. — Т. 1. — Tr. 529.

¹⁴⁴ Алимов И. А. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. — СПб., 1996. — Ч. 1. — С. 35.

¹⁴⁵ Желоховцев А. Н. Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая. — М., 1969. — С. 153.

сочинения, назвал его «малыми речениями» (кит. сяшо) и подчеркнул, что оно создано в том числе и для того, чтобы внести оживление в веселые беседы. Тонг Тионг, автор послесловия к «Снам...» тоже оценивал это произведение как образец развлекательной прозы, созданной на досуге, «в часы свободные от забот чиновника»¹⁴⁶. К категории *сяшо* или *бицзи сяшо* отнесли «Сны...» и китайские литературоведы и издатели. Так, в серии «Юэнань ханьвэнь сяшо цункань» «Сны...» помещены в раздел «бицзи сяшо». В «Учао сяшо да гуань» сборник Хо Нгуен Чынга издан в разделе «Хуанмин байцзя сяшо».

Большое место в «Снах...» занимают рассказы о стихах (их шестнадцать), почти все они тематически подобраны вместе и помещены в конце сборника. В заглавиях двенадцати рассказов присутствует иероглиф *тхи* (кит. ши) — стихи.

Умение слагать стихи издавна во Вьетнаме, как и в прочих странах дальневосточного культурного ареала, относилось к числу достоинств, было тесно связано с карьерой ученого. Это находило отражение и в прозаической литературе, авторы цитировали стихи, посвящали рассказы поэтам. В ряде средневековых вьетнамских собраний прозы можно выделить такие рассказы. Это, например, «Рассказ о беседе стихотворцев в уезде Золотых цветов» из «Пространных записей рассказов об удивительном» (Чуен ки ман лук) Нгуен Зы (XVI в.), «Правила стихосложения», «Виды стихов» из «Записей вслед за кистью, сделанных во время дождя» (Ву чунг туй бут) Фам Динь Хо начало XIX в.) и т. д. Однако рассказы о стихах и поэтах имеют в этих произведениях фрагментарный характер, их нельзя объединить в пределах одного сборника в значительные тематические группы. Особое место в истории вьетнамской литературы занимают «Сны...». Возможно, часть рассказов из этого собрания сходны с китайскими *шихуа* — «рассуждениями о поэзии», представляющими собой заметки о поэтике, о различных стихах и их авторах¹⁴⁷. В Китае появление жанра *шихуа* связывают с именем Оуян Сю (1007–1072).

Рассказы о стихах из собрания Хо Нгуен Чынга можно условно разделить на три группы¹⁴⁸: 1. Рассказы, содержащие сведения, анекдоты из жизни поэтов. Стихи могут отсутствовать. В качестве примера приведем рассказ «Стихи и вино изумили людей», в нем говорится о Хо Тонг Тхоке (?–?), известном ученом и поэте XIV в. Но Хо Нгуен Чынг не сообщил об исторических трудах и поэтических сочинениях, прославивших этого человека, а все внимание уделил случаю, однажды произошедшему с ним ночью на пиру. 2. Рассказы, в которых приводится стихотворный отрывок, а затем даются к нему пояснения. Комментарии могут быть различными, как историческими, так и литературно-

¹⁴⁶ Thơ văn Lý — Trần... Т. 3. — Тг. 741.

¹⁴⁷ Отметим, что в Японии существовал жанр *ута-моногатари*. Произведения этого типа состояли из законченных периодов, каждый из которых делился на две части — прозаическую и стихотворную. Сначала рассказывалось, при каких обстоятельствах была сложена та или иная танка, а затем приводилось само стихотворение.

¹⁴⁸ По мнению И. А. Алимова, материал *шихуа* Оуян Сю распадается на несколько устойчивых тематических групп: 1. Отрывки, представляющие собой своеобразный комментарий к поэтическим строкам, взятым из поэзии выражениям, отдельным словам. 2. Отрывки, в которых Оуян Сю дает оценку тем или иным поэтическим строкам или их авторам. 3. Отрывки, представляющие собой запись коротких, примечательных (с точки зрения Оуян Сю) случаев с поэтами, анекдоты о поэтах. 4. Отрывки, содержащие некоторые элементы теоретических взглядов на поэзию самого Оуян Сю. *Алимов И. А. «Шихуа отшельника Лю-и» Оуян Сю // Петербургское востоковедение. — СПб., 1992. — Вып. 1. — С. 71–72.*

критическими. Проиллюстрируем этот вид рассказом «Печальные стихи по поводу увещевания государя». В нем приводится отрывок из стихов знаменитого поэта, ученого-астронома XIV в. Чан Нгуен Дана (1320—1390), а к нему даны пояснения Хо Нгуен Чынга. 3. Рассказы, в которых прозаический текст, обрамляющий стихи, построен по типу, напоминающему жизнеописание. Это, например, рассказ «Судьба совпала с предсказанием, сделанным в стихах».

В рассказах о стихах Хо Нгуен Чынга отразились бурные события XIII в., связанные с монгольским нашествием. В течение тридцати лет вьетнамский народ боролся против монгольских завоеваний (1257—1289), поэтому, в поэзии XIII—XIV вв. важное место занимала патриотическая тема. Часто полководцы были поэтами, среди самых блестящих имен можно назвать Чан Хынг Дао (1226—1300), Чан Куанг Кхая (1248—1294), Фам Нгу Лао (1255—1320)¹⁴⁹. Рассказ Хо Нгуен Чынга «Стихи, выражающие желание подвигов и славы» как раз и посвящен военачальнику Фам Нгу Лао.

По мнению Н. И. Никулина, в лирике XIII—XIV вв. особую выразительность в связи с идеей патриотического самоутверждения приобрели географические названия. Исследователь отмечал, что в стихах будущего императора Чан Нге-тонга, подаренных послу юаньского двора, упоминались священная гора Танвиен и река Ло (во Вьетнаме)¹⁵⁰. Эти стихи приведены в «Снах Южного старца» в рассказе «Стихи, достойные министра».

Наступление долгожданного мира, когда между четырех морей воцарилось спокойствие, и пыль улеглась, с радостью и облегчением было воспринято вьетнамцами. Так, император Чан Тхань-тонг в стихах, посвященных поездке в свою родную деревню, нарисовал идиллическую картину («Образец стихов с повторяющимися иероглифами»). На первый взгляд может показаться, что перед нами обычная пейзажная зарисовка, родные места, увиденные неравнодушными глазами уже немолодого, умудренного жизнью правителя. По контрасту с бурной политической жизнью при дворе эти родные места возникли перед его взором, как настоящий райский уголок. Любопытно отметить, что пейзаж описан довольно отвлеченно и не на основании непосредственных зрительных впечатлений, а отвлеченными образами, взятыми из арсенала утопического сознания.

Соотнеся с «обязательным утопическим набором»¹⁵¹ данную пейзажную зарисовку, можно без труда обнаружить в ней присутствие трех компонентов: бессмертия, плодородия и идеальной формы организации труда.

Поясним последний компонент — разумную организацию труда. Известно, что еще Конфуций мечтал о том, чтобы народ был занят в поле согласно временам года, что, естественно, из-за бесконечных войн и общественных работ никогда не удавалось. Жить в согласии с сезонами — эта мысль неоднократно варьировалась не только в китайской философской мысли, но и стала одной из важнейших поэтических тем. Именно такой смысл, как нам кажется, имеет

¹⁴⁹ Данг Тхай Май. Идеи и образы вьетнамской поэзии XI—XIV вв. // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1982. — С. 87.

¹⁵⁰ Никулин Н. И. Вьетнамская литература X—XIX вв. — М., 1977. — С. 66.

¹⁵¹ Анализируя китайские утопии А. С. Мартынов выделил в них четыре непреходящих компонента: 1. Плодородие земли и изобилие ее плодов. 2. Долголетие человека и его бессмертие. 3. Разумные формы организации труда. 4. Разумные формы организации человеческого общежития. Мартынов А. С. Конфуцианская утопия в древности и средневековье // Китайская социальная утопия. — М., 1987. — С. 11.

в этом стихотворении «осень и ночь» — пора отдохновения. Сюда же можно добавить и тысячу рядов слуг, выстроившихся у тысячи мандариновых деревьев. Повторение «тысячи» носит явный утопический оттенок изобилия, тогда как ряды слуг свидетельствуют о том, что возвращенные плоды не пропадут даром.

Думается, что остальные компоненты утопического сознания в этом стихотворении анализировать нет необходимости, поскольку они прямо названы. Это — бессмертие и изобилие. Остается дополнить эту картину лишь соответствующим световым и звуковым сопровождением, причем следует отметить, что и свет и музыка отпущены автором столь же щедрой «утопической» мерой.

К этому надо добавить еще и традиционный образ политического спокойствия в стране — «пыль, лежащую на месте». Все это дает возможность видеть в поэтической миниатюре маленькую, но цельную картину «утопической страны» или «утопического состояния», перенесенную в данном случае правителем на свои родные места.

В сборнике Хо Нгуен Чынга, в том числе в рассказах о стихах, неоднократно упоминается император Чан Нян-тонг. Он получил известность не только как полководец, успешно отразивший вражеское нашествие, и буддийский патриарх, но и как талантливый поэт. В предисловии к его стихам Чан Минь-тонг писал: «Почитаемый в веках благословенный (титул будды — Е. К.), бросив золотой, драгоценный трон, в полночь покинул город. Он оставил роскошные одежды дракона, надел зеленую островерхую шляпу, остриг волосы и не обращал внимание на соек, свивших гнездо у него на голове, позволял паукам плести паутину в рукавах...»¹⁵² Чан Нян-тонг писал на *ханване* (вьетнамский вариант *вэньяня*), до наших дней сохранились две его оды на *номе*. В рассказе «Помыслы стихов, светлых и оригинальных» приводятся стихи Чан Нян-тонга.

Рассмотрим первое стихотворение. Как известно, в основе «драматургии» дальневосточного лиризма лежит смена сезонов. Как правило, наиболее драматически насыщенные моменты связаны с осенью. На втором месте, безусловно, стоит весна, момент наступления которой ассоциируется с пробуждением жизни. Эмоциональная сила данного стихотворения заключается в том, что оно написано как бы с «обратной перспективой». Внимание поэта сосредоточено не на наступлении весны, а на признаках уходящей зимы, которые и являются основными составляющими стихотворения. Поэтика лунного света, холодной воды и голых зимних ветвей говорит о том, что душе автора созвучна в настоящий момент именно эта холодная красота и нарушить ее может пробуждение «глупой бабочки».

Второе стихотворение явно навеяно буддийской тематикой о бренности и причинной обусловленности человеческой жизни. Примечательно в нем то, что автор в духе поэтической интерпретации чаньского буддизма начинает стремиться к учению Будды не из-за трагизма или иллюзорности жизни, а из-за «связанности», трактуя обращение к *чань* несколько в даосско-поэтическом духе как освобождение, как средство если и не избежать, то отодвинуть неизбежную старость с «досугом обезьяны и усталостью лошади».

Третье стихотворение строится на типичном для китайской пейзажной лирике противопоставлении «космос/природа — общество», где подчеркивается подлинность первого компонента и относительность второго, «общественного», часто обозначаемого как «мир пыли». Здесь — это «мир увядших цветов».

¹⁵² Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. IV. — Тр. 59.

Его мгновенность, а вместе с ним мгновенность и относительность «славы и удачи», подчеркнуты неумолимостью и предельной подлинностью смены сезонов, а тот «жар сердца», который сопутствует общественной деятельности находится в резком эмоциональном контрасте с созвучным настроению поэта холодом ночного дождя в горах и с тишиной.

Такой значимый в дальневосточном комплексе представлений о природе и человеке момент, как подъем в горы и на башни для того, чтобы полюбоваться открывающимся видом и обрести единство с окружающим миром, отразился в стихах, приведенных в рассказе «Прекрасные строки из коротких стихов». «Пустота», открывавшаяся при созерцании пейзажа-панорамы, приобрела в китайской поэзии смысл одного из наиболее эстетически значимых параметров природы¹⁵³. Этот образ присутствовал в стихах и вьетнамских авторов:

*Иногда стоит подняться на одинокую вершину
И просвистеть трижды протяжным свистом,
Чтобы звуки застыли в Великой пустоте.*

Строка написана монахом, известным как Зыонг Кхонг Ло.

Когда человек был лишен возможности созерцания и эстетического восприятия космоса, взгляд его обращался на то, что оказывалось рядом, с чем он соприкасался — «лишь смотрю на дерево *гао*, оно все в красных цветах» — сказано в рассказе «Прекрасные строки из коротких стихов».

«Сны Южного старца» — один из немногих средневековых вьетнамских сборников, в котором рассказы о стихах занимают почти половину объема. Это сочинение можно отнести к жанру *бутки*, где рассказы об удивительных событиях соседствовали с реальными сведениями по истории и литературе. Возможно, собрание Хо Нгуен Чынга было первым вьетнамским сочинением такого типа.

«Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор»

В истории становления вьетнамской художественной прозы видное место занимает «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» (Линь нам чить куай). Согласно китайской системе литературных жанров это сочинение следует отнести к сюжетной прозе *сяошо*, а именно к группе *чжигуай сяошо* — т. е. рассказам, повествующим о разных удивительных вещах¹⁵⁴. Иероглиф *куай* (кит. гуай) — «удивительное» — даже вынесен в заглавие сборника. Автор «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» точно не установлен. В настоящее время мы располагаем произведением с предисловием Ву Куиня (датировано 1492 г.) и послесловием Киеу Фу (датировано 1493 г.).

¹⁵³ Мартынов А. С. Конфуцианская личность и природа // Проблема человека в традиционных китайских учениях. — М., 1983. — С. 184.

¹⁵⁴ Среди сборников дотанского периода выделялась и такая группа прозы *сяошо*, как *чжижэнь сяошо* или *иши сяошо*, т. е. рассказы, представляющие собой запись каких-либо происшествий,

Биография Ву Куиня (1449–1516) дана в приложении к русскому переводу «Полного собрания исторических записок о Великом Вьет», приведем ее: «Автор хроники *Дайвьет тхонг зям тхонг кхао* (известна также как *Дайвьет тхонг зям* или *Вьет зям тхонг кхао*) — «Всеобщее обозрение зеркала (истории) Дайвьета», состоящей из 26 глав, в которых была изложена история Вьета от рода Хонг-банг до начала правления императора Ле Тхай-то. Позднее эта хроника послужила источником для составления соответствующих разделов ТТ («Полного собрания исторических записок Дайвьета» — Е. К.).

Уроженец общины Мочать уезда Дьонган провинции Хайзыонг. Прозвище — Тху Фак, псевдоним — Дой Чай. В 1478 г. стал лауреатом (*хоангзяп*) дворцового конкурса. Занимал должности *тхьонгтхы* Министерства общественных работ и ритуалов. В 1510 г. объявлен *чиеулиет дайфу* и назначен *тхьонгтхы* Военного министерства. Тогда же, получив соответствующее распоряжение императора Ле Тьонг-зыка, приступил к работе над хроникой, которую закончил уже в следующем, 1511 г.

На момент смерти — *тхьонгтхы* Военного министерства, допущенный в покой для обучения канонам, одновременно *тынггьеп* Школы сынов отечества, *тонгтай* Департамента государственной истории.

Известен и тем, что обработал и существенно дополнил сборник историко-мифологических новелл *Линьнам тьить куай*. Составил стихотворный сборник *То кам* и работу *Дайтхань тоан фан*, к сожалению утраченные. Его стихотворения включены в поэтические сборники *Тоан Вьет тхилук* (А. 1264) и *Чить зиет тхитан* (Vh. 2573).

Судьба Ву Куиня трагична: в 1516 г. он погиб от руки палача во время восстания Чан Као. Эпитафию в его честь кисти Ле Ная можно найти в поэтическом сборнике *Као тю тхан тхитан* (А. 299) и в [Ву Фьонг Дэ 1973: 63–77]. Биография Ву Куиня, как образцового подданного, часто помещалась в соответствующие сборники назидательного характера, например *Лить дай заньтхан шычанг* (А. 264) или *Зи нян лыоктьи* (А. 1740)¹⁵⁵.

Э. Гаспардон отмечает, что Ву Куинь, так же как Фан Фу Тиен и ряд других аннамитских историков, был одновременно ученый и поэт и увенчан двумя коронами¹⁵⁶.

Сведений о Киеу Фу (1447–?) меньше. Известно, что он был уроженцем деревни Лапха провинции Куокоай, имел псевдоним Нинь Шон, прозвание Хиеу Ле. В 1475 г. стал лауреатом дворцовых экзаменов *тиенши*¹⁵⁷.

событий или случаев с людьми, часто известными. При этом следует помнить, что такое деление достаточно условно: сюжеты, связанные с удивительным, нередки в сборниках *чжижэнь сяшо*, и наоборот. Алимов И. А. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бици. Ч. I. — СПб., 1996. — С. 14. Как отмечает И. А. Алимов, в истории китайской литературы занимает совершенно особое место всеобъемлющий и универсальный сборник «Соу шэнь цзи» («Записки о поисках духов») знаменитого историографа Гань Бао, представляющий собой образец дотанской сюжетной прозы *чжигуай сяшо*. Алимов И. А. Вслед за кистью... С. 18. Именно с этим сочинением сравнивает в предисловии Ву Куинь «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор».

¹⁵⁵ Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Перевод с ханвьета К. Ю. Леонова и А. В. Никитина, коммент., вступит. ст. и приложения К. Ю. Леонова и А. В. Никитина при участии В. И. Антощенко, М. Ю. Ульянова, А. Л. Федорина. Т. I. — М., 2002. — С. 230–231.

¹⁵⁶ *Gaspardone E. Bibliographie...* P. 77.

¹⁵⁷ *Trần Văn Giáp. Tìm hiểu...* Т. 2. — Тр. 192.

Вьетнамские ученые, которых издавна занимала проблема авторства «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор», предполагают, что Ву Куинь и Киеу Фу, скорее всего, опирались на предшествующий вариант этого сочинения. В предисловии Ву Куинь отмечает, что первыми составителями произведения были образованные люди эпохи Ли — Чан. В XVIII в. Ле Куи Дон писал, что традиция приписывает составление «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» Чан Тхе Фапу. Ученый-энциклопедист упоминает также сочинение, в котором Чан Тхе Фап назван автором «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор», но добавляет, что неизвестно, откуда Чан Тхе Фап был родом¹⁵⁸.

Вьетнамский историограф Фан Хюи Тю также отмечал, что автор сборника неизвестен, считается, что его составитель — Чан Тхе Фап. До наших дней дошло только предисловие Ву Куиня, предисловия других составителей отсутствуют¹⁵⁹.

Современные вьетнамские литературоведы предполагают, что Ву Куинь и Киеу Фу при составлении «Описания удивительного...» могли опираться на сочинение Хо Тон Тхока «Описание поколений вьетского юга» (XIV в.). Кроме того, исследователи усматривают в «Описании удивительного...» влияние собрания Ли Те Сюйена (XIV в.), у которого Ву Куинь и Киеу Фу могли почерпнуть, по меньшей мере, четыре рассказа¹⁶⁰.

Нет свидетельств о том, что Ву Куинь и Киеу Фу работали над «Описанием удивительного...» совместно. Высказывается предположение, что, возможно, это сочинение было сначала переработано Ву Куинем (т. к. его предисловие датировано на год раньше), а уже затем — Киеу Фу¹⁶¹.

За время существования произведения его состав менялся. Так, во времена Ву Куиня и Киеу Фу сборник был разделен на две книги и включал двадцать два рассказа. При династии Мак (1527—1595) к первым двум книгам была добавлена третья. Таким образом, с XVI—XIX вв. «Описание удивительного...» подвергалось многочисленным добавлениям и изменениям, менялось также название произведения. В настоящее время вьетнамские ученые располагают одиннадцатью вариантами этого сочинения, с разным количеством рассказов¹⁶².

О содержании и назначении сборника сказано в предисловии Ву Куиня и послесловии Киеу Фу.

В предисловии, рядом с традиционным описанием достоинств своей страны, Ву Куинь прямо говорит о том, что нет точных сведений, когда и кто создал рассказы, приведенные в этом сочинении. Впервые они были записаны во времена династий Ли — Чан, а современные же ученые мужи лишь отшлифовали их. Ву Куинь скорее всего рассматривал свой труд как редакторский. Ву Куинь сравнивает «Описание удивительного...» с «Записками о поисках духов» (Соу шэнь цзи) Гань Бао (IV в.), т. е. с сюжетной прозой *сяошо*. Призвав на помощь образцовый пример, он доказывает необходимость сохранения вьетнамских рассказов о чудесах и полагает, что эти истории, которые передаются из уст в уста, содержат столько полезного и поучительного, что их следует записать

¹⁵⁸ Lê Quý Đôn. *Kiên văn tiểu lục*. — Hà-nội, 1962. — Tr. 200.

¹⁵⁹ Phan Huy Chú. *Lịch triều...* T. 4. — Tr. 119.

¹⁶⁰ Thơ văn Lý Trần. T. 3. — Hà-nội, 1977. — Tr. 611.

¹⁶¹ *Đình Gia Khánh*, Nguyễn Ngọc San. *Lời giới thiệu Lĩnh nam chí quái*. — Hà-nội, 1960. — Tr. 6.

¹⁶² Thơ văn Lý Trần... T. 3. — Tr. 612.

и передать грядущим поколениям. В этих народных рассказах, отмечает Ву Куинь, содержатся сведения о тех временах, когда исторических сочинений еще не было, или же они велись недостаточно подробно.

Сохранилось также послесловие Киеу Фу: «Увы! Все обычное записано в канонических и исторических сочинениях, предназначенных для того, чтобы наставлять потомков, необычайное же приводится в различных записях, расширяя тем самым литературу о странном и удивительном. Поэтому повествования времен императора Юя¹⁶³, династий Ся (2205–1766 гг. до н. э. — Е. К.), Шан (Шан-Инь 1766–1122 гг. до н. э. — Е. К.), Чжоу (1122–247 гг. до н. э. — Е. К.), излагаются в писаниях, повествования династий Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э. — Е. К.), Тан (618–907 — Е. К.), Сун (960–1279 — Е. К.), Юань (1280–1367 — Е. К.), ясно записаны в исторических сочинениях. Что же касается событий, рассказывающих о том, как старики гуляли у реки¹⁶⁴; о драконе, нарисовавшем, согласно предначертанию, на земле план¹⁶⁵; о том, как звуки гонга раздавались в деревне¹⁶⁶; о воробье, принесшем в клюве красное письмо¹⁶⁷ — все они отмечены в записях для того, чтобы восполнить недостающие места. «Внутренние записи У-ди» эпохи Хань¹⁶⁸, записи о событиях, оставшиеся от периода *Тянь-бао* эпохи Тан¹⁶⁹, истории, записанные в зале для аудиенций, а также в провинциях при сунской династии — разве все они не включают диковинные повествования, случившиеся при жизни одного поколения и записанные для удобства надзирающего чиновника. Во времена двенадцати правителей (двенадцати *шикуанов* — Е. К.)¹⁷⁰ наша страна Вьет была еще недостаточно цивилизованной, однако записи государственных событий постоянно встречаются во «Всеобщем зеркале из Тхоктхю»¹⁷¹ и в погодных придворных историях. Поэтому странные происшествия в горах и на реках, необычайные события, случившиеся с героями, хотя они все и не записаны в исторических книгах, но народные рассказы их не искажают. Образованные

¹⁶³ Юй — первый император самой ранней легендарной китайской династии Ся.

¹⁶⁴ В книге «Летопись, написанная на бамбуковых дощечках» (Чжуншунь цзи нянь), составленной неизвестным автором при династии Цзинь, приводится история о том, как Яо и Шуню повстречались пять стариков, гуляющих на речной отмели, которые оказались небожителями.

¹⁶⁵ Речь идет о драконе, появившемся из Хуанхэ. На его спине были письмена, на основе которых Фу Си составил триграммы «Ицзина». Кроме того, можно предположить, что имелся в виду речной дух, давший Юю план борьбы с наводнением.

¹⁶⁶ По мнению вьетнамских комментаторов, здесь имеется в виду история, рассказывающая о старике, недовольном неустанными трудами Яо. См. «Жизнеописания великих мужей» (Гао ши чжуань) Хуан Фуми (215–282).

¹⁶⁷ Имеется в виду легенда о получении Вэнь-ваном (отцом У-вана, основателя династии Чжоу (1027–256 гг. до н. э.) Небесного мандата: однажды осенью красная птица, неся в клюве красную надпись, появилась в пределах столицы Фэн и опустилась у ворот Вэнь-вана. Это означало, что небесный мандат вручен дому Чжоу.

¹⁶⁸ Сочинение, в котором описываются чудесные истории, случившиеся во времена императора У-ди (140–86 гг. до н. э.).

¹⁶⁹ В сочинении идет речь о событиях, случившихся при царствовании императора Сюань-цзуна (712–755) в годы правления под девизом *Тянь-бао* (742–755).

¹⁷⁰ Период феодальной раздробленности Вьетнама в середине X в., одни авторы датируют его 945–968 гг., другие 966–968 гг.

¹⁷¹ «Всеобщее зеркало из Тхоктхю» (Тхок тхю тхонг зям). Тхоктхю (кит. Сушуй) — это название местности, откуда происходил известный китайский историк Сыма Гуан (1019–1086), оставивший знаменитое сочинение «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» (Цзы чжи тун цзянь). Не совсем ясно, что имеет в виду Киеу Фу: этот ли исторический труд или же вьетнамское сочинение, составленное по аналогии.

люди последующих поколений продолжают собирать и записывать этих рассказы, всего получится тысячи книг, в которых объединятся сведения о различных событиях. Предназначено это для восполнения недостающих мест...»¹⁷².

В послесловии Киеу Фу, как и его предшественник Ву Куинь, рассуждая об истоках сочинения, в основном, делает упор на устные народные предания, в которых излагаются истории о чудесных событиях. Такие рассказы, по его мнению, содержат полезные сведения, служащие дополнением к сочинениям официальной историографии, и для убедительности Киеу Фу ссылается на образец Китая, т. е. ценность произведения он видит прежде всего в сохранении материалов, важных для истории.

«Описание удивительного...» — это сборник озаглавленных рассказов, в которых прозаический текст иногда перемежается стихотворными вставками. Действие одних рассказов отнесено к глубокой древности и связывается со временами правления полулегендарной династии Хунг-вьонгов, события в других историях происходят в более поздние времена, например, в XIII—XIV вв. Многие истории представляют собой этиологические предания или к истории присоединяется этиологическая концовка. Речь идет, например, о происхождении различных географических названий, о том, как распространился обычай жевать бетель, изготавливать новогодние пироги и т. д. Исследователи обращают внимание на то, что, прежде всего, в этом сочинении объединены легендарные и полулегендарные сюжеты по истории Вьета до 207 г. до н. э.¹⁷³

Среди героев «Описания удивительного...» наряду с мифическими первопредками, различными духами и т. д. можно встретить реальных лиц, например, знаменитых сестер Чынг, поднявших восстание против китайского господства в I в. н. э., буддийского монаха Ты Дао Ханя, известного своим чародейством.

Одним из характерных признаков этого сочинения является незначительное количество ссылок на источники. Возможно, это объясняется особым материалом сборника. Как отмечает Н. И. Никулин, в сборнике Ву Куиня и Киеу Фу очень широко использованы устные народные произведения¹⁷⁴, причем многие сюжеты, встречающиеся в этом сочинении дожили в устном бытовании до наших дней и были записаны современными вьетнамскими фольклористами¹⁷⁵. Действительно, в «Описание удивительного...» включены древнейшие предания вьетов: о мифических первопредках Кинь Зыонг-вьонге, Лак Лонг-куане, фее Эу Ко, породившей сто яиц, из которых вышли предки вьетов и т. д. Так, согласно «Описанию удивительного...» Лонг-куан жил вместе с Эу Ко. Спустя год у нее родился послед. Супруги сочли его дурным предзнаменованием и бросили в поле. Через семь дней эта оболочка раскрылась, и появились сто яиц, в каждом был мальчик. Их забрали домой, чтобы выкормить, но дети не нуждались в материнском молоке. Все они выросли, каждый отличался умом, храбростью и безупречным поведением. Помимо вьетов, миф о рождении из яйца встречается у ряда народов Юго-Восточной Азии, а также у корейцев, исследователи не раз обращали на это внимание¹⁷⁶. Присутствует он и в японской культуре,

¹⁷² *Vi Quynh, Kieu Phu. Linh nam chich quai...* Тр. 97.

¹⁷³ Познер П. В. Древний Вьетнам... С. 98.

¹⁷⁴ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 128.

¹⁷⁵ Рифтин Б. Л. Зарождение и развитие... С. 205.

¹⁷⁶ Например, Рифтин Б. Л. Введение // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1982. — С. 8–9; Стратанович Г. Г. Этногенетические мифы об исходе из яйца или тыквы у народов Юго-Восточной Азии // Этническая история и фольклор. — М., 1977. — С. 63–64.

в качестве примера приведем предание из «Нихон рёйки» — буддийского памятника раннего средневековья: «Тоёбуку-но-Хирогими жил в деревне Тоёбуку, что в округе Яцусиро земли Хиго. Его жена забеременела, и во втором году эры Драгоценной Черепахи, пятнадцатого дня одиннадцатой луны года свиньи, в час тигра, у нее родился мясной шарик, походивший на яйцо. Супруги сочли это за дурное предзнаменование, положили шарик в корзину, отнесли в горы и оставили среди камней. Вернулись туда через семь дней — оболочка мясного шарика раскрылась, и на свет появилась девочка. Родители забрали ее и выкормили грудью. Люди в округе не могли надивиться на чудо сие. Минуло восемь лун, и девочка вдруг стала быстро расти, причем ее голова срослась с плечами, а подбородка не было. Этим она отличалась от других людей. Роста в ней было три *сяку* и пять *сунов*. С рождения она славилась умом и премудростью. К семи годам девочка выучилась читать без запинки «Сутру лотоса» и восемьдесят свитков «Сутры цветов добродетелей бодхисаттвы». Она была молчалива и скромна. В конце концов, дочь надумала покинуть родительский дом. Она остригла волосы, надела рясу, творила добро и наставляла людей — они верили в нее... В давние времена Будды дочь богача Судати из Саэдзё по имени Соман родила десять яиц. Потом они превратились в десять мужей, покинули дом и стали архатами. Жена богача из Кабираэ забеременела и родила мясной шарик. Через семь дней его открыли, там оказалось сто мальчиков. Все они покинули дом и стали архатами...» («Слово о девочке, родившейся из мясного шарика, которая творила добро и наставляла людей»)¹⁷⁷.

Некоторые исследователи считают фею-прародительницу Эу Ко аналогом птицы-прародительницы¹⁷⁸. По словам Д. В. Деопика, главное в религии лаквьетов — это образ звезды и образ птицы. И китайские авторы при описании *цзяочжи* (вьет. зяотьи) также указывают на культ птицы, которая ходит по рисовым полям. Это не летающий неизвестно где орел, а птица, находящаяся рядом с духами; и поныне стоят изображения этих птиц у алтарей вьетнамских поминальных храмов¹⁷⁹. Возможно, это был аист. На рубеже нашей эры мировоззрение донгшонцев несколько изменилось в силу каких-то внутренних причин, возник культ лягушки-вызывательницы дождя, стилизовались, а потом и вовсе исчезли воины и птицы¹⁸⁰.

В «Истории Золотой черепахи» из «Описания удивительного...» рассказывает о том, как Золотая черепаха помогла Ан Зьонг-*вьонгу* (Тхук Фану) построить крепость, кроме того, дала свой коготь, чтобы сделать из него спусковой крючок арбалета. Как отмечает П. В. Познер, впервые во вьетнамской мифологии вводится волшебный персонаж — черепаха, которая действует активно и во многом предопределяет поступки Тхук Фана; с этого момента черепаха становится активно действующим персонажем вьетнамской мифологии вплоть до XV в., тогда как крокодил и птица Лак больше не появляются¹⁸¹.

По мнению П. В. Познера, во вьетнамском искусстве с изображением птицы Лак связано изображение черепахи. Во всем конфуцианском культурном ареале

¹⁷⁷ Японские легенды о чудесах (IX — XI вв.). — М., 1982. — С. 159–161.

¹⁷⁸ *Фан Данг Няп*. Мифо-эпические сказания народов Вьетнама и ранняя средневековая новелла // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. — М., 1988.

¹⁷⁹ *Деопик Д. В.* Древний Вьетнам. История, традиции, современность. — М., 2002.

¹⁸⁰ *Деопик Д. В.* История Вьетнама. Ч. 1. — М., 1994. — С.32.

¹⁸¹ *Познер П. В.* История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994. — С. 336.

широко распространена скульптура черепахи со стелой на спине. Самые ранние из вьетнамских скульптур такого типа относятся к XV в. и находятся во дворе стел лауреатов конкурсных испытаний в Литературном храме. Не исключено, что такое скульптурное изображение черепахи-стелы имеет южное происхождение, тогда как местные корни изображения самой черепахи не вызывают сомнения. Об этом свидетельствуют следующие данные. Во-первых, существование уникального культа Золотой черепахи с храмом национально-регионального значения, или *деном*, в центре озера Возвращенного Меча в Ханое. На этом же озере находится один из поминальных храмов Тхук Фана. Важно то, что его культ здесь тесно увязан с культом черепахи, скелет которой (?) хранится в этом храме, а сам храм, как и главный храм Тхук Фана в Крепости Улитка, украшен изображениями птицы Лак. И, во-вторых, находящиеся в Литературном храме две исключительно важные бронзовые скульптуры, каждая из которых представляет собой черепаху со стоящей на ее панцире птицей Лак. Фактически в этих скульптурах воплощено единство древних культов черепахи и птицы Лак, которое может иметь только местное происхождение¹⁸².

Представления о существовании пары — черепахи и змея (дракона) широко распространены в странах дальневосточного культурного региона. Так, Владыка Севера (Чжэнь у) обычно изображался босым, с распущенными волосами, с мечом в руке, стоя на черепахе, обвитой змеем. Обвиваемая змеем черепаха являлась астрономическим символом и представляла северную часть небосвода.

Миф о Женщине-Солнце и ее родителях, являющийся основным солярным мифом корейской культуры, реконструирован М.И. Никитиной в следующем виде: «В море обитает огромная Черепаха. Когда она всплывет на поверхность, ее можно принять за плавающий остров-гору. На голове Черепахи располагается Дракон (Змей). Черепаха и Дракон — супружеская пара, которая то всплывает на поверхность, то погружается в воду. Они производят на свет Дитя — Дочь-Солнце. Дитя появляется из головы Черепахи поначалу в стадии Предмета — в виде цветка, красной яшмы, жемчужины и т.п. Дракон вымогает Предмет у Черепахи, прячет его в пояс и держит при себе. Так он донашивает Дитя. Однажды пара Черепаха и Дракон встречается с Юношей, который забирает Предмет у Дракона. Юноша относит его в свой дом, где он и превращается в красавицу-девушку — Женщину-Солнце, которая становится Женой Юноши. Жена готовит яства и потчует Мужа. Муж без причины бранит Жену. Жена в обиде покидает дом Мужа и уходит в море, возвращаясь в свое исходное состояние: она оказывается вновь в голове Матери-Черепахи»¹⁸³.

По представлениям вьетов, в давние времена бог моря принял образ гигантской черепахи, такой огромной, что туловище ее невозможно было измерить. Черепаха молча лежала далеко от берега в Восточном море, не ела, не спала, ничем не занималась. Она не увеличивалась в размерах, но и не умирала, поддерживая свою жизнь только дыханием. Когда она вдыхала, то втягивала морскую воду себе в живот, а когда выдыхала, то вода извергалась обратно. Это происходило регулярно, при вдохе вода отступала от берегов, при выдохе — заливала сушу. Так появились приливы и отливы. Хотя черепаха и лежала обычно

¹⁸² Познер П. В. Там же. — С. 381.

¹⁸³ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. — М., 1982. — С. 145.

спокойно, но иногда она уставала от неподвижности и ворочалась с боку на бок. Тут же поднимался сильный ветер, начиналась буря, волны захлестывали берег. Люди обычно называли их волнами бога¹⁸⁴.

В тексте стелы XII в., созданной Нгуен Конг Батом, есть слова: «Всплывает Золотая черепаха, на ее спине три горы...»¹⁸⁵. В комментариях к переводу на современный вьетнамский язык это поясняется так: «Имеются в виду легендарные рассказы о духе-черепахе, несущей на себе три горы и плавающей далеко в открытом море»¹⁸⁶. Часть надписи на стеле переведена Н. И. Никулиным, что и используется российскими исследователями вьетнамской культуры: «На стеле при пагоде Зой (1121 г.) сохранилась надпись, созданная рукой вьетского автора Май Конг Бата. В тексте рассказывается о представлении театра кукол на воде на древний мифологический сюжет о Золотой черепахе. Вот как описывает Май Конг Бат представление театра кукол на воде, сценой для которого служила водная поверхность бассейна (маленького пруда) при буддийской пагоде: «Колышутся, собираются волны. Всплывает Золотая черепаха. На спине ее три горы. Набегают волны, колышат разрисованный панцирь. (Мерно) двигаются четыре лапы. Глаза вперились в высокий берег. Из рта (поднимаются) пена и струйки воды. (Золотая черепаха) подняла голову, кланяется государеву венцу. Скрылась (в волнах) и понеслась стремглав...»¹⁸⁷.

Скорее всего, здесь не идет речь об историко-мифологических сюжетах, связанных с Ан Зыонг-*выонгом* и помогавшей ему Золотой черепахой, а стоит обратиться, как справедливо отмечено в комментариях к переводу текста стелы на современный вьетнамский язык, к китайской мифологии, сюжеты которой получили распространение во Вьетнаме. Так, в «Вопросах к небу» Цюй Юаня есть строки: «Что может успокоить несущих на себе горы черепах, когда они бьют по воде ногами?» В комментариях Ван И приводится цитата из «Жизнеописаний бессмертных» (Лесянь чжуань — сочинение, по традиции, приписывается Лю Сяну, в действительности было создано в V–VI вв.): «Огромные волшебные черепахи несут на спине горы Пэнлай; что же может успокоить их, когда они пляшут и играют посреди моря и бьют ногами?»¹⁸⁸ О черепахах, поддерживающих горы, говорится также и в «Лецзы»: На востоке моря Бохай есть огромная пропасть, которая в действительности является ничем иным, как впадиной без дна. Туда вливаются воды восьми мест и девяти областей и даже Млечного Пути. Посредине пропасти находятся пять гор: Дайюй, Юаньцзяо, Фанху, Инчжоу, Пэнлай. Живут там только бессмертные и мудрецы. Но эти пять гор не были в своем основании укреплены. Верховный император приказал Юю установить опоры. Последний послал пятнадцать огромных черепах, которые, вытянув головы, стали поддерживать горы¹⁸⁹.

Повествования, похожие на «Историю Золотой черепахи», есть и в «Записках о поисках духов» Гань Бао: «Циньский Хуи-*ван* на двадцать седьмом году своего правления послал Чжан И на постройку крепостной стены в Чэнду. Она

¹⁸⁴ *Nguyễn Đình Chí*. Lược khảo về thần thoại Việt Nam. — Hà-nội, 1958. — Tr. 77–78.

¹⁸⁵ Thơ văn Lý Trần. T.1. — Hà-nội, 1977. — Tr. 415.

¹⁸⁶ Там же. — С. 415.

¹⁸⁷ Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. — М., 1993. — С. 8.

¹⁸⁸ *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. — М.1965. — С. 338.

¹⁸⁹ *Stein R.* Jardins en miniature d'Extreme Orient // BEFEO. — P. 52.

несколько раз рушилась. Внезапно на Цзяне показалась огромная плывущая черепаха. Когда она подплыла к юго-восточному углу дублирующей стены, ее убили. Чжан И обратился к шаманке с вопросом о смысле происходящего. «Начинайте строить стену с того места, которое указано черепахой», — ответила шаманка. Вскоре постройка была завершена. Поэтому крепость так и называют: «Крепость, Превращенная Черепахой» — Гуйхуачэн» (Цзюань тринадцатая, XIII. 325)¹⁹⁰.

«На юг от городских стен Аньяна есть почтовая станция. Ночью в ней нельзя оставаться: оставшихся вскоре находят убитыми. Некий начетчик, постигший магическое искусство, проезжал мимо и решил здесь переночевать. Люди на станции говорят ему: «Здесь останавливаться нельзя. Из тех, кто тут прежде ночевал, живым никто не остался». «Это не беда, — ответил начетчик, — я сумею сговориться». И вот он отправился в присутственное место, уселся там и принялся читать книгу, а через некоторое время пошел отдохнуть. После полуночи появился человек, одетый в черную рубаху, вышел за дверь и позвал начальника станции. Начальник откликнулся. «Ты не видел, есть ли кто на станции?» «Только что был один ученый муж, — был ответ, — он там читал книгу, потом решил отдохнуть, но как будто еще не спит». Тяжело вздохнув, человек ушел. Вскоре появился другой, с красной повязкой на голове. И он позвал начальника станции, начальник и тут откликнулся. Снова был вопрос: «Ты не видел, нет ли кого на станции?» Начальник ответил то же, что и прежде. Тогда начетчик его спрашивает: «Кто это приходил недавно, одетый в черное?» «Свинья-матка из северного хлева», — ответил тот. «А кто в красной головной повязке?» — был следующий вопрос. «Старый петух из западного курятника». «А сам-то ты кто?» «Я — старый скорпион». Тут начетчик затаился и всю ночь читал книгу, не смея прикорнуть. Вот небо осветилось. Люди со станции пришли взглянуть на него и спрашивают с изумлением: «Как это вам удалось остаться в живых — единственному из всех?» «Принесите-ка меч, — ответил начетчик, — я попробую для вас изловить оборотня». И вот он, сжимая меч, отправляется в то место, где провел вчерашнюю ночь, и в самом деле захватывает старого скорпиона — огромного, с лютью-*нипа*, — с ядовитым жалом в несколько *чи*. В западном курятнике он ловит старого петуха, а в северном хлеву — старую свинью. Он истребил всех этих тварей. После этого злодейства на станции утихли, и уже больше ни с кем там не случалось бед» (Цзюань восемнадцатая, XVIII. 438)¹⁹¹.

Как отмечал Ж. Пшилуски, предания, связывающие династию или основание государства с *нагой* или драконом, представлены во всей Восточной Азии. Попадая в Китай или Индию, тема рыбы, рождающей ребенка, трансформируется под влиянием китайской или индийской мифологии: на севере рыба становится драконом, на западе — *нагой*. Вместо того, чтобы допустить, что эти предания перемещались из арийской Индии или Северного Китая к Южным морям, Ж. Пшилуски высказывает предположение, не распространялись ли они, напротив, к востоку и на север. Ученый писал: «Уже в 1910 г. Э. Шаванн замечал, что некоторые индийские сказки были известны в Китае задолго до того, как они появились в буддийских сочинениях, переведенных на китайский язык. Так, например, в произведениях Хуайнань-цзы, умершего в 122 г. до н. э., делались намеки на многие из этих рассказов. «По этим признакам, — добавлял

¹⁹⁰ Гань Бао. Записки о поисках духов. — СПб., 2000. — С. 172.

¹⁹¹ Гань Бао. Записки о поисках духов. — СПб., 2000. — С. 263–265.

Э. Шаванн, — мы можем предположить, что перед проникновением буддизма в Китай в первом веке нашей эры многие индийские сказки уже были известны на Дальнем Востоке. Вопрос, требующий разрешения, состоит в следующем: пришли ли эти сказки прямо из Индии или они происходят из другого источника распространения, из которого они могли мигрировать в Восточный Китай и Южную Индию». Ж.Пшилуски высказывает гипотезу, что этот источник распространения нужно искать в аустроазиатском мире¹⁹². Его статья была поддержана французской исследовательницей Э. Поре-Масперо, а также российским ученым Я. В. Чесновым, писавшим: «...наши взгляды о важной историко-культурной роли Юго-Восточной Азии противостоят утвердившейся в западной научной литературе с давних времен традиции о пассивном восприятии народами этой области культурных влияний Индии, Китая, Средиземноморья... Наибольшим же теоретическим достижением в рассматриваемом вопросе были работы Ж.Пшилуски, развившего точку зрения о субстрате приморской культуры в верованиях в принцессу-*нагу* и о связи этого субстрата с аустроазиатами, и Э. Поре-Масперо»¹⁹³.

По словам Э. Поре-Масперо, у варваров Lin-kiun, некогда живших на севере озера Дунтин, существовало следующее предание. Люди четырех племен поклонялись духам и демонам. Не имея верховного вождя, они условились бросить свои мечи в каменную пещеру и объявить королем того, кто сумеет их собрать. Один из них, по имени Ou-siang, вышел победителем из этого первого испытания. Также требовалось, чтобы желающий стать государем мог плавать на лодке, сделанной из земли. Все рискнувшие пуститься в подобное плавание, утонули. Только Ou-siang оказался способен на такое чудо. Тогда он был объявлен королем под именем Lin-kiun. Государь поплыл вниз по реке Y-choui на своей земляной лодке. Когда он прибыл в страну Yen-yang, ему явилась богиня реки и сказала: «Останьтесь, земля плодородная, соли хватает, рыба водится в изобилии, и я хотела бы быть в вашем обществе». Но Lin-kiun отказался взять ее в жены. Ночью богиня пришла снова. Затем она превратилась в крылатое насекомое и, летая вместе с миллионами своих собратьев, преградила дорогу солнечному свету. Десять дней и десять ночей было темно. Наконец Lin-kiun пустил стрелу и убил ее. Исследовательница отмечает, что в этом рассказе встречаются хорошо знакомые темы, в частности союз (который здесь был отвергнут) героя с богиней реки (тождественной *наге*)¹⁹⁴.

Как отмечает Ж. Пшилуски, рассказ о китайской колонизации Аннама тождественно совпадает с легендой об индийской колонизации Фунани. Опираясь на различные документы (китайские исторические сочинения, включающие местные предания, связанные с началом индийской колонизации Фунани; тямпская надпись, датированная 658 г.) ученый так воссоздает эту легенду: Некогда брахман Каундинья увидел во сне, что дух дает ему лук и приглашает подняться в лодку. Утром брахман отправился к храму духа, нашел там лук у подножия дерева и отправился за море. Он прибыл в страну Фунань, где царил *нага* Сома. Каундинья выпустил из своего волшебного лука стрелу.

¹⁹² Przuluski J. La princesse a l'odeur de poisson et la nagi dans les traditions de l'Asie Orientale. Etudes asiatiques publiées a l'occasion du vingt-cinquième anniversaire de l'Ecole Française d'Extrême Orient. T. 2. — Paris, 1925. — P. 283–284.

¹⁹³ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. — М., 1976. — С. 200.

¹⁹⁴ Porée-Maspero E. Étude sur les rites agraires des cambodgiens. T. 2. — Paris, 1964. — P. 476.

Королева покорилась и вышла замуж за брахмана, который стал королем Фунани. От этого союза пошла первая династия королей Фунани. По мнению Ж. Пшилуски, дух, доставивший Каундинья чудесный лук, заменен в Аннаме морской черепахой, которая делает свой коготь гашеткой арбалета. *Naга*-змея становится принцессой Ми Тяу, имя которой значит Прекрасная Жемчужина, ее кровь превращается в жемчуг в глубине моря. В Фунани чужеземец Каундинья становится хозяином страны, женись на *наге*, китаец Чжун Ши захватил Аннам, женись на Ми Тяу. Во вьетнамской легенде находится эквивалент трем темам: сверхъестественному луку, *наге*-змее и свадьбе¹⁹⁵.

В Тямпе также существовал миф, аналогичные фунаньскому. Надпись, посвященная основанию г. Бхавапури, сообщает, что в этом месте Каундинья, «самый великий из брахманов», воткнул в землю дротик, который он получил от Ашваттахаманы, сына Дроны. Каундинья, говорится в надписи, женился на правительнице страны, дочери царя *нагов* по имени Сома. Тямпский и фунаньский мифы настолько близки, отмечает Я. В. Чеснов, что являются, в сущности, одним и тем же мифом, и это лишний раз подчеркивает теснейшие связи между Тямпой и Фунанью. По словам Я. В. Чеснова, фольклорный и исторический материал прочно связывает кхмерскую и тямпскую традиции с первыми веками нашей эры, но не ранее¹⁹⁶.

Эти мифы оказались очень значимы для вьетнамской культуры, вероятно, не случайно они нашли отражение в двух практически идентичных вьетнамских преданиях, привязанных к различным историческим лицам.

В первом повествуется о падении государства Аулак, созданного в результате объединения лаквьетов (государство Ванланг) и аувьетов (государство Тэйау) и существовавшего в 257–208 гг. до н. э. Владыкой Аулака был Ан Зыонг-вьонг. Он выдал свою дочь Ми Тяу за Чжун Ши (вьет. Чонг Тхюи), сына Чжао То (вьет. Чиеу Да). Чжао То, посланный китайским императором Цинь Ши-хуаном на завоевание южных земель, являлся наместником округов Наньхай и Гуйлинь. Затем Чжао То отделился от циньской империи и создал государство Намвьет на территории Гуандуна, впоследствии к нему было присоединено и государство Аулак. С этого момента началась династия Чиеу (207–111 гг. до н. э.).

Архаичность предания не вызывает сомнений, оно было известно в Китае с III в. н. э. Предание зафиксировано китайским автором Ли Дао — юанем (IV в.), который ссылается на более ранний источник, не дошедший до нас — «Записки о Цзяочжоу (Зяотяу) и землях за его пределами лежащих»¹⁹⁷. Оно было широко известно во Вьетнаме, и популярность его можно, пожалуй, сравнить с распространенностью сюжета о чудесном мече, полученном Ле Лоем от Золотой черепахи, с помощью которого он сумел в XV в. изгнать китайцев.

Во Вьетнаме записи этого предания включены как в исторические сочинения, так и в собрания рассказов, не относящихся к официальной историографии. Самая ранняя запись входит в «Краткую историю Вьета» (Вьет ши лыок), датируемую XIII в. Предание присутствует также в «Полном собрании исторических записок о Великом Вьете» (Дай вьет ши ки тоан тхы) и в «Описание удивительного...».

¹⁹⁵ *Przyluski J.* La princesse à l'odeur de poisson et la nagi dans les traditions de l'Asie Orientale. Etudes asiatiques à l'occasion du vingt-cinquième anniversaire de L'École Française d'Extrême-Orient. T. 2 — Paris, 1925. — P. 275, 279.

¹⁹⁶ *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. — М., 1976. — С. 181–182, 184.

¹⁹⁷ *Никуллин Н. И.* Вьетнамская литература... С. 109–110.

Как отмечает Н. И. Никулин, в «Краткой истории Вьета» отчетливо проводится принцип схематизирующей историзации: простой, без описаний и диалогов пересказ сюжетной линии, возможно раннего варианта предания, явно носит телеологический характер. Недвусмысленно, в духе конфуцианской морали, в хронике осуждается Ми Тяу, которая согрешила с Чжун Ши и стала виновницей гибели своего отца и его государства. Напротив, в хронике Нго Ши Лиена предание превращается в развернутое повествование с усложненным сюжетом, который излагается во временной последовательности — по годам. Осуждающий тон нравочужения смягчается или исчезает совсем. Ясность и безапелляционность прежней трактовки сменяются сознанием сложности разыгравшейся драматической коллизии, вследствие чего проявляется известный психологизм в обрисовке образов¹⁹⁸. В «Краткой истории Вьета» отсутствует Золотая черепаха как дарительница когтя; после порчи арбалета судьба Ми Тяу и Чжун Ши не указана. Варианты зафиксированные в «Полном собрании...» и в «Описании удивительного...» схожи, различия лишь судьба Ан Зыонг-выонга после поражения: в первом сочинении он бросается в море и гибнет, а во втором — его уводит в море Золотая черепаха.

Тот же сюжет, но уже с другими действующими лицами, встречается во Вьетнаме еще раз. На сей раз он привязан к VI в., соотнесен с именами Ли Фат Ты (Ли Нам-де) и Чиеу Вьет-выонга (Чиеу Куанг Фук). Между этими военачальниками Ли Бона, объявившего себя императором самостоятельной вьетнамской династии Ранних Ли, разгорелась борьба за власть. Вьетнамская династия Ранних Ли и династия Чиеу (544–603) включали: Ли Нам-де (Ли Бон, годы правления: 544–548, девиз правления *Тхиен-дык*), Ли Дао Ланг-выонга (годы правления: 549–555, девиз правления *Тхиен-бао*, старший брат Ли Бона), Чиеу Вьет-выонга (годы правления: 549–570, девиз правления *Куанг-фук*). Позднего Ли Нам-де (годы правления: 571–603, девиз правления *Ли Фат-ты*).

Сходство обоих преданий бросается в глаза. А. Масперо, например, считал сюжет о Чиеу Вьет-выонге поздней копией сюжета об Ан Зыонг-выонге, отмечая вымышленный, чисто религиозный характер обоих преданий¹⁹⁹. Его мнение оспаривал П. В. Познер, утверждавший, что различия в сюжетах о Чиеу Вьет-выонге и об Ан Зыонг-выонге значительно более обширны и своеобразны, чем весьма относительные совпадения, а конкретные действия Чиеу Вьет-выонг, так же как и свершения Ан Зыонг-выонга (исключая мифологические части этих сюжетов), носят вполне исторический характер²⁰⁰.

Впервые в письменных памятниках, дошедших до сегодняшних дней, интересующее нас предание о Ли Фат Ты и Чиеу Вьет-выонге появляется в сборнике Ли Те Сюйена «О таинственных силах и духах земли Вьет» (XIV в.). Оно составляет часть рассказа, посвященного этим двум военачальникам Ли Бона:

«...Нам-де удерживал земли Озиен, отправил сватов к Чиеу Вьет-выонгу, намереваясь женить своего сына Ня Ланга. Чиеу Вьет-выонг согласился выдать дочь Као ньонг за Ня Ланга. Брак был заключен, и Ня Ланг остался жить с женой и тестем. Супруги очень любили друг друга.

¹⁹⁸ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 110.

¹⁹⁹ Масперо Н. Etudes d'Histoire d'Annam // BEFEO. — 1916. — Т. 16, № 1. — Р. 29.

²⁰⁰ Познер П. В. Древний Вьетнам. Проблемы летописания. — М., 1980. — С. 116.

Через некоторое время Ня Ланг обратился к Као *ньонг*: «Сейчас мы живем одной семьей, разреши спросить: само собой разумеется, что государь-отец — выдающийся человек, но какое еще есть чудесное средство, заставившее моего отца отступить?»

Поверив мужу, Као *ньонг* достала боевой шлем с когтем дракона и дала Ня Лангу посмотреть, прибавив: «Батюшка выигрывает сражения благодаря когтю божественного дракона!»

Ня Ланг все рассмотрел, а затем постарался улучшить момент и украл этот драгоценный коготь. Затем он сказал Као *ньонг*: «Я живу здесь уже долго. Вдали от своих родных часто вспоминаю их. Разреши на время расстаться с тобой и вернуться домой, чтобы справиться о здоровье родителей. Путь мне, однако, предстоит далекий, и займет он немало времени. Если в мое отсутствие что-нибудь случится, и тебе придется уехать с государем-отцом, бросай на дорогу гусиные перья, и я тебя отыщу». Договорив, Ня Ланг отбыл.

Дома он отдал коготь дракона отцу — государю Нам-де, и все ему рассказал. Тот очень обрадовался, тут же выступил в поход и скоро достиг владений своего противника.

Чиёу Вьет-*вьонг* не успел подготовиться, как только услышал весть о нападении, надел боевой шлем и повел войска в бой. Но шлем утратил свою чудодейственность, и сражение было проиграно.

Увидав, что положение становится угрожающим, Чиёу Вьет-*вьонг* взял дочь и решил спастись бегством. Он отправился на юг, намереваясь укрыться в глухом, отдаленном уголке. Но как только Чиёу Вьет-*вьонг* остановился передохнуть, послышался шум приближавшейся погони. В страхе государь громко крикнул: «Дух Государя-дракона! Почему не помогаешь мне?»

Тотчас появился золотой дракон, указал на Као *ньонг* и произнес: «Эта девушка бросала гусиные перья на дорогу, поэтому враги узнали путь, которым вы следовали. Она заслужила смерть!»

Чиёу Вьет-*вьонг* обезглавил дочь, бросил тело в воду, затем поскакал на лошади в сторону морского устья Тиеуня. Но путь ему был уже прегражден. Тогда он поскакал к устью Дайня и там воскликнул: «Дорога кончилась, и я погиб!»

Вдруг в волнах показался извивавшийся золотой дракон. Он увел государя с собой в море. Нам-де, примчавшись с погоней, никого не нашел и вернулся обратно»²⁰¹.

По мнению А. Масперо, предание о Чиёу Вьет-*вьонге* ввел в историографию Нго Ши Лиен²⁰². Различия двух вариантов предания о Чиёу Вьет-*вьонге* сводятся к следующему: в сборнике Ли Те Сюйена чудесный коготь дает золотой дракон, который и уводит правителя после поражения в море. В летописи Нго Ши Лиена коготь получен от духа болота, сидевшего на драконе, Чиёу Вьет-*вьонг*, будучи разбитым, бросился в море, что случилось с Као *ньонг* неизвестно. Как сложилась судьба Ня Ланга после смерти жены не указано в обоих сочинениях.

Очень близкий сюжет зафиксирован также в Корее. На сходство корейского и вьетнамского преданий обратил внимание известный ученый-вьетнамист Н. И. Никулин, сравнивавший исторические сочинения Вьетнама и Кореи и отметивший знаменательность совпадений сюжетных повествований фольклорного характера в хрониках обеих стран²⁰³.

²⁰¹ *Lý Tế Xuyên. Việt điện u linh. — Hà-nội, 1960. — Tr. 19.*

²⁰² *Maspero H. Etudes d'Histoire d'Annam... P. 11.*

²⁰³ *Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 109.*

Исследователи корейской культуры не раз обращали внимание на общие черты, свойственные культурам Кореи и Вьетнама. Так, Р. Ш. Джарьлгасинова высказывает предположение о наличии в этногенезе древнекорейских народов двух компонентов: более древнего южного, связанного с протоиндонезийским миром (сюжет о рождении героя из яйца, культ черепахи, особая роль барабанов в ритуалах, посвященных Небу) и более позднего, северного, связанного с протоалтайским миром²⁰⁴. М. И. Никитина отмечает, что учитывая наличие уже в эпоху неолита приморского восточного пути меридиональных связей, огромной дуги, один конец которой упирался в Индонезию и Полинезию, а другой — в Полярный круг, может оказаться объяснимым за счет миграций и древних культурных контактов такой феномен, как поразительное совпадение корейских представлений о Женщине-Солнце и о женщине-ногах с представлениями народа *эдэ*, одного из горных народов Вьетнама, говорящего на языке малайско-полинезийской семьи²⁰⁵.

В корейском предании рассказывается о гибели государства Аннан (период Трех государств: Когурё, Пэкче, Силла — I в. до н. э. — VII в. н. э.). Его государь Чхве Ри выдал замуж свою дочь за Ходона, сына правителя государства Когурё. Тот уговорил жену испортить чудесные барабан и рожок, предупреждавшие о приближении неприятеля. Затем правитель Когурё напал на Аннан, и Чхве Ри, не успев подготовиться к сражению, сдался.

В Корею самая ранняя запись этого сюжета включена в официальное историческое сочинение — в «Исторические записи трех государств» (Самгук саги) Ким Бусика (XII в.). Предание входит в «Летописи Когурё» в сообщение о пятнадцатом годе правления вана Тэмусина. Приведем его в переводе М. Н. Пака:

«Летом, в четвертом месяце, сын *вана* (принц) Ходон путешествовал по Окчо. (Ему) повстречался *ван* Аннана (Лолана) Чхве Ри, который спросил у него: «(Судя) по вашему благородному облику, вы — не простой человек. Не сын ли вы священного *вана* Северного государства (Пуккук-синван)? «Затем (Чхве) вместе с (Ходоном) вернулся (к себе) и женил (Ходона) на своей дочери. Впоследствии Ходон, вернулся (к себе) и женил (Ходона) на своей дочери. Впоследствии Ходон, возвратившись в свое государство, тайно отправил человека к дочери дома Чхве с посланием: «Если ты сможешь проникнуть в оружейный склад (своего государства) и (там) разрежешь барабан и сломаешь рог (горн), тогда я приму тебя со всем почетом, а если не сможешь, то не встречу». Ранее в Аннани были барабан и рог, которые сами издавали звуки при приближении вражеских войск, поэтому он велел ей уничтожить их.

И вот дочь дома Чхве с острым ножом тайно проникла в оружейный склад и разрежала поверхность барабана и раструб рога, а затем оповестила об этом Ходона. Тогда Ходон уговорил *вана* напасть на Аннан. Из-за того, что барабан и рог не подавали сигналов, Чхве Ри не смог подготовиться (к отпору), и наше войско внезапно оказалось под стенами крепости.

Узнав о том, что барабан и рог повреждены, (Чхве Ри) убил свою дочь, а затем сдался.

(Некоторые говорят, что желая уничтожить Аннан (*ван* Когурё) женил своего сына дочери аннанского *вана*, которую затем отправили на родину, чтобы испортить боевые доспехи).

²⁰⁴ Джарьлгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев. — М., 1979. — С. 114.

²⁰⁵ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. — М., 1982. — С. 160.

Зимой, в одиннадцатом месяце, покончил самоубийством сын *вана* — Ходон. Ходон был сыном второй жены *вана*, внучки *вана* Кальса. У Ходона было красивое лицо и изящная осанка, и поэтому *ван* сильно любил его и назвал Ходон («Прекрасное дитя»). Первая жена *вана*, боявшаяся, как бы он не стал наследником в обход законных детей, оговорила его перед *ваном*: «Ходон обращается к (твоей) супруге без всякого почтения. Опасаюсь, что он хочет сделать меня своей сожительницей». *Ван* (на это) сказал: «Ты ведь ненавидишь его за то, что (он) родился от другой (жены)?»

Зная, что *ван* не верит ей, и боясь дурных последствий для себя, она заливалась слезами и приговаривала: «Прошу великого *вана* самому тайком понаблюдать, и если это неправда, его супруга сама примет на себя (всю) вину. После этих слов великий *ван* не стал сомневаться в вине Ходона и, собираясь наказать, спросил у Ходона: «Почему ты сам не можешь объяснить все?» Ходон ответил: «Как я могу объяснить? Тогда выяснится вина матери (т. е. первой жены *вана*), что причинит огорчение *вану*. Можно ли будет такой поступок назвать сыновней почтительностью?» (И с этими словами) он упал на (острие) меча и погиб»²⁰⁶.

В качестве чудесных предметов, спасавших от вражеского нашествия, в корейском предании названы барабан и рог. Некоторые говорили, отмечает также Ким Бусик, что дочь аннанского *вана* испортила боевые доспехи.

В древней Корее, как и во многих других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, барабаны, гонги, колокола и колокольчики почитались прежде всего как ритуально-музыкальные предметы, с помощью которых люди взывали к Небу, обращались со своими просьбами к всемогущим духам²⁰⁷.

Барабан и рожок могли рассматриваться как атрибуты государственности. Так, Ли Кюбо (1169–1241) в комментариях к поэме «Государь Тонмен» пишет: «Мы создали государство, — как-то заметил государь, — но у нас нет ни барабанов ни рожков для совершения обрядов. Вот прибыли посланцы из страны Пирю, а я, будучи государем, не могу совершить церемонию их встречи и проводов. Все станут пренебрегать мною»²⁰⁸.

Сравним корейское и вьетнамские предания — основные сюжетные узлы совпадают. Отметим различия: в корейском предании не указано, каким образом правитель становится обладателем чудесных предметов; барабан и рог портит сама принцесса, не зять; правитель сдается, а не гибнет или уходит в море. Хотя принц Ходон и лишает себя жизни из-за женщины, причиной его смерти является не тоска по умершей жене, а козни главной супруги *вана*.

В корейском предании исчезает связь с *нагой*-змеей, с водой, сближающая вьетнамские предания с традициями Юго-Восточной Азии. Соотнесенность с водной стихией четко прослеживается во вьетнамских преданиях об Ан Зыонг-выонге и Чиёу Вьет-выонге:

1. Коготь для арбалета дает Ан Зыонг-выонгу Золотая черепаха, а Чиёу Вьет-выонгу — золотой дракон, чудесные животные, появившиеся из воды.

2. Кровь дочери Ан Зыонг-выонга — Ми Тяу («Прекрасной жемчужины») стекла в море, ее поглотили раковины-жемчужницы, и она превратилась в жемчуг. После того, как Чиёу Вьет-выонг обезглавил Као *ньонг*, он бросил тело в воду.

²⁰⁶ Ким Бусик. Исторические записи Трех государств / Пер. М. Н. Пака. Т. 2. — М., 1995. — С. 48.

²⁰⁷ Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история... С. 102.

²⁰⁸ Троцевич А. Ф. Миф и сюжетная проза Кореи. — СПб., 1996. — С. 13.

3. Ан Зыонг-выонга забрала в морскую пучину Золотая черепаха, а Чиеу Вьет-выонга увел в море золотой дракон.

4. Чжун Ши утопился в колодце, т. е. ушел в воду.

Мы рассмотрели сюжет, распространенный в Корее и Вьетнаме и, скорее всего, имеющий общие фольклорные корни. Возможно, миф наложился на реальные исторические события. Наличие таких материалов подтверждают предположение о глубинной связи культур обеих стран.

Обратим внимание, что в странах дальневосточного культурного региона черепахи не являются однозначно положительными животными. Как отмечает Я. Я. М. де Гроот, в Восточной Азии черепахам, как и целому ряду других животных, приписывали способность насылать на людей болезни. Тао Цянь сообщает: «Как-то в старину один человек и его слуга одновременно заболели болезнью живота. Все попытки вылечить их оказались безуспешными. Когда слуга умер, ему разрезали живот и обнаружили там белую черепаху с ярко-красными глазами. Черепаху полили отваром из ядовитых растений, а, кроме того, засунули ядовитые растения ей в пасть, но ничто не могло ни повредить ей, ни даже просто воздействовать на нее. И тогда черепаху привязали к ножке кровати. Как-то к больному прибыл посетитель. Он приехал на белой лошади, мочой которой полили черепаху. Та испугалась и попыталась спрятаться, но не смогла этого сделать, ибо была крепко привязана. И тогда она спрятала в панцирь голову, шею и лапы. Больной, увидев это, сказал своему сыну: «Быть может, мочой можно вылечить и мою болезнь». Для проверки они еще вылили на черепаху немного лошадиной мочи, а потом развели мочу водой. Больной начал принимать ее небольшими порциями, и, когда он выпил более пинты мочи белой лошади, болезнь отступила» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 3)²⁰⁹.

Во Вьетнаме с белой лошастью соотнесены два исторических лица: китайский губернатор Гао Пянь (IX в.) и вьетнамский император Ли Тхай-то, правивший с 1010 по 1028 гг. Гао Пяня прозвали Государь Белой Лошади, т. к. согласно легенде, именно белая лошадь, чудесным образом возникшая на рисовом поле, указала ему план внешних укреплений Ханоя. Ханой был тогда известен под именем Дайлатхань. Храм Белой Лошади, как отмечает Ж.Дюмутье, был сначала возведен в деревне Лонгдо, а затем перенесен в то место, которое он занимает и теперь. Ли Тхай-то возвел под именем Тханглонг в 1010 г. столицу государства на месте деревни Лонгдо, находившейся недалеко от Дайла, древней крепости китайских наместников²¹⁰. По преданию, явление чуда заставило танского губернатора возвести храм. Когда Ли Тхай-то перенес столицу из Хоалы в Тханглонг, он намеревался возвести крепостные стены, но они много раз обрушивались. Государь послал слугу в храм помолиться, и оттуда вышла белая лошадь. Император пошел следом за ней и составил план следов от ее копыт. По этому рисунку и построили крепостные стены. На этот раз они не обрушились. Впоследствии храм был расширен. Божеству храма Ли Тхай-то даровал титул *Тханьхоанг кинь-тхань* Тханглонг — Дух-хранитель столицы Тханглонг²¹¹.

Конь играет важную роль во многих мифологических системах Евразии. На коне передвигаются (по небу или из одной стихии в другую) боги и герои. Божественные близнецы в индоевропейском близнечном мифе предстают в виде

²⁰⁹ Грот Я. Я. де. Демонология древнего Китая. — СПб., 2000. — С. 126–127.

²¹⁰ Dumoutier G. Les symboles, les emblems et les accessoires du culte chez les annamites. — Paris, 1891. — P. 131.

²¹¹ Tuyển tập văn bia Hà-nội. Q. 1. — Hà-nội, 1978. — Tr. 44.

двух коней. Общим для всех индоевропейских народов является образ бога солнца на боевой колеснице, запряженной конями, причем само солнце представляется в виде колеса. Ряд мифологических и ритуальных представлений, связанных с конем (символ коня у мирового дерева, жертвоприношение коня и т. д.) совпадает у древних индоевропейцев и народов Центральной Азии, говорящих на алтайских, в частности, тюркских, языках. Влияние индоевропейской мифологии обнаруживается также и в древнекитайских представлениях о «небесных конях», которые могут быть сопоставлены с конскими масками из Пазырыкских курганов Алтая²¹². Образ коня связан как с небом, так и с землей. В индийской мифологии Уччайшравас — белый небесный конь — зооморфный символ солнца. Хотя в некоторых текстах говорится, что его взял себе Индра, в дальнейшем он с Индрой почти не ассоциируется, а в «Рамаяне» фигурирует как конь Сурьи, бога солнца²¹³. Появился же белый небесный конь из вод океана, когда боги пахтали океан.

Японский ученый Исида Эйитиро отмечает, что по всему Евразийскому континенту мы наблюдаем связь между лошадьми и водными божествами: божественный конь или дух, который должен стать отцом знаменитого скакуна, чаще всего обитает в воде. На Японских островах имеются многочисленные легенды о знаменитых лошадях, как, например, о скакуне Икэдзуки, который был зачат божественной лошадию от обитавшего в пруду дракона. Возникла даже народная поверья, что если лошадь пасется у воды, это означает, что она хочет зачать от дракона²¹⁴.

Согласно синтоистским верованиям, лошади, по словам Э. В. Молодяковой, не только служили «средством передвижения» различных божеств, но и были связующим звеном между сакральным и обыденным. Например, им поручалось вызывать дождь во время засухи и обеспечивать хорошую погоду после его окончания²¹⁵.

В башкирском эпосе популярен древний мифологический сюжет о водяных конях, обитающих в разных озерах Башкирии, и об их вожаке Ак-Бутазе, белосером коне, но с человеческим родом в этом сюжете связан уже не сам конь, а дочь водяного владыки²¹⁶.

В Корее лошади, скорее всего, считались женскими хтоническими существами, связанными с горой-землей и водой (матушка-прародительница, хозяйка горы)²¹⁷. По корейским поверьям, белая лошадь связана с водоемом: например, есть предание о белой лошади, которая жила в колодце, а в день рождения героя она вышла и легла у колодца; лошади почитаются как горные божества, а лошади белого цвета — как божества озер. Хтоничность белой лошади подчеркивается и существованием химеры с чертами дракона и лошади — *енма* (драконолошадь)²¹⁸.

Сообщения, укзывающие на связь лошади и водной стихии можно встретить в различных сочинениях. Так, в «Исторических записях трех государств» (Самгук саги) Ким Бусика («Летописи Когуре») читаем:

²¹² Мифы народов мира. Т. 1. — С. 666.

²¹³ Мифы древней Индии. — М., 1975. — С. 209.

²¹⁴ Исида Эйитиро. Мать Момотаро. — СПб., 1998. — С. 107.

²¹⁵ Молодякова Э. В. Вещи в сакральной среде // Вещь в японской культуре. — М., 2003. — С. 225.

²¹⁶ Липец Р. С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. — М., 1984. — С. 125.

²¹⁷ Троцевич А. Ф. Миф и сюжетная проза Кореи. — СПб, 1996. — С. 95.

²¹⁸ Троцевич А. Ф. Корейский средневековый роман. — М., 1986. — С. 100–101.

«В третьем году (20 г.)...осенью, в девятом месяце, ван поймал на охоте (у речки) Кольгучхон необычного коня, которого назвали Кору («Мул»)...»²¹⁹.

В «Обзрении достопримечательностей Восточного государства. Новое дополненное издание» (Синчжын тонгук ечжи сыннам) приводятся следующие сведения:

«Лошадиный обрыв. По преданию, в области на расстоянии одного *ли* к востоку вышли из реки рыжая и вороная лошади. Поэтому этот округ был назван Рыжая и Вороная Лошади, а обрыв получил имя Лошадиный обрыв...

Лошадиный омут. В восьмидесяти двух *ли* к северу от областного центра есть скалистый берег. Там бьет источник, изливающийся в две струи. По форме он напоминает белую радугу. По преданию, дух омута похож на лошадь, поэтому это место так и назвали.

Гора лошадиной стены. В округе, в двух *ли* к северу, есть гора. По преданию, жители селения совершали здесь жертвоприношения Предку лошади, поэтому появилось такое название»²²⁰.

На Евразийском континенте лошадь была одним из жертвенных животных. У кочевых народов с давних времен существовала тенденция выбирать лошадей, в особенности белых, в качестве жертвенных животных, предназначенных антропоморфным богам (которые считались связанными с верховным небесным божеством) или обитающим на небесах духам²²¹.

У римлян существовал древний осенний обряд. Каждый год 15 октября на Марсовом поле устраивали состязание в езде на колесницах. Правую лошадь в победившей упряжке ударом копья приносили в жертву Марсу, чтобы обеспечить обильный урожай. Голову этой лошади отсекали и украшали связкой из булок. После этого жители двух районов Рима — Священной дороги и Субуры — оспаривали друг у друга право обладать этой головой. Если голова доставалась жителям Священной дороги, ее прикрепляли к стене царского дома, если же она доставалась жителям Субуры, ее прикрепляли к Мамилиевой башне. Хвост лошади отрубали и доставляли в царское жилище с такой быстротой, чтобы на царский очаг еще успевала капнуть кровь. Кровь лошади собирали и хранили до 21 апреля. В этот день весталки перемешивали ее с кровью новорожденных телят, принесенных в жертву за шесть дней до этого. Получившуюся смесь раздавали пастухам, которые пользовались ею для сохранения своих стад. Украшение конской головы в этом обряде связкой булок, а также провозглашаемая цель жертвоприношения — обеспечение хорошего урожая — указывает, по мнению Дж. Фрезера, на то, что лошадь убивали в качестве одного из многих представителей хлебного дерева²²².

В Китае церемония клятвы на крови белой лошади имела государственное значение. Эта церемония неоднократно проводилась в VII в. и на корейской земле. По ходу церемонии закалывалась белая лошадь, государь (или доверенное лицо, действовавшее от его имени) произносил клятву, текст которой фиксировался письменно, участники обмазывали губы кровью животного.

²¹⁹ Ким Бусик. Исторические записи трех государств. Летописи Когурё. летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Издание текста, перевод, вст. и комм. М. Н. Пака. Т. 1. — М., 1995. — С. 44–45.

²²⁰ Обзор достопримечательностей Восточного государства. Новое дополненное издание. Т. 1. — Пхэньян, 1959. — С. 221, 137, 490.

²²¹ Исида Эйитиро. Мать Момотаро. — СПб., 1998. — С. 113.

²²² Фрезер Дж. Золотая ветвь. — М., 1980. — С. 530–531.

Церемония проводилась вблизи большой реки, на горе, являвшейся сакральным центром государственного значения. В зависимости от ситуации большую реку и высокую гору могли заменить природные объекты меньших масштабов. Целью церемонии являлось наведение порядка в социальной сфере за счет утверждения отношений «государь — подданный», поскольку эти отношения понимались как проявления общего миропорядка²²³. В ритуалах побратимства, заключения союзов использовали кровь тотемного животного, т. е. союзник, побратим, приобщался к крови предка, который становился таким образом общим предком. О лошадях как о тотемных животных писала Ю.В.Ионова, исследовавшая проблемы тотемизма в Корее: лошадь была центральной фигурой в обрядах, посвященных сельскохозяйственным работам. Тотемное животное первоначально почиталось как мать-прародительница, она была в Корее хозяйкой горы, подательницей дождя, защитницей от напастей²²⁴.

Одним из наиболее значительных и торжественных древнеиндийских обрядов, который мог совершаться только царем, претендовавшим на верховное руководство в стране и подчинение соседних государств, было жертвоприношение коня (санскр. ашвамедха). Царь, желавший потомства, выпускал на волю коня и вместе с войском следовал за ним, подчиняя правителей тех стран, где оказывался конь. Поход продолжался год и был прелюдией к *ашвамедхе*. Затем возводили особое ритуальное сооружение. Далее выбирали коня определенной масти и приносили его в жертву (иногда условно). Prestиж *ашвамедхи* был столь велик, что совершивший сто таких ритуалов мог низвергнуть Индру и стать царем вселенной. В упанишадах с *ашвамедхой* связывалось сотворение мира из частей коня²²⁵. Так, Брихадараньяка-упанишада начинается с уподобления различных предметов и явлений природы частям жертвенного коня:

«Утренняя заря — это голова жертвенного коня, солнце — его глаза, ветер — его дыхание...небо — его спина, воздушное пространство — его брюхо, земля — его пот, страны света — его бока... дни и ночи — его ноги, звезды — его кости, облака — его мясо, пища в его желудке — это песок, руки — его жилы, печень и легкие — горы, травы и деревья — его волосы»²²⁶.

По мнению исследователей, первоначально ритуал *ашвамедхи* представлял собой какой-то древний обряд, совершавшийся племенем при переселении на новые земли²²⁷.

Как отмечает М.Элиаде, для религиозного человека, пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других. Есть пространства священные (т. е. «сильные», значимые) и есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы нет ни структуры, ни содержания, одним словом, аморфные. Способы, с помощью которых религиозный человек открывает священное место, могут быть различными. Если же в окрестностях не появляется никакого знака, то его вызывают. Например, предпринимают нечто вроде заклинания с помощью некоторых животных: именно они призваны показать, какое же место может

²²³ Никитина М. И. Миф о женщине-солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. — СПб., 2001. — С. 184–185.

²²⁴ Троцевич А. Ф. Миф и сюжетная проза... С. 95.

²²⁵ Мифы народов мира. Т. 1. — М., 1992. — С. 143.

²²⁶ Брихадараньяка Упанишада. — М., 1964. — С. 67.

²²⁷ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия: исторический очерк. — М., 1969. — С. 191.

быть пригодным для возведения алтаря или для основания поселения. В общем, речь идет о вызывании священных сил с целью ориентации в данной части пространства. Требуется знак, чтобы положить конец напряженности, вызванной относительностью и чувством неуверенности, происходящей от отсутствия ориентиров — одним словом, для того, чтобы найти абсолютную точку опоры.

Например: преследуют дикое животное и в месте, где его убивают, возводят алтарь; или выпускают на свободу какое-то домашнее животное (например, быка), через несколько дней его находят и там же на месте приносят в жертву, затем на этом месте возводят жертвенник, а вокруг него строят деревню. Во всех этих случаях священность места обнаруживают животные, люди, следовательно, не свободны в выборе священного места. Им дано лишь искать и находить его с помощью таинственных знаков²²⁸.

В Корее с церемонией *ашвамедха* соотносятся обряды, названные М. И. Никитиной ритуалом Обретения Дома²²⁹. Вот одно из описаний этого ритуала в историческом сочинении Ким Бусика:

«В 21-м году (2 г. до н. э. — Е. К.):

Весной, в 3-м месяце, убежала свинья, предназначенная для жертвоприношения. *Ван* велел догнать ее чаньсену Сольджи. Тот поймал ее у Куннэской скалы Винаам и загнал к одному из жителей Куннэ, чтобы кормили. Вернувшись, он сказал *вану*: «Преследуя свинью, я дошел до куннэского Винаама и видел, что горы там неприступны, а реки глубоки, земля удобна для произрастания пяти злаков, и много там водится разной дичи (олений), рыб и черепах. Если бы *ван* перевел туда столицу, то не только дал бы народу счастливую и безбедную жизнь, но и смог бы избавиться от бедствий войны».

Летом, в 4-м месяце, *ван* охотился в бору Виджун.

Осенью, в 8-м месяце, (произошло) землетрясение. В 9-м месяце *ван* направился в Кунне, чтобы осмотреть местность. На обратном пути у озера Самуль-тхэк встретил сидящего на камне юношу, который сказал ему: «Я хотел бы стать слугою вана». Обрадованный, *ван* дал согласие и жаловал ему имя Самуль (по названию озера) и фамилию Ви.

В 22-м году (3 г. н. э. — Е. К.):

Зимой, в 9-м месяце, *ван* перевел столицу в Куннэ (Кукнэ) и построил крепость Винаам...

В 23-м году (4 г. н. э. — Е. К.):

Весной, во 2-м месяце, сын *вана* Хэмен был возведен в сан наследника, и по всей стране была объявлена всеобщая амнистия²³⁰.

По словам М. И. Никитиной, в когуреской традиции свинья вытеснила лошадь. За свиньей стояла Мать-Свинья как мифологический персонаж. Обращает на себя внимание активность свиньи: ее бегство, как отправной момент ритуала, ее дом как центр, вокруг которого разворачивается ритуальное действие, выбор ею места будущей столицы. М. И. Никитина отмечает сходные черты ритуала *ашвамедха* и ритуала Обретения Дома. Прежде всего — это право на совершение обряда, принадлежащее только государю. Не менее важная черта — свободное

²²⁸ Элиаде М. Священное и мирское. — М., 1994. — С. 22–26.

²²⁹ Никитина М. И. Миф о женщине-солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. — М., 2001. — С. 201–217.

²³⁰ Цит. по Никитина М. И. Миф о женщине-солнце... С. 205.

перемещение сакрального животного. Кроме того, выделяются следующие моменты: допустимость следования за животным не самого государя, а назначенного им лица; связь ритуала с желанием государя иметь потомство; предполагаемая связь ритуала с древним обрядом переселения племен на новые земли, что, в сущности и подтверждается когуреским ритулом Обретения Дома²³¹.

Во Вьетнаме в качестве жертвенных животных обычно использовали свинью, козу, буйвола, в торжественных случаях закалывали белую лошадь. Так, как отмечает В. И. Антощенко, в XV в. обряд принесения чиновниками клятвы на верность в храме духа Бронзового барабана заменяется принятием присяги на берегу реки, где поклонялись табличкам и флагам основных государственных духов. Здесь же закалывалось и жертвенное животное — белая лошадь, кровью которой скрепляли клятву²³².

Большой популярностью пользуется во Вьетнаме один из известнейших ханойских храмов — храм Батьма (Белой Лошади) и связанные с ним предания. Храм Батьма, находящийся на улице Хангбуом, построен в XI в. В нем поклоняются духу горы Лонгдо, называемой также горой Нунг. Рассказывают, что в горе есть расселина, уходящая глубоко под землю, в ней сосредотачивается священное *кхи* (кит. ци) — дыхание гор и рек. В надписи на стеле, воздвигнутой по случаю ремонта храма в 1820 г., сказано:

«...Батьма — это храм, отличающийся большой святостью. Среди чудесных духов Лонгтхань — Драконовой крепости — Батьма дай *выонг* (великий князь Белой Лошади) — самый святой... Это дух-хранитель Тханглонга. На протяжении ряда лет церемония избиения буйвола и встречи весны проводилась в этом храме. Церемония была очень торжественной»²³³.

Остановимся подробнее на фигуре Гао Пяня — Государя Белой Лошади, талантливому полководцу, известному поэту и геоманту, неоднократно упоминающегося в «Описании удивительного...». Девятый век был последним веком, когда Вьетнам сохранял зависимый от Китая статус «Общего управления Аньнань». Горные тайские племена восстали и призвали на помощь родственных *таи* из существовавшего к северо-западу от Аньнаня государства Наньчжао. Первое вторжение произошло в 846 г., повторилось в 860 г., затем в 862 г. Началась война. В 863 г. танский император отозвал войска, и вся страна оказалась захваченной *таи*. В 864 г. на юг был послан полководец Гао Пянь, он начал военные действия. Вскоре десятилетней войне был положен конец. Гао Пяня назначили императорским уполномоченным Цинхя, как стали называть современный Северный Вьетнам и часть Центрального Вьетнама. Он провел ряд важных реформ, укрепивших господство империи и способствовавших восстановлению экономики страны после длительной войны с Наньчжао. Гао Пянь окружил цитадель китайских наместников двойной стеной, там находились только администрация и войска, а население жило вне стен. В «Краткой истории Вьета» так описывается деятельность Гао Пяня по расчистке морского пути:

«Поскольку на морском пути от *тяу* (т. е. Зяотяу) до Юна и Гуана было много подводных камней, на которых опрокидывались корабли, Гао Пянь приказал *чжанли* Линь Фэну провести расчистку.

²³¹ Никитина М. И. Миф о женщине-солнце... С. 211, 214–215.

²³² Антощенко В. И. Мифологические персонажи в государственном пантеоне духов во Вьетнаме // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение. — 2004. — № 4. — С. 114.

²³³ *Tuỳển tập văn bia*. Т. 2. — Hà-nội, 1978. — Тр. 44, 47.

Летом пятого дня четвертого лунного месяца начались работы. Через месяц работы приближались к концу, но на пути наткнулись на огромную каменную глыбу в несколько *чжанов* (один *чжан* равен 3,2 м — Е. К.) в окружности и твердую, как железо. (Рубили) мечом, (меч) упал, лезвие погнулось, применили топор, сломалось топорище. Отбывавшие трудовую повинность (работники) переглядывлись, намереваясь прекратить (работу). В 26-й день пятого месяца черные тучи застлали все вокруг, поднялся сильный ветер, вдруг разразилась сильная гроза, непрерывно гремел гром. Внезапно (небо) прояснилось, и оказалось, что каменная глыба разбита! Но после в двух местах в 26-й день седьмого месяца раздавался сильный грохот, как и прежде, в одно мгновение огромные каменные глыбы рассыпались на куски. Поэтому после окончания работ это место назвали Тянь-вэй цзин»²³⁴.

Л. В. Жданова отмечает, что в исторических хрониках Гао Пянь предстает как мифологизированный персонаж. Исследовательница предполагает, что, возможно, мы имеем дело с мифом, разветвившимся со временем на множество вариантов. Ядром этого мифа мог быть поединок Бога Грозы (функцию которого со временем стал выполнять на земле император или лицо, его замещавшее) с хтоническим божеством, одной из первоначальных материализаций которого был, по-видимому, камень или гора, связанные с морем как воплощением мировых вод и морским побережьем. Камень или гора, порождающие затем цепочку зооморфных персонажей, часть из которых связана с водой, а часть с сушей, олицетворяют силы сопротивления Богу Грозы. Одна из этих ролей заключалась в том, чтобы чинить препятствия на пути в чужую страну, воспринимаемую как нецивилизованное, закрытое пространство, или страну, населенную бессмертными, т. е. теми, кто преодолел силы смерти²³⁵.

Считалось, что род Гао был известен как род волшебников, способных переноситься из одного места в другое с помощью ветров и вод и очень настойчивых в стремлении разрушить в Южных землях «драконовы жилы» (благоприятные, с точки зрения геомантии, места для погребения) и прочие местности, обладавшие сверхъестественной силой, поскольку считалось, что в результате их разрушения на этих землях переведутся одаренные и талантливые люди и Южная страна навеки останется зависимой от Китая²³⁶.

Вьетнамская историографическая традиция приписывает Гао Пяню сочинение «Записи, оставленные *ваном* Гао» (Гао ван и гао). Вероятно, это апокриф. Занятия даосизмом и магией, к тому же связанные с военным искусством, принесли успех генералу, среди соотечественников он был также известен как врач и геомант. В предисловии к «Записям, оставленным *ваном* Гао» сказано:

«...Когда Гао Пянь уезжал в Аньнань, император вызвал его к себе и сказал: «...Вы обладаете чудесными знаниями по геомантии. Мне известно, что в Аньнани есть много хороших с точки зрения геомантии земель, где могут

²³⁴ Краткая история Вьета. — М., 1980. — С. 124.

²³⁵ Жданова Л. В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. — СПб., 1998. — С. 159–160. Отметим, что о расчистке морского пути говорится также в «Истории рыбы-оборотня»: «У рыбы-оборотня было убежище. Скалы, по виду напоминавшие зубастую пасть, перегородили прибрежные воды. Внизу находился большой грот, там и жил оборотень. Это грозило гибелью множеству лодок. Не имея сквозной прямой дороги, людям приходилось обходить скалы, даже если начиналась сильная буря. Желая облегчить передвижение людей, как-то ночью бессмертные принялись долбить скалы, прокладывая дорогу...».

²³⁶ Шарипов А. Ш. Вьетнамские легенды о бессмертных // Восток. — 2000. — № 1. — С. 139.

появятся правители. Противодействуйте им силой, а также ознакомьте меня с этими местами, чтобы я мог сам легко в этом разобраться». Прибыв в Аньнань, Гао Пянь препятствовал с помощью магии рождению государя на всех реках и горах попадавших ему на пути. Он послал рапорт, где сообщил, что только гора Танвиен оказалась слишком могущественной, и он не смог с ней совладать. ... Вот этот рапорт».

Сочинение, представленное как рапорт, является геомантическим обзором провинций и уездов тонкинской дельты²³⁷.

О том, как Гао Пянь воевал с горой Танвиен повествуется в рассказе «История горы Танвиен» из «Описания удивительного..»:

«Гао Пянь, губернатор танской династии в Аннаме, захотел подавить чудесную силу *лин* гор и рек этой страны. По его приказу вспороли животы семнадцати девственниц, вынули кишки и вместо внутренностей положили солому. Девушек одели в платья и усадили на алтаре. Потом закололи жертвенное животное и следили — как только труп девушки шевельнется, надлежало мечом его обезглавить. Обычно боги попадались на эту уловку. Гао Пянь хотел расправиться таким образом и с владыкой горы Танвиен, но тот, появившись в облаках верхом на белом коне, плюнул и скрылся. Гао Пянь вздохнул: «Сверхъестественные силы южной стороны нельзя измерить».

Обратим внимание, что один из могущественных и почитаемых духов Вьетнама — владыка горы Танвиен — появляется верхом на белом коне. Между наездником и ездовым животным существовала тесная связь. Как известно, первоначально божество являлось тем существом, на котором оно восседало впоследствии. Возможно, некогда хранитель страны представлялся в виде белого коня.

Другим духом, чудесное могущество которого Гао Пянь не сумел побороть, был дух Лонгдо — хранитель столицы Тханглонга. Именно с ним была соотнесена белая лошадь, оказавшая помощь при строительстве укреплений Ханоя. Приведем предания, повествующие об этом духе.

В сборнике Ли Те Сюйена «О таинственных силах и духах земли Вьет» есть рассказ:

«Некогда, давным-давно, Гао Пянь прибыл в нашу страну и возвел крепость Дайла. Как-то в полдень он гулял возле Восточных ворот крепости. Вдруг густой туман окутал все вокруг, а затем пятицветное облако поднялось от земли и повисло в воздухе. От него веяло холодом. В этом облаке виднелся сидевший на золотом драконе человек в роскошной шапке, багряного цвета платье и красных туфлях. Тут же распространился аромат и раздался смех, он звучал долго, потом затих. Удивившись, Гао Пянь решил, что видел перед собой беса. В ту же ночь незнакомец явился ему во сне и сказал:

«Я — дух-владыка Лонгдо. Узнав, что вы возвели крепость, пришел посмотреть, так что не думайте ничего плохого!»

Гао Пянь проснулся, побеседовал с приближенными, затем вздохнул:

«Верно, я не умею управлять людьми, раз бесы дразнят меня. Интересно, хороший это знак или дурной?»

Нашелся человек, посоветовавший Гао Пяню возвести храм, установить там статую владыки Лонгдо, а внизу зарыть медь и железо, чтобы усмирить его. Гао Пянь так и сделал. Вдруг началась сильная гроза, опрокидывались деревья,

²³⁷ Gaspardone E. Bibliographie annamite... P. 146–147.

шквальный ветер разметал все на поверхности земли, а спрятанные медь и железо рассыпались в прах. Видя это, Гао Пянь промолвил:

«Мне суждено вернуться на Север и погибнуть!»

Со временем, разумеется, он должен был вернуться.

Во времена династии Ли на этом месте построили столицу, император Тхай-тонг разрешил разместить рынок у Восточных ворот, толчея и шум были совсем рядом с храмом. Император решил куда-нибудь перенести кумирню, но потом раздумал:

«Это древнее святилище, не стоит трогать его. Лучше отремонтировать храм и присоединить к нему еще одно строение».

Ночью дух своей чудесной мощью поднял сильный ветер, разрушивший все соседние дома. Только храм уцелел. Удивленный, император принялся расспрашивать жителей, некий человек доложил, что дух издавна являет чудеса. Император обрадовался:

«Поистине, это дух, присматривающий за делами людей!»

Он издал указ, исправлявший правила проведения церемоний в храме и установил, что каждый год в начале весны следует приходить туда и молить о ниспослании счастья. Император также пожаловал духу звание «Князь, приносящий успех». С тех пор квартал рынка у Восточных ворот трижды горел, каждый раз пламя уничтожало все дома, и только храм духа оставался в целостности и сохранности»²³⁸.

Итак, в то время, когда танский губернатор жил в Аннаме, ему явилось могущественное местное божество — дух-владыка Лонгдо (то есть места, где Гао Пянь возвел крепость). Хотя дух-владыка Лонгдо не собирался причинять никакого вреда Гао Пяню, тот попытался известить его. С этой целью он построил храм, установил там статую владыки Лонгдо, а внизу зарыл медь и железо. Однако Гао Пянь потерпел неудачу. Именно этот храм, возведенный в честь владыки Лонгдо, стал известен как храм Батьма — Белой Лошади.

Тот же самый сюжет приводится в поздних добавлениях к «Описанию удивительного...». Это рассказ «История духа-владыки Лонгдо»:

Божество было духом-владыкой Лонгдо. Давным-давно Гао Пянь прибыл в страну Юга и возвел крепость Дайла. Однажды он отправился осмотреть Восточные ворота крепости. Вдруг густой туман окутал все кругом. Пятицветное облако отделилось от земли, засиял ослепительный свет и показался человек величавого облика в расшитых одеждах. Он восседал на золотом драконе, а в руке держал золотую бирку. Вместе с облаком человек парил в непроглядной тьме. Через мгновение все рассеялось. Гао Пянь удивился и, решив, что ему явился бес, надумал устроить алтарь, дабы усмирить его. Ночью во сне дух поведал ему:

«Прошу Вас не сомневаться, вы видели вовсе не злокозненное существо. Я — дух-владыка Лонгдо и, обрадованный, что Вы возвели крепость, явился взглянуть на нее».

Проснувшись, Гао Пянь тут же утром собрал своих приближенных и объявил:

«Мне не удалось подчинить жителей этих отдаленных районов. Когда начинают являться местные бесы, это плохой знак».

Нашелся человек, посоветовавший ему соорудить алтарь, сделать статую увиденного во сне духа, а затем взять тысячу мер железа, сделать амулеты,

²³⁸ *Lý Tế Xuyên. Việt điện u linh... Tr. 48–51.*

спрятать их, чтобы усмирить злые чары. Гао Пянь так и поступил. Ночью пошел дождь, задул ветер, и все амулеты рассыпались в прах. Гао Пянь испугался:

«Ясно, что скоро придется возвращаться на Север».

Разумеется, в дальнейшем так вышло. Люди сочли, что дух отличается особой силой, и воздвигли в его честь храм у Столичного рынка. Когда впоследствии император Ли Тхай-то основал столицу, ему во сне явился дух, приветствовавший его двумя поклонами. Император промолвил:

«Вам предстоит заботиться о том, чтобы благовония не гасли сотню лет».

«Закон кармы действует и через десять тысяч лет. Почему же вы отвели только сто лет?» - спросил дух.

Император проснулся, повелел доставить жертвенных животных, вино и совершить жертвоприношение. Духу он пожаловал титул «Великий князь — хранитель Тханглонга». Как-то случился сильный ураган, множество домов пострадало, и только храм духа остался стоять на прежнем месте. В нем совершались различные моления, церемония встречи весны»²³⁹.

Модификацию того же предания представляет собой «История реки Толить» из «Описания удивительного...». Дух-владыка Лонгдо является Гао Пяню трижды. Первый раз он принял образ седовласого старика странного облика, гулявшего по середине реки. На вопрос, как его зовут, старец ответил: «Я из рода То, а зовут меня Лить». Во второй раз владыка Лонгдо появился перед Гао Пянем на поверхности реки Ло в виде необыкновенного человека в желтом платье и фиолетовой шапке с золотой табличкой для письма в руке. В ту же ночь божество посетило его во сне и поведало, что является духом Лонгдау — старшим среди чудодейственных сил земли.

В сборнике Ли Те Сюйена «О таинственных силах и духах земли Вьет» есть повествование:

«В «Записках о Цзяочжоу» и «Повествовании о высшем воздаянии» сказано: князь из рода То по имени Лить был высшим сановником в Лонгдо (древнее название крепости Дайла, позднее так называли и вьетнамскую столицу Тханглонг — Е.К.). Предки его издавна жили в этих местах, положив начало деревне на берегу маленькой реки. Семья была безупречной, больше всего в ней ценили сыновью почтительность. Три поколения жили вместе, уступая друг другу. Во времена династии Цзинь (265—420 — Е. К.) отмечали семьи, где царил атмосфера сыновьей почтительности, и семья князя удостоилась похвалы. Когда случился неурожайный год, продовольствия не хватало, и люди голодали, семье князя по указу правителя одолжили рис. Из-за этого и деревню назвали Толить. В третьем году правления под девизом Чан-цин (823 — Е. К.) при танском императоре Му-цзуне (годы правления: 821—825 — Е.К.) в нашу страну прибыл наместник Ли Юаньцзя. Из северных ворот крепости Лонгбиен он увидел, что река изменила свое течение и потекла вспять, поэтому решил построить для себя резиденцию несколько поодаль. Как раз здесь и стоял старинный дом князя. Юаньцзя велел зарезать буйвола, устроил пир. Он пригласил деревенских стариков, расспросил о князе и выразил желание просить его стать духом-хранителем местности. Все радостно согласились и приступили к работам. Храм князя получился великолепным и величественным. День его торжественного открытия был шумным и веселым. Когда наступила ночь,

²³⁹ *Vũ Quỳnh, Kiêu Phú. Lĩnh nam chíc quái. — Hà-nội, 1960. — Tr. 106—107.*

Юаньцзя лег спать. Вдруг налетел порыв свежего ветра, свитки с картинами и шторы заколыхались, и Юаньцзя увидел в воздухе человека, сидевшего на белой косуле. Незнакомец спустился на землю, волосы его были седыми, одежда аккуратной. Он вошел и сказал:

«Благодарю вас, господин наместник, за то, что выбрали меня духом-покровителем местности. Я хочу вам посоветовать: если вы искренне желаете добродетельно управлять этой крепостью, то назначьте на высшие должности гуманных, справедливых сановников!»

Юаньцзя сложил руки в знак согласия, затем поинтересовался, как зовут господина. Старец не ответил. Юаньцзя вздрогнул, проснулся и только тогда понял, что видел сон. Когда Гао Пянь возвел крепость Дайла, прослышав о сверхъестественном могуществе князя, подновил его храм и пожаловал ему титул духа-хранителя большого города. Император Ли Тхай-то перенес столицу в крепость Дайла и изменил название города на Тханглонг. После он увидел во сне седовласого старца, который стоял перед тронем, кланяясь и желая здравствовать. Император спросил его имя, старик представился. Государь с улыбкой сказал:

«Почтенный дух хочет, чтобы фимиам не гас сотню лет?»

Старик ответил:

«Только лишь и надеюсь на ваше долголетие. Когда положение прочно, а повсюду царит мир и радость, фимиам будет куриться не одну сотню лет!»

Император проснулся, послал чиновника принести жертвы и пожаловал князю титул «Великий князь дух-хранитель Тханглонга — столицы отечества». С тех пор жители города приходили в храм, совершали церемонии и молили божество. Все, о чем они просили, чудесным образом сбывалось»²⁴⁰.

Подведем итоги. Вероятно, в той местности, где впоследствии были возведены крепость Латхань (Дайла), а затем и Тханглонг, существовали представления о влиятельном местном хтоническом божестве, связанном с водой и горой — духе-владыке Лонгдо. Возможно, на определенном этапе развития это божество представлялось в виде золотого дракона. В приведенных преданиях — это дух спустившегося дракона. Когда император Ли Тхай-то основал здесь столицу, ему тоже явился золотой дракон, но уже взлетающий. Из-за этого город и был назван Тханглонг — Взлетающий дракон. Далее дух-владыка Лонгдо приобрел облик антропоморфного божества. О более раннем облике напоминало его ездовое животное — золотой дракон.

Во Вьетнаме, также как и Китае, с усилением позиций конфуцианства персонажи мифов превращались в исторических героев, а события оказывались привязанными к определенному времени. Миф включался в историческое повествование. Так местное хтоническое божество дух-владыка Лонгдо стал примерным конфуцианцем То Литем, происходившем из семьи, в которой больше всего ценили сыновью почтительность. Китайский наместник, прибывший во Вьетнам, был восхищен конфуцианскими добродетелями некогда жившего здесь То Литя. Он решил сделать его духом-хранителем местности и возвел в честь него храм. То Лить явился ему в образе седовласого старца, сидевшего на косуле.

Дух-владыка Лонгдо обладает чертами бога грозы. Когда Гао Пянь захотел известить его, он возвел в честь него храм, установил статую Лонгдо, а в землю

²⁴⁰ *Lý Tế Xuyên. Việt điện... Tr. 31–32.*

зарыл амулеты из различных металлов: меди, железа, золота, серебра. Однако ночью налетела гроза, задул ветер, пошел сильный дождь, а амулеты оказались либо выброшенными на поверхность земли, либо рассыпались в прах. Исследователи не раз обращали внимание на рассказы, повествующие о борьбе с богом грозы с помощью железных инструментов, в частности, мотыги. Представление о том, что духи воды и злые бесы — от японских *kanna* и китайских дракончиков *цзяо* до скандинавских водяных духов или злых демонов на островах Индийского океана (что отмечал еще Э. Тэйлор) — не выносят металлических, в особенности железных, орудий, широко распространены по всему миру. Можно предположить, что мы имеем дело с перешедшими из палеолита в неолит пережитками первобытных представлений о магической силе железа, позволяющей противостоять злым силам²⁴¹.

Владыка Лонгдо помог китайскому губернатору Гао Пяню возвести укрепления для крепости Дайлатхань. Белая лошадь, чудесным образом возникающая во владениях этого духа, указала ему план внешних укреплений крепости. Она появилась на рисовом поле — в воде. Местное божество пожелало, чтобы укрепления возвел именно Гао Пянь. Прежнему губернатору Ли Юаньцзя было дано предупреждающее дурное знамение: воды реки потекли вспять. Вот как это событие описывается в исторических анналах:

«Зима, 11-й месяц (824 — Е. К.). Ли Юаньцзя увидел перед воротами крепости, как вода потекла вспять, боялся, что в области многие его предадут, поэтому перенес ставку. Юаньцзя перенес резиденцию на берег реки Толить, построил только лишь маленькую крепость...Знающие люди осматривали местность и говорили: «Построить большую крепость господин не в силах. Лет через пятьдесят придет человек из рода Гао и возведет город». Гао Пянь возвел дополнительные укрепления в Латхани в точном соответствии со сказанными словами...»²⁴².

Во второй раз дух-владыка Лонгдо помог возвести укрепления императору Ли Тхай-то. Из его храма вышла белая лошадь. Государь пошел за ней следом, составил план следов от ее копыт. В соответствии с этим чертежом и были построены крепостные стены, больше они не обрушивались.

Можно предположить, что в обоих циклах преданий отразился ритуал, проводившийся при выборе новой столицы. В нем участвует правитель, а сакральное животное, выпущенное на свободу, определяет место будущего города.

В Китае, на территории современного города Лояна до настоящего времени сохранился монастырь Белой лошади. Согласно одной версии, монастырь обязан своим названием легенде, которая гласит, что некий чужеземный правитель повелел разрушить буддийские монастыри. Белая лошадь ходила вокруг одного из монастырей и жалобно ржала. Правитель отказался от своего намерения, а лошадь была увековечена в названиях многих монастырей²⁴³. Другая версия связана с распространением буддизма в Китае. По преданию, когда в Китай прибыли первые индийские проповедники буддизма — монахи Кашьяпа Матанга и Дхармаратна, они привезли сутры и изображения Будды именно на белой лошади. Монахов поселили в выстроенном для них монастыре Баймасы — храме Белой Лошади близ Лояна, который традиция считает

²⁴¹ *Исида Эйитиро*. Мать Момотаро. — СПб., 1998. — С. 56.

²⁴² *Đại Việt sử ký toàn thư*. Т. 1. — Hà-nội, 1967. — Тр. 133.

²⁴³ *Ван Яньсю*. Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань). — СПб., 1998. — С. 332.

первым центром буддизма в Китае. Они прожили весь остаток своей жизни, переводя на китайский язык буддийские сутры. Буддизм, как ислам и христианство, охотно заимствовал образы из древних традиций. Так белая лошадь, бывшая сакральным животным в добуддийских верованиях, стала почитаться и в буддизме.

Во Вьетнаме лошадь соотнесена с водой и горой, в преданиях отразились ритуалы, напоминающие *ашвамедха*, в которых важную роль играло сакральное животное, выбирающее место новой столицы. Хочется обратить внимание на идеологическое противостояние, присутствующее во вьетнамских преданиях: почти десять веков китайцы контролировали Вьетнама, а усмирить местных духов им оказалось не под силу.

В «Описание удивительного...» включено повествование о Ман *ньонг* — Варварской госпоже («История Ман *ньонг*»). Первая часть рассказа напоминает историю рождения Ли Конг Уана — будущего императора Ли Тхай-то, годы правления: 1010—1028, изложенную в «Предварительных записях к историческим запискам Великого Вьета» (Дайвьет ши ки тиен биен), составленных Нго Тхи Ши, Нго Тхи Няом и др.: «Историк Нго Тхи Ши сказал: «Рассмотрим то, что в летописи сообщается (о рождении Ли Конг Уана). (Там сказано), что императрица из рода Фам, гуляя в окрестностях монастыря Тиеушон, сошлась с духом в человеческом облике. После чего зачала и родила императора. По достижению трехлетнего возраста он был усыновлен Ли Кхань Ваном, который впоследствии дал ему свою фамилию Ли. А в надписи монастыря Тиеушон говорится, что понесла императрица от семени белой обезьяны, и что родился император в этом самом монастыре и еще, что монах Ван Хань принял его и воспитал. В неофициальной же биографии (рассказывается совсем по-другому): «Мать императора до двадцати лет бедствовала без мужа. Ей удалось найти приют в монастыре Тхиентам, где престарелый *шрамана* поручил ей готовить пищу. Каждую ночь она вставала, чтобы готовить похлебку. Как-то раз она задремала (возле очага), и огонь погас. *Шрамана* (в темноте) случайно наступил на нее. В испуге вскочив, она почувствовала в сердце некое движение и зачала. (Узнав об этом), старый *шрамана* прогнал ее. Так ей пришлось уйти в другой монастырь. Через положенный срок она родила императора... (Поскольку рождение) сопровождалось грозными приметами почитаемого в трех мирах (Будды), монахи пребывали в страхе. Матери с ребенком вновь пришлось скитаться и кормиться подаянием. Когда она пришла в дом *тхиенши* (наставника *тхиен*) Ли Кхань Вана, то он, перед тем видевший необычный сон, попросил разрешения усыновить ребенка». Итак, неизвестно, где сообщается правда об отце императора Ли (Тхай-то)»²⁴⁴.

Далее в повествовании о Ман *ньонг* из «Описания удивительного...» говорится следующее: «...Как-то раз, Ман *ньонг* было тогда уже больше восьмидесяти лет, сломалось дерево, Оно доплыло по течению до монастыря, кружилось и не уплывало. Люди хотели использовать его для заготовки дров, но топоры дровосеков сломались. Тогда более трехсот окрестных жителей все вместе попытались оттащить его, но дерево не двинулось с места. Ман *ньонг* спустилась к реке вымыть руки. Госпожа попробовала сдвинуть дерево, и оно поддалось ей. Все вокруг изумились и попросили Ман *ньонг* доставить его на берег. Затем мастерам было велено сделать четыре изображения Будды. Когда стали разру-

²⁴⁴ Антология традиционной вьетнамской мысли. — М., 1996. — С. 45–46.

бать дерево, внутри нашли три женских детородных органа, превратившихся в очень твердый камень. Топоры мастеров сломались. Тогда камень бросили в глубокий омут. Испуская сияние, через несколько мгновений он погрузился в воду. Мастера все умерли. Люди попросили Ман *ньонг* придти помолиться и позвать рыбаков вытащить камень из воды. Его торжественно доставили в зал Будды, установили на золотую подставку и вознесли почести. Только после этого настоятель дал имена изображениям Будды — Фап Ван, Фап Ву, Фап Лой и Фап Диен...»

Как отмечает В.И. Антощенко, при молениях о ниспослании дождя активно использовали посредничество духа Фап Вана — Ман *ньонг*. Исследователь обращает внимание на то, что храмовая легенда пагоды Зау повествует о том, что статуя духа Дхармы Облака (вьет. Фап Ван) была изготовлена из ствола дерева, в дупло которого был брошен ребенок, рожденный от приезжего буддийского монаха и местной женщины. Буддийский культ фактически сливается с почитанием местного женского божества Ман *ньонг*, что обеспечило успех распространению буддийского учения в Зяоти со второго века. Правители независимых вьетнамских династий с XI по XVIII вв. ввели его в систему государственной религии. В 1076 г. священную статую возили на реку Кау, где по разным берегам стояли китайские и вьетские войска²⁴⁵.

Подателями дождя считались во Вьетнаме духи сестер Чынг — сакрализованных реальных исторических личностей, возглавивших восстание против китайской династии Хань (40–43). В 1142 г. при императоре Ли Ань-тонге в столичном поселении Донгнян в честь них был сооружен поминальный храм, с которым связано следующее предание. Однажды ночью в начале второго месяца по лунному календарю статуи сестер Чынг прибило течением к местечку Донгнян. Статуи испускали яркое сияние. Удивившись, местные жители с почестями вытащили их на берег. Когда известие о случившемся дошло до императора Ли Ань-тонга, он приказал соорудить храм в честь сестер-воительниц прямо на том же месте²⁴⁶.

Среди прочих вьетнамских женских божеств, связанных с водной стихией и ведавших бурями и наводнениями, назовем и Тхайзыонг-*фунян*, храм которой находится в Тхуанане на берегу моря. Она утопилась из-за того, что случайно, по незнанию, вышла замуж за своего брата. Ее matka, содержащая плод этого союза, превратилась в камень. Извлеченная из воды рыбаком, Тхайзыонг-*фунян* стала объектом культа. Во время зимних жертвоприношений ей подносили молодых девушек. Позже обычай был отменен, и девушек заменили одним или несколькими буйволами. По случаю зимних жертвоприношений богиня вселялась в медиума (шаманку *ба донг*) («Новые записи о провинции О»)²⁴⁷.

Р. Стейн отмечает, что представление о камне, являющемся маткой, отнюдь не воображение ученого. Такие примеры нам демонстрирует аннамский и китайский фольклор как современный, так и древний. Матка Тхайзыонг-*фунян*, скрывавшая плод любви этой женщины и ее брата, превратилась в камень. Этот эмбрион являлся к тому же жемчужиной или, скорее куском необработанной яшмы. Чужеземные мореплаватели пытались извлечь этот плод, раскалывая

²⁴⁵ Антощенко В. И. Мифологические персонажи... С. 112–113.

²⁴⁶ Антощенко В. И. Мифологические персонажи... С. 111; Truyền thuyết Hà-nội. — Hà-nội, 1994. — Tr. 26.

²⁴⁷ Stein R. Jardins en miniature... P. 66.

матку-камень. Юй был рожден камнем. Когда, стуча в барабан, он исполнял танец медведя, это привело к печальным последствиям: его жена окаменела. «Ци, сын мой, родись же!» — воскликнул Юй, и камень раскололся. Образ мат-ки-скалы присутствует в китайских сочинениях. В «Систематическом перечне сосен и скал горы Хуаншань» (Ханшань сун ши пу) описывается сосна, кривая и изогнутая, напоминавшая танцующего дракона, укрывшая свой ствол в скале, подобно тому, как эмбрион располагается в матке²⁴⁸.

История брака брата и сестры изложена также в «Рассказе о духе горы Ваунг-фу» из поздних добавлений к «Описанию удивительного...». Некогда жили брат и сестра. Однажды, рубя дерево, брат угодил сестре в лоб. Думая, что она умерла, он в ужасе убежал из дома. Впоследствии девушка вышла замуж за своего родного брата, который по рубцу на голове узнал ее. Не признавшись ей в этом, он отлучился из дома и больше не вернулся. Сестра же, не ведая, кто был ее мужем, всю жизнь ждала его, а после смерти превратилась в каменную скалу²⁴⁹.

В Юго-Восточной Азии встречается немало историй об инцесте, который совершили мать и сын либо же брат и сестра, заранее не ведая, что творят. Например, у тагальцев на Филиппинах есть предание о том, как мать с сыном встретились после долгой разлуки и, не узнав друг друга, решили пожениться. Непосредственно перед церемонией мать распознала шрам на голове у сына и пришла в смятение, но все же они вскоре решили заключить кровосмесительный брак, после чего оба превратились в камни. Исида Эйитиро предполагает, что в изначальном варианте это была легенда о происхождении людей, в основе которой лежал мотив инцеста между матерью и сыном. Исследователь отмечает широкое распространение в тихоокеанском регионе представлений, связанных с поклонением водным божествам в облики змея (дракона) в качестве аграрных божеств, каковые представления в то же время соединялись с идеей о том, что изначальная богиня-мать благодаря союзу с первым сыном стала прародительницей человечества²⁵⁰.

В Центральном Вьетнаме был очень популярен культ великой богини-покровительницы Тхиен-и А-на (А-на, на которую снизошло небо), это божество благовонных деревьев, подательница дождя, ведавшая бурями и наводнениями. С ней связано множество преданий. История же ее в общих чертах такова. Семья дровосеков нашла приют на горе, где они раскорчевали небольшой участок леса и посадили там огурцы (по другим версиям, арбузы или тыквы). Как-то раз дровосек застал девушку, крадущую урожай. Она оказалась сиротой, и супруги удочерили ее. Облик и манеры девушки выдавали ее небесное происхождение. Однажды во время сильной грозы увидели, что она занимается играми, неизвестными детям простых смертных: она рвала цветы, собирала камни и сооружала из них тридцать шесть пещер, изображавших жилища бессмертных. В другой раз девушка принималась разыскивать камни, ставила их один на другой, создавая подобие маленькой горы, вокруг которой высаживала цветы. Она изображала прекрасные пейзажи своей родной страны блаженных — Трех Островов Бессмертных. Затем появился плавающий кусок алойного дерева, Тхиен-и А-на вошла в него, и волны принесли его в Китай. Молодой принц повелел привезти

²⁴⁸ Stein R. Jardins en miniature... P. 83.

²⁴⁹ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. — М., 1969. — С. 105–106.

²⁵⁰ Исида Эйитиро. Мать Момотаро... С. 152–153, 155.

драгоценное дерево во дворец и оставить там. Ночью Тхиен-и А-на появилась из дерева. Последовали свадьба и рождение двух детей, мальчика и девочки. Затем Тхиен-и А-на вместе с детьми вошла в тот же ствол дерева и добралась до страны своих приемных родителей. Семья дровосеков уже умерла; Тхиен-и А-на построила храм в их честь и стала просвещать местных жителей, обучая их искусствам и техническим навыкам. Когда ее работа была выполнена, она вернулась на небо на «священном журавле». Китайский принц послал флот на ее поиски, но он был уничтожен тайфуном.

Многочисленные истории, связанные с бурей, сводятся к следующему.

1. Китайские моряки, посланные на поиски алойного дерева и Тхтен-и А-на, добыли это дерево и разрезали его на три куска. Но внезапная буря и наводнение отнесли эти куски вверх по реке Сонглюй и выбросили на берег возле деревни Биньтхюй, где находилась пагода, посвященная Ба Нгок («Госпоже-Яшме»). Когда вода отступила, хранитель пагоды подобрал три куска дерева. Самый большой кусок походил на женское туловище — это и была Тхин-и А-на. Два других куска оказались ее детьми. Из всех них сделали статуи. Изображение Тхиен-и А-на приобрело плотность камня, твердого и черного, изображения же детей, напротив, рассыпались. Надпись в пагоде характеризует место, где нашла приют богиня: там «соединились водная гладь и горы, скалы и растительность, все это группируется в необъятной окружности», т. е. местность — закрытая и совершенная.

2. Возле пагоды некогда существовало религиозное сооружение тямов. Там обнаружили благоухающий ствол дерева. Наводнение подняло его и отнесло в Биньтхюй. Это было черное и очень твердое дерево. Для него воздвигли специальное строение. Некий китайский знаток подобных вещей узнал в нем благоухающее алойное дерево, превосходного качества и поистине бесценное. Он захотел увезти его в Китай. Началась буря. Китаец обратился с молитвой к духу благовоний, и буря успокоилась. Китаец отдал дерево. Для того, чтобы в дальнейшем китайцы не могли его вывезти, дух превратил дерево в камень.

Постепенно в сюжеты о Тхиен-и А-на, местном божестве, проникает даосский фольклор. Так, одно из преданий гласит, что, играя, богиня занималась созданием райского мира в миниатюре²⁵¹.

Тхиен-и А-на — это богиня благовонных деревьев, но в то же время божество бурь, наводнений, подательница дождя. Как отмечает Р.Стейн, рассказ о Тхиен-и А-на по сути не что иное, как повествование о куске алойного дерева. Ценность этого дерева проявлялась только после погружения его в воду: сердцевина тогда становилась твердой, черной и тяжелой, и оно тонуло в воде. Иероглиф, который у вьетнамцев обозначал алойное дерево, у китайцев имеет значение «тонуть, топиться». После наводнения алойное дерево Тхиен-и А-на превратилось в камень. Исследователь считает, что Л. Кадьер был неправ, когда хотел разделить культ деревьев и культ камней и объяснить их независимо друг от друга. Р.Стейн полагает, напротив, что с религиозной и мифологической точки зрения нет существенной разницы между деревом и камнем: древесина дерева становится камнем, а камень растет как дерево²⁵². Чрезвычайно древнюю ассоциацию камня с деревом и наоборот отмечает и М. Элиаде, соглашаясь с Ж. Пшилуски, что самые древние из известных нам святилищ представляли

²⁵¹ Stein R. Jardins en miniature... P. 74.

²⁵² Stein R. Jardins en miniature... P. 76.

собой микрокосм, а именно — пейзаж из камней, вод и деревьев. Культовый двучлен камень-дерево обнаруживается в различных регионах архаической культуры²⁵³.

В одной из версий предания о Тхиен-и А-на сказано, что благоухающее дерево, в котором была заключена богиня, обнаружили возле религиозного сооружения тямов. Некогда алойное дерево разыскивалось исключительно тьямами в южных лесах. Согласно «Описанию земель к югу от хребтов» («Лин нань цун шу») сбор этого дерева производился только женщинами, носившими золотые кольца, парчовые тюрбаны и ножи за поясом²⁵⁴. Заметим, что великая богиня-мать тямпского королевства По Нагар также соотнесена с деревом алоэ. Так, в одном из гимнов, посвященных этой богине, сказано, что «...она создала землю, дерево алоэ и рис...»²⁵⁵. Возможно, такая конкретизация сделана не случайно. По Нагар — наиболее влиятельная и древняя богиня тямов, она часто упоминается в тямпских рукописях. Богиня считалась создательницей земли и растений, она покровительствовала земледелию. Согласно древнему космогоническому мифу По Нагар обладала весами, которые взвешивали небо и землю. «В эпоху хаоса, когда еще ничего не было создано, появилась богиня По Нагар в форме *наги*», — говорится в одном из преданий²⁵⁶. Существовали представления, что По Нагар зародилась из облаков или из пены²⁵⁷. Долгое время Тямпа находилась под индийским влиянием, в стране распространился брахманизм шиваитского толка, тогда По Нагар стала почитаться как супруга Шивы — под именем Умы или Парвати²⁵⁸. В Нячанге, где находился крупнейший храм, выстроенный в честь древней тямпской богини, По Нагар поклонялись как супруге Шивы. Можно предположить наличие сходных черт у гипотетически существовавшей вьетской архаической великой богини-матери и тямпской По Нагар, тем более что вьетская и тямпская культуры взаимосвязаны. Как отмечают А.Кабатон, *тямь*, с тех пор как их государство пришло в упадок, не посещали храм По Нагар в Нячанге, хранителями же его стали аннамиты (вьетнамцы), возлагавшие свои дары богине²⁵⁹.

Вот какое предание об основании столицы в Пномпене бытует у кхмеров. В минувшие времена (еще в XIV в.) жила в стране кхмеров некая богатая старая женщина по имени Пень. Жила она одиноко возле реки, а дом свой поставила на холме, потому что река эта часто выходила из берегов. И вот в один прекрасный день, после сильного ливня, река вышла, как всегда из берегов и затопила низины, И захотелось вдруг Пень спуститься к самому берегу и посмотреть на разлив реки. И она вышла на берег и увидела могучее дерево коки (высокое дерево с негниющей древесиной), которое вертелось как щепка в бушующих волнах. Задумала тут же Пень вытащить дерево из воды, но в одиночку сделать это, конечно, не смогла, а потому, не теряя времени, отправилась звать на помощь соседей. Соседи не отказали старой Пень, собрались все вместе, набросили на дерево коки веревки, а потом легко вытащили его из бушующих волн на берег.

²⁵³ Элюаде М. Трактат по истории религии. Т. 2. — СПб, 1999. — С. 94.

²⁵⁴ Stein R. Jardins en miniature... P. 73.

²⁵⁵ Cabaton A. Nouvelles recherches sur les chams. — Paris, 1901. — P.109–110.

²⁵⁶ Durand M. Notes sur les chams. VIII. La chronique de Po Nagar // BEFEO. — 1907. — T.VII. — P. 340.

²⁵⁷ Cabaton A. Nouvelles recherches... P. 16.

²⁵⁸ Mus P. Cultes indiens et indigenes au Champa // BEFEO. — 1933. — T.XXXIII. — P. 393.

²⁵⁹ Cabaton A. Nouvelles recherches... P.17.

Дерево так понравилось старой Пень, что она немедленно решила отчистить его от водорослей и грязи. В дупле коки она вдруг увидела четыре небольших бронзовых статуи Будды да еще вдобавок одну большую каменную статую какого-то божества. Каменное божество стояло во весь рост, волосы его были убраны в тугой узел, в одной руке оно держало раковину, а в другой — палицу. И сама Пень и соседи ее решили, что фигурки Будды, несомненно, дар неба и поэтому надлежит им поклоняться. Большую статую внесли в дом Пень, потому что она первая обнаружила все реликвии в дупле коки. В тот же день соседи по просьбе Пень построили небольшую хижину, где временно решили хранить драгоценную находку. Однако на другой день старая Пень опять позвала своих соседей и сказала им, что надлежит соорудить большую гору к западу от ее дома. Соседи помогли ей и в этом. А потом дерево коки распилили и сделали из него алтарь, который водрузили на самой вершине только что сделанной горы. Туда-то и поставила Пень четыре бронзовых фигурки Будды. А каменную статую Пень приказала поставить прямо у восточного подножия горы, так как решила, что божество похоже на лаосское и приплыло именно из этой страны. Вскоре Пень нарекла его Нек Та Прех Тяы, каковое имя сохранилось до наших дней. Пришло время, и Пень пригласила бхикху — монаха, члена буддийской монашеской общины — поселиться у западного подножия своей горы. Монастырь, который вскоре после этого построили в тех местах, назвали Монастырь на горе Госпоже Пень, а всю местность вокруг монастыря — Пхном Пень, что означает Гора Пень²⁶⁰.

Кхмерское предание рассказывает о том, как в дупле дерева укрылись пять изваяний — одна большая каменная статуя неизвестного божества и четыре маленьких бронзовых фигуры Будды. Это вызывает ассоциацию с матерью и ее четырьмя детьми. В одной руке каменное божество держало раковину, а в другой — палицу. Раковина связана с морской символикой, это атрибут водного божества. Обратим внимание, что великая богиня-мать, создательница и хранительница космоса, которую знали все архаические культуры, не только распоряжалась земледельческими ритмами, но была также и богиней вод. Великая богиня — божество «всеединства», в ней сосуществовали противоположности: жизнь и смерть, добро и зло. Многие восточные великие богини почитались одновременно божествами и земного плодородия и войны. Им поклонялись женщины во время мира, а мужчины — во время войны. Возможно, подобную двойственность символизирует каменное изваяние, найденное в дупле. Раковина указывает на связь с водным божеством, а палица может являться атрибутом божества войны²⁶¹.

Во вьетнамский сборник XIV в. «О таинственных силах и духах земли Вьет» включен следующий рассказ:

«Давным-давно в деревне Киеухан в Хонгтяу жили два брата из рода Данг; старшего звали Кует Минь, младшего — Тхиен Ша. Они добывали себе пропитание ловлей рыбы и обычно на лодках выходили далеко в открытое море. Однажды на глаза им попался странный предмет, покачивавшийся на волнах. Братья подобрали его, подумав, что это кусок дерева: в длину он достигал трех *тхьюков*, а по цвету напоминал птичье яйцо. Ночью они вдруг услышали из этого странного куска дерева неясную человеческую речь, испугались, выбросили его в воду и ушли ночевать на другую лодку. Той же ночью братьям явилась во сне женщина, промолвившая:

²⁶⁰ Кхмерские мифы и легенды. — М., 1981. — С. 204–205.

²⁶¹ *Элиаде М.* Азиатская алхимия. — М., — 1998. — С. 277–281.

«Вы — люди и не можете знать, что произошло, поэтому слушайте. Я, наложница Лонг-вьонга — Властелина драконов, полюбила Огненного дракона. У меня родился от него ребенок. Опасаясь гнева супруга, я пустила дитя плавать по волнам, он и есть тот кусок дерева, что встретился вам в море».

Проснувшись, братья припомнили чудесный сон и очень удивились. Выловив бревно, они поплыли домой. Когда приблизились к пристани, кусок дерева сам выпрыгнул из лодки на берег. Рыбаки решили там его и оставить. На этом месте возвели храм, а из бревна мастера вырезали статую Лонг-куана — почтенного господина Дракона — и начали ему поклоняться. С тех пор люди из рода Данг стали особо искусными в добыче раковин-жемчужниц. Лонг-куан покровительствовал всем ловцам жемчуга, и правитель сделал его богом жемчуга»²⁶².

Исследуя южный компонент корейской культуры, Р. Ш. Джарылгасинова, опираясь на работы Н.И. Никулина, обнаружила определенное сходство между корейской и вьетнамской культурами. Аналогию приведенному преданию Р. Ш. Джарылгасинова усматривает в мифе о Тхальхэ, который занимает в корейской мифологии особое место²⁶³. В «Исторических записях Трех государств» Ким Бусика (1145 г.) он зафиксирован следующим образом:

«Родом Тхальхэ происходил из государства Тапхана, расположенного в тысяче *ли* к северо-востоку от государства Вэ. Давным-давно, когда *ван* того государства взял в жены дочь правительницы женского государства, она после семи лет беременности родила наконец большое яйцо. *Ван* (тогда) сказал: «Не к добру, что человек — и рождает яйцо, надобно выбросить его». Но жена его не осмелилась (сделать этого), а завернула яйцо в шелк и вместе с сокровищами вложила в ящик и пустила в морское плавание, дав уплыть куда угодно. Сначала (ящик) прибило к берегам государства Кымгван, но люди его, крайне удивившись, не взяли ящик. Затем он приплыл к устью гавани Адольпхо в Чинхане. Это случилось в тридцать девятый год правления Основателя Хёккосе. Тогда (жившая) на морском побережье одна старая женщина веревкой приволокла ящик и привязала к берегу, а когда открыла ящик, увидела там маленького ребенка. Женщина взяла и воспитала его. Когда он возмужал, имел рост в девять *чхоков*, прекрасную внешность и благородные манеры, мудростью и знаниями превосходил (остальных) людей... Вначале Тхальхэ занимался рыбной ловлей и кормил свою (приемную) мать, при этом никогда не было видно даже малейших признаков нерадения (с его стороны). Однажды мать сказала ему: «Ты человек необыкновенный и внешностью своей непохож на других, надобно тебе учиться, чтобы прославить свое имя великими делами». С того времени все внимание он направил на учение. Когда постиг тайны земли и увидел счастливое местоположение дома Хогона, что под горой Янсан, он, составив хитроумный план, завладел (этим домом) и поселился в нем. Впоследствии на этом месте возник город Вольсон. На пятый год правления *ван* Намхэ, услышав о мудрости Тхальхэ, выдал за него свою дочь, а на седьмой год назначил на должность табо и поручил государственные дела. Перед смертью Юри сказал: «Завещание прежнего *вана* гласило, что после его смерти место должен унаследовать старший голами и наиболее мудрый, независимо от того, сын он или зять,

²⁶² *Lý Tế Xuyên. Việt điện u linh... Tr. 61–62.*

²⁶³ *Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этнтчская история... С. 113.*

и таким образом раньше взошел я, но теперь должно передать место ему (Тхальхэ)»²⁶⁴.

По словам Р.Ш. Джарылгасиновой, в мифе о Тхальхэ, так же как и во вьетнамском предании, рассказывается о необычайном рождении героя, о том, что родители (как правило, мать) отправляет свое чадо в ящике (или в бревне, напоминающем яйцо) в другие страны, и о том, что на новом месте родившемуся герою также уготована необыкновенная жизнь. Тхальхэ, например, становится правителем, т. е. миф в корейском варианте более историзован; во вьетнамском — герой мифа становится духом-покровителем²⁶⁵.

Японский ученый Исида Эйитиро отмечает широкое распространение в тихоокеанском регионе преданий о морской деве-богине, вышедшей замуж за человека и оставившей после родов ребенка на морском берегу²⁶⁶. По своей структуре эти истории связаны с преданиями об обнаруженном на морском берегу божественном младенце, которого поместили в закрытый ящик или долбленную лодку и пустили по воле волн. К другому типу относятся легенды об Острове Женщин, обитательницы которого зачинают детей, подставляя свое тело южному ветру. Оба эти мотива переплелись друг с другом и распространились на побережье Тихого океана; пример — предание о Тхальхэ: здесь присутствует и мотив «долбленной лодки» и рассказ о том, как мать родила яйцо, поместила его в коробку, положила в лодку и отправила в море, а потом оно прибыло в Адольпхо. С другой стороны, отцом ребенка был правитель страны Ёнсон (Драконий Замок), а лодку доставил к берегу красный дракон. Кроме того, считается, что матерью Тхальхэ была дочь правительницы Страны Женщин. Здесь уместно будет вспомнить сведения, приводимые в «Хоу Хань шу» в разделе «Описание южных и восточных варваров»: «В море находится Страна Женщин. Там нет мужчин. А еще говорят, что в этой стране есть священный колодец, считается, что если заглянешь в него, сразу родишь ребенка»²⁶⁷.

Предание, раскрывающее ассоциативный ряд колодец-зеркало-чудесное зачатие, приведено в китайских «Записках того, что помню, сделанных у окна во время дождя» (Юй чуан цзи со цзи): «Две сестры, одна — достигшая половой зрелости, другая — еще нет, узнали, что в Стране Женщин можно забеременеть, если посмотреть в колодец. Они заглянули в колодец. Вода там была ясная и чистая, как зеркало. На дне колодца они увидели улыбающегося им красивого молодого человека. Младшая сестра упала в колодец. Мертвая, она появилась в сопровождении молодого человека перед старшей сестрой, до смерти испугавшейся, и сказала, что вышла за него замуж. Старшая сестра при виде юноши смутилась. Он овладел ею и впредь стал приходить и повторять свои любовные подвиги. Старшая сестра забеременела. Ее родители, узнав о случившемся, поняли, что дело нечисто, и решили изгнать бесовщину. Заткнули источник, питавший колодец, и обнаружили там огромную черепаху. Старшая сестра родила десять маленьких черепашек»²⁶⁸.

²⁶⁴ Ким Бусик. Самгук саги. Т. 1. — М., 1959. — С. 79–80.

²⁶⁵ Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез... С. 114.

²⁶⁶ Этот мотив встречается и во Вьетнаме: на песчаном морском берегу появился чудесный ребенок, которого император Ли Нян-тонг хотел сделать наследным принцем: «...житель области Тханьхоа доложил: «На песчаном морском берегу в Ньютяу есть чудесный ребенок, в три года умеет говорить, называет себя императором, взял имя Зяк-хоанг — Владыка прозрения (обр. о Будде Шакьямуни), что бы ни делал государь, он все знает» («История Ты Дао Ханя и Нгуен Минь Кхонга» из «Описания удивительного...»).

²⁶⁷ Исида Эйитиро. Мать Момотаро... С. 135.

²⁶⁸ Stein R. Jardins en miniature... P. 66.

Представление о расположенной в море Стране Женщин, где нет мужчин, существует на юге — в Меланезии, Полинезии и особенно в Индонезии, на севере — у айну и гиляков²⁶⁹.

В Корее встречаются вариации истории о женщине, приплывшей к берегу вместе с чудесным ребенком, зачатым без отца. Так, в «Самгук саги» упоминается следующее предание: «В годы *Чжэн-хэ* (1111–1117 — Е.К.), когда наше (т. е. корейское) правительство направило *сансо* Ли Чаряна ко двору Сун для подношения дани, а слуга Бусик последовал за ним для исполнения обязанностей письмоводителя Мунхана, по прибытии в Юшэньгуань он увидел зал, где стояло изображение духа-женщины. Сопровождающий чиновник (*гуаньбан*) *сюэши* Ван Фу спросил: «А знаете ли вы, что это дух вашей страны?» А затем рассказал: «В старину в доме одного императора зачала незамужняя девушка, и, чтобы не вызвать подозрений людей, она (села на корабль) и по морю прибыла в Чинхан, где родила сына, ставшего первым правителем Восточных заморских земель (т. е. Кореи), а дочь императора превратилась в духа земли и вечно обитает на горе Сондосан, и вот ее изображение». Слуга (я) видел еще в сочиненном послем Великого Сунского государства Ван Сяном «Тексте молитвы при жертвоприношении Святой матери — Восточной богине» фразу о том, что «Святая мать основала это государство», а также узнал о том, что именно «Восточная богиня» является Духом горы Сондосан, но не узнал о том, в какое время ее сын был *ваном*»²⁷⁰.

В Корее было известно и такое предание:

«Чхильсон, принцесса в государстве Чан, не выходила замуж. Но вот однажды объявили, что принцесса забеременела. Ее отец, рассердившись, закрыл дочь в каменном ящике и бросил его в море. Ящик долго плавал по морю и, наконец, после того, как она разрешилась от бремени, пристал к берегу в деревне Хамдок. Известная ныряльщица, отправляясь на работу со своими подругами, увидела его и открыла. В ящике оказались восемь змей — Чхильсон и семь ее дочерей. Женщины, которые надеялись найти в ящике сокровища, были разочарованы: они закрыли крышку и бросили ящик обратно в море. Спустя короткое время все женщины этой деревни заболели, и шаманка на вопрос о причине болезни ответила, что это произошло из-за недоброго поведения женщин по отношению к змеям. Женщины вновь нашли ящик, вытащили его на берег и принесли в деревню с большими почестями. Они разместили змей в своих домах и вскоре стали богатеть благодаря большим уловам рыбы»²⁷¹.

Подобные истории были весьма популярны и в Японии: предполагается, что они пришли в эту страну с островов Южных морей. Мать с ребенком часто топили в качестве закладных жертв, и в Японии распространены легенды о человеческих жертвах, согласно которым мать с ребенком на долгие времена становились богами-хранителями водоемов²⁷².

Отметим близость в мифологическом мышлении камня и дерева. Так, мать и ее дети плавают по волнам либо в деревянном ящике (бревне), либо в каменном. «Мотив Моисея» и сходные с ним встречаются в культурах разных народов — вспомним, например, «Сказку о царе Салтане, о сыне его, слав-

²⁶⁹ *Исида Эйитиро*. Мать Момотаро... С. 135–137.

²⁷⁰ *Ким Бусик*. Самгук саги... С. 293.

²⁷¹ *Тюрина В. В.* Структура и семантика кхмерской сказки о Змее Кенг-Канге // Петербургское востоковедение. — 1995. — Вып. 7. — С. 346–347.

²⁷² *Исида Эйитиро*. Мать Момотаро... С. 124–125.

ном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче, и о прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина. Аналогии корейскому преданию о Тхальхэ можно усмотреть у народов, живущих как севернее, так и южнее корейцев. Возможно, стоит обратить внимание на количественный фактор: в Юго-Восточной Азии предания о приплывших божествах получили весьма широкое распространение. Кроме того, в Корее и Юго-Восточной Азии принесенные волнами сакральные персонажи почитались и как аграрные божества.

В «Истории двух духов из Лонгняна и Ньынгуэта» из «Описания удивительного...» повествуется о братьях Чьонгах. Явившись во сне императору Ле Дай Ханю, правившему в 980—1005, они сказали: «Мы — братья, одного зовут Чьонг Хонг, другого — Чьонг Хат. Прежде мы служили Чиёу Вьет-вьонгу, постоянно участвовали в воинских походах, чтобы контролировать Поднебесную. Когда впоследствии Ли Нам-де захватил государство, он услышал наши имена и призвал к себе. Долг не позволил нам придти, мы приняли яд и умерли. Верховный Владыка сочувствует имеющим заслуги людям. Хваля за преданность и долг, он даровал каждому из нас должность генерала ведомства духов-*тхан*, с тем, чтобы мы командовали воинством духов-*куи*».

По словам вьетнамского исследователя Фанг Данг Нята, для преданий вьетов наиболее характерен мотив змея — приемного сына человека, змея — супруга, змея — брата. Этих существ, как правило, двое, они мужского пола. Братья Чьонг Хонг и Чьонг Хат — змеи, превратившиеся в людей. Чьонг Хонгу и Чьонг Хату (или святым Трехречья) посвящен храм Нгабаса в Иенфонге. Вдоль реки Кау (пр. Бактхай, Хабак, Хайхынг) имеется триста мест, связанных с легендами о святых Трехречья. Братья Чьонг — историзированные персонажи древней легенды. Онг Зяй и Онг Кок (т. е. Господин Длинный и Господин Короткий) — змеи-духи²⁷³.

О двух змеях, усыновленных пожилыми бездетными супругами, упоминает М. Дюран в своем исследовании «Техника и пантеон вьетнамских медиумов (*донг*)». Муж нашел в саду два яйца, давшие рождение двум змеенышам. Они полюбили приемных родителей, но те не в состоянии были их прокормить. Мужу пришлось бросить змей в реку Чань. Вода здесь стала кружиться в большом водовороте, и переправа сделалась опасной²⁷⁴.

Статья А. Бонифаси «Зооморфные духи из общины Хуонгтхьонг» также посвящена культу двух змей — духов-покровителей деревни. Некая женщина нашла два яйца, из которых вылупились две змейки — черная и белая — и вырастила их. Впоследствии у черной змеи хвост случайно оказался отрезан, поэтому ее стали звать Короткой, а белую — Длинной. Исследователь отмечает, что, как правило, подобные духи бывают представлены лишь табличками, на которых написаны их посмертные титулы. Здесь же на алтаре в храме стояли скульптурные изображения двух свернувшихся змей с поднятыми головами — наглядный признак зоолатрического культа, соотнесенного, видимо, с древним тотемом. В ритуалы по проведению культа входили лодочные гонки²⁷⁵.

Несколько преданий о змеенышах относятся ко времени правления Хунг-вьонга Восемнадцатого. Вот что произошло в те времена в уезде Фонгтяу. Там жила вдова по имени Чан Тхи Сыонг. Детей у нее не было, она ловила рыбу,

²⁷³ Фан Данг Нят. Мифопоэтические сказания народов Вьетнама и ранняя средневековая новелла // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной Азии. — М., 1988. — С. 8–12.

²⁷⁴ Durand M. Technique et pantheon des mediums vietnamiens (dong). — Paris, 1959. — P. 31.

²⁷⁵ Bonifacy A. Les genies theriomorphes du xa de Huong-thuong // BEFEO. — 1910. — T. 10.

собирала крабов и так добывала себе пропитание. Однажды вытягивая сеть с рыбой, она обнаружила три яйца и принесла их домой. Решив приготовить яйца, женщина положила их в котелок. Вода кипела в котелке три дня, а яйца так и не сварились. Вдова попыталась разбить их камнем, но и это ей не удалось. Подумав, что здесь какая-то бесовщина, Тхи Сьонг испугалась, отнесла и бросила яйца там, где нашла. Ночью ей приснились трое статных пригожих юношей. Поклонившись, они попросили забрать яйца обратно и положить их на алтарь. Женщина так и поступила. Впоследствии из яиц вылупились три змееныша. Вдова вырастила их и очень привязалась к ним. Змеи полюбили свою воспитательницу, обращались с ней почтительно, как с матерью. Однажды Тхи Сьонг вскапывала землю. Самый маленький змей проползал рядом, и, к несчастью, лезвие ударило по хвосту, отрубив кончик. С тех пор его так и прозвали — Кок-Короткий. Когда правитель Тхук напал на Хунг-вьонга, тот разослал гонцов, разыскивая храбрецов, способных защитить родину. Услышав об этом, змеи попросили матушку откликнуться на зов. Женщина боялась, что ее накажут за напрасное беспокойство, но змеи настаивали, и Тхи Сьонг вынуждена была уступить. Вдова позвала государевых вестников, сказав, что ее сыновья помогут правителю одолеть врагов. Гонцы прибыли, но, увидав трех змей, в нерешительности остановились. В это время началась гроза, хлынул ливень, поднялся сильный ветер, а змеи сбросили кожу и превратились в трех необычного вида юношей в зеленых одеждах. Послы обрадовались, доставили их ко двору и представили Хунг-вьонгу. Все трое вместе с хозяином гор воевали с правителем Тхуком. После того, как нападение было отбито, юноши отказались от всех наград и вернулись в родную деревню. Первым двум стали поклоняться в общинном доме, а третьему — в буддийской пагоде, потому что из-за отрубленного хвоста он стал злым и жестоким. Люди надеялись, что учение Будды благотворно на него повлияет²⁷⁶.

Подобные предания были зафиксированы и в Японии. Так, одно из них начинается следующим образом: «Отец с матерью работали на поле и с наступлением вечера собирались возвращаться домой. Когда они направились, чтобы забрать свои соломенные шляпы, то обнаружили, что в шляпе лежит, свернувшись, змееныш. Поскольку у супругов детей не было, они забрали его с собой, дома поместили в миску и кормили. Он очень быстро вырос, и пришлось переместить его в большой таз...». В «Хитати-фудоки» в истории о горе Курэфуси рассказывается, что к одной девушке по ночам приходил человек, имя которого ей было неизвестно, но от которого она потом родила змееныша. В деревне Хаттедэн уезда Фудзицу префектуры Сага есть легенда о том, как бездетные супруги Кидзаэмон подобрали и воспитали змею. С каждым днем она становилась все больше и через четыре-пять лет превратилась в огромную змею. Поскольку деревенские жители ее боялись, то старались с ней не встречаться. Родители со слезами умоляли ее на время удалиться, и тогда, скорбя от предстоящей разлуки, она покинула дом. Когда родители состарились и уже не могли работать, ежегодно с наступлением посевной, она стала перекрывать плотину на реке Сиода, и деревни в низовьях реки не могли проводить сельскохозяйственные работы. Староста встревожился и обратился за советом к гадателю, а тот сказал, что причина всего — большая змея Кидзаэмона. Все проблемы с водой прекратились после того, как деревенские жители, собрав

²⁷⁶ Văn hóa dân gian vùng đất tồ. — Vĩnh Phù, 1986. — Tr. 101.

понемногу риса, начали кормить престарелых родителей змея. Поскольку все так получилось, его стали почитать как бога плотины²⁷⁷.

В предание об известном ханойском храме Линьланг также речь идет о рождении женщиной водного божества. Так, рассказывают, что однажды деревенская девушка стирала белье на берегу озера Тэй. Ее увидел император Ли Тхай-тонг (годы правления: 1028–1054), и она ему приглянулась. Император пригласил ее в загородный дворец и удостоил любовью. Вскоре появился на свет мальчик, обликом он был совершенен. Через некоторое время принц превратился в дракона и исчез в озере Линьланг. Тогда правитель издал указ, повелевая на том месте, где он скрылся в воде, соорудить храм, а его самого объявил духом высшего ранга. Два духа — этого храма и храма Батьма — почитались как великие духи-хранители столицы.

Согласно другой версии этого предания, у императора Ли Тхай-тонга была наложница по имени Хиеу *ньонг*. Однажды она купалась в озере Тэй, вокруг нее обвилась большая змея, и от этого женщина забеременела. Впоследствии родился мальчик, которого император назвал Линь Ланг.

Рассказывают, что во времена Хунг-*вьонгов* в деревне Лафу, расположенной возле реки Да, жила бедная женщина. Она ютилась в шалаше из травы, стоявшем на берегу реки. Женщина была уже старая, но не было у нее ни мужа ни детей. Люди называли ее тетушка Танг Ма, а откуда взялось это прозвище, никто уже и не помнил. Однажды тетушка пошла нарезать травы. Солнце сильно припекало, и на обратном пути она решила выкупаться. Только тетушка успела зайти в воду, как рядом с ней вынырнул змей. Танг Ма испугалась, вышла из реки и поспешила домой. О случившемся тетушка не решилась никому рассказать. С тех пор она стала уставать больше обычного, и живот с каждым днем становился все больше, что сильно ее тревожило. Через девять лун женщина родила три яйца. В тот день дул сильный ветер, и шел дождь. Вскоре из яиц вылупились три змееныша. Танг Ма перепугалась, но не осмелилась их убить. Змеи были постоянно с ней. Когда тетушка куда-нибудь шла, она сажала их в бамбуковую корзинку и несла с собой. Во время работы на поле змеи ползали у ее ног. Как-то раз женщина случайно отрубила мотыгой кончик хвоста одной из змей. Все трое громко заплакали. Опасаясь, что односельчане прознают о ее питомцах, Танг Ма выпустила змей в реку Да, и они стали речными духами, присматривая за разными участками реки. Змеи, хотя и жили под водой, по-прежнему любили свою мать. Каждый год в сезон дождей они поднимали уровень воды, чтобы можно было приплыть и навестить свою мать. Вода затопляла все окрестности, жители бедствовали. Видя такую картину, Танг Ма просила сыновей вернуть воду в русло реки. Она принималась кидать землю и камни, люди подражали ей. С годами камней и земли накопилось так много, что образовалась насыпь, протянувшаяся по краю реки Да. С тех пор все были избавлены от наводнения. Желая отблагодарить тетушку, жители построили в ее честь храм на берегу реки. После того, как Танг Ма умерла, каждый год, примерно в шестом-седьмом месяце по лунному календарю три змея со своими потомками вызывали дождь, поднимали ветер, желая справить поминки. Поднимались сильные волны, река выходила из берегов, и вода подступала к хижине, где когда-то жила Танг Ма. Местные жители были вынуждены постоянно увеличивать дамбу, ночами по очереди нести дозор. Особенно много

²⁷⁷ *Исида Эйитиро*. Мать Момогаро... С. 121–122.

неприятностей происходило там, где владычествовал змей с отрубленным хвостом, он был свирепым и вспыльчивым²⁷⁸.

Миф о происхождении от дракона был известен у древних *айлао* (по китайским источникам ханьского времени, народ *айлао* жил в провинции Юньнань и являлся предком рода Мэншэ — создателей Наньчжао, т. е. *айлао* были предками современных тибето-бирманских народов *бай* и *ицзу* в Юньнани)²⁷⁹. Рассказывают, что одна женщина забеременела при купании от куска дерева, который плавал в воде и наткнулся на нее. После рождения у нее детей этот кусок дерева превратился в дракона. В память об этом потомки дракона — *айлао* стали наносить на себя татуировку в виде драконообразного узора и носить костюм с «драконовым хвостом» (речь идет, очевидно, о набедренной повязке). *Айлао* и на крокодила смотрели как на своего родственника, и считалось, что он не трогает их при купании²⁸⁰.

Есть и еще одна версия предания, бытующая у народов, населяющих Южный Китай. Так, после того как женщина забеременела, прикоснувшись к плывущему куску дерева, она родила десять сыновей. Женщина привела их на берег озера, дерево превратилось в дракона, и человеческий голос сказал: «Где мои сыновья?» Девять мальчиков от испуга убежали, только самый молодой поднялся на спину дракона и сел там, дракон облизал ему спину. Эти десять сыновей дракона стали предками девяти племени девяти племен, населявших Наньчжао²⁸¹.

В Китае, на берегах реки Янцзы известна следующая легенда, содержащаяся в составленном Тао Цянем сборнике «Продолжение записок о поисках духов»: «Одна девушка мыла шелк на берегу реки Чжанхэ, вдруг затяжелела и родила три предмета, которые все были похожи на рыбок. Ей это показалось странным, она поместила их в таз и там подкармливала. За три дня они сильно выросли и превратились в маленьких дракончиков. Разразилась сильная гроза, и все три дракончика улетели. Куда они подевались, неизвестно»²⁸².

Японский исследователь Исида Эйитиро приводит и такую историю о китайском водном божете: «В старину жила старуха по имени Дуаньси из рода Вэнь. Она добывала себе пропитание ловлей рыбы в горном ручье. Однажды она обнаружила в воде яйцо. Старуха взяла его с собой домой и положила в миску. Через десять дней из яйца вылупилось нечто наподобие ящерицы-гекко, длиной более одного *чи*. Старуха решила посмотреть, что будет дальше. Постепенно ящерица выросла и достигла размера в пять *цуней*. Она ныряла в воду и ловила рыбу, ежедневно добывая по десять штук. Она становилась все больше и достигла размера в два *чи*, после чего рыбный улов еще больше возрос»²⁸³.

Обратим внимание в так называемых преданиях о матерях-драконихах на кусок дерева, оказывающийся драконом. Вероятно, это является реминисценцией образа мирового дерева, в котором живут и которое могут представлять змееобразные существа.

По словам М. Элиаде, символика змея довольно сложна и многозначна, однако все символы совпадают в одной ключевой идее: змей обновляется, рождается заново и потому бессмертен, а, следовательно, он представляет

²⁷⁸ Truyền thuyết Hùng vương. — Hà-nội, 1984. — Tr. 81–82.

²⁷⁹ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. — М., 1976. — С. 32.

²⁸⁰ Там же. — С. 194.

²⁸¹ Там же. — С. 277.

²⁸² Исида Эйитиро. Мать Момотаро... С. 143.

²⁸³ Там же. — С. 144.

собой лунную «силу» и в этом своем качестве дарует плодovitость, мудрость (способность к пророчеству) и даже бессмертие. Во множестве мифов упоминается имевший роковые последствия эпизод — похищение змеем бессмертия, данного человека. Но все это лишь более поздние варианты архаического мифа, в котором змей (или морское чудовище) выступает в роли охранителя священного источника или источника бессмертия (Древо Жизни, Источник Молодости, Золотые Яблоки)²⁸⁴.

Этиологическое повествование, разъясняющее, почему старые змеи сбрасывают кожу, а престарелые люди умирают, имеется и во вьетнамском фольклоре. Сотворив людей, Яшмовый владыка хотел избавить их от переселения душ. Он задумал такой порядок: достигнув определенного возраста, человек ложится и спокойно спит какое-то время, а кожа его сама собой потихоньку сползает. Проснувшись, человек оказывается свободным от старой оболочки и становится молодым. Ядовитых змей предполагалось больше не оживлять. Один из небесных богов получил приказ спуститься в земной мир и осуществить этот замысел. Но он рассказал змеям, зачем прибыл. Те сейчас же окружили его и зашипели: «Сделай все наоборот, так, чтобы старые змеи сбрасывали кожу, а пожилые люди умирали, не то тебе отсюда не выбраться». Оглядевшись, бог ужаснулся. Со всех сторон его теснили змеи, многие уже приподнимали головы, собираясь наброситься на него. Бог вынужден был согласиться. С тех пор, дожив до старости, люди стали умирать²⁸⁵.

Одним из самых популярных во вьетнамской культуре был миф о борьбе владыки гор и владыки вод. В нем рассказывается о том, как некогда владыка вод и владыка гор посватались к дочери правителя Хунг-вьянга, и предпочтение было отдано владыке гор. Владыка вод, рассердившись, обрушил берега рек, затопил их, а затем, созвав всех водяных тварей, отправился к горе Танвиен, где укрылся его враг. Препраждая дорогу воде, люди стали строить плотины, забивать в землю колья и бревна, а, увидев подплывавшие к заборам сухую траву и ветки, выпустили в них множество стрел, и убитые водяные ратники обратились в мертвых черепах и змей. Чем выше поднималась вода, тем больше становилась гора Танвиен. Затем владыка гор с вершины горы стал метать громы и молнии, которые утомили грозные валы.

Нападение было отбито, но с тех пор, каждый год в одно и то же время, в шестую или седьмую луну, гнев владыки вод пробуждается, и борьба между этими двумя духами вспыхивает вновь. Возможно, этот миф имеет этиологический характер и объясняет причины тайфунов и наводнений в Северном Вьетнаме²⁸⁶.

Миф о борьбе двух духов вошел в ранние прозаические сборники, в частности, в «Описание удивительного...» («История горы Танвиен»). В более поздних сочинениях миф упоминается, например, в «Случайных записках о превращениях судьбы» Фам Динь Хо и Нгуен Ана. В рассказе «Река Зунг» говорится следующее. С неким торговцем, плывшем на лодке в столицу, познакомились несколько человек, обликом напоминая гонимых, едущих издалека. Оказалось, что это были подданные водяного дракона, владыки озера Донглиет,

²⁸⁴ Элиаде М. Трактат по истории религии. Т. 1. — СПб., 1999. — С. 310.

²⁸⁵ *Nguyễn Đình Chí*. *Lược khảo về thần thoại Việt Nam*. — Hà-nội, 1958. — Тт. 83–84.

²⁸⁶ Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977. — С. 186.

который отправился сражаться к горе Танвиен и по дороге погиб. Водяные духи попросили торговца доплыть до озера Донглиет и сообщить о гибели водяного дракона. Тот согласился и когда исполнил обещанное, был за это вознагражден. Владыка горы Танвиен упоминается и в рассказе «Господин Нгуен Конг Ханг», к нему обращаются с просьбой продлить жизнь некоему человеку. Владыка, однако, сказал, что этими делами не занимается, и посоветовал обратиться к известному сановнику Нгуен Конг Хангу.

По мнению известного французского исследователя Ж.Пшилуски, для юго-восточного азиатского бронзового века был характерен космический дуализм, в рамках которого горы противопоставлялись морю, существа крылатые — тварям, обитающим в воде, горцы — обитателям побережий. Общественная организация также основывалась здесь на дуалистической системе: каждое племя делилось на две части — жители гор и жители побережий, находившие источники существования соответственно в горах или на море. Вожди и колдуны первых вели свой род от божественной птицы и распоряжались огнем и громом, вожди и колдуны вторых считали родоначальниками божественную рыбу или змею и обладали властью над водой, реками и дождем²⁸⁷.

Вплоть до XX в. дуализм сохранился у джараев. У них существовали король огня и король воды, теократические правители, которые, по мнению исследователей, считались воплощением производящих сил природы. Сакральные функции короля огня и короля воды признавались и правителями Камбоджи²⁸⁸.

Вероятно, возникновение вьетнамского мифа о борьбе владыки гор и владыки вод было связано с древними дуалистическими представлениями.

На архаический характер вьетнамского мифа указывает тот факт, что предание о борьбе владыки гор и владыки вод было соотнесено с полупоэтическими сведениями о государстве Ванланг времен Хунг-выонга XVIII. Так, по народным поверьям, владыка гор стал отождествляться с реальной личностью, военачальником из семьи Нгуенов, который не раз помогал Хунг-выонгу XVIII отразить натиск Тхук Фана, представшего в мифических сказаниях в образе владыки вод.

Можно предположить, что в основе вьетнамского повествования о борьбе двух духов и распространенного в Юго-Восточной Азии цикла преданий об укрощении водной стихии с помощью чудесного оружия, которое соотнесено с небом, солнцем, огнем, молнией, лежат сходные мифологические представления. Так, согласно, вьетнамскому преданию, владыка гор усмирил владыку вод молниями, которые он стал метать со своей горы. По народным поверьям, распространенным в Юго-Восточной Азии, золотой меч, укрощающий воду, и является сущностью огня, молнии.

Миф о борьбе двух духов был популярен не только у вьетов. Например, у *мыонгов* зафиксировано предание о борьбе владыки гор и владыки вод, также связанное с горой Танвиен, причем владыка горы укрощает водную стихию с помощью чудесного оружия. В этом предании говорится следующее. Некий крестьянин получил в дар от дракона, хозяина подводного царства, чудесный нож (аналог чудесного меча), который после его смерти должен был вернуться

²⁸⁷ Przulski Y. Les populations de l'indochine francaise // Indochine. — Paris, 1931. — P. 55.

²⁸⁸ Чеснов Я. В. Миф о мече и начало государственности в Восточной Индокитае // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. — М., 1970. — С. 76–80.

в подводное царство. Когда крестьянин умер, ножом завладел его приемный сын, а посланцу, прибывшему за ножом, пришлось удалиться ни с чем. Узнав об этом, дракон рассердился и повелел схватить дерзкого человека, нарушившего его волю. Вода стала прибывать, и вскоре осталась незатопленной только гора Танвиен, видневшаяся вдалеке. Приемный сын, с помощью чудесного ножа, призвал лошадь-ветер и на ней добрался до горы Танвиен. Вода, однако, все более поднималась, и тогда человек вынул чудесный нож и высказал пожелание, чтобы вода спала. Дракон действительно вынужден был отозвать поток назад. Когда наводнение прекратилось, приемный сын не вернулся к себе в деревню, он остался жить на горе Танвиен²⁸⁹.

В этом предании *мыонгов* связываются воедино несколько циклов представлений. Во-первых, это цикл о чудесном мече, популярный в Юго-Восточной Азии. Далее, такой персонаж как лошадь-ветер, вероятно, восходит к буддийским легендам, распространенным в Юго-Восточной Азии, о бодхисатве Локешваре, принявшем облик крылатой лошади и спасшем индийских купцов от гибели. Кроме того, в предании отразились мифические представления о борьбе владыки вод и владыки гор, обратим внимание, что эта борьба связывается с горой Танвиен.

Архаические представления об укрощении водной стихии с помощью чудесного оружия нашли отражение и в ритуалах народов Юго-Восточной Азии, например, в сиамском ритуале. В период возможных наводнений торжественная процессия во главе с королем приближалась к реке, и правитель ударял золотым мечом по воде. Это действие, по мнению исследователей, должно было обуздать водную стихию — предотвратить наводнение и одновременно символизировало оплодотворение воды огнем (золотым мечом, молнией).

Таким образом, можно предположить, что вьетнамские предания о борьбе владыки гор и владыки вод основываются на архаических мифологических представлениях об укрощении водной стихии огнем и одновременном оплодотворении огнем воды.

В связи с мифом о борьбе двух хозяев стихий обратим внимание на рассказ «Храм Чанво» из «Случайных записок о превратностях судьбы» Фам Динь Хо и Нгуен Анна. В нем идет речь об укрощении зловредного духа — лиса с девятью хвостами. В незапамятные времена духом одной из кумирен в провинции Киньбак была лисица с девятью хвостами. Лисица вредила жителям, они удалились из этих мест, и здесь никто не осмеливался поселиться. Владыка Северного неба изловил лисицу, этот его подвиг славили на протяжении ряда династий. В северо-западной части Тханглонга (современный Ханой) был установлен в честь него храм, чтобы противостоять чарам Западного озера.

Функции персонажей предания станут более понятными, если обратиться к варианту, записанному в «Описании удивительного...». Это «История лиса-оборотня», которая связывается с варварами-манами. Так, сказано, что они селились у подножия горы Танвиен и почитали могущественного духа этой горы, научившего их возделывать землю и ткать одежду. В западной части Тханглонга раньше находилась каменная гора, в пещере под горой поселился лис с девятью хвостами, который прожил более тысячи лет, стал оборотнем и мог принимать десять тысяч разных обликов. Лис превратился в одного из этих людей, сме-

²⁸⁹ Truyện cổ mừõg. — Hà-nội, 1978. — Tr. 287–290.

шался с ними, пел с манами песни, заманивая юношей и девушек в свое логово. Государь-дракон отдал приказ открыть путь воде и разрушить каменную гору. Повеление было исполнено, а водоем, образовавшийся на месте горы назвали Тхихочать — Заводь дохлого лиса, это и есть Западное озеро. Государь-дракон способствовал сооружению буддийских и даосских храмов, чтобы усмирить злые чары, сейчас там есть тысячелетняя пагода Ла.

По мнению Э.Порэ-Масперо, предание о лисе из «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» имеет тотемистический характер. Исследовательница обращает внимание также на то, что гора Танвиен связана с повествованием о борьбе владыки гор, поселившегося на этой горе и владыки вод, который вместе со всеми водяными тварями атаковал ее. Это напоминает, считает Э.Порэ-Масперо, государя-дракона, выступившего против лисицы²⁹⁰.

В тексте предания в качестве антагонистов выступают лис из горной пещеры и хозяин воды. Сам же дух горы Танвиен упоминается только в начале и как культурный герой — персонаж, наделяющий людей разными умениями. Таким образом, дух горы Танвиен и лис связаны с горой и представлены как антиподы. Возможно, первоначально существовало одно божество горы, сочетающее в себе два начала — жизни и смерти, добра и зла. Впоследствии этим двум началам стали соответствовать и два персонажа — носители противоположных качеств.

Приведенные предания позволяют говорить о том, что в качестве духа горы, с которым враждовал хозяин воды — дракон, мог выступать лис. Этот персонаж, как правило, наделен чертами вредоносного существа. Хозяин воды, уничтожающий лиса, в поздних вьетнамских текстах заменен даосским божеством — Владыкой Северного неба (рассказ «Храм Чанво» из сочинения Фам Динь Хо и Нгуен Ана). Храм, построенный в честь этого божества, идентифицирован с древней кумирней, согласно преданию, стоявшей на берегу Западного озера и усмирявшей злые чары лиса. Во времена Фам Динь Хо и Нгуен Ана эта кумирня, вероятно, уже не существовала. Это подтверждается и тем фактом, что храм Владыки Северного неба, воздвигнутый в 1102 г., первоначально находился в императорской части города и только в 1474 г. был перенесен на южный берег Западного озера.

Дух горы Танвиен почитался как носитель положительного начала (жизни) (ср. с отрицательным лисом — хозяином горы), он же выступал укротителем водной стихии. Хозяин горы и хозяин воды выступают попеременно то как вредители, то как благодетели.

Вероятно, во Вьетнаме существовал цикл мифов о борьбе двух хозяев стихий, причем в одном случае победителем и носителем жизни-космоса является хозяин горы, а в другом — хозяин воды²⁹¹.

Одним из важнейших элементов аграрного культа у вьетов была вера в непрекращающуюся борьбу двух духов — владыки вод и владыки гор, означавшую борьбу Востока с Западом. С этой верой связана игра «перетягивание каната» — широко распространенное развлечение как молодых, так и ста-

²⁹⁰ *Porée-Maspero E. Étude... Т. 2. — Р. 463.*

²⁹¹ Можно сравнить антогонизм двух хозяев стихий в корейской культуре, исследованный М. И. Никитиной (*Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. — М., 1982. — С. 181–182.*)

риков в праздничные дни Нового года. Участники делятся на две команды и выстраиваются по западной и восточной сторонам игрового поля. Если побеждает восточная команда, то год ожидается дождливым, если западная — засушливым.

Предание, изложенное в «Истории лиса-оборотня» привлекло внимание Р. Стейна, отметившего в нем, в связи с исследованием миниатюрных садов, три момента: 1) законченный ландшафт, состоящий из горы и пещеры (пропасти), — характерный признак Куньлуня; 2) тема обольщения юношей и девушек во время танцев и песен; типичные события праздников, проводившихся возле святых мест; 3) связь местности с горными варварами (см. историю о Тхиен-и А-на). В Китае божество, охраняющее лисиц, носит имя «Госпожа с горы Тайшань» (Тайшань нян нян). Лис с девятью хвостами из пагоды Тяулонг живет на холме и вредит людям Его именуют *цзин*, по-вьетнамски *тинь* (дух, оборотень). По аннамитским представлениям, *тинь* — женского рода. В окрестностях Хюэ имеется кумирня (рядом с пагодой Тыан), названная Залом объединенных Святых Матушек (Тхань мау хой донг диен). Там находится приставленная к царству воды Госпожа Святая Матушка-Принцесса — Лисица с девятью хвостами. «Сущность» (*цзин*) горы или воды (двух элементов, образующих совершенное место) — злой лис-антропофаг, вредящий людям. Святая Матушка, покровительствующая местности, передала свою роль Лиэу Хань — богине, изгнанной с неба из-за того, что она разбила кубок для питья. Район Западного озера, мифическое место, обязано своей исключительной привлекательностью вовсе не Лиэу Хань, ее образ наложился на комплекс более древних представлений²⁹².

В «Рассказе об арековой пальме», повествуется о двух братьях. Ланг — младший — умер, превратившись в арековую пальму, выросшую у него изо рта. Возможно, здесь сказывается влияние индийской космогонии, лежащей в основе декоративного искусства, одним из центральных мотивов которой был следующий: корневище лотоса, покрытое листьями и цветами, часто несущее на себе или заключающее в себе цветы или животных; лотос этот растет изо рта или из пупа²⁹³ *якши* или другого водного символа, т. е. из полной чаши или же из открытой пасти макары (слона с хвостом рыбы). Символ «полной чаши» можно обнаружить и в других регионах; всякий раз он связан с «растением жизни» или другой эмблемой плодородия. «Полная чаша» всегда считается богом или полубогом и никогда не ассоциируется с человеком. В некоторых случаях изображение чаши отсутствует, и вода истекает непосредственно из тела божества. Трудно с большей ясностью представить верование, согласно которому прямым и непосредственным источником жизни и обновления является божественная субстанция, а точнее ее полное откровение, теофания. Орнаментальному мотиву корневища, растущего из водного символа, в мифологии соответствует пуранское представление о рождении Брахмы. Брахма именуется «лотосорожденным», а сам лотос выходит из пупа Вишну. Образ возникающего из воды (или из водной эм-

²⁹² Stein R. Jardins en miniature... P. 47–49.

²⁹³ Вспомним существовавшее во Вьетнаме предание: однажды император Чан Нянтонг заснул в пагоде Тыфук и ему привиделось, что из его пупка поднялся лотос, на котором сидел Будда. *Nguyễn Duy Hinh. Tìm hiểu ý nghĩa xã hội của phái Trúc Lâm thời Trần // Tìm hiểu xã hội Việt Nam. — Hà-nội, 1981. — Tr. 650–651.*

блемы) лотоса (или корневища) есть сам космический процесс как таковой. Воды здесь символизируют не-явленное, скрытое, пребывающее в зародыше, а образ цветка — творение, манифестацию космоса²⁹⁴.

Две работы известного исследователя М. Элиаде были специально посвящены анализу мифологической темы — возникновению растительности в результате насильственной смерти или принесения в жертву гигантского первопредка — а также мифологического мотива появления растений из крови или тела вероломно умерщвленного бога или героя. Кроме того, М. Элиаде отмечает мотив связи между человеком и определенным видом растений; связи, воспринимавшейся как постоянное взаимодействие, нескончаемый круговорот между человеческой и растительной сферами бытия. Человеческая жизнь, прерванная насильственным образом, продолжается в растении, в свою очередь, если его срывают или сжигают, порождает животное или другое растение, которое, в конце концов, вновь обретает человеческий облик. «Теоретическую» основу подобных преданий можно резюмировать так: прежде чем окончательно угаснуть, человеческая жизнь должна исчерпать все возможности творения и воплощения; если ее прерывает внезапная насильственная смерть, она пытается продолжить себя в другой форме — растения, плода, цветка. В подтверждение сказанного приведем лишь несколько примеров. На поле битвы, где пало много героев, вырастают розы и шиповники; из крови Аттиса растут фиалки, а из крови умирающего Адониса появляются розы и анемоны; из мертвого тела Осириса прорастают злаки, растение *маат* и всякого рода травы и т. д. Смерть подобных богов воспроизводит в определенном смысле космогонический акт творения земли и неба, которые возникли в результате принесения в жертву великана или самопожертвования бога²⁹⁵.

Исследователи памятника неоднократно обращали внимание на то, что в некоторых рассказах из «Описания удивительного...» обнаруживаются сюжеты и образы, характерные для традиций Юго-Восточной Азии, связанной с индийской культурой. Так, например, «Рассказ о Зя Тхоа-вьонге» сопоставляется с одним из эпизодов Рамаяны²⁹⁶, а в «Рассказе о Ха О Лое» обнаруживаются следы воздействия легенд кришнаитского цикла²⁹⁷. У тямов есть история, аналогичная «Рассказу о новогодних пирогах» из «Описания удивительного...». Широко распространен мотив превращения человека в дерево, а дерева — в человека, характерный для культуры народов вьет-мыонгской группы (рассказы «Ман *ньонг*», «История дерева-оборотня» из «Описания удивительного...», мыонгский эпос «Рождение земли и воды»)²⁹⁸.

В сочинении заметно влияние китайской традиции. В сборнике Ву Куиня и Киеу Фу встречаются персонажи, сходные с героями китайского фольклора и литературы. О том, что авторы-составители использовали китайские сочинения, писал еще Ле Куи Дон. Так, он считал, что при создании рассказа «История колодца Вьет» были использованы «Записи о природе бесов» (Цай гуй цзи)

²⁹⁴ Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. 2. — СПб., 1999. — С. 113–114.

²⁹⁵ Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. 2. — СПб., 1999. — С. 141–142.

²⁹⁶ Huber E. Etudes indochinoises. La legende du Ramayana en Annam // BEFEO. — Hanoi, 1905. — Т. 5. — Р. 168.

²⁹⁷ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 130–132.

²⁹⁸ Phan Đăng Nhật. Sự gắn bó Việt Chàm qua một số truyện dân gian // Tạp chí văn học. — 1976. — № 5. — Tr. 51–52.

Чжан Цзюньфаня, написанные в сунское время, а также «Записи о древних следах Наньхая» (Нань хай гу цзи цзи) У Лая (XIV в.) и т. д.²⁹⁹

«Описание удивительного...» имело большое значение в развитии повествовательной прозы. Ву Куинь и Киеу Фу творчески обрабатывали имеющиеся материалы. Однако сочинение было создано не для того, чтобы позабавить читателя удивительными происшествиями, а с целью сохранить для потомков события собственной истории.

Все три упомянутых сборника — «О таинственных силах и духах земли Вьет», «Сны Южного старца», «Описание удивительного...» — по типу напоминают китайскую сюжетную прозу *сяошо*. Во многом они связаны с исторической тематикой. Сами авторы-составители в предисловиях специально подчеркивали свои «серьезные» намерения, т. е. рассказы о необычайном они рассматривали как исторический материал. Кроме того, в этих собраниях, в ряде случаев, описываются одинаковые события, в которых принимают участие одни и те же персонажи. Исследователи отмечали, что подобные «общие места» характерны для многих памятников XII—XV вв. Так, французский ученый А. Масперо обращал внимание на тесную связь «Исторических записок» До Тхиена, сочинения «О таинственных силах и духах земли Вьет», «Семейных хроник» и «Полного собрания исторических записок» Нго Ши Лиена и высказывал уверенность, что все эти тексты происходят из одного общего письменного источника³⁰⁰. Похожие места в текстах имеют «Собрание выдающихся праведников из сада *тхиен*» и «Краткая история Вьета»³⁰¹. С некоторыми жизнеописаниями монахов из «Собрания выдающихся праведников...» сходны истории, изложенные в «Описании удивительного земель, расположенных к югу от гор» и «Снах Южного старца». Отдельные рассказы из «Снов Южного старца» совпадают с эпизодами, описанными в летописном своде Нго Ши Лиена и т. д.

В ранние собрания вьетнамской прозы включены истории, отражающие одни и те же народные верования. В частности, ряд рассказов связан с историями о «чудесных» деревьях, в основе которых, возможно, лежит культ деревьев, распространенный во Вьетнаме. Например, в жизнеописании монаха Кхуонг Вьета из «Собрания выдающихся праведников из сада *тхиен*» говорится о том, как однажды монаху привиделся во сне некий могущественный дух со своей свитой. Отправившись рано утром в горы, этот монах заметил огромное дерево, вершина которого уходила в облака. Тогда он нанял мастеров, которые срубили дерево и вырезали статую, во всем подобную духу из сновиденья, чтобы люди могли ему поклониться. В сборнике «О таинственных силах и духах земли Вьет» есть рассказ, повествующий о божестве, заключенном в бревне. Из этого бревна затем также делали статую духа. Интересна история из «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» о дереве-оборотне. В ней идет речь о старом, вековечном дереве, через тысячу лет оно обрело способность менять обличья и стало пожирать людей. Сходные представления, связанные с культом деревьев, распространены и в преданиях бирманцев, кхмеров³⁰².

²⁹⁹ Gaspardone E. Bibliographie annamite... P. 129; *Lê Quý Đôn. Kìen văn tiếu lục*. — Hà-nội, 1962. — Tr. 200.

³⁰⁰ Maspero H. La dynastie des Li Antérieur // BEFEO. — Paris, 1916. — T. XVI. — P. 1, 14.

³⁰¹ Поляков А. Б. Место «Краткой истории Вьета»... С. 38.

³⁰² Парникель Б. Б. О фольклорном средстве народов Юго-Восточной Азии // В кн.: Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1983. — С. 133; Муго А. Кхмеры. — М., 1973. — С. 193—194.

«Посмертное собрание рукописей Тхань-тонга»

«Посмертное собрание рукописей Тхань-тонга» (Тхань тонг зи тхао)³⁰³ традиция относит к XV в. и приписывает императору Ле Тхань-тонгу (1442—1497), но был ли он действительно автором этого произведения, неизвестно.

Ле Тхань-тонг обладал незаурядным литературным талантом, многие его сочинения сохранились до наших дней. Он заботился о процветании литературы и сам возглавлял «Собрание двадцати восьми светил словесности». Время правления этого императора «превратилось в сознании последующих поколений в золотой век вьетнамского государства»³⁰⁴.

Некоторые вьетнамские литературоведы, основываясь на ряде заключений, полученных при анализе текста памятника, подвергают сомнению авторство Ле Тхань-тонга и считают, что, возможно, часть рассказов написана самим императором, а среди них вставлены более поздние повествования, причем эти добавления делались вплоть до XIX в.³⁰⁵

Вьетнамские исследователи оценивают «Посмертное собрание рукописей Тхань тонга» как одно из первых произведений типа *сяошо* во вьетнамской литературе³⁰⁶. По словам Н. И. Никулина, «в прозе Ле Тхань-тонга заметен рост художественных новеллистических достоинств»³⁰⁷.

«Посмертное собрание рукописей Тхань-тонга» имеет авторское предисловие: «Конфуций никогда не говорил о странных, удивительных историях, потому что глазом их не увидишь; и оттого-то все люди от рождения сомневаются. Но попробуем разобраться: ведь среди четырех морей и девяти областей множество гор с бездонными пропастями и обширными водоемами. Разве можно пересказать все странное и удивительное, что там случилось?.. (Далее перечислен ряд необыкновенных случаев, описанных в китайской литературе — Е. К.).

...Некоторые записанные здесь истории, такие как «Дивная любовь в краю Хоакуок», «Рассказ о чуде, случившемся в семье рыбаков», ...уже привлекали к себе внимание, они не похожи на рассказы Ци Се³⁰⁸. Недалекие люди считают, что в наших рассказах либо есть события, но нет смысла, или же есть смысл, но нет событий. Это мнение, как говорится, тех, кто сидит на дне колодца³⁰⁹,

³⁰³ Как считают вьетнамские литературоведы, это название дано произведению людьми последующих поколений. *Lê Sỹ Thảng, Hà Thục Minh. Lời giới thiệu Thánh tông di thảo*. — Hà-nội, 1963. — Тр. 5. Исследования этого сочинения можно найти в ряде работ вьетнамских ученых (напр. *Đình Gia Khánh. Văn học Việt Nam thế kỷ X nửa đầu...* Т. 2) русских исследователей (напр. *Ткачев М. Вьетнамская проза средних веков // В кн.: Классическая проза Дальнего Востока*. — М., 1975, часть рассказов переведена на русский язык.

³⁰⁴ *Рифтин Б. Л. Зарождение и развитие...* С. 209.

³⁰⁵ См. подробнее *Lê Sỹ Thảng, Hà Thục Minh. Lời giới...* Тр. 5—7.

³⁰⁶ *Lê Sỹ Thảng, Hà Thục Minh. Lời giới...* — Тр. 14.

³⁰⁷ *Никулин Н. И. Вьетнамская литература...* с. 136.

³⁰⁸ Ци Се — это имя человека, записывавшего рассказы о необычайном. Впоследствии, рассказами Ци Се стали называть сочинения, в которых речь идет о необычайных событиях.

³⁰⁹ Образ взят из сочинения Чжуан-цзы: «Бэй-хай Жо сказал: «С лягушкой, живущей в колодце, нельзя говорить об океане: она привязана к своей дыре». «Чжуан-цзы», гл. 17. Древнекитайская философия. Т. 2. — М., 1972. — С. 268.

и оно вовсе недостаточно для того, чтобы обсуждать дела, происходящие под широким небом»³¹⁰.

В предисловии автор стремится показать, что истории о необычайном не являются вымыслом³¹¹ и в доказательство ссылается на ряд китайских произведений, в которых описываются поистине удивительные события³¹². Это сочинения разного характера — исторические труды, «Продолжение записок о поисках духов» (Соу шэнь хоу цзи), приписываемое Тао Юань-мину (365—427), сочинения Чжуан-цзы и Ле-цзы и т. д.

Далее автор предисловия обращает внимание на то, что некоторые рассказы из сборника уже привлекали к себе внимание. Скорее всего, имеется в виду сходство вьетнамских произведений с китайскими. Например, рассказ «Дивная любовь в краю Хоакуок» напоминает новеллу Ли Гунцзо (IX в.) «Правитель Нанькэ». Действительно, в обоих сочинениях основные события происходят во сне: герой попадает в царство насекомых, где переживает большое счастье. Однако во вьетнамской истории, в отличие от китайской, сон и реальность постоянно проникают друг в друга, в результате реальная жизнь героя направляется сном. Конец у вьетнамского рассказа другой: сон не рождает у героя разочарования в жизни, как в китайской новелле, и он умирает для того, чтобы продолжить свою жизнь в царстве бабочек — мире своего сна.

Не совсем ясно, в чем Ле Тхань-тонг видит отличие своих историй от рассказов Ци Се. Ведь китайские сочинения этого типа одного порядка с некоторыми из тех китайских сочинений, об удивительных событиях которых говорил автор в предисловии.

Ле Тхань-тонг, ссылаясь на китайские сочинения, включающие рассказы о необычайном, как на образец, полагает нужным записать и свои, вьетнамские, истории об удивительном, он считает их правдивыми, а людей, высказывающих противоположное мнение, сравнивает с теми, кто сидит на дне колодца и, не видя ничего вокруг, берется обсуждать разнообразные события, происходящие в мире.

«Посмертное собрание рукописей Тхань-тонга» — это собрание, состоящее из девятнадцати озаглавленных рассказов неоднородных по содержанию. Большинство из них — это сюжетные истории. Ряд таких рассказов, считает М. Ткачев, принадлежит к жанру формирующейся литературной новеллы³¹³. Некоторые истории отличаются статичностью в развитии действия — в них значительное место отведено диалогу, происходящему между героями (например, «Встреча с небожителями у озера Лангбак»).

Кроме того, в собрании Ле Тхань-тонга есть информативные заметки, почти полностью лишенные сюжета («Записки о разновидностях лягушек»). Одну из них — «Наброски о владыке гор» — автор относит к особой литературной

³¹⁰ Thánh tông di thảo. — Hà-nội, 1963. — Тг. 21.

³¹¹ Это напоминает ранние китайские сборники рассказов об удивительном, авторы-составители которых, по словам Б. Л. Рифтина, преследовали утилитарные цели — доказать, что истории о духах это не пустые выдумки. *Рифтин Б. Л.* Зарождение и развитие... С. 22.

³¹² Отметим, что упоминания некоторых из этих необычайных событий встречаются в других вьетнамских сочинениях XV в., например, в «Описании удивительного земель, расположенных к югу от гор» Ву Куиня и Киеу Фу, в летописи Нго Ши Лиена и характеризуются как «правдивые истории», достоверность которых не вызывает сомнения.

³¹³ *Ткачев М.* Вьетнамская проза средних веков // Классическая проза Дальнего Востока. — М., 1975. — С. 382.

разновидности *фа ки* (кит. по цзи), с определенным расположением материала в рассказе, о чем говорится в «нравоучении», завершающем историю.

Порядок расположения материала в «Посмертном собрании рукописей Тхань-тонга» произвольный, например, с новеллой могут стоять рядом информативная заметка, история аллегорического характера.

Каждый рассказ включает «нравоучение мужа с южных гор», вероятно, также написанное Ле Тхань-тонгом. Как замечает Н. И. Никулин, появление в конце рассказа нравоучений, принимающих вид литературно-критических высказываний, было подготовлено давней традицией³¹⁴. В «Посмертном собрании рукописей Тхань-тонга» нравоучения не написаны по единому образцу, они отличаются друг от друга, в том числе и по объему — от нескольких строчек до нескольких страниц. Некоторые из них имеют дидактический характер (например, «Перебранка двух Будд»). В «Записках о снах» конечное заключение превышает объем самого рассказа и состоит из нескольких историй, тематически связанных с основной частью. Речь здесь идет об известном на Дальнем Востоке предании о том, что «вещь, о которой совсем забыли, может через много-много лет обрести свойство принимать людское обличье»³¹⁵. В основном тексте говорится о том, как в людей превратились древние музыкальные инструменты, и далее «муж с южных гор», поясняя эту историю, приводит ряд аналогичных случаев, где в человеческом облике являются веник, бамбуковый пест, слиток золота и др. Сходное с этим поверье, что «чересчур долгий век любую тварь превращает в оборотня»³¹⁶, отражено в другом рассказе — «История мыши-оборотня».

В рассказах встречаются длинные стихотворные вставки, которые, по мнению вьетнамских литературоведов, не всегда органично входят в повествование³¹⁷.

Истории из сборника Ле Тхань-тонга повествуют о необыкновенных событиях, но при этом удивительное в его рассказах не обязательно связано со сверхъестественными силами. Автор, например, пишет и о таком случае: после смерти деревенской нищенки обнаружилось, что она обладала неким имуществом: рисом, посудой и т. д. Односельчане не могли понять, откуда у нее появились эти вещи. В «нравоучении мужа с южных гор» тоже высказывается недоумение: «Нищенствуя ли эта женщина разбогатела или же, будучи богатой, она отправилась просить подавание?» («История состоятельной нищей»).

Некоторые истории из «Посмертного собрания рукописей Тхань-тонга» носят аллегорический характер (например, «Послание комара»). По мнению Н. И. Никулина, «Смехотворное состязание близ ворот Великого Юя» развернуто в пародийно-аллегорическое повествование о конфуцианских экзаменах, в нем очерчены комические образы честолюбцев-хвастунов, дана картина их горького поражения³¹⁸.

События в рассказах из «Посмертного собрания рукописей Тхань-тонга» бывают датированы, иногда уточняются географические координаты происхо-

³¹⁴ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 133.

³¹⁵ Рифтин Б. Л. Зарождение и развитие... С. 207.

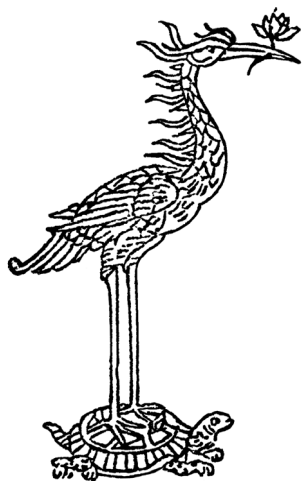
³¹⁶ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. М. Ткачева. — М., 1969. — С. 181.

³¹⁷ *Đình Gia Khánh. Văn học Việt Nam...* Т. 1. — Тр. 542.

³¹⁸ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 136.

дящего. В сборнике встречаются также герои — реальные исторические лица, в частности, сам государь Ле Тхань-тонг. Однако, как считают исследователи, автор этого сочинения порывает традиционные связи с исторической прозой и создает вымышленных героев³¹⁹. Действительно, в «Сочинениях, оставленных Тхань-тонгом» появляются безымянные персонажи, не говорится, где и когда они жили, вероятно, это выдуманные лица. Например, «Рассказ о чуде в семье рыбаков» начинается нетрадиционно: «Было в семье рыбаков всего только двое — муж и жена; никто не упомнит ни имени их, ни рода, не знаем также, из каких они вышли мест...»³²⁰.

В заключение, оценивая прозу Ле Тхань-тонга, сошлемся на высказывания вьетнамских литературоведов, которые пишут, что автор уже не включает в сборник готовые истории, почерпнутые из биографий, устных народных сказаний и т. д., рассказы написаны им по своему усмотрению и в соответствии со своими требованиями³²¹.

«Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы

Появление во Вьетнаме художественно завершенной новеллы исследователи связывают с именем Нгуен Зы³²², образованного ученого-конфуцианца XVI в., автора «Пространных записей рассказов об удивительном» (Чуен ки ман лук)³²³.

В настоящее время сочинение известно по изданию 1763 г. Вьетнамский ученый Ву То Хао выражает сомнение в идентичности этого варианта первоначальному оригиналу. Отмечается, в частности, что издание XVIII в. носит более длинное название, и в него входит только двадцать рассказов, тогда как, например, Фан Хюи Тю называет другую цифру — двадцать два³²⁴. Часть рассказов Ву То Хао относит к XVI в., а другие истории, тематика и сюжеты которых, по его мнению, более соответствуют направлениям литературы XVIII в., считает поздними добавлениями. Кроме того, исследователь считает, что некоторые рассказы Нгуен Зы, изданные в 1763 г., напоминают истории Пу Сунлина³²⁵.

³¹⁹ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 57.

³²⁰ Повелитель демонов ночи... С. 147.

³²¹ *Đình Gia Khánh. Văn học Việt Nam...* Т. 1. — Тр. 549.

³²² Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. — М., 1980. — С. 250.

³²³ Мы не будем подробно останавливаться на этом сочинении, т. к. оно исследовано не только вьетнамскими, но и русскими литературоведами. (См. например, *Ткачев М. Мастер рукотворных чудес из края Светлого моря // Пространные записи рассказов об удивительном.* — М., 1974. О биографии Нгуен Зы см. *Ткачев М. Мастер...* С. 177—180. Пятнадцать рассказов из сборника переведены на русский язык, кроме того, имеется перевод сочинения на французский язык.

³²⁴ *Phan Huy Chú. Lịch triều...* Т. 4. — Тр. 121.

³²⁵ *Vũ To Hao. Một vài nghĩ vắn về ban Truyền kỳ mạn lục hiện đang lưu hành // Tạp chí văn học.* — 1978. — № 6. — Тр. 139—142.

«Пространные записи рассказов об удивительном» издания 1763 г. разделены на четыре книги и состоят из двадцати рассказов³²⁶. В прозаический текст рассказов включено много стихов. Большинство историй завершено нравоучениями, в них автор рассуждает о смысле рассказа и полезных уроках, которые можно из этого извлечь. Характер таких заключений часто противоречит изложенному в основной части, как это, например, имеет место в «Рассказе о дереве *гао*». Возможно, поэтому исследователи высказывают предположение, что нравоучения написаны не Нгуен Зы³²⁷.

Каждая история из «Пространных записей рассказов об удивительном» в названии помечена жанровыми знаками: *чуен, ки, лук*.

Большая часть рассказов Нгуен Зы — сюжетные истории, повествующие о необычных приключениях героя, часто в «ином мире». Человек, попадая в «иной мир» и встречаясь с его обитателями, иногда находит счастье, которого ему не доставало в земной жизни (например, «Рассказ о свадьбе Ты Тхыка и феи»). Герои могут оказываться во власти враждебных сил, избавиться от навяздения помогают праведники («Рассказ о злых делах девицы Дао»).

Однако не все рассказы собрания имеют развитой сюжет. Часть историй представляет собой диалог-беседу двух или более персонажей, носителей двух противоположных точек зрения. Одна — связана с позицией правителя, чиновника на государственной службе, другая представлена отшельником, живущим в единении с природой или самими «природными существами» — животными («Рассказ о ночном пире у реки Полноводный проток»). Спор двух сторон, как правило, заканчивается победой «природной стороны», которая обличает несправедливое правление.

Хотя в большей части рассказов Нгуен Зы описываются фантастические приключения, во многом заметно влияние исторической традиции. Так, наряду с разными сверхъестественными персонажами, действуют реальные исторические лица, например, Хо Куи Ли, узурпировавший в 1400 г. трон династии Чан, Хо Тонг Тхок, вьетнамский ученый и поэт. Главные герои часто представлены как реальные лица. Большинство рассказов начинается с указания имени, места рождения героя, также отмечена география происходящих событий. Истории почти всегда датированы, как правило, ссылками на девизы правления определенных императоров. Действие в рассказах происходит при различных династиях, начиная с Ли (1010–1225) вплоть до Ле (1428–1788), особенно часто во времена династии Чан (1225–1400).

Неоднократно отмечалось, что Нгуен Зы при создании своего сочинения использовал «Новые рассказы у горящего светильника» (Цзянь дэн синь хуа) Цюй Ю (XIV в.)³²⁸. По словам К. И. Гольгиной, «Пространные записи рассказов об удивительном» представляют собой национальную адаптацию как сборника Цюй Ю, так и танской прозы *чуаньци*³²⁹. Безусловно, под влиянием китайской фантастической новеллы написаны рассказы о встречах героев с феями, о посещении царства небожителей. Очевидно, эта же традиция способствовала оформлению образов героев, юноши и девушки, искусных стихотворцев, умеющих наслаж-

³²⁶ Gaspardone E. Bibliographie annamite... P. 132.

³²⁷ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 138.

³²⁸ См. например, исследование Гольгина К. И. Новелла средневекового Китая. — М., 1980, в котором приводится сравнительный анализ обоих памятников.

³²⁹ Гольгина К. И. Новелла средневекового Китая. — М., 1980. — С. 250.

даться красотами природы. Рассказы-диалоги, в которых автор высказывает свою политическую позицию, также, вероятно, восходят к китайским сочинениям подобного рода. Нгуен Зы использовал систему намеков и сравнений, заимствованную из китайской литературы, например, он часто приводит имена известных китайских героев, поэтов, красавиц, ставших образцами таланта, красивой внешности, а их поступки — примеры должного поведения.

Влияние китайской литературной традиции заметно, когда речь идет об элементах сюжета и лексики, и менее ощутимо в самой литературной форме рассказа, в его жанровом своеобразии³³⁰. В целом, как считает К. И. Гольгина, писатель создал рассказ более свободного типа, не имеющий прямого аналога по типу повествования в прозе дальневосточного региона³³¹.

Надо сказать, что в сочинении Нгуен Зы китайская традиция в определенной степени сыграла роль оформителя, в ряде рассказов использованы местные фольклорные сюжеты и мотивы. Так, например, «Рассказ о дереве *гао*», по мнению Э. Гаспардона, связан с древними представлениями о божествах деревьев³³². В нем говорится, что души главных героев вселились в древнее дерево *гао* и стали оборотнями. «С тех пор, если кто покушался на ветки его или листья, у тех ломались ножи и тупились топоры. Отрубить ли, отрезать ли малую часть его не было никакой возможности»³³³.

Опыт и достижения Нгуен Зы были восприняты писателями последующих поколений и использовались не только при создании «рассказов об удивительном», но и в сборниках коротких рассказов, написанных в жанре *бутки* (кит. бицзи) или *туйбут* (кит. суйби).

У нас нет полных сведений о том, насколько широко были распространены сборники смешанной тематики до XVIII в.

Среди тех немногих сочинений, о которых известно, что они появились в XVI—XVII вв., отметим утерянные ныне «Записи об услышанных необычайных событиях» (Зи ван ки), написанные в XVII в. ученым-конфуцианцем Ву Зюи Доаном. В этот период неоднократно делались добавления к сборникам «О таинственных силах и духах земли Вьет» и «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор». Кроме того, можно упомянуть о некоторых тематических сборниках, в которых рассматривались географические, этнографические аспекты какой-нибудь местности. Это, например, «Новые записи о провинции О» (О тяу кан лук), созданные Зыонг Ван Аном при династии Мак (XVI в.). Наряду с описаниями гор и рек, крепостей, мостов, рынков, различных храмов этой провинции в сборник входят заметки об известных людях данной местности, они включены в особый раздел, названный «Записи о людях провинции О» (О тяу нян ват ки)³³⁴. Некоторые исследователи считают эти заметки самостоятельным сочинением³³⁵.

Собрания небольших рассказов во множестве стали появляться в XVIII — начале XIX вв. Это вообще был один из самых блестящих периодов в истории вьетнамской литературы.

³³⁰ Там же. — С. 265.

³³¹ Там же. — С. 251—252.

³³² *Gaspardone E. Bibliographie annamite...* P. 133.

³³³ Повелитель демонов ночи... С. 14.

³³⁴ *Phan Huy Chú. Lịch triều...* Т. 4. — Тр. 120.

³³⁵ L. Cadière, P. Pelliot. *Premieres etudes sur les sources annamite de l'histoire d'Annam // BEFEO.* — Hanoi, 1904. — Т. IV. — P. 43.

«Новое собрание рассказов об удивительном» Доан Тхи Диём

В прозе XVIII в. продолжают традиции «рассказа о необычайном». Появляется «Новое собрание рассказов об удивительном» (Чуен ки тан фа), автор его — известная поэтесса Доан Тхи Диём (1705–1748). К числу сочинений, прославивших ее, принадлежит лирическая поэма «Жена воина, ушедшего в дальний поход» (Тинь фу нгэм). Первоначально эта поэма была написана по-китайски вьетнамским поэтом Данг Чан Коном (ум. в 1745 г.), Доан Тхи Диём переложила ее на *ном*.

«Новое собрание...» имеет и другое название — «Продолжение рассказов об удивительном» (Тук чуен ки)³³⁶. Это дало основание вьетнамским литературоведам сделать вывод о том, что сочинение Доан Тхи Диём является продолжением «Пространных записей рассказов об удивительном» Нгуен Зы³³⁷.

Современным исследователям «Новое собрание...» известно по изданию 1811 г., по которому выполнен в 1962 г. перевод на вьетнамский язык³³⁸. Как свидетельствует Э. Гаспардон, в этом издании 1811 г., состоящем из шести рассказов, именем Доан Тхи Диём помечены только названия двух историй — «Чудесный храм у залива» и «Целомудренная женщина из Анапа», хотя, в целом, сочинение и отнесено к Доан Тхи Диём³³⁹. Вьетнамские ученые полагают, что шесть рассказов, известных в настоящее время, это полный вариант «Нового собрания...»³⁴⁰. Так, например, историограф начала XIX в. Фан Хюю Тю, сообщая об этом сборнике, упоминает такое же количество рассказов — шесть, но среди них приводит названия нескольких других историй, отличных от помещенных в издании 1811 г.³⁴¹. В семейных записях рода Доан также имеются сведения о другом составе сочинения Доан Тхи Диём — называются два рассказа, не вошедшие в «Новое собрание...»³⁴². Кроме того, некоторые исследователи считают автором одного из рассказов («Удивительная встреча в Битькау») Данг Чан Кона³⁴³, а другие ученые предполагают, что он мог быть автором еще двух других рассказов: «Необычайные записки о состязании дракона с тигром», «Рассказ о сосне и туе»³⁴⁴. В целом, вьетнамские литературоведы полагают, что в состав «Нового собрания...», известный в настоящее время, входят истории, написанные разными людьми³⁴⁵.

³³⁶ Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 126

³³⁷ Văn Tân v. v. Sơ thảo... Т. 3. — Hà-nội, 1957—1960. — Тр. 189—190.

³³⁸ Đoàn Thị Diễm. Truyền kỷ tân phá. — Hà-nội, 1962.

³³⁹ Gaspardone E. Bibliographie annamite...P. 133.

³⁴⁰ Văn Tân v. v. Sơ thảo...Т. 3. — Тр. 190.

³⁴¹ Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 126.

³⁴² Văn Tân v. v. Sơ thảo... Т. 3. — Тр. 190.

³⁴³ Gaspardone E. Bibliographie annamite...P. 133.

³⁴⁴ Lược thảo lịch sử văn học Việt Nam. Т. 2. — Hà-nội, 1957. — Тр. 327.

³⁴⁵ Văn Tân v. v. Sơ thảo... Т. 3. — Тр. 190.

«Новое собрание...» рассматривается вьетнамскими учеными как сборник рассказов в жанре *чуенки* (кит. чуаньци)³⁴⁶. Однако надо отметить, что в названиях всех историй, кроме «Необычайных записок о состязании дракона с тигром», отсутствуют жанровые показатели (*чуен, лук, ки*), которые характерны для «рассказов об удивительном» — они, например, есть у Нгуен Зы. Как известно, одним из факторов, определяющих жанр произведения, является его объем. Рассказы из сочинения Доан Тхи Диём заметно отличаются по объему от новелл Нгуен Зы и скорее напоминают небольшие повести. Э. Гаспардон даже называет «Удивительную встречу в Битькау» романом³⁴⁷. Необходимы исследования композиции, сюжета историй из «Нового собрания...», которые позволят сделать определенный вывод об их жанровой принадлежности.

В собрании Доан Тхи Диём встречаются образцы рифмованной прозы, обильные стихотворные вставки, они иногда занимают половину объема рассказа.

Повествование в некоторых рассказах делится на две части: в первой речь идет о событиях, связанных с жизнью героя, а во второй части упоминается о происходящем после его смерти, о возведении в честь него храма, о том, как герой являлся во сне людям следующих поколений.

Рассказы Доан Тхи Диём иногда имеют нравоучительные концовки. Например, «Необычайные записки о состязании дракона с тигром» заканчиваются следующим рассуждением: «Хотя этот рассказ странный и необычайный, о таком мудрый человек не должен говорить, чтобы не вводить в заблуждение людские сердца, однако, он записан здесь, чтобы послужить предупреждением (живущим в — Е. К.) Поднебесной»³⁴⁸. В качестве героев некоторых историй из «Нового собрания...» выступают добродетельные люди, поступки которых могут служить образцом для подражания.

В сочинение Доан Тхи Диём включены рассказы разного характера. Один из них, по мнению вьетнамских литературоведов, напоминает басню («Необычайные записки о состязании дракона с тигром»)³⁴⁹. Другие похожи на жизнеописания, в них излагается история жизни героя вплоть до его смерти. Интересно отметить, что рассказ «Целомудренная женщина из Анапа», где речь идет о добродетельной жене, покончившей с собой после кончины супруга, начинается как традиционная биография ее мужа. Элемент чудесного не везде одинаков, например, его значительно меньше в «Рассказе о сосне и туге», где, в основном, воспевается чувство дружбы.

Среди героев «Нового собрания...» можно встретить как реальных исторических лиц, так и сверхъестественных существ. Писательница уделила большое внимание женским образам. Главными героями трех рассказов являются женщины, наделенные не только красотой, но и талантами, в том числе литературными способностями. Сочинение Доан Тхи Диём, считают вьетнамские исследователи, способствовало созданию литературного образа прекрасной вьетнамской женщины³⁵⁰. События в рассказах не всегда датированы. Некоторые истории отнесены к правлению Чан Зюе-тонга

³⁴⁶ *Đình Gia Khánh. Văn học Việt Nam... T. 2. — Tr. 272.*

³⁴⁷ *Gasparone E. Bibliographie annamite...P. 120.*

³⁴⁸ *Đoàn Thị Diễm. Truyền kỳ tân phả.- Hà-nội, 1962. — Tr. 10.*

³⁴⁹ Там же. — Tr. 11.

³⁵⁰ *Hoàn Hữu Jên. Lời giới thiệu... Tr. 18.*

(1373–1377), Ле Тхань-тонга (1460–1497). В двух рассказах действие происходит в первой половине XVIII в., т. е. в годы жизни Доан Тхи Диём. В рамках одного рассказа могут упоминаться разные эпохи, например, в «Удивительной встрече в Битькау» основное действие разворачивается в XV в., а в конце присоединен эпизод, имевший место в XVIII в. В нем рассказывается о том, как главный герой, ставший небожителем, через несколько веков явился во сне некоему студенту.

По мнению вьетнамских ученых, сюжеты некоторых рассказов из «Нового собрания...» («Удивительная встреча в Битькау», «Небожительница из Ванката») считались в народе неофициальными биографиями даосских святых³⁵¹. Действительно, в этих историях многое связано с даосизмом, а героиней рассказа «Небожительница из Ванката» является дочь Яшмового императора по имени Лиёу Хань, которая была одним из почитаемых даосских божеств во Вьетнаме.

На сочинение Доан Тхи Диём большое влияние оказали устные народные рассказы, сказки, предания. Так, в частности, в рассказе «Чудесный храм у залива» встречается широко распространенный в мировом фольклоре мотив — водяной дух задерживает корабли, требуя искупительной жертвы³⁵². Кроме того, в этой истории, вероятно, отразились некоторые представления вьетнамцев о подводном царстве.

В рассказах из «Нового собрания...» встречаются мотивы и сюжеты, характерные для литератур дальневосточного культурного региона. Это, например, история красавицы, нарисованной на картине, которая оживает, спускается вниз и завязывает любовные отношения с героем («Удивительная встреча в Битькау»).

Вьетнамские ученые прошлого времени невысоко оценивали произведение Доан Тхи Диём. Так, историограф Фан Хюи Тю писал, что хотя язык в нем и цветистый, само сочинение довольно слабое, оно уступает предыдущим сборникам³⁵³. Современные вьетнамские литературоведы также считают, что рассказы «Нового собрания...» не всегда увлекательны и не выдерживают сравнения с новеллами Нгуен Зы³⁵⁴.

Как отмечает Н. И. Никулин, в XVIII в. проза на *ханване* в наибольшей степени обогащается новыми жанрами³⁵⁵. Расцвет прозаических жанров, считают вьетнамские литературоведы, не был случайным, его вызвали изменения в духовной жизни страны, обусловленные развитием экономики и торговли, ростом городов³⁵⁶.

Изучая литературный мир Вьетнама в XVIII — XIX вв., вьетнамские исследователи обратили внимание на распространение в этот период таких жанров, как «заметки» (*бутки*), «записи, заметки» (*туйбут*), «биография, рассказ» (*чюенки*) и т. п. Вьетнамские ученые пишут также о близости жанров *киши* (дневник), *бутки* и *туйбут*, которые бывает трудно отличить друг от друга³⁵⁷. В целом, у вьетнамских исследователей нет единого мнения, к какому именно жанру

³⁵¹ Там же. — Тр. 20.

³⁵² По мнению Б. Л. Рифтина, этот мотив индийского происхождения. *Рифтин Б. Л. У истоков корейской словесности // В кн.: Корейские предания и легенды. — М., 1980. — С. 24.*

³⁵³ *Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 126*

³⁵⁴ *Văn Tân v.v. Sơ thảo... Т. 3. — Тр. 200.*

³⁵⁵ *Никулин Н.И. Вьетнамская литература X—XIX вв. — М. 1977. — С. 167.*

³⁵⁶ *Văn Tân v.v. Sơ thảo... Т. 3. — Тр. 176.*

³⁵⁷ *Lịch sử văn học Việt Nam. Т. 3. — Hà-nội, 1971. — Тр. 39.*

следует отнести то или иное произведение, часто их точки зрения расходятся. Осложняется это и отсутствием четких критериев, по которым они выделяют эти жанры.

Собрания смешанной тематики, включающие народные предания, описания различных событий, информационные заметки, удивительные случаи, анекдоты и т. п., были характерны для литератур стран дальневосточного культурного региона, например, для Китая и Кореи³⁵⁸. Отдаленную аналогию также можно провести с русской литературой. Так, Д. С. Лихачев отмечает наличие в ней сборников неопределенного состава, количество которых сильно увеличилось в XV–XVII вв.³⁵⁹

Одним из прозаических собраний, появившихся во Вьетнаме в XVIII в., были «Записи, сделанные наскоро на досуге» (Конг зы тиеп ки). Сочинение написано чиновником-конфуцианцем Ву Фыонг Де, авторское предисловие датировано 1755 г. По словам вьетнамского историографа начала XIX в. Фан Хюи Тю, в этом сочинении записаны мелкие незначительные истории прошлых лет и нынешнего времени, которые можно увидеть или услышать³⁶⁰.

«Записи, сделанные наскоро на досуге» состоят из сорока трех рассказов, распределенных по двенадцати разделам: 1. Наследственные дома. 2. Прославленные сановники. 3. Известные ученые. 4. Люди, хранящие верность долгу. 5. Личности, прославившиеся своей силой воли. 6. Злодеи, получившие возмездие. 7. Добродетельные женщины. 8. Певички. 9. Духи и нечисть. 10. Могилы и дома. 11. Достопримечательности. 12. Виды зверей³⁶¹.

При составлении своего произведения Ву Фыонг Де использовал исторические труды, неофициальные истории, семейные записи, а также фольклорный материал. Вьетнамские литературоведы отмечают назидательный характер этого сочинения, поскольку Ву Фыонг Де много рассказывал о выдающихся личностях, которые служили образцом верности, преданности, мужества³⁶².

Впоследствии «Записи, сделанные наскоро на досуге» неоднократно переделывались, дополнялись, в них включали новые разделы. Произведение было использовано последующими авторами сборников, в частности, значительный интерес вызвали рассказы, связанные с экзаменационной тематикой.

Сочинение Ву Фыонг Де использовалось Фан Хюи Оном в произведении «Необыкновенные случаи на конкурсных экзаменах» (Кхоа банг тиеу ки). В этом сочинении речь идет о странных событиях на экзаменах, внимание

³⁵⁸ См. например, *Елисеев Д. Д.* Новелла корейского средневековья. — М., 1977; *Елисеев Д. Д.* Корейская средневековая литература пхэсоль. — М., 1968; *Фишман О. Л.* Три китайских новеллиста. — М., 1980.

³⁵⁹ По словам Д. С. Лихачева, в русской литературе XV–XVII вв. присутствуют сборники неустойчивого содержания, объединяющие разнородный материал. Появляются сборники, посвященные истории того или иного города, всемирной истории, сборники, объединяющие географические статьи и т. п. В их составе отражаются не столько бытовые и обрядовые потребности, сколько познавательные интересы и литературные вкусы их составителей. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1971. — С. 57–58.

³⁶⁰ *Phan Huy Chú. Lịch triều...* Т. 4. — Тр. 123.

³⁶¹ *Phan Huy Chú. Lịch triều...* Т. 4. — Тр. 123.

³⁶² *Văn Tân v.v. Sở thảo...* Т. 3. — Тр. 234.

уделяется также лауреатам, рано сдавшим три тура испытаний, семьям, в которых лицам нескольких поколений удавалось добиться успеха на экзаменах³⁶³.

Кроме того, сочинение Ву Фыонг Де было использовано в появившихся в XVIII в. официальных сборниках биографий лауреатов, успешно выдержавших экзамены³⁶⁴. Высказываются предположения, что эти сборники опираются на сочинения, составленные в предшествующие эпохи³⁶⁵.

Собрания биографий светских лиц не были редкостью в XVIII в. Так, например, Ле Куи Дон (1726–1783) написал «Записи о прославленных подданных» (Зань тхан лук), в которых собраны биографии известных чиновников, живших при нескольких династиях.

Сведения об известных лицах могли входить также в сочинения, посвященные какой-нибудь определенной местности. В «Кратких записях о Хайзыонге» (Хай зыонг ти лыок), составленных Нго Тхи Ниемом, речь идет о горах и реках, обычаях, жителях этой области и т. д.³⁶⁶

Среди тематических сборников географического и этнографического содержания, появившихся в XVIII в., можно назвать, например, и «Записи о Каобанге» (Као банг лук), автором их был Фан Ле Фиен. По свидетельству вьетнамского историографа Фан Хюи Тю, первая книга этого сочинения описывает упадок династии Мак (1527–1595), во второй — сообщается о горах и реках, различных духах, а в третьей рассказывается об обычаях этого района³⁶⁷.

Следует обратить внимание на то, что появление в конце XVIII — начале XIX в. ряда сборников прозы совпало по времени с восстанием Тэйшонов, которое вылилось в мощную крестьянскую войну, охватившую в конце XVIII в. весь Вьетнам.

Многие ученые-конфуцианцы остались не у дел, они жили уединенно либо странствовали по стране. Уход со службы, отказ от государственной деятельности был на Дальнем Востоке своеобразной формой протеста, традиционной позицией ученого-книжника, которую он занимал в смутные времена. Отход от служебных дел, от забот чиновника дали возможность взглянуть в мир вокруг себя и поразмыслить о том, что в нем происходит — о том, что «видят глаза и слышат уши». Свои наблюдения и размышления вьетнамские писатели представляли в традиционной для дальневосточных литератур форме «записей», «заметок», «собраний», где информация делового характера, сообщение о важном событии или размышление автора соседствуют рядом с явно занимательными историями. Очевидно, не случайно сборники, которые появились в это время, называют «Записи об увиденном и услышанном», «Записи отшельника» и т. п. Такого рода названия говорят и о характере материала и о социальном положении самого автора.

В конце XVIII в. появляются «Записи об увиденном и услышанном» (Киен ван лук). Их автор — Ву Чинь, ученый конфуцианец, автор исторических трудов и поэт — занимал видные посты при дворе императора Ле Хиен-тонга

³⁶³ *Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 126.*

³⁶⁴ Так, сочинение Ву Фыонг Де было использовано в «Собрании биографий лауреатов, получивших ученую степень» (Данг кхоа би кхао) Фан Хюи Она.

³⁶⁵ *Gaspardone E. Bibliographie annamite... P. 84.*

³⁶⁶ *Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 126.*

³⁶⁷ *Phan Huy Chú. Lịch triều... Т. 4. — Тр. 126.*

(1740—1786), служил также и в правление Нгуен Тхе-то (1802—1819). Он написал это собрание и некоторые другие сочинения, когда жил уединенно, скрываясь от движения Тэйшонов³⁶⁸.

«Записи об увиденном и услышанном» состоят из сорока пяти рассказов, разделенных на три книги. Каждый рассказ представляет собой отдельную историю³⁶⁹. По мнению вьетнамских ученых, это сочинение напоминает *чуенки* («рассказы об удивительном»)³⁷⁰.

Как считают вьетнамские литературоведы, Ву Чинь не стремился записать точные исторические сведения, он собирал старинные предания, легенды³⁷¹. Некоторые рассказы из «Записей об увиденном и услышанном» имеют назидательный характер, в них изображаются образцовые с конфуцианской точки зрения поступки.

При составлении своего собрания Ву Чинь использовал материалы предшествующих сборников, например, «Записей, сделанных наскоро на досуге» Ву Фыонг Де³⁷².

Название — «Записи об увиденном и услышанном» — скорее всего было заимствовано из китайской литературы³⁷³. В XVIII в. во Вьетнаме появляется ряд сочинений с таким названием.

Так, например, в 1777 г. известный ученый-энциклопедист Ле Куи Дон составил «Краткие записи об увиденном и услышанном» (Киен ван тиеу лук). В предисловии автор просит читателя не рассматривать это сочинение как *сяошо*³⁷⁴, т. е. хочет подчеркнуть серьезный характер произведения. Фан Хюи Тю, однако, оценивает «Краткие записи об увиденном и услышанном» по-другому, по его мнению, здесь «записано незначительное или вызывающее сомнение»³⁷⁵.

Произведение Ле Куи Дона состояло из двенадцати книг, до настоящего времени сохранилось восемь. Это труд энциклопедического характера, в нем приведены географические, исторические, этнографические сведения, включены биографии прославленных личностей, рассказано о вьетнамском буддизме и т. п., в ряде разделов встречаются сюжетные истории, например, в жизнеописаниях монахов, в описаниях храмов.

Кроме того, в одном разделе объединены истории о героях эпохи Чан (1225—1400) и Ле (1428—1788). Эти истории не озаглавлены, в них часто приводятся сведения неофициального характера. В конце одного из таких рассказов написано: «...в исторических трудах сказано другое, это же — предание, не знаю, нужно ли верить?»³⁷⁶. По мнению Н. И. Никулина, в этом разделе есть записанные и литературно обработанные устные забавные рассказы³⁷⁷.

³⁶⁸ *Nguyễn Cam Thuy*. Vũ Trinh và Kiến văn lục // Tạp chí văn học. — 1983. — № 3 — Tr. 120.

³⁶⁹ *Văn Tân* v.v. Sơ thảo... Т. 3. — Tr. 235.

³⁷⁰ *Nguyễn Cam Thuy*. Vũ Trinh... Tr. 120.

³⁷¹ *Văn Tân* v.v. Sơ thảo... Т. 3. — Tr. 235.

³⁷² *Văn Tân* v.v. Sơ thảo... Т. 3. — Tr. 235.

³⁷³ Например, ряд сочинений с подобным названием появился в эпохи Сун и Цин. См. Чжунго цуншу цзунлу (Справочник по китайским собраниям сочинений). Т. 2. — Шанхай, 1982. — С. 351, 1012, 1054, 1074.

³⁷⁴ *Lê Quý Đôn*. Kiến văn tiểu lục. — Hà-nội, 1962. — Tr. 17.

³⁷⁵ *Phan Huy Chú*. Lịch triều... Т. 4. — Tr. 125.

³⁷⁶ *Lê Quý Đôn*. Kiến văn tiểu lục. — Hà-nội, 1962. — Tr. 539.

³⁷⁷ *Никулин Н. И.* Вьетнамская литература... С. 219.

Многие собрания, составленные в XVIII — начале XIX вв. анонимны³⁷⁸. Это, например, «Записки отшельника» (Шон кы тап тхуат), созданные в начале XIX в. По предположению вьетнамских ученых, автором его, вероятно, был ученый-конфуцианец, оставшийся не у дел из-за восстания Тэйшонов³⁷⁹. В предисловии к своему сочинению он сообщает, что в «смутные времена» прожил отшельником восемь лет³⁸⁰.

«Записки отшельника» состоят из ста пятидесяти рассказов, разделенных на три книги. В сочинении описываются события, не зафиксированные в официальной истории, приводятся забавные анекдоты, народные предания, сообщается об интересных происшествиях и т. п. В «Записки отшельника» входят также и рассказы о стихах и поэтах. Вьетнамские литературоведы считают, что автор собрания записывал разнообразные истории, стихи, чтобы сохранить все эти сведения для потомства. Некоторых героев, наделенных различными добродетелями, писатель, вероятно, хотел представить как образец для подражания³⁸¹.

По представлениям ученого сословия на Дальнем Востоке в смутные времена истинный человек не находят применения своим дарованиям на государственной службе, он высказывает мысли и чувства в свободном творчестве. Собрания «всякой всячины» были для Фам Динь Хо (1768—1839), известного ученого, прозаика и поэта, так же как и для его современников, формой самовыражения. Появление в начале XIX в. двух его прозаических сборников — «Случайных записок о превратностях судьбы» (Танг тхыонг нгау лук) и «Записей вслед за кистью, сделанных во время дождя» (Ву чунг туй бут) — было связано с настроениями, охватившими образованное сословие той смутной эпохи, находилось в русле дальневосточной литературной традиции.

«Случайные записки о превратностях судьбы»

Фам Динь Хо и Нгуен Ан — авторы сборника «Случайные записки о превратностях судьбы» (Танг тхыонг нгау лук) — жили в один из самых смутных периодов вьетнамской истории.

Уже начиная с XVI в. императоры династии Ле утратили всю полноту власти. В XVIII в. Вьетнам, при формальном правлении императорской династии Ле, практически оказался расколотым на два государства: в северном у власти находился феодальный род Чинь, в южном — род Нгуен. Такое положение сохранилось и в XVIII в., когда особенно усилились противоречия в обществе. В стране отчетливо проявился политический и административный кризис.

³⁷⁸ См. подробнее *Đình Gia Khánh Nhà nho xưa tìm hiểu truyện dân gian và ca dao tục ngữ* // Tạp chí văn học. — 1972. — № 1. — Tr. 8.

³⁷⁹ *Văn Tân v.v. Sơ thảo...* Т. 3. — Tr. 237.

³⁸⁰ *Gaspardone E. Bibliographie Annamite...* P. 132.

³⁸¹ *Văn Tân v.v. Sơ thảo...* Т. 3. — Tr. 237.

Самым крупным движением XVIII века было восстание Тэйшонов (1771–1802). Оно получило такое название из-за деревни Тэйшон, откуда происходили вожди восстания, братья Нгуен Няк, Нгуен Хюе и Нгуен Лы, избравшие это место отправным пунктом своих действий. Движение Тэйшонов привело к тому, что в 1786 г. Нгуены были изгнаны из страны, а Чини уничтожены. В 1802 г. династия Тэйшонов была свергнута Нгуен Анем, потомком правителей южной части Вьетнама, который основал новую династию Нгуен (1802–1945) и стал ее первым правителем, известным под именем Тхе-то (1802–1819).

Несмотря на то что император Тхе-то и его окружение не обладали заранее разработанной программой реформ, тем не менее за первые два десятилетия XIX в. в ходе практической деятельности двор Хюэ провел в жизнь одно за другим ряд мероприятий, в итоге оформивших изменившиеся потребности и новые тенденции вьетнамского общества. Однако ближайшее окружение Тхе-то разбилось на две группировки, одну из которых — «реалистов» — поддерживал сам император. Их противники, сторонники традиционного, консервативного пути развития, ориентировались на старую феодально-бюрократическую систему, с традициями восточно-феодального управления с опорой на конфуцианские догмы³⁸².

В 1802 г. Тхе-то издал указ о привлечении на службу в новую администрацию старых чиновников, лауреатов провинциальных конкурсов и «учеников» эпохи Ле. Жители Севера, относящиеся к этим трем группам, приглашались в ставку правителя. Претендентов правитель лично «выслушивал», а затем назначал на должность «в соответствии со способностями». В то же время бывших тэйшонских администраторов брали на службу очень ограниченно³⁸³.

В 1820 г. Тхе-то умер, императором стал его сын принц Тхиеу — будущий император Тхань-то. Политические симпатии его были на стороне «консерваторов», и в политической и экономической жизни вьетнамского общества в последующие десятилетия произошли существенные изменения. Конфуцианская идеология стала доминирующей в государстве. Единственной официальной моделью «идеального» государства была китайская, в конкретном виде реализовавшаяся для вьетнамского менталитета в государстве Дайвьет второй половины XV в., т. е. в последний период целостного вьетнамского государства перед его разделом на фоне относительного процветания, внешнеполитических успехов и укрепления конфуцианства. Придя к власти, Тхе-то направил все свои усилия на возврат к старым порядкам³⁸⁴.

Приход к власти Нгуенов некоторые ученые-конфуцианцы встретили без оптимизма, с недоверием отнеслись к новой династии. Они сожалели об ушедшей династии Ле³⁸⁵. Часть из них отказалась служить новому государю, другие же, сохранив симпатии к ушедшей династии, все же не отвергали для себя этой возможности. К числу последних, вероятно, и принадлежали Фам Хо и Нгуен Ан.

³⁸² Новакова О. В., Цветов П. Ю. История Вьетнама. Ч. 2. — М., 1995. — С. 23.

³⁸³ Рябинин А. Л. Рождение империи Нгуенов. — М., 1988. — С. 127–128.

³⁸⁴ Новакова О. В., Цветов П. Ю. История Вьетнама... С. 26–27.

³⁸⁵ *Văn Tân v.v. Sơ thảo...* Т. 5. — Tr. 15.

Фам Динь Хо³⁸⁶ (второе имя Тунг Ниен, псевдоним Донг Зя Тиеу) родился в 1768 г. в деревне Данлоан уезда Дьонган (современная провинция Хайхынг на севере Вьетнама). Его жизнь была связана и с Тханглонгом (совр. Ханой), где он имел дом. Фам Динь Хо происходил из семьи ученых-конфуцианцев. Отец его, сдав экзамены на высшую степень, занимал различные государственные посты.

«Я родился в год *мау-ти* под девизом правления *Кань-хынг* (1768 — Е. К.), — сообщал писатель в своей биографии. — Тогда мой отец только что вернулся из Намдиня, где занимал должность управляющего провинциальной полицией. Когда моя мать только мной забеременела, она ела и пила как обычно, вела себя как ни в чем ни бывало, и семь-восемь месяцев не знала, что находится в положении.

Мне было пять-шесть лет, и в это время отец получил продвижение по службе — стал инспектировать область Шонтэй. Жалования всем нам хватало с избытком. Я не скрывал пристрастия к прогулкам, во время которых можно было полюбоваться деревьями, камнями, цветами, птицами. Кормилица Хоанг Тхи спросила меня: «Чего ты хочешь в будущем?». Я ответил ей на это: «Пока я еще мальчик, нужно следовать *дао*, в этом мой долг, и больше прибавить нечего. Когда же я вырасту, может быть, мне удастся собрать знаменитые прозу и стихи, чтобы все знали авторов этих замечательных произведений. Только лишь к этому все мои устремления». Услышав такие речи, кормилица рассказала об этом родителям, и они наперебой старались похвалить меня.

Быстро пролетели двадцать лет, но слова наставлений, которые говорили отец и мать, по-прежнему звучат у меня в ушах. Теперь, вступив на полный бедствий жизненный путь, все же знаю, кому нужно приносить рис. Жалуюсь лишь синему небу и не знаю, куда еще излить свое сердце...

Были люди, которые приносили *чуены* на *номе*, находились и такие, что любили разные проделки, музыку, женщин, азартные игры. Звали и меня поразвлечься, но я затыкал уши и не хотел даже слышать об этом.

С тех пор как я начал учиться, освоил мало канонических и исторических сочинений, и письменность *ном* все-таки до конца постичь не смог, фразы из музыкальных пьес проходили мимо моих ушей, затем все становилось туманным, ничего не понимал.

В год *зяп-тхин* (1784 — Е. К.) я тяжело заболел. Когда поправился, старший брат научил меня играть в шахматы. Я тренировался несколько лет, но почти всегда оказывался побежденным. После того, как мне было уже за двадцать, я не раз играл с друзьями в шахматы. Однако в то время мог лишь наступать и обороняться, в глубокий же смысл фигур не вникал.

Что же касается азартных игр, например *фан тхан*, то их я не любил. Иногда, шутки ради, хотел позабавиться, но все равно так и не понял, каковы же правила

³⁸⁶ Биография Фам Динь Хо помещена в «Основных записях биографий знаменитых людей великого Юга» (Дай нам тинь биен лиет чуен), составленных в конце XIX в. Жизненный путь Нгуен Ана освящается в другом сочинении XIX в. — «Записи о дворцовых и провинциальных экзаменах» (Куок чиуе хыонг кхоа лук). К сожалению, текстами биографий, представленных в обоих произведениях, мы не располагали, а пользовались пересказом сделанных Э. Гаспардоном (*Gaspardonne E. ...* P. 134–135). Важным источником сведений о Фам Динь Хо является его биография, помещенная им в начале «Записей вслед за кистью, сделанных во время дождя». Некоторые факты из жизни писателя сообщаются и в самих рассказах этого, а также другого сборника — «Случайные записки о превратностях судьбы».

игры. Это происходило из-за моих природных склонностей, небо наделило меня таким характером, и я не мог принудить себя научиться различным играм.

Вот еще что. Уже после того, как я отправился странствовать, пристрастился к китайскому чаю. Хотя на подносе недоставало чашек, да и денег на покупку чая тоже не хватало, привычки своей я не оставлял. Я увлекся чаем даже сверх меры и перепробовал сорта с самыми различными ароматами. Много раз хотел отказаться от этой привычки, но так ничего и не вышло...

Когда мне исполнилось девять лет — в то время я изучал сочинения ханьской эпохи уже четыре года — умер мой отец. В годы скорби земля мне служила подушкой, а солома — матрацем. После окончания траура больше не занимался историческими произведениями, а обратился к каноническим сочинениям. Старинные книги и свитки со стихами я очень любил читать, интерес к ним у меня никогда не пропадал»³⁸⁷.

В юности Фам Динь Хо неоднократно ездил в столицу пополнять свои знания, обучался в государственном училище — Школе сынов отечества. Он успешно сдал три первых испытания на провинциальных экзаменах. Между тем обстановка во Вьетнаме была очень нестабильна. Фам Динь Хо чувствовал себя ошеломленным бурными событиями, происходившими в стране. В эти тревожные времена ему пришлось жить в бедности. Впоследствии он вспоминал: «Начиная с года *ки-зау* под девизом правления *Тиеу-тхонг* (1789 — Е. К.) я вынужден был зарабатывать себе на жизнь, скитаясь по разным местам. Так продолжалось долго, и только в год *динь-тин* (1797 — Е. К.) я вернулся к себе в деревню...»³⁸⁸. Фам Динь Хо много странствовал, часто в сопровождении друзей. Он побывал в различных уголках своей родины, славящихся достопримечательностями. Об этом он упоминает и в «Случайных записках...» (например, «Записки о прогулке к горе Фаттить»). Можно предположить, что некоторые из этих путешествий относились к так называемым *ю*, групповым прогулкам-блужданиям по знаменитым своею красотой местам. Эти прогулки несомненно имели даосский корень и являлись подражанием «беспредельным странствиям» или «блужданиям» в бесконечном (*сяо яо ю*), воспетым в первой главе Чжуан-цзы³⁸⁹. Именно в даосизме характер жизни человека, устремленного к *дао*, определяется как странничество, а человек, причастный *дао*, осознает себя путником, случайным гостем и скитальцем в этом мире³⁹⁰. Ко времени династии Тан эти групповые прогулки изысканных компаний превратились в некий аналог чаньской медитации, духовного просветления, при котором восстанавливалось единство с миром (*у во хэ и* — «вещи и я достигают единства»)³⁹¹.

После того, как династия Тэйшонов была свергнута, Фам Динь Хо вновь принял участие в конкурсных экзаменах, но успехам его попытки не увенчались. Он вел уединенный образ жизни, отдавая все время ученым трудам и литературному творчеству. Написанные им книги и большие знания принесли ему известность в стране, поэтому в 1821 г. император Нгуен Тхань-то, объезжавший северные территории, и собиравший таланты, пригласил его

³⁸⁷ *Phạm Đình Hồ*. Vũ trung tùy bút. — Hà-nội. — 1960. — Тр. 11—13.

³⁸⁸ *Phạm Đình Hồ*. Vũ trung tùy bút... Тр. 121.

³⁸⁹ *Мартынов А. С.* Кисть и досуг «совершенного мужа» («Цзюнь-цзы») // Петербургское востоковедение. — СПб., 1997. — Вып. 7. — С. 563.

³⁹⁰ *Завадская Е. В.* Даосская поэтика странствий // Дао и даосизм в Китае. — М., 1982. — С. 217.

³⁹¹ *Мартынов А. С.* Кисть и досуг... С. 563.

на аудиенцию в Тханглонг. Вскоре пятидесятитрехлетний ученый был призван ко двору в Хюэ — столицу правителей династии Нгуен. Так началась его карьера чиновника. Однако вскоре Фам Динь Хо вышел в отставку. В 1826 г. он вновь возвратился на государственную службу и назначался на различные посты, в частности, был директором Школы сынов отечества. Возможно, служба была не по душе писателю, так как, взяв отпуск по болезни, он опять ушел в отставку. Впоследствии ему все же пришлось занять прежнюю должность, он стал также императорским ученым. Умер Фам Динь Хо в 1839 г. у себя на родине.

Интересы Фам Динь Хо были очень разнообразны, недаром он прославился как ученый, прозаик, поэт. Его сочинения можно сравнить с трудами таких мыслителей XVIII — начала XIX вв., как Ле Куи Дон и Фан Хюи Тю (1782–1840). Насчитывают более пятнадцати оставленных им произведений, среди которых сочинения по истории и географии, такие, например, как «Свод установлений династии Ле» (Ле чиеу хой диен), «Заметки об Аннаме» (Ан нам ти), «Записки, касающиеся провинции О» (О тяу лук), и сочинения филологического характера. Хотя Фам Динь Хо и писал о себе, что письменность *ном* не смог до конца освоить³⁹², французские исследователи отмечали, что в его работе «Собрание повседневных слов» (Нят зунг тхыонг дам) приведена наиболее употребительная повседневная китайская лексика с переводом на *ном*³⁹³.

В литературной деятельности Фам Динь Хо отразились его взгляды на мир. Так же, как и ряд его современников (например, его друг, прозаик и поэт Нгуен Ан, поэты Фам Куи Тхить (1760–1825), Нгуен Хань (1771–1824) и другие), он выражал чувства ученых-конфуцианцев, которые были свидетелями мощной крестьянской войны, опрокинувшей устоявшийся порядок в стране, и стояли перед проблемой выбора — идти ли служить новой династии или же предпочесть жизнь в уединении, многие из них остались тогда не у дел.

В сочинениях Фам Динь Хо нередко звучат печальные раздумья, неудовлетворенность настоящим, сожаления о прошлом, недовольство испортившимися нравами, которые он противопоставлял добродетельным обычаям минувших лет, призывая к их восстановлению.

Подобные взгляды, как отмечали вьетнамские исследователи, не отличались особой новизной, сходной точки зрения придерживался, например, поэт и мыслитель XVI в. Нгуен Бинь Кхием (1491–1585)³⁹⁴. Это было типично для традиционных воззрений конфуцианцев, видевших золотой век в прошлом.

Фам Динь Хо — автор нескольких стихотворных сборников таких, например, как «Сборник стихов Донг Зя Тиеу — Дровосека с восточного поля» (Донг зя тиеу тхи тап), «Сосна, бамбук, лотос и слива — четыре друга стихотворца» (Тунг чук лиен май ты хыу). Рифмованной прозой написано сочинение в форме дневника — «Путевые заметки посланника в Айлао» (Ай лао ши чинь).

Фам Динь Хо принадлежат также два прозаических сборника коротких рассказов, написанных в традиционной для дальневосточных литератур форме: «Случайные записки...» (в соавторстве с Нгуен Аном) и «Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя» (Ву чунг туй бут). По словам А. С. Мартынова, если рассматривать *ю* — «прогулки-блуждания» — как одну из форм выражения

³⁹² *Phạm Đình Hồ*. Vũ trung... Tr. 12.

³⁹³ *Durand M., Nguyen Tran Huan*. Introduction a la litterature vietnamienne. — Paris, 1969. — P. 208.

³⁹⁴ *Văn Tân v.v.* Sơ thảo... Т. 3. — Tr. 231.

состояния *сянь* (досл. «досуг, «праздность»), во время которого конфуцианская личность проявляла склонность к «поискам странного» и «осмотру достопримечательного», то написание *бицзи* можно трактовать как некую форму интеллектуальных путешествий, во время которых «совершенный муж», находящийся на покое, продолжает свои поиски странного и примечательного³⁹⁵.

Сведений о Нгуен Ане (второе имя Кинь Фу, псевдоним Нгу Хо) сохранилось немного. Так, известно, что он родился в 1770 г., в одной из деревень, находившейся на территории современной провинции Хабак (Северный Вьетнам). Жизнь Нгуен Ана была связана и с Тханглонгом, где он имел собственный дом. Писатель происходил из семьи служилой интеллигенции. Он успешно сдал провинциальные экзамены, и был в 1805 г. назначен начальником одного из уездов. В 1807 г. Нгуен Ан вышел в отставку, а в 1808 г. — вновь поступил на государственную службу, вернувшись на прежнюю должность. Умер Нгуен Ан в 1815 г.

Кроме «Случайных записок...» Нгуен Ану принадлежит сборник стихов «Поющая свирель в лесу [шумящем] под ветром» (Фонг лам минь лай тхи тап). В целом, Нгуен Ан — фигура менее примечательная, чем Фам Динь Хо.

«Случайные записки...» предположительно появились в конце XVIII — начале XIX века, но после 1797 г., поскольку это самая поздняя дата, которая упоминается в сочинении («Пагода Кимлиен»), и до 1815 г., — года смерти Нгуен Ана.

Сборник Фам Динь Хо и Нгуен Ана состоит из девяноста небольших озаглавленных рассказов, объем их варьируется от нескольких строк до нескольких страниц.

Значительное число рассказов помечено вторыми именами Фам Динь Хо и Нгуен Ана (Тунг Ниен — первый автор, Кинь Фу — второй). Так, тридцать три истории принадлежат Фам Динь Хо, тридцать одна — Нгуен Ану, авторство остальных не указано.

Сочинение разделено на две книги, в первую входит сорок рассказов, во вторую — пятьдесят. Сорок девять рассказов сборника названы по имени героя, как правило, исторической личности. Вероятно, поэтому в самом начале ксилографического издания сказано, что первая книга состоит из сорок *чуенов* (кит. чжуань), а вторая — из пятидесяти *чуенов*. Однако в названии каждой отдельной истории жанровые показатели отсутствуют. Среди немногих исключений можно отметить «Записки о прогулке к горе Фаттить», где название помечено иероглифом *ки* (кит. цзи).

Рассказы в «Случайных записках...» расположены произвольно, рядом с рассказом биографического характера или занимательной историей может быть помещено информативное сообщение. Тематические подборки в собрании отсутствуют. На неупорядоченное, «свободное» расположение материала указывают и два последних иероглифа названия — *нгау лук* (неупорядоченные записи), т. е. авторы специально подчеркивают, что они размещают свои рассказы без всякой системы. Возможно, подобный принцип строения связан с даосско-буддийским пониманием мира, когда вещи и явления описываются в естественных связях, а не так, как их расположил разум человека.

По поводу жанра сочинения Фам Динь Хо и Нгуен Ана у вьетнамских ученых нет единого мнения. Одни считают, что собрание написано в жанре *бутки*,

³⁹⁵ Мартынов А.С. Кисть и досуг... С. 564.

смешенном с жанром *туйбут*³⁹⁶, а, по мнению других — это смесь жанров *чуенки* и *киши*³⁹⁷. Можно предположить, что «Случайные записки...» сходны с китайскими сочинениями типа *бицзи* и сборниками корейской литературы *пхэсоль*.

Собрание Фам Динь Хо и Нгуен Ана было опубликовано в XIX в. Так, ксилограф сочинения, ксерокопией которого мы располагаем, датирован 1896 г., на титульном листе значится «отпечатано снова». Об издании 1896 г. упоминает и Э. Гаспардон³⁹⁸.

«Случайные записки...» переведены с *вэньяня* на вьетнамский язык в начале XX в., и текст записан с помощью латинизированной письменности *куок нгы*. Они напечатаны в 6–12 номерах журнала «Южный ветер»³⁹⁹. На страницах этого издания, выходявшего в 1917–1934 гг., публиковались переводы западной (главным образом французской) и китайской классики, переводы с *вэньяня* произведений вьетнамского наследия.

В 1960 г. в Ханое произведение Фам Динь Хо и Нгуен Ана было переиздано, сверил предшествующий перевод с оригиналом и снабдил комментариями Ле Ты Тхык. В 1972 г. «Случайные записки...» вновь переиздали в Ханое, при этом было увеличено число комментариев. В 1972 г. перевод на вьетнамский язык «Случайных записок...» опубликовали в г. Сайгоне. За основу, вероятно, был взят наиболее ранний вариант, помещенный в журнале «Южный ветер» — перевод сборника, вышедший в Сайгоне, совпадает с текстом ханойских изданий. Однако ханойские и сайгонские издания принадлежат к двум типам публикаций переводов. В обоих случаях заглавие сочинения, названия рассказов, стихотворные вставки даются во вьетнамской транскрипции (содержание стихов еще разъясняется по-вьетнамски, но в сайгонском издании в этих случаях рядом сохранен текст на *ханване*, отсутствующий в переводах, вышедших в Ханое.

Название сочинения переводилось по-разному, в основном, предлагаемые варианты близки по смыслу. В предисловии к ханойскому изданию 1960 г. дается пояснение — «Случайные записки о том, как тутовое поле превращается в лазурное море»⁴⁰⁰. Существуют переводы названия сочинения на французский язык: «Сборник неожиданных перемен»⁴⁰¹, «Заметки об исчезнувших вещах»⁴⁰².

Первые два слова из названия — *танг тхыонг* (тутовое дерево, лазурный) — усеченный вариант литературного китайского выражения *сан тянь цан хай* — «тутовое поле превращается в лазурное море». Это выражение встречается и с обратным порядком слов — *цан хай сан тянь* — «лазурное море превращается в тутовое поле». Оно употреблялось в сочинениях прозаиков и поэтов Дальнего Востока. В китайской литературе его можно обнаружить в разных произведениях, например, в сочинении Гэ Хуна «Жизнеописания бессмертных»: «Магу сообщила: «Явишься на прием, сам увидишь, как Восточное море трижды станет тутовым полем»⁴⁰³. Это выражение присутствует в стихах Юань Хаовэня (XII—XIII вв.):

³⁹⁶ Lịch sử văn học Việt Nam. Т. 3. — Н., 1971. — Тр. 54.

³⁹⁷ Văn Tân v.v. Sơ thảo... Т. 3. — Тр. 188.

³⁹⁸ Gaspardone E.... P. 134.

³⁹⁹ Lược thảo lịch sử văn học Việt Nam. Т. 1. — Hà-nội, 1971. — Тр. 346.

⁴⁰⁰ Hoàn Hữu Jên. Lời giới thiệu Tang thưởng ngẫu lục. — Hà-nội, 1960. — Тр. 5.

⁴⁰¹ Gaspardone E.... P. 134.

⁴⁰² Nguyễn Văn Huyen. La civilisation annamite (Аннамитская цивилизация). — Hanoi, 1944. — P. 271.

⁴⁰³ Цьюань. Т. 3. — Сянган, 1981—1984. — С. 1863.

*Сколько продолжалось [превращение] моря в тутовое [поле]?
Пылинка и калпа [мгновение и вечность] нарушили [свой ход].
[Среди] рек и гор сожалею лишь о том, что кишки [без] вина высохли⁴⁰⁴.*

Эти строки помогают трактовать выражение «лазурное море превращается в тутовое поле» как нарушение привычного ритма в космосе, влекущее за собой изменение в восприятии человеком хода времени. Нестабильному миру, связанному с морем, противопоставлен мир, существующий неизменно (реки и горы).

Повесть XVII в. «Свадебные передряги Хань Цзывэня» начинается так: «Жизнь человека полна неожиданных изменений, и нет в ней ничего постоянного. Все равно, что зеленое море, которое расстилается сейчас перед вашими глазами, вдруг сменяется лугом с тузовыми деревьями»⁴⁰⁵. Выражение «синее море превратилось в тутовое поле» употребляли и корейские писатели, например, неизвестный автор «Повести о верной Чхун-хян, не имевший себе равных ни прежде, ни теперь»: «Будто синее море стало тутовым полем, а тутовое поле превратилось в синее море. Отчего все так переменялось?»⁴⁰⁶. Вьетнамские писатели и поэты также охотно использовали этот образ. Знаменитая поэма «Киеу» (автор Нгуен Зу (1765–1820) начинается следующими словами:

*В течение сотни лет, что отмерены человеку,
Талант и судьба изощряются в ненависти друг к другу.
После полосы перемен, когда море сменялось тутовым полем,
Все, что видел, сердцу страдания несло⁴⁰⁷.*

Среди других поэтов, живших примерно в одно время с Фам Динь Хо и Нгуен Аном и употреблявших в своих стихах этот образ, можно назвать Нгуен Зя Тхиеу (1741–1798). Представляет особый интерес, что неизвестный автор «Записок отшельника» (Шон кы тап тхуат), современник Фам Динь Хо и Нгуен Ана, в предисловии к своему сочинению писал: «... Я прожил в Даншоне восемь лет, как раз в это время произошли значительные изменения — лазурное море превратилось в тутовое поле...»⁴⁰⁸. Неизвестный автор употребил краткий вариант (кит.цан сан) выражения и обозначил им восстание Тэйшонов.

Выражение «синее море превратилось в тутовое поле» употреблялось для того, чтобы указать на глубокие перемены, изменения, внезапно происшедшие в природе или же в человеческой жизни, повлиять на которые люди часто оказываются не в силах. Действительно, в одних историях из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана говорится о неких феноменах, которые авторы связывали с государственным переворотом, в других — гибель династии Ле предсказывают духи. Все эти истории заканчиваются словами «скоро страну постигло бедствие» (имеется в виду движение Тэйшонов).

Таким образом, название сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана можно перевести двумя способами: «Случайные записки о превратностях судьбы» либо «Случайные записки, сделанные во время великих перемен». На наш взгляд первый вариант наиболее подходящий, на нем мы и решили остановиться.

⁴⁰⁴ Цыюань. Т. 2. — С. 1571.

⁴⁰⁵ Возвращенная драгоценность. Кит. повести XVII века. — М., 1986. — С. 183.

⁴⁰⁶ Классическая проза Дальнего Востока. — М., 1975. — С. 359.

⁴⁰⁷ Никулин Н. И. Вьетнамская литература X–XIX вв. — М. 1977. — С. 195.

⁴⁰⁸ Gaspardone E. Bibliographie... P. 132.

Создавая сборник, Фам Динь Хо и Нгуен Ан опирались на источники разного характера. В частности, ими были использованы письменные памятники (как правило, вьетнамские, хотя встречаются и китайские), в основном, литературные и исторические. В некоторых случаях авторы прямо говорят, откуда они заимствовали ту или иную историю. Так, в рассказе «Почтенный предок — первый министр» Нгуен Ан сообщает, что эпизод о том, как чиновник — главный герой рассказа — отказался занять высокую должность, взят из «Записей, сделанных наскоро на досуге» Ву Фыонг Де (XVIII в.) и включен в «Случайные записки...», по его словам, для «удобства читателей», т. е. чтобы создать более полное представление о главном герое.

Кроме того, упоминание в «Случайных записках...» некоторых произведений свидетельствует о знакомстве Фам Динь Хо и Нгуен Ана с различными сочинениями прошлых лет. Например, в рассказе «Внутреннее учение» об излечении странной болезни императора Ле Тхан-тонга (годы правления: 1619–1643, 1643–1649), которая связывалась с необычайным недугом императора Ли Тхан-тонга (годы правления: 1128–1138) авторы «Случайных записок...» предлагают читателям подробнее познакомиться с историей таинственного недомогания Ли Тхан-тонга в сочинении «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор», отредактированном Ву Куинем и Киеу Фу (XV в.).

В рассказе «Могила матери Дао Кхана», повествующем о необычайных захоронениях, указывается, что случай, когда могила матери была названа по имени сына, описан в китайских исторических записях династии Цзинь (265–420).

Можно отметить сходство некоторых эпизодов в рассказах Фам Динь Хо и Нгуен Ана с историями, записанными в более ранних памятниках, когда сами авторы о заимствованиях не упоминают. Так, например, рассказ «Кумирня Тханькам» почти дословно совпадает с одним из позднейших добавлений к сборнику «О таинственных силах и духах земли Вьет» Ли Те Сюйена (XIV век), предположительно сделанных в XV–XVI вв.

В эпизоде из рассказа «Господин Ле Чай» из собрания Фам Динь Хо и Нгуен Ана повествуется о том, как торговец Чан Нгуен Хан остановился отдохнуть в храме, и ночью, подслушав разговор духов, узнал о том, что Ле Лой станет императором Вьетнама, а Нгуен Чай будет ему помогать. Та же история описывается в комментарии к одному из рассказов, добавленных в XV в. к сборнику «О таинственных силах и духах земли Вьет».

История о вредившей людям девятихвостой лисе из рассказа «Храм Чанво» более подробно была представлена в сборнике Ву Куиня и Киеу Фу, а история о Тю Ван Чине, жившем в XV в. известном поэте, среди учеников которого оказались два водяных духа, знакома по «Рассказу о духе болота Ландам» из поздних добавлений к «Описанию удивительного земель, расположенных к югу от гор», сделанных при династии Мак (1527–1677).

Следует отметить, что однозначно ответить на вопрос, появились ли все приведенные выше, совпадения в результате прямого заимствования, трудно. Возможно, Фам Динь Хо и Нгуен Ан и авторы других сочинений опирались на одни и те же труды, храмовые записи. Некоторые эпизоды, о которых шла речь, вероятно, были распространены в устной традиции, и писатели могли использовать народные рассказы.

В сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана есть прямые указания на устные источники. Так, в ряде случаев, авторы ссылаются на рассказчика, от которого

они слышали данную историю. Эти ссылки можно рассматривать и как традиционный прием, направленный на придание своей истории достоверности⁴⁰⁹, однако не исключено, что авторы действительно записали рассказы названных людей. Из устных же источников могли быть заимствованы и некоторые истории, основанные на народных преданиях.

Ряд рассказов сборника, в частности, связанных с различными достопримечательностями, появился под непосредственным воздействием личных впечатлений авторов.

О том, что Фам Динь Хо и Нгуен Ан записывали нечто ими самими услышанное или увиденное, свидетельствует тот факт, что в значительной части рассказов указанные географические пункты связаны с местами пребывания авторов. Таким образом, можно предположить, что при создании «Случайных записок...» Фам Динь Хо и Нгуен Ан использовали письменные памятники и личные впечатления, в том числе основанные на устной традиции.

В сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана можно встретить рассказы биографического характера, фольклорные, очерково-информативные, и один написан в форме дневника. Часто речь в «Случайных записках...» идет о реальных исторических лицах. Рассказ в таком случае, как правило, назван именем главного героя. Многие такие рассказы построены по биографическому принципу. Но наряду с ними есть истории, в которых основное внимание уделяется описанию какого-нибудь занимательного эпизода («Господин Ву Зюе»).

Некоторые рассказы, посвященные известным поэтам, по обилию стихов, включенных в текст, напоминают китайские *шихуа* — «рассуждения о поэзии». Так, в рассказе «Господин Данг Чан Кон» краткий прозаический текст биографического характера, обрамляет многочисленные цитаты из стихотворных сочинений этого известного вьетнамского поэта XVIII в.

В биографических рассказах сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана часто речь идет о служилых людях — чиновниках, реже военачальника, а также о студентах. Так, в рассказе «Господин Нгуен Конг Ханг» говорится об успехах вьетнамских сановников на дипломатическом поприще, эпизод из рассказа «Господин Нгу Лао» содержит сведения о действиях известного вьетнамского полководца XIII в., отразившего нападения лаосских племен. Чиновники и военачальники показаны и в неофициальной обстановке — в частной жизни. Так, например, приводится история видного сановника XVII века Нгуен Ван Зяя, сделавшего своей третьей женой девушку, оказавшую ему в юности услугу («Господин Нгуен Ван Зяй»). В рассказах о студентах описываются происшествия на экзаменах, часто это необычные случаи. Студент, например, незаконно принимал участие в экзаменах («Господин Зыонг Као»), или же другой школяр, не отличаясь особой прилежностью, смог выдержать испытание только благодаря помощи геоманта («Господин Нгуен Чат»).

Фам Динь Хо и Нгуен Ан повествуют не только о людях конфуцианского поведения, но и о деяниях буддистов и даосов. Как отмечал Н. И. Никулин, в XVIII и XIX вв. в среде образованного сословия наблюдался рост интереса к буддизму, буддийскую окраску принимали гуманистические идеи того времени⁴¹⁰. Этому способствовали падение авторитета конфуцианства, утрата престижа экзаменационной системы, когда открыто стали продаваться ученые

⁴⁰⁹ Фишман О. Л. Три китайских новеллиста. — М., 1980. — С. 336.

⁴¹⁰ Никулин Н. И. Вьетнамская литература... С. 165.

звания и административные должности⁴¹¹. Повышение интереса к буддизму, а также даосизму соотносилось с нестабильной обстановкой в стране (особенно во второй половине XVIII в.), что было характерно и для других стран дальневосточного культурного ареала: в смутные времена внимание к буддизму и даосизму всегда увеличивалось.

Ряд рассказов в «Случайных записках...» связан с буддийской идеей перерождения (например, «Господин Ле Ань Туан»). Истории некоторых героев приводятся как примеры торжества буддийской веры. Так, в рассказе «Господин Ле Хыу Киеу» речь идет об известном чиновнике XVIII в., проникшемся учением Будды после того, как в одной из пагод увидел надпись «Ле Хыу Киеу — бодисатва». Иногда персонажи буддийского пантеона больше напоминают злых духов местных культов. Например, в рассказе «Статуя Зя Лама из заброшенной пагоды» изваяние Зя Лама, буддийского духа-охранителя, оказалось похитителем чужих жен. За это его уничтожили как вредоносного демона. Интересно отметить, что в «Пространных записках рассказов об удивительном» Нгуен Зы (XVI в.) на сходных ролях выступали две статуи буддийских божеств-охранителей («Рассказ о покинутой пагоде в уезде Восточных приливов»). Эти стражи закона Будды промышляли воровством — утаскивали всевозможные съестные припасы. Когда их удалось наконец выследить, местные жители опрокинули оба изваяния. Досталось также Водяному духу, храм которого был расположен поблизости: он совершал набеги вместе с божествами-охранителями из буддийской пагоды. Люди разбили и его изваяние.

Во многих рассказах речь идет о даосах и их чудесных деяния. В «Случайных записках...» упоминается различная даосская практика: искусство заклинаний, хиромантия, искусство дыхания, особенно часто речь идет о геомантии. Распространение во Вьетнаме китайской геомантии связывается с именем Гао Пяня, китайского военачальника, поэта, управлявшего в IX в. Вьетнамом. Он упоминается в рассказе «Могила матери Дао Кхана». В дальнейшем на развитие геомантии во Вьетнаме заметное влияние оказал Нгуен Дык Хюйен, более известный под именем Таао. Таао — действующее лицо многих историй из «Случайных записок...», кроме того, ему посвящен отдельный рассказ под названием «Учитель Таао». Фигура даосского отшельника, как правило, связана с волшебными деяниями. Чудесные умения даосов могут быть направлены в помощь людям. В рассказе «Наемный работник в столице» даос помог бедняку, но наказал его за жадность. В ряде рассказов о «подвигах» даосов-волшебников говорится лишь как о занимательных случаях. Такие герои асоциальны, речь просто идет об их сверхъестественных способностях, например, о том, что даосы могут прогуливаться по бурному морю среди вздымающихся волн.

В рассказе «Господин Нгуен Данг Као» сообщается о том, что случилось с главным героем — чиновником Нгуен Данг Као после его выхода в отставку. Однажды он прогуливался лунной ночью в горах и вдруг увидел даоса, который спал на тонкой шелковой веревке, натянутой между двумя колышками. Догадавшись, что это не простой смертный, Нгуен Данг Као захотел уйти от земных дел и отправиться вместе с праведником, чтобы познать секреты достижения бессмертия. Даос согласился взять его с собой, но Нгуен Данг Као оказался

⁴¹¹ Очерки истории Вьетнама. — Ханой, 1978. — С. 92.

слишком опутан мирскими слабостями: он не удержался и отведал собачьего мяса, несмотря на запрещение праведника. Даос покинул его. Даосы-праведники иной раз шутки ради, пишут литературные сочинения, приводящие в восторг знатоков («Господин Ле Хыу Киеу», «Господин Нгуен Чонг Тхыонг»).

Ряд рассказов из «Случайных записок...» связаны с фольклорным материалом, они представляют собой, как правило, записи преданий. Персонажами многих фольклорных историй являются люди, которые вступают в контакт с различными сверхъестественными существами. Злые духи вредят людям, и тогда герои активно противодействуют злым силам. Так, например, отважный юноша победил духа горы — Тысяченожку и избавил народ от необходимости приносить ему человеческие жертвы («Гора Ватконг»). В ответ на вредительство духа герой может на него пожаловаться Небесному государю («Господин До Уонг»). Правитель вмешивается в дела мира духов, он может возводить в ранг духа даже человека. По словам Нгуен Ван Хюйена, в зависимости от выполнения духом своих обязанностей покровителя общины, правитель мог жаловать ему следующие титулы: «дух низшего ранга», «дух среднего ранга», «дух высшего ранга»⁴¹². Если дух вел себя нерадиво, правитель мог понизить его титул.

Предание, включенное в сборник, может вставляться в исторические и географические рамки. С реальным местом — деревней Ньыкин, вошедшим и в название рассказа, связано, например, предание о крестьянине, который временно оказался обладателем чудесного платка, делающего людей невидимыми («Крестьянин из Ньыкин»).

Представленные в «Случайных записках...» рассказы очерково-информативного характера содержат, в основном, описания достопримечательностей Вьетнама — пагод, стел, ступ и т. д. При этом часто сообщаются исторические сведения, как например, в рассказе «Старинная крепость Чаокхау». В некоторые рассказы о достопримечательностях, помимо изложения различных фактов, включены поэтические описания самого памятника, окружавшей его природы и окрестностей («Пагода Кимлиен»). В рассказах, посвященных древним стелам, автор, сообщая исторические факты, приводит и вырезанные на них тексты («Стела на горе Тханьнам»). Иногда очерково-информативный рассказ строится по принципу подборки схожих тем («Столичные ворота»). Встречаются и сообщения о необычных событиях. Так, например, в рассказе «Пагода Тиентить» рядом с описанием строения включен эпизод об оживших скульптурах косуль и буйволов.

Нередко уже из названия рассказа становится ясно, о чем пойдет речь, что особенно заметно на примере рассказов, описывающих достопримечательности. Однако названия не всегда дают представление о содержании. Это относится, в частности, к очерково-информативным рассказам, посвященным описанию церемоний. Так, в рассказе «Император Хиен-тонг» повествуется не о самом государе Ле Хиен-тонге (годы правления: 1740—1786), а о дворцовых торжествах в честь его семидесятилетия. Праздник середины осени описан в рассказе «О том, что некогда происходило во дворце правителя».

Один рассказ из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана — «Записки о прогулке к горе Фаттить» — построен в форме дневника. Он написан Фам Динь Хо сразу

⁴¹² *Nguyen Van Huyen. Contribution a l'etude d'un genie tutelaire vietnamienne Ly Phuc Man // BEFEO. — Hanoi, 1932. — Т. XXXVIII. — Р. 1.*

же после возвращения — в пятнадцатый день третьей луны 1796 года — т. е. автор зафиксировал свои впечатления не во время поездки, а после возвращения — по воспоминаниям.

Путешествие носило развлекательный характер и не преследовало никаких практических или деловых целей. Гора Фаттить, находившаяся неподалеку от Тханглонга, была традиционным местом прогулок и славилась своими достопримечательностями, многие из которых связаны с буддизмом, например, с буддийским монахом Ты Дао Ханем (?–1117). Здесь он жил в уединении в маленькой пагоде, а в пещере Тхан сохранились следы, оставленные им при перевоплощении.

Эмоциональную оценку излагаемого Фам Динь Хо дает довольно редко. Очевидно, поэтому нет обращений к строкам известных поэтов, стихотворных вставок, как раз и подчеркивающих субъективный момент.

Путевые заметки Фам Динь Хо записаны, в основном, по определенной схеме, связанной с временными и пространственными координатами. В дневнике точно указаны объективное время: день, луна, год начала путешествия. Время измеряется мелкими единицами, ряд событий соотнесен с определенными часами. Встречаются и временные пометы более общего характера: «на следующее утро», «поздно вечером». Фам Динь Хо фиксирует, как правило, только время, связанное с его основными перемещениями.

Пространственные пометы — это упоминание реальных деревень, гор, храмов, пещер и т. п. При этом, называя какую-либо местность, Фам Динь Хо обычно дает ее описание и рассказывает о своем передвижении к другому пункту. Все его путешествие можно проследить по карте.

Что же касается характеристик направления движения, то здесь, как и в ряде японских дневников, присутствуют «большой круг» — движение к постоянному месту жительства персонажа — и «малый круг» — возвратное движение к временному исходному пункту⁴¹³. Началом путешествия Фам Динь Хо и его друзей являлась столица, там же оно и закончилось. Временным же пристанищем служил храм госпожи Нгуен, куда герои возвращались после осмотра окрестных достопримечательностей.

Основным моментом, организующим материал дневника, является время. Пространственные координаты вторичны, они группируют сообщения уже внутри временных помет. Обратимся, например, к началу путешествия. Указав точную дату начала события — своего путешествия к горе Фаттить (год, луна, день), Фам Динь Хо далее расписывает первый день по часам, т. е. каждая новая группа сообщений начинается в пометки часа. Таких пометок четыре: с часа *мао* (5–7 ч.) до часа *туат* (19–21 ч.). К каждой временной помете присоединяется цепь событий.

Указав время, автор иногда как бы забывает о нем и даже далее продолжает повествование, ориентируясь на пространственные пункты. Например, пометив отправную точку времени (час *мао* — 5–7 ч.), Фам Динь Хо строит рассказ только в соответствии со своими перемещениями, но затем снова возвращается к временным координатам (час *зау* — 17–19 ч.). В этом временном промежутке автор останавливает свое внимание на четырех пунктах — это деревня Кимтхиа, где находится пагода с колокольной башней, река Дакшо, деревня Тхюикхуе, храм госпожи Нгуен в области Куокоай.

⁴¹³ Горегляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе XII–XIV вв. — М., 1975. — С. 287.

Тема храма госпожи Нгуен, например, порождает три круга сообщений: первый соотнесен с биографией госпожи Нгуен, второй касается горы, к которой прилегает храм, а в третьем речь идет о пагоде Тхиенфук, находящейся на холме у горы. Первое и второе звенья непосредственно связаны с исходной точкой — храмом госпожи Нгуен, а третье звено присоединено уже ко второму. Такие принципы пространственной связи материала сохраняются внутри всех путевых заметок Фам Динь Хо: некоторые циклы сообщений присоединяются непосредственно к исходной географической точке, а другие соединяются друг с другом подобно цепочке, когда каждый последующий зацепляется за какую-нибудь деталь предыдущего.

Сведения, входящие в циклы сообщений, различны. Это могут быть и предания, например, рассказ двоюродного брата Фам Динь Хо, поведавшего ему о потустороннем мире, куда можно попасть через пещеру Тханкок. Очевидно, не случайно, предание входит в путевые заметки как рассказ одного из персонажей. Это традиционно для дневниковой литературы стран дальневосточного культурного региона: предания включаются в виде рассказов, снов.

Принцип распределения материала в дневнике по временным отрезкам напоминает структуру исторического сочинения, где также самые разнородные сведения объединяются пометой времени. Однако в отличие от исторических сочинений Фам Динь Хо излагает события, следуя естественной смене впечатлений во время путешествия. Он и сам замечает в конце своего дневника: «Краткие сведения о горе Фаттить изложены бессвязно — это то, что коснулось моих ушей, то, что попало мне на глаза. Но и они не бесполезны». В основе такого видения мира, вероятно, лежали традиционные дальневосточные представления, на которые оказали значительное влияние буддийские и даосские взгляды. По словам Т. П. Григорьевой «... писатели выступали как посредники вещей: «вещи» говорят сами за себя, писатель — их орган говорения. Не я рассказываю о мире, а мир через меня себя выражает...»⁴¹⁴. Так, корейский поэт и прозаик Ли Губо (XII в.) писал в «Записках по дням и лунам о странствии к югу»: «Везде, где ступала нога моего коня, при встрече с тем, что поражало слух и изумляло зрение, фиксировал его либо в стихах, либо в прозе для того, чтобы впоследствии вникнуть во все это»⁴¹⁵.

«Записки о прогулке к горе Фаттить», вероятно, создавались и как памятные заметки для самого автора и в расчете на читателя. Не случайно Фам Динь Хо писал по поводу сомнительных сведений: «привожу здесь это в расчете на знающих людей», т. е. на тех, кто прочтет записки.

Рассматривая процесс появления и развития собраний коротких рассказов, мы обратили внимание на взаимодействие исторической и фольклорной традиций, как в ранних сочинениях, так и в более поздних сборниках.

В сочинении Фам Динь Хо и Нгуен Ана влияние истории проявилось в стремлении придать достоверность описываемым событиям. Так, значительная часть героев — исторические личности. В ряде рассказов указана реальная география происходящего, точно датировано событие.

Во многих рассказах из собрания Фам Динь Хо и Нгуен Ана речь идет о реальных исторических лицах. Часто — это крупный чиновник или другая значи-

⁴¹⁴ Григорьева Т. П. Читая Кавабата Ясунари // Иностранная литература. — 1971. — № 8. — С. 184.

⁴¹⁵ Ли Губо. Записки по дням и лунам о странствии к югу. Пер. Л. В. Ждановой (Рукопись).

тельная фигура. Повествование, в таком случае, как правило, названо именем главного героя. Такие рассказы можно разделить на два типа: одни построены по биографическому принципу, другие — нет.

Рассказов первого типа в «Случайных записках...» большинство, их можно характеризовать как неофициальные биографии. Однако они тоже не являются однородными. Наряду с рассказами, имеющими значительное сходство с официальными биографиями (например, «Господин Буи Кам Хо», «Господин Нгуен Тон Кхюе» и др.) есть истории, хотя и сохраняющие биографический принцип повествования, но в них основное внимание уделяется описанию какого-нибудь занимательного эпизода (например, «Господин Ву Зюе»).

Рассказов второго типа немного. В некоторых из них, например, речь идет только об одном («Дополнения к биографии моего прадедушки — первого министра») или нескольких («Дополнения к биографии небожителя из рода Фам») случаях из жизни героя. Название рассказа тогда бывает помечено словами *затши* (кит. и ши — «событие, не зафиксированное в официальной истории»).

Биографии некоторых персонажей «Случайных записок...» можно найти в исторических трудах. Например, четырнадцать биографий исторических лиц, которым в сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана посвящены отдельные рассказы, названные именем главного героя, включены в раздел «Жизнеописания» сочинения «Описание установлений минувших династий, классифицированное по родам» (Лить чиеу хиен тионг лоай ти), в дальнейшем, для краткости, мы будем называть его «Описание...», составленного в 1809—1921 гг. известным вьетнамским историографом Фан Хюи Тю.

Раздел «Жизнеописания» в этом сочинении состоит из нескольких частей: 1. Законные государи. 2. Помощники, имеющие заслуги, обладающие талантом и добродетелью. 3. Известные и талантливые военачальники. 4. Добродетельные конфуцианцы. 5. Верные долгу подданные. Начинаются биографии, как правило, с представления героя: сообщается откуда он родом, его псевдоним. Далее приводятся его «деяния». Указываются даты сдачи экзаменов, более или менее подробно рассказывается о получении должностей, перечисляются титулы. В текст включаются отрывки из стихотворных и прозаических сочинений, написанных героем. В конце биографии может быть упомянуто о возведении героя в ранг духа, сообщено какое-либо предание, связанное с описываемой личностью. Жизнеописания нельзя назвать совершенно однотипными. Те или иные моменты, на которых мы остановились, могут в некоторых биографиях отсутствовать. Биографии различны и по объему — от нескольких строчек до нескольких страниц. Малым объемом выделяется большая часть жизнеописаний «преданных подданных». Как правило, в них рассказывается о лицах, продемонстрировавших свою верность династии Ле при узурпации трона феодалами из рода Мак. Здесь лишь кратко сообщено, где герой родился, в какое время сдал экзамены и получил должность, когда и при каких условиях погиб.

Оба произведения — «Случайные записки...» и исторический труд Фан Хюи Тю написаны примерно в одно время.

Рассказы об исторических личностях из «Случайных записок...» и официальные биографии Фан Хюи Тю имеют сходные черты.

Так, в большинстве историй из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана, как и в биографиях, события из жизни героя излагаются в хронологической последовательности. Авторы обоих сочинений изображают всю жизнь героя от рождения до смерти, однако останавливаются только на нескольких значи-

тельных событиях. В начале, как правило, дается представление героя — его имя, псевдоним, его предки, откуда он родом. В том и в другом произведениях приводятся должности и титулы героев, в конце часто сообщается о посмертном обожествлении героя, могут упоминаться его потомки.

В обоих сочинениях сходятся даты (чаще всего указывается время, когда герой сдал экзамены или получил должность), хотя иногда случаются небольшие различия в датировке. Совпадают также географические координаты, повествование обычно начинается с упоминания места, откуда герой родом.

Нужно заметить, что во многих случаях в обоих сочинениях излагаются одни и те же события и сюжеты.

В качестве примера рассмотрим, как изображена жизнь Буи Кам Хо, чиновника XV в. в «Описании...» и в «Случайных записках...».

«Описание...»

1. Представление героя.

«Господин был родом из деревни Долиеу уезда Тхиенлок. В начале годов под девизом правления *Тхьеу-бинь* императора Тхай-тонга, господин выдвинулся благодаря своей образованности и стал помощником управляющего трибуналом цензоров. Господин обладал твердым и прямым характером, смело говорил правду, не боясь гнева влиятельных лиц».

2. События из жизни.

Несколько раз подавал государю прошения, требуя отстранить могущественных чиновников, узурпировавших власть, из-за этого был один раз понижен в должности, затем снова занял прежнее место. Ездил с посольством в Китай. В начале годов под девизом правления *Тхай-хоа* государя Нян-тонга получил ряд должностей (приведены названия). Когда господин еще учился, он спас женщину, невинно обвиненную в смерти мужа. Это стало известно императору, и господин был призван ко двору. Прорыл канал на горе Хонглинь, вода из которого оросила множество полей.

3. Заключительная часть.

«Когда господин умер, в его честь был построен храм у подножья горы Батьти. При всех династиях господина почитали добрым духом».

«Случайные записки...»

1. Представление героя.

«Господин был родом из деревни Долиеу уезда Тхиенлок. Он обладал обширными познаниями, имел способности к управлению государством, стремился помогать людям».

2. События из жизни.

Спас женщину, невинно обвиненную в смерти мужа, благодаря чему был призван ко двору и стал чиновником. Сумел противостоять козням придворных, которые старались навредить ему, во время церемонии, проводившейся в храме предков государя, в годы под девизом правления *Тхай-хоа* получил ряд должностей (приведены названия). Прорыл канал на горе Хонглинь, оросив тем самым множество полей.

3. Заключительная часть.

«После смерти в его честь был построен храм у подножия горы Батьти, а сам он возведен в ранг доброго духа. В конце годов под девизом правления *Кань-*

хынг в округе Хоан произошла смута. Только эта местность оказалась неподходящей для военных действий, поэтому сохранилась в целости».

В обоих сочинениях, в основном, излагаются одинаковые события, но последовательность их может быть изменена. В «Описании...» и в «Случайных записках...» есть эпизод спасения женщины, невинно обвиненной в смерти мужа, в связи с этим герой был призван ко двору. Фан Хюи Тю этой историей завершает изложение событий жизни Буи Кам Хо, в то время как Фам Динь Хо и Нгуен Ан помещают ее в начале, не нарушая хронологической последовательности изложения. Вероятно, автор «Описании...» не считает упомянутый случай достоверным, ведь в представлении Буи Кам Хо он отмечает, что «господин выдвинулся благодаря своей образованности». Поэтому происшествие и упоминается в конце биографии, где обычно сообщались некоторые неофициальные сведения о герое, предания.

Есть различие в заключительной части. Так, в сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана сказано, что в период смуты местность, где находился построенный в честь Буи Кам Хо храм, не была разорена. Фан Хюи Тю об этом не сообщает. Авторы «Случайных записок...» дают этому явлению реалистическое объяснение: район оказался неподходящим для войск, но возможно, в их представлении так случилось потому, что местность была под покровительством Буи Кам Хо, ставшего после смерти добрым духом.

В «Случайных записках...» события из жизни Буи Кам Хо не просто упорядочены, они приведены в логическую последовательность согласно иерархии деяний: спасение женщины (акт гуманности) — призван ко двору (признание достоинств) — охрана трона — гармонизация мира (деяния достойные правителя — ср. с Юем) — посмертное обожествление, способности духа поддерживать должный порядок во вверенной ему территории.

Рассказы об исторических личностях из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана и биографии из «Описания...» имеют и различия.

В «Случайных записках...» больше внимания уделяется необыкновенным событиям. Упоминания о чудесном в одних случаях могут иметь фрагментарный характер.

В других же случаях, хотя Фам Динь Хо и Нгуен Ан и сохраняют в заглавии имя исторического лица, а также биографический принцип построения рассказа, но часто речь идет о каком-нибудь необыкновенным, фантастическом приключении. Например, в рассказе «Господин До Уонг» автор описывает чудесный случай, происшедший с героем: за ним ни с того ни с сего погнались духи из деревенской кумирни, ему пришлось спастись бегством и отправлять жалобу Небесному Владыке. Однако в начале рассказа сообщается, откуда герой родом, а в конце сказано, что впоследствии он успешно сдал экзамены, занимал высокую должность при дворе, и после смерти был возведен в ранг духа.

Во многих рассказах из сочинения Фам Динь Хо и Нгуен Ана также основное внимание уделяется какому-либо одному событию, происшествию, которое описывается более подробно, чем прочие изложенные факты. Оно не обязательно имеет фантастический характер. Так, например, в рассказе «Господин Дам Тхан Хюи» биографический принцип повествования сохранен, но внимание автора, в основном, сосредоточено на истории о том, как по рекомендации геоманта могила отца Дам Тхан Хюи была перенесена в благоприятное место. Этим и объясняется продвижение героя по службе.

Среди детально описываемых происшествий иногда встречаются так называемые «бродячие истории», которые могут произвольно привязываться к разным

героям. Так, в рассказе «Господин Ву Зюе», когда говорится о детстве этого известного чиновника, жившего в XV в., приводится история, свидетельствующая о его сообразительности. Так, однажды, в дом, где жил Ву Зюе, зашел человек и потребовал выплатить ему долг. Узнав, что родителей нет, человек поинтересовался, где они. Маленький Ву Зюе сказал, что отец отправился убивать людей, а матушка рождает людей. Гость пришел в недоумение, но Ву Зюе соглашался растолковать свои слова только за вознаграждение. Человек ответил, что если получит объяснение, то простит причитающийся ему долг. Тогда мальчик пояснил, что отец вытаскивает из замка рис, а мать — высаживает рассаду.

Ле Куи Дон, ученый XVIII в., в своем сочинении «Краткие записи об увиденном и услышанном» это же происшествие со сметливым мальчиком связывает с Лыонг Тхе Винем, известным историческим лицом XV в., входившим в состав «Двадцати восьми светил словесности» императора Ле Тхань-тонга (1460—1497). Н. И. Никулин обращает внимание на устное бытование истории о мудром мальчике⁴¹⁶. В биографии же Ву Зюе из «Описания...» такой сюжетной вставки нет.

По мнению М. И. Никитиной, высказанному в личной беседе с автором, в этом сюжете на уровне детского сознания культура выдала представление об изоморфности зачинания человека женщиной высаживанию рисовой рассады и смерти человека-злака от руки мужчины. Пара — муж и жена творят ритуал смерти-зачатия на рисовом поле.

В биографических рассказах из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана отдельные эпизоды (которые приведены и в официальных биографиях), изображены детальнее, обрастают бытовыми подробностями и диалогами. В «Описания...» же изложение более лаконичное, часто ограничивающееся сухой констатацией факта. Так, например, в сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана есть история о Фам Динь Чонге, видном государственном деятеле и полководце XVIII в., принимавшем участие в подавлении крестьянских восстаний под руководством Нгуен Хыу Кау (середина XVIII в.) («Господин Фам Динь Чонг»). В рассказе, в частности, детально описываются различные уловки, на которые пускался Фам Динь Чонг, чтобы одолеть мятежников. В официальной биографии этого нет.

В жизнеописаниях известных исторических лиц из сочинения Фан Хюи Тю чаще приводится точная датировка событий, больше внимания уделяется продвижению героя по службе, перечислению соответствующих должностей и титулов.

Иногда и в том и в другом сочинении присутствует смешение времен, есть фрагментарные истории, нарушающие хронологическую последовательность, сопровождаются они, обычно, словами «рассказывают, что...», и приводятся в конце повествования. Например, в «Описании...» в биографии Нгуен Чая, выдающегося поэта и прозаика XV в., автор сначала рассказывает о его деятельности и трагической судьбе (он был оклеветан и казнен со всеми своими родными), а затем, в конце, излагает историю о том, как однажды Нгуен Чай причинил вред одной змее (змея из мести превратилась в красавицу, ставшую его наложницей, она и способствовала гибели этого человека). Упомянутый эпизод со змеей присутствует и в рассказе «Господин Ле Чай» из «Случайных записок...» и о нем также идет речь уже после смерти героя. Однако, в «Описании...» обычно в конец выносятся рассказы, связанные с чем-то чудесным, они

⁴¹⁶ Никулин Н. И. Вьетнамская литература...С. 219.

выделяются на общем фоне и даются в качестве неофициального дополнения. В сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана такого деления не наблюдается, истории, в которых смешивается время, даже если они связаны с какими-то необыкновенными событиями, часто органически включены в повествование, так как они стоят в ряду с другими случаями из неофициальной жизни.

Отметим также, что в сочинении Фам Динь Хо и Нгуен Ана гораздо больше стихотворных вставок, чем в биографиях из «Описания...».

Есть в «Случайных записках...» повествования, названные именем реального героя, совсем непохожие на официальные биографии этих лиц, приведенные Фан Хюи Тю. Их немного. Так, в рассказе «Господин Ле Ань Туан» человек, чьим именем он назван, вовсе не появляется, а речь идет о его жене.

В сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана есть рассказы, в которых излагается только какая-нибудь история о неофициальной стороне жизни героя. Так, есть два рассказа о Нгуен Ван Зяе, названные его именем. В них этот видный государственный деятель конца XVI — начала XVII вв. предстает как участник бытовых происшествий. В одном из рассказов говорится о пристрастии героя к жареной свинине, из-за которой он попал в затруднительную ситуацию. Этот рассказ построен не как биография одного лица, а по принципу объединения похожих случаев, связанных с разными персонажами. Так, в конце автор приводит эпизод из жизни Фам Конг Чы, видного сановника XVIII в., который также оказался в нелепом положении из-за съеденных им жареных воробьев, которых он очень любил. В другом рассказе автор повествует о том, как однажды Нгуен Ван Зяй, известный сановник XVII в. купался в пруду, и у него украли одежду. Проходившая мимо девушка сжалилась над ним и дала ему кусок материи, чтобы сделать набедренную повязку. Впоследствии, получив ученую степень, герой сделал эту девушку третьей женой.

Таким образом, рассказы о реальных лицах, занимающие значительное место в «Случайных записках...», в основном, строятся под влиянием исторической биографии, хотя и нет случаев полного сходства с официальными жизнеописаниями.

Ссылки на реальную географию есть почти во всех рассказах Фам Динь Хо и Нгуен Ана, как правило, они связаны с Вьетнамом.

Географические пункты называются, как место, откуда родом герой, где происходит событие, или же находится предмет описания. Рассказы биографического типа обычно начинаются с указания, откуда происходит герой — реальное историческое лицо. География связана также с местами службы или с другими фактами биографии героя. О сановнике XVIII в. Во Конг Чане, например, говорится, что он временно поселился в деревне уезда Донгнган для того, чтобы совершенствовать свои познания («Господин Во Конг Чан»). Указание на реальное пространство есть и в информативных заметках. Географические пункты упоминаются и в некоторых рассказах фольклорного типа. Место действия в фольклорных рассказах может называться не совсем точно. Так, например, в рассказе «Небо наказывает мать бесов» сказано, что произошел описываемый случай в районе деревень Хахой и Тхьонгкат.

В ряде случаев в рамках одного рассказа действие происходит не только во Вьетнаме, но и в Китае. Китай упоминается в рассказах биографического типа, как правило, в связи с тем, что герои направляются туда с посольством. Однако для подобных путешествий могут быть и другие причины. Так, например, сообщается, что известный вьетнамский геомант XVII в. Таао, отправился

в Китай для того, чтобы научиться лечить глазные болезни, и исцелить свою престарелую мать. Он освоил там не только искусство врачевания, но и постиг основы геомантии («Учитель Таао»).

Обычно, когда речь идет о Китае, не уточняется, в каком именно месте происходит действие. Есть рассказы, в которых события связываются с озером Дунтин. В одном из эпизодов рассказа «Господин Ле Чай» сообщается о сыне Нгуен Чае (известного поэта и писателя XV в.), который ездил с посольством в Китай. Когда он переправлялся через озеро Дунтин, то заметил на поверхности воды змею, а затем поднялись сильные волны и ветер. Сын Нгуен Чае попросил позволения выполнить данное ему поручение, и волны затихли. Но на обратном пути в то время, как он пересекал Дунтин, его лодка опрокинулась, и сын Нгуен Чае утонул.

На озере Дунтин назначила встречу герою рассказа «Господин Нгуен Чонг Тхыонг» красавица-девушка, являвшаяся ему во сне. Когда он через некоторое время направлялся с посольством в Китай, то проезжал как раз неподалеку от озера Дунтин. Увидав у обочины дороги две полуразвалившиеся кумирни, Нгуен Чонг Тхыонг поинтересовался, кому же в них поклоняются. К изумлению и испугу Нгуен Чонг Тхыонга местные жители назвали его собственное имя и добавили, что в другой кумирне почитают жену Нгуен Чонг Тхыонга. Можно предположить, что упоминание здесь озера Дунтин скорее литературный прием, нежели стремление дать точное указание на место действия. Рассказ «Господин Нгуен Чонг Тхыонг» имеет черты, сходные с дальневосточной фантастической новеллой — это мотив брака с возлюбленной девой, встречающийся, например, в китайской новелле *чуаньци* XIII–XIV в.⁴¹⁷ Поэтому, вероятно, не случайно и событие вьетнамского рассказа «привязывается» к знаменитому озеру Дунтин, которое является местом действия ряда китайских преданий. Упоминанию озера Дунтин можно найти и другое объяснение. Так, Дунтин достаточно значимое для вьетнамской культуры место. Согласно мифологическим представлениям, прародительницей вьетов была дочь владыки озера Дунтин. Исследователи отмечают связи вьетских племен на территории Северного Вьетнама со средним и нижним течением реки Янцзы и районом озера Дунтин в конце четвертого — начале первого тысячелетий до н. э. Район озера Дунтин входил в большой «треугольник» (с его основанием по реке Янцзы и вершиной в Бакбо) родственных культур третьего—второго тысячелетий до н. э. к югу от Янцзы⁴¹⁸.

В собрании Фам Динь Хо и Нгуен Ана, в рассказах информативного типа, упоминаются Лаос и Тямпа. Первое государство — в связи с описанием стелы на горе Тханьнам («Стела на горе Тханьнам») которая установлена по случаю умирения императором Чан Минь-тонгом (1314–1329) лаосских племен, о государстве Тямпа речь идет в рассказе «Пагода Тиентить», где описываются скульптуры, привезенные из этой страны и установленные неподалеку от пагоды Тиентить.

Географические пункты, названные в собрании Фам Динь Хо и Нгуен Ана, находятся на территории Северного и Центрального Вьетнама.

⁴¹⁷ Гольгина К. И. Новелла средневекового Китая. — М., 1980. — С. 107–154.

⁴¹⁸ Познер П. В. История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994. — С. 61.

Во многих рассказах реальная география соотносится с личностью авторов — их родиной, местами, где они жили, путешествовали и т. д.

Так, например, некоторые герои рассказов были родом из тех же провинций, что Фам Динь Хо и Нгуен Ана.

Название провинции откуда родом герой	Количество рассказов, помеченных псевдонимом Фам Динь Хо	Количество рассказов, помеченных псевдонимом Нгуен Ана	Количество рассказов, не помеченных псевдонимом
Хайзыонг — родина Фам Динь Хо	3	2	
Киньбак — родина Нгуен Ана	2	7	1
Нгеан	1	1	2
Шоннамтхыонг	2	2	
Тханьхоа		2	1
Шоннамха			1

Часто речь идет о Тханглонге (совр. Ханой). Двадцать девять рассказов либо целиком соотнесены с этим городом, либо здесь происходит один или несколько эпизодов. Тханглонг — место действия, например, в рассказах «Наемный работник в столице», «Озеро Гьом» и т. п. В этом городе и его окрестностях находится большая часть упоминаемых и описываемых достопримечательностей (например, храм Чанво, пагода Баотхиен, храм Батьма и т. п.). Это не случайно. Жизнь Фам Динь Хо и Нгуен Ана была тесно связана со столицей государей династии Ле, они подолгу жили в Тханглонге, где у обоих авторов «Случайных записок...» находились собственные дома.

События в некоторых рассказах, помеченных псевдонимом Фам Динь Хо, происходят в провинции Шонтэй. Известно, что в этой провинции служил отец Фам Динь Хо, и мальчик мог услышать подобные истории в детстве.

Географические пометки присутствуют в рассказах, связанных с биографией автора. В рассказе «Пагода Кимлиен», например, сообщается о том, что пагода Кимлиен, которую посетил автор, расположена в деревне Нгиам, недалеко от столицы.

В нескольких рассказах упоминаются географические названия, связанные не с самими авторами, а с их родственниками. Так, например, в рассказе «Мой прадедушка — господин первый министр» речь идет о прадедушке Нгуен Ана, в частности, там сообщается, что некоторое время прадедушка жил в деревне Киетдак, посвящая свое время занятиям с учителем.

Таким образом, материал в значительной степени связан с личностью самих авторов — пятьдесят семь рассказов из общего количества девяносто.

В сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана больше половины рассказов имеют временные пометы, но хронологические рамки приводятся реже, чем географические координаты. Датировка, как правило, присутствует в тех рассказах, где речь идет об исторических лицах и событиях.

В «Случайных записках...» применяются различные принципы датировки. В некоторых рассказах указываются циклический год, девиз правления, луна и день случившегося. Например: «В год *ням-зан* под девизом *Кань-хынг* (1782 г. — Е. К.) власть перешла к правителю Диен До, который тогда был еще

совсем маленьким, это вызвало всеобщее возмущение. В двадцать пятый день десятой луны был поднят мятеж...» («Господин Буи Хюи Бить»). Однако рассказы с такой подробной датировкой редки.

Есть рассказы, в которых названы циклический год, девиз правления, а также имя государя. Например, сообщается, что первые экзамены эпохи *Чунг-хынг* (1533–1788) проводились в год *ат-муй* на восемнадцатом году правления под девизом *Куанг-хынг* (1595) при императоре Ле Тхе-тонге (1573–1600) («Мой прадедушка — господин первый министр»).

Иногда упоминается только циклический год, например, «в год *ат-ти* (1785 — Е. К.) стражники, охранявшие вход в пагоду, услышали звуки ударов...» («Пагода Тиентить»), или приводится девиз правления. Так, например, про главного героя рассказа «Господин Буи Кам Хо» сказано, что он стал заместителем главы двора цензоров в годы правления под девизом *Тхай-хоа* (1443–1453).

В ряде историй приводится только имя государя, при котором и случились описываемые события. Например, указано, что события, изложенные в рассказе «Древняя кумирня у ворот Донгхоа», произошли при императоре Ли Тхай-то (1010–1028). Действие может быть помечено только правлением императорской династии. В частности, в рассказе «Господин Тю Ван Чинь» точные временные координаты отсутствуют, известно лишь, что герой жил при династии Чан.

В отдельных случаях события датируются китайскими девизами правления, например, «в пятьдесят седьмой год правления под девизом *Кан-си* династии Цин (1679 — Е. К.) подошел срок выплачивать дань...» («Господин Нгуен Конг Ханг»).

Даты в «Записках...» могут стоять в различных местах рассказа. Как правило, повествование редко начинается с даты. Такое начало встречается, в основном, в рассказах об удивительных событиях, информативных заметках, очерках. Так, например, описание дворцовой церемонии начинается следующим образом: «В год *ат-ти* при девизе правления *Кань-хынг* (1785 — Е. К.) императору Хиен-тонгу исполнитель семьдесят лет...» («Император Хиен-тонг»).

Наиболее часто датировка встречается в середине рассказа. Такие даты указываются в ряде повествований, связанных с историческими лицами, например, в рассказах о Нгуен Конг Ханге, крупном чиновнике, служившем при дворе Чиней («Господин Нгуен Конг Ханг») и Фам Динь Чонге, военачальнике XVIII в. («Господин Фам Динь Чонг»). Часто приводится год, когда герой сдал экзамены или получил должность. Например, в рассказе «Мой прадедушка — господин первый министр» Нгуен Ан сообщает точную дату получения ученой степени не только самим прадедушкой, но и его сыном.

Большая часть повествований из собрания Фам Динь Хо и Нгуен Анна, в которых есть указания на время, относится к XVIII в., т. е. авторы, в основном, излагают современные им события, либо нечто, имевшее место в недавнем прошлом. Остальные рассказы датируются разными периодами, но действие происходит, как правило, не ранее XI в.

В «Случайных записках...» как и в других, более ранних вьетнамских сочинениях такого рода, Фам Динь Хо и Нгуен Ан повествуют об известных исторических лицах, стремясь сохранить сведения об их жизни и деяниях. Такой подбор материала соотносился с патриотическими устремлениями авторов — уберечь от забвения факты своей вьетнамской культуры.

Название сборника, а также тематика рассказов дают возможность предположить, что он мог появиться как отклик на современные авторам события. Писатели избегают касаться того, что было непосредственно связано с восстанием Тэйшонов, и давать ему какую-либо оценку. Только в некоторых рассказах встречаются короткие замечания по поводу тяжелого положения в стране. Так, в рассказе «Крестьянин из Ньыкин» сказано: «В год *ки-зау* (1789 — Е. К.) не успели еще затихнуть сражения и отпылать пожарища, как жестокий мор начался среди людей. Повсюду слышны были плач и стоны». Однако Фам Динь Хо и Нгуен Ан повествуют о событиях начала — середины XVIII в., и о положении, сложившемся перед восстанием Тэйшонов. Так, в рассказе «Господин Буи Хюи Бить» замечается: «Находившиеся внизу — покушались на власть, стоявшие наверху — приходили в упадок. Устои при дворе с каждым днем разрушались». Отметим, что сам Буи Хюи Бить, видный сановник и ученый, лауреат дворцового конкурса, сражался против Тэйшонов в качестве гражданского советника в армии. Награждая чиновников, служивших при Ле — Чинь, но отказавшихся сотрудничать с Тэйшонами, Тхе-то отметил и его, вручив ему двести *куанов* денег⁴¹⁹.

Очевидно не случайно авторы «Случайных записок...» говорят о народных восстаниях и осуждают тех, кто изменил государю и примкнул к бунтовщикам. В рассказе «Фам Тау» сообщается о высокопоставленном чиновнике, присоединившемся к восстанию Ле Зуи Мата (1737—1769). Это был отец известного конфуцианца Фам Тау, который в конце концов «сбил с пути» — пристрастился к вину, а потом и вовсе стал бродягой и пропал неизвестно где. Нгуен Ан показывает, что несоблюдение отцом долга подданного оказывает влияние на потомков: судьба сына — это возмездие отцу за нарушение верности государю.

Замечания о бедственном положении в стране иллюстрируются рассказами о недостойном поведении людей, стоявших у власти («Принц Данг Лан»). Те, кто должен заниматься делами правления, сами творили бесчинства, нормы морали не соблюдались даже при дворе правителя — в этом, по мнению автора, можно увидеть признаки грядущих несчастий. О бедствиях говорили и знамения, падение государей династии Ле предсказывали духи.

Фам Динь Хо и Нгуен Ан рассказывают о поражении восстаний Нгуен Хыу Кау, Ле Зуи Мата, восхваляют военачальников, участвовавших в подавлении народных выступлений середины XVIII в. — Фам Динь Чонга и Хоанг Нгу Фука («Господин Фам Динь Чонг», «Господин До Тхе Зяй и господин Хоанг Нгу Фук»). Для писателей прославленные военачальники были образцами героев-воинов, сумевших обуздать бунтовщиков и установить порядок в стране. Эти фигуры выступали в сборнике как пример-назидание для современников, оказавшихся неспособными пресечь смуту.

Герои других рассказов — преданные подданные давних времен. Это, например, Дам Тхан Хюи, ученый чиновник, занимавший высокие должности при дворе императоров династии Ле в конце XV — начале XVI века. Когда феодалы из рода Мак узурпировали трон, он сражался против них, но потерпел поражение и погиб. После восстановления династии Ле Дам Тхан Хюи пожаловали титул *выонга*, в его честь соорудили храм, чтобы прославить верность долгу («Господин Дам Тхан Хюи»). В другом рассказе

⁴¹⁹ *Рябинин А. П.* Рождение империи Нгуенов... С. 135.

описывается подвиг чиновника, служившего при династии Мак (1527–1677). В критической ситуации он помог бежать своему государю и поплатился за это жизнью. В честь него воздвигли кумирню, которую впоследствии, после того, как династия Мак была свергнута, неоднократно пытались разрушить. Но храм отличался особой прочностью, и сломать его не удалось («Кумирня Тханькам»). Вероятно, Фам Динь Хо и Нгуен Ана привлекал сам образ верного подданного, оставшегося до конца преданным своему государю. А какому именно — представителю законной династии Ле (чьими сторонниками были авторы «Случайных записок...») или же узурпатору из рода Мак, — не имело особого значения.

Обращение в смутные времена к образам военачальников, которые сумели умиротворить народ, и к деяниям преданных чиновников, служивших опорой трону, было не случайным. Авторы тем самым осуждали свое поколение, в котором не нашлось людей, способных поддержать государя и навести порядок в стране. Восхваляя преданных людей минувших лет, Фам Динь Хо и Нгуен Ан давали понять о своей верности династии Ле и неприязни Тэйшонов.

Сочинение Фам Динь Хо и Нгуен Ана продолжает традиции средневековых сборников рассказов. Их авторы считали одной из своих главных задач пополнить сведениями родную историю. «Случайные записки...» — произведение, в определенной степени ориентированное на современность. Это проявилось в том, что в смутные времена Фам Динь Хо и Нгуен Ан напоминают соотечественникам о героях и их славных делах, рассказывая о дурных правителях и подданных, нарушивших свой долг и понесших за это наказание, они иносказательно критикуют правление, допустившее «великие перемены».

Большое место в «Случайных записках...» занимают фольклорные материалы. Фам Динь Хо и Нгуен Ан по-разному использовали их в своих рассказах. Ряд рассказов представляет собой записи преданий. На фольклорной основе может базироваться какой-либо эпизод, сообщающий о необычайном событии и включенный в повествование биографического типа, информативное сообщение.

С фольклорной традицией связаны истории, посвященные деяниям обожествленных реальных лиц, многие из которых почитались как духи-покровители деревень. Объектами культа, в основном, становились те, кто при жизни оказали большие услуги стране, императору, деревне или, по поверьям, уже после смерти прославились совершением добрых дел⁴²⁰. Сообщением об обожествлении героя заканчивается, в частности, ряд рассказов биографического характера. Иногда говорится, духом какого именно ранга он стал, но о его потусторонней деятельности речь не идет. Так, например, духами стали видный военачальник XIII в. Фам Нгу Лао, крупный чиновник XV в. Буи Кам Хо, известный геомант Таао (XVII в.). Объектом поклонения стали и верная жена, которая утопилась после смерти мужа («Госпожа Доан, верная памяти умершего мужа»), и девочка, родившаяся чудесным образом («Гора Донглиет»).

В других рассказах, напротив, персонажами являются уже обожествленные реальные личности, т. е. говорится о деяниях, совершенных ими после смер-

⁴²⁰ *Nguyen Van Huyen. Contribution à l'étude ...* P. 1.

ти. Духи древних вьетнамских героев, которые стали покровителями общин, принимали участие в жизни людей, определяли их судьбу.

Фольклорный материал вошел в сборник как основа многих рассказов. Даже если речь идет о реальных исторических лицах, авторы, сообщая об их деяниях, в ряде случаев упоминают о какой-нибудь необыкновенной истории, темой которой часто становится столкновение человека с «иным» миром и его обитателями. Фольклорная традиция представлена в сочинении Фам Динь Хо и Нгуен Ана в значительной части рассказами о встречах с необычайными существами в «ином» мире.

В «Случайных записках...» можно выделить несколько типов «иногo» мира: подводный, горы и подземный мир, удаленный остров, небесный мир.

О подводном мире и его обитателях говорится в нескольких рассказах. Так, например, героем рассказа «Храм Линьланг» является оборотень-водяной дракон. Ряд историй о водяных существах объединены под названием «Река Зунг». Одна из них повествует о похищении земных девушек духами, другая — о присвоении ими имущества людей. Для того, чтобы водяные духи не вредили людям, им приносили жертвы, на берегах рек и водоемов строили кумирни («Река Док»). Хозяин воды мог и облагодетельствовать человека, если тот выполнял его просьбу («Река Зунг»). В рассказах Фам Динь Хо и Нгуен Ана, как правило, нет описаний ни самого подводного царства, ни его обитателей. Подводные жители только названы: рыбы, черепахи, водяные змеи, особенно часто речь идет о водяных драконах. Жители подводного царства могли появляться на земле в человеческом облике. Истинный вид возвращался к ним после смерти. Это, например, ученики Тю Ван Чиня, превратившиеся в драконов после того, как их наказали за провинность и отрубили головы («Господин Тю Ван Чинь»). Что касается самого подводного мира, то в «Случайных записках...» приведена лишь одна история о том, как некоему человеку удалось тайком увидеть подводные хоромы («Река Зунг»). Отношения между обитателями подводного мира те же, что и на земле. В подводном царстве, например, было социальное деление — низшие чины и правители рек и водоемов. Мир воды по большей части представлен как враждебный человеку.

К «иному» миру относятся и горы, которые являлись местом пребывания сверхъестественных существ. Так, на горе Танвиен жил дух Гор («Господин Нгуен Ханг»). Дух-тысяченожка, требовавший человеческих жертв, тоже был связан с горой («Гора Ватконг»). Некий слуга, повстречавший в горах старика и надевший его платье, превратился в тигра («Превращение в тигра»). В горах расположены пещеры — о них Фам Динь Хо и Нгуен Ан повествуют как о входе в царство мертвых («Тхань Дао Ты»). В «Записках о прогулке к горе Фаттить» приведена история человека, через пещеру проникшего в подземный мир. Если герой (или герои) попадали в подземный мир, то сначала они оказывались в полной темноте, а уже потом там понемногу начинало светлеть («Тхань Дао Ты», «Горная пещера»). В подземном царстве жили нелюди — мертвые, змеи. Кроме того, там были существа, похожие на людей: торговые ряды на подземном рынке и подземные жители ничем не отличались от земных («Записки о прогулке к горе Фаттить»). В рассказе «Горная пещера» про подземных жителей сказано, что они разговаривали на незнакомом языке. Предметы в подземном мире имели иное назначение, чем на земле. Например, там были необычные камни, обладавшие приятным ароматом и утолявшие голод

(«Тхань Дао Ты»). Мотив съедобных камней встречался ранее в «Описании удивительного земель, расположенных к югу от гор» Ву Куиня и Киеу Фу. Там герой рассказа «История колодца Вьет», свалившись в глубокую пропасть, обнаружил неподалеку пещеру со свисавшими со скалы каменными сосульками — их поглощал огромный белый змей с золотым гребнем на голове. Некоторое время этот человек также вынужден был есть каменные сосульки, чтобы не умереть с голоду⁴²¹. Похожие мотивы присутствуют в китайских рассказах, в пещере дракона, например, герой ел «сердцевину камней»⁴²².

«Иной» мир мог находиться и на удаленном острове («Господин Гром»). По словам И. И. Толстого, представления об острове, находящемся за пределами обитаемого мира, в фольклоре многих народов совпадают с представлениями о загробном царстве⁴²³. Важная деталь, о которой упоминает и вьетнамский автор — это неузнавание героя, возвратившегося из «иноного» мира, где он терял свой прежний облик и приобретал новый⁴²⁴.

Среди типов фантастического пространства, встречающихся в «Случайных записках...», можно выделить небесный мир. Он был устроен по образцу земного общества. Управлял им Верховный владыка, ему подчинялись все духи и сверхъестественные существа. Духи храмов время от времени поднимались на аудиенции к Верховному владыке, принимали участие в собраниях небесного двора, где обсуждались важные дела, в том числе и земные. Верховный владыка мог наказывать духов за творимые бесчинства («Господин До Уонг»), за разглашение небесной тайны («Господин Во Конг Чан»), т. д., при этом часто поднимался сильный ветер, шел дождь, гремел гром, а кумирня провинившегося оказывалась разбитой ударом молнии.

Надо сказать, что «иной» мир в сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана никогда не описывается сам по себе, он всегда дается в связи с человеком и через восприятие человека.

Фольклорные материалы, собранные в «Случайных записках...» позволяют обратиться к проблеме связей вьетнамской культуры с культурами соседних народов, в частности народов Юго-Восточной Азии. В основе некоторых вьетнамских преданий и преданий народов Юго-Восточной Азии (иногда Индии), возможно, лежали сходные мифы. Это, например, представления о чудесном оружии, о борьбе двух хозяев стихий, о матери-хозяйке — богине плодородия.

Много общего в фольклоре было у вьетов и с северными соседями — китайцами. Так, в рассказе «Храм Чанво» упоминается девятихвостая лиса столь сильно вредившая людям, что местность, где она жила, опустела. Ее изловил Владыка Северного неба. В древнем Китае издавна существовали представления о полумифическом существе, лисице с девятью хвостами. Об этом можно прочесть в «Шань хай цзине» — «Книге гор и морей»: «Еще в трехстах *ли* на востоке есть, говорят, гора Цинцю. На солнечной ее стороне много нефрита, на теневой — много камня *цинху*. Там есть животные, по виду — такие как лиса, но с девятью хвостами, голоса их похожи на (плач) младенцев. Могут есть людей. (Человек же), съевший (такую лису), не боится

⁴²¹ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. — М., 1969. — С. 76—84.

⁴²² Голыгина К. И. Китайская проза на пороге средневековья. — М., 1983. — С. 69.

⁴²³ Толстой И. И. «Возвращение мужа» в Одиссее и в русской сказке // Сб. в честь ак. С. Ф. Ольденбурга. — Л., 1934. — С. 67.

⁴²⁴ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос — М., 1974. — С. 230.

яда змей»⁴²⁵. Явление такой лисы рассматривалось, главным образом, в качестве счастливого предзнаменования⁴²⁶. Обратим внимание, что «Шань хай цзин» и вьетнамское предание обладают сходными чертами: девятихвостая лиса вредит людям.

Другое существо, наделенное сверхъестественными свойствами — это тигр. Согласно китайско-вьетнамской традиции тигр рассматривается как царь зверей. Это владыка гор, животное уважаемое и внушающее всем страх. Тигр — это божество войны, он помогает командующим армиями. В области магии, он смертельный противник злых духов, которые угрожают мертвым и живым⁴²⁷. Тигр — животное-оборотень, способное принимать человеческий облик. Это неоднократно описывалось в китайских средневековых сборниках прозы. Так, например, в «Записках о поисках духов» Гань Бао сказано: «В краях, расположенных между реками Цзян и Хань, водятся люди Чу. Их родоначальник — потомок государя Линя. Они умеют превращаться в тигров...»⁴²⁸. Во вьетнамских средневековых сочинениях неоднократно отмечался странный недуг императора Ли Тхан-тонга, который стал обрастать шерстью и превратился в тигра. Волшебные снадобья и заклинания помогли ему вернуть человеческий облик. В рассказе «Превращение в тигра» из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана некий человек отправился в горы. Там он повстречал старика, давшего ему платье. Облачившись в него, человек стал тигром. Заканчивается рассказ восклицанием «Увы! Некто, будучи тигром, стал человеком, а человек же превратился в тигра. Как они сумели преодолеть предназначенный им путь!»

В «Случайных записках...» зафиксировано предание, сюжет которого скорее всего заимствован из Китая. Это рассказ «Древняя кумирня у ворот Донгхоа», повествующий о слабом здоровьем студенте, вынужденном при императоре Ли Тхай-го принимать участие в тяжелых земляных работах. Вскоре он умер возле Восточных ворот и был засыпан землей. Его жена, приехавшая через несколько месяцев из деревни, плакала три дня не переставая, Стена рухнула, перед ее глазами предстал студент, выглядел он совсем как при жизни. В честь этого чудесного случая на том самом месте возвели кумирню. В основе этого предания лежит легенда о верной Мэн Цзян-нуй, бытующая более двух с половиной тысяч лет. Героиня китайской легенды обнаружила, что ее супруг, отправленный на работы по сооружению Великой стены, умер возле нее, и его кости смешались с костями множества безымянных строителей. Мэн Цзян-нуй укусила себе палец, кровь из пальца потекла под стену и оживила прах ее мужа⁴²⁹.

В рассказах Фам Динь Хо и Нгуен Ана, как и во многих сочинениях авторов дальневосточного культурного региона, встречаются имена китайских исторических и литературных героев, китайские образные выражения, имеющие символический характер. Следует отметить, что в «Случайных записках...» таких «китаизмов» сравнительно мало⁴³⁰, и каждый из них, как правило, употребля-

⁴²⁵ Алимов И.А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня // Петербургское востоковедение. — СПб., 1993. — Вып. 3. — С. 229.

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ Durand M. Technique et panthéon des médiums vietnamiens (dông). — Paris, 1959. — P. 55.

⁴²⁸ Гань Бао. Записки о поисках духов. — СПб., 2000. — С. 165.

⁴²⁹ Горегляд В. Н. Сюжеты, связанные с нарушением запретов, в японских мифах // Петербургское востоковедение. — СПб., 1992. — Вып. 2. — С. 59.

⁴³⁰ Например, в «Пространных записях рассказов об удивительном» Нгуен Зы можно обнаружить значительно больше китайских имен и поэтических выражений.

ется только один раз. Исключением является выражение «треножки были повержены», встречающееся в нескольких рассказах и означающее падение старой династии. Фам Динь Хо и Нгуен Ан используют его, когда хотят сказать о падении династии Ле.

Добродетели человека могут сопоставляться с природными объектами. Так, в рассказе «Господин Тю Ван Чинь» сказано, что к герою относились с таким же почтением, как к священной китайской горе Тайшань и созвездию Байдоу (Северная медведица), владычествовавшему по китайско-вьетнамским представлениям над смертью. В других случаях приводятся имена людей прошлых эпох, которые вызывают в памяти человека, начитанного в китайской литературе, определенную ситуацию. Сравнение с известным событием китайской истории должно дать представление о значимости вьетнамского события. Так, в рассказе о Тю Ван Чине говорится, что через несколько столетий после его смерти, императорский двор обсуждал вопрос о присвоении потомкам известного деятеля наследственных почестей, подобно тому, как это было сделано в Китае в отношении братьев Чэн Хао и Чэн И — китайских конфуцианцев эпохи Сун.

Одного из героев рассказа «Ле Тхой Хиен» попросили объяснить, кто такие *цзюнь цзы* — «благородные мужи» и *сяо жэнь* — «низкие люди». Он отвечал, что в настоящее время пасет буйволов и поэтому приведет примеры «благородных мужей» среди людей, некогда занимавшихся этим же ремеслом. Рассказывая о «благородных мужах», герой обратился к китайской древности — к эпохе Чуньцю - Весны и Осени (721—480 гг. до н. э.) и назвал известных лиц, занимавших сначала социально низкое положение, истинная сущность которых до поры до времени оставалась скрытой. Это Бо Лисы, его возвышение началось с того, что он хорошо кормил волов, они стали упитанными, и его старание было замечено князем. Упоминается также Нин Ци. Сначала этот человек был пастухом, он обладал прекрасным голосом. Как-то раз его песни услышал правитель и поразился глубоким смыслом, заложенным в них.

Иногда оказывается достаточным назвать только место происшествия, чтобы напомнить известный случай. Так, девушка-бесовка, предостерегая героя, решившего ее задержать, спрашивает, не забыл ли он, что произошло в Нючжу («Господин Во Конг Чан»). Девушка намекает на известный эпизод, когда во времена династии Цзинь (265—420) некто Цзинь Цзяо зажег носорожий рог, осветил бездну в Нючжу и увидел там существ иного мира. Ночью ему явился во сне человек, отчитавший его за этот поступок. Фам Динь Хо и Нгуен Ан ставят свои, вьетнамские события в один ряд с образцовыми китайскими.

Конкретный материал «Случайных записок...» показывает особенности взаимодействия во вьетнамской прозе двух культурных традиций — местной и дальневосточной, китайской. Дальневосточная культурная традиция помогла оформить вьетнамский материал — местные предания, рассказы о героях, сообщения об удивительных событиях и описания достопримечательностей. В названии произведения использован традиционный литературный образ «великих перемен», когда тутовое поле становится лазурным морем (именно в смутные времена восстания Тэйшонов, вероятно, и был создан этот сборник). Материал сборника помещен в рамки известного на Дальнем Востоке прозаического жанра, который представляет собой записки о самых различных вещах (китайские *бицзи*, корейские *пхэсоль*). Многие рассказы, как правило,

посвященные реальным историческим лицам, построены по принципу традиционной китайской биографии. При этом даже в фольклорных историях может указываться время и место происходящих событий — т. е. сборник написан под влиянием дальневосточной исторической традиции.

«Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя»

«Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя» — это второе прозаическое собрание Фам Динь Хо, написанное после «Случайных записок о превратностях судьбы». Точный год создания «Записей вслед за кистью...» неизвестен, но даты, которые упоминаются в тексте, позволяют предположительно определить время написания. Так, в рассказе «Ужасное предзнаменование», где речь идет о том, как у женщины родился ребенок с двумя головами, называется 1805 г. В то же

время Фам Динь Хо в первом автобиографическом рассказе сообщает, что сейчас «...я брожу, скитаясь с места на место...». Писатель странствовал в конце XVIII — начале XIX вв., но не позднее 1821 г., когда Фам Динь Хо поступил на службу. Таким образом, можно предположить, что сочинение было написано в начале XIX в. — возможно, в десятилетия.

«Записи вслед за кистью...» представляют собой сборник, состоящий из девяти одного озаглавленного рассказа. Первый рассказ — это автобиография, в нем Фам Динь Хо вспоминает о родителях, детстве, некоторых событиях из своей жизни. В текст сочинения включено незначительное количество стихотворных вставок.

Вьетнамские литературоведы полагают, что «Записи вслед за кистью...» — это первое вьетнамское сочинение, написанное в жанре *туйбум*⁴³¹ (кит. суйби, яп. дзуйхицу, кор. супхиль). По словам Т. Григорьевой, уже название жанра — «следовать кисти» — открывает его закон: автора ведет за собой кисть, автор не сочиняет, а следует внутреннему зову, волевому импульсу слова. Не писатель ведет за собой повествование, повествование ведет за собой писателя⁴³². Л. В. Жданова высказывала предположение, что эта проза строится по законам ассоциативных родов, рождаемых зрительным знаком, творимым кистью. Французские ученые отмечают, что Фам Динь Хо первый в истории вьетнамской литературы создал прозаическое сочинение в форме «эссе»⁴³³.

Некоторые вьетнамские исследователи считают, что книга написана без всякой системы, рассказы располагаются в ней произвольно и никак не связаны друг с другом⁴³⁴. Однако нам кажется, что в сборнике можно

⁴³¹ *Hoàn Hữu Jên*. Lời giới thiệu Vũ trung tùy bút. — Hà-nội, 1960. — Tr. 10.

⁴³² Григорьева Т. Читая Кавабата Ясунари // Иностранная литература. — 1971. — № 8. — С. 181—190.

⁴³³ *La médecine vietnamienne au XVIIIe siècle, texte originaire de Pham Đình Hồ, extrait du Vũ trung tùy bút // BEFEO*. — Paris, 1970, — T. LX. — P. 375.

⁴³⁴ *Tru'ong Chinh*. Lời giới thiệu Vũ trung tùy bút. — Hà-nội, 1972. — Tr. 7.

выделить несколько групп рассказов, стоящих рядом, которые объединены одной темой. Это, например, несколько рассказов о географии той или иной местности, о происхождении их названий: № 40 «Область Хайзыонг», № 41 «Название уезда Дыонган», № 42 «Название деревни Тяукхе». Ряд рассказов посвящен народным преданиям: № 57 «Храм Дечить», № 58 «Дух тигра», № 59 «Дух ребенка», № 60 «Кумирня принцессы Нгыа». Несколько других записей, стоящих рядом, объединены филологической темой: № 68 «Канонические сочинения», № 69 «Жанр *ты лук*», № 70 «Разновидности стихов» и т. д.

Рассказы, входящие в «Записи вслед за кистью...», связаны с историей, этнографией, литературой, географией Вьетнама, они посвящены разным сторонам жизни народа и самого автора. Много внимания уделено нравам и обычаям, прослеживается их изменение на протяжении ряда династий. Нередко Фам Динь Хо записывает свои воспоминания, случаи из жизни. Однако самостоятельные рассказы, посвященные тем или иным фактам биографии писателя, редки, чаще эти сведения присоединяются к каким-нибудь другим материалам.

Состав «Записей вслед за кистью...» неоднороден, встречаются материалы информативного характера («О том, как носить шляпы»), описательные заметки, например, «Полнолуние в августе», где автор рассказывает о том, как он с друзьями любовался лунной ночью. В ряде случаев информативное сообщение сопровождается сюжетной историей и замечаниями автора. Например, в рассказе «Конкурсные экзамены» информация о проводимых экзаменах сопровождается рядом повествований, в которых речь идет о различных людях, участвовавших в испытаниях, сообщаются произошедшие с ними случаи.

В «Записях вслед за кистью...» есть небольшое количество сюжетных историй, целиком посвященных описанию какого-нибудь удивительного случая. Так, в рассказе «Рыба-человек» говорится о том, как управляющий провинцией, обнаружив у берега моря огромную мертвую рыбу, написал для нее поминальное сочинение. Впоследствии к нему явился красивого облика юноша, поблагодаривший его за это. Молодой человек поведал чиновнику, что он не простой смертный — его когда-то Верховный Владыка, рассердясь, сослал в земной мир в образе рыбы. На прощанье юноша сказал, что недалек тот час, когда они встретятся в небесных чертогах, и действительно, чиновник вскоре умер.

Объем рассказов в «Записях вслед за кистью...» различный: от нескольких строчек до нескольких страниц.

Фам Динь Хо следует традициям исторической литературы. В его рассказах есть указания на время действия, в основном, он описывает события недавнего прошлого — второй половины XVIII — начала XIX вв., хотя иногда речь идет о случившемся в более ранние эпохи, например, в XIII—XVI вв. Часто помечено и место действия — приводятся географические названия.

Ряд рассказов из сборника посвящен реальным историческим лицам, например, «Фам Нгу Лао». В нем речь идет об известном вьетнамском военачальнике конца XIII — начала XIV вв. Многие из таких рассказов начинаются как традиционная биография — с указания имени, происхождения героя. Однако некоторые из рассказов, названных именем героя и связанных с каким-то определенным лицом, отличаются от жизнеописаний. В них могут

быть помещены сведения неофициального характера, некоторые, по словам автора, не зафиксированы в исторических трудах⁴³⁵ и записаны как дополнения к уже имеющимся материалам. Так, например, в рассказе о Фам Ты Хы (чиновнике XVIII в.), состоящем из нескольких строчек, Фам Динь Хо сообщает, откуда он происходил, его посмертное имя, а также о почитании этого человека как доброго духа. Исторические сочинения, по словам Фам Динь Хо, об этих сведениях умалчивают («Фам Ты Хы»). В другом рассказе речь идет об известном военачальнике времен императора Ли Хюе-тонга (1211–1224) («Доан Тхыонг»). Фам Динь Хо, сославшись на его биографию, помещенную им ранее в «Случайных записках о превратностях судьбы», приводит только некоторые дополнительные сведения о нем, в частности, пишет о храмах, построенных в его честь.

В «Записях вслед за кистью...» отразились местные народные представления. Так, например, в рассказе «Пейзаж возле пагоды в Шонтэй» повествуется о камне, находящемся в одной из пагод. Говорят, раньше этот камень стоял у дороги, он помогал излечивать болезни, о чем бы люди ни попросили, все тотчас сбывалось. В этой истории, возможно, нашел отклик культ камней, распространенный у вьетнамцев и других народов Юго-Восточной Азии. В «Рассказе об императоре Ле Лое» записано предание, в котором речь идет о том, как основателю династии Ле помог ускользнуть от погони китайцев некий дух, принявший облик лисы с человеческой головой.

В «Записях вслед за кистью...» можно встретить частые упоминания и ссылки на различные сочинения, свидетельствующие о широкой эрудиции Фам Динь Хо. Он использует не только разнообразные китайские источники, но и труды вьетнамских ученых и писателей, как современных, так и прошлых лет. В сборнике, например, есть ссылки на сочинение Зыонг Ван Ана «Новые записи о провинции О» (XVI в.), Ле Куи Дона «Краткие записи об увиденном и услышанном» (XVIII в.), Ву Фыонг Де «Записи, сделанные наскоро на досуге» (XVIII в.) и др.

Сборник Фам Динь Хо имеет не только литературную ценность. Он может служить источником информации по истории, географии, этнографии Вьетнама и по своему фактическому материалу является ценным добавлением к трудам вьетнамских ученых XVIII–XIX вв. Исследователи отмечают, что сборники Фам Динь Хо были среди немногих сочинений второй половины XVIII — начала XIX вв., в которых авторы не боялись выражать свои мысли от первого лица, ведь многие произведения оставались анонимными⁴³⁶.

Скажем несколько слов о месте вьетнамских традиционных собраний прозы во вьетнамских библиографиях. Отметим, что вьетнамские традиционные библиографии существуют не как самостоятельные сочинения, а включены в работы более общего характера. По словам видного французского ученого Э. Гаспардона, «Вьетнам, в противоположность Китаю, существует в условиях крайнего недостатка библиографий»⁴³⁷. Исследователь отмечал, что единственные известные работы состоят из плохо сделанных списков книг, снабженных скудными замечаниями⁴³⁸. Это глава «Записи о литературе» (Нге ван ти),

⁴³⁵ *Phạm Đình Hồ*. Vũ trung tùy bút. — Hà-nội, 1960. — Tr. 111.

⁴³⁶ *Lan Ong*. Thương kinh ký' sử. — Paris. 1972. — P. XVII.

⁴³⁷ *E. Gaspardone*. Bibliographie annamite..., P. 1.

⁴³⁸ Там же. — С. 1.

включенная вьетнамским ученым XVIII в. Ле Куи Доном в его «Общую историю Великого Вьета» (Дай вьет тхонг ши). Она дополнена собранием сорока трех статей о вьетнамских и китайских сочинениях, помещенных в разделе «Сочинения» (Биен тионг) «Кратких записей об увиденном и услышанном» Ле Куи Дона. Кроме того, в энциклопедический труд вьетнамского ученого начала XIX в. Фан Хюи Тю «Описание установлений минувших династий, классифицированное по родам» входит библиографическая глава «Записи о литературных трудах» (Ван тить ти).

Согласно китайскому принципу построения, в библиографических сочинениях выделяются четыре раздела:

1. Каноны *цзин бу*.
2. Исторические труды *ши бу*.
3. Философы *цзы бу*.
4. Сборники *цзи бу*.

Во вьетнамских традиционных библиографиях сочинения также расположены в рамках четырех разделов, однако названия разделов и произведения, которые в них включаются, отличны от китайских. Рассмотрим библиографический раздел «Записи о литературных трудах», входящий в сочинение Фан Хюи Тю. Он представлен наиболее полно — рассматривает двести тринадцать произведений, тогда как, например, «Записи о литературе» Ле Куи Дона описывают сто шестнадцать памятников.

«Записи о литературных трудах» имеют следующее деление:

1. Установления *хиен тионг*.
2. Канон и история *кинъ ши*.
3. Стихи и изящная словесность *тхи ван*.
4. Записки, биографии *чуен ки*.

Первый раздел объединяет списки императорской генеалогии, трактаты по уголовному праву, уголовные кодексы, карты, сочинения, связанные с ритуалом, международными отношениями, доклады на высочайшее имя, собрания императорских эдиктов и т. д. В названиях памятников, включенных в этот раздел, встречаются иероглифы *диен, фа, фам, тхы, тап* и т. д.

Во второй раздел входят исторические труды, трактаты о конфуцианских исторических книгах. Заглавия помечены иероглифами *шики, биен, тхы* и др.

В третий раздел включены сочинения изящной словесности, в основном, сборники стихотворений. Большая часть названий помечена иероглифом *тап*.

К четвертому разделу отнесена буддийская литература: философские трактаты, например, «Записи о пустоте» Чан Тхай-тонга, собрания биографий буддийских праведников, например, «Собрание выдающихся праведников из сада *тхиен*» неизвестного автора, трактаты по геомантии, например, «Трактат по геомантии, составленный Таао» (Та ао диа ли люан), сочинения энциклопедического характера, например, «Краткие записи об увиденном и услышанном» Ле Куи Дона, произведения «низкой» литературы — собрания сюжетной прозы, например, «Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы и т. д. Перечисленные выше типы произведений в китайских библиографиях входят в третий раздел — «философы». Следует обратить внимание, что Фан Хюи Тю включил в свой четвертый раздел сочинения, содержащие биографии конфуцианских «образцовых подданных», напри-

мер, «Записи о прославленных подданных» Ле Куи Дона, географические трактаты, посвященные какой-либо отдельной местности, например, «Записи о Каобанге» (Као банг лук) Фан Ле Фиена, произведения, написанные в форме «истинных записей» (*тхык лук*). Таким образом, вьетнамский ученый рассматривает здесь сочинения исторического характера, в китайских библиографиях они входят во второй раздел «исторические труды». Названия сочинений, приведенных в четвертом разделе библиографии Фан Хюи Тю, помечены иероглифами *ки*, *тхык лук*, *тап*, *ти*. Наиболее часто присутствует слово *лук* — «записи».

В своей библиографии Фан Хюи Тю, сохраняет традиционное китайское деление на четыре раздела. Однако вьетнамский ученый меняет их названия (они отличны и от классификации Ле Куи Дона) и по-своему распределяет по эти разделы сочинения.

Вьетнамские традиционные собрания прозы малых форм включены в четвертый, последний раздел библиографии Фан Хюи Тю и таким образом объединены с историческими сочинениями: трактатами, биографическими произведениями и т. д. В заглавиях сочинений чаще всего встречается иероглиф *лук*. Однако следует обратить внимание на то, что этот знак присутствует также в названиях исторических памятников четвертого раздела, а также некоторых произведений, входящих в первый и третий разделы.

Заключение

Собрания рассказов были наиболее распространенным видом вьетнамской традиционной прозы. Художественные сочинения малых форм возникли на основе исторических трудов, буддийских жизнеописаний, храмовых и семейных записей, повествовательного фольклора. Связь фольклора и истории была одним из характерных признаков этой прозы на протяжении всего ее развития. Как правило, материал собраний неоднороден; в сочинениях объединены различные рассказы: от сюжетной истории до простой информации.

При изучении литературы всегда интересно выяснить, как сами авторы оценивали свои произведения. Такого рода оценки занимали особое место в дальневосточной литературе и были оформлены в специальные жанры авторских предисловий и послесловий к сочинениям. Вьетнамские средневековые писатели также часто снабжали свои произведения предисловиями и послесловиями, в которых они говорили о значимости своей страны и происходивших в ней событий — как больших, так и малых. Как было принято в традиционной литературе Дальнего Востока, вьетнамские авторы доказывали правомерность серьезного отношения к необычному материалу своих произведений ссылками на образцовые китайские сочинения и высказывания «древних мудрецов».

Дальневосточная литературная традиция оказала большое влияние на оформление вьетнамских собраний рассказов. Эта традиция проявилась прежде всего в том, что все собрания, начиная от самых ранних и до XX вв. были написаны

на *вэньяне*. Далее, форма собраний (особенно XVIII — начала XIX вв.) напоминает по типу китайские *бицзи* и *суйби*.

Собрания коротких рассказов обладают рядом особенностей, сближающих их с историческими сочинениями (такая историзация была характерна для китайской литературы этого типа), например, повествования о вьетнамских героях часто подаются в виде традиционной дальневосточной биографии. Историзации подверглись и некоторые фольклорные сюжеты: события, описываемые в преданиях, как правило, соотнесены с временем правления определенного вьетнамского государя, а также связаны с реальным географическим местом.

События в большинстве рассказов из собраний, как самых ранних, так и более поздних, происходят на вьетнамской земле, и персонажами также являются вьетнамцы. Для писателей был характерен интерес к истории, литературе своей страны, часто речь идет об известных вьетнамских героях и их деяниях. Основой значительной части рассказов, включенных в собрания, служили местные предания. Среди фольклорного материала встречаются сюжеты, общие для народов Юго-Восточной Азии.

Мы представляем читателям переводы трех сборников. Они появились в разное время — более трех веков разделяют их. Первый — «Сны Южного старца» Хо Нгуен Чынга — написан в XV в. Это одно из наиболее ранних прозаических сочинений малых форм. Второй — «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» Ву Куиня и Киеу Фу также датируется XV в. Наибольшее число собраний появилось в XVIII — начале XIX вв., что вероятно, связано с исторической обстановкой во Вьетнаме этого периода — «смутным временем» крестьянских восстаний. В начале XIX в. написаны «Случайные записки о превратностях судьбы» Фам Динь Хо и Нгуен Ана — третий предлагаемый сборник.

Для перевода «Снов Южного старца» был использован полный текст сборника Хо Нгуен Чынга, написанный на *вэньяне* и вошедший в «Собрание сочинений в жанре *цзилу*» (Цзилу хуйбянь), напечатанное в Шанхае в 1938 г. Объем сборника — девятнадцать листов, на каждой стороне листа помещено десять строк по двадцать иероглифов в каждой.

При переводе «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» использовался текст памятника, вошедший в «Собрание *сяошо*, написанных на китайском языке во Вьетнаме» (Юэнань ханьвэнь сяошо цункань), опубликованное в 1992 г. в Тайбэе.

Для перевода «Случайных записок о превратностях судьбы» была использована ксерокопия ксилографа текста на *вэньяне*. Ксилограф датирован 1896 г., он хранится в Библиотеке Азиатского общества в Париже. Объем ксилографа — сто один лист, на каждой стороне листа помещено восемь строк по восемнадцать иероглифов в каждой.

Кроме того, в нашем распоряжении была ксерокопия десяти листов ксилографического издания «Случайных записок о превратностях судьбы», хранящегося во Вьетнаме, также датированного 1896 г. Ксилографы похожи, манера написания иероглифов и расположение их на страницах одинаковое. Однако во вьетнамском ксилографе на листе 5в между строками более мелким шрифтом напечатано три иероглифа, кроме того, над верхней рамкой этой же страницы есть несколько иероглифов. На листе 5в ксилографа, хранящегося во Франции, этого нет. К сожалению, у нас нет всего ксилографа, хранящегося

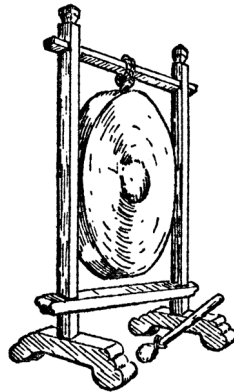
во Вьетнаме, поэтому нельзя сверить весь текст и определить идентичность двух экземпляров.

Перевод «Снов Южного старца», «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» и «Случайных записок о превратностях судьбы» снабжен примечаниями, также приведены указатели имен, географических названий и сочинений.

Все вьетнамские имена, названия и термины даются в общепринятой вьетнамской транскрипции. Для китайских имен, географических названий и т. д. использована русская транскрипция П. И. Кафарова (Палладия), представленная в «Китайско-русском словаре» под редакцией И. М. Ошанина.

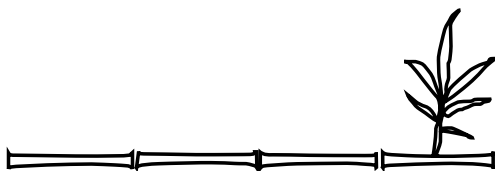
Данная работа появилась благодаря использованию книг из богатейших фондов Библиотеки Академии Наук — первой государственной библиотеки России, основанной в 1714 г., и являющейся одним из ведущих информационно-библиотечных центров страны.

Хотелось бы выразить признательность за содействие и помощь директору БАН докт. пед. наук В. П. Леонову, зам. директора по науке канд. пед. наук Н. В. Колпаковой, зав. редакционно-издательским отделом БАН О. Г. Юдахинной, зав. ОЛСАА БАН канд. ист. наук Т. И. Виноградовой, канд. философ. наук А. В. Никитину и А. В. Ухваловой за художественное оформление книги.

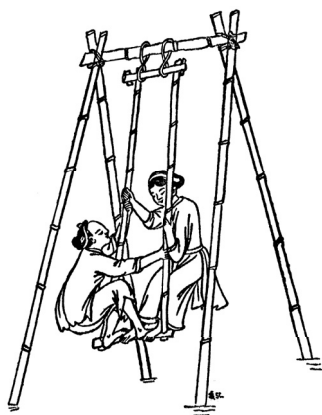

Хо Нгуен Чынг
Сны Южного старца

Предисловие.....	139
История Нге-выонга.....	140
Растворение в небытии Чук Лама.....	144
Дух предка решил судьбу.....	144
Добродетельный непременно займет подобающее место.....	144
Добродетельная и проникательная госпожа.....	145
Услышав о смерти, испустила дух.....	145
Решительность и прямота Ван Чиня.....	146
Искусный в медицине и сердечный.....	147
Непостижимые храбрость и сила.....	147
Муж и жена погибли ради долга.....	148
Буддийский монах и даос изгоняют духа.....	149
Прошение, оказавшееся действенным.....	149
Совершенный человек, успокаивающий волны.....	150
Чудеса Минь Кхонга.....	151
Во сне излечил болезнь.....	152
Добродетельная монахиня.....	152
Сопереживая, стал ходить пешком.....	153
Образец стихов с повторяющимися иероглифами.....	153
Помыслы стихов, светлых и оригинальных.....	154
Жил честно и умер спокойно.....	155
Стихи, в которых преданный подданный иносказательно увещевал.....	156
Стихи, использовавшие точные образы поэтов минувших лет.....	157
Стихи, говорящие о самонадеянности.....	158
Судьба совпала с предсказанием, сделанным в стихах.....	158
Стихи, выражающие желание подвигов и славы.....	159
Прекрасные строки из коротких стихов.....	159
Стихи и вино изумили людей.....	160
Стихи, предвещавшие большое счастье.....	160
Стихи, достойные министра.....	161
Печальные стихи по поводу увещевания государя.....	161
Благородные господа вместе весело проводили время.....	162

Предисловие

В «Луньюе» говорится: «В деревне из десяти домов непременно найдется столь же верный и преданный человек как Цю»¹. Земли же Зяонам² издавна были многолюдными, почему же считают, что если местность отдаленная, то в ней нет талантливых людей! В словах, делах и устремлениях людей прошлых лет есть много достойного сохранения. Однако из-за войн, пожаров книги были во множестве истреблены, и вышло так, что все эти сведения о событиях прошлого потерялись, не осталось никого, кто бы слышал о них, разве это не прискорбно? Размышляя об этом, я постоянно разыскивал и записывал

сведения о древних событиях. Видя, что почти ничего не уцелело, из ста историй остались лишь две, решил внести свой вклад и написал книгу, которую назвал «Сны Южного старца». Мне хотелось прославить добрые деяния людей прошлого, а также сообщить нечто новое для совершенных мужей³, пусть все это и будет ограничено рамками «малых речений»⁴. Кроме того, хорошо, если мои истории внесут оживление в веселые беседы.

На вопрос: «Вы описываете только добродетельных людей, что же, злых не существует?» — я отвечаю так: «О добродетельных лицах с радостью выслушиваю и могу записать их деяния, а злых не то, чтобы нет, они есть, я просто не записываю и только!» Меня снова спросят: «Книга носит название «сны», какой в этом заключен смысл?» На это я скажу: «Когда-то давно мои герои существовали во множестве, но из-за жизненных перемен от них как будто

¹ Ян Боцзюнь. Луньюй ичжу. — Пекин, 1958. — С.57. Цю — имя Конфуция.

² Зяонам — кит. Цзяонань — «К югу от Цзяо» — одно из названий территории Вьетнама, употреблявшееся в китайских исторических документах и литературных сочинениях, главным образом, эпохи Мин. Это название, скорее всего, не было официальным. В дипломатических документах и казенных бумагах минской канцелярии Вьетнам именовался «царство Аньнань», а в 1407—1427 гг. — «провинциальным правлением Цзяочжи». Название «Цзяонань» довольно широко встречается в сочинениях китайской литературы, в том числе в их заглавиях (напр. «Записи о покорении страны Цзяонань» Цю Цзюня (XV в.). Переводчики «Снов Южного старца» на современный вьетнамский язык сочли этот топоним ошибочным и везде заменили его на «Намзю» (Наньцзяо) — «Южное Цзяо», отличающийся не только порядком слов, но и смыслом. Топоним «Наньцзяо» относится к числу древнейших в китайской литературе названий для южных границ и окраин китайского государства, а также не китайских государств юга. Впервые он встречается в «Шуцзине» (Ядянь), затем в «Шицзи». Причина существования в литературе эпохи Мин двух похожих названий — Наньцзяо и Цзяонань не вполне ясна. Можно предположить, что название «Наньцзяо» — Южное Цзяо обозначало для китайцев слишком большой район — все земли к югу от Улина (Гуандун, Гуанси, Вьетнам), поэтому и возникло сочетание «Цзяонань» — «К югу от Цзяо», которое более точно указывало положение Вьетнама относительно двух южных провинций китайской империи. Приблизительно также соотносятся два других названия: Намвьет (кит. Наньюэ) и Вьетнам (кит. Юэнань). Когда в начале XIX в. вьетнамский император Зя-лонг попросил у императора династии Цин разрешения назвать свою страну «Намвьет», китайский правитель отказал ему, усмотрев в этом претензию на Гуандун и Гуанси, и пожаловал своему южному соседу название «Вьетнам» — «К югу от Юэ» (*Bỉnھ Cầm. Quốc hiệu nước ta. — Saigòn. — Tr. 109—118*). Хотелось бы поблагодарить А. В. Никитина за эти любезно предоставленные сведения.

³ Совершенные мужи — кит. цзюньцзы — последователи Конфуция, ставшие на путь самосовершенствования.

⁴ Малые речения — кит. сяошо.

бы и следов не осталось. Получается, что только я один помню эти истории и могу о них поведать, разве это не сны?» Совершенномудрые, вы понимаете меня? Что же касается двух иероглифов *Нам Онг* — «Южный старец», так это мой псевдоним! Девятый день девятого лунного месяца года *мау-нго* третьего года правления под девизом *Чжэн-тун* (1438 — Е. К.).

Ле Чынг по прозванию Мань Нгуен из Зяонама, имевший почетный титул *Чжэнги дафу*, занимавший должности *цзычжиинь гунбу шилан*, написал предисловие.

История Нге-вюнга⁵

Восьмой правитель из дома Чан в Аннаме⁶, имевший табуированное имя Тхук Минь⁷, был третьим сыном Минь-вюнга (император Чан Минь-тонг, годы правления: 1314–1329 — Е. К.) и наложницы из рода Ле. Пока не стал государем, назывался Кунг Динь, отличался добротой, проявлял сыновью почтительность, трудолюбие, почтение к старшим, мудрость, решительность, глубоко изучил канонические и исторические сочинения, не одобрял внешний блеск.

По старинному обычаю дома Чан, когда наследный принц вырастал, правитель передавал ему престол, а сам удалялся во дворец Баккунг, почтительно именовался государь-отец. Вместе с сыном он управлял всеми делами при дворе, ибо в действительности уступал трон лишь на словах. Государь-отец стремился достичь спокойствия, поспешно подготавливал для этого условия и только! Он все решал сам, а взошедший на трон правитель ничем не отличался от наследного принца.

Сначала, когда старший сын Минь-вюнга — Хиен-вюнг (император Чан Хиен-тонг, годы правления: 1329–1341 — Е. К.) — взошел на престол, дети Минь-вюнга от законной жены только родились: старший — Кунг Тук, слабо-

⁵ Имеется в виду император Чан Нге-тонг. «Сны Южного старца» были написаны в Китае, поэтому Хо Нгуен Чынг в именах вьетнамских императоров заменил *тонг* (кит. цзун) — «глава, предок» на *вюнг* (кит. ван) — «князь». Чан Нге-тонг — император, оказывавший Хо Куи Ли длительное покровительство. Желая показать, что его милости не забыты, Хо Нгуен Чынг посвятил ему первый и самый большой по объему рассказ, всячески превознося этого императора. После того, как Нге-тонг пришел к власти, Хо Куи Ли стал членом тайного совета, получил титул *хау* и женился на овдовевшей принцессе. До своей смерти в 1394 г. Нге-тонг оставался главой рола Чан. Д.В. Деоник выделяет в последней трети XIV в. три периода. Первый — самостоятельное правление Нге-тонга, когда позиции Хо Куи Ли были относительно слабыми и фактически правил один Нге-тонг (с 1370 по 1387 гг.). Но уже в 1384 г. Нге-тонг уехал в загородный храм и прожил там несколько лет, а власть во многом оказалась в руках Хо Куи Ли. Второй период — с 1387 г., когда Нге-тонг вернулся из монастыря и вскоре сменил императора, по 1394 г., т. е. год смерти. Теперь он правил вместе с Хо Куи Ли, позволял ему даже казнить членов династии, но экономических реформ не проводил. Третий период — с 1395 по 1400 г., когда развернулась при юных императорах Тхуан-тонге и Тхиеу-де бурная реформаторская деятельность Хо Куи Ли (Деоник Д. В. История Вьетнама. Ч. 1. — М., 1994. — С. 176).

⁶ Аннам — в VII в. Цзяочжи, провинция китайской империи получила новый статус «Общее управление Аньнань» (вьет. Аннам)

⁷ У вьетнамских императоров было несколько запретных имен. Одно — настоящее, которое тщательно скрывалось, другое — «ложное», для дипломатической переписки с Китаем. Хо Нгуен Чанг в этом тексте не называет настоящих имен вьетнамских императоров, он пользуется только «ложными», демонстрируя таким образом «верность» Вьетнаму и дому Чан.

умный, отстававший в развитии, следующий — Лок Тинь. Лок Тинь не успел еще подрасти, как Хиен-вьонг умер, не оставив наследника. И Кунг Тук, повинувшись приказу государя-отца, стал правителем, это был Зу-вьонг (император Чан Зу-тонг, годы правления: 1341–1369 — Е. К.). Пожаловали двух следующих сыновей Минь-вьонга: Кунг Тиня возвели в ранг *тхайуи*, а Кунг Диня сделали *татыонгкуок*.

Кунг Динь отличался преданностью, искренностью, честностью, почитал правителя, ухаживал за родителями, проявлял осторожность, старался никому не противоречить. С людьми он не сходилась слишком близко, но и не выказывал пренебрежения. В политических делах проявлял умеренность, не было ничего, что бы особенно ругал или хвалил.

Минь-вьонг умер, и Кунг Динь сохранял траур три года, глаза его не высыхали. Все это время он избегал носить одежду из пестрого шелка, во время еды отказывался от вкусных блюд, а манго, дельфинов, на Юге считавшихся особым лакомством, с тех пор и вовсе не брал в рот. Выказывал свое почтение государю Зу-вьонгу более десяти лет.

Когда Зу-вьонг, не оставив наследника, преждевременно скончался, высшие сановники, посоветовавшись, решили:

«Левый министр Кунг Динь хорош, но несправедливо старшему брату сменить на престоле младшего».

Тогда по распоряжению вдовствующей правительницы призвали на престол *вьонгов* сына Кунг Тука, чье имя было предано забвению⁸. Поскольку в то время Кунг Тук умер, его сын и стал государем. По настоянию придворных, *тхайуи* Кунг Тиня сделали *тхайте*, *татыонгкуок* Кунг Диня — *тхайши*, а его младшего брата Кунг Туена⁹ — *хыутыонгкуок*.

Сын Кунг Тука в детстве не хотел учиться, любил только гулять и бездельничать. Рассказывают, что его мать совершила прелюбодеяние с человеком из рода Зьонг, и после этого родился мальчик, которого сочли сыном Кунг Тука. Поэтому люди, принадлежавшие к правящему дому, презирали его.

Сын Кунг Тука взошел на престол, но соблюдал траур, не выказывая печали, поведение его во многом нарушало ритуал. Он возвысил и нанял на службу своих родственников, пренебрегал памятью дедушки, чем вызвал недовольство придворных.

Через год упрямцы из правящего дома устроили смуту. Сын Кунг Тука схватил их и казнил, замешанные в этом деле были погублены во множестве¹⁰. Правитель в тайне задумал хитрость, стремясь устранить известных людей из рода Чан.

⁸ После того, как Чан Зу-тонг умер, не оставив наследника, вдовствующая императрица повелела пригласить занять престол старшего сына Кунг Тука — Зьонг Нят Ле, годы правления: 1369–1370. Зьонг Нят Ле был сыном актрисы по имени Зьонг Кхьонг. Она часто играла роль матери правителя и отличалась редкой красотой. Кунг Тук похитил ее и сделал женой. В это время жатина уже была беременна. Когда Зьонг Нят Ле родился, Кунг Тук принял его за своего сына. Однако время от времени члены императорской семьи выказывали ему свое презрение.

⁹ Кунг Туен — одиннадцатый сын императора Чан Минь-тонга. Помогал Чан Нге-тонгу бороться с Зьонг Нят Ле, поэтому впоследствии тот уступил ему трон. Кунг Туен стал императором Чан Зюэ-тонгом, годы правления 1373–1377.

¹⁰ В 1370 г. несколько знатных людей привели своих сторонников в императорскую часть города, намереваясь убить Зьонг Нят Ле. Но тот перелез через стену и спрятался под мостом. Его никто не заметил, все вынуждены были вернуться. Утром на следующий день Зьонг Нят Ле вернулся во дворец, послал слуг схватить злоумышленников. Всего было убито восемнадцать человек.

Узнав, что первого министра убили прямо в собственном доме¹¹, *тхайши* Кунг Динь той же ночью тайно скрылся. Утром, на следующий день служившие при дворе люди бежали вместе с семьями. Столица опустела.

Кунг Динь сумел окольными тропами пробраться в приграничный район, где жили горные варвары. Он хотел покончить с собой, но приближенные удержали его. Варвары прятали главного наставника государя несколько месяцев, среди них он стал хорошо известен. Придворные старались разыскать его. Сын Кунг Тука послал солдат схватить беглеца, но все они перешли на сторону Кунг Диня. *Хыутыонгкуок*¹² принуждал чиновников просить Кунг Диня возвратиться, дабы окружение правителя было упорядочено. Но тот тихо плакал, отговариваясь:

«Вы, господа, рано вернулись в столицу, умело помогли просвещенному монарху прекратить смуту в городе и успокоить божества земли и урожая¹³, до самой смерти буду вам признателен. Я виноват перед правителем — скрылся, избежав смерти среди гор и лесов, но это — счастье для меня. Разве осмелюсь предстать перед государем? Прошу не настаивать».

Чиновники кричали и шумели не переставая, снова трижды умоляли, настаивали, подносили письмо, клялись скорее умереть, чем изменить свои намерения. Вновь и вновь прилагали усилия, побуждая Кунг Диня отправиться в дорогу, и, наконец, неся его на своих плечах, спустились с гор. Собралось множество людей, радостные возгласы достигали небес.

Когда Кунг Динь был в трехстах *ли* от столицы, почтенный военачальник Нгуен Нго Ланг посоветовал сыну Кунг Тука собственноручно написать о содеянном преступлении и отречься от престола, а также просить извинения. Кунг Динь наконец прибыл, и сын Кунг Тука пал ниц, молил простить вину. Кунг Динь тоже опустил на землю, обнял его и горько посетовал:

«Как такое допустил Верховный Владыка? Поистине, это несчастье для меня. Кто бы подумал, что наступит столь тяжелый день?»

Правый министр обнажил меч, громко закричал:

«Небо повелело наказать преступление! Провинившийся, к чему многословные речи? И как мог Кунг Динь из-за теплоты гуманности забыть о долге?»

Затем выругался, приказал военачальнику увести сына Кунг Тука, а чиновникам, ответственным за церемонию восхождения Кунг Диня на престол, велел поторопиться. Сына Кунг Тука низложили, присвоили титул *Хондык-конг*.

Государь вошел в столицу, посетил храм предков, заплакал и возвестил:

«Случившееся сегодня произошло без моего умысла. Только из-за алтаря божеств земли и урожая я не смог отказаться. Вопреки доводам верности, сыновней почтительности, в сердце моем существуют сомнения. Обещаю отказаться от блеска, связанного с моим положением, чтобы хоть как-то осуществить прежний замысел».

¹¹ Первый министр Нгуен Чак (Кунг Тинь), сын Чан Минь-тонга, был убит во время неудачной попытки устранить Зыонг Нят Ле.

¹² *Хыонгтыонгкуок* — т. е. Кунг Туен.

¹³ Алтарь божеств земли и урожая — в 1048 г. был воздвигнут храм земли и урожая у южных ворот Тханглонга, где четыре раза в году император лично совершал жертвоприношения для обеспечения своевременного дождя и большого урожая. Благополучие монарха, обусловленное его предками, отождествлялось с успехом сельскохозяйственных работ в стране. Император был верховным жрецом культа производящих сил земли и посредником между миром людей и небом, выполнял обряд ритуальной пахоты, присутствовал при жатве на священных полях. Алтарь божеств земли и урожая в переносном значении: родина.

Затем издал указ, запрещающий использование экипажей и одежды правителя, а также утвари, покрытой черным лаком, золота, драгоценностей, киновари. Продукты и вещи предписывалось экономить, как и раньше. Государь всю жизнь носил траур, несколько не изменился. Устранив смуту в столице, следовал прежним порядку и дисциплине, награждал и наказывал открыто, использовал мудрых и добродетельных. Правитель видел, что его сын не имел способностей, с трудом справлялся с делами. По прошествии года он передал престол *хыутыонгкуок* — своему младшему брату, чтобы совместно заниматься делами государства. Новым государем стал *Зюе-выонг*.

Пока в стране были беспорядки, Тямпа, пользуясь удобным случаем, много раз совершала набеги¹⁴. *Зюе-выонг* пребывал на троне уже три года, он лично возглавил поход против Тямпы, но потерпел сокрушительное поражение и не вернулся. *Нге-выонг* передал престол сыну *Зюе-выонга* — *Хиену* (император *Чан Фе-де*, годы правления: 1377–1388 — Е. К.). Через некоторое время *Хиен*, послушный лукавым чиновникам, свернул с пути добродетели. Беспokoясь о судьбе страны, *Нге-выонг* сверг его и, горько сетуя, низложил, присвоил титул *Линьдык-конг*. Затем он возвел на престол своего младшего сына — *Нгунга*, который стал *Тхуан-выонгом* (император *Чан Тхуан-тонг*, годы правления: 1388–1389 — Е. К.). Через семь лет государь-отец скончался. Это случилось в год *зяп-туан*, в двадцать седьмом году под девизом правления *Хун-у* (1394 — Е. К.). Он похоронен на горе *Иенсинь*, посмертное имя *Нге*.

Давным-давно, когда *Нге-выонг* был еще маленьким, не старше восьми-девяти лет, он сопровождал отца — *Минь-выонга*. *Нге-выонг* лег на лежанку с бамбуковой циновкой, а *Минь-выонг* захотел испытать его и повелел продекламировать стихи на эту тему. *Нге-выонг* экспромтом прочел:

*Есть замечательная госпожа,
Внутри пустая, снаружи сильная.
Если срежешь, заставишь прислуживать,
То боюсь, что причинишь вред
предназначению.*

Минь-выонг очень удивился, но сделал вид, что сердится.

«Это не годится, не надо записывать», — сказал он¹⁵. Затем приказал учителям не заниматься больше стихосложением.

Совершенномудрые говорили: «Небесная судьба имеет предзнаменование, никто не может воспрепятствовать». Впоследствии именно так и случилось. Став государем, *Нге-выонг* собрал сирот, оставшихся после смерти братьев и сестер, и воспитывал вместе с родными детьми. Близким и дальним родственникам покровительствовал, любил их. После беспорядков многие бедные люди не могли заключить брак, совершить обряд погребения, государь помогал им. Он вникал во все дела, интересуясь даже мелкими подробностями. Соседи жили в согласии, подобном весеннему теплу. Люди в стране изменились, нравы постепенно стали чистыми и искренними. Ну, до чего же был наделен мудростью правитель этих земель!

¹⁴ В XVI в. Дайвьет вел длительные войны с Тямпой. После того, как *Нге-тонг* передал власть *Зюе-тонгу*, тот занялся укреплением армии. Он выступал как военный лидер, сам ходил в походы. Большой поход против Тямпы был организован в 1386 г. под руководством *Зюе-тонга*, который погиб в бою в 1387 г.

¹⁵ Эти слова государя относятся к придворному историографу.

Растворение в небытии Чук Лама¹⁶

Третьего правителя из рода Чан звали Нян-выонг. После того, как передал трон наследному принцу, он ушел в монахи и стал вести праведную жизнь. Нян-выонг развил в себе мудрость, достиг освобождения и стал патриархом — наставником для всей страны. Он жил в скиту на вершине Тытиеу горы Иенты¹⁷, называл себя Чук Лам *дай ши*. Его старшая сестра по прозванию Тхиен Тхюи совершила много ошибок на женском пути. Находясь на вершине Тытиеу, *дай ши* услышал, что сестра больна и вот-вот умрет. Он спустился вниз, посетил ее, сказал:

«Если время придет, и ты уйдешь, а в царстве мертвых будут о чем-либо спрашивать, то отвечай: подождите немного, до того, как придет мой младший брат Чук Лам *дай ши*».

Договорив, вернулся в горы. Через несколько дней пришел в скит, оставил ученикам наставления о последующих делах, спокойно сел и перевоплотился. Тхиен Тхюи умерла в тот же день.

Дух предка решил судьбу

Когда Нян-выонг умер, его сын — Ань-выонг (император Чан Ань-тонг, годы правления: 1293—1314 — Е. К.) еще не имел наследника. У него были только дети от наложниц, поэтому он хотел дождаться рождения сына от главной жены, тогда и решить дело о наследовании.

После сожжения трупа, когда запечатывали кости, дети и внуки, стоявшие вокруг, воздали почести. Вдруг частица мошей, распространяя сияние, влетела в рукав младшего внука Нян-выонга. Она то показывалась, то исчезала. Увидев это, Ань-выонг поклонился и сказал:

«Разве я осмелюсь не подчиниться приказу?»

И тогда принял решение. Вскоре он сделал наследным принцем сына наложницы. Впоследствии главная жена родила мальчика, но не сумела выкормить. В конце концов, сын наложницы взшел на престол, это был Минь-выонг.

Добродетельный непременно займет подходящее место

Минь-выонг уже пребывал на троне некоторое время, когда у главной жены его отца — Ань-выонга родился сын. Через год наступило время празднования дня рождения ребенка. Ань-выонг инспектировал границы, а все семейные дела решал Минь-выонг. Придворные осведомились о распоряжениях по поводу дня рождения. Минь-выонг велел отметить его в соответствии с ритуалом праздни-

¹⁶ Чук Лам — монашеское имя императора Чан Нян-тонга. Во время его правления было отражено нашествие монголов. После победы уступил престол сыну и ушел в монахи. Чан Нян-тонг — основатель и первый патриарх влиятельной буддийской секты Чуклам (Бамбуковая Роша). Обладал поэтическим даром, в настоящее время многие из его стихов утрачены.

¹⁷ Гора Иенты — центр школы Чуклам, полное название этой школы — Чуклам Иентытхиен — школа Чуклам с горы Иенты в рамках буддизма тхиен.

ния дня рождения наследного принца. Сановники сочли это затруднительным: ведь государь-отец уже передал престол. Правитель сказал:

«Что вызывает у вас опасения? Раньше законный наследник еще не родился, поэтому я временно занимал это место. Сейчас он появился на свет. Я дождусь, пока мальчик вырастет, и передам ему трон. Не вижу ничего сложного!»

«В прежние времена такое же дело привело ко многим опасностям, просим все тщательно обдумать», — возразили придворные.

Государь отвечал:

«Надо следовать долгу, и тогда уж не размышлять о покое и опасностях».

В конце концов, церемонию празднования дня рождения осуществили в соответствии с ритуалом, предназначенным для наследного принца. Спустя год мальчик умер, государь бесконечно горевал. Совершенные мужи сочли, что Минь-выонг искренен сердцем, не побоялся подвергнуть себя опасности, и благая сила его уступчивости будет сиять с древности до наших дней. В летописи сказано: «Добродетельный непременно займет подобающее место». Не правда ли, подходит для этого случая?

Добродетельная и проницательная госпожа

Главная жена Чан Зюе-выонга происходила из рода Ле, она была матерью *Линьдыка*¹⁸.

Раньше, после того, как Зюе-выонг ушел в поход и не вернулся, госпожа остригла волосы и стала монахиней. Когда Нге-выонг избрал *Линьдыка* наследником престола, она прилагала все усилия, чтобы кто-то другой заменил его. Но все оказалось безуспешно. Госпожа лила слезы и сетовала своим близким:

«Благополучие моего сына непрочное, ему трудно будет справиться с высокими обязанностями, попадет в беду и только. Покойный государь уже покинул мир. Я еще жива, но лишь хочу умереть вслед за мужем, и не видеть мирских дел. Да еще сына скоро постигнет несчастье, не так ли?»

Затем полностью погрузилась в монашескую жизнь, целыми днями молилась, чтобы воздать за милость покойному государю. Через пять-шесть лет госпожа умерла. Тело ее сожгли, совершили все положенные церемонии, и она достигла нирваны. Впоследствии, когда *Линьдыка* низложили, все люди поразились ее предвидению и тому, как госпожа правильно предчувствовала государственные дела. Жизнь госпожи могла служить образцом супружеского поведения. И в монастыре она отличалась глубиной, кто тут не выразит скорбь и похвалу? В прежние времена многие женщины из дома Чан славились своей добродетелью. Но это госпожа, родившаяся после, сумела их превзойти. Разве не в этом ее величие?

Услышав о смерти, испустила дух

Дочь Чан Тхай-выонга (император Чан Тхай-тонг, годы правления: 1225—1258 — Е. К.) имела прозвание Тхиеу Зыонг. Когда она родила, государь болел уже месяц. Много раз госпожа посылала слуг осведомиться о его здоровье, но приближенные обманывали ее, говоря:

¹⁸ *Линьдык* — титул императора Чан Фе-де, присвоенный ему после того, как его низложили.

«Правитель уже поправился, больше беспокоиться не о чем».

В день кончины Тхай-вюнга его дочь вдруг услышала звон колокола, тотчас спросила:

«Случилось какое-то несчастье?»

Ее опять обманули, но госпожа не поверила, рыдала так, что оборвалось дыхание, закрылись глаза, и она умерла.

Решительность и прямота Ван Чиня

Тю Ан¹⁹, имевший псевдоним Тиеу Ан, был родом из Тхыонгфука, что в Зяоти²⁰. Характер имел честный и прямой. Дома любил читать книги, достиг учености, слава о нем разнеслась повсюду. Учеников приходило столько, что они толпились в дверях. Многие из них впоследствии выдержали экзамены и стали видными сановниками. Тю Ан — человек спокойный и желавший малого — не сдавал экзамены.

В годы под девизом правления *Чжи-юань* (1335–1340 — Е. К.) государь Чан Минь-вюнг пригласил Тю Ана в столицу, пожаловал должность *куокты тынгиеп* и повелел разъяснять наследному принцу канонические книги. Вскоре Тю Ан занял должность *тхайхок тетыу*.

Когда Минь-вюнг умер, его сын — Зу-вюнг стал часто предаваться кутежам и забывать о государственных делах. Всесильные чиновники множили неправые поступки. Осуждая их, Тю Ан много раз подавал доклады на высочайшее имя, но государь не пожелал прислушаться. Тогда Тю Ан поднес доклад, предлагая обезглавить семерых недостойных придворных, все они были могущественными сановниками. «Доклад о казни семерых» — так его называли современники. Он также остался без ответа. Тю Ан отказался от службы и вернулся в деревню. После того, как Зу-вюнг умер, в стране началась смута. Сановники призвали Нге-вюнга, и он вззошел на престол. Услышав эту новость, Тю Ан обрадовался и, опираясь на посох, пришел в столицу, чтобы получить высочайшую аудиенцию. Но вскоре он попросил отпустить его обратно в деревню. Под предлогом того, что он стар, болен и слаб, Тю Ан не принял должность и титул. Государь даровал ему почетное прозвание «Наставник Ван Чинь» и устроил торжественные проводы. По прошествии долгого времени, Тю Ан умер у себя дома. Все столичные жители восхищались его высокими достоинствами, не было никого, кто бы не сожалел о нем.

Прежде среди учеников Тю Ана был человек, который занял высокий пост. После смерти своего учителя, он навестил его дом, упал ниц перед его лежанкой. Перед уходом чиновнику удалось немного побеседовать о наставнике, и это доставило ему радость. Тех, кто совершал скверные поступки, Тю Ан бранил и всячески порицал, случалось даже не допускать в свой дом. Чистота, суровая справедливость обеспечили ему славу при жизни. Достоинства Тю Ана приводили в трепет. О, сколь он был добродетелен!

¹⁹ Тю Ан — Тю Ван Ан (?–1370 г.), известный сановник, историк, поэт, наставник.

²⁰ Зяоти — в 111–110 гг. до н. э. территория Намвьета — Аулака в соответствии с административным устройством империи Хань была разделена на области и уезды. Всего было выделено девять областей, которые образовали административное управление Зяоти (кит. Цзяочжи). Наименование всему административному управлению был дано по названию области Зяоти, включавшей район дельты Красной реки.

Искусный в медицине и сердечный

Моего предка со стороны матери звали Фам Конг, посмертное имя его было Бан и происходил он из семьи лекарей. Фам Конг служил Чан Ань-выонгу, который пожаловал ему должность *тхайи*. Старец тратил все свои деньги на хорошие лекарства и продовольствие. Больных сирот и бедняков он оставлял у себя дома, лечил и кормил. У некоторых кровь и гной так и сочились через повязки. Старец не испытывал отвращения и не избегал таких больных. Люди приходили к нему в надежде на исцеление, затем, выздоровев, уходили. Лежанка для недужных никогда не пустовала.

Вдруг несколько лет подряд случался неурожай, начался голод, свирепствовали эпидемии. Старец построил дом для бедных, многие голодные, больные, числом больше тысячи, спаслись благодаря этому. Известность старца среди современников была велика.

Однажды в дверь постучался человек и умоляюще обратился к старцу:

«У меня в доме у жены вдруг полилась кровь, лицо ее побледнело».

Старец выслушал, поспешил вслед за ним. Только вышли за дверь, встретили посланца государя, сказавшего:

«Во дворце у знатного сановника приступ лихорадки, правитель повелевает явиться».

Старец отвечал:

«Болезнь эта не требует спешного вмешательства. Сейчас же есть женщина, чью судьбу могут решить мгновения. Позвольте мне попытаться ее спасти, после этого сразу пойду во дворец».

Гонец рассердился:

«Разве можно так себя вести, если есть долг подданного? Вы хотите спасти жизнь какой-то женщине, а собственная судьба вас не волнует?»

«Поистине я виноват, — сказал старец. — Не знаю, как и поступить. Той женщине не на что больше надеяться. Если я не помогу ей, она умрет. Что же касается моей жизни, то уповаю на государя, вдруг он смилостивится и избавит меня от смерти».

Затем старец пошел к больной женщине, разумеется, она поправилась. Вскоре старец получил аудиенцию у правителя. Государь упрекнул его. Лекарь принес извинения, все чистосердечно рассказал. Правитель обрадовался:

«Ты не только искусен в медицине, но и гуманен сердцем. Заботясь о своих детях, предаю их на твое попечение».

Впоследствии два-три внука старца стали хорошими врачами, они были придворными медиками четвертого-пятого ранга. Современники хвалили их за то, что они не дали пропасть наследственной профессии.

Непостижимые храбрость и сила

В Аннаме во времена правления рода Ли (династия Ли правила в 1010—1225 — Е. К.) жил человек по имени Ле Фунг Хиеу. Он был уроженцем Тханьхоа, отличался необычайной внешностью, ел и пил за десятерых. В возрасте двенадцати-тринадцати лет ростом был в семь *сипь*.

Вдруг враги перешли границу, многих ограбили, других увели с собой. Жители в деревнях испугались, не знали, как и поступить. Фунг Хиеу сказал родителям, что не следует бежать вслед за другими. Нужно лишь приготовить по-настоящему много риса, чтобы их сын наелся досыта, и тогда победить врагов и спасти людей будет так же легко, как повернуть руку. Поев, Фунг Хиеу взял короткий меч, который в народе называют «сечкой», срубил дерево и сделал палицу. Он набросился на неприятеля, разбил его, обратил в бегство и освободил больше тысячи человек, захваченных в ближайших деревнях. Правитель из дома Ли наградил его, пожаловал должности и титулы. Фунг Хиеу их не принял, попросил только выделить участок земли, чтобы добывать себе пищу, занимаясь земледелием. Когда сановники при дворе обсуждали, сколько земли нужно выделить, Фунг Хиеу сказал:

«Я победил врагов с помощью меча, прошу разрешения бросить его, куда упадет, там и будет граница моих владений».

Сановники согласились. Меч упал на удалении более десяти *ли*, все эти земли были отданы Фунг Хиеу. И впоследствии, когда человеку за доблесть жаловали землю, ее называли «добытое мечом поле». Правитель решил сделать Фунг Хиеу главнокомандующим. Но тот, сославшись на отсутствие таланта, отказался, и выразил желание жить в деревне. Если же опять начнется война, Фунг Хиеу просил доверить ему передовой отряд, он разобьет врагов и отблагодарит за оказанные ему милости.

Прошло более десяти с лишним лет, правитель призвал Фунг Хиеу и поставил его во главе передового отряда. Тот, взяв с собой человек десять, разбил вражеские войска, численностью превышавшие десять тысяч воинов. Ему пожаловали титул *увиеи тыонгкуан*, затем он вернулся в деревню. Фунг Хиеу закончил свою жизнь в кругу семьи в преклонном возрасте.

Муж и жена погибли ради долга

В год *динь-хой* под девизом правления *Юн-лэ* (1407 — Е. К.), когда великая армия усмиряла Зяоти, один из высокопоставленных сановников по имени Нго Миен прыгнул в воду, покончив с собой. Его жена, которую звали Нгуен, подняв лицо к небу, произнесла:

«Муж служил правителю, получал жалование, от среднего чиновника поднялся до высших должностей в государстве. Сейчас из-за своей душевной чистоты умер, так и должно быть, что тут роптать? Если я захочу любой ценой сохранить себе жизнь, разве я не смогу этого сделать? Но долг перед мужем, благодарность правителю за милости накладывают на меня обязательства, не смею нарушить их. Умираю, следуя им».

Сказав, тоже бросилась в воду и утонула. Увы! Жертвовать собой ради долга — то, что должен делать сановник. Но кое-кого это может затруднить. С древности до наших дней редко слышал о сановниках, так и поступивших. Нго Миен был добродетельный муж, не так ли? Что же касается Нгуен, то женщина, бывшая в опасности, продемонстрировала большую нравственную чистоту. Узнав о смерти мужа, она не колебалась, смогла, поставив на первое место долг, пренебречь своей жизнью. Нгуен смотрела на смерть как на возвращение, разве ее нельзя назвать мудрой женщиной? Глупых жен-

щин, которые в припадке злобы предпочитают утопиться, довольно много. Пожертвовать собой ради долга очень нелегко. Воистину, подобные Нгуен заслуживают похвалы.

Буддийский монах и даос изгоняют духа

Во времена государей из рода Ли бесы прятались за дворцовыми балками, все время кричали и плакали, и так изо дня в день. Когда правил второй государь (император Ли Тхай-тонг, годы правления: 1028-1054 — Е. К.) известный монах Зяк Хай²¹ и даос Тхонг Хюйен пришли изгнать их. Зяк Хай взял несколько жемчужин, постучал по коньку крыши, плач утих. Тхонг Хюйен гонгом ударил по колонне. Вдруг увидели огромную руку, высунувшуюся из-за балки. Рука держала змею, потом кинула ее на землю, бесовщина исчезла. Правитель экспромтом сказал:

*Сердце Зяк Хая²² напоминает море,
Путь Тхонг Хюйена еще более непостижим.
Проникая в сакральную сферу, обладает даром превращений
Он может стать и буддой и даосским небожителем.²³*

Прошение, оказавшееся действительным

В Зяоти в храме Тхайтхань был даос по имени Дао Тхам. В один из годов под девизом правления *Чжи-юань* императора Ши-цзу династии Юань²⁴ он совершал церемонию моления богов о ниспослании потомства Чан Тхай-вюонгу. Когда дочитал до конца, Дао Тхам доложил правителю:

«Верховный Владыка принял прошение, он пошлет мальчика Тиеу Вана, и тот возродится во дворце правителя. Тиеу Ван пробудет здесь четыре срока (один срок (*ки*) равен двенадцати годам — Е. К.)».

²¹ Зяк Хай — Нгуен Зяк Хай (?–?) уроженец деревни Хайтхань, в молодости был рыбаком. В двадцать пять лет оставил это занятие, пришел в пагоду Хачать и обратился к буддизму. Императоры династии Ли с уважением относились к Нгуен Зяк Хаю, Ли Нян-тонг доверял ему, считал наставником, когда бывал в деревне Хайтхань, навещал его. Ли Тхан-тонг много раз приглашал Нгуен Зяк Хая ко двору, но тот уклонялся. Нгуен Зяк Хай обладал поэтическим даром, до наших дней дошло несколько его стихов.

²² Игра слов: для характеристик персонажей автор употребил те же иероглифы, из которых состоял их имена. Иероглиф *хай* означает «море» и входит в имя буддийского монаха Зяк Хая. Иероглиф *хюйен* означает «тайный, непостижимый» и выключен в имя даоса Тхонг Хюйена.

²³ Автор этого стихотворения — император Ли Нян-тонг, годы правления 1072–1128. Хо Нгуен Чанг ошибочно приписал его Ли Тхай-тонгу. Возможен другой, также допустимый перевод этого стихотворения, он приведен в «Описании удивительного земель, расположенных к югу от гор» в рассказе «История Зыонг Кхонг Ло и Нгуен Зяк Хая».

²⁴ Годы правления под девизом *Чжи-юань* императора Ши-цзу династии Юань — 1263–1294. В рассказе имеется в виду Чан Нят Зуат, шестой сын императора Чан Тхай-тонга. Он родился в 1254 г., Хо Нгуен Чынг ошибочно приписал это событие одному из годов под девизом правления *Чжи-юань*.

Вскоре императрица забеременела, и, разумеется, у нее родился сын. На обоих плечах у него виднелись иероглифы «Мальчик Тиеу Ван». Ребенок подрос, таланты его ярко проявились, и он взял себе псевдоним Тиеу Ван. Когда Тиеу Ван стал взрослым, иероглифы у него на теле пропали. Достигнув возраста сорока восьми лет, он занемог. Болезнь длилась уже больше месяца. Дети его постились, молили Верховного Владыку продлить жизнь отца в ущерб собственному долголетию. Дочитав до конца прошение, даос встал и сказал:

«Верховный Владыка рассмотрел просьбу и рассмеялся: «Откуда такая привязанность к земному миру, что хочет оставаться в нем так долго? Ну ладно, сыновья почтительность его детей столь велика, что можно оставить еще на один срок».

Болезнь Тиеу Вана тотчас прошла, и, конечно, он прожил еще двенадцать лет.

Совершенный человек, успокаивающий волны

Во времена сунского Жэнь-цзуна (годы правления: 1023–1063 — Е. К.) правитель Аннама из рода Ли повел флот против Тямпы²⁵. Когда достигли порта Тхандау, поднялись ветер и волны, выйти в море было нельзя. Услышав, что поблизости в горах живет в скиту даос, правитель послал слугу пригласить его прийти вознести молитвы. Явившись, даос сказал:

«Государь сам обладает счастливыми силами, я же с трудом сохраняю свой покой. Завтра отправляйтесь в путь и ничего не опасайтесь».

Ночью ветер утих. Утром, когда вышли в море, вдалеке увидели огромные, словно горы, волны. Там, где проплывали суда, волны и ветер стихали. Вдруг появился даос, он шел по воде, появляясь то сзади, то спереди, и виден был очень отчетливо. Однако приблизиться к нему не удавалось.

На обратном пути, когда достигли горы Тхандау, даос вышел их встретить. Государь обрадовался, принялся благодарить. Даос сказал:

«Я знал, что правитель обладает счастливым могуществом, мне не о чем было беспокоиться. Все случилось благодаря помощи духов, а совсем не из-за меня».

Правитель приказал расспросить местных жителей, те поведали:

«Даоса долго не видели в скиту, должно быть, он собирал лекарства».

Государь очень удивился, пожаловал даосу прозвание «Совершенный человек, успокаивающий волны», а также много золота, риса, но тот ничего не принял. После этого даос ушел в горы и скрылся неизвестно где.

Совершенный человек происходил из рода Ла, имя не сохранилось, люди называли его «Успокаивающий волны». В молодости оставил жену и детей, чтобы познать *дао*. Одного из потомков совершенного человека звали Ла Ту. Он выдержал дворцовые экзамены, служил во времена Чан Нге-*вюнга*, занимал должность *тхамхинь виенши*, затем умер. Я знал этого человека.

²⁵ В 1044 г. под руководством Ли Тхай-тонга вьеты высадились возле столицы Тямпы Виджайи. В бою тямпы потерпели поражение, а их король Джайя Симхаварман Второй погиб, жена его была увезена в Тханглонг.

Чудеса Минь Кхонга

В землях Зяоти, в деревне Зяотхюи была пагода Кхонгло. Давным-давно жил монах из рода Нгуен по имени Минь Кхонг²⁶. В один из годов под девизом правления *Чжи-пин* династии Сун (1064–1066 — Е. К.) он покинул семью и поселился в этой пагоде. Монах вел добродетельную жизнь и вскоре стал очень известен.

Однажды, когда Минь Кхонг вернулся, живший с ним монах²⁷ в шутку спрятался за дверь. Затем он выпрыгнул, зарычал по-тигриному, стараясь напугать Минь Кхонга. Тот рассмеялся:

«Ты уже ушел в монахи, хочешь еще и тигром стать? Я должен тебя спасти!»

Через год монах умер. А у *куок-вюнга* из рода Ли как раз родился наследный принц. Когда ему исполнилось двадцать лет, он вдруг покрылся шерстью, прыгал и ревел, голова его постепенно превращалась в тигриную. Государь к кому только не обращался: врачи, колдуны, монахи, даосы — все разводили руками, не в силах чем-либо помочь. Прослышав, что Минь Кхонг обладает чудесными умениями, правитель снарядил судно, желая пригласить его. Минь Кхонг взял маленький котелок с вареным рисом и предложил матросам. Посланец улыбнулся и сказал:

«Моряков у меня много, пищи у них достаточно, не стоит затруднять себя».

«Мне совсем не в тягость. Пусть все немного поедят, тогда и увидят мое хорошее отношение», — отвечал Минь Кхонг.

Сорок-пятьдесят человек положили себе полные чашки, а рис в котелке даже не убавился. Все очень удивились. Вечером, когда поднялись на судно, монах посоветовал посланцу и морякам поспать.

«Подождем, пока взойдет луна, я вас разбужу, тогда и отправимся в путь. Если же откажетесь, я и вовсе не поеду».

Посланец хотел отплыть немедленно, но Минь Кхонг не согласился. Моряки были вынуждены лечь на дно судна и притвориться спящими. Они чувствовали, как их обдувал холодный ветер. Луна взошла, Минь Кхонг разбудил людей — а лодка была уже на пристани в столице, позади осталось более трехсот *ли*.

Минь Кхонг подпрыгнул в воздухе и оказался во дворце. Он приготовил отвар, чтобы омыть наследного принца. Где касались его руки, там шерсть пропала, тело постепенно заживало. Государь спросил о причине болезни. Минь Кхонг с почтением ответил:

«Когда принц был монахом, у него появилась одна неверная мысль. Заблуждение надо смыть, и это совсем не трудно».

«Можно ли, проникая в сакральную сферу, ходить в пустоте?» — поинтересовался правитель.

²⁶ Нгуен Минь Кхонг — настоящее имя Нгуен Ти Тхань, Минь Кхонг — псевдоним, умер в 1141 г. Монах школы *тхиен*, последователь Винитаручи. Иногда именовался Кхонг Ло (некогда жил в пагоде Кхонгло). Под именем Кхонг Ло известен также и другой монах школы *тхиен* — Зьюнг Кхонг Ло, умер в 1120 г. В юности он был рыбаком, во времена Ли Тхан-тонга жил в пагоде Хачать с монахом Зяк Хаем. Последователь школы, основанной Во Нгон Тхонгом.

²⁷ Хо Нгуен Чанг не уточняет имя монаха. Согласно же, например, сборнику «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» (XV в.) это был Ты Дао Хань (?–1117), буддийский монах, реальная историческая личность.

«Я давно обладаю этим искусством. Когда это обнаружилось, не ведал сущности десяти тысяч вещей, не знал, что является пустотой, но мог идти по воздуху, куда глаза глядят. Так что проникновение в сакральную сферу здесь ни при чем!»

Минь Кхонг пошел по воздуху и вернулся. Подарки не принял. Правитель пожаловал ему прозвание «Чудесный монах». Двумя иероглифами *Кхонг ло* — «Путь в пустоте» назвали пагоду, где он жил. Наследный принц впоследствии стал правителем, это был Тхан-выонг.

Во сне излечил болезнь

В пагоде Донгшон жил монах по имени Куан Виен. Он дал обет воздержания, отличался безупречным поведением, обладал достаточной мудростью, чтобы всесторонне растолковать буддийское учение и сгладить противоречия. Куан Виен несколько десятков лет не спускался с гор.

У Чан Ань-выонга больше месяца болели глаза. Лекарства не помогали, боль не стихала ни днем, ни ночью. Вдруг во сне увидел монаха, который потер глаза рукой. Правитель спросил, откуда он и как его имя. Тот ответил:

«Я — Куан Виен, явился спасти глаза правителя».

Когда Чан Ань-выонг проснулся, недомогание исчезло, через несколько дней окончательно выздоровел. Он расспросил среди монахов, и оказалось, что человек по имени Куан Виен живет в пагоде Донгшон. Государь повелел пригласить его. Куан Виен был точь в точь похож на монаха, увиденного во сне. Чан Ань-выонг очень удивился, пожаловал звание *куокши*, щедро наградил. Куан Виен все роздал, себе не оставил и монетки, в монашеском платье вернулся в горы, как будто ничего не произошло. Затем он отправился странствовать. Куан Виен пересек горы и реки, побывал в различных областях, уездах, деревнях. Всякий раз, когда попадались зловредные духи, изгонял их, а кумирни разрушал. Встречал Куан Виен и влиятельных, великих духов, являвшихся людям наяву или во сне. Если в том была надобность, он предостерегал их, уменьшал жертвоприношения, заставлял защищать народ. Никто из духов не осмеливался ему перечить. Последующие поколения тоже с благодарностью вспоминали монаха.

Добротельная монахиня

Монахиню из Тханьльонга звали Фам. Она происходила из семьи потомственных чиновников в Зяоти, ушла из дома, жила в скиту на горе Тханьльонг. Фам вела аскетический образ жизни, своею мудростью старалась постичь учение. Обычно она сидела, погружившись в созерцание, внешностью напоминала архата²⁸. Повсюду буддийские монахи знали о ней и питали большое почтение. Фам прославилась, ее стали считать монахиней — основоположницей в этой стране. Известность ее не уступала славе именитых монахов. В один из годов под девизом правления Хун-у (1368–1398 — Е. К.) Чан Нге-выонг пожаловал ей почетное прозвание Туе Тхонг *дай ши*.

²⁸ Архат — в буддизме хинаяны существо, достигшее «освобождения» (нирваны) от цепи перерождений (сансары).

В старости Фам переселилась в Донгшон. Однажды она возвестила ученикам: «Я хочу, чтобы тигры и шакалы утолили голод этим призрачным телом».

Монахиня уселась в глухих горах и не принимала пищу три раза по семь дней. Тигры и шакалы приходили ежедневно, располагались вокруг, но совсем приблизиться не осмеливались. Наконец ученики упростили ее вернуться. Фам затворила дверь, вошла в созерцательное состояние и пребывала в нем все лето. Затем она собрала последователей, дабы разъяснить учение, но внезапно сидя умерла. Монахине тогда уже было больше восьмидесяти лет. Когда сожгли, осталось много мошей. В честь нее построили ступу у подножия горы.

Раньше Фам наказывала ученикам:

«Когда я уйду, разделите мои кости. Если растереть их с водой и дать умыться больному, то недуг пройдет».

Такое время настало, но последователи не смогли договориться и сложили мощи в коробку. Прошла ночь, и оказалось, что кость предплечья лежит на столе, рядом с коробкой. Такие чудеса удивили всех.

Впоследствии, когда люди приходили и молили помочь, ученики Фам растирали кости, смешивали их с водой. Больному достаточно было умыться, и хворь исчезала. Завет монахини исполнился.

Сопереживая, стал ходить пешком

Дао Тай, внук Чан Тхай-вюнга, имевший псевдоним Ван Тук, был учеником Нянь-вюнга. С детства прославился талантами, в четырнадцать лет принял участие в конкурсных экзаменах и получил высшую степень. Нянь-вюнг его очень ценил, хотел назначить на высокий пост. К несчастью, Дао Тай рано умер и не успел стать министром.

С тех пор, как Нянь-вюнг ушел в монахи, и стал вести аскетический образ жизни, Ван Тук ходил только пешком. Он говорил:

«Государь странствует среди гор и рек, я не смог отправиться вслед за ним. Какое же сердце надо иметь, чтобы ездить в повозке или на лошади?»

На протяжении жизни Ван Тук так и не изменился.

Как-то раз Нянь-вюнг вернулся в город. Ван Тук явился на аудиенцию. Государь велел поварам подать блюда из морской живности, беседовал со всеми, весело улыбаясь. Подумав, он продекламировал:

*Красная влажная ободранная лапа черепахи,
Золотистые ароматные поджаренные яства.
Горный монах соблюдает воздержание,
Сидит вместе со всеми, но не принимает участие в трапезе.*

Когда правитель и подданный, старший и младший братья так соответствуют друг другу, поистине почувствуешь волнение.

Образцы стихов с повторяющимися иероглифами

Второй правитель из дома Чан — Тхань-вюнг, когда окончательно передал трон наследному принцу, в конце жизни несколько лет отдыхал. Ему предста-

вился случай посетить родную деревню в Тхиенчюнге, он сочинил по этому поводу стихи:

*Светом залито все, темные предметы также освещены.
Мои родные места — это один материк из десяти материков
бессмертных.
В ста местах звучат флейты, птицы поют на сто голосов.
В тысячу рядов стоят слуги у тысячи
деревьев.
Сейчас луна не удосуживается светить, поскольку у людей
не накопилось дел.
Вода наполнена осенью, и в небе сквозит осенний дух.
В пределах четырех морей все спокойно, и пыль лежит
на месте.
В этом году я прогуливаюсь по тем местам, где гулял
в прежние годы.²⁹*

Строки наверняка написаны после двух сражений с армиями династии Юань (1271–1368 — Е. К.), в стране царило спокойствие, поэтому мысли соединялись таким образом. Стихи выражают мысли ясные, высокие. Повторяющиеся иероглифы вызывают много созвучий. Неопытный в создании стихов, разве может так написать! К тому же, характер он имел возвышенный, от рождения был богатый и знатный. Интересы государственного мужа и обычного человека различны!

Помысли стихов, светлых и оригинальных

У Чук Лам *дай ши*³⁰ в «Стихах, воспевающих сливу», сказано:

*Увявшие цветы, затоптанные стебли растений.
Кораллы видны сквозь водную гладь, в море мелькает тень
плывущей рыбы.
Три зимних месяца, белые ветки перед лицом,
И вот ясно различимый аромат начинающейся весны.
Сладкая роса скоро застынет, глупая бабочка проснулась.
Ночью свет луны, как вода, надеюсь, что птицы выразят
тоску.
Чан Э³¹ как будто знает, где находится красота цветов,
Вот-вот придет, покинув коричневое дерево, холодную жабу,
стужу.³²*

Чистота, свежесть, мощь далеко превосходят здесь обычные образцы. Сановник, имеющий тысячу колесниц³³, чувствует такое воодушевление. Кто

²⁹ Нго Ши Лиен, также, как и Хо Нгуен Чынг, называет автором стихов Чан Тхань-тонга, тогда как Фан Фу Тиен в «Сборнике стихов вьетского звучания» приписывает их Чан Нян-тонгу.

³⁰ Чук Лам *дай ши* — монашеское имя императора Чан Нян-тонга.

³¹ Согласно китайским мифологическим представлениям, Чан Э, жена стрелка И, приняв эликсир бессмертия, очутилась на луне.

³² Юань Кэ приводит такую цитату из «Мелких записей из Юяна»: «В древности говорили, что на луне растет коричневое дерево и живет жаба» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая. — М., 1965. — С. 392).

³³ По чжоуским представлениям, император — сын неба имел в своем распоряжении десять тысяч колесниц, князь-вассал — тысячу колесниц.

говорил, что когда люди бедствуют, их стихи становятся более мастерскими? Еще есть два четверостишия из стихов «Радуюсь половодью в горах»:

*Кто связал, через что надо пройти, где искать освобождения
от пут?
Отличному от других, как можно непременно отыскать
небожителя?
Досуг обезьяны, усталость лошади — человек становится
старым.
Только одно учение тхиен³⁴ позволяет достичь облаков.
Мысли о правде и лжи, успех при дворе — словно
увядающие цветы.
Сердце, имеющее славу и удачу, соперживает ночному
дождю зимой.
Цветы исчезли, дождь прекратился, в горах тишина.
Птицы кричат, еще одна весна кончается.*

Здесь есть чрезвычайная чистота, огромная пустота одного цвета, скорбные чувства отчетливо видны. Существует «Сборник благоговейного перед просветлением»³⁵, включает очень много интересных стихов. К несчастью, в этих землях случаются войны, пожары, сведения не передаются по наследству, я припомнил пару отрывков и только. Увы, как это достойно сожаления!

Жил честно и умер спокойно

Фам Нго и Фам Май происходили из рода Тюк. Они были уроженцами Линяна, что в Зяоти. Старшего брата звали Киен, младшего — Ко, оба в молодости сдали экзамены на высокую степень, прославились талантами. В один из годов под девизом правления *Чжи-чжэн* (1341–1352 — Е. К.) стали чиновниками при дворе Чан Минь-выонга³⁶, он доверял им высокие посты. Государь припомнил, что род Тюк издавна не мог похвастаться преуспевающими людьми, поэтому изменил фамилию: Тюк Киен стал Фам Нго, а Ко — Фам Май³⁷.

Тесть государя занимал должность *тхьонгте* и держал в своих руках всю власть в стране. Он внушал Чан Минь-выонгу подозрения, к тому же не раз ссорился с сановником *тетяп*. Злокозненные враги обвинили его в измене и оклеветали перед правителем. Собрался государственный совет из ста чиновников — все осуждали проступок тестя и предлагали его казнить. Только Фам Май, находившийся в то время на посту *нгыши чунгтхыа*, просил, не спеша, разобраться и призывал проявить осмотрительность. Однако тестя схватили. Его родственников, приближенных, слуг заключили под стражу и казнили. Погибло много людей. Май несколько раз подавал прошения,

³⁴ Учение *тхиен* (*дхьяна*, кит. *чань*) — одно из направлений в буддизме.

³⁵ «Сборник благоговейного перед просветлением» — утраченное сочинение императора Чан Нян-тонга.

³⁶ Фам Нго и Фам Май были чиновниками при дворе императора Чан Минь-тонга (годы правления: 1314–1329). Здесь автор допустил хронологическую ошибку, т. к. годы под девизом правления *Чжи-чжэн* (1341–1352) были позднее, чем правление Чан Минь-тонга.

³⁷ Нго Ши Лиен сообщает, что старшим был Фам Май, а младшим — Фам Нго.

пытаясь воспрепятствовать. Он спорил, не жалея сил, вспоминал давние обиды, которые могли послужить причиной навета. Даже гнев правителя его не останавливал. Тесть все же был казнен. Впоследствии правда обнаружилась, и клеветников схватили. Сконфуженный и оробевший государь посмертно присвоил своему тестю высокие титулы, а Маю он посвятил такие стихи:

*Уже давно возле Вороньей башни³⁸ тишина, не слышно ни звука.
Распутать дворцовые интриги — нелегкое дело.
Во дворце витает дух непокорности, как у тигров и коршунов.
Мужчину, сумевшего проникнуть в преступные замыслы, поистине
можно назвать доблестным.*

Чан Минь-вьонг пожаловал Маю должность *тхамчи тиньши*. Много лет работая в правительстве, Фам Май приобрел известность. Однажды, заболев, он взял кисть и написал стихи:

*С тех пор, как был сослан в земной мир,
Более шестидесяти лет пролетело, как один миг.
И вот я перед башней Белой Яшмы³⁹ — осень, ночь, светит луна.
Прибыв к небесному двору, обопрусь, как и прежде, о перила
балкона.*

Затем кисть выпала из его руки, и Май умер. Написанный им «Сборник стихов Кинь Кхе» пользовался популярностью.

Нго тоже был неподкупный человек, искусный в литературе, слава его не уступала известности младшего брата. Стал чиновником *тхамхинь виенши*, вскоре умер.

Стихи, в которых преданный подданный иносказательно убеждал

В один из годов под девизом правления *Чжи-чжэн* (1341–1352 — Е. К.) Чан Нгуен Дану⁴⁰ из Зяоти, принадлежавшему к правящему дому Чан и служившему чиновником при *Зу-вьонге*, пожаловали должность *нгыши дайфу*. Правитель не заботился об управлении страной, и влиятельные сановники совершали много противозаконного. Нгуен Дан постоянно укорял их, но его критику не воспринимали. Когда *Зу-вьонг* умер, его внук — *Хондык* взшел на престол. Дела пошли еще хуже. Нгуен Дан подал доклад на высочайшее имя, но государь не ответил. Тогда Нгуен Дан попросил об отставке и уехал. Он послал своим коллегам-чиновникам из Палаты инспекторов стихи:

³⁸ Воронья башня — иносказательно: Палата инспекторов, которая контролировала работу чиновников и рассматривала судебные жалобы.

³⁹ Перед башней Белой Яшмы — иносказательно: на пороге смерти.

⁴⁰ Чан Нгуен Дан (1325–1390) — известное лицо эпохи Чан, дедушка по материнской линии знаменитого поэта и государственного деятеля Нгуен Чая. Действия Хо Куи Ли, сосредотачивавшего в своих руках все большую власть, беспокоили Чан Нгуен Дана, относившегося к нему с недоверием.

*Покинув Палату инспекторов, оказался на краю света.
Оглядываясь назад, испытываю лишь скорбь — все дела так
неприглядны.
Пыль на многих дорогах легко делает человека старым.
Дождь и ветер на пяти озерах⁴¹ заставляют подумать о
возвращении домой.
Конфуцианские добродетели не помогли, да и вернуться уже нету
сил.
Авторитет государства словно повис в воздухе, мой уход тоже был
ошибкой.*

С древности и до наших дней процветание и упадок чередуются. Как можно терпеть, что выражающие укор письма столь редки?

Впоследствии при дворе произошла смута⁴². Нгуен Дан бежал вслед за Нге-выонгом, который вскоре стал государем. Правитель даровал Нгуен Дану должность *тыдо биньтионгши*. Он много лет был всемогущим министром, затем умер. Нгуен Дан изучал систему летосчисления, составил книгу «Всеобщие записи, охватывающие сто поколений». Повествование в ней начиналось с глубокой древности — с правления Яо⁴³ и заканчивалось династиями Сун (960–1279 — Е. К.) и Юань (1271–1368 — Е. К.), сообщалось о солнечных и лунных затмениях, движении звезд по небосклону — все в точном соответствии со старинными сведениями. Нгуен Дан успешно совершал моления о дожде. Псевдоним его был Банг Хо.

Стихи, использовавшие точные образы поэтов минувших лет

Некто, имевший псевдоним Шам Лау⁴⁴, по происхождению принадлежал к правящему роду Чан. Лет десяти уже умел хорошо сочинять стихи, а, дожив до двадцати семи лет, умер. Его сочинение «Сборник Шам Лау» пользовалось широкой известностью. Могила находится на берегу реки Озиен.

Нгуен Чунг Нган⁴⁵, псевдоним Зой Хиен, тоже прославился своим поэтическим даром. Однако он не успел познакомиться с Шам Лау. Когда проезжал мимо реки Озиен, сочинил стихи, выражавшие соболезнование:

*Пока Шам Лау был жив, к сожалению, не успел с ним
познакомиться.
Каждый раз, декламируя его строки, склоняю голову
от восхищения:
«Гулять в плаще из травы и бамбуковой шляпе у пяти
озер почетнее, чем носить на поясе печать.
Шелковицы и конопля, раскинувшиеся на несколько
мау вокруг, одержали верх над титулом хау.»
Кто еще в мире мог написать эти строки?*

⁴¹ Пять озер находятся в Китае в районе озера Дунтин; образно: повсюду.

⁴² См. рассказ № 1.

⁴³ Яо — легендарный правитель древнего Китая.

⁴⁴ Шам Лау — псевдоним Чан Тоая.

⁴⁵ Нгуен Чунг Нган (1289–1370) — государственный деятель эпохи Чан. В 1304 г. сдал столичные экзамены, в 1314 г. ездил с посольством в Китай. Известен также как поэт.

*Но ему больше уже ничего не суждено создать!
Хотел бы угостить духа поэзии, но кто же знает, где он?
Подернутые легкой дымкой волны простираются на
десять тысяч кхоаней, наводя грусть на людей.*

Две строки, начинавшиеся со слов «Гулять в плаще из травы и бамбуковой шляпе у пяти озер ...», взяты из стихов Шам Лау.

Стихи, говорящие о самонадеянности

Нгуен Чунг Нган рано прославился, был хвастлив. Однажды написал длинные стихи, их основной смысл состоял в следующем: «У Зой Хиена⁴⁶ достаточно способностей, чтобы занять высокое положение при дворе, в молодые годы уже хочет померяться силой с быком».

В двенадцать лет получил ученое звание *тхайхоксинь*, а в шестнадцать лет преуспел на дворцовых экзаменах. В двадцать четыре года Нгуен Чунг Нган стал чиновником *занкуан*, в двадцать шесть лет побывал с посольством в Яньцзине. Он выставял напоказ свои заслуги. При Чан Минь-вюонге решал важнейшие дела в государстве, входил в правительство. Умер, имея славу государственного мужа, ни в чем не терпевшего поражения. Служа чиновником, Нгуен Чунг Нган возвысился до должности *тхыонгтхы тафо*. Достиг долголетия, дожил до восьмидесяти с лишним лет. Нгуен Чунг Нган написал «Сборник Зой Хиена», который получил известность.

Судьба совпала с предсказанием, сделанным в стихах

Ле Куат, второе имя Ба Куат, был уроженцем Тханьхоа. Смолоду любил странствовать и учиться. Навестил в столице своего друга, ставшего чиновником. При династии Юань он был отправлен послом в Яньцзин.

Провожая его, Куат написал стихи:

*На Вашем пути три тысячи почтовых станций,
Вы этот путь проведете в седле.
На Вашем пути двенадцать портов,
Я же вернусь в горы.
При дворе императора собрались послы,
Гостей там, что волн у моря, что клубов тумана.
Вы добьетесь там успеха и славы,
Я же покой обрету.*

Услышавшие эти стихи поняли, что Куат в будущем станет знатным. Впоследствии Куат сдал экзамены и сделал стремительную карьеру. Но сначала он предсказал ее своему другу.

⁴⁶ Зой Хиен — псевдоним Нгуен Чунг Нгана.

Стихи, выражающие желание подвизов и славы

Фам Нгу Лао⁴⁷ служил Чан Нян-выонгу. Он занимал должности *диен-суй тхыонгтыонгкуан*. Всю жизнь провел в боях, жертвуя своей жизнью, но при этом любил читать книги. Он обладал неудержимой, огромной волей, находил удовольствие в декламации стихов о военных делах. Хотя это и не занимало всех его помыслов, но в подчиненной армии Фам Нгу Лао всегда устанавливал отношения, как в наследственных войсках. Из каждого сражения он непременно выходил победителем, во всей гвардии был самым старательным и во многом превосходил остальных сподвижников государя.

Однажды написал стихи:

*Наперевес боевая секира среди гор и рек⁴⁸ вот уже несколько лет.
В трех армиях — барсы и тигры⁴⁹, готовы проглотить быка.
Мужчина, еще не ставший собой, ходит в должниках у славы.
Стыдно становится, когда он слышит рассказы об У-хоу⁵⁰.*

Прекрасные строки из коротких стихов

Некто из правящего дома Чан имел псевдоним Ай Шон. Он читал много книг и учился стихосложению. Особенно любил стихи о цветах, часто декламировал короткие стихотворения. Иногда попадались прекрасные строки. Однажды он сочинил стихи:

*Драгоценный треножник источал аромат, как струи глубокой реки.
Бирюзовая кисея у весеннего полога прозрачна, как крылья цикады.
Проникшись стихами, закончил декламацию, тоска бесконечна, как море.
В глазах человека слезы, а на небе — луна.*

Были и такие строки:

*Ароматное облако в проеме окна задернуто кисеей бирюзовой.
На середине прерван полуденный сон, не обойтись без чая.
Неотступно мечтаю посмотреть с высоты вдаль, но боюсь подняться на башню.
Лишь смотрю на дерево гао⁵¹, оно все в красных цветах.*

⁴⁷ Фам Нгу Лао (1255–1320) — известный полководец эпохи Чан, принимал участие в войнах с монголами, прославился как талантливый военачальник. Пользовался доверием знаменитого полководца Чан Хынг Дао, рекомендовавшего его при дворе и выдавшего за него приемную дочь. После отражения монгольского нашествия Фам Нгу Лао участвовал в походах 1294 г., 1297 г., 1301 г. против лаосского княжества Сиенкуанг, в походе 1318 г. против Тямпы.

⁴⁸ Намек на китайского поэта Цао Цао (155–220), который писал стихи «взяв боевое копье наперевес».

⁴⁹ Барсы и тигры — символ смелых и отважных воинов.

⁵⁰ У-хоу — Чжунгэ Лян, знаменитый полководец Троецарствия (III в.).

⁵¹ Дерево *гао* — капоковое дерево (*сеiba pentandra*).

Стихи и вино изумили людей

Хо Тонг Тхок⁵², уроженец Зиентяу, сдал конкурсные экзамены еще в молодости, обладал талантом и славой. Сначала был не очень известен.

Однажды даос Ле Фап, служивший чиновником, устроил пир для людей, сведущих в литературе. С наступлением темноты он развесил фонари.

Тонг Тхок, получивший приглашение в стихах, за одну ночь, прямо на пиру написал сто стихов и выпил сто чарок вина. Гости собрались вокруг, все восхищались, но никто не мог этого повторить. С тех пор слава его достигла столицы.

Впоследствии, благодаря своим познаниям, стал наставником. Служил Чан Нге-выонгу, был чиновником, занимал должности *ханлам хокши тхыати кием тхам хиньвиенши*. Стихи и вино никогда не оставлял. В возрасте свыше восьмидесяти лет умер дома.

Стихи, предвещавшие большое счастье

Моего предка по женской линии звали Нгуен Конг, его табуированное имя было Тхань Хуан. Нгуен Конг служил Чан Нян-выонгу, занимал должность *чунгтхы тхиланг*. Отличался очень гуманным нравом. В молодости сдал экзамены на высшую степень. Нгуен Конг с успехом сочинял стихи. Он сумел не нажить себе врагов. Потомки называли его родоначальником поэзии на Юге. Однажды написал стихи «В полях и садах безудержная радость», в которых были такие параллельные строки:

*Птицы свили гнезда в рощах, деревья не собираются рубить.
Муравейник расположился на земле, поле не спешит распахать.*

Умные люди хвалили Нгуен Конга за его распространявшуюся на все вокруг гуманность, являвшуюся непременным условием достижения большого счастья. Выдал дочь замуж за моего прадеда, от этого брака родился мой дед. Впоследствии Чан Нян-выонг сделал дочь Нгуен Конга младшей женой, и на свет появился Нге-выонг. Когда дочь скончалась, Нгуен Конга наградили по установленным правилам: на дверях его дома сделали памятную надпись о заслугах хозяина. Как и предполагали сведущие в жизни люди, благополучие Нгуен Конга расцвело. Взглянув на его стихи, об этом можно было догадаться и раньше, не так ли? Что же касается правнука в четвертом поколении, то есть меня, — я вышел из глухого ущелья, переселился на высокое дерево⁵³, и мно-

⁵² Хо Тонг Тхок (?–?) — известное лицо эпохи Чан Зюе-тонга. В 1372 г. сдал экзамены, ездил с посольством в Китай. В 1386 г. занимал должность в академии *Ханламвиен*. Когда Хо Куи Ли низложил Чан Тхиеу-де, вышел в отставку, в возрасте свыше восьмидесяти лет умер. Прославился также как поэт.

⁵³ «Вышел из глухого ущелья, переселился на высокое дерево» — цитата из «Шицзина» («Малые оды», стихотворение «Срубили дерево»).

гочисленные невзгоды обернулись к моей пользе. Возможно, так произошло из-за того, что благотворное воздействие предка еще не прекратилось⁵⁴? И тогда остался в живых, встретился с мудрецами, приобщился к гуманности Яо. Разве это не странно?

Стихи, достойные министра

Чан Нге-вьяонг, в то время, когда только еще занимал должность *тыонга*, написал стихи: «Провожая посла Юаней», гласившие:

*Старый аннамский министр не умеет сочинять стихи,
Сидит молча перед золотой чашей на проводах гостя.
Гора Танвиен высока, воды реки Ло лазоревы,
Вдали в небе посольские знамена скрываются в облаках.*

Младший брат Нге-вьяонга — Кунг Тинь имел изысканный характер и любил поэзию. Впоследствии он стал *хуэтыонг*, также сочинял стихи. «Поиски скрытого» гласили:

*Мост из семи—восьми арок напоминает изогнутую радугу.
Вода, текущая с востока на запад, поворачивает, окруженная
зеленью.
Не желая любоваться камнем, отправлюсь разыскивать
сливу.
Какой же установился порядок с приходом первого
министра!*

Печальные стихи по поводу убеждения государя

Банг Хо⁵⁵, когда занимал должность *тыдо*, сложил стихи под названием «Пишу о северной части неба». Там были такие строки:

*Солнце восходит на небе легко,
Сделать государя похожим на Яо и Шуня⁵⁶ трудно.
Живу уже шестьдесят лет,
Опускаю голову от стыда.*

Наверное, когда был *тетьюнг*, и не мог похвалиться достигнутым, высказал жалобу, это из-за горечи в сердце, из-за его верности и честности. Строки заслуживают того, чтобы их сохранили, не так ли!

⁵⁴ Благотворное воздействие предка еще не прекратилось — во Вьетнаме большой популярностью пользовался культ предков.

⁵⁵ Банг Хо — псевдоним Чан Нгуен Дана.

⁵⁶ Шунь — легендарный правитель древнего Китая.

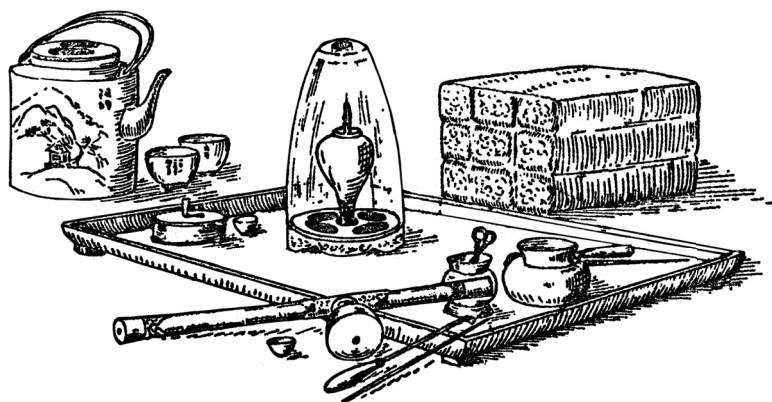
Благородные господа вместе весело проводили время

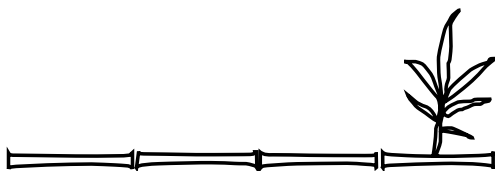
Военачальник Мак Ки, уроженец Донгчиеу, происходил из семьи военных. Он очень любил стихи. В один из годов под девизом правления *Юань-тун* (1333–1334 — Е. К.) провожал Хуан Шана — посла императора юаньской династии. Шан тоже увлекался поэзией. Десять дней они плыли вместе по реке, по очереди декламировали стихи, было много интересных строк. Шан очень радовался. Когда достигли границы, сложились стихи перед разлукой, гласившие:

*На берегу реки распустились белые цветы сливы.
Перед лодкой моросит косой дождик.
Гость, проведя здесь три зимы, возвращается на Север.
Генерал поворачивает весло на Юг.*

Описание
удивительного земель,
расположенных к югу от гор

Предисловие..... 165

Книга первая

Повествование о династии Хонг-банг	167
История рыбы-оборотня	173
История лиса-оборотня	174
История дерева-оборотня	175
Рассказ об арековой пальме	177
Рассказ о болоте, возникшем за одну ночь	179
История Донг Тхиен-выонга	182
Рассказ о новогодних пирогах	184
Рассказ об арбузе	185
Рассказ о белом фазане	186

Книга вторая

История Ли Онг Чонга	187
История колодца Вьет	188
История Золотой черепахи	192
История Ман <i>ныонг</i>	196
История горы Танвиен	198
История двух духов из Лонгняна и Ньынгуэта	199
История Ты Дао Ханя и Нгуен Минь Кхонга	200
История Наньчжао	206
История реки Толить	207
История Зыонг Кхонг Ло и Нгуен Зяк Хая	208
История Ха О Лоя	210
История Зя Соа- <i>выонга</i>	214

Предисловие

Гуйхай хотя и находится за горными хребтами, но удивительное в горах и на реках, сила *лин*, выдающиеся личности, редкостные вещи никогда не исчезали. Эпохи Весен и Осеней (770–476 гг. до н. э. — Е. К.), Сражающихся царств (403–221 гг. до н. э. — Е. К.) отстояли от древних времен не слишком далеко, обычаи на юге тогда были еще простые, не

существовало исторических книг, записывающих различные деяния, поэтому многие старинные события оказались преданы забвению. К счастью, остались такие истории, которые не пропали, они передавались устно народом. С наступлением эпох Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э. — Е. К.), Восточной и Западной Цзинь (265–420 — Е. К.), Южных и Северных династий (420–589 — Е. К.), Тан (618–907 — Е. К.), Сун (960–1279 — Е. К.), Юань (1271–1368 — Е. К.) появились исторические повествования. Из таких сочинений, как «Записи о землях к югу от гор»¹, «Записи о Цзяо и Гуане», «Краткие записи об Аньнине», «Краткие записи о Цзяочжи», можно отчетливо узнать о произошедших событиях.

Наш Вьет имеет государственные устои начиная с эпохи Хунг-вьонгов (2879–258 гг. до н.э. — Е. К.), с тех пор культура постепенно распространялась. На протяжении династий Чиеу (207–11 гг. до н.э. — Е. К.), Нго (939–967 — Е. К.), Динь (968–980 — Е. К.), Ле (980–1009 — Е. К.), Ли (1010–1225 — Е. К.), Чан (1225–1400 — Е. К.) вплоть до настоящего времени записи государственной истории стали вестись более подробно. Тогда и появилось данное описание, но насколько его рассказы отражают историю? Неизвестно, когда и кем оно написано, вероятно, первоначальный вариант составлен выдающимся ученым эпохи Ли — Чан, затем литературно обработан в наше время обладающим обширными познаниями совершенным мужем, любящим старину. Я прошу позволения довести работу до конца, расположить рассказы в порядке, стараясь полностью проникнуть в помыслы написавшего это сочинение.

«Повествование о династии Хонг-банг» подробно рассказывает о возникновении нашего Вьета. «История Зя Соа-вьонга» кратко повествует о расширении страны Тиемхань². В истории о белом фазане сохранена память о государстве Вьетхьонг³, в рассказе о Золотой черепахе отражены деяния Ан Зьонга (годы правления: 257–208 до н.э. — Е. К.). По южным обычаям, в свадебном ритуале нет ничего важнее бетеля. В сочинении рассказывается, откуда бетель произошел, говорится о супружеской верности и искренней привязанности братьев. Летом ничто не сравнится с арбузом. Когда добиваешься успеха, можно и сказать об этом. Если рассчитываешь на самого себя, не нужны милости государя. Это становится ясным из рассказа о происхождении арбуза. В истории о новогодних пирогах восхваляется сыновья почтительность. Рассказ про О Лоя предостерегает от непристойного

¹ Земли, расположенные к югу от хребтов — вьет. Линьнам, кит. Линнань — в китайском языке образное название провинций Гуандун и Гуанси, это название обозначало также Вьетнам.

² Тиемхань — имеется в виду Тямпа.

³ Вьетхьонг — административное управление, этнос, царство (кит. Юэшан).

поведения. Донг Тхиен-*вьонг* разбил вражеские войска иньцев (годы правления династии Шан-Инь: XVI—XI вв. до н.э. — Е. К.). Ли Онг Чонг истребил гуннов, показав, что в южном государстве есть люди достойные известности. Ти Донг Ты встретил Тиен Зунг, Тхой Ви, столкнувшись с феей, повел себя добродетельно, это видно из рассказа. Повествования о Дао Хане⁴ и Кхонг Ло⁵ поощряют заботу об отце и месть за него, разве можно не упомянуть о монахах школы *тхиен*? В рассказах о рыбе-оборотне и лисе-оборотне речь идет об изгнании нечистой силы, благодать Лонг-куана также не следует забывать. Преданные, исполненные чувства долга братья Чыонг после смерти стали божествами земли, кто скажет, что не нужно их почитать и прославлять? Отвага Танвиена смогла уничтожить водяных тварей, это очевидно, разве не так? Наньчжао⁶ именовалось впоследствии Чжаоу, государство погибло, но смогли отомстить. Ман *ньонг* родила святого по прозванию Мок и в засушливое время могла вызвать дождь. То Лить сделался духом Лонгдау, Сыонг Куонг был призраком сандалового дерева. В одном случае установили храм, чтобы поклоняться, и народ был удостоен счастья, в другом — использовали различные приемы, дабы изгнать призрака, и люди избавились от причиняемого им вреда.

Описываемые события хотя и странные, но не лживые, люди хотя и удивительные, но не зловерные. Рассказы имеют отношение к несерьезной, неканонической литературе, но они не приносят вреда, помогают добру, наказывают зло, отбрасывают ложь, основываются на истинном, дабы нравы и обычаи совершенствовались. Если присмотреться, то сочинение напоминает «Записки о поисках духов» эпохи Цзинь⁷ и «Записи о странном».

Увы! К югу от гор случается множество чудес, повествования об этом не выбиты на камне, не вырезаны на дереве, но запечатлены в сердце народа и передаются устно. Все — маленькие дети и седые старцы — рассказывают и любят эти истории, их можно использовать для назидания, есть связь с этическими нормами, они способствуют перевоспитанию людей, разве этого мало?

Весной в год *ням-ти* под девизом правления *Хонг-дык* (1492 — Е. К.) я получил это собрание, раскрыл и изучил его и, хотя наверняка не смог избежать ошибок, забыв о своем невежестве, отредактировал и привел его в порядок, разделил на две части, озаглавил «Описание удивительного земель, расположенных в югу от гор», хранил дома, чтобы иметь наготове для дальнейшего изучения. Что же касается редактирования, то литературно обработал это описание для того, чтобы дела были совершенными, литература достоверной, слова точными, стремления значительными. Впоследствии им возможно заинтересуются любящие древность совершенные мужи, разве нет таких людей? Все изложенное — это предисловие.

⁴ Дао Хань (Ты Ло ? — 1117) — монах школы *тхиен*.

⁵ Кхонг Ло (? — 1119) — монах школы *тхиен*.

⁶ Наньчжао — занимало западную и северо-западную часть провинции Юньнань, центром ее был Дали (Куньмин). *Чжао* — общее наименование племен местных народностей. Всего насчитывалось шесть *чжао*, т.е. больших племен. *Чжао* Мэншэ, занимавшее южный район, получило название Наньчжао, т.е. Южное *чжао*. В первой половине VIII в. Наньчжао, захватив земли пяти других *чжао*, сумело создать обширное государство, постепенно подчинив себе Бирму, его территория расширилась вплоть до Индии (на западе), Тибета (на северо-западе) и северо-западных пределов Вьетнама (на юге).

⁷ «Записки о поисках духов» — автор Гань Бао (конец III — начало IV вв.).

Двадцать третий год правления под девизом *Хонг-дык* (1492 — Е. К.), второй месяц осени.

Лауреат дворцовых экзаменов в год *мау-туат* (1478 — Е. К.), государственный контролер провинции Киньбак, уроженец деревни Чатьо, что в Хонгтяу, Ву Куинь по прозванию Иен Сыонг почтительно записал.

Книга первая

Побеситование о династии Хонг-банг⁸

Третьего потомка из рода Янь-ди — Шэнь-нуна⁹ — звали Ди Мин. У него родился сын Ди И. Затем Ди Мин отправился с инспекторским объездом на юг и достиг Улина¹⁰. Там он повстречал дочь феи Ву¹¹. Девушка приглянулась Ди Мину, тот взял ее в жены и вернулся. Родился сын Лок Тук, отличался честностью и умом, что должно было быстро привести к успеху. Ди Мин так поразился его качествам, что пожелал сделать Лок Тука наследником императорского трона. Но тот не осмелился исполнить волю отца и уступил престол своему старшему брату Ди И. Тогда Ди Мин приказал Ди И управлять северными землями, а Лок Туку, получившему титул Кинь Зыонг-выонг¹², — южными. Он назвал южное государство страной Ситькуи¹³.

Кинь Зыонг-выонг мог спускаться в подводный мир, он взял в жены Лонг Ны, дочь владыки озера Дунтин¹⁴. От этого брака родился Шунг Лам, имено-

⁸ Хонг-банг — согласно вьетнамским средневековым историкам, это — название первой династии Вьетнама (2879–258 гг. до н. э.).

⁹ Род Янь-ди — Шэнь-нуна — Шэнь-нун («божественный земледелец») в древнекитайской мифологии один из центральных культурных героев, с именем которого связывается начало земледелия, мудрый правитель. Образ его, видимо, еще на весьма ранней стадии контаминировался с образом солярного божества Янь-ди. Мифы о них крайне трудно поддаются разграничению. Янь-ди правил южными землями совместно со своим потомком богом огня Чжу-жуном (Мифы народов мира. Т. 2. — М., 1992. — С. 654, 684). Однако в чжоуских текстах имена Шэнь-нуна и Янь-ди еще не отождествлены. Идентификация Шэнь-нуна и Янь-ди, как можно судить по имеющимся исследованиям и источникам, начинается в раннеханьских и последующих сочинениях (*Сьма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. — М., 2001. — С. 351–352).

¹⁰ Улин — вьет. Нгулинь — Пять Хребтов, точная географическая локализация которых затруднена; пояс гор, отделяющий Центральный Китай от Южного (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. — М., 2002. — С. 192).

¹¹ Фея Ву — кит. фея У — хозяйка созвездия Уньюй, того самого созвездия, что «симпатизировало» землям Вьета (Юэ) и древней области Янчжоу. Как известно, в китайской астрологии существовала теория земных областей и небесных созвездий (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. — М., 2002. — С. 192–193).

¹² Кинь Зыонг-выонг — исследователи считают, что имя этого правителя носит явно топонимический характер. Киньзыонг (кит. Цзиньян) — название уезда и городка в провинции Шаньси, возле которого герой танской новеллы Лю И встретил дочь Повелителя драконов озера Дунтин, выданную замуж за сына Повелителя драконов реки Цзин. В связи с Кинь Зыонг-выонгом можно отметить, что легенда о нем безусловно связана с танской новеллой, а сам титул ничего общего с югом и Вьетнамом не имеет (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. — М., 2002. — С. 193).

¹³ Страна Ситькуи — букв. «Страна Красных чертей-духов». В китайской мифологии название неизвестное. В рамках пространственных схем китайской натурфилософии красный цвет ассоциировался с южной стороной света. Красным императором называли Шэнь-нуна (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. — М., 2002. — С. 193).

¹⁴ Дунтин — озеро в Китае.

вавшийся впоследствии Лак Лонг-куан¹⁵. Он сменил отца в деле управления государством, как закончил свои дни Кинь Зыонг-*вьонг* неизвестно.

Лонг-куан научил людей носить одежду, добывать пищу, начал устанавливать должный порядок в отношениях между государем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой. Время от времени он возвращался в подводное царство, но среди ста родов¹⁶ по-прежнему царило спокойствие. В случае надобности люди зывали к Лак Лонг-куану:

«Где же вы скрылись и почему не приходите спасти нас?»

Лак Лонг-куан тотчас появлялся, никто не мог измерить его славу и могущество и предугадать отклик на мольбу.

Ди И передал трон и управление северными землями Ди Лаю. Вспомнив, что во время инспекторской поездки на юг его предок Ди Мин повстречал фею, Ди Лай приказал своему верному вассалу Чи Ю¹⁷ заменить его, присматривая за государственными делами, а сам отправился на юг в страну Ситькуи.

Узнав, что Лонг-куан пребывает в подводном царстве, и в стране нет государя, Ди Лай оставил любимую супругу Эу Ко вместе с ее многочисленными прислужницами в путевой резиденции и стал объезжать Поднебесную. Он увидел редкостные цветы, волшебные травы, чудесных птиц и зверей, обнаружил рог носорога, слоновую кость, черепаховый панцирь, золото и серебро, жемчуг, яшму, перец, коричное дерево, мастику¹⁸, благовония, алойное дерево, сандаловое дерево и другие ароматические вещества, продукты охоты и морского промысла. Здесь имелось все, что угодно. Погода во все четыре времени года

¹⁵ Лак Лонг-куан — букв. «Государь-дракон Лак». *Лак* — древний этноним предков вьетов (лаквьетов) в 3–2 вв. до н. э. Предпринято несколько попыток рассмотреть смысловое значение слова «лак», входящего в этноним как определитель. Так, есть мнение, что *лак* — это наименование тотема данного племени, птицы *лак* (вид дрозда пересмешника). Высказывалось также предположение, что слово *лак* в древности означало «вода». Если учесть, что лаквьеты являлись пионерами водозаливного рисосеяния, а также вспомнить миф о предке вьетнамцев, происшедшем из рода драконов и жившем с сыновьями в воде, то этноним *лаквьет*, т. е. «люди, живущие в воде», приобретает реальный смысл (*Мухлинов А.И.* Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977. — С. 178–180).

¹⁶ Сто родов — кит. байсин — «сто фамилий». В различных китайских древних текстах слово *байсин* выступало как в узком, так и в более широком смысле, меняя значение в исторические периоды. Оно могло означать: все роды — *бай цзу*, все чиновники — *бай гуань*, весь народ — *миньшу* (*Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 1. — М., 2001. — С. 223).

¹⁷ Чи Ю — относительно Чи Ю в китайской историографии существует несколько точек зрения: а) ханьский комментатор Ин Шао (140–206) считал его верховным правителем, Сыном Неба; б) судя по сочинению «Кун-цзы сань чао цзи», он был алчным человеком из простолюдинов; в) в трактате «Гуань-цзы» говорится, что Чи Ю получал металл с гор Лушань и делал пять видов оружия, т. е. принадлежал к знати; Кун Ин-да (574–648) и потом Гао Ю (Ш в.) считали Чи Ю вождем племени *цзюли*. Чи Ю не только лицо историческое, но персонаж старинных легенд и преданий (*Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 1. — М., 2001. — С. 224). В древнекитайской мифологии Чи Ю — герой-мятежник. На рельефе в храме Улянцы он изображен в виде полузверя-получеловека с головой барса и когтями тигра, над головой щит, в одной руке топор, в другой — меч, левой ногой стоит на самостреле, в когтях правой ноги — секира. В «Шу и цзи» («Описание удивительного») Жэнь Фана (У в.) дается несколько иная версия: у Чи Ю тело человека, копыта быка, четыре глаза и шесть рук. В древних сочинениях рассказывается, что Чи Ю был потомком государя Янь-ди. Победив Янь-ди и захватив южные земли, Чи Ю начал войну с правителем Хуан-ди (по другим вариантам, Чи Ю пошел войной на Хуан-ди, мстя за Янь-ди). Культ Чи Ю, видимо, особо был распространен в Северном Китае, жертвоприношения в его честь здесь совершали еще в шестом веке (Мифы народов мира. Т. 2. — М., 1992. — С. 632).

¹⁸ Мастика — кроме данного перевода иероглифы *жу сян* переводятся как 1) фисташка-лен-тикус, 2) босвеллия Картера.

была ни холодная и ни жаркая. Ди Лаю здесь очень понравилось, и он забыл о возвращении назад.

Жителей страны Юга тяготило его присутствие, исчезло их прежнее спокойствие. Днем и ночью люди надеялись, что Лонг-куан вернется, все вместе они взывали:

«Где же вы скрылись? Скорее приходите и спасите нас!»

Внезапно появившись, Лонг-куан обнаружил оставшуюся в одиночестве Эу Ко. Она была очень красива, и Лонг-куан полюбил ее. И тогда государь превратился в доброжелательного молодого человека с прекрасными манерами, которого сопровождала многочисленная свита. Когда пение и музыка донеслись до временной резиденции, Эу Ко выглянула, и юноша тоже пришелся ей по душе. Лонг-куан устроил праздник, а затем отправился с ней обратно в грот Лонгчанг.

Ди Лай вернулся и, не увидев Эу Ко, послал приближенных искать ее повсюду в Поднебесной. Лонг-куан владел приемами белой магии и стал принимать различные обличья: привидения, беса, дракона, змеи, тигра, слона. Это внушило ужас отправленным разыскивать Эу Ко людям, и те не осмеливались вести поиски.

Ди Лай вернулся на Север. Он передал трон Ди Юйвану, который сражался с Хуан-ди в Баньцюане¹⁹, потерпел поражение и погиб. Род Шэнь-нуна прекратился²⁰.

Лонг-куан жил вместе с Эу Ко. Спустя год у нее родился послед. Супруги сочли его дурным предзнаменованием и бросили в поле. Через семь дней эта оболочка раскрылась, и появились сто яиц, в каждом был мальчик. Их забрали домой, чтобы выкормить, но дети не нуждались в материнском молоке. Все они выросли, каждый отличался умом, храбростью и безупречным поведением. Люди испытывали перед ними благоговейный трепет и говорили, что это необычайные братья.

¹⁹ Баньцюань находился в современном уезде Чжолу провинции Хэбэй, к северо-западу от Пекина.

²⁰ В одном из вариантов «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» говорится следующее: «Передал власть Ди Юй Вану. Чи Ю поднял мятеж. Хуан-ди повел войска всех князей, дал сражение, но не уничтожил его. Чи Ю имел вид зверя, а говорил по-человечески. Он был очень свиреп. Кто-то научил Хуан-ди подать сигнал к бою барабаном из звериной шкуры. Тогда Чи Ю испугался и был разбит в Чжолу. Ди Юй Ван притеснял князей. Хуан-ди сразился с ним в Баньцюане. После трех битв потерпел поражение, сдася, получил удел в Лои и умер там. Род Шэнь-нуна прекратился» (Линнань чжигуай дэн шиляо сань чжун. — Чжэнчжоу, 1991. — С. 10). Гора Чжолу предположительно находилась в уезде Сюаньхуа провинции Хэбэй. Рассказ о битве под Чжолу встречается во многих книгах чжоуского периода, по-видимому, отражая историческое предание о каком-то значительном столкновении. Ряд современных китайских историков выделяют это событие как переломный момент, сыгравший значительную роль в формировании народности *хуся* или *чжуся*. Лои или Чэнчжоу — столица чжоусцев, построенная после разгрома иньцев, находилась в районе совр. Лояна в Хэнани. Она называлась также Восточной столицей — Дунду. Другая столица чжоусцев — Хаоцин близ совр. Сиани, она считалась Западной столицей — Сиду (*Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. — М., 2001. — С. 225, 320). Что же касается необычного барабана, то У Жэньчэнь (XVII в.) в пространных комментариях к «Книге гор и морей» цитирует «Биографию Гуан Чэн-цзы»: «У Чи Ю была медная голова, он умел глотать камни, летать по воздуху, проходить через опасные места. Тогда изготовили из шкуры быка Куя барабан, ударили девять раз, Чи Ю не смог больше летать, и его убили». Палочку для барабана сделали из кости бога грома Лэй-шэня (*Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. — М., 1965. — С. 125, 361).

Лонг-куан подолгу жил в подводных чертогах. Оставшись одни, мать и дети мечтали вернуться в Северное государство. Однажды они подошли к границе. Узнав об этом, Хуан-ди испугался и выделил солдат для усиления пограничных постов. Не сумев возвратиться на Север, мать и сыновья день и ночь взывали к Лонг-куану:

«Куда же ты скрылся и где пребываешь? Заставляешь своих близких горевать!»

Лонг-куан внезапно объявился, встреча произошла в Тьонгзя. Эу Ко сказала:

«Я родом с Севера, живу вместе с вами, и у нас родилось сто сыновей. Мне тяжело брать на себя заботы о них, поэтому прошу позволения последовать за вами. Напрасно обидев, вы пренебрегли нами, превратив в людей, у которых нет ни мужа, ни отца».

Лонг-куан отвечал:

«Я из рода дракона, старший среди водяных тварей, ты же принадлежишь к миру бессмертных. Есть еще и люди, живущие на земле²¹. По своей природе все мы не похожи друг на друга. Хотя когда силы *ян* и *инь* соединяются, то рождается ребенок, но относимся мы к разным родам. Вода и огонь противоположны друг другу, представителям этих стихий трудно долго жить вместе. Сейчас нам нужно расстаться. Я с пятьюдесятью сыновьями вернусь в подводный мир, чтобы, разделившись, управлять повсеместно. Пятьдесят сыновей последуют за тобой и останутся жить на земле. Разделим государство и станем править. Поднимемся ли в горы или спустимся под воду, в случае надобности мы придем друг другу на помощь, и такой порядок не будет подлежать упразднению.»

Сто сыновей выслушали слова Лонг-куана, затем откланялись. Эу Ко и пятьдесят сыновей поселились в Фонгтяу²² (сейчас это уезд Батыхак). С тех пор стали почитать того из них, кто сосредоточил в своих руках власть²³, сделали

²¹ Возможно, здесь не обошлось без влияния китайских представлений о Небе, Земле, Человеке как трех главных силах мироздания, которые составляют высшую триаду божественных сил. Понятие о трех главных основах жизни: Небе, Земле, Человеке (*тянь, ди, жэнь*), связанное с формированием мифа о «трех властителях» (Фуши, Нюйва и Шэнь-нун), возникло в Китае в глубокой древности. Оно нашло отражение в ранних сочинениях, в частности, в «Дао-дэ цзине», каноне философского даосизма, созданном, вероятно, в V–IV вв. до н. э. Эти три компонента встречаются в значительном числе доханьских и ханьских источников (*Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. — М., 2001. — С. 353*).

²² Фонгтяу — название этой области появляется на административной карте Вьетнама только в период правления династии Суй. По мнению вьетнамских исследователей, аналогичное место в летописи Нго Ши Лиена следует понимать таким образом: Хунг-выонг основал столицу в том месте, которое впоследствии при династиях Суй и Тан, стало называться Фонгтяу. Указанный район при династиях Суй и Тан включал земли вокруг Батыхака, т. е. долины рек Тяй, Тхао и Ди (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. — М., 2002. — С.195).

²³ В некоторых вариантах «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор», а также в текстах, близких в этой части к «Описанию...», например, в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» сказано: «(Лак Лонг-куан) пожаловал своему старшему (сыну титул) Хунг-выонг» (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т.1. — М., 2002. — С.110). В «Краткой истории Вьета» сказано: «Период правления Чжуан-вана (династии) Чжоу (696–681 гг. до н. э.). В племени Зянинь был необыкновенный человек, который смог с помощью волшебства покорить все племена. (Он) назвался Хунг-выонгом, основал столицу в Ванланге...» (Краткая история Вьета. — М., 1980. — С.109).

государем. Его титул был Хунг-вьонг²⁴, название государства — Ванланг²⁵. Земли Ванланга простирались на востоке до Наньхая²⁶, на западе до княжества Ба и царства Шу²⁷, на севере — до озера Дунтин, а на юге — до государства Хотон (сейчас это государство Тиемхань). Государь разделил страну на пятнадцать областей: Зяоти, Тюзиен, Ниньшон, Фуклок, Вьетхьонг, Ниньхай, Зьонгтуен,

²⁴ Хунг-вьонг — по словам А. И. Мухлинова, небезынтересно заметить, что в царстве Чу правители также назывались Хунгами: Хунг И, Хунг Цюй и т. д. (слово *хунг* передается здесь знаком *сюн*). Название царства «Чу» для царства являлось официальным, а родовым именем правителей было Цянь (по-вьетнамски Ми), и сами они происходили из *маньи*, а не из китайцев. У *мьонгов*, родственных вьетнамцам, до 1945 г. старшие сыновья правителя назывались *ланг*, а дочери — *нанг* или *куан ланг* и *ме нанг*. Старшие сыновья старшей ветви назывались *ланг кун*, а старшие сыновья младшей ветви — *ланг дао*, причем первые управляли группой селений, областью, а вторые — одним селением. Хунги в Ванланге несли примерно те же функции, что и *ланг кун*. У мон-кхмерских (*лаха*, *кханг*, *синьмун*, *кхму*) и тайских (*лао*) народов Вьетнама имелись лица, называемые *кхунами* или *куанами*, т. е. вождями. Этим же термином обозначалась вся вообще родоплеменная аристократия. Так, например, во главе народа *лао* стоял некогда Кхун Бором — легендарный герой, память о котором сохраняется и поныне. Историческая лингвистика считает, что в древности во вьетнамском языке звуки *к*, *kh*, *h* легко переходили один в другой. Поэтому с большой долей вероятности можно говорить о том, что слово *хунг* несколько столетий назад произносилось как *кхунг*, *кхун*, *кун* и означало вождь народа (Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977. — С. 159). Традиция считает, что существовало восемнадцать поколений правителей Хунг-вьонгов. Как отмечает П. В. Познер, некоторые ученые, прежде всего ученые французской школы Дальнего Востока считали, что число восемнадцать было сакральным. В пользу этой точки зрения говорит анализ А. Парментье орнамента донгшонских бронзовых барабанов. В этом орнаменте на лицевой (ударной) поверхности барабанов «типа 1» встречается расположенное равномерно по окружности изображение птицы *лак*, которую Дао Зюи Ань считал одним из тотемов лаквьетов. Птица *лак* изображена тридцать шесть раз: поочередно восемнадцать раз в летящем положении и восемнадцать раз — в сидячем. А. Парментье установил, что орнамент на бронзовых барабанах (если разделить барабан по осевой линии) носит «зеркальный» характер, поэтому он содержит восемнадцать (девять и девять) изображений птицы *лак* и их «зеркальное отражение». В то же время, если сопоставить эти данные с текстом «Записей о южнокитайских государствах», в котором говорится, что в царстве Шу последовательно правили девять императоров с именем Кай-мин, то аналогия между девятью Кай-минами и восемнадцатью (девять летящих и девять сидящих) птицами *лак* бросается в глаза. Не исключено, что число девять (восемнадцать) являлось сакральным числом различных племен, населявших в эпоху бронзы районы Сычуани, Юньнани и Бакбо (Познер П. В. Древний Вьетнам. Проблемы летописания. — М., 1980. — С. 54–55). Опираясь на исследования современных вьетнамских ученых, Д. В. Деопик утверждает, что число восемнадцать было сакральным для предков вьетов уже в IV–III вв. до н. э. (Деопик Д. В. Вьетнам. История, традиция, современность. — М., 2002. — С. 158). Число три и кратные ему цифры, в частности девять и восемнадцать, присутствуют и в китайской культуре. Приведем пример из области архитектуры: знаменитый императорский дворец Гугун окружен крепостными стенами и глубоким рвом с водой; по углам высятся затейливые башни, построенные согласно традиционным канонам древнекитайского зодчества, целиком из дерева с использованием девяти балок и восемнадцати столбов. Не будем забывать, что число три присутствует в культурах многих народов, а число девять некоторые исследователи считают универсальной космологической константой (Жуковская Н. Л. Цветочисловые композиции в монгольской культуре // Историко-этнографические исследования по фольклору. — М., 1994. — С. 83).

²⁵ Ванланг — название Ванланг известным вьетнамским ученым Дао Зюи Анем интерпретируется как «расписанный господин», а это вполне соответствует тому факту, что вьеты разрисовывали тело, чтобы походить на «водяных драконов» (крокодилов) (Познер П. В. История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994. — С. 23.). По мнению А. И. Мухлинова, Ванланг существовал с 7 по 3 вв. до н. э. (Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977. — С. 4).

²⁶ Наньхай (вьет. Намхай) — Южное море — так называлось Южно-Китайское море, одновременно это название южных районов Китая.

²⁷ Ба и Чу — древняя Сычуань. Ба — княжество на территории нынешней пров. Сычуань, династия Чжоу. Шу — царства в разные времена времена в р-не Чэнду, совр. пров. Сычуань.

Куезыонг, Вунинь, Хоайхоан, Кыутян, Нятнам, Тяндинь, Куелам, Тьонгкуан²⁸. Правитель повелел своим братьям разойтись и управлять областями. Оставшихся братьев сделал высшими военными и гражданскими чинами. Высшая гражданская должность называлась *лак хау*, высшая военная — *лак тьонг*, сыновья правителя именовались *куанг ланг*, дочери — *ми ньонг*, военные советники — *бо тинь*, слуги — *тяу*, служанки — *тинь*, вассалы — *кхой*. Из поколения в поколение отец передавал трон сыну, это называлось *фу дао*²⁹ — «отцовский путь». Все правители носили титул Хунг-вьонг, не изменяя его.

В то время люди, жившие в предгорьях и пользовавшиеся водоемами, постоянно страдали от водяных змей. Они обратились к государю. Тот сказал:

«Род горных варваров отличен от обитателей вод, а те любят похожих на них и ненавидят других, поэтому причиняют вред».

Он повелел им нарисовать тушью на своих телах изображения водяных чудовищ, и с тех пор люди больше не страдали от укусов змей и драконов. От этого берет начало обычай *батьвьетов*³⁰ разрисовывать тело³¹.

²⁸ Неоднократно отмечалось, что в других исторических и литературных сочинениях эпохи средневековья, таких как «Краткая история Вьета», «Полное собрание исторических записок о Великом Вьете», «Географическое описание земель» Нгуен Чае (XV в.), «Отражение истории Вьета, основа и частности», также перечисляются пятнадцать племен, однако названия приводятся в каждом источнике не одни и те же. Лишь несколько названий племен встречаются во всех источниках. Их анализ показывает, что они, в основном, представляют набор географических и этнических названий, которыми, по-видимому, и оперировали феодальные историографы (Краткая история Вьета. — М., 1980. — С. 237).

²⁹ *Фудао* — отцовский ряд в системе отношений родства — патрилинейность. По мнению А. И. Мухлинова, *фудао* — это принцип, в соответствии с которым власть не передавалась по наследству, а вручалась наиболее достойному, умному и храброму человеку в племенном объединении. Исследователь отмечает, что такой принцип сохранился у горных народов Вьетнама *эдэ*, *тхай*, *мыонг* (у каждого народа он назывался по-своему: *птао*, *бтао*, *мтао*, *тао*, *дао*) (Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977. — С. 159). Подобные прецеденты можно отыскать и в китайской мифологии: так, Яо добровольно уступил престол Шуню, а тот передал трон не своему сыну Шан-цзюню, а Юю, который прославился усмирением потопа. Однако, как отмечает П. В. Познер, анализ А. И. Мухлинова опирается на современное вьетнамское письмо без учета иероглифов. Если обратиться к иероглифам, то возможен лишь перевод «Путь Отца», который указывает на наследование верховной власти сыном от отца (Познер П. В. История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994. — С. 58).

³⁰ Батьвьет (кит. байюэ) — сто юэ. Протовьетские племена явились основателями древнего государства Юэ (Вьет), находившегося в Чжэцзяне. Дао Зюи Ань полагает, что в древности царство Юэ называлось Вьетхьонг. Его возникновение вьетнамский ученый относит к X–IX вв. до н. э. При правлении Гоу Цзяня царство Юэ достигло своего наивысшего могущества и в 472 г. до н. э. стало считаться гегемоном в коалиции китайских царств эпохи «Весны и Осени». Однако после смерти Гоу Цзяня в 465 г. до н. э. могущество царства Юэ стало падать, и в 333 г. до н. э. его территория была аннексирована царством Чу. Ликвидация царства Юэ привела, по мнению Дао Зюи Аня, к миграции юэских (вьетских) племен на юг, в результате чего возникли многочисленные юэские «царства», известные под общим названием «сто юэ» («сто вьет»), из которых выделялись пять крупных протогосударственных племенных образований: *дуноу* (*донгау*), *миньюэ* (*манвьет*), *наньюэ* (*намвьет*), *тэйвьет* (*сиюэ*) или *тэйау* (*сиоу*) и *лаквьет* (*лоюэ*) (Познер П. В. История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994. — С. 22).

³¹ Долгое время, вплоть до династии Чан (1225–1400) люди татуировали изображения драконов. В летописи «Краткая история Вьета» есть, например, такое сообщение, относящееся к 1157 г.: «Все слуги *вьонгов* и *хау* не могут татуировать изображение дракона на груди» (Краткая история Вьета. — М., 1980. — С. 188). В историческом сочинении «Отражении истории Вьета, основа и частности» сказано: «Отец царствующего императора (Чан Нян-тонга — Е. К.) сказал: «Наш род вышел из моря, поэтому татуировка на бедрах изображений драконов означает, что мы не забыли

В первое время после основания государства людям всего не хватало. Одежду делали из коры деревьев, циновки — из соломы, из забродившего риса изготовляли вино, из маниока — кушанье, из растения *тунг лы* — лежанки, засаливали дичь, креветок, рыбу. использовали корни имбиря для изготовления соли. Поджигали участок леса, затем засеивали его, и земля давала много клейкого риса, который варили с помощью бамбуковых трубок. Спасаясь от тигров и других хищников, из деревьев делали дома. Люди коротко обрезали волосы, чтобы было удобно ходить в лес. Новорожденных детей клали на банановые листья. Если человек умирал, то его близкие поднимали шум, оповещая соседей, и те приходили помочь. Когда юноша и девушка собирались сочетаться браком, сначала, используя сверток с солью, совершали обряд помолвки. Уже после этого убивали скот, праздную свадьбу. Приносили в дом клейкий рис, вместе съедали его, только затем становились мужем и женой. В то время еще не было орехов арековой пальмы³², поэтому поступали так. *Батьнам* — это предки *батьвьетов*.

История рыбы-оборотня

В Восточном море³³ жил оборотень-рыбозмей, длина туловища составляла свыше пятидесяти *чюнгов*. У него было много лап, как у сколопендры. Оборотень мог всячески превращаться и творил непредвиденные чудеса. Когда он передвигался, то поднимался ветер, шел дождь. Случалось, что оборотень ел людей, и те его очень опасались.

В древние времена имелись похожие на людей рыбы. Они гуляли по берегу Восточного моря, все более напоминая сынов человеческих, и освоили в совершенстве их речь. Постепенно они подросли и превратились во множество юношей и девушек, которые питались рыбой, креветками, жабовидными ящерицами.

Еще были варвары-*маны*, жившие на морских островах. Они ловили рыбу и, сделав это своим основным промыслом, впоследствии весьма преуспели в этом занятии. С *манами* вели меновую торговлю солью, рисом, одеждой, ножами, топорами, постоянно плавая по Восточному морю туда и обратно.

У рыбы-оборотня было убежище. Скалы, по виду напоминавшие зубастую пасть, перегородили прибрежные воды. Внизу находился большой грот, там и жил оборотень. Это грозило гибелью множеству лодок. Не имея сквозной прямой дороги, людям приходилось обходить скалы, даже если начиналась сильная буря. Хотели было проложить другой путь, но камни пробить не удалось.

Желая облегчить передвижение людей, как-то ночью бессмертные принялись долбить скалы, прокладывая дорогу. Намеченный ими путь должен был идти напрямик. Рыба-оборотень превратилась в белого петуха и прокукарекала

о своем происхождении». В то время мастера, владевшие в совершенстве искусством татуировки, ожидали за дверями. Однако император, выждав момент, когда отец отвернулся, удалился. Отец понял, в чем дело, не стал настаивать. С тех пор прекратился обычай наносить татуировку на бедра в виде дракона» (*Việt sử thông giám cương mục*. Т. 5. — Hà-nội, 1957—1960. — Тт. 97).

³² Непременный атрибут свадьбы — плоды арековой пальмы, завернутые вместе с известью в листья бетеля.

³³ Восточное море — так называлось Южно-Китайское море.

с вершины горы. Решив, что скоро рассвет, бессмертные растворились в небесах (сейчас этот путь называется Протоком, расчищенным Буддой).

Видя, что народ страдает, Лонг-куан забеспокоился и превратился в большой корабль. Он приказал демону Зя Соа³⁴ из подводного царства запретить морским духам поднимать ветер и волны. Лонг-куан подплыл к гроту рыбы-оборотня, а один человек будто бы предназначался чудищу на съедение. Готовясь проглотить его, рыба разинула пасть, но вместо жертвы туда полетел раскаленный железный шар. Оборотень подпрыгнул, стал биться о судно. Лонг-куан отрубил ему хвост, содрал кожу и сварил на вершине горы (сейчас называется Батьлонгви³⁵ — Хвост Белого дракона). Голова оборотня поплыла в открытое море и превратилась в собаку. Лонг-куан скалами перегородил море и обезглавил ее. Тогда собачья голова стала горой (сейчас называется гора Каудау — Собачья голова). Туловище рыбы-оборотня уплыло в Манкау (сейчас называется Кау манкау — Собачье Манкау).

История лиса-оборотня

Город Тханглонг³⁶ раньше назывался Лонгбиен — Сплетение драконов. В глубокой древности люди там не жили. Некогда Ли Тхай-то (годы правления: 1010—1028 — Е. К.) плыл на лодке, переправляясь через реку Ниха. Два дракона указывали ему дорогу, поэтому император дал городу название Тханглонг — Поднимающийся дракон. Это и есть нынешняя столица.

Первоначально в этих местах, на западе, находилась небольшая каменная гора. В пещере под горой поселился лис с девятью хвостами. Он прожил более тысячи лет и стал оборотнем. Лис мог принимать десять тысяч разных обликов, превращаться в человека, в демона и оказываться в любом уголке земного мира.

В то время у подножия горы Танвиен жили варвары-*маны*. Из деревьев и соломы они делали себе жилища. На горе обитал дух, *маны* почитали его. Дух научил *манов* возделывать землю, ткать материю. Они шили одежды белого цвета и носили их, поэтому получили прозвание — *маны* в белых одеждах.

Девятихвостый лис превратился в одного из этих людей, смешался с ними, пел вместе с *манами* песни. Он стал завлекать юношей и девушек и прятать их в пещере под горой. *Маны* очень страдали от такой напасти. Тогда Лонг-куан поручил шести министерствам подводного царства открыть путь воде и разрушить маленькую каменную гору. Она осела и образовалась большая

³⁴ Демон Зя Соа — санскр. *якши*. В индуистской мифологии *якши* — полубожественные существа. *Якши*, как правило, благожелательны к людям. Судя по внешнему облику, а также по некоторым мифологическим функциям, *якши* — божества хтонического происхождения, имеющие отношение к плодородию. Они являются слугами бога богатства Куберы, охраняют его заповедные сады на горе Кайласе и сокровища, зарытые в земле и горных пещерах. В буддийской мифологии *якши* — группа полубожеств во главе с локапалой Вайшравана. Считается, что особенно опасны людям *якши* женского пола, которые едят человеческое мясо и пьют кровь детей (Мифы народов мира. Т. 2. — М., 1992. — С. 682). В народных верованиях вьетнамцев Зя Соа кроме земли, небес и путоты, населяют также и подводное царство (Повелитель демонов ночи. — М., 1969. — С. 230).

³⁵ Батьлонгви — остров в Тонкинском заливе возле Хайфона.

³⁶ Тханглонг — совр. Ханой.

заводь, в середине которой находился глубокий омут. Водоем назвали Тхи-хочать — Заводь дохлого лиса (сейчас это озеро Тэй). Лонг-куан способствовал сооружению буддийских и даосских храмов, чтобы усмирить злые чары (сейчас там есть тысячелетняя пагода Ла³⁷). На западном берегу заводи расположены ровные пахотные земли, их называют Ходонг. В местности, носящей прозвание Хотон, живут люди, там есть глубокий ров. Место, где раньше была пещера лиса, именуется Лоходам.

История дерева-оборотня

Давным-давно в землях Фонгтяу росло большое сандаловое дерево высотой в тысячу с лишним *жэней*³⁸. Никто не знал, на сколько тысяч *чюнгов* простирались его густые ветки и листья. Наверху было гнездо журавля³⁹, поэтому эти земли назывались Батьхак — Белый журавль. Прошло много лет — сколько именно никто не знает. Это дерево высохло и стало оборотнем, отличавшимся дерзким поведением, который мог по своей прихоти убить или помиловать встретившегося человека.

С помощью чудесных приемов Кинь Зьонг-вьонг одолел его. Продолжая менять обличья, оборотень слегка утихомирился. Однако сегодня он был здесь, а завтра в другом месте, какой облик захочется ему принять в следующий раз, нельзя было и предугадать. К тому же оборотень постоянно ел людей. Тогда воздвигли кумирню и воздавали ему всяческие почести. В конце каждого года в тридцатый день двенадцатого лунного месяца приходилось приносить ему в жертву одного человека, только после этого оборотень успокаивался и вел себя мирно, а жители получали временную передышку. Между собой люди называли его дух Сыонг Куонг — Неистовый дух. Юго-западные земли граничили с государством Михау — государством Макак. Правитель приказал варварам-манам из Бало (сейчас это Зиентяу)

³⁷ Лак Лонг-куан, уничтоживший лиса, в поздних вьетнамских текстах заменен даосским божеством — Владыкой Северного неба.

³⁸ *Жэнь* — китайская мера длины в семь или восемь *чи* (1 *чи* равен 0,32 м).

³⁹ По словам вьетнамских ученых, во главе всех водных божеств страны Ванланг стоял Там Зянг Бать Хак *дай вьонг* — великий государь Белый Журавль Трех Рек, в народе его обычно называли Тхань Хак — Святейший Журавль. Существует много преданий, в которых говорится, что Белого Журавля Трех Рек звали Тхо Лень — Владыка земли. Тхо Лень вместе со своим братом-близнецом Тхать Кханем — Владыкой камня помогал духу горы Танвиен бороться с врагами (*Văn hóa dân gian vùng đất tổ*. — Vĩnh Phù, 1986. — Тр. 100). В истории о соперничестве этих двух духов рассказывается: «Некогда китайский наместник Ли Чанмин (VII в. — Е. К.) в месте слияния трех рек соорудил храм. В переднем приделе он решил установить статую духа-охранителя государства и повелел мастерам приступить к работе. Когда статуя была почти готова, Ли Чанмин воскурил перед ней благовония и промовил: «Прошу самого могущественного духа здешних мест явиться мне в сновидении, чтобы я мог придать статуе сходство с ним». В ту же ночь приснились ему два человека необычного облика, каждого сопровождали десятки слуг со знаменами, барабанами, флейтами. Китайский наместник спросил, кто они, и один представился как Тхо Лень — Владыка земли, а другой назвался Тхать Кхань — Владыка камня. Ли Чанмин попросил их показать свои волшебные умения — наиболее искусный займет место на алтаре. Только он кончил говорить, как Тхать Кхань единым прыжком перемахнул реку, но, к своему неудовольствию, уже увидел там Владыку земли. Владыка камня опять прыгнул на другой берег, но Тхо Лень и тут его опередил. Наместник признал, что Владыка земли более искусен, и место на алтаре по праву принадлежит ему (*Lý Tế Xuyên. Việt điện u linh*. — Hà-nội, 1960. — Тр. 59–60).

ловить *лаоцзы*⁴⁰ из Шаньюаня и приносить их в жертву оборотню. Повторяясь из года в год, это стало постоянным.

Цинь Ши-хуан (годы правления: 246—209 гг. до н. э. — Е. К.) приказал Жэнь Сяо встать во главе Лонгсюяна. Сяо изменил порочный порядок и запретил приносить в жертву живых людей. Дух разгневался и тайно убил его. Впоследствии оборотня стали почитать еще больше. При Динь Тиен-хоанге (годы правления: 970—979 — Е. К.) появился сведущий в заклинаниях и талисманах даос по имени Сюй Вэньмоу, уроженец Севера. Ему было уже далеко за сорок, и отличался он высоконравственным поведением. Сюй Вэньмоу много странствовал, хорошо знал все варварские наречья и овладел приемами под названием «золотое тело, бронзовые зубы». Когда он прибыл в нашу страну, ему уже исполнилось восемьдесят лет. С помощью этого наставника Тиен-хоанг упразднил неприятную ритуальную практику.

Сюй Вэньмоу сначала позабавил Сыонг Куонга различными зрелищами, а затем убил его. Эти зрелища назывались: *тхыонгки*, *тхыонгкан*, *тхыонгтхат*, *тхыонгтой*, *тхыонгкуан*, *тхыонгхьемкан*, еще были *лакма* и *сыонгнги*. Каждый год в одиннадцатом месяце возводили висячий мост высотой в двадцать *чюонгов* и посередине устанавливали столб. Из пакли изготовляли канат длиной сто тридцать шесть *тхыоков* и диаметром три *така*. Центр каната располагался на вершине столба, а свешивавшиеся концы его прочно закапывали в землю. Во время забавы под названием *тхыонгки* человек в черной головной повязке и черных брюках быстро забирался наверх по канату и спускался обратно. Он проделывал это не падая два — три раза. Еще было развлечение *тхыонгкан*: на канате длиной в сто тридцать шесть *тхыоков* завязывали три узла. Двое с флагами в руках забирались по канату, встречались у трех узлов и, столкнувшись, давали дорогу друг другу, поднимаясь и спускаясь не падая. Забава *тхыонгтхат* состояла в следующем: квадратную деревяшку со стороной в один *тхыок* три *така* и толщиной в семь *фанов* ставили на столб высотой в семнадцать *тхыоков*. Нужно было подкинуть ее, принаравливаясь, два — три раза и не уронить. Для зрелища под названием *тхыонгтой* из бамбука делали корзину длиной в три *тхыока* и окружностью в четыре *тхыока*. Она походила на вершу для ловли рыбы. Человек умещался в эту корзину, а затем стоял, не падая. Были и такие развлечения: *лакма* — всадник верхом на лошади мчался во весь опор, на скаку подбирая с земли разложенные там предметы; *тхыонгхьемкан* — лежа на спине, человек удерживал ногами длинный бамбуковый шест, по которому карабкался ребенок; *сыонгнги* — несколько человек били в гонги и барабаны, беспорядочно кричали, галдели, резали скот для жертвоприношений.

Оборотень явился утолить голод и поглазеть на происходящее. Даос, читая тайные заклинания, взмахнул мечом и обезглавил его. Дух Сыонг Куонг, а также его свита были уничтожены. С тех пор люди избавились от ежегодного жертвоприношения, поэтому многим удалось сохранить жизнь⁴¹.

⁴⁰ *Лаоцзы* — название народности, живущей на юго-западе Китая.

⁴¹ Рассказы об уничтожении духа дерева встречаются и у других народов. В частности, в предании, известном у народов Южного Китая, рассказывается о сражении молнии и грома со старым деревом. Как только громовой топор упал, и дерево раскололось, из него вышла женщина с распущенными волосами, одетая в красное платье. Она погибла в сражении, это был дух дерева — *тинь* (*Stein R. Jardins en miniature d'Extreme-Orient // BEFEO. — 1942. — Т. XLII. — P. 85*).

Рассказ об арековой пальме

В древности жил принц высокого роста. Государь пожаловал ему имя Као — Высокий, и затем Као стало родовой фамилией. У принца родилось два сына, старшего назвали Тан, младшего — Ланг. Оба были так похожи, что и не различишь. Родители умерли, когда старшему исполнилось восемнадцать, а младшему — семнадцать лет. Они искали учителя, чтобы постичь *дао*. Их наставником стал даос из рода Лыу.

В семье Лыу была дочь семнадцати лет. Она хотела бы выйти замуж за кого-нибудь из братьев, но не знала, кто — старший, а кто — младший. Тогда она подала им одну чашку и одни палочки для еды, чтобы посмотреть, кто же все-таки старший. Увидев, как Ланг уступил чашку и палочки брату, девушка попросила родителей выдать ее замуж за Тана. Супруги с каждым днем все больше любили друг друга.

Младший брат остался жить с Таном, но все уже было по-другому. Ланг оказался предоставленным самому себе, он стеснялся, а потом решил, что Тан любит только жену, а его забыл. Тогда, не сказав ничего старшему брату, Ланг ушел. Он скитался по деревням и полям. Как-то путь ему преградила река, а лодки не нашлось. Он сел, залился слезами и умер, превратившись в арековую пальму, выросшую у него изо рта.

В то время старший брат, не найдя младшего, оставил жену и отправился его разыскивать. Узнав, что Ланг уже умер, он бросился на землю возле дерева и превратился в каменную глыбу. Жена, удивившись, что ее муж долго не возвращается домой, пошла его искать. Дойдя до того места, где случилось несчастье, и, обнаружив, что супруг уже мертв, она обняла камень и превратилась в лиану, обвившуюся вокруг глыбы. Листья этого растения отличались приятным терпким вкусом (это бетель). Сюда же в поисках дочери добрались и родители женщины. Узнав, что случилось, они горько заплакали, а потом воздвигли храм и стали приносить жертвы. Проходившие мимо люди тоже заходили в храм, воскуряли благовония, считая нежную дружбу братьев и супружескую верность достойными поклонения.

Как-то в седьмой — восьмой луне мимо проезжал государь Хунг-*вюнг*. Солнце нещадно палило, и он решил здесь передохнуть. Правитель наслаждался тенью и прохладой, стоя перед храмом на камне и любуясь листьями лианы, обвившей все вокруг. Услышав о случившейся здесь некогда истории, он приказал сорвать плод арековой пальмы, взял лист лианы и стал их жевать. Затем государь сплюнул на камень, тот сразу покраснел в этом месте. Обнаружив, что смесь приятна на вкус, Хунг-*вюнг* повелел взять с собой изрядный запас плодов и листьев и вернулся во дворец. Правитель приказал также обжечь камень, получилась известь. Он смешал ее с плодом арековой пальмы и листом лианы и пожевал, при этом губы Хунг-*вюнга* стали красного цвета. Вкус ему понравился, и он послал гонцов рассказать повсюду в Поднебесной о чудесном изобретении.

С тех пор к свадьбам, к большим и малым торжествам прежде всего готовили запасы плодов арековой пальмы, листьев лианы-бетеля и извести. Обычай страны Юга употреблять плоды арековой пальмы берет начало именно с этого времени⁴².

⁴² Аналогичные легенды о происхождении бетеля есть у ряда соседних народов, например, у кхмеров. Так, в кхмерском рассказе «Как соединились известь, бетель и арековый орешек» повествуется следующее: «Жили некогда два брата по имени Сода и Содха, и жили они мирно

и дружно. Когда старшему брату Соде исполнилось девятнадцать лет, а младшему Содхе было шестнадцать, узнали они, что в соседнем королевстве живет знаменитый мудрец, и пожелали они отправиться к нему и поклониться, чтобы обучил он их всем наукам. Жили братья одни, родители их давно уже умерли, и спрашивать им было не у кого, поэтому, не долго думая, они собрались и отправились в путь. Путь их был некороткий и нелегкий, но, в конце концов, добрались они до жилища мудреца и обратились к нему со своей просьбой. Поскольку они оба были парни здоровые и сильные телом, мудрец согласился обучать их, однако с тем условием, чтобы все время обучения они обслуживали его и выполняли все работы по дому. Мудрец был хорошим учителем, братья были прилежны и старательны, и мудрец передал им свои знания в течение двух лет. За это время он так привязался к своим ученикам, что отдал замуж за Соду свою любимую дочь Мони, прекраснейшую из девушек, которой как раз тогда исполнилось пятнадцать лет. И все было бы хорошо, но, женившись, Сода очень сильно охладел к своему младшему брату. Он целыми днями работал, мечтая добиться больших чинов, высокого положения и королевских милостей, а, вернувшись домой, сразу же уединялся с молодой женой для нежных бесед. Младшего же брата своего он совсем перестал замечать. Горестно стало на душе у Содхи, равнодушие старшего брата терзало его, никак не мог он понять, чем оно вызвано, и что теперь ему делать. В конце концов, печаль и обида так переполнили его сердце, что однажды утром он потихоньку собрал свои вещи и ушел навсегда из дома куда глаза глядя. Шел он, сам не зная, куда, и нимало об этом не заботясь, поглощенный своими грустными мыслями, пока не выбился из сил, и тогда присел отдохнуть под сенью большого дерева баньян на берегу реки. Сидел он и думал, куда направит стопы дальше и где искать приюта, а тем временем наступил вечер, и бедный Содха, немного поев, улегся спать под баньяном. Но едва он заснул, как появился перед ним великан ужасного вида с огромной дубиной в руке. И великан взревел: «Ты, ничтожный из ничтожных, как ты осмелился вступить в мои владения и не воскурить в мою честь благовонные свечи? Как осмелился ты не воздать мне почести и не склониться передо мной?» Дрожа от ужаса, Содха пролепетал: «Простите меня, господин! Невежество мое не от недостатка почтительности, а от большого горя. Соболаговолите выслушать мою печальную историю, и тогда вы пожалеете меня и, может быть, снизойдете до того, что поможете мне». «Ну уж нет, — заревел великан. — Жалеть тебя, да еще помогать тебе, осквернившему мою землю? Нет, тебя надо уничтожить!» С этими словами он протянул свою ужасающую дубину в сторону Содхи и выкрикнул страшные заклинания. В тот же миг несчастный Содха обратился в глыбу белого камня, а великан исчез, словно его тут и не было. Между тем старший брат Сода узнал, что Содха бежал из дома неизвестно куда, и как бы очнулся от долгого сна. Всю ночь вспоминал он о детских годах, как бедствовали они с братом после смерти родителей, как учились они вместе у мудреца, и как он, Сода, забыл о младшем брате после женитьбы на Мони. К утру стыд и раскаяние охватили его и стали нестерпимыми, и тогда он, оставив дом, жену и тестя, отправился на поиски Содхи. Он обходил леса, карабкался по горным кручам, останавливался в деревнях, но брата нигде не было. Он расспрашивал о нем всех, с кем встречался, но никто ничего не мог сказать ему. И вот однажды Сода очутился на берегу реки у большого баньяна, под которым высилась каменная глыба необыкновенной белизны. Без сил опустился Сода на этот камень и закрыл глаза, и сейчас же появился перед ним чудовищный великан со страшной палицей. «Ты, ничтожный из ничтожных, — заревел великан, — как ты осмелился вступить в мои владения без моего разрешения?» Сода задрожал от страха и смиренно произнес: «Прошу прощения, господин. Униженно прошу простить меня и разрешить мне отдохнуть здесь всего одну ночь. Я иду издалека, все ишу и никак не могу найти своего младшего брата. Может быть, вы, господин, знаете где он и что с ним случилось?» Громадные глаза великана сверкнули, и он разразился громовым хохотом. «А, так ты ищешь своего младшего брата, проревел он, — ну что же, придется простить тебя! Мало того, я помогу сейчас встретиться с ним тебе с ним, а заодно уж и сделаю так, чтобы вы больше никогда не разлучались. Знай, что камень, на котором ты сидишь, это и есть твой младший брат». С этими словами чудовище подняло дубину, устремило в сторону Соды и рывкнуло заклинания. Пронесся порыв сильного ветра, и в то же мгновение несчастный Сода обратился в арековую пальму, раскинувшуюся рядом с каменной глыбой, а великан исчез, словно растворился в воздухе. Тем временем Мони, не вынеся разлуки с любимым мужем, тоже покинула дом и отца и пустилась на розыски. Долго бродила она одна-одинешенька по пустынным равнинам и диким лесам, где кишели свирепые хищники, и в свое время вышла на берег реки к высокому баньяну, рядом с которым белела каменная глыба и высилась стройная арековая пальма. Мони совсем обессилела после долгого и трудного пути, опустилась на траву под пальмой, где уже лежали упавшие арековые орешки, прислонилась спиной к пальмовому стволу и тут же заснула. И явился перед ней великан с дубинкой и грозно проревел: «Готовься, ничтожная, сейчас я предам

Рассказ о болоте, возникшем за одну ночь

У Хунг-вюнга Третьего родилась дочь, назвали ее Тиен Зунг *ми ньонг*. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, она превратилась в необычайную красавицу. Но замуж девушка выходить не спешила. Было у нее лишь одно желание — путешествовать по Поднебесной. Государь баловал ее и ни в чем не отказывал. Каждый год во второй-третьей луне она садилась в ладью и прогуливалась по морю, всячески развлекаясь, а затем возвращалась во дворец.

В то время в деревне Тиса жил человек по имени Ти Ви Ван. У него рос сын Ти Донг Ты. Оба отличались добродетельным поведением, но в семье не было достатка. А тут еще случился пожар, все имущество сгорело, и осталась у них на двоих лишь одна набедренная повязка. Если возникала надобность куда-нибудь выйти, они надевали ее по очереди.

Однажды отец тяжело заболел, а возраст его уже был весьма преклонный.

«Если я умру, — сказал он юноше — похорони меня нагишом, а повязку оставь себе, чтобы ты мог избежать позора».

Старик и в самом деле умер, но сын не внял отцовским словам и, будучи почтительным молодым человеком, решил отдать ему последнюю дань уважения — похоронил его в набедренной повязке, а сам остался нагим. Страдая от холода и голода, он добывал себе пропитание ловлей рыбы, а когда видел проплывавшие мимо купеческие суда, то заходил в воду, чтобы прикрыть наготу, и просил милостыню.

Однажды к месту, где он жил, подплыла ладья Тиен Зунг, послышались звуки гонгов, барабанов, свирелей. Донг Ты испугался и стал думать, куда бы спрятаться, ведь на песчаной отмели не было ничего, кроме нескольких камышей. Но времени на размышления не было, и Донг Ты, поспешно вырыв яму, спрятался в нее и забросал себя песком.

тебя смерти!» Мони взмолилась: «Не убивай меня сейчас, дай мне перед смертью повидаться с любимым мужем и его братом!» Великан разразился громовым хохотом, от которого затряслась земля, и гаркнул: «А, в этом я готов тебе помочь! Знай, что арековая пальма у тебя за спиной — это и есть твой муж, а белый камень рядом с пальмой — это брат его, и да будешь ты навеки с ними!» И он поднял дубину, и несчастная Мони в тот же миг обратилась в побег бетеля, который стал сейчас же расти, вытягиваться и тянуться ввысь, обвивая ствол арековой пальмы. Великан же исчез без следа. Много-много лет спустя, после того, как это случилось, попал в эти места король, который странствовал по стране, набирая людей в свое войско. И вот увидел он на берегу реки огромный баньян, и рядом с ним глыбу белоснежного камня, и склонившуюся над ним арековую пальму, обвитую бетелем. Красота этого зрелища поразила его, и он повелел найти кого-нибудь, кто смог бы рассказать историю этого странного места. Скоро обнаружился крестьянин, который своими глазами видел, как тут все произошло. Выслушав эту историю, король задумался, а потом повелел набрать арековых орешков и листьев бетеля, смешать и истолочь их на каменной глыбе и полить вином. Когда вино пропитало эту смесь, из нее полилась красная жидкость, похожая на кровь. И сказал король: «Эти трое очень любили друг друга, и счастье их, что в своем новом существовании они опять вместе». В память о любви и страданиях, перенесенными этими неизвестными людьми, король повелел впредь при молении о славе и победах, при праздновании рождения ребенка и свадеб, при церемониях почитания усопших непременно потреблять смесь арековых орешков, листьев бетеля и вина. А потом, уже много позже, кому-то пришлось в голову прокалить на огне осколки белого камня. Так получилась известь, ее стали смешивать с бетелем и арековыми орешками и жевать. В наше время этот обычай распространен повсеместно. Известно, что арековая пальма и бетель растут всегда вместе, причем побег бетеля всегда обвиваются вокруг пальмовых стволов. И это не удивительно, потому что до превращения своего в растения бетель и арековая пальма были любящими супругами (Кхмерские мифы и легенды. — М., 1981. — С. 58–62).

Когда ладья Тиен Зунг причалила, принцесса прошла по песчаной отмели и захотела выкупаться. Она приказала отгородить как раз то самое место, где росли камыши. Тиен Зунг вошла в купальню, сняла одежды и принялась черпать воду и обливаться. Песок размыло, и тут обнаружился Донг Ты. Уразумев, что перед ней находится юноша, Тиен Зунг воскликнула:

«Я не хотела выходить замуж, но теперь, повстречав на песчаном берегу мужчину, вижу в этом указание свыше. Встань, юноша, и умойся».

Принцесса даровала ему одежды, они вместе поднялись в ладью и принялись пировать. Вся свита сочла, что такой счастливой встречи еще не бывало. Донг Ты рассказал свою историю, Тиен Зунг пожалела его и сказала, что они поженились. Юноша испугался и стал отказываться, но принцесса возразила:

«Ведь это Небо повелевает нам соединиться, как ты можешь возражать?»

Придворные доложили о случившемся Хунг-выонгу, и тот рассердился:

«Тиен Зунг не умеет себя вести. Она не ценит нашего богатства. Мало того, что разгуливает по дорогам, так еще и согрешила с бедняком. Как же не зазорно ей будет посмотреть на меня!»

Узнав об этом, Тиен Зунг испугалась и не решилась вернуться домой. Вместе с Донг Ты она открыла рынок, возвела храм и постоянный двор. Сюда стекался торговый люд, и вскоре их рынок стал крупным торговым центром (сейчас это рынок Халоа). Многие иноземные купцы торговали здесь. Они почитали Тиен Зунг и Донг Ты как владык. Однажды богатый купец сказал принцессе:

«Если у вас есть сбережения, возьмите слиток золота весом в один *и*, отправляйтесь с торговцами за море, купите там разных товаров, а здесь продайте. В будущем году полученная прибыль увеличит в десять раз вложенные деньги».

Выслушав купца, Тиен Зунг обратилась к мужу:

«Мы соединились по воле Неба, пропитание и одежда тоже даруется нам свыше. Давай попробуем рискнуть. Возьми золото и поезжай за товарами, а потом продадим их».

Донг Ты послушался совета жены и отплыл с купцом. Вскоре кончились запасы питьевой воды. Дабы пополнить их, корабль подошел к горе Куиньвиен, возвышавшейся далеко в открытом море. Судно причалило к берегу возле небольшого скита. Здесь торговцы обычно набирали питьевую воду. Донг Ты пошел прогуляться к скиту, познакомился там с молодым монахом по имени Фу Куанг и стал внимать его наставлениям. Он так увлекся, что отказался плыть дальше и, отдав золото купцам, попросил забрать его на обратном пути. Перед расставанием монах подарил Донг Ты посох и шляпу, сказав:

«В них-то и заключена чудодейственная сила».

Донг Ты благополучно вернулся домой и передал полученные знания своей жене. Тиен Зунг прозрела, они забросили торговлю и отправились странствовать, чтобы разыскать наставника, который раскрыл бы им *дао*.

Однажды они не успели прийти на постоянный двор до темноты. Супруги остановились посреди дороги, воткнули посох, повесили на него шляпу, укрылись под ней и стали коротать ночь. В самое глухое время — в третью стражу — вдруг появились крепостные валы, роскошные дворцы и храмы. Все в них было изукрашено золотом и серебром, драгоценными камнями, ложа занавешены расшитыми пологам, а перед глазами так и сновали отроки-слуги, красавицы, военачальники, дворцовая стража.

На следующий день местные жители, пораженные этим чудом, поспешили в дивный город с цветами, благовониями и ценными подарками, желая сделаться подданными. Тиен Зунг и Донг Ты поделили должности между военными и гражданскими чиновниками и основали государство.

Узнав об этом, Хунг-вюонг решил, что его дочь взбунтовалась, и послал слуг усмирить непокорных. Приближенные Тиен Зунг стали уговаривать ее подготовиться к войне, но принцесса отвечала:

«Не мне братья за это дело. Все случится по воле Неба, ведь жизнь и смерть predeterminedены на небесах. Я не осмелюсь выступить против отца, надо покориться судьбе и уповать на высшую справедливость. А так, кто знает, может, придется и умереть».

Люди, пришедшие в крепость недавно, испугались и разбежались, только старожилы остались с Тиен Зунг. Войско Хунг-вюонга подошло совсем близко, достигнув местности Тынием, теперь обе стороны разделяла только большая река. Уже стемнело, и было поздно начинать переправу. В полночь вдруг поднялся ураган, он вздымал волны и опрокидывал деревья. Видя, что дело неладно, войска Хунг-вюонга испугались. Город Тиен Зунг в мгновение ока поднялся на небо, земля же в этом месте опустилась, и образовалось большое болото.

На следующий день все увидели, что крепость исчезла, и поняли — произошло чудо. Местные жители построили здесь кумирню, приносили жертвы, а место назвали Нятзячатъ — Болото одной ночи. Округ именовали Тыниен или же иначе — Манчу, а тамошний рынок носил прозвание Халоа⁴³.

Впоследствии, во времена Ли Нам-де (544–548 — Е. К.), в нашу страну вторглось войско дома Лян (китайская династия, годы правления: 502–556 — Е. К.). Правитель назначил Чиэу Куанг Фука (будущий вьетнамский император Чиэу Вьет-вюонг, годы правления: 549–570 — Е. К.) генералом и послал его отразить вражеское нападение. Куанг Фук укрыл воинов в этой широкой и глубокой топи, где трудно было передвигаться. Он использовал долбленные челны, и враги не знали, где находится противник. Под покровом ночи воины Куанг Фука выходили на этих лодочках и нападали, поражая неприятеля и отбивая запасы продовольствия. Враг был совсем обессилен. Это продолжалось три-четыре года, а сражения в открытой местности так и не произошло. Чэнь Басянь, вражеский военачальник, вздыхал:

«В старину это место называли Болото небесного вознесения, случившегося за одну ночь, поистине верно».

Когда в Китае Хоу Цзин поднял мятеж, лянский правитель отозвал Басяня, сделав командующим Ян Чаня.

⁴³ Похожий сюжет есть и у кхмеров. Так, рассказывают, что жил в древние времена могущественный король *якш* и была у него прекрасная дочь. Звали ее Сок Кроуп, что означает Благоухающие волосы, имя это было ей дано потому, что от волос и от тела ее исходил дивный аромат. В один прекрасный день повстречался ей некий красивый и ловкий человек, они полюбили друг друга и, страшась гнева отца, скрылись в лесу. Узнав об этом, король *якш* пришел в великий гнев. Он созвал всю свою огромную армию и повелел части ее плотным кольцом окружить лес, где спрятались любовники, а другой части вырывать этот лес дерево за деревом и, если понадобится, рыть там землю, но непременно отыскать беглецов. *Якши* вырвали с корнем лес, вырыли на месте леса глубокую яму, но так никого и не нашли. Вырытая яма со временем превратилась в озеро, которое в память о том давнем происшествии люди назвали Окруженной *Якшей*. История происхождения названия озера имеет и другой конец: когда Сок Кроуп увидела, что они с любовником окружены армией *якш*, то поняла, что спастись им не удастся. И тогда она воззвала к богам, умоляя их спрятать ее под землю. Боги вняли ее мольбам, земля расступилась и поглотила ее, а на этом месте образовалось озеро (Кхмерские мифы и легенды. — М., 1981. — С. 175).

Куанг Фук выдержал пост, установил алтарь, воскурил благовония и долго молился. Вдруг в болото спустился дракон, на нем сидел необыкновенный человек, подзававший Куанг Фука.

«Хотя я вознесся на небо, — промолвил он, — но чудесные силы не оставили это место. Ты молился так искренне, что я пришел помочь тебе победить».

С этими словами он отдал Куанг Фуку вырванный у дракона коготь, повелев укрепить его спереди на шлеме, и тут же улетел. Куанг Фук последовал его совету, враги потерпели сокрушительное поражение, а их главнокомандующий был обезглавлен на поле битвы.

Когда Куанг Фук услышал весть о том, что Нам-де скончался, он вступил на престол и объявил себя Чиеу-выонгом, построив крепость в Чаушоне, расположенном в районе Вунинь.

История Дона Тхиен-выонга

Во времена Хунг-выонгов в Поднебесной царило спокойствие, и всего было вдоволь. Один из правителей китайской династии Шан-Инь, заявив, что ритуал прибытия на прием к государю не был осуществлен, двинул войска, желая захватить нашу страну.

Услышав об этом, Хунг-выонг собрал приближенных и спросил, какие будут планы по наступлению и обороне. Некий чародей посоветовал:

«Ничего не остается, как воззвать к Лонг-куану и просить помощи у потустороннего мира».

Государь внял его совету, приказал соорудить алтарь и поститься. На алтарь возложили золото, серебро, шелк, воскурили благовония и молились три дня. Небо затянули тучи, пошел дождь. Вдруг на перекрестке дорог увидели белобородого старца с белыми бровями, квадратным лицом и большим животом. Он сидел, посмеиваясь и что-то бормоча, напевая и раскачиваясь. Заметившие его люди сразу поняли, что это необычный человек, и доложили государю. Тот самолично явился, поклонился старику, который затем с почестями был доставлен к алтарю. Старец ничего не говорил, отказался он также от еды. Государь вышел вперед и спросил его:

«Сейчас северные войска собираются напасть на нас, что из этого выйдет, победим мы или потерпим поражение?»

Старец раскинул гадательные таблички и сказал:

«Враги нападут через три года».

Государь принялся расспрашивать его, как одолеть неприятеля. Старец промолвил:

«Когда вражеские полчища будут приближаться, надо привести в порядок все боевое снаряжение, подготовить воинов. Затем следует найти героя, который вызовется победить врагов. Не скупитесь, пожалуйста ему титулы и земельные владения. Объявится такой герой, и нашествие будет отражено».

Договорив, старик поднялся в воздух и исчез. Только тогда люди поняли, что видели самого Лонг-куана.

Ровно через три года с пограничных застав пришла весть о приближающихся полчищах иньцев. Хунг-выонг, помня о совете старца, разослал гонцов во все стороны, разыскивая человека, который сумел бы справиться с врагами.

В то время в деревне Фудонг, что в районе Вунинь, жил богатый старик, ему уже исполнилось больше шестидесяти лет. У него был трехлетний сын. Мальчик не умел говорить, целыми днями лежал на спине, даже не приподнимаясь. Узнав о прибытии государева гонца, мать упрекнула сына:

«Родила вот тебя, только и умеешь, что есть да пить, нет, чтобы пойти сразиться с врагами, заслужить милость двора и отблагодарить меня».

Вдруг мальчик произнес:

«Позови сюда вестника, я хочу расспросить его».

Удивившись, мать отправилась рассказать соседкам, что ее сын заговорил. Те тоже удивились и тут же послали за гонцом. Он явился и спросил:

«Малыш, зачем я тебе нужен? Ведь ты же сам, кажется, только научился говорить!»

Мальчик поднялся и произнес:

«Доложи поскорее правителю: надо выплавить железного коня высотой в восемнадцать *тхьюков*, железный меч в семь *тхьюков* и железную шляпу-*нон*. Я вступлю с врагами в бой и сразу обращу их в бегство. Больше государю не о чем беспокоиться».

Гонец тут отправился к Хунг-*выонгу* и все ему рассказал. Тот радостно промолвил:

«Ну, теперь все будет в порядке».

Однако придворные усомнились:

«Как это один человек разобьет целое войско?»

«Лонг-куан помогает нам, не тревожьтесь, разве слова являвшегося ранее старца могут быть ложью?» — отвечал Хунг-*выонг*.

Тут же правитель приказал доставить пять тысяч *канов* железа, выплавить коня, меч и шляпу. Затем посланец привез мальчику необходимое снаряжение. Мать стали мучить сомнения, она принялась расспрашивать сына, но тот, смеясь, отмахивался:

«Скоро я отправлюсь биться с врагами. Приготовь мне побольше еды и не волнуйся».

Ребенок стал быстро расти, ему уже было мало еды в родном доме. Жители всей деревни приносили ему рис, мясо буйволов, пироги, вино, а он никак не мог утолить голод. Мальчик так вытянулся, что для его платья не хватило всех запасов шелка и парчи, пришлось прикрыть тело цветами тростника.

Когда полчища иньцев приблизились к Чаушону, мальчик выпрямился во весь рост — свыше десяти *чыонгов* — сморщил нос и, чихнув громче, чем десять человек, схватил меч.

«Я — Небесный воитель!» — воскликнул он, прыгнул на коня и, размахивая мечом, помчался так быстро, будто летел по воздуху. Войска Хунг-*выонга* следовали за ним.

Скоро закипел бой, неприятель был окружен и прижат к подножию горы Чаушон в районе Вуниня. Иньский правитель погиб, часть его уцелевших воинов бежала, а другие пали ниц и восклицали:

«Небесный воитель!»

Отрок же добрался до деревни Анвьет в волости Шокшон, сбросил одежду и верхом на коне поднялся в небо. На вершине горы остались лишь его следы, отпечатавшиеся на камне.

Хунг-*выонг* не забыл о подвиге и, чтобы отблагодарить чудесного героя, присвоил ему титул Фудонг Тхиен-*выонг* — Небесный государь из Фудонга. Он

также приказал возвести на родине храм рядом с его домом и садом и приписал к святилищу сто *кхоаней* плодородной земли. Небесному государю поклонялись утром и вечером.

Двадцать семь государей династии Инь не осмеливались вторгаться в наши пределы на протяжении шестьсот сорока четырех лет. Прослышав о поражении, все прилегающие страны тоже изъявили покорность нашему государю.

Впоследствии император Ли Тхай-тонг даровал чудесному воителю титул Сунгт-хиен тхан-*вюнг*, соорудил храм в деревне Фудонг возле пагоды Киенфук, установил статую на горе Велинь. Каждую весну и осень ему приносили жертвы.

Рассказ о новогодних пирогах

После того, как Хунг-*вюнг* были разбиты иньские войска, в государстве воцарилось спокойствие. Государь решил передать трон сыну. Собрав всех двадцати двух принцев, он сказал:

«Я хочу уступить престол тому, кто в соответствии с моими желаниями принесет в конце года вкуснейшие лакомства, дабы поднести их моим предкам и исполнить долг сыновней почтительности».

Все сыновья кинулись разыскивать всевозможные диковинки, даруемые водой и землей, добываемые в разных местах рыболовством и охотой или приобретаемые на рынках. Вскоре лакомств было столько, что трудно и перечесть. Только восемнадцатому принцу по имени Ланг Лиеу трудно было сделать необходимое: свита его была малочисленна, матушка происходила из бедного и слабого рода, и к тому же сама она скончалась от болезни. И во сне и наяву принц не знал покоя. Вдруг он увидел во сне необыкновенного человека, возвестившего:

«В мире нет ничего более ценного, чем рис, ведь он кормит людей. Им можно питаться хоть всю жизнь, так и не почувствовав пресыщения. Ничего нельзя поставить впереди риса. Сделайте из клейкого риса круглый пирог, формой напоминающий небо, и квадратный, в виде земли. В середину положите вкусную начинку из десяти тысяч встречающихся в природе видов пищи, что будет таить в себе намек на доброту родителей, вырастивших детей. Поступив так, вы угодите отцу и можете рассчитывать на престол».

Ланг Лиеу проснулся и радостно сказал:

«Это божество помогло мне, я так и сделаю, как оно велит».

Принц отобрал прекрасный белый клейкий рис, стараясь, чтобы все зернышки были целыми, промыл и тщательно обсушил его. Затем Ланг Лиеу взял банановые листья, положил на них рис и добавил в середину начинки, после чего, придав пирогу форму квадрата, сварил на пару до готовности. Получившееся кушанье он назвал *бань тинг*. Кроме того, принц сварил клейкий рис, размял его и сделал лепешку в форме круга, напоминающего небо. Это и был пирог — *бань зяй*.

Вот подошел положенный срок, и государь собрал всех сыновей. Все они поднесли изысканные лакомства. Государь рассматривал их одно за другим, тут было все, что только можно пожелать. Ланг Лиеу показал свои пироги — круглый и квадратный. Государь изумился и спросил, то это такое. Ланг Лиеу рассказал о чудесной помощи духа. Попробовав пироги, государь счел,

что кушанья других принцев не шли ни в какое сравнение. Ланг Лиеу стал победителем в состязании.

На празднике в конце года пироги Ланг Лиеу поднесли в качестве ритуальной жертвы родителям государя. Все в Поднебесной стали подражать этому, так и готовят круглый и квадратный пироги до настоящего времени. Из-за имени принца — Ланг Лиеу — кушанья называли *тиетлиеу*.

Государь передал престол Ланг Лиеу. Оставшиеся сыновья стали вассальными князьями, они охраняли горы и реки, делая их безопасными. В дальнейшем принцы стали спорить друг с другом, и мира между ними не было. Для того, чтобы обороняться, каждый возвел деревянные укрепления, в древности они именовались *самь*, *чай*, *чанг*, *фыонг*, такие названия берут начало от этого.

Рассказ об арбузе

Некогда во времена Хунг-выонгов жил чиновник по имени Май Ан Тием. Он был чужеземец, его в семилетнем возрасте привезли купцы. Правитель купил мальчика и сделал своим рабом. Когда ребенок вырос, то хорошо разбирался в явлениях и вещах, отличался приятной внешностью и хорошим характером. Хунг-выонг дал ему имя Май Иен, прозвище Ан Тием, даровал жену, родившую впоследствии сына и дочь. Государь назначал его на разные должности. Постепенно Ан Тием возвысился и разбогател, все люди опасались его, склонив головы, наносили ему визиты, захватив с собой всевозможные подношения. Он возгордился и часто говорил:

«Все это имущество было предопределено мне в предыдущем перевоплощении и монаршьи милости здесь не при чем».

Хунг-выонг, услышав о таких речах, рассердился и сказал:

«Это я сделал его чиновником, а он оказался таким неблагодарным. Ан Тием стал заносчивым, вот я и отправлю его на пустынный остров в открытом море, где никто не живет. Посмотрим, появится ли у него достаток и там».

Тут же Ан Тиема отвезли на песчаный остров, расположенный в заливе в районе Нгашона. Даже следа ноги человека там не было. Съестных припасов ему дали на четыре-пять месяцев, а дальше его ожидала голодная смерть. Жена заплакала:

«Как здесь выживешь? Видно, скоро придется умирать».

«Если Небо нас породило, оно и накормить должно. Рождение и смерть предопределены Небом, о чем мне беспокоиться?» — успокоил ее муж.

Через некоторое время они увидели белую птицу, летевшую с западной стороны. Она села у подножия горы и прокричала три-четыре раза, и шесть-семь семян какого-то растения упали на песок. Зернышки дали всходы, зазеленели побеги, и вскоре созрели плоды. Их уродилось так много, что и не сосчитаешь. Ан Тием обрадовался и сказал жене:

«Ничего странного здесь нет, это Небо позаботилось о нас».

Он разрезал плод и съел. Его приятный вкус и свежий аромат очень понравились Ан Тиему. С тех пор Ан Тием стал выращивать эти плоды, их развелось столько, что самим все съесть было не под силу. Он выменивал на плоды рис, и жена с детьми не испытывали нужды. Ан Тием не знал, как назывались эти плоды и, поскольку птица прилетела с запада, прозвал их *тэй куа* — «западные тыквы» — это были арбузы.

Рыбакам и купцам, подходившим к острову, полюбились арбузы, они наперебой предлагали взамен свои товары. Близко и далеко, в лесах и на реках, везде люди покупали арбузные семечки. Арбузы стали выращивать повсюду.

Впоследствии государь вспомнил об Ан Тиеме и послал слугу разузнать, жив ли он еще или уже умер. Посланец вернулся и доложил, как обстоят дела. Хунг-вюнг долго вздыхал и промолвил:

«Ан Тием говорил, что богатство было predeterminedено в прежней жизни. Это и в самом деле оказалось правдой».

Государь опять приблизил Ан Тиема, вернул ему прежнюю должность, подарил рабов и рабынь. Место, где он жил, называлось Сатяу, его стали именовать Антиемтяу, а жилище получило название Приют Мая. Теперешний уезд Нгашон — это и есть Антиемтяу. Люди дали Ан Тиему прозвание — Родитель арбузов. И сейчас все еще существует выражение — «Предок арбузов», ибо арбузы берут начало с Ан Тиема.

Рассказ о белом фазане

Во времена Чэн-вана династии Чжоу (годы правления: 1115–1078 гг. до н.э. — Е. К.) Хунг-вюнг повелел своему чиновнику от имени рода Вьеттхыонг⁴⁴ поднести белого фазана государю династии Чжоу. Слова посла не сумели найти пути к слуху китайского правителя. Чжоу-гуну перевели речи посланника вторично, только после этого он понял. Чжоу-гун спросил:

«Почему жители Зяоти брежут волосы, разрисовывают тело, ходят с непокрытой головой и босые?»

⁴⁴ Вьеттхыонг — как отмечает А.И. Мухлинов, старая историография считала наиболее ранним вьетским государством (царством, а по существу, вероятно, каким-то этносоциальным образованием типа военной демократии) Вьеттхыонг (кит. Юэшан), возникновение которого относилось к правлению чжоуского Чэн-вана (1115–1078 гг. до н.э.). В «Хоу Хань шу» (цзюань 116) говорится, что «на юге Цзяочжи есть государство Юэшан. Использовали много переводчиков, чтобы преподнести белого фазана, и говорили: уже давно Небо не сотрясилось бурей, по-видимому, Поднебесная имеет божественного человека... Но дороги далекие, горы и реки мешают, язык необычный, поэтому нужен толмач для аудиенции» (Мухлинов А. И. происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977. — С.140). По словам П. В. Познера, существуют две версии о локализации Вьеттхыонга, историчность которого, подтверждаемая как китайскими, так и вьетнамскими источниками, не ставится под сомнение. Согласно первой, Вьеттхыонг находился либо на территории провинции Хубэй, либо на территории уезда Юйчжан провинции Цзянси (т.е. эти земли несколько позднее должны были входить либо в царство Чу, либо в царство Юэ и, по всей вероятности, в чжоуский округ Ян). Согласно второй версии, Вьеттхыонг находился на территории современного Северного или северной части Центрального Вьетнама. В качестве возможного местонахождения Вьеттхыонга указываются провинции Куангчи, Куангнам, Нгеан, Хатинь и даже Виньфу в долине Красной реки. Рассмотрение источников показывает, что для эпохи конца второго тысячелетия до н.э. вторая точка зрения маловероятна (Познер П. В. История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994. — С. 49). Эпизод с белым фазаном присутствует в «Краткой истории Вьета»: «Период правления Чэн-вана (династии) Чжоу. Некогда Юэшанши впервые поднесли белого фазана. «Чунь цю» называет (этого фазана) «Цюэ ди», «Дай цзи» — «Дяо ти» (Краткая история Вьета. — М., 1980. — С. 109). «Полное собрание исторических записок о Великом Вьете» тоже упоминает этот случай: «Во времена чжоуского Чэн-вана наш Вьет, называя себя родом Вьеттхыонг, впервые направил послов ко (двору) Чжоу (неизвестно при каком поколении Хунг-вюнгов) и преподнес белого фазана. Чжоу-гун сказал: «(Те страны), на которые не распространяются законы (нашего) правления, благородный муж не может считать своими данниками». Велел сделать повозку, указывающую на юг, и отправить (послов) в их царство» (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. — М., 2002. — С. 112).

Посол отвечал:

«Обрезают волосы, чтобы удобнее пробираться по горам и лесам, разрисовывают тело, дабы походить на обитателей подводных драконовых чертогов, и тогда в воде драконы не нападают. С босыми ногами удобнее влезть на деревья. Люди распахивают землю, сжигают лес, сажают рис, чтобы избежать палящего зноя. Стараясь очистить зубы, жители употребляют плоды арековой пальмы, поэтому их зубы становятся черными».

Чжоу-гун спросил:

«Зачем пожаловали?»

Посол отвечал:

«Вот уже три года Небо не посылает пронизывающих ветров и затяжных дождей, на море не вздымаются волны. Решили, что в Срединном государстве есть мудрец, поэтому и прибыли».

Чжоу-гун вздохнул:

«Когда по приказу люди не являются, благородный муж не считает их своими подданными. Если благая сила и благодеяния императора не распространяются на людей, то благородный муж ничего от них не принимает. Припомним запись слов Хуан-ди: «Цзяочжи находится в чужих краях, не стоит туда вторгаться».

Государь пожаловал множество подарков, удостоил советами и поучениями, а затем велел возвращаться. Посланец рода Вьетхьонг забыл обратную дорогу. Чжоу-гун приказал даровать пять парадных экипажей, все они имели устройство, указывающее на юг⁴⁵. Посол отправился по побережью стран Фунань и Линьи⁴⁶ и через год вернулся в свое государство. Указывающие на юг повозки постоянно направляли по верному пути.

Впоследствии Конфуций составил хронику «Чуньцю»⁴⁷ — «Весны и осени». В связи с тем, что Ванланг являлся далекой окраиной, и культурные установления там не были завершены, он не занес это государство в свои записи.

Книга вторая

История Ли Онг Чонга

В конце династии Хунг-вьонгов в Зяоти в уезде Тылием жил человек из рода Ли по имени Тхан. Он был очень высоким, рост его достигал двух *чьонгов* и трех *тхьюков*. Как-то Ли Тхан отважился убить человека. Это преступление заслуживало смертной казни, но Хунг-вьонг смилостивился и оставил его в живых.

⁴⁵ Устройство, указывающее на юг — повозка, оснащенная указательной стрелкой, которая была соединена с осью колес и посредством специального зубчатого механизма удерживала их в исходном положении при изменении направления движения. Ученые считают, что повозки с таким механизмом появились в эпоху Хань, а китайская литературная традиция связывает их изобретение с легендарным Хуан-ди, который впервые применил их в битве при Чжоу (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. — М., 2002. — С. 198).

⁴⁶ Линьи — Тямпа. Как справедливо отмечает П.В. Познер, данная географическая локализация содержит взаимоисключающие сведения; так, говорится, что посол возвращался вдоль побережья Фунани и Тямпы, т. е. с юга на север, тогда как он передвигался с севера на юг (Познер П.В. История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994. — С. 50).

⁴⁷ «Чуньцю» — древнейшая китайская хроника, принадлежащая, по преданию, кисти самого Конфуция, описывала события VII–V вв. до н. э.

Во времена Ан Зыонг-*выонг* Цинь Ши-хуан хотел захватить наше государство. Тогда Ан Зыонг-*выонг* отдал Ли Тхана. Получив этот дар, Цинь Ши-хуан очень обрадовался и назначил богатыря на должность *сыли сяовэй*. Когда император Цинь Ши-хуан объединил Поднебесную, то послал Тхана управлять войском и охранять Линьтао⁴⁸. Гунны не осмеливались переходить границу. Затем Тхану даровали титул *фусинь-хоу* и разрешили вернуться на родину.

Впоследствии, когда гунны опять захватили приграничные заставы, Ши-хуан вспомнил о Ли Тхане и отправил посла, призывая его вернуться. Тхан не захотел и спрятался на болотах. Посланец династии Цинь укорял Ан Зыонг-*выонг*. Тот долго разыскивал Тхана, но безуспешно, и тогда объявил, что он уже умер. Посол поинтересовался, с чем связана его кончина, и получил ответ, что причиной смерти была холера. Цинь Ши-хуан приказал проверить это. Сварив жидкую кашу, смешали ее с землей, стремясь сделать сообщение правдоподобным. Владыка Китая повелел доставить труп. Ли Тхан, не видя возможности уклониться, покончил с собой. Труп набальзамировали ртутью и отправили в Цинь. Горестно вздыхая, Ши-хуан приказал отлить из меди его статую и назвал Вэн Чжун (вьет. Онг Чонг — Е. К.). Статую установили у ворот Сыма в городе Сяньяне⁴⁹, внутри нее могли помещаться несколько десятков человек. Когда прибывали послы со всех четырех сторон, император приказывал людям забираться внутрь и приводить статую в движение. Гунны думали, что *сяовэй* еще жив и не осмеливались вторгаться.

Во времена династии Тан, когда Чжао Чан был губернатором Цзяочжоу⁵⁰, ночью во сне он обсуждал с Ли Тханом «Весны и осени» с комментариями господина Цзо⁵¹. Из-за этого, разув, где находилось старое жилище Ли Тхана, возвел в честь него храм и приносил жертвы.

Когда Гао Пянь⁵² умиротворял Наньчжао, Тхан постоянно являл ему чудодейственную помощь. Гао Пянь приказал отремонтировать кумирню и вырезать из дерева статую, назвал храм *сяовэй* Ли. Он находился в пятидесяти *ли* к западу от столицы в деревне Тхихием уезда Тылием (сейчас деревня Тхюихьонг). Каждый год во втором месяце по лунному календарю там совершаются жертвоприношения.

История колодеца Вьет

Вьетинь — колодец Вьет — находится на горе Чаушон, что в уезде Вунинь. При Хунг-*выонг* Третьем государь династии Инь двинул войска, желая захватить страну Юга. Лагерь врагов разместился у подножия горы Чаушон. Хунг-*выонг* попросил помощи у Лонг-куана. Лонг-куан превратился в Донг Тхиен-*выонг*, сидевшего верхом на железном коне, и напал на неприятеля. Иньские

⁴⁸ Линьтао находилось на юге провинции Ганьсу, во времена Цинь Ши-хуана — это крайний запад империи.

⁴⁹ Сяньян — столица империи Цинь, находилась в совр. уезде Сяньян провинции Шэньси.

⁵⁰ Цзяочжоу — вьет. Зяотяу — название Вьетнама.

⁵¹ «Весны и осени» с комментариями господина Цзо — «Цзочжуань» — наиболее древний комментарий к историческому сочинению «Весны и осени» («Чуньцю»), автором которого считается Конфуций.

⁵² Гао Пянь — губернатор династии Тан (IX в.)

войска были разбиты, а вражеский правитель, потерпев поражение, погиб у подножия горы. Он стал государем в подземном царстве. Местные жители воздвигли в честь него храм и во все четыре сезона совершали там моления. С годами здание постепенно пришло в упадок и заросло сорняками.

Тхой Ланг, уроженец нашей страны, служил при дворе китайской династии Цинь (годы правления: 221–207 гг. до н.э. — Е. К.) и дошел до должности цензора. Он часто проезжал по этой местности и, сожалея, что храм разрушился, отремонтировал его. По этому поводу Тхой Ланг написал стихи, гласившие:

*В древности люди следовали в помыслах Инь-вану,
Объезжавшему когда-то с инспекцией эти земли.
В безбрежном просторе среди прекрасных гор и струящихся вод
виден (возведенный в честь него) храм.
(Одни) души (Инь-вана) вознеслись, другие все еще здесь,
(все) вдыхают аромат.
Победа будет или поражение, благая сила Инь-вана не исчезнет,
Вечно сверхъестественные силы будут оберегать Вьеттхьонг.
С тех пор сто родов почитают (того, кто),
Безмолвно поддерживает государство и постоянно дарует счастье.*

Когда Жэнь Ао и Чжао То⁵³ вторглись на Юг, они разместили войска у этой горы. Храм был подправлен, а жертвоприношения увеличились. Инь-ван, растроганный добродетелью Тхой Ланга, захотел отблагодарить его и позвал на розыски фею Магу⁵⁴. В то время Тхой Ланг уже умер, у него остался лишь один сын по имени Тхой Ви.

Во время праздника Фонарей, происходившего пятнадцатого числа первого лунного месяца, местные жители пришли в храм. Некий человек поднес в дар пару стеклянных ваз. Желая полюбоваться сосудом, Магу взяла его в руки. Вдруг ваза упала на землю и разбилась⁵⁵. Люди схватили фею, требуя возмещения убытков. На Магу была рваная одежда, никто не признал в ней небожительницу, и ее стали бить батогами. Увидев это, Тхой Ви пожалел Магу, снял свое платье и отдал в качестве выкупа. Избавившись от побоев, фея спросила у Тхой Ви,

⁵³ Жэнь Ао (вьет. Ням Хиеу) и Чжао То (вьет. Чиеу Да) — циньские военачальники, посланные на завоевание территорий южнее Янцзы. Не позднее 207 г. до н. э. Чжао То объявил о создании государства Намвьет на базе трех бывших циньских областей — Наньхай, Гуйлинь и Сян.

⁵⁴ Магу — «конопляная дева», в поздней китайской мифологии бессмертная фея, помогающая людям. По преданию, Магу появилась на свете в древности (по традиции, во втором веке до н. э.). По повелению бессмертного Ван Фанпина она оказалась в доме некоего Цай Цзина в виде прекрасной восемнадцатилетней девицы, но с длинными ногтями, напоминающими птичьи когти. Цай Цзину тут же пришло в голову, что ими хорошо чесать спину. Узнав об этих мыслях, Ван Фанпин послал человека с плеткой, чтобы отхлестать его и разъяснить, что Магу — бессмертная фея. Впоследствии Магу чудесными заклинаниями заставила отступить море и вернула людям значительную часть побережья в Цзянсу, превратив его тут же в тувовый лес. По другой версии, Магу жила в IV в. (возможно, речь идет о другом ее перерождении) в провинции Аньхой, получившей впоследствии наименование Магушань («гора конопляной девы»), где занималась приготовлением снадобья бессмертия. Живя на горе, Магу изготовила чудесное вино, отведав которого, ее слепой отец прозрел. С этой горы Магу поднялась в небо, видимо, на огромной птице. На народных лубках Магу изображалась с символами счастья (летучей мышью) и долголетия (персиком, бабочкой), а также с волшебным грибом *личжи*, дарующем бессмертие и т. п. Нередко рядом с Магу рисовали мальчика, в таких случаях Магу выступает в функции феи, дарующей сыновей. В народных легендах Магу нередко выступает как богиня — спасительница попавших в беду людей (Мифы народов мира. Т. 2. — М., 1992. — С. 87–88).

⁵⁵ Мотив разбитой вазы вызывает ассоциации с весьма популярной вьетнамской богиней Лиуе Хань, изгнанной с неба из-за того, что она разбила кубок, содержащий напиток бессмертия.

откуда он. Тхой Ви поведал о происхождении своего отца, и Магу узнала, что перед ней сын Тхой Ланга. Она обрадовалась и сказала:

«Сейчас мне нечем отблагодарить тебя, но потом ты будешь щедро вознагражден».

Затем фея дала *моксу* — трут для прижигания, сделанный из полыни⁵⁶, прибавив:

«Бережно храни эту вещь и всегда держи при себе. Это средство поможет больному избавиться от опухоли, и ты обязательно станешь богатым и знатным».

Тхой Ви взял трут из полыни, не ведая, что это лекарство бессмертных.

Однажды он пришел в гости к даосу Ынг Хюйену и, увидев у него на голове нарост, предложил:

«У меня есть трут из полыни, исцеляющий этот недуг, давай я тебе помогу».

Хюйен согласился, сделал прижигание, и опухоль исчезла. Тогда даос сказал:

«Это лекарство бессмертных. У меня сейчас ничего нет, чтобы вознаградить тебя, но я услужу по-другому. Один мой родственник, знатный, влиятельный человек, страдает от такой же болезни. Он часто говорил, что для того, кто избавит его от этого недуга, ничего не пожалеет. Пойдем, я отведу тебя к нему, и ты его вылечишь».

Ынг Хюйен проводил Тхой Ви до дома Жэнь Ао. Тот сделал себе прижигание, и опухоль на шее пропала. Жэнь Ао очень обрадовался, усыновил Ви, открыл школу, чтобы тот мог учиться. Ви отличался умом, любил играть на цине. Фан Жун — дочь Жэнь Ао — увидела его и полюбила. Они вступили в незаконную связь и очень привязались друг к другу. Узнав об этом, сын Жэнь Ао — Жэнь Фу — захотел убить Ви. В конце года духу Сыонг Куонгу должны были принести в жертву человека, и Жэнь Фу хотел, чтобы им оказался Ви. Жэнь Фу сказал Ви:

«В конце года приносят жертву Сыонг Куонгу, и пока еще не нашли никого подходящего. Не выходи сегодня на улицу, укройся в присутственном месте, потом не пожалеешь».

Не подозревая ничего плохого, Тхой Ви так и сделал. Жэнь Фу запер за ним дверь, так, что выйти было нельзя. Фан Жун разгадала замысел брата, тайком передала узнику нож. Ви продырявил стену и вышел. Скрываясь ото всех, поздно ночью он стал пробираться к дому Ынг Хюйена. Тхой Ви торопливо бежал по горам и вдруг провалился в какое-то отверстие. Со всех четырех сторон его окружали каменные стены, и не было ни одного уступа, который помог бы выбраться. С одной из глыб свешивались сталактиты, с них капало в каменную чашку. Выполз белый змей длиной в сто *тхьюков* с золотым рогом, красной пастью и серебряной чешуей. Внизу на челюсти у него виднелась опухоль, а на лбу сверкали золотые иероглифы «Змееныш из Юйцзина — столицы Небесного царства». Змей хотел полакомиться питательными выделениями сталактитов, но обнаружил, что чашка пуста. Подняв голову, он увидел Ви и собрался его проглотить. Тхой Ви в испуге пал ниц и проговорил:

«Спасаясь от несчастья, я случайно упал сюда. Мне нечем было утолить голод, и я осмелился отведать яшмовое вещество. Поистине, это преступление. Внизу

⁵⁶ В восточной медицине одним из традиционных методов воздействия на жизненные точки организма было прижигание порошком из полыни, которая считалась воплощением чистого *ян* — мужского начала в растительном мире. В китайском фольклоре полынь наделялась свойством отгонять злых духов. Прижигание применялось для прогревания каналов циркуляции энергии и нормализации тока *ци* — жизненной энергии.

на челюсти у вас опухоль, позвольте взять трут и сделать прижигание. Простите мою вину и разрешите продемонстрировать мои скромные способности».

Белый змей тотчас вытянул шею, словно просил сделать прижигание. Вдруг горящая щепка влетела в пещеру, Ви сделал прижигание, и опухоль сразу исчезла. Змей выгнул туловище, как бы приглашая сесть на него. Ви устроился у него на спине, змей пополз из пещеры и спустя одну стражу был уже у края провала. Там никого не было, мимо никто не проходил. Змей махнул хвостом, Ви слез, а его спаситель вернулся обратно в пещеру.

Ви в одиночестве отправился в путь. Он заблудился и вдруг увидел городские ворота с высокой башней, крытой красной блестящей черепицей. Все это озарял просачивавшийся свет. На воротах висела красная доска с золотыми иероглифами «Город Инь-вана». Ви сел у ворот, и долгое время никто не проходил мимо него. Тогда он вошел через ворота и увидел пруд, в котором плавали лотосы пяти цветов, по берегам росли ряды софор и ив. Улицы были гладко вымощены, виднелись яшмовые дворцы и жемчужные храмы с великолепными крышами. В одном из дворцов на возвышении стояли два золотых ложа, застланные расшитыми серебряными цветами покрывалами. На стене висели цитра и гусли. Ви неспешно вошел, взял цитру и долго играл на ней. Вдруг открылись двери и вошли золотые отроки, яшмовые девы⁵⁷ — сто с лишним прислужников супруги Инь-вана. Ви очень испугался, выбежал из дворца и пал ниц. Иньская государыня улыбнулась и сказала:

«Как это вы сами сюда добрались?»

Она послала слугу пригласить Ви подняться во дворец, прибавив:

«Храм нашего государя Инь-вана долгое время был заброшен. Цензор Тхой отремонтировал его и, подражая этому, люди содержали храм в порядке, исправно совершая моления. Ван послал Магу отыскать Тхоя, дабы вознаградить его за добродетель. Небожительница не сумела найти цензора, ей встретился только его сын, которого еще не отблагодарили, как следует. У вас, господин Ви,

⁵⁷ Золотые отроки, яшмовые девы — скульптурные изображения Нгок Ны (Нефритовой девушки) и Ким Донга (Золотого юноши) обычно помещались во Вьетнаме в алтаре буддийского храма с двух сторон от скульптуры богини Куан-ам. Во Вьетнаме сохранились различные легенды, как местного, так и китайского происхождения, рассказывающие о появлении этих персонажей. Изображение Нгок Ны с жемчужиной в руках связано с легендой о дочери короля драконов, которой грозила опасность превратиться в карпа. Чтобы предотвратить эту беду, отец-дракон дал ей светящуюся жемчужину, с которой девушка отправилась к Куан-ам, и при свете волшебного жемчуга читала богине ночные молитвы, тем самым избавив себя от нежелательного превращения. Изображение Ким Донга с молитвенно сложенными руками повествует о тех временах, когда богиня Куан-ам была монахиней и жила в пагоде Ароматов в горах Северного Вьетнама. Узнав, что ей нужен слуга, боги послали в пагоду молодого отшельника, жившего уединенно в горах. После многочисленных испытаний, подтвердивших его преданность, Куан-ам позволила Ким Донгу навсегда быть рядом с ней. Популярна во Вьетнаме более поздняя фольклорная интерпретация жизнеописания Нгок Ны и Ким Донга, которая объясняет парность этих изображений в буддийских храмах. В легенде рассказывается о том, что родители Нгок Ны жили в деревне, они были небогаты и очень набожны. Когда в селе появился странствующий монах — будущий Будда, Нгок Ны покинула родной дом и стала странствовать вместе с мудрецом. Позже в другой деревне к ним присоединился юноша Ким Донг, молодые люди полюбили друг друга. Узнав об этом, Будда предложил им оставить его ради любви и жить мирской жизнью. Однако молодые люди пожертвовали своим счастьем, сохранив преданность Учителю. Имена Нгок Ны и Ким Донга стали для вьетнамцев синонимом самопожертвования и верности буддийскому учению (Мифы и легенды в искусстве стран Юго-Восточной Азии. — М., 1990. — С. 44). Отметим, что выражение «золотые отроки, яшмовые девы» широко использовалось в даосизме.

есть возможность лицезреть государя, но сейчас Верховный Владыка призвал его на небесную аудиенцию, поэтому подождите здесь».

Государыня оставила гостя у себя, накормила досыта и напоила допьяна. Вдруг человек с длинными усами и толстым животом поднес бумагу, встал на колени и доложил:

«Третьего числа первого лунного месяца уроженец Севера по имени Жэнь Ао был убит духом Сыонг Куонгом».

Дослушав до конца, государыня повелела:

«Господин Ян, доставьте господина Тхой Ви обратно в земной мир».

Она поблагодарила Тхой Ви и отослала домой. Господин Ян попросил Ви закрыть глаза и сесть ему на плечи. Через мгновение Ви был уже на горе. Господин Ян превратился в каменного барана и стоял там же, сейчас он находится возле храма Вьет-выонга на горе Чаушон.

После того, как Ви вернулся, он пришел к Ынг Хююену и все ему рассказал. В первый день восьмого лунного месяца Ви вместе с Хююеном отправились прогуляться и встретили Магу. Фея привела для Ви девушку, велела взять ее с собой и жениться на ней. Еще небожительница дала Ви драгоценную жемчужину Лунсуй, пояснив, что со времен сотворения мира этих жемчужин была пара: самец и самка. Их передавали как величайшее сокровище от Хуан-ди до династии Инь. Во время сражения у горы Чаушон Инь-ван имел при себе одну из жемчужин, но он погиб, и сокровище скрылось в земле. Свет от жемчужины озарял небо. Во времена династии Цинь шли непрерывные войны, многие драгоценные вещи сгорели, но гадалщики по форме облаков знали, что жемчужина Лунсуй еще находится в южной стороне. Люди приходили издалека ее разыскивать. С помощью этой жемчужины Инь-ван отблагодарил Тхой Ви. Жители Севера — китайцы — принесли золото и серебро, стоившее пятьдесят тысяч монет, и выкупили сокровище. Благодаря этому Тхой Ви разбогател. Впоследствии Магу встретила супругов Тхой Ви и увела неизвестно куда. Сейчас колодец уже заброшен, пересох, расщелина все еще есть на горе Чаушон. Люди называют ее Вьеттинькюнг⁵⁸.

История Золотой черепахи

Ан Зыонг-выонг из государства Аулак был уроженцем Ба-Шу, происходил из рода Тхук, звали его Фан. Он затаил обиду из-за того, что его покойный дед сватался к дочери Хунг-выонга и получил отказ. Следуя воле деда, Фан напал

⁵⁸ В китайском и вьетнамском фольклоре часто именно через колодец можно было проникнуть в чудесный мир. Заброшенный колодец — это вход в пещеру, через которую можно покинуть этот мир и совершить мистическую прогулку к Персиковому источнику.

Тот, кто приходит, пройдя через тесный вход, попадает в другой мир, закрытый и самостоятельный. Понятие отдельного мира тесно связано с темой пещеры по той причине, что типичное местопребывание бессмертных называется по-китайски «дунтянь» — «Небо (т. е. Природа, Вселенная), образованное пещерой». Часто в пещерах находятся сталактиты — «сосцы каменных колоколов» и сталагмиты — «каменные ростки бамбука», источающие питательные выделения. Колодец ассоциировался с тыквой-горлянкой, огороженным мифическим миром, полным жизненной силы, обеспечивающей плодородие, изобилие и постоянство. Фольклор, связанный с пещерами, подвергся влиянию даосизма (*Stein R. Jardins en miniature d'Extreme-Orient // BEFEO. — 1942. — Т. XLII*).

на Хунг-вьонга, уничтожил Ванланг⁵⁹, назвал свое государство Аулак и жил там. Он решил построить крепость⁶⁰ в местности Вьетхьонг, но стены не успевали возвести, как они обрушивались. Государь воздвиг алтарь, постился и молился. В седьмой день третьей луны вдруг увидели старика, направлявшегося к воротам крепости с западной стороны. Он шел и вздыхал:

«Строят крепость, а работы когда еще будут закончены».

Правитель пригласил его во дворец, поклонился и посетовал:

«Мы уже почти возвели эту крепость, как вдруг обрушились стены, столько сил потрачено, и все зря. Откуда взялась такая напасть?»

Старец на это ответил:

«Когда появится посланец Чистой реки и поможет вам в строительстве, тогда и завершите начатое».

Сказав, он откланялся и тут же ушел.

На следующий день правитель встал у Восточных ворот и принялся вглядываться вдаль. Вскоре показалась плывшая с востока Золотая черепаха⁶¹. Она могла говорить по-человечески и возвестила:

«Я — посланец Чистой реки, знаю все о том, что происходит на небе и земле, о тайном и явном, о бесах и добрых духах».

Правитель обрадовался и промолвил:

«Об этом-то как раз и говорил мне старец».

Он повелел отнести черепаху в крепость в золотом паланкине и принял ее во дворце. Государь поинтересовался у Золотой черепахи, отчего разрушаются стены. Та ответила:

«Все дело в эфире-ци этих гор и рек. Предшествующий государь завладел им, чтобы отомстить за свою страну. К тому же есть тысячелетний белый петух, пре-

⁵⁹ Вьетнамские ученые отмечают, что существуют разные версии конца династии Хунг-вьонгов: Ан Зьонг-вьонг победил Хунг-вьонга, убил его дочь и всех родных; Хунг-вьонг передал трон Танвиену, тот правил три года, затем вернул власть Хунг-вьонгу, посоветовав уступить трон Тхук Фану; Танвиен имел чудесный арбалет, стрелявший сразу ста стрелами. Когда Хунг-вьонг передал трон Тхук Фану, Танвиен вручил ему арбалет, дабы тот охранял страну (Truyền thuyết Hùng vĩông. — Hà-nội. 1984. — Тг. 102).

⁶⁰ Речь идет о резиденции Ан Зьонг-вьонга — Лоатхани — Крепости-Улитке, построенной в местечке Колоа — Древняя Улитка, расположенном неподалеку от Ханоя.

⁶¹ Ан Зьонг-вьонг, вероятно, не случайно обратился за помощью в строительстве крепости к черепахе. Например, как отмечает Г. Г. Стратанович, запрет на использование в пищу мяса черепахи у тайских народов Вьетнама объясняется так: Мать-Черепаха научила людей строить дома с крышей в форме перевернутой лодки (т. е. в форме собственного панциря), черепаха — постоянный защитник людей перед божествами и духами. Легенда рассказывает, что однажды правитель неба Тхиен-хоанг притворился мертвым и лег на виду, чтобы узнать, любят ли его животные и люди. Проходя мимо него, чтобы посмотреть в последний раз на грозного бога, животные говорили: «Как хорошо, свободно нам теперь будет жить без бога!» И так как черепаха шла очень медленно, человек помог ей добраться и подняться и посмотреть на бога. Черепаха сразу уловила притворство и мигнула человеку. А когда он наклонился, чтобы поставить ее на землю, она шепнула о притворстве. И человек сказал: «О! Как же плохо теперь нам будет жить без бога!» Услышав сказанное человеком, бог не почувствовал лжи и, в свою очередь обманутый, наказал животных — они утратили способность говорить — и превознес человека — он не только сохранил речь, но научился использовать в пищу мясо многих животных. Но черепаху человек считал с тех пор своей родственницей и не стал убивать ее, не стал есть ее мясо. Кроме того, люди вешают панцирь умершей черепахи на главном столбе около очага, где готовят пищу, чтобы душа умершей черепахи вдыхала запах риса, как будто бы она сама вкушает рис. Человек строит дом с крышей в форме панциря черепахи и считает, что живет под защитой этого животного (Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. — М., 1978. — С. 22 23).

вратившийся в нечистую силу, он прячется на горе Тхатзиуе. Там же есть и другой бес — это музыкант, некогда погребенный на горе и превратившийся в злого духа. Рядом расположен постоянный двор, где находят приют путники. Хозяина зовут Нго Кхонг, у него есть дочь, вместе с белым петухом они составляют пару и вмещают в себя избыток бесовского эфира. Если люди остаются там ночевать, то бесы нападают на них, меняя обличья. Многих они уже убили. Белого петуха вместе с хозяйской дочкой нужно истребить. Тогда вредоносный эфир будет подавлен, но он непременно обернется бесовским посланием. Сове будет велено взять его в клюв и взлететь на сандаловое дерево, дабы поднести Верховному Владыке и попросить разрушить эту крепость. Я укушу сову, письмо упадет, вы его быстро подберете. Тогда и можно будет закончить строительство».

И вот государь под видом человека, который ищет ночлега, попросил приюта на постоялом дворе, оставив Золотую черепаху в передней у дверей. Хозяин предостерег его:

«Здесь водятся бесы, по ночам они частенько убивают людей. Не нужно здесь оставаться. Пока еще не стемнело, поищите приюта в другом месте, не то может случиться несчастье».

Государь улыбнулся:

«Жизнь и смерть предопределены, что могут сделать бесы. Я не боюсь!»

Правитель сразу же улегся и заснул. Ночью снаружи бес закричал:

«Эй, вы, в доме, отворите скорее!»

Золотая черепаха заворчала:

«Это еще зачем открывать дверь?»

Бесы стали принимать сотни обличей, что они только ни выделывали, стараясь проникнуть в дом, но все оказалось напрасно. Когда запел петух, бесы бросились врассыпную. Золотая черепаха велела правителю отправиться за ними в погоню, и он преследовал их вплоть до горы Тхатзиуе. Там бесы пропали. Государь вернулся на постоянный двор.

Рано утром хозяин послал слугу подобрать и похоронить труп остановившегося вчера путника. Увидев, что государь жив и разговаривает, смеясь, как ни в чем не бывало, пал ниц и сказал:

«Раз с вами ничего не случилось, наверняка, вы святой».

Он попросил помочь одолеть бесов и этим спасти другие жизни.

«Надо убить вашего белого петуха, совершить жертвоприношение, и бесы рассеются», — ответил правитель.

Нго Кхонг убил белого петуха, его дочь внезапно упала и тоже умерла. Государь послал людей перекопать землю на горе Тхатзиуе. Там нашли старинный музыкальный инструмент и кости, все это сожгли, а пепел бросили в реку.

Когда наступил вечер, правитель вместе с Золотой черепахой отправились к горе Вьетхьонг. Бесовщина приняла обличье совы, которая с письмом в клюве взлетела на сандаловое дерево. Золотая черепаха тут же превратилась в мышь, подобралась сзади и укусила птицу за лапу. Письмо упало на землю, и государь схватил его. Оказалось, что оно уже больше чем наполовину съедено жучками. С тех пор воздействие бесовского эфира-ци прекратилось, и странностей больше не было. Через полмесяца стены удалось возвести, в ширину крепость раскинулась на тысячу *чьонгов* и напоминала спиральную раковину моллюска, поэтому называлась Лоатхань — Крепость-Улитка, а также Куилонгхань — Крепость дракона (изгнавшего) бесов. Из-за ее высоты люди династии Тан называли ее Истребившая бесов крепость Куньлунь.

Золотая черепаха прожила у Ан Зыонг-выонга три года, а потом стала собираться в обратный путь. На прощанье правитель спросил:

«Благодаря вашей помощи крепостные стены стоят прочно. Если же нападут враги, чем мне отразить их натиск?»

Золотая черепаха отвечала:

«Прцветанием или падением царств распоряжается Небо. Ведите себя добродетельно, и существование вашей страны будет долгим. Но раз уж вы так беспокоитесь, я могу помочь».

Золотая черепаха выдернула коготь и промолвила:

«Если нападут враги, то сделайте из этого чудесного когтя спусковой крючок арбалета, прицельтесь в них и выстрелите. Больше ни о чем не беспокойтесь».

Затем она вернулась в Восточное море. Государь сам проводил ее. Он приказал слуге по имени Као Ло сделать арбалет, а из когтя черепахи изготовить спусковой механизм к нему, назвал «Божественный арбалет золотого когтя, испускающего чудодейственное сияние».

Впоследствии, когда Чжао То⁶² повел войска и напал на Ан Зыонг-выонга, тот, достав чудесный арбалет, выстрелил. Враги потерпели поражение и, отступив, стали лагерем возле Чаушона, напротив воинов Ан Зыонг-выонга. Чжао То, зная, что государь обладает волшебным оружием, не осмелился повторить атаку, начал переговоры и запросил мира. Ан Зыонг-выонг рад был помириться с опасным противником и потому решил разделить свои владения: земли к северу от реки Тиеузянг он отдал Чжао То, а к югу — оставил себе (сейчас река Нгуетдык).

Чжао То отправил сына по имени Чжун Ши служить в личной охране Ан Зыонг-выонга, попросил отдать ему в жены свою дочь Ми Тяу. Ан Зыонг-выонг, не подозревая о сговоре отца и сына, дал согласие на брак.

Как-то раз тайком Чжун Ши уговорил Ми Тяу показать ему волшебный коготь, а затем, выточив точно такой же, заменил его. Он обманул Ми Тяу, сказав, что хочет вернуться на север навестить родителей. По этому поводу Чжун Ши выразился так:

«Добродетельные муж и жена не должны забывать друг друга. Однако долгом перед родителями тоже не следует пренебрегать. Пока я буду у себя на родине, мир между нашими государствами может нарушиться, Юг и Север отдалятся друг от друга. Когда я вернусь и буду тебя разыскивать, что послужит мне опознавательным знаком?»

Ми Тяу отвечала:

«Я — женщина, и вынуждена смириться с разлукой, но совладать с чувствами трудно. У меня есть расшитый парчовый халат, подбитый гусиным пухом, я часто одеваю его. В случае надобности я буду бросать пух на перекрестках дорог. Ты узнаешь, где я, и спасешь меня».

Прихватив украденную гашетку арбалета, Чжун Ши откланялся. Он вернулся домой и обо всем доложил отцу. Заполучив чудесный коготь, Чжао То очень обрадовался и двинул войска. Обладая божественным арбалетом, Ан Зыонг-выонг ни о чем не беспокоился. Он играл в облавные шашки и, посмеиваясь, приговаривал:

⁶² Чжао То — вьет. Чиеу Да, был послан Цинь Ши-хуаном на завоевание южных земель, являлся наместником округов Наньхай и Гуйлинь. Затем Чжао То отделился от циньской империи и создал государство Намвьет на территории Гуандуна, впоследствии к нему было присоединено и государство Аулак. С этого момента начинается династия Чиеу (207–111 гг. до н. э.).

«Как, выходит, Чжао То уж больше не боится нашего волшебного арбалета?»

Когда войска Чжао То приблизились, Ан Зыонг-*выонг* взял арбалет и выстрелил. Однако оружие утратило свою чудодейственную силу, и он потерпел сокрушительное поражение. Государь посадил дочь позади себя на коня и поскакал на юг. Чжун Ши, находя дорогу по гусиному пуху, преследовал его. Ан Зыонг-*выонг* достиг морского побережья, дорога кончилась, но поблизости не оказалось лодки с веслами, чтобы уплыть. Правитель громко закричал:

«Что же, Небо оставило меня на погибель? Речной посланец, где же вы, скорее придите на помощь!»

Золотая черепаха всплыла и сердито сказала:

«Та, что сидит позади вас на лошади — это враг, убейте ее, тогда я спасу вас».

Государь взял в руки меч и убил свою дочь. Перед смертью Ми Тяу подняла лицо к небу и сказала:

«Я — женщина, если в моем сердце был злой умысел погубить отца, то пусть превращусь я после смерти в прах. Но если, сохраняя преданность и честность, была обманута, то пусть я стану жемчугом, дабы смыть с себя позор».

Ми Тяу умерла на морском берегу. Кровь ее, стекшую в воду, поглотили раковины-жемчужницы, и она превратилась в светлый жемчуг⁶³.

Государь взял в руки узорчатый рог носорога длиной в семь *таков*. Золотая черепаха заставила воды расступиться и увела его в морскую пучину. Согласно преданию, это случилось в уезде Зяшон в общине Каоса в Зиентяу.

Воины Чжао То, достигнув этого места, никого не нашли, на берегу лежал только труп Ми Тяу. Чжун Ши обнял умершую жену и вернулся в Лоатхань. Тело Ми Тяу превратилось в драгоценный камень. Чжун Ши очень тосковал, вспоминая Ми Тяу, снова и снова возвращался туда, где жена прихорашивалась и совершала омовения. Однажды он бросился в колодец и утонул.

Впоследствии люди, добывавшие жемчуг в Восточном море, принялись омывать его водой из этого колодца, тогда блеск жемчужин становился еще чище и светлее⁶⁴. Избегая упоминать имя Ми Тяу — Прекрасной Жемчужины, их называли большими и малыми бусинами из черного нефрита.

История Ман ньонг

Во времена императора Сянь-ди ханьской династии (годы правления: 190–220 — Е. К.) правитель области по имени Си Ниеп возвел крепость на южном берегу реки Биньзянг (сейчас Тхиендыкзянг). В давние времена в южной части крепости находился буддийский монастырь, называвшийся Тхиендык.

⁶³ Весь символизм жемчуга — женский и выдает морскую традицию, противоположную материковой традиции нефрита. Жемчужина, воплощение женского принципа, символизирует жизнь и плодородие, будучи породнена с раковиной (вульва — раковина — жемчужина — второе рождение — бессмертие). Жемчужина и черепаха, по верованиям древних китайцев, растут и идут на убыль вслед за Луной, над водами царит Луна; жемчуг — это капли лунного света, рожденные в складках раковин со столь женственной символикой (раковина = вульва). Жемчужная раковина символизирует Луну (*Элиаде М.* Азиатская алхимия. Т. 1. — М., 1998. — С. 48, 279, 295).

⁶⁴ Вплоть до XVIII в. установленный порядок выплаты дани китайцам требовал, чтобы среди прочих предметов был кувшин с водой, зачерпнутой из колодца в Лоатхани, для омовения жемчужин.

Пришедший с запада монах по прозванию наставник Зя Ла был настоятелем этого монастыря. Он мог заниматься медитацией стоя на одной ноге. Юноши и девушки, старые и молодые почитали его, называли досточтимым наставником. Все эти люди стремились постичь путь Будды.

В то время жила одна девушка из бедной семьи по имени Ман *ньонг* — Варварская госпожа. Отец и мать ее уже давно умерли. Она тоже искренне желала встать на путь Будды, но из-за заикания не могла вместе со всеми читать сутры. Обычно девушка жила при кухне, толкла рис, собирала хворост, готовила, чтобы накормить монастырских монахов, а также паломников, приходивших со всех четырех сторон света за наставлениями.

В пятой луне ночи проходят быстро. Ман *ньонг* уже закончила стряпню, но монахи еще читали сутры. Время отдыха, когда можно поесть, пока не наступило. В ожидании их Ман *ньонг* присела у порога передохнуть и не заметила, как заснула. Когда монахи завершили молитвы и пришли сюда, Ман *ньонг* лежала возле дверей и спала. Настоятель наступил на нее. Ман *ньонг* испытала восторг, сердце ее учащенно забилось. От этого она забеременела.

Через три-четыре месяца, стыдясь своего положения, Ман *ньонг* покинула монастырь. Сконфуженный настоятель тоже удалился и жил в пагоде, стоявшей на берегу в месте, где встречались три реки. В полнолуние точно в срок Ман *ньонг* родила девочку. Она пришла к подножию дерева, росшего в месте слияния трех рек. Посмотрев, настоятель отдал ей ребенка и сказал:

«Вверяю тебе это дитя Будды, сбереги ее, впоследствии она встанет на путь Учителя».

Настоятель и Ман *ньонг* простились друг с другом и разошлись. Перед этим настоятель дал ей посох, прибавив:

«Дарую тебе это. Если увидишь, что наступила сильная засуха, воткни посох в землю, появится вода, и ты спасешь людей».

Ман *ньонг* благоговейно приняла подарок, вернулась в монастырь и стала жить, как и раньше. Каждый раз, когда случалась засуха, она втыкала этот посох в землю, и оттуда начинал бить источник. Многие были обязаны ей жизнью.

Как-то раз, Ман *ньонг* было тогда уже больше восьмидесяти лет, сломалось дерево. Оно доплыло по течению до монастыря, закружилось и не уплывало. Люди хотели использовать его для заготовки дров, но топоры дровосеков сломались. Тогда более трехсот окрестных жителей все вместе попытались оттащить его, но дерево не двинулось с места. Ман *ньонг* спустилась к реке вымыть руки. Госпожа попробовала сдвинуть дерево, и оно поддалось ей. Все вокруг изумились и попросили Ман *ньонг* доставить его на берег. Затем мастерам было велено сделать четыре изображения Будды. Когда стали разрубать дерево, внутри нашли три женских детородных органа, превратившихся в очень твердый камень. Топоры мастеров сломались. Тогда камень бросили в глубокий омут. Испуская сияние, через несколько мгновений он погрузился в воду. Мастера все умерли. Люди попросили Ман *ньонг* придти помолиться и позвать рыбаков вытащить камень из воды. Его торжественно доставили в зал Будды, установили на золотую подставку и вознесли почести. Только после этого настоятель дал имена изображениям Будды: Фап Ван, Фап Ву, Фап Лой и Фап Диен. Со всех четырех сторон света старые и молодые, юноши и девушки постоянно собирались в этом монастыре, развлекались, пели песни, плясали. Это называлось «Праздник омовения Будды», сейчас он все еще сохраняется.

История горы Танвиен

Гора Танвиен⁶⁵ в государстве Намвьет расположена к западу от столицы. Эта лишенная растительности возвышенность имеет округлую форму, напоминающую зонт, поэтому ее так и назвали.

Некогда Лак Лонг-куан женился на Эу Ко, и у них родился мешок со ста яйцами. В каждом яйце находился мальчик. Затем пятьдесят сыновей вернулись с Лак Лонг-куаном в море, а другие остались с матушкой Эу. Они разделили Поднебесную и управляли ею, государь назывался Хунг-вьонг. Великий владыка горы Танвиен был среди тех пятидесяти сыновей, которые ушли в отцом в море. Вернувшись из подводного царства через залив Тханфу, *вьонг* искал высокую и уединенную местность, где обычаи людей были бы чистосердечными, чтобы жить там. Он проплыл против течения по большой реке по местности Лонгдау, что возле крепости Лонгбиен, и уже хотел было там остаться, но что-то вызвало его недовольство. Владыка снова отправился в путь уже по реке Линьзянг. Возле деревни Фиентан, расположенной на берегу реки Фуклок, он увидел величественную и прекрасную гору Танвиен, три вершины которой вздымались будто нарисованные. Обычаи людей, живших у подножия, все еще оставались простыми и бесхитростными. *Вьонг* проложил прямую, словно струна, дорогу от деревни Фиентан к южному склону горы Танвиен. Затем он отправился в Уиендонг, а оттуда в Нямтуен — местность, славившуюся своими источниками. Взираясь по камням, *вьонг* поднялся на вершину горы Ванмонг, где решил пожить некоторое время. Наблюдая за ловом рыбы, иногда он прогуливался по реке Тьемзянг. Для отдыха везде на своем пути владыка строил дворцы. Впоследствии там, где остались следы его пребывания, люди возвели храмы, дабы поклоняться ему.

Случались ли засуха, наводнение, большой пожар, стоило вознести молитвы владыке гор, и тут же обнаруживалась его быстрая, как эхо, помощь. Когда в солнечные дни в ущельях будто бы виднелись призрачные знамена и бунчуки, окрестные жители считали это явлением горного божества.

Гао Пянь, губернатор танской династии в Аннаме (ум. 887г. — Е. К.), захотел подавить чудесную силу *линь* гор и рек этой страны. По его приказу вспороли животы семнадцати девственниц, вынули кишки и вместо внутренностей положили солому. Девушек одели в платья и усадили на алтаре. Потом закололи жертвенное животное и стали следить — как только труп девушки шевельнется, надлежало мечом его обезглавить. Обычно боги попадались на эту уловку. Гао Пянь хотел расправиться таким образом и с владыкой горы Танвиен, но тот, появившись в облаках верхом на белом коне, плюнул и скрылся. Гао Пянь вздохнул:

«Сверхъестественные силы южной стороны нельзя измерить».

Разве можно уничтожить процветающий эфир-*ци*, когда его слава и могущество проявились подобным образом!

Рассказывают, что *вьонг* и владыка вод вместе посватались к дочери Хунг-вьонга — *ми ньонг*. *Вьонг* приготовил заранее сговорные дары родителям

⁶⁵ Гора Танвиен — выс. 1287 м., городская территория Ханоя. Как отмечают исследователи, на горе Танвиен, священной горе аннамитской империи, находится храм, целиком посвященный божеству гор. Храм пользуется большой известностью в Индокитае и привлекает туда множество людей (Coulet G. Cultes et religions de l'Indochine annamite. — Saigon, 1929. — P. 127).

невесты, он прибыл раньше, и Хунг-*выонг* отдал дочь ему. Супруги удалились на гору Танвиен. Явившись позже, владыка вод затаил обиду и созвал водяных тварей сражаться с *выонгом*, чтобы завладеть *ми ньонг*. Тогда хозяин горы Танвиен натянул в уезде Тылием металлическую сеть, чтобы преградить ему дорогу. Стремясь обойти гору Танвиен сзади, владыка вод проложил речное русло из реки Линян, которое через реку Хат впадало в реку Да. Для удара спереди он также отвел небольшой поток из реки Титьзянг. Вода должна была широко разлиться в местностях Камзя, Донглау, Тхатьяке, Маса, Зукзянг, чтобы туда проникло множество подводных жителей. Поднялся ветер, пошел дождь, повысился уровень воды — все было готово для нападения. Увидев это, жившие у подножия горы люди принялись связывать бамбук и возводить изгородь, стремясь помешать продвижению разбушевавшейся стихии. Они били в барабаны и ступки, громко кричали, дабы избавиться от напасти. Каждый раз, когда видели высовывавшиеся из-за забора подплывавшие бревна и сорную траву, тут же стреляли в них, и они превращались в дохлых водяных драконов, рыб, черепах, запрудивших реки.

Владыка вод потерпел поражение и отступил, но он не смирился, поэтому каждый год в восьмом-девятом месяце у подножия горы люди терпят ущерб. Так происходит и сейчас. Люди говорят:

«Владыка гор и владыка вод состязаются из-за жены».

История двух духов из Лонгяна и Ньингуэта

При императоре Дай Хане династии Ле (годы правления: 980–1005 — Е. К.) в год *тан-ти* — первый год правления под девизом *Тхиен-фук* (980 — Е. К.) сунский император Тай-цзу (960–976 — Е. К.) приказал генералам Хоу Жэньбао и Сунь Цюаньсину атаковать Юг. Они дошли до реки Дайтхан. Желая дать отпор, Ле Дай Хань вместе с генералом Фам Кы Лыонгом разместили войска возле реки Доло. Противники стояли друг против друга и выжидали. Ночью во сне Дай Хань увидел двух духов, которые поднялись из реки, поклонились и сказали:

«Мы — братья, одного зовут Чыонг Хонг, другого — Чыонг Хат. Прежде мы служили Чиёу Вьет-*выонгу*, постоянно участвовали в воинских походах, чтобы контролировать Поднебесную. Когда впоследствии Ли Нам-де захватил государство, он услышал наши имена и призвал к себе. Долг не позволил нам придти, мы приняли яд и умерли. Верховный Владыка сочувствует имеющим заслуги людям. Хваля за преданность и долг, он даровал каждому из нас должность генерала ведомства духов-*тхан*, с тем, чтобы мы командовали воинством духов-*куи*. Сейчас видим — сунские войска вторглись в страну, люди страдают, поэтому мы явились, дабы помочь вам разгромить врагов и спасти народ».

Дай Хань внезапно пробудился, созвал приближенных и сказал:

«Именно эти духи помогут мне!»

Государь подошел спереди к императорскому судну, с трепетом воскурил фимиами и обратился с мольбой:

«Если духи помогут мне с успехом завершить начатое, тогда им вечно будут приносить кровавые жертвы!»

Зарезали жертвенное животное, совершили жертвоприношение, также даровали парадные одеяния чиновников, ритуальные бумажные деньги, слонов, лошадей, другие вещи — все это сожгли. В ту же ночь государь увидел во сне двух духов, одетых в поднесенные парадные одежды. Они подошли и поблагодарили. На следующую ночь во сне правителю показался дух в белом облачении, стоявший во главе воинства бесов. Он появился с южной стороны реки Биньзянг. Другой дух, командовавший бесами, был в красном платье и шел походом от реки Ньынгуэт. Вместе они развернулись лицом к вражескому лагерю и атаковали его. В десятой луне двадцать третьего числа ночью в третью стражу в кромешной темноте задул ветер, пошел сильный дождь. Сунские солдаты встревожились и испугались. Дух, незримо стоя в воздухе, громко возвестил:

*Среди гор и рек южного государства пребывает император юга,
Это ясно определено в небесных записях.
Вторгшиеся ныне строптивые злодеи,
Вы испытаете горечь поражения.*

Услышав это, сунская армия разбежалась, взятых в плен нельзя было и считать. Войска династии Сун потерпели крупное поражение и вернулись обратно. Дай Хань отвел своих воинов и доложил духам о победе. Старшему духу он пожаловал титул Великий *вьюнг*, устрашающий врагов; повелел построить в честь него храм, где река Лонгнян расходится на три рукава, и жителям Лонгняна и Биньзянга надлежало почитать его. Младшему брату правитель даровал титул Великий *вьюнг*, отражающий врагов; святилище в честь него возвели возле реки Ньынгуэт, прибрежным жителям повелели поклоняться ему. Так происходит и сейчас.

История Ты Дао Ханя и Нэуен Минь Кхонга

Наставник школы *тхиен* Дао Хань из монастыря Тхиенфук, что находился на горе Фаттить, происходил из рода Ты, имя его было Ло. Отца наставника звали Винь, при династии Ли он осуществлял надзор за буддийскими и даосскими монахами. Винь частенько бывал в деревне Анланг, а когда женился на девушке из рода Танг, то поселился там с семьей. Госпожа из рода Танг и стала матерью Ло.

В юности наставник много времени проводил со своими сверстниками, отличался независимым нравом, имел великие помыслы. Он дружил с конфуцианцем Фи Синем, даосом Ле Тоан Нгиа и актером Фам Атом. По ночам Ло настойчиво учился, а днем играл для своего удовольствия на флейте, в мяч, развлекался азартными играми. Отец постоянно ругал его за леность, но однажды вечером, зайдя тихонько в спальню сына, увидел такую картину: огонь в лампе почти погас, вокруг нагромождены книги и бамбуковые дощечки для письма, а Ло, не выпуская из рук свиток, дремлет, опираясь на стол. С тех пор отец больше не беспокоился о нем. Впоследствии Ло принял участие в испытаниях для буддийских монахов, сдал экзамен Белого лотоса.

Вскоре Винь, используя черную магию, оказал неповиновение Зиентхань-хау. Тот обратился к наставнику школы *тхиен* Дай Диену, который с помощью

магии забил его до смерти, а труп бросил в реку Толить. Мертвец доплыл до моста Куеткиеу, где жил хау с семьей, остановился, поднялся во весь рост и, вытянув руку в осуждающем жесте, целый день не двигался с места. Хау испугался и помчался звать Дай Диена. Диен явился и в бешенстве закричал:

«Гнев монаха не длится дольше одной ночи!»

Мертвец внял его словам и уплыл. Ло хотел отомстить за отца, но ничего делного в голову не приходило. Однажды, выследив, когда Диен выходил, Ло собрался на него наброситься, но в пустоте вдруг раздался голос, возвестивший:

«Остановись! Сдержи себя!»

Ло испугался, бросил посох и убежал. Стремясь победить Диена, он решил отправиться в Индию и постичь там магические приемы. Но Ло добрался только до страны Кимсиман — Бирмы, путь был трудный и опасный, поэтому он вернулся обратно. После этого Ло жил в уединении среди скал горы Фаттить, целыми днями читал заклинания-дхарани из «Великой сутры сострадания», произнес их десять раз по десять тысяч и еще восемь раз по тысяче. Однажды явился необыкновенный человек, промолвивший:

«Я — Небесный владыка четырех областей. Оценив ваши заслуги в повторении сутры, пришел помочь вам».

Наставник понял, что путь постижения буддийского учения успешно завершен, и настало время отомстить за отца. Он отправился к мосту Кует и, испытывая приобретенные способности, бросил посох в воду. Словно черепаха, посох поплыл против течения и добрался до моста Тэйзыонг. Ло обрадовался и сказал:

«Мое учение непременно победит Диена».

Он отправился к дому своего врага, и тот произнес:

«Ты разве не помнишь случившегося прежде?»

Ло запрокинул голову и посмотрел наверх. В пустоте царил тишина, ничего не было видно. Тогда Ло набросился на своего недруга и избил его. От побоев Диен заболел и умер. С тех пор, как давнишняя обида была устранена, суетный мир заботил наставника не больше, чем остывшая зола. Ло странствовал по монастырям, разыскивая образцы секретных способов. Услышав о монахе Киеу Чи Хюйене из обители Тхайбинь, самолично нанес ему визит. Спросив об истинной сущности сердца, Ло произнес *гатху*:

Издавна в хаосе ветер гонит пыль, но при этом не звучат звуки знаний.

Я не знаю, в каком же месте можно обрести подлинность сознания.

Желаю, использовав ваши указания, постичь то, мне нужно.

Чтобы на десять тысяч ли простиралось небытие, и чтобы порвать связи со страданием.

Чи Хюйен ответил *гатхой*:

Секретные рецепты из яшмовой тыквы-горлянки испускают подлинный звук.

Предметный мир, освещенный луной, вдруг проясняется в медитирующем сознании.

Этот мир среди рек и песков есть путь к просветлению.

Если устремиться к просветлению, то отгородиться от мира страданий.

Ясности у Ло не наступило, и он не стал сближаться с Чи Хюйеном.

Ло отправился к монаху Шунг Фаму из монастыря Фапван и поинтересовался в конце проповеди:

«Что такое истинная сущность сердца?»

Фам произнес:

«Не является ли сам вопрос истинной сущностью сердца?»

Ло внезапно прозрел и спросил:

«Как содействовать и сохранить это?»

«Голоден — ешь, испытываешь жажду — пей», — ответил Фам.

Ло поклонился, поблагодарил и ушел. С тех пор сила буддийского учения увеличилась, возросло умение созерцать причинные связи. Множество горных змей и диких зверей приходило к нему, словно ручные. Ло мог поджигать палец и совершать моления о дожде, наговорной водой излечивал болезнь, все тотчас исполнялось по его велению.

Как-то некий монах задал Ло такой вопрос:

«Человек может идти, остановиться, сидеть, лежать, во всем этом присутствует сердце Будды?»

Наставник разъяснил *гатхой*, гласившей:

*В обычном мире есть песок и пыль,
Но применительно к пустоте, это образы пустоты.
(Пустота тоже бывает разная), есть пустота подобная отражению
луны в воде,
Когда нет (отражения), это пустота пустоты.*

Также произнес:

*Когда солнце и луна (по очереди) выходят из-за горной вершины,
Тогда все люди теряют огненный жемчуг⁶⁶.
(Обладание учением подобно тому, как) богатый едет на осле.
(Отсутствие учения подобно) путнику, которому совершенно не на
что сесть, даже на собаку.*

В то время у императора Нян-тонга династии Ли (годы правления: 1072—1128 — Е. К.) еще не было наследника. В третьем году правления под девизом *Хой-тыонг дай-кхань* в третью луну житель области Тханьхоа доложил:

«На песчаном морском берегу в Нытяу есть чудесный ребенок, в три года умеет говорить, называет себя императором, взял имя Зяк-хоанг — Владыка прозрения (обр. о Будде Шакьямуни — Е. К.), что бы ни делал государь, он все знает».

Император послал гонцов посмотреть — действительность соответствовала словам, тогда ребенка доставили в столицу и поселили в монастыре Баотхиен.

⁶⁶ Возможно, образ утраты жемчужины заимствован из Чжуан-цзы, где приводится следующее предание (Чжуан-цзы, гл. «Тянь ди»): Хуан-ди гулял на северном берегу реки Чишуй, поднимался на хребет Куньлунь, потом повернул на юг и стал возвращаться, но потерял свою черную жемчужину. Послал Чжи искать ее — не нашел; послал Ли-чжу искать ее — и он не нашел; послал Чи-гоу искать ее — и он тоже не нашел; тогда послал Сян-вана — Сян-ван нашел ее. Хуан-ди воскликнул: «Удивительно! Как это Сян-ван сумел найти ее?» Чжи — умнейший из небесных богов, а бог Сян-ван известен своей беспечностью и рассеянностью, без дела «носился на востоке и болтался на западе». Чжи обыскал все, но не нашел, а Сян-ван бросил беглый взгляд и тут же отыскал. Рассказ о том, как Хуан-ди потерял жемчужину, по всей вероятности, является древним мифом. Он рассказан позднее и в Хуайнань-цзы, гл. «Жэнь цзянь». При этом там добавлен Цзюэ-цо (по объяснению ханьского автора Гао Ю — «тот, кто ловко подбирает вещи»), а Сян-ван превращен в Ху-хуана. Если бы настоящий рассказ был только притчей, Хуайнань-цзы мог прямо заимствовать ее из Чжуан-цзы, а не давать свой вариант предания (*Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. — М., 1965. — С. 108, 355).

Зяк-хоанг же был перерождением Дай Диена. Из-за его ума, других выдающихся качеств, необычайности император полюбил его и захотел сделать наследным принцем. Приближенные отсоветовали:

«Если уж он так необычаен, непременно возродится в запретном городе, таким образом впоследствии ваше желание исполнится».

Император согласился. Распорядились устроить большое моление, дабы семь дней и ночей совершать заклинания с просьбой о перерождении.

Услыхав об этом, Ло сказал младшей сестре:

«Этот ребенок странен, вводит в заблуждение очень многих людей. Разве я могу сидеть и наблюдать, не спасая сердца от необычайного морока, а истинный закон от губительных заблуждений?»

Ло отправил сестру посмотреть это действо. Тайно связал печать и четки, велел ей положить на карниз. Моление длилось уже три дня, как вдруг Зяк-хоанг заболел и сказал собравшимся:

«Повсюду по всем границам государства железные сети и ловушки, для перевоплощения души умершего совсем нет дороги».

Император решил, что Ло читал заговоры против зла и разрушил силу заклинаний. Он приказал бить его палками и допросить. Ло схватили. Действительно, так и оказалось. Наставника поместили в башню Хынгтхань. Государь велел собрать приближенных, чтобы судить преступление.

Увидав Шунгхиен-хау, проходившего мимо, Ло жалобно взмолился:

«Прошу вас, спасите меня, чтобы я мог избежать неприятностей. В будущем я перевоплотюсь во дворце и отблагодарю за это благодеяние».

Хау кивнул головой. Когда стали обсуждать проступок, все приближенные сказали:

«У государя нет потомства, поэтому возносили молитвы, чтобы Зяк-хоанг перевоплотился. Ло, забывшись, читал заклятия, разрушил силу молитв, следует примерно наказать его, чтобы признать вину перед Поднебесной!»

Только хау доложил:

«Если бы Зяк-хоанг действительно обладал чудесным искусством, разве Ло, читая заговоры, причинил бы ему вред? Но сейчас все произошло по-другому. Ло далеко превзошел Зяк-хоанга, поэтому я предлагаю простить его вину. Самое лучшее было бы разрешить ему самому перевоплотиться».

Император помиловал наставника. Ло кратчайшим путем отправился в усадьбу хау, чтобы выразить ему свою благодарность. Когда он пришел туда, жена хау До Тхи купалась. Ло стал прохаживаться рядом и разглядывать ее. Женщина сильно разгневалась и доложила мужу. Хау понял его замысел и не стал ничего говорить. Ло сказал:

«Впоследствии, когда у госпожи наступит срок родов, непременно известите меня».

Через два года госпожа забеременела. Наступило время родов. Хау вспомнил о некогда сказанных Ло словах, послал человека известить его. Узнав об этом, Ло вымылся, сменил одежду, позвал учеников и сказал:

«Мое предопределение еще не завершилось, мне предстоит еще раз возродиться в миру, временно стать правителем страны. Когда закончится срок нынешнего существования, я снова буду рожден и в двадцать три года стану сыном неба. После того, как мое тело разрушится, я войду в нирвану, не буду больше рождаться и умирать».

Услыхав это, его ученики растрогались до слез. Ло сказал *гатху*:

*Срок настает, время не воротить, гусь собирается вернуться.
Со спокойной улыбкой смотрю на людей и внезапно сообщаю
им горькую весть.
Обращаясь к близким: преодолите любовь и привязанность,
Древний наставник через ряд перевоплощений станет
нынешним наставником⁶⁷.*

Договорив, вошел в пещеру и скончался, освободившись от брэнной плоти.

У жены хау родился сын Зыонг Хоан. Когда ему исполнилось три года, Нян-тонг взял его воспитывать во дворец, сделал наследным принцем. После смерти Нян-тонга наследный принц взошел на престол, это был император Тхан-тонг (годы правления: 1128—1138 — Е. К.), так перевоплотился Ло.

Из-за сверхъестественных способностей наставника деревенские жители поместили его тело в ступу и стали воздавали ему почести. Сейчас его тело находится в уезде Аншон, что в области Куокоай, на горе Фаттит в пещере пагоды Тхиенфук.

Некогда уроженец деревни Дамса, что в округе Дайхоанг области Чанган, по имени Нгуен Ти Тхань, по прозванию наставник школы *тхиен* Минь Кхонг, жил в монастыре Куокты. В молодости он постоянно странствовал в поисках знаний, повстречал Дао Ханя, навсегда сохранил в своем сердце учение об истинном пути. Так прошло сорок лет. Дао Ханю нравилась его устремленность, он передал ему сердечную печать — интуитивно запечатленное буддийское сознание — даровал имя. Перед тем, как отойти в вечность, Дао Хань позвал Минь Кхонга и сказал:

«Прежде, когда плоды учения нашего Миром почитаемого (титул Будды — Е. К.) были в полном расцвете, существовало воздаяние в виде перерождения в тунца. Постепенно все приходит в упадок, разве можно самому защищаться? Сейчас я снова буду рожден в миру, займу место правителя людей, в будущей жизни меня постигнет болезнь, которую трудно избежать. В отношении тебя тоже есть предопределение, тебе следует помочь мне».

Когда Дао Хань перевоплотился, Минь Кхонг удалился в старый монастырь, жил там десять лет, никаких известий до него не доходило.

В то время император Ли Тхан-тонг заболел странной болезнью. От страданий он громко кричал, голос так напоминал рычание тигра, что можно было испугаться. Созвали знаменитых лекарей со всей Поднебесной. Их явилось несколько тысяч, но все развели руками и не могли ничего поделать. В то же время стало известно, что какой-то маленький мальчик принял напевать:

«Хотите излечить болезнь сына неба, разыщите Нгуен Минь Кхонга».

⁶⁷ Стихи в этом рассказе переведены А.С. Мартыновым. Кроме того, им даны следующие пояснения. Первое стихотворение: общую тему можно характеризовать как «мир-сознание» в неблагоприятном варианте. Задачи: обрести адекватность сознания, оторваться от эмпирики, покончить со страданием. Инструмент для достижения цели — указания учителя. Второе стихотворение сохраняет ту же структуру, только в нем еще больше акцентируется даосский нюанс — тайные рецепты из тыквы. Начальная тема третьего стихотворения — несовершенство, неподлинность окружающего мира, его «маски» — пыль самый устойчивый образ. Третье стихотворение акцентирует сущностный образ мира — пустотность, образ пустотности — отражение луны. В четвертом стихотворении появляется новая тема — соотношение интеллектуальных индивидуальных способностей и духовной мощи буддийского учения: свет жемчуга и свет солнца и луны. Отказ от учения лишает человека возможности успешно продвигаться по пути просветления (путнику не на что сесть). В пятом стихотворении дается интерпретация смерти просветленным человеком, прежде всего смерть толкуется как возвращение, дополнительно — полное спокойствие.

Послали гонцов искать наставника и, конечно, нашли. Когда Минь Кхонг прибыл, знаменитые врачеватели были во дворце и применяли свои способы лечения. Увидев, что Минь Кхонг прост и безыскусен, не приветствовали его должным образом. Минь Кхонг взял большой гвоздь длиной в пять *таков*, вбил в дворцовую колонну и громко сказал:

«Кто сможет вытащить гвоздь, тот и вылечит болезнь».

Он сказал это трижды, но никто не откликнулся. Тогда Минь Кхонг двумя пальцами левой руки выдернул гвоздь, все поразились. После этого наставник пошел посмотреть на больного императора. Увидав государя, Минь Кхонг подошел близко к нему и суровым голосом сказал:

«Великий муж, ставший сыном неба, владеющим четырьмя морями, как пришли вы в подобное неистовство?»

Император затрепетал от страха. Минь Кхонг приказал принести котел, налить туда воды и поставить кипятить. Когда вода вскипела сто раз, помешал рукой воду, искупал там императора, и его болезнь прошла. Минь Кхонгу пожаловали звание Наставник государства, вычеркнули из налоговых списков несколько сотен дворов и даровали ему право взимать с них налоги. В год *тан-шиу* под девизом правления *Дай-динь* (1141 — Е. К.) Минь Кхонг покинул этот мир, ему было семьдесят шесть лет.

Про Минь Кхонга рассказывают еще следующее.

В монастыре Кхонгло, что в деревне Зяотхюи, жил монах по прозванию Минь Кхонг и по имени Чи Бинь Зян. Он ушел из семьи, поселился в этом монастыре и прославился своей добродетелью.

Однажды, когда Минь Кхонг только вернулся, живший с ним монах в шутку спрятался за дверь. Затем он выпрыгнул, зарычал по-тигриному, стараясь напугать Минь Кхонга. Тот рассмеялся:

«Ты уже ушел в монахи, хочешь еще и тигром стать? Я должен тебя спасти!»

Впоследствии, через несколько лет, монах умер, перевоплотился в только что родившегося наследного принца государя из рода Ли. Достигнув совершеннолетия, он вдруг покрылся шерстью, прыгал и ревел, облик стал напоминать тигриный. Государь к кому только не обращался: лекари, шаманы, буддийские монахи и даосы — все разводили руками, не в силах чем-либо помочь. Прослышав, что Минь Кхонг знает магические заклинания, правитель снарядил судно, послал приближенного, желая пригласить его во дворец.

Минь Кхонг взял маленький котелок с вареным рисом и предложил матросам. Посланец улыбнулся:

«Моряков у меня много, так что не стоит затруднять себя».

Минь Кхонг сказал:

«Мне совсем не в тягость. Пусть все немного поедят, тогда и увидят мое хорошее отношение».

Все сорок — пятьдесят моряков поели, а рис в котелке даже и не убавился. Люди очень удивились. Вечером, когда поднялись на судно, монах обратился к посланцу и матросам:

«Ложитесь спать, когда взойдет солнце, я вас разбужу, тогда и отправимся в путь. Если откажетесь, я и вовсе не поеду».

Посланец хотел отдать приказ отплыть немедленно, но Минь Кхонг не согласился. Моряки были вынуждены лечь спать. Они чувствовали, как их обдувает ветер. Когда взошло солнце, Минь Кхонг разбудил людей: лодка была уже на пристани в столице. Минь Кхонг поднялся ввысь и оказался во дворце.

Он приготовил отвар, чтобы омыть наследного принца. Где касались его руки, там шерсть пропадала, а тело заживало. Государь спросил о причинах болезни, наставник с почтением ответил:

«У одного монаха появилась неверная мысль, заблуждение надо смыть и только, тут нет ничего сложного».

Правитель задал вопрос:

«Как вы можете с помощью сверхъестественных способностей ходить в пустоте?»

Наставник ответил:

«Дело обстоит не так. Некогда я хворал, ослеп и ничего не видел. Не зная, что такое пустота, пошел, куда ноги ведут и только! Тут нет никакой сверхъестественной способности!»

После этого поднялся в воздух и удалился, пожалованные дары не принял. Правитель дал ему прозвище — Чудесный монах, монастырь Кхонгло — Путь в пустоте — получил свое название из-за этого случая. Наследный принц впоследствии стал правителем, это был Тхан-тонг.

Некогда мальчик напевал:

«Необычайные дела творятся с Ли Тхан-тонгом, в случившемся при дворе никто не может разобраться. Хотите излечить болезнь сына неба, разыщите Нгуен Минь Кхонга».

История Наньчжао

Жители Наньчжао — потомки Чиеу Ву-де (годы правления: 207–136 гг. до н. э. — Е. К.), посмертное имя Да. Некогда во времена ханьского У-ди (годы правления: 140–86 гг. до н. э. — Е. К.) канцлер династии Чиеу по имени Лы Зя не подчинился ханьским учреждениям и убил императорских уполномоченных Ань То и Шао Ци. Император У-ди приказал Лу Бодэ и Ян Пу возглавить войска и покарать его. Ве Зыонг-вюнг (годы правления: 111 г. до н. э. — Е. К.) *Киен-дык* (девиз правления — Е. К.) и Лы Зя были схвачены, а их государство присоединено и разделено, туда назначили правителей областей и начальников уездов.

Род Чиеу прервался, его потомки рассеялись по всем четырем сторонам. Они снова собрались в Тханфу и Хоангшо, пустынных землях, где никто не селился, построили корабли и контролировали море. Затем захватили морское побережье, убили ханьских правителей областей и начальников уездов, назвались Намчиеу, по ошибке именовали Намтиеу (кит. Наньчжао — Е. К.).

Во времена Троецарствия У-ван Сунь Цюань⁶⁸ приказал Дай Ляну и Люй Даю стать наместниками округов и управлять ими. На юге заняли местности Тхиенкамшон, Хахоа, Каохонг, Хоаньшон, Отхи, Хайнган, Сыбо, Чыонгса, Тюдо, Вонганг, Каплой. Горы там были высокие, море глубокое, водяные валы затрудняли путь. В этих безлюдных местах никто не жил. Народ Наньчжао поселился там. Число людей постепенно увеличивалось, они обменивались имуществом, жемчугом, нефритом с государством Тэйбазя, просили с ними породниться, чтобы оказывать друг другу помощь.

⁶⁸ У-ван Сунь Цюань — в 222 г. Сунь Цюань объявил себя Да-ди — императором царства У, правил в 222-252 гг. Эпоха Троецарствия — 220–280 гг.

В конце династии Цзинь в Поднебесной произошла большая смута. Потомок Чиеу Ву-дэ, племенной вождь по имени Чиеу Онг Ли имел много старших и младших братьев. Храбростью и силой он превосходил всех остальных, и народ подчинялся ему. Он также присоединился к Наньчжао. Вместе собралось свыше двадцати тысяч человек. Послав драгоценности, повторно просили государство Тэйбазя отдать пустынную землю на морском берегу, дабы можно было жить там. Тогда государство Тэйбазя приказало разделить местность от морских побережий до речных истоков и сделать две области, одна от Куитяу до Зиентяу называлась Ньхоан, другая от Камтяу до Хоантяу — Ламан, поделили области с Наньчжао, и Онг Ли управлял там. И тогда Онг Ли построил крепость в Каоса в Зиентяу, на востоке его владения доходили до моря, на западе — до государства Тэйбазя, на юге — до Хоаньшона. Он объявил себя государем.

Во времена династии Восточная Цзинь (317–420 — Е. К.) приказали генералу Цао Кэ повести войска и нанести удар. Онг Ли засел в засаде в труднопроходимых местах и со множеством людей напал на них. Затем он выбрался из Лиенматшона, чтобы скрыться. Когда они собирались вместе, мы рассеивались, если же они рассеивались, тогда мы собирались вместе. Утром выходили, вечером возвращались. Боевые действия не прекращались четыре — пять лет. Войска династии Цзинь не переносили пелену испарений, больше половины из них умерло, тогда оставшиеся в живых возвратились. Наньчжао захватило все крупные города, правители областей и начальники уездов не могли выполнять свои обязанности. Расцвет этого государства продолжался до династии Тан.

И-цзун (годы правления: 860–874 — Е. К.) послал Гао Пяня с карательным походом, но он тоже не преуспел и вернулся. Потом в эпоху Пяти династий (907–960 — Е. К.) Ши Цзинтан приказал начальнику войскового приказа Ли Цзиню повести тридцать с лишним тысяч солдат и напасть на Дошон. Наньчжао немного отступило, приблизилось к границам Айлао, называлось государство Даумо, сейчас — Бонман.

История реки Толить

В шестом году правления под девизом *Сянь-тун* (865 — Е. К.) император И-цзун династии Тан приказал Гао Пяню стать губернатором и атаковать Наньчжао. Затем губернаторство упразднили и установили Аньнань Цзиньхайцзюнь, а Пяня назначили верховным военным правителем.

Гао Пянь знал толк в астрономии и географии, потому, найдя подходящее место, возвел к западу от реки Ло крепость Латхань. Окружность ее равнялась трем тысячам шагов. Гао Пянь поселился там. Маленькая речушка, которая вытекала из реки Ло и несла свои воды сначала на северо-запад, а затем на юг, огибала Латхань и в конце снова впадала в большую реку. В шестом месяце из-за дождей уровень воды сильно повышался.

Как-то раз Гао Пянь сел в лодку и поплыл вниз по течению маленькой реки. Удалившись на один *ли* с лишним, он вдруг увидел седовласого старика странного облика, прогуливавшегося по середине реки. Старец посмеивался и бормотал что-то себе под нос. Гао Пянь спросил, как его зовут. Старик с почтением ответил:

«Я из рода То, а зовут меня Лить».

Пянь поинтересовался:

«А где ваша семья?»

«В этой реке», — сказал старец и ударил в ладоши.

Внезапно вокруг так потемнело, что ничего нельзя было различить. Гао Пянь понял, что видел духа, и поэтому дал реке название Толить.

Однажды утром Гао Пянь вышел, встал на юго-восточной стороне крепости Латхань на берегу реки Ло и посмотрел вдаль. Неожиданно налетел ветер, поднялись волны, небо закрыли черные тучи, и на поверхности воды появился необыкновенный человек ростом более чем в два *чюнга*, в желтом платье и фиолетовой шапке. В руке он держал золотую табличку для письма. В ослепительном свете человек то взлетал вверх, то опускался. Возшло солнце, но облака не рассеялись, и фигура человека все еще была видна. Очень удивившись, Гао Пянь захотел подчинить его, но не смог. Ночью во сне увидел духа, возвестившего:

«Не стоит усмирять меня. Я — дух Лонгдау и являюсь старшим среди чудодейственных сил земли. Вы возвели здесь крепость, и я предстал перед вашими глазами — ведь до сих пор мы еще не встречались. Если все же захотите уничтожить меня, то я этого не боюсь».

Гао Пянь в испуге проснулся, утром установил алтарь, совершил жертвоприношение с возлиянием вина. Из золота, серебра, меди и железа он сделал амулеты, три дня и три ночи читал заклинания, а затем зарыл амулеты, чтобы изгнать злых духов. В ту же ночь разразилась гроза. Задул ветер, пошел сильный дождь, и в мгновение ока все амулеты оказались выброшенными на поверхность земли. Они превратились в пепел, который развеялся весь без остатка. Гао Пянь вздохнул:

«В этом месте обитает чудодейственный дух, не стоит долго здесь оставаться, не то случится беда. Мне надо скорее возвращаться на Север».

Впоследствии И-цзун отозвал Гао Пяня. Тот действительно погиб, а его место занял Гао Синь⁶⁹, который стал там править.

История Зыонг Кхонг Ло и Нгуен Зяк Хая

Кхонг Ло — наставник школы *тхиен* из монастыря Нямкуанг, что в местности Хайтхань, происходил из рода Зыонг. Он был уроженцем земли Хайтхань. В его семье из поколения в поколение становились рыбаками, но Кхонг Ло отказался от этого ремесла и ушел в монахи. Он постоянно сидел неподвижно и читал заклинания-*дхарани*. В годы под девизом *Тионг-тхань зя-кхань* (1059–1065 — Е. К.) Кхонг Ло и Зяк Хай⁷⁰, другой приверженец Будды, пришли в монастырь Хачать и там поселились. Они носили одежду из травы, питались с деревьев, отрешились от забот о своем теле, снаружи — прекратили переправляться через море желаний, внутри — пребывали в состоянии созерцания. С каждым днем их души, уши и глаза становились все более чистыми. Наставники научились летать по воздуху, ходить по воде, усмирять тигров, укрощать драконов, делать тысячу удивительных и тысячу необычайных вещей, недоступных простому человеку. Впоследствии Кхонг Ло вернулся в родную деревню, основал монас-

⁶⁹ Гао Синь — в 875–878 гг. верховный военный правитель Аннама, внучатый племянник Гао Пяня.

⁷⁰ Зыонг Кхонг Ло (?–1119 гг.) и Нгуен Зяк Хай (XI в.) — монахи школы *тхиен*.

тырь и жил в нем. Однажды послушник доложил:

«Когда я пришел сюда, то не удостоился получить ваши указания о сущности буддийского учения, осмелюсь предложить следующие стихи:

*Если «плавить» сознание и тело,
То они начнут очищаться.
Из темных глубин (возникнет в сознании) прямой стержень
И предстанет пред пустотным сознанием.
Если спросят тебя пришедшие
О пустотных-пустотных дхармах,
(Отвечай, что они подобны) теням на ширме,
Теням, образующим форму.*

Поняв его мысль, наставник сказал:

«Ты хочешь узнать истоки и получить сутры, я же тебя учу и цену, в чем же это не согласуется с твоим заветным желанием?» Затем громко захохотал.

Однажды наставник произнес экспромтом:

*Решив овладеть драконом,
Следует выбрать подходящее место.
Если в глуши очищаешь себя целый день,
То радость заполнит тебя без остатка.
Иногда стоит подняться на одинокую вершину
И просветить трижды протяжным свистом,
Чтобы звуки застыли в Великой пустоте.*

В десятом году под девизом правления *Хой-тыонг дай-кхань* (1119 — Е. К.), что соответствовало году *ки-хой*, третьего дня шестой луны наставник скончался. Ученики захоронили его прах возле монастырских ворот. Был издан императорский указ о ремонте этого монастыря, от налогов освободили две тысячи человек, дабы они поклонялись и воскуряли благовония.

Наставник школы *тхиен* Зяк Хай тоже был уроженцем местности Хайтхань, он жил в монастыре Зиенфук, а происходил из рода Нгуен. В юности любил ловить рыбу и предавался этому занятию постоянно. На лодке, которая стала ему домом, плавал по морю и рекам. В двадцать пять лет Зяк Хай забросил свой промысел, сбрил волосы и стал монахом. Вначале вместе с Кхонг Ло жил в монастыре Хачать, потом вернулся в Хайтхань. Во времена императора Ли Нян-тонга Зяк Хая вместе с даосом Тхонг Хюйеном часто приглашали во дворец Лиенхоа, они сидели сбоку на прохладном камне для оказания услуг. Однажды жабовидные ящерицы так зашумели, что оглушили присутствующих. Император приказал Хюйену с помощью заклинаний прекратить это. Хюйен произнес заклинание, и одна ящерица упала. Император засмеялся и позвал Зяк Хая:

«Для вас, *шрамана*, осталась еще одна».

Наставник тут же прочитал заклинание, и вскоре упала еще одна ящерица. Император изумился этому, сложил хвалебные стихи:

*Сознание (того, кого зовут) «Море просветления», действительно подобно морю.
Путь (того, кого зовут) «Проникновение в сокровенное» действительно сокровенен.
Их дух проникает (всюду) и способен управлять превращениями вещей,
Хотя один из них буддист, а другой даос.*

С тех пор наставник прославился в Поднебесной. Монахи-последователи преклонялись перед ним, а император оказал радушный прием. Каждый раз, когда император заезжал в свою резиденцию в Хайтхане, обязательно сначала навещал его монастырь. Однажды император позвал наставника и сказал:

«Можно услышать о состоянии созерцания *архата*?»

Тогда наставник совершил восемь превращений, его тело повисло в воздухе на высоте нескольких *чюнгов*, затем опустилось. Император и сопровождавшая его свита сложили руки в восхищении. Наставнику пожаловали право пропуска во дворец в паланкине. При императоре Тхан-тонге Зяк Хая неоднократно призывали в столицу, но он отказывался под предлогом болезней и старости, и так и не прибыл. Некто спросил:

«Будда и все живые существа, кто из них гость, а кто хозяин?»

Наставник разъяснил с помощью *гатхи*, гласившей:

Если говорить о тебе, (ищущем спасения), то голова твоя становится белой.

И ты, мой гость, становишься старым.

Если же говорить (о возможностях природы) Будды,

То для нее Драконовы ворота словно мушка на лбу.

Перед погружением в нирвану возвестил еще одну *гатху*:

Настала весна, цветы и бабочки с радостью узнали свой срок.

Цветы и бабочки откликнулись вовремя.

Цветы и бабочки существуют в обусловленный период,

И никто не скажет, что они цепляются (за свое сознание)⁷¹.

Ночью большая звезда упала с неба на юго-восточный угол монастыря. Когда утром вошли к наставнику, то увидели, что он сидит по-прежнему прямо, но уже преставился. По указу освободили от налога две тысячи человек, чтобы они поклонялись и возжигали благовония, а двоих сыновей наставника, желая наградить, сделали чиновниками.

История Ха О Лоя

В годы под девизом правления *Тхиеу-фонг* (1341–1369 — Е. К.) императора Чан Зу-тонга уроженец деревни Мала по имени Данг Си Зинь был назначен генерал-губернатором, получил приказ отправиться с посольством в Китай. Его жена из рода Ву осталась дома.

В деревне был храм духа Мала. По ночам дух превращался в Си Зиня, в точности напоминая его обликом и манерами, входил к его супруге, соединялся с ней, а на рассвете исчезал. Как-то ночью госпожа Ву спросила:

«Вас послали на север, как же вы успеваете ночью вернуться и почему днем вас не видно?»

Дух обманул ее:

«Император послал на Север другого чиновника, я состою при нем в свите, играю с императором в облавные шашки. Государь не разрешает мне отлучаться. Однако я помню о чувствах, связывающих супругов, поэтому по ночам тайком

⁷¹ Стихи в этом рассказе также переведены А. С. Мартыновым.

прихожу к тебе, чтобы насладиться любовью. На рассвете я должен быть при дворе, поэтому не осмеливаюсь здесь дольше оставаться».

С петушиным криком дух ушел, но сомнения у госпожи Ву все-таки остались.

Через год Си Зинь вернулся. В то время госпожа Ву должна была скоро родить. Си Зинь доложил о случившемся государю, и его супругу посадили в тюрьму. Ночью во сне императору привиделся дух, который вошел и доложил:

«Я — дух Мала. Моя жена, госпожа Ву, носит под сердцем ребенка, а на нее претендует Си Зинь».

Император в испуге проснулся. На следующий день он приказал стражникам привести госпожу Ву и расспросил ее. После этого государь вынес решение:

«Жену вернуть Си Зиню, а сына отдать духу Мала».

Через три дня госпожа Ву родила черный послед, он лопнул, и там оказался черный словно тушь мальчик.

В тринадцать лет ему дали имя О Лой — Черный гром. Кожа его была черной, при этом блестела будто смазанная жиром. Когда О Лою исполнилось пятнадцать лет, император призвал его ко двору, очень привязался к нему и оставил возле себя.

Однажды О Лой вышел прогуляться и встретил Люй Дунбиня⁷². Тот поинтересовался:

«Юноша, чего бы ты желал?»

О Лой ответил:

«Сейчас Поднебесная пребывает в благоденствии, государю не о чем беспокоиться. На богатство и знатность смотрю, как на плывущие облака, лишь хотел бы иметь такие голос и внешность, чтобы радовали уши и глаза и только».

Дунбинь засмеялся и сказал:

«Приобретя голос и внешность, что-то получишь, а чего-то лишишься. Память о тебе будет переходить из поколения в поколение».

Дунбинь велел О Лою открыть рот, плюнул туда и заставил проглотить слюну, затем поднялся ввысь и исчез. С тех пор, хотя О Лой так и не овладел грамотой, из-за сообразительности и остроумия он на много превосходил других в сочинении произведений изящной словесности, стихов, поэм, песен, элегий-*нгэмов*⁷³, декламировал их вслух, воспевая ветер и луну. Голос его обвивался вокруг стропил и останавливал тучи. Все были рады послушать его, даже замужние женщины и девушки желали взглянуть на него. Император повелел:

«Если О Лой соблазнит чью-либо жену, я вознагражу мужа тысячей связок монет. Но если кто-нибудь убьет его, заплатит десять тысяч связок».

Государь сам часто проводил время с О Лоем. В то время в деревне Нянемук жила принцесса по имени А Ким. Ей было двадцать три года, но она уже овдовела. А Ким славилась своей красотой, вторую такую прелестницу трудно было отыскать. Принцесса приглянулась императору, он стал добиваться ее благосклонности, но успеха не имел, поэтому возненавидел А Ким. Как-то государь позвал О Лоя и сказал:

⁷² Люй Дунбинь — один из восьми бессмертных у даосов. Успешно сдав экзамены на высшую ученую степень, он неожиданно повстречал бессмертного Чжунли Цюаня, стал его учеником и постиг тайну бессмертия. Больше четырехсот лет странствовал он со своим волшебным мечом, побеждая тигров, драконов и оборотней, творя чудеса и помогая людям встать на путь даосов. В 1111 г. был канонизирован.

⁷³ Элегии-*нгэмы* — стихотворения и поэмы, в которых чередовались строки разной длины и строго соблюдались внутренняя и конечная рифмы.

«Придумай какую-нибудь уловку и вступи с ней в связь».

О Лой с почтением отвечал:

«Я прошу дать мне год, приложу все усилия, и если не увидите меня через этот срок, значит, ничего не получилось, и я уже умер».

Затем откланялся и ушел. Вернувшись домой, О Лой снял одежду, вывалялся в грязи и высох под солнцем, стараясь придать себе как можно более отталкивающий вид. Затем он надел холщовые штаны, взял серп, две бамбуковые корзины, сверток с бетелем и, притворившись слугой, пасущим лошадей, отправился к дому принцессы. Подарив бетель привратнику, О Лой попросил разрешения нарезать травы в саду принцессы. Привратник пустил его. В то время был пятый — шестой месяц, повсюду распустились цветы *тхай ле*. О Лой срезал их все и положил в корзину. Служанка принцессы, увидав, что цветов в саду больше нет, закричала, призывая связать его. О Лоя держали взаперти три дня, но за ним так никто и не пришел. Наконец у него спросили:

«В какой семье ты прислуживаешь, и почему не видно хозяина с выкупом?»

О Лой ответил:

«Я бездомный бродяга, нет у меня ни отца с матерью, ни хозяина. Обычно я сопровождаю актеров и певцов, нанимаюсь к ним в услужение и так зарабатываю пропитание. Несколько дней назад увидел чиновника, привязавшего лошадь у южных городских ворот. Лошадь проголодалась, корма у нее не было, вот и наняли меня за пять грошей нарезать травы. Обрадовавшись, что раздобыл деньги, пошел я выполнять работу. Откуда мне было знать, какие это такие цветы *тхай ле*, думал нарежу, что под руку подвернется. Сейчас мне неоткуда взять выкуп, прошу, сделайте меня слугой, чтобы возместить убытки».

О Лоя держали в доме принцессы больше месяца, не брезговали его обществом, ели и пили вместе с ним. О Лой подружился со слугой-привратником, вечерами часто пел своим сладкозвучным голосом. Все — от хозяев и служанок до евнухов и наложниц — внимали ему, и сердца у людей становились радостными.

Как-то раз уже наступили сумерки, а лампы все не зажигали. Принцесса, увидав, что из свиты никого нет рядом, принялась звать служанок, собираясь отругать их за нерадивость. Когда те явились, она пригрозила наказать их палками и прогнать. Служанки пали ниц, признавая свою вину:

«Мы заслушались пения парня, который режет траву, и так увлеклись, что забыли обо всем на свете и пренебрегли своими обязанностями. Пусть принцесса накажет или разжалует нас, всему готовы покориться».

Принцесса не стала их больше ни о чем расспрашивать.

В то время было жаркое лето. Однажды в первую стражу принцесса вместе со служанками присела отдохнуть во дворе, наслаждаясь дующим ветерком и любуясь луной. Вдруг из-за стены раздалось пение О Лоя. Принцесса насторожилась и стала внимательно слушать гармоничные звуки, казалось, совершенно отличавшиеся от песен земного мира. Душа ее затрепетала от любви и истомы. Принцесса велела служанке привести О Лоя и включила его в свое окружение, часто посылая с различными поручениями.

Постепенно О Лой превратился в доверенного слугу, нередко госпожа приказывала ему декламировать стихи, стараясь рассеять охватившую ее тоску. О Лой старался как можно прилежнее исполнять свои обязанности. Принцесса все больше к нему благоволила, днем он состоял в свите, ночью прислуживал со светильником в руках. Иногда О Лоя повелевали петь, голос его проникал всюду, а госпожа приходила в неизъяснимое волнение. Принцесса захворала,

и через три — четыре месяца недуг еще больше усилился. Ухаживая за ней, служанки очень уставали и ночью спали так крепко, что добудиться их никак не удавалось. Как-то раз только О Лой явился на ее зов. Не препятствуя больше своему чувству, принцесса сказала ему:

«С того дня, как я услышала твой голос, я занемогла».

Она вступила с ним в связь, и болезнь ее постепенно прошла. Чувства принцессы с каждым днем становились все более пылкими. Она не заботилась о своей репутации, не стыдясь отношений с О Лоем, и даже захотела даровать ему земельное угодье с усадьбой. Однако О Лой сказал:

«У меня никогда не было дома. Сейчас я встретил госпожу, столь напоминающую небесную фею, для меня это уже счастье, зачем мне еще земля, золото, серебро и драгоценности? Но есть у меня одно заветное желание: хотел бы иметь головной убор, изукрашенный золотом и яшмой, в котором вы принимаете участие в дворцовых церемониях. Если бы я мог надеть его один раз, то и умереть для меня было бы не страшнее, чем закрыть глаза».

Этот головной убор некогда подарил принцессе покойный государь, но она без сожаления отдала его О Лою. Тот тайком покинул дом принцессы, вернулся ко двору, надел шапку с золотом и яшмой и предстал перед правителем. Государь очень обрадовался, тут же приказав принцессе явиться. Когда она прибыла, О Лой в драгоценной шапке стоял в свите. Правитель спросил принцессу:

«Ты знаешь О Лоя?»

Принцесса очень смутилась.

О Лой сочинил стихи на родном языке:

*Я нанялся на службу, выдал себя за раба,
Только лишь хотелось стать счастливее.*

С тех пор слухи об этом распространились по всей Поднебесной, дочери знатных людей посмеивались над случившимся. Были такие стихи на родном языке:

*Иней и снег не могут сохранить чистоты,
Знатные люди не отказываются от гуманности.
Опьянение голосом и красотой
Достоинно смеха и сожаления.*

Хотя в строках чувствовалось презрение, но девушки, привлеченные голосом и красивой внешностью, не могла устоять и вступали с О Лоем в связь. Помня указ правителя, грозящий большим штрафом, никто не осмеливался его и пальцем тронуть.

Как-то О Лой сошелся со старшей дочерью Минь Уи-выонга⁷⁴. Выонг схватил его, но не убил. Утром на следующий день выонг явился ко двору и доложил:

«О Лой ночью забрался в мой дом. В темноте трудно распознать человека, и, по ошибке, я убил его. Осмеливаюсь спросить, какой штраф я должен внести?»

Государь не знал, что О Лой жив, и вынес приговор:

«Не следует рассматривать случившееся как преступление».

Государыня Хуи Ты приходилась сестрой Минь Уи-выонгу, поэтому правитель был так снисходителен. Минь Уи-выонг вернулся домой и избил О Лоя палкой, но тот все не умирал, тогда выонг схватил жердь и прикончил его. Перед смертью О Лой продекламировал стихи на родном языке:

⁷⁴ Минь Уи-выонг — высокопоставленный сановник, брат супруги императора.

*Настоящий мужчина стремится к славе,
Рождение и смерть predetermined небом, не нужно скорбеть.
Лучше иметь голос и красоту, пренебрегая рождением и смертью.
Если придется пожертвовать собой, это не имеет большого значения.*

Так же прибавил:

«Некогда Люй Дунбинь говорил мне: «Получив голос и красоту, в другом столько же потеряешь». Эти слова очень верны»⁷⁵.

История Зя Соа-вьонг

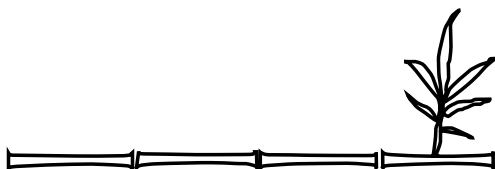
Некогда в давние времена за пределами государства Аулак — Намвьет существовала страна Зиеунгием. Правителя ее звали Зя Соа-вьонг (также Чьонг Минь-вьонг и Тхап Дау-вьонг). Севернее этого государства находилась страна Хотонгинь, государь именовался Тхап Соа-вьонг, наследный принц — Ви Ты. Жена Ви Ты — Бать Тинь Хау *ньонг* была такой красавицей, какой мало кто мог похвастаться. Прослышав о ее прелестях, Зя Соа пришел в восторг. Во главе множества воинов он напал на страну Хотонгинь, окружил ее, завладел Бать Тинь Хау и возвратился обратно. Ви Ты разгневался. Повинуясь ему, множество обезьян-макак передвигали горы и засыпали море, уничтожали препятствия и сделали ровные дороги. Ви Ты напал и строго покарал страну Зиеунгием. Соа-вьонг был убит. Забрав Тинь Хау *ньонг*, Ви Ты вернулся домой. Хотон — Лисьи правнуки — именно и есть дух-сущность обезьян-макак. Сейчас это государство Тиемтхань⁷⁶.

⁷⁵ Н.И.Никулин предпринял попытку идентифицировать Ха О Лоя с Кришной. Легенды о Кришне: 1. Кришна — «черный», Хари — одно из имен Кришны. 2. Кришна всегда изображается черным и темно-синим. 3. Кришна играет на свирели. 4. Кришну любят пастушки, девушки и молодые женщины. 5. Необыкновенное рождение. Кришна — племянник царя, царь хотел его убить, но отец Кришны подменил сына новорожденной дочкой пастушки, а пастушке подбросил Кришну. 6. Проказы Кришны: он воровал масло, разливал молоко, прятал одежду купающихся девушек. 7. Кришна — пастух. 8. Кришна помогает царевне Руклине и женится на ней и еще на многих принцессах. 9. Кришну, спящего в лесу под деревом, случайно убивает охотник. 10. Кришна перед смертью прощает охотника. Рассказ о Ха О Лое: 1. Ха О Лой — «черный гром», возможно, что это транскрипция «Хари» (во вьетнамском языке нет звука «р»). 2. «Был он чернокож», «мальчик, черный, как тушь», «болтун с лицом черной золы». 3. Ха О Лой имеет чудесный голос и поет песни, сочиненные им самим, но не различает смысла и значения иероглифов, особая сила его голоса и песен воздействует на женщин. 4. «Женщины и девицы мечтали об О Лое, томилась желанием взглянуть на него хоть раз». «Не было среди них ни одной, которая не домогалась бы его любви». 5. Ха О Лой — сын духа охранителя земли Мала. Его мать бросили в темницу. Государь по просьбе духа освобождает ее. Мать рождает диковинный черный ком (вьетнамская традиция — мешок, яйцо); когда его надрезали, внутри оказался мальчик, черный, как тушь. 6. Проказы Ха О Лоя: срезал цветы *тхай ле*, так как молоко во Вьетнаме не употреблялось в пищу, Ха О Лой устраивает другие проделки. 7. Очень смутно упоминается о том, что Ха О Лой притворился конюхом, резал траву для скота, как это обычно делают во Вьетнаме. 8. Принцесса А Ким страстно влюбляется в Ха О Лоя. 9. Убийство Ха О Лоя трактуется как ошибка государя. 10. Ха О Лой, умирая, произносит стихи, постигает смысл слов мудреца. Приведенное сопоставление дает основание для предположения о влиянии легенд кришнаитского цикла на вьетнамскую средневековую новеллу. Вероятно, это влияние шло из Тямпы, где был известен культ Кришны, о чем говорят его скульптурные изображения VII–VIII вв., хранящиеся в Музее тямпской культуры в Дананге (Никулин Н. И. Вьетнамская литература. X–XIX вв. — М., 1977. — С. 130–131).

⁷⁶ Э. Юбер расшифровал имена персонажей рассказа и идентифицировал их с героями «Рамаяны»: Зя Соа-вьонг — Дашагрива (Десятиголовый), т. е. Равана; Тхап Соа-вьонг — Дашаратха (Десять колесниц); Ви Ты — Рама; Бать Тинь Хау — Сита. А сам рассказ совпадает с эпизодом похищения и возвращения Ситы (Huber E. Etudes indochinoise. La legende du Ramayana en Annam // BEFEO. — 1905. — T. V).

Фам Динь Хо и Нгуен Ан
Случайные записки
о превращениях судьбы

Книга первая

Император Тхан-тонг	219
Император Хиен-тонг	220
О том, что некогда происходило во дворце правителя (Кинь Фу)	221
Господин Нгуен Зуи Тхай	222
Озеро Кием	224
Господин Нгуен Ван Зяй	224
Крестьянин из Ньикинь (Тунг Ниен)	226
Крестьянин из Анмо	226
Призрак из Донгсуана (Кинь Фу)	227
Господин Нгуен КонгХанг	228
Господин Нгуен Ба Зьонг (Тунг Ниен)	231
Принц Данг Лан (Кинь Фу)	232
Тхань Дао Ты	233
Господин Ле Тхой Хиен (Кинь Фу)	234
Господин До Тхе Зяй и господин Хоанг Нгу Фу (Кинь Фу)	236
Пагода Тиентить (Кинь Фу)	237
Госпожа Доан, верная памяти умершего мужа (Кинь Фу)	238
Наемный работник в столице	239
Господин Ле Ань Туан (Тунг Ниен)	239
Господин Буи Тхе Винь (Тунг Ниен)	240
Господин Нгуен Хоан (Тунг Ниен)	240
Господин Ле Хьу Киеу	242
Господин Нгуен Чонг Тхьонг	243
Записки о прогулке к горе Фаттить (Тунг Ниен)	244
Происшествие, случившееся с предком <i>тхайте</i> , не отражённое в официальной истории	247
Господин Дам Тхан Хюи (Кинь Фу)	248
Господин Ле Туан Мау (Кинь Фу)	248
Господин Зьонг Банг Бан	249
Господин Уонг Си Доан (Кинь Фу)	249
Превращение в тигра (Кинь Фу)	250

Черный ребенок (Кинь Фу)	250
Горная пещера (Кинь Фу)	251
Разбойник из Ламхо	251
Господин До Уонг	251
Генерал Доан Тхьонг (Тунг Ниен)	252
Река Зунг	253
Гора Донглиет	255
Гора Воконг	255
Внутреннее учение (Тунг Ниен)	256
Вторая жена господина Нгуен Киеу	258

Книга вторая

Господин Тю Ван Чинь (Кинь Фу)	259
Господин Ле Чай	260
Господин Буи Кам Хо	266
Стихи души умершего (Кинь Фу)	267
Господин Фам Нгу Лао (Тунг Ниен)	268
Столичные экзамены (Тунг Ниен)	269
Могилы матери Дао Кхана (Тунг Ниен)	270
Древняя кумирня у ворот Донгхоа	270
Статуя Зя Лама из заброшенной пагоды (Тунг Ниен)	271
Стела на горе Тханьнам, выбитая на отшлифованной скале (Кинь Фу)	271
Почтенный предок — первый министр (Кинь Фу)	272
Река Док (Кинь Фу)	273
Могилы предков <i>Банг-куана</i> (Кинь Фу)	275
Кумирня Тханькам (Тунг Ниен)	275
События из жизни небожителя Фама, не вошедшие в официальную историю (Тунг Ниен)	276
Господин Данг Тят (Тунг Ниен)	277
Господин Нгуен Тон Кхюе (Кинь Фу)	277
Лок-куанконг из Хамзянга	278
Учитель Таао	279
Старинная крепость Чаокхау (Кинь Фу)	281
Господин Ву Зюе	281
Господин Нгуен Ван Зяй	282
Кумирня наставника-основателя Тхуан Зьонга (Тунг Ниен)	283
Огромный человек (Тунг Ниен)	283
Господин Фам Динь Чонг (Кинь Фу)	284
Пагода Тхиенму (Кинь Фу)	287
Озеро Хоанкием (Кинь Фу)	288
Столичные ворота (Кинь Фу)	290
Господин Хоанг Шам	290
Господин Данг Чан Кон (Тунг Ниен)	291
Небо наказывает мать бесов (Тунг Ниен)	293
Храм Чанво (Тунг Ниен)	294
Гора Зуктхуи (Тунг Ниен)	296
Могилы предков рода Нгуен из деревни Киеу (Кинь Фу)	298

Господин Гром (Кинь Фу)	299
Господин Зыонг Као (Кинь Фу)	299
Господин Нгуен Данг Као (Тунг Ниен)	300
Господин Буи Хюи Бить (Тунг Ниен)	302
Башня Баотхиен (Тунг Ниен)	302
Принцесса-небожительница (Тунг Ниен)	303
Продавцы угля (Кинь Фу).....	303
Господин Фам Тау (Кинь Фу)	305
Господин Во Конг Чан (Кинь Фу)	306
Господин Нгуен Чат (Кинь Фу)	307
Господин Во Сыонг (Тунг Ниен)	308
Чаньский наставник господин Чжо (Тунг Ниен)	309
Храм Линьланг (Тунг Ниен)	310
Пагода Кимлиен (Тунг Ниен).....	311
Император Тхань-тонг (Тунг Ниен)	311

Книга первая

Император Тхан-тонг

Император Кинь-тонг (годы правления: 1600–1619 — Е. К.) прошлой династии (династии Ле: 1428–1788 — Е. К.) пребывал на троне уже много лет, но не было у него наследника престола, не сияла будущая звезда. Правитель молил об этом духов неба и земли.

Вскоре императрице — она была из рода Чинь — настала пора родить, но прошло двое суток, а она не могла разрешиться от бремени. Император очень беспокоился о родах. Вдруг во сне ему привиделся человек, который сказал:

— «Наследный принц еще находится у рынка Баотхиен, как же госпожа сможет до времени родить?».

Проснувшись, император послал своего приближенного разузнать, в чем же дело. В то время на небе еще мерцали звезды, и на рынке никого не было. Придворный лишь заметил убогого старика, лежащего в рядах, где режут скот, под столом для разделывания мяса. Волосы его были седые — выглядел он на восемьдесят один-восемьдесят два года. Старик лежал на земле и стонал, ожидая смерти.

Сановник поспешил вернуться и доложить. Император снова отправил его посмотреть, что там происходит. На следующий день старик умер, а у императрицы родился наследный принц. Он вырос, взошел на трон. Это и был Тхан-тонг (годы правления: 1619–1643; 1649–1662 — Е. К.).

Когда Тхан-тонг находился у власти, то отмечал день своего рождения как праздник Весны. Каждый год с наступлением этой даты на рынке Баотхиен устраивалась временная императорская резиденция. Ведомство обрядов готовило императорский экипаж, подходили охрана и императорская свита. Отправляясь в путь, поднимали два бамбуковых шеста с надписями «тысяча лет» и «десять тысяч лет»¹, затем все возвращались во дворец. Чиновники из личного кабинета императора, держа в руках эти бамбуковые шесты, обходили три раза государевы внутренние покои, провозглашая «Императору десять тысяч раз по десять тысяч лет». После завершения церемонии правитель устраивал во дворце Вантхо аудиенцию и давал пир.

При последующих императорах все происходило точно так же, а церемония называлась «Моление о долголетию и об охране духами».

Император имел четырех сыновей: Тянь-тонга (годы правления: 1643–1649 — Е. К.), Хюйен-тонга (годы правления: 1663–1671 — Е. К.), Зя-тонга (годы правления: 1672–1675 — Е. К.) и Хи-тонга (годы правления: 1676–1705 — Е. К.). Все они один за другим взошли на трон, а благополучие и долголетие, постигнутые ими, были наивысшим за весь период *Чунг-хын* (1533–1788 — Е. К.).

В годы под девизом правления *Винь-хыу* (1735–1740 — Е. К.) император И-тонг (годы правления: 1735–1740 — Е. К.) часто приказывал изготовить

¹ Благопожелание долголетия, означающее «Да здравствуют Вы, Ваше Императорское Величество и члены Вашей семьи».

деревянных журавлей и фигуры тямпских силачей². Все это он в качестве подношений повелевал устанавливать перед статуей Ли Тхан-тонга (годы правления: 1128–1138 — Е. К.) в пагоде Тхиенфук на горе Фаттить³, так как считалось, что в последующем перерождении Ли Тхан-тонг стал императором Тхан-тонгом прошлой династии.

Рассказы о предшествующих и последующих перерождениях исходят из буддийских сочинений, совершенные мужи не говорят об этом. Если описываемые события действительно имели место, то получается, что в предшествующем перерождении император Ли Тхан-тонг был наставником школы *тхиен*⁴ Ты Дао Ханем⁵, а в последующих — стариком с рынка Баотхиен и государем Тхан-тонгом минувшей династии. Монах и нищий возродились в семье императора — это приводило людей в недоумение.

Император Хиен-тонг

В год *ат-ти* при девизе правления *Кань-хынг* (1785 — Е. К.) императору Хиен-тонгу исполнилось семьдесят лет. Опора государства — придворные господин Буи Хюи Бить и господин Хо Си Донг поднесли правителю к церемонии празднования государева долголетия почетный титул: «Император, внушающий почтение и уважение, наделенный гуманностью и милосердием, добродетелью и долголетием».

Аудиенциями при дворе пренебрегали. Старый фундамент дворца в Нунгшо-не разрушился, и на этом месте возвели храм почитания неба. В нем поклонялись Небесному государю, Владычице земли, духам земли, а также основателю династии. В первый и пятнадцатый дни каждого лунного месяца император прибывал во дворец Кантинь и устраивал приемы. Однако правые и левые покои Дайлау пришли в запустение. На террасе выросла трава до колен, все было запачкано лошадиным навозом и находилось в беспорядке.

² Большие каменные фигуры стражей, дородных, с глубоко посаженными глазами, стоящих, например, у могил вьетнамских полководцев, отличившихся в войнах с тьямами, созданы по мнению ряда исследователей (Чан Ван Зяп, А. Парментье и др.) под влиянием тямпского искусства. Ле Куи Дон считал, что это изображения тямпских богатырей («Краткие записи об увиденном и услышанном»).

³ Другие названия пагоды Тхиенфук — пагода Фаттить, Тхай, Сайшон, Ка. Строилась с XI в. Первоначально это была маленькая часовня, служившая местом уединения Ты Дао Ханя. По преданию пагода построена на лбу дракона, двор перед пагодой, поросший травой — верхняя челюсть дракона, левый берег озера — нижняя челюсть дракона, подхватившего жемчужину, т. е. возвышенный пригорок, на котором находится кумирня, два моста — Няйтиен и Нгуеттиен — это два клыка, два колодца по бокам пагоды — это два глаза.

⁴ Секта *тхиен* (кит. *чань*) — одно из направлений буддийской школы Созерцания (*дхьяна*).

⁵ Ты Дао Хань (буддийский монах из рода Ты по имени Ло, псевдоним Дао Хань) — реальная историческая личность, умер в 1117 г., дата рождения неизвестна. Отшельничал в пагоде Тхиенфук. Ты Дао Хань был известен как маг и чародей. Согласно преданию, вошедшему во многие средневековые сочинения, перед кончиной Ты Дао Хань поднялся в пещеру Тхан на горе Фаттить, ударился головой о каменную стену и перевоплотился. На скалах и теперь видны следы от его головы и ног. Возродился он в облике императора Ли Тхан-тонга (годы правления: в 1128–1138). Считалось, что одно из последующих перерождений Ты Дао Ханя — император Ле Тхан-тонг (годы правления: 1619–1643, 1649–1662).

Перед праздником в этот дворец послали чиновников, ответственных за охрану и поддержание порядка в столице. Они надзирали за работой охранников, приводивших в порядок террасу и чинивших покои Дайлау. Днем раньше начальник области Фунгтхиен господин Хоанг Винь Чан возглавил чиновников, одетых в парадное платье, которые принимали участие в церемониях.

В день торжеств император воссел на трон, военные и гражданские чиновники встали по установленному порядку. Четвертый сын императора, советник по делам воспитания и просвещения, почтенный господин Ньы возглавлял военных чиновников, господин Хо стоял за ним. Заслуженный сановник Нгуен Конг Ханг возглавлял гражданских чиновников, господин Буи Хюи Бить стоял за ним. Чиновники императорской канцелярии возглавляли шеренгу людей из дворцовых служб, разделившихся на внешних и внутренних, все они восхваляли императора.

Господин Фан Хюи Ить встал на колени справа от трона и огласил доклад на высочайшее имя, голос его громко звучал и был слышен вплоть до ворот Доанмон. Когда церемония завершилась, евнухи, одетые в красные халаты с поясами, спустились с террасы по правую сторону от трона и огласили высочайшую волю устроить пир в покоях Дайлау.

Старейшие жители столицы говорили:

«Вот уже восемьдесят лет — со времен под девизом правления *Тинь-хоа* (1680—1705 — Е. К.) — не видывали подобных торжеств».

В начале поздравительного письма государю сказано:

*Пусть императорскому трону небо будет ясным, а черепаха подносит ему счастье мира и долголетия.
Пусть над императорским двором солнце светит ярко, а тигр, кланяясь, подносит благодать покоя и безопасности.*

В середине были строки:

*Календарь в тысячу весен только подошел к четырем ки⁶.
Таблички в десять тысяч лет только достигли семи десятилетий.*

Остальное не привожу здесь.

О том, что некогда происходило во дворце правителя (Кинь Фу⁷)

После того как треножники были повержены⁸, ко мне на службу поступил чиновник, ранее занимавший должность евнуха в свите правителя *Тинь-вюнга*⁹. Он поведал о том, что некогда происходило во дворце правителя.

⁶ *Ки* — период в двенадцать лет. В то время Ле Хиен-тонг пребывал на троне сорок шесть лет.

⁷ Кинь Фу — второе имя Нгуен Ана.

⁸ Треножники были повержены — образное выражение, обозначающее падение династии.

⁹ Речь идет о Тинь До-вюнге Чинь Шаме, правителе из рода Чинь, находився у власти в 1767—1782. С начала XVII в. Вьетнам, в котором формально продолжала править императорская династия Ле (1428—1788), практически оказался расколотым на два государства, в северном властвовал род Чинь, в южном — род Нгуен.

Каждый год за несколько месяцев до праздника Середины Осени правитель повелевал выдать узорный шелк и сделать из него множество фонарей. Эти фонари были так искусно изготовлены, что любой стоил не дешевле нескольких десятков *лянгов* золота.

Когда же подходил канун праздника, правитель отправлялся во дворец Баккунг. Там имелся пруд Лонгчи, достигавший в ширину половины *ли*. В водоеме в изобилии росли лотосы и водяные орехи. На берегу пруда насыпали землю, сложили камни, сделали горы, равнины и впадины, спереди и сзади получился рельеф. Справа устроили места и усадили музыкантов. На берегу возле деревьев посадили несколько сотен мальв. Над ними развесили фонари. Луна перекатывалась на волнах. Если посмотреть издали на пруд, то казалось, что это звезды отражались в нем десятками тысяч пятнышек.

Евнухи, начиная с третьего ранга и выше, одетые в женские платья и с головными украшениями устраивали вдоль дорожек торговые ряды, повсюду — на юге и на севере. Товары здесь были самые различные, вплоть до мясных деликатесов и вин, — все, что угодно. Сложенные в кучи, товары громоздились словно горы.

Жены и наложницы приходили и уходили, держась высокомерно, они давали волю страстям — воровали, покупали, не спрашивая цены, состязались в употреблении простонародных выражений, хихиканье и смех слышались повсюду.

С наступлением полуночи правителя в экипаже доставляли на берег пруда, и он садился в лодку. Придворные его свиты, жены и наложницы хлопали по деревянным доскам, отбивая такт, звуки были подобны волнам. Внезапно раздавались музыка и пение. Они звучали так нежно, что создавалось впечатление, будто оказался во дворце лунной феи, где слышна небесная музыка. Правитель, любясь праздником, радовался ему и только на рассвете возвращался.

Господин Нгуен Зуи Тхай

Министр господин Нгуен Зуи Тхай был известным сановником периода *Чунг-хынг*. Он обладал справедливым характером, строгим нравом, правитель часто следовал его советам.

У правителя имелся слишком вычурно разукрашенный паланкин. Однажды господин Нгуен Зуи Тхай, стоя рядом с этим паланкином, вдруг молча упал в него. Правитель приказал вернуться во дворец.

На следующий день министр почтительно сказал:

«Вчера я почувствовал себя плохо, но государь великодушно даровал мне прощение. Но поскольку паланкин соприкоснулся с большим телом, Вы взойти в него уже не сможете. Прошу приказать мне возместить утрату».

Правитель, уразумев, к чему ведет господин Нгуен Зуи Тхай, не стал его упрекать.

Как-то раз министр попросил об отпуске и отправился в Иенланг. В те времена правитель был очень увлечен некоей особой из Монгфи. Эта женщина, благодаря оказываемому ей высокому покровительству, пользовалась большим влиянием при дворе. Господин Нгуен Зуи Тхай неоднократно тактично увещивал правителя.

Правитель, воспользовавшись отпуском своего министра, распорядился приготовить ладю и отправился наводить порядок в Шонтэй, рассчитывая по дороге навестить свою возлюбленную.

Когда ладя остановилась в Иенланге, на пристани появился господин Нгуен Зуи Тхай. Сановник поклонился, а затем доложил, что в стране царит мир, смут нигде нет.

«Как же можно, — продолжал он, — ради одной женщины подвергать воинов шести отрядам тяготам походной жизни? И что подумают о государстве, в котором происходят подобные вещи?».

Министр приказал солдатам задержать дальнейшее продвижение лады, тем же, кто ослушается, пригрозил судом по военным законам. Правитель вынужден был вернуться в столицу.

Во дворце господина Нгуен Зуи Тхай имелись покои, носившие название Тытинь, здесь министр отдыхал от государственных дел. Прислуживали ему два мальчика, а женам и служанкам не разрешалось входить в эти покои, никто из них не осмеливался являться сюда с личными просьбами.

Однажды было совершено преступление. Человека, обвиненного в нем, приговорили к смертной казни. Родные, стараясь как-нибудь его спасти, к кому только не обращались, предлагали деньги многим особам. Никто не в силах был ничем помочь.

Жена осужденного встретила с двумя мальчиками-слугами министра. Плача, она поклонилась им и попросила передать господину Нгуен Зуи Тхай две тысячи золотом. Один из мальчиков развел руками.

«Министра нельзя подкупить, — сказал он, — но я не могу смотреть на ваши страдания, поэтому попытаюсь».

Мальчик спрятал золото в рукав, вошел в покои Тытинь и положил его на кровать Нгуен Зуи Тхая.

Министр вернулся из присутствия поздно ночью. Забираясь на кровать, он столкнулся с мешком с деньгами, и золото, зазвенев, рассыпалось по полу. Вздвогнувшись, господин Нгуен Зуи Тхай стал расспрашивать слугу, как здесь оказались эти деньги. Мальчик пал на колени и первым делом попросил предать его смерти, а уже затем объяснил причину своего поступка. Министр долго молчал, потом промолвил:

«Встань, я не буду тебя наказывать. Смертная казнь слишком суровый приговор. Две тысячи золотом очень большая сумма. Ты, мальчик, взялся за дело, рискуя жизнью. Или во всем этом есть небесный промысел? А самому тебе сколько дала женщина?».

«Шестьсот *лангов*».

«Ну ладно, оставь их себе, я же золота не возьму».

Министр велел приготовить экипаж, и отправился во дворец. Там он постучал в покои правителя. Правитель поднялся с постели, почтил его аудиенцией, расспрашивая, какое это дело большой государственной важности привело его сюда. Господин Нгуен Зуи Тхай с почтением доложил, что вчера в суде рассматривалось уголовное дело, и был вынесен смертный приговор. Он поведал также, что этой ночью ему явился осужденный, сетовавший, что обижен несправедливо и не может никому пожаловаться. Господин Нгуен Зуи Тхай попросил правителя не спешить с наказанием и вновь пересмотреть дело.

«Вы причинили себе столько беспокойства, — засмеялся государь — подождите бы до завтра и явились на аудиенцию».

«Если бы я промедлил, то оказался бы замешанным в этом деле», — ответил господин Нгуен Зуи Тхай.

Правитель успокоил своего министра, и заключенный избежал смертной казни.

Озеро Кием

Это произошло во времена династии Ле, в год *бинь-нго* девиза правления *Кань-хынг* (1786 — Е. К.), летом. В полночь из острова, находящегося на озере Кием, появился некий сверкающий предмет, осветил все кругом, перелетел на южный берег озера и погас. Вода в озере взволновалась, на следующий день на поверхности всплыли в огромном количестве рыбы и креветки.

Рассказывали, что на коньке крыши зала Чунгхоа во дворце правителя появился некий сияющий предмет, который вскоре погас. Это напоминало случившееся на озере Кием. Скоро страну постигло бедствие¹⁰.

Господин Нгуен Ван Зяй¹¹

Господин Нгуен Ван Зяй был родом из Тхиенлока, он стоял во главе шести ведомств. Все придворные боялись даже дышать в его присутствии.

Один из зятьев правителя проиграл сражение и бежал с поля боя. Господин Нгуен Ван Зяй заключил его в тюрьму, а потом приговорил к смертной казни. Правитель хотел помиловать своего родственника, но боялся навлечь на себя насмешки господина Зяя, а потому издал указ разбирать дело обычным порядком, так и не сумев воспротивиться замыслам всесильного сановника.

В то время господин Нгуен Ван Зяй имел пять или шесть жен, но предпочтение отдавал третьей жене. Дочь правителя, захватив побольше жемчуга и драгоценных камней, попросила старуху-кормилицу свести ее с третьей женой господина Нгуен Ван Зяя, надеясь, что та сможет помочь ее мужу. Третья жена стала отказываться:

«Мой муж неподкупный и честный человек. К тому же как я могу вмешиваться в серьезные государственные дела?».

Опечаленная принцесса принялась ее уговаривать, и третья жена решила:

«Если уж так, присылайте завтра утром вареного поросенка, поднос с рисом, добавьте к этому побольше соевого соуса, специй, не забудьте также и прибор для еды. Как только мой муж уйдет, так сразу и приносите».

Принцесса радостно поблагодарила.

На следующее утро господин Нгуен Ван Зяй собирался ко двору. Он приказал накрыть на стол, намереваясь позавтракать. Третья жена заметила:

«В этот час наверняка все чиновники в сборе. Отправляйся-ка лучше туда, а уж потом я угощу тебя на славу».

¹⁰ Имеется в виду падение династии Ле, и начало движение Тэйшонов (1786–1802).

¹¹ Нгуен Ван Зяй (1553–1628) — крупнейшая фигура своего времени, прослужил чиновником сорок восемь лет.

Сановник согласился, сел в паланкин и отбыл. Когда он вернулся, то был уже очень голоден. Увидев приготовленные яства, господин Нгуен Ван Зяй снял крышку с подноса, взял приготовленный нож, нарезал свинину и с аппетитом принялся угощаться. Все было съедено в один миг.

«Откуда у нас такие вкусные кушанья?» — поинтересовался сановник.

Третья жена ему все рассказала. Господин Нгуен Ван Зяй гневался очень долго. Он повторял:

«Это моя ошибка, это моя ошибка. Но если сытный обед спасает человеку жизнь, то нет ли здесь воли неба?».

Тотчас сел в экипаж, отправился во дворец и попросил помиловать виновного, правитель обрадовался и охотно с ним согласился.

Однажды, направляясь ко двору, господин Нгуен Ван Зяй проезжал мимо рынка Кыадонг. Увидев там большую майскую рыбу, он остановился и похвалил ее.

Когда сановник вернулся домой, то увидел, что многие принесли ему подарки, и все это были куски большой майской рыбы. Шутки ради, господин Нгуен Ван Зяй приказал соединить их вместе, и оказалось, что не хватает только хвоста, а все остальное на месте. Он велел обыскать рыбные лавки, и выяснилось, что хвост купил некий крупный чиновник, который позднее поднес его правителю. Господин Нгуен Ван Зяй тяжело вздохнул и сказал:

«Наверное, мои потомки не достигнут высокого положения».

После его смерти так оно и случилось.

В этом же уезде в деревне Фичак жил господин Зыонг Ти Чать. Он был зятем Нгуен Ван Зяя и занимал должность помощника первого министра. Господин Нгуен Ван Зяй боялся, что тот узурпирует власть.

Однажды они собрались и устроили пир. Развеселясь, господин Нгуен Ван Зяй принялся танцевать в парадном одеянии. Господин Зыонг Ти Чать, насмехаясь над этим, сказал:

«Как это Вам удастся успешно заниматься таким множеством дел?».

Господин Нгуен Ван Зяй промолчал и не стал с ним препираться. Но власть затем перешла в руки *куок лао* Фам Конг Чи¹².

В то время некий вождь одного из отдаленно живущих племен совершил преступление, наказание за которое предусматривало смертную казнь. Жена этого вождя умоляла повара господина Фам Конг Чи помочь. Тот согласился и велел ей принести желтых воробьев — кушанье из этих птиц господин Фам Конг Чи особенно любил. Воробьи были доставлены, повар поджарил их и подал своему хозяину. Тот, поев, стал спрашивать, откуда появилось это блюдо, повар принес золото, оставленное женой вождя и, встав на колени, попросил снисхождения к себе. Господин Фам Конг Чи сунул руку себе в горло, выплюнул кушанье и сказал:

«Ну ладно, отнеси золото обратно, я прощаю тебя и не стану ругать».

Когда дело перешло в суд, господин Конг Чи поговорил с правителем, чтобы вождя освободили. Правитель согласился с этим.

Две истории — одного и того же рода. Увы! Оба господина получили известность в период *Чунг-хынг*: один из-за свинины, а другой из-за жареных воробьев. Когда дело доходит до твоих пристрастий, разве не нужно быть очень осмотрительным!

¹² Фам Конг Чи (1601–1675).

Крестьянин из Ньикинь (Тунг Ниен¹³)

В год *ки-зау* (1789 — Е. К.) не успели еще затихнуть сражения и отпылать пожары, как жестокий мор начался среди людей. Многие видели духов даже среди бела дня. Повсюду слышны были плач и стоны.

Мой друг, господин Нинь Куи Хоанг из Кхойчи, поведал мне такую историю:

«Как-то раз один крестьянин из Ньикинь отправился за дровами. Ему повстречался отряд солдат, и он, поставив вязанки на землю, встал у обочины. Впереди шел воин с острым мечом в руках. На голове его была красная повязка, напоминавшая петушиный гребень. Оказалось, что это старинный друг крестьянина. Он очень обрадовался встрече, снял с себя платок, надел на голову приятеля, и, взяв его за руку, повел, в харчевню выпить и полакомиться жареным мясом. Хозяин харчевни им и слова не сказал. В то время неурожайные годы следовали один за другим. Крестьянин, наконец, наелся и допьяна напился.

Вдруг на улице показались отряды солдат, мимо вихрем пронеслись повозки, запряженные лошадьми. Воин вскочил, сдернул платок с головы крестьянина и выбежал вон. Его приятель остался сидеть на месте, а хозяин и все посетители вздрогнули от испуга и схватили его, решив, что перед ними злой дух. Крестьянин рассказал им все, что случилось, и повел хозяина харчевни на то место, где оставил дрова. Оказалось — вязанки хвороста так и лежат на месте. Только тогда люди ему поверили.

Крестьянин из Анмо

Господин Нинь еще рассказывал:

«Некогда в Анмо жил крестьянин. Он впал в нищету и вынужден был кормиться подаванием. Ночевал он вместе со своим приятелем в заброшенном постоялом дворе, находившемся рядом с казенным трактом.

Однажды поздней ночью крестьянин мучался животом. Как он ни поворачивался с боку на бок, заснуть так и не мог.

В то время тускло светила луна. Вдалеке приятели заметили отряды воинов, повозки, запряженные лошадьми, которые направлялись в их сторону. Друзья перепугались, залезли под бамбуковую лежанку и притаились там, боясь даже вздохнуть.

Спустя полстражи показались какие-то существа, у одних в руках были знамена, другие били в гонги и барабаны, все они толпились вокруг роскошного паланкина, каждый шест которого несли семь слуг. Процессия остановилась у постоялого двора. Гонги и барабаны на мгновение затихли, и послышался громоподобный голос, призывающий духа-покровителя местности. Вскоре появился некто в парадной одежде, на голове у него была надета шляпа чиновника. Он встал на колени перед паланкином и сказал:

«Осмелюсь доложить, я — дух-покровитель этой деревни».

Крестьянин выглянул из-под лежанки и заметил, что все существа, находящиеся перед ним, похожи на изображения почитаемых святых.

¹³ Тунг Ниен — второе имя Фам Динь Хо.

Из паланкина спросили, готов ли список воинов.

«Деревенька эта маленькая, — промолвил дух-покровитель, — народа в ней мало. От мятежей и пожаров многие разбрелись, кто куда в поисках пропитания и не вернулись. Так что взять здесь некого».

В ответ злой голос сказал:

«Я получил приказ о наборе воинов, — он отдан уже давно. За невыполнение распоряжения следует судить по военным законам».

Рядом с носилками стояли духи-чиновники в парадных одеяниях. Один из них опустился на колени и промолвил:

«Этот дух известен мудростью и прямоотой, назначен по воле Неба. Прошу Вас не наказывайте его».

Затем духа-покровителя взяли за локти и подвели к военному реестру. Видя, что уклониться от этого невозможно, он написал имена двух деревенских жителей. Одно из них как раз оказалось именем крестьянина, находившегося на постоялом дворе. Из носилок послышался голос, повелевающий своим приближенным утвердить этих лиц, и шествие удалилось в направлении деревни.

В это время запел петух, возвещая зарю. От страха крестьянин покрылся потом. В сопровождении своего приятеля он поплелся прочь от заброшенного постоялого двора.

Поразмыслив, крестьянин даже обрадовался: он раньше избавится от моря страданий и найдет успокоение. Рассказав о случившемся односельчанам, он попросил разок накормить его досыта — а потом уж умереть можно. Деревенские жители уважили его желание.

Вскоре крестьянин занемог, и его не стало. Затем такая же судьба постигла и второго человека, чье имя значилось в списке.

Призрак из Донгсуана (Кинь Фу)

Господин Чан Ван Ви был родом из Тью. Когда он приехал в столицу, то остановился в квартале Донгсуан, в старом доме евнуха Куан Бау.

Некогда мой прадедущка Тхиен Хиен по прозвищу Тхань Кхе тоже жил здесь. В доме водилась нечистая сила. На мгновение там можно было увидеть нечто ярко-красное и ослепительно сверкающее с *дау* величиной. Иной раз в доме слышался шум под крышей, мелькал свет лампы, но потом опять все исчезало.

Господин Чан не захотел ничему верить и поставил себе на втором этаже плетеную лежанку.

«Если тут и есть оборотни, то уж я как-нибудь сам с ними справлюсь» — сказал он.

Господин Чан целые дни просиживал над книгами. Однажды усталый он задремал. Ему приснилась стройная красивая девушка, которая постучала по его лежанке и промолвила:

«Династия Ле погибнет. Ученой степени вам не достичь, так что оставьте лучше свои занятия и больше не досаждайте мне».

Затем она продекламировала:

«Песчаная отмель тиха-тиха, на ней видна рыбацья деревушка».

Проснувшись, господин Чан записал услышанное, а затем поспешил забрать свою кровать.

В этот раз господин Чан действительно не получил ученой степени, а страну вскоре постигло бедствие.

Господин Нгуен Ханг

Первый министр господин Нгуен Ханг пользовался известностью во времена Ан-вюнга¹⁴. В двадцать один год стал лауреатом *тиенши*, управлял провинцией Анбанг. Это был прибрежный район, окаймленный горами. При прошлой династии в один из годов под девизом правления *Хонг-тхуан* (1509–1516 — Е. К.) по высочайшему повелению составлены стихи, которые высекали на камне. Там были такие строки:

«К огромному беспредельному морю сотни рек являются на аудиенцию».

Господин переписал эти строки, показал сдававшим вместе с ним экзамены, но сделал ошибку: вместо иероглифа *кы* написал *тан*¹⁵. Некоторые смеялись над ним. Нгуен Ханг ушел в отставку, вернулся домой, принялся изучать придворные правила, старинные указы и другие сочинения. Через несколько лет, завершив учение, сказал:

«Можно!»

Только тогда вновь занял пост. Во время службы при дворе, если попадалось какое-нибудь дело, давал советы, речи отличались убедительностью и правдивостью. Внимая им, государь успокаивался. Нгуен Ханг поехал с посольством в Китай, где произнес торжественную речь, в которой была фраза:

«Если погладить чешую дракона, гнев успокаивается». Эти слова соответствуют действительности.

На пятьдесят седьмом году под девизом правления *Кан-си* династии Цин (1719 — Е. К.) пришла пора платить дань. Господина, занимавшего должность левого заместителя министра военного ведомства, назначили послом. Когда государство только создавалось, император-освободитель сражался с войсками династии Мин (1368–1644 — Е. К.) у горы Мамен, в бою убили вражеского генерала Аньюань-хоу Лю Шэня. Во время мирных переговоров, китайцы в возмещение гибели генерала потребовали золотую статую, но получили отказ.

Род Мак (1527–1595 — Е. К.) узурпировал трон, тогда минский император послал Цю Луаня и Мао Бовэня идти войной. Маки испугались, поднесли золотую статую, прося мира.

В начале периода *Чунг-хынг* китайцы, чтобы ввести людей в заблуждение, сами убили знатного сановника Мо Маося, потребовав опять золотую статую. При последующих династиях это вошло в состав постоянной дани. Господин Нгуен Ханг просил отменить этот обычай. Помощник министра осведомился, что он скажет по поводу старинных дел. Господин промолвил:

«Сейчас государь соблюдает обычный порядок выплаты дани, а о давнишней истории я ничего не знаю».

Китайцы рассказали ему о Лю Шэне. Нгуен Ханг ответил:

¹⁴ Ан До-вюнг Чинь Кыонг правил в 1709–1729 гг. Нгуен Ханг был видным сановником при его дворе. В двадцатых годах XVIII в. Чини с помощью Нгуен Ханга ввели новую систему налогов и податей, которая охватила все отрасли материального производства, все виды торговли и услуг.

¹⁵ Иероглиф *кы* — «огромный», иероглиф *тан* — «обходить кругом».

«Лю Шэнь — генерал, служивший династии Мин. Власть цинского императора распространяется на множество государств. Если требовать повсюду то, из-за чего происходили распри людей прошлых лет, разве это может стать образцом для подражания!».

Установленный порядок выплаты дани требовал также доставлять для омоложения жемчужин кувшин с водой, взятой из колодца в Лоатхани¹⁶. Господин зачерпнул воды из колодца в Башоне. Китайцы погрузили в нее жемчуг, но это не дало никакого эффекта. Нгуен Ханг сказал:

«За много дней вода изменилась».

С тех пор золотая статуя и кувшин с водой не входили в положенную дань.

Вернувшись, Нгуен Ханг вместе с господином Ле Ань Туаном из Тханьмая стал во главе правительства, с энтузиазмом взялся за дело, отдавая службе все свои помыслы. Им были исправлены и установлены дворцовые правила. Начиная с эпохи *Чунг-хынг*, у ста чиновников порядок ношения одежды не совпадал с правильными нормами. Еще в Китае господин изучил парадную одежду, носимую при дворе минского императора, и после возвращения внес исправления в дворцовый этикет. Обычно на большой аудиенции чиновники носили шляпы *фок дау* и платья *бо фук* сверху красного цвета, внизу переходящего в синий, затем в фиолетовый. В повседневной одежде гражданские чины носили платок *ланг кан*, военные — *иен ви*, простые люди завязывали платок в форме иероглифа *динь*. Военная форма — островерхая шляпа, платье с узкими рукавами. Этим правилам следовали вплоть до настоящего времени.

Характер, манеры господина служили примером для других. Часто он предоставлял возможность студентам свободно беседовать с чиновниками. Следуя идеям, изложенным в китайских канонических сочинениях, приказывал придворным совершенствовать свои знания. Нгуен Ханг хотел изменить темы экзаменационных сочинений, но намерение не исполнил. Видя, что средств у государства недостаточно, уменьшил число полей, принадлежавших знатным особам, за что его многие возненавидели. Правитель Чинь хотел предоставить Нгуен Хангу открытый доступ во дворец, какой имел господин Нгуен Зуи Тхой в начале периода *Чунг-хынг*, но из-за клеветы этого не случилось.

Пока *Уи-выонг* (годы правления: 1729—1740 — Е. К.) был наследным принцем, *Ан-выонг* поручил господину должность наставника. Нгуен Ханг тайно подал правителю доклад, уведомляя, что наследный принц — лентяй, не желающий заниматься делами. *Ан-выонг* сказал:

«Я знаю это, но надеюсь, когда он будет управлять страной, не допустит больших ошибок, поэтому не стоит его пока наказывать».

Опустив голову, господин ответил:

«Ребенка лучше всех знает отец. Прошу Вас позаботиться о родине». Правитель спрятал его доклад в шкатулку.

Во время большой церемонии наследный принц допустил ошибку в ритуале. Государь рассердился и призвал сановников, собираясь лишить его права наследования. Когда дело еще не было завершено, правитель, отправившись

¹⁶ Лоатхань — «Крепость-улитка» — построена *Ан Зыонг-выонгом* (годы правления: 267—208 гг. до н. э.). По преданию, Ми Тяу, дочь *Ан Зыонг-выонга*, и Чжун Ши любили друг друга. После того, как Ми Тяу убили, капли ее крови стали жемчужинами. Чжун Ши бросился в колодец. Люди считали, что если жемчуг, добытый со дна Восточного моря, омыть водой из этого колодца, он заблестит и заиграет красками.

в Коби, по дороге умер. Нгуен Ханг тогда находился в столице. Вторая жена правителя, Ки Виен, сразу никого не известила, а, только вернувшись в столицу, сообщила ужасную весть.

Нгуен Ханг собрал сто чиновников и сказал:

«Наследный принц провинился перед покойным государем, тот сам говорил об этом. Почему бы нам не сделать правителем младшего брата наследного принца?».

Все молчали. Учитель наследного принца господин Нгуен Хиеу, уроженец Ланкхе, возразил:

«Так ли велика вина наследного принца? Слова покойного государя были только предостережением. Надо обсудить это дело».

Наследный принц взошел на престол. Ему попался старый доклад Нгуен Ханга, и, рассердившись, он лишил господина должности и сослал в Туенкуанг, к тому же велел отравить его.

Некогда *Ан-вюнг* имел указания геомантов, что сменятся семь поколений, и случится несчастье. Он велел построить в Коби храм, чтобы обезвредить злые силы. Правитель часто говорил Нгуен Хангу: «В Коби много благоприятных мест. Перенесите могилы предков, чтобы люди из других родов не воспользовались». Господин не послушался и из-за этого пострадал.

Когда Нгуен Ханг ездил с посольством в Китай, проезжая через крепость Унгшон, написал стихи в честь *Чунглиет-конга*¹⁷, гласившие:

*Стоит ли вспоминать о том, как обманутый правитель
приблизил недостойного слугу.
Лишь жаль, что Небесный Владыка допустил смерть от
отравы преданного человека.*

Это были пророческие слова, так случилось и с Нгуен Хангом.

Рассказывают, что однажды господина посетил предсказатель судьбы, гадавший на иероглифах. Нгуен Ханг написал фразу: «В декабре цветы опадают». Гадальщик все понял, посоветовал жить, уподобляя себя течению реки, сначала полноводной, потом мелеющей. Господин промолчал. Скоро случилось несчастье. Этот гадальщик, имя его неизвестно, посещал знатных сановников, многое из сказанного им подтвердилось.

В конце годов под девизом правления *Лонг-дык* (1732–1735 — Е. К.), будущий император Хиен-тонг еще не взошел на трон и скрывался в колокольной башне пагоды Фаттить. Встретив гадальщика, Хиен-тонг попросил предсказать судьбу и написал иероглиф *кань*. Тот пал ниц, воскликнув: «Солнце озаряет столицу, это указывает на Сына Неба».

Действительно, император И-тонг уступил трон, Хиен-тонг стал править под девизом *Кань-хынг* (1740–1786 — Е. К.).

Рассказывают, что когда Нгуен Ханг был министром, один чиновник при дворе заболел и скоро должен был умереть. Его ученик отправился молиться в храм на горе Танвиен, и во сне дух сказал ему:

¹⁷ В ксилографическом издании дан следующий комментарий: «*Чунглиет-конг* жил пять поколений назад, был уроженцем нашей страны. Вместе с войсками династии Мин отправился в Китай, сдал экзамены, занимал важный пост в инспекторской службе. Подал прошение на высочайшее имя, разоблачая фаворита, из-за этого был убит. Посмертно присвоен титул, построена кумирня. Когда Нгуен Ханг ездил с посольством в Китай, потомки *Чунглиет-конга* показали ему старинный доклад».

«Это не мое дело, продлевает жизнь дух Южного созвездия»¹⁸. Ученик продолжал просить, и дух посоветовал:

«Министр Нгуен Ханг — необыкновенная личность, почему ты не обратишься к нему?»

Проснувшись, ученик вернулся и все рассказал Нгуен Хангу. Тот выразил надежду, что больной поправится и проживет еще один срок-ки. Так оно и вышло.

Господин Нгуен Ба Зыонг (Тунг Нисн)

Господин Нгуен Ба Зыонг родом из Нгуенса, что в Тханкхе, отличался своенравием, питал склонность к вину. Хотя семья его была бедной, жил он, не обременяя себя никакими заботами.

Когда господин учился в столице, у него кроме платья ничего не было. Обычно он выпивал в долг у госпожи из Хоангмая. Когда счет достиг девяти сотен, торговка остановила его на улице, и отняла одежду. В то время мимо проходила женщина, односельчанка господина. Она опустила свою ношу на землю и принялась уговаривать госпожу из Хоангмая вернуть вещи, та и слышать не хотела. Тогда женщина рассердилась, вытащила кусок материи и отдала в счет уплаты долга, а после, взвалив пожитки на плечо, удалилась. Господин, желая отблагодарить, пошел следом и стал расспрашивать, как ее зовут. Женщина, махнув рукой, сказала:

«Вы из-за чарки вина попали в неприятную историю, торговка хотела вас опозорить, вот я и не выдержала. Какая уж тут благодарность!» Затем ушла не оглядываясь.

Господин вернулся, разузнал у торговки имя этой женщины и запомнил его.

Совершенствуя свои знания, Нгуен Ба Зыонг переехал в Шонтэй. Он остановился у некоего знатного человека, целыми днями зубрил и писал сочинения. Когда бумаги не хватало, писал на столике, киноварь и тушь перемешивались, напоминая по цвету сгнившее дерево.

В год малых испытаний господин распрощался с хозяином и отправился на экзамены. Он преуспел на уездных испытаниях, слава его была велика. В тот год стал лауреатом *хьонгтиен*, а на следующий — *тиенши*, имя значилось в одном списке с господином Нго Тхи Ши.

Все лауреаты, выдержавшие в этом году экзамены, возвращались по домам, сопровождаемые верховыми эскортами. Только Нгуен Ба Зыонг по-прежнему жил в снятом им доме.

Госпожа Куан, прослышав, что господин Нгуен Ба Зыонг сдал экзамены, послала за ним экипаж, желая договориться о браке. Когда он прибыл, вышли несколько десятков ее очаровательных племянниц, разодетых в шелка. Однако господин объявил, что хочет жениться на девушке из Хоангмая.

«Это можно», — отвечала госпожа Куан. Она приказала снарядить повозку, приготовила золото, подношения шелком, и, найдя эту девушку через торговку вином, сделала ее главной женой, а своих племянниц — вторыми женами. Все столичные жители завидовали господину Нгуен Ба Зыонгу.

¹⁸ Во вьетнамской мифологии упоминаются два брата-близнеца, которых Небесный владыка сделал духами Южной Медведицы (ведал рождениями) и Северной Медведицы (ведал смертями).

При дворе господин прославился справедливостью. В то время, когда он управлял *тяу Ай*, некий чиновник, занимавший должность *анчан*, полагаясь на покровительство главной жены правителя *Данг-фи*, нарушил закон. Нгуен Ба Зыонг заковал его в кандалы, потребовал срочно вернуть взятку, в случае же отказа угрожал забить палками до смерти. Чиновник отдал четыреста лангов золотом. Господин заключил его в тюрьму, а сам, взяв эти деньги, поспешил в столицу, рассказать о случившемся.

Данг-фи, узнав о позорном положении своего любимца, с плачем бросилась к правителю. Государь, смеясь, сказал:

«Все золото здесь, на что же вы еще жалуетесь!» Супруга устыдилась и отступила с жалобами.

В конце концов провинившийся чиновник был наказан. Жители *тяу Ай* до сих пор с одобрением вспоминают этот случай.

Рассказывают, что пока господин еще не сдал экзамены и направлялся в столицу учиться, он повстречался с господином Бинь Чунгом из Зиенхынга. Тот стоял, опираясь на палку в дверях своего дома. Окликнув Нгуен Ба Зыонга, указал на сосну у стены и предложил сделать надпись на камне. Господин Нгуен Ба Зыонг взмахнул кистью и появились стихи:

*На камне зеленая сосна длиной в сто тхьюков.
Цветы, овеваемые ветром, и текущая вода рождают аромат.
Уверен, дровосек не будет сейчас срубать ее,
Повременит, чтобы потом использовать для приготовления
балок и стропил.*

Господин Чунг похвалил стихи, подарил пять связок монет. В конце периода *Кань-хынг* надпись на стене все еще сохранялась.

Принц Данг Лан (Кинь Фу)

Принц Данг Лан, младший брат по матери госпожи *Туйен-фи* — жены Тинь-выонга¹⁹, отличался высокомерием, нарушал законы.

Он обесчестил женщину, отрезал ей грудь. Муж потерпевшей пожаловался на него, и провинившийся был задержан и помещен в тюрьму при Палате инспекторов. Его освободили благодаря жене правителя.

Тинь-выонг женил Лана на второй принцессе, приданого пожаловал в десять раз больше, чем это бывало в подобных случаях при прошлых династиях. Ему построили поместье на юго-западе Тханглонга, подавали на стол и одевали словно правителя.

Лан стал еще больше своевольничать. У него в доме жило более ста подростков. Одевшись, они брали мечи и слонялись по рынку, напившись пьяными,

¹⁹ *Тинь До-выонг* Чинь Шам правил в 1767–1782, в это время высшая власть в стране фактически перешла в руки его фаворитки Данг Тхи Хюе и её родных. Двор Чиней раскололся на две враждующие партии, одна хотела сделать наследником старшего сына Чинь Шама, другая — сына Данг Тхи Хюе. Последний был объявлен правителем после смерти Чинь Шама. Ему тогда исполнилось шесть лет, и бразды правления захватил любовник его матери Хоанг Динь Бао. В конце того же 1782 г. солдаты столичного гарнизона подняли мятеж, убили Хоанг Динь Бао и сделали государем старшего сына Чинь Шама.

ранили прохожих. Столичное начальство не могло их задержать. Каждую вылазку сопровождали несколько десятков охотничьих собак, увешанных золотыми бубенцами и покрытых разукрашенными попонами. Слуги кричали спереди и сзади, вываливались толпой, загораживая проезжую дорогу. Однажды, расвирепев, принц убил *чунгкуй Шитхо-хау* и встал, опираясь на меч, перед воротами. Стражники не осмелились войти. *Тхыфу куанма* Хоанг Бинь Кхием пришел и отругал его. Лан, испугавшись, боялся шевельнуться. Он был связан и взят под стражу. При дворе сановники не знали, какое вынести решение, затем вместе с женой правителя стали просить сослать принца в Анкуанг.

Лан облачился в траурные одежды и подчинился приказу. Верховой эскорт выехал из столичных ворот. На пристани у реки Ниха приготовили ладью. Лана сопровождали жены, наложницы, звуки *дана* и дудкок раздавались не переставая. Местный чиновник выстроил принцу дом.

Когда сын сестры Лана — *Кунг-куокконг* — был низложен, принца отправили в тюрьму, он стал отказываться от пищи и умер.

Тхань Дао Ты

Тхань Дао Ты был родом из Шонтэя. В юности преуспел на уездных экзаменах. Потом учение ему надоело, он отправился к рекам и озерам. Встретив совершенномудрого человека Фам Виена, последовал за ним, обошли знаменитые горы, побывали у больших рек.

Однажды вместе с двумя учениками, сопровождавшими совершенномудрого, достигли моря. Среди вздымающихся бурлящих волн была проложена дорога, извилистая, словно кишки барана. Прошли по ней к горе, покрытой густыми зарослями. Там росли огромные персики размером с *дау*.

Совершенномудрый отхлебнул из фляги, немного передохнул, затем сорвал несколько плодов и дал спутникам, предупредив, чтобы не брали с собой косточки. Преследователи согласились. Допив вино, совершенномудрый отправился в путь.

Тхань Дао Ты шел позади. Решив, что учитель ничего не узнает, захватил с собой персиковую косточку. На обратном пути он заплутал, полдня не мог найти дорогу. Подумав, что виной тому спрятанная косточка, достал ее, выбросил и тогда смог спуститься с горы на дорогу.

Совершенномудрый был уже далеко впереди. Когда они поравнялись, учитель сказал, прихлёбывая из фляги и посмеиваясь:

«Почему ты так медленно шел?»

Потом вытащил тайные записи, вручил ему и вместе с последователями скрылся.

Тхань Дао Ты вернулся к себе. Предавался на природе праздности и беспутству. Однажды вместе с учеником отправился погулять. Постучался в дверь одного дома и осведомился, как обстоят дела у хозяина. Привратник нахмурился и сказал:

«У господина болит сердце, потратились на множество амулетов и талисманов. Можете вы его вылечить?»

Услышав утвердительный ответ, привратник обрадовался, известил хозяйку, та пригласила зайти в дом, угостила. Затем она велела слугам соорудить алтарь, но Тхань Дао Ты воспротивился:

«Что с ним делать? Вон на стрехе крыши сидит злой дух. Он держит копье, пронзившее сердце больного. Сейчас, чтобы напугать его, повесим жабу, обязательно сам убежит».

Последовали его словам, и болезнь прошла. Хозяин предложил щедрое вознаграждение, но чародей отказался, ничего не принял.

Тхань Дао Ты поднялся на гору Тхитинь. Взяв факел, вошел в пещеру. На середине дороги огонь погас. Было темно, Тхань Дао Ты сбился с пути. В пещере обнаружил сердцевины камней, мягкие, словно глина, ароматные, приятные на вкус. Проглотил их, он избавился от голода.

Прошло много времени, и вдруг показался паланкин, сопровождаемый многочисленным верховым эскортом. Когда шествие приблизилось, Тхань Дао Ты заметил старого школьного приятеля. Тот испуганно сказал:

«Это пограничный пункт между миром людей и миром усопших. Зачем же ты пришел сюда?»

Затем снял одежду, надел ее на своего товарища. Тхань Дао Ты увидел мелькнувший свет и, следуя в том направлении, вышел из пещеры.

Когда возвратился, то оказалось, что родственники были в трауре и скоро собирались справлять по нему поминки.

Остановившаяся на ночлег у одного односельчанина, господин Тхань рассказывал ему свои истории. Потом, за вином, этот односельчанин постоянно вспоминал приятеля. Где впоследствии умер Тхань Дао Ты, неизвестно.

Господин Ле Тхой Хиен (Кинь Фу)

Главнокомандующий господин Ле Тхой Хиен происходил из Фухао, что в Лойзыонге. Лишившись средств к существованию, он отправился в столицу и подружился там с неким Намом. Нам был из семьи актеров и не мог принимать участия в экзаменах, родные его бедствовала.

Ле Тхой Хиен часто промышлял воровством, отдавая украденное другу, а на вопросы, откуда это имущество, только смеялся, ничего не отвечая.

Однажды Нам обратился к господину:

«Слышал я, что в землях Куанг и Тхуан беспокойно, но народ там полагается на своих правителей, умеющих обращаться с людьми. Это характерно для гегемонов²⁰. Если мы доверимся им, расскажем, что задумали, то в верхах можно добиться порядка, существовавшего при Хуань-ване и Вэнь-ване²¹, внизу же надежность тоже не утратит прочности ножек треножника. Как вы думаете?»

Господин, помедлив, сказал:

«У меня другие замыслы, но мешать я не буду». Затем он спросил его, когда тот думает отправиться в путь.

²⁰ Три вана и пять гегемонов считались в древнем Китае образцовыми правителями. Три вана: Юй (основатель династии Ся), Чэн Тан (основатель династии Инь), У-ван (основатель династии Чжоу). Пять гегемонов — пять могущественных правителей периода Чуньцю (VIII—VI вв. до н. э.), возглавивших союзы князей: циский Хуань-гун, сунский Сян-гун, цзиньский Вэнь-гун, циньский Му-гун, чуский Чжуан-гун.

²¹ Вэнь-ван — мудрый, добродетельный правитель, отец У-вана, основателя династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.). Хуань-ван — государь династии Чжоу, правил в 719—696 гг. до н. э.

«Завтра я буду ждать вас на почтовой станции Хоангмай» — ответил Нам.

Согласно уговору, господин отправился в путь. Проходя через Хоангдинь, зашел в ювелирную лавку, спрятал в рукав две вещицы и убежал так быстро, что преследователи не смогли его догнать.

Когда Ле Тхой Хиен приехал в Хоангмай, Нам с женой были уже там, с собой они захватили всего лишь несколько десятков канов риса и только. Господин вытащил золото и передал другу. Подав руку, Нам на прощанье сказал:

«Уезжая сейчас за десять тысяч *ли*, смогу избежать смерти только благодаря вашему подарку. Разве я осмелюсь забыть это! Если когда-нибудь встретимся на границе, вопреки всему сделаю, как вы пожелаете, дабы отблагодарить за услуги».

Через десять с лишком дней Нам пересек границу *тяу* Хоан и добрался до северного берега реки Линьзянг. Чиновники на переправе сурово закричали и запретили лодке двигаться дальше. Нам срезал бамбук, бросил его в воду, а затем, определив течение, переправился вплавь. На южном берегу таможенники арестовали перебежчика и доставили его к правителю.

Правитель побеседовал с Намом, тот ему очень пришелся по душе. Нама освободили и сделали генералом. Он предложил наступательно-оборонительный план: нужно возвести в Донгхае изогнутое, словно дуга, укрепление длиной свыше ста *ли*, разделив его поперек с юга на север; установить огни и проделать амбразуры для орудий, в случае опасности использовать пушки и огни для сообщения сигнала тревоги в столицу; в устьях рек возле Миньлиня, Нягле вбить колья в речное дно и соединить их цепями, чтобы не пропускать суда; устроить все надежно, прочно и установить связь. Нам повел войска и переправился через реку на север, было взято в плен, убито множество воинов.

При императорском дворце потеряли покой, искали способы противостоять врагам. Хотя потери удалось уменьшить, положение на границе внушало опасения.

В то время господин Ле Тхой Хиен ушел служить в армию, постоянно участвовал в сражениях и имел заслуги. Он стал руководить войсками в *тяу* Хоан.

Когда Нам услышал эту новость, он сказал:

«Генерал с севера и есть господин Ле, я не намерен встречаться с ним».

Он отвел войска и написал господину, прося вернуть захваченные земли, называвшиеся Приграничным государством Юга. Ле Тхой Хиен одобрил послание и переправил его ко двору, надеясь, что на юге прекратятся сражения, а жители *тяу* Хоан и Зиен смогут жить в безопасности.

Господин поддерживал спокойствие в этой местности более десяти лет, никаких затруднений не возникало. Ему присвоили должность главнокомандующего, пожаловали титул Хао-куокконг. Посмертно даровали титул *выонга*.

Жители *тяу* Хоан помнили о нем, построили в его честь кумирню, которая сохранилась до настоящего времени.

Внук господина по имени Тхой Зиеу Донг, имевший среди предков лауреата *таоши*, служил чиновником, занимал должность ревизора правого отряда императорской охраны. Он знал меня, часто рассказывал забытые случаи из жизни Ле Тхой Хиена. Вот одна из историй.

Когда Нам переправился через реку, он нанялся в пастухи. Как-то ведя быка на веревке, Нам проходил мимо ворот дома первого министра. Наверху, в зале некто читал книгу голосом, напоминающим позвякивание кусочков яшмы. Нам привязал снаружи быка и вошел. Первый министр в чиновничьем платье сидел и разьяснял ученикам сочинения. Сложив руки, Нам встал у основания лестницы и украдкой долго смотрел на них. Заметив его, первый министр удивился и спросил:

«Ты разбираешься в книгах?»

«Вы только что говорили о конфуцианских *цзюньцзы* и *сяожэнь*, — благородном муже и мелком человеке, — отвечал Нам. — Я, честно говоря, люблю слушать такие рассуждения».

«А кто же такие конфуцианские *цзюньцзы* и *сяожэнь*?» — задал вопрос первый министр.

«О конфуцианских важных персонах еще не слышал. Я пасу быков, позвольте мне сказать о пастухах, среди них тоже есть *цзюньцзы* и *сяожэнь*. Кто же такие *сяожэнь*? Это те, кто собирает хворост, рвет траву. *Цзюньцзы* не таков. Обладая талантом, сдерживает свою жизненную силу, тоскует не находя применения, временно прибегает к подобной профессии. Нин Ци²² постукивал по рогам, Бо Лисы²³ кормил быков, об этом речь и идет».

Первый министр удивился таким словам, спустился из зала, чтобы приветствовать Нама, но тот махнул рукой и ушел. Описав его внешний вид, сановник узнал, в какой семье Нам нанялся на работу. Первый министр послал за ним, Нам отказался:

«В давние времена Ци Цзин-гун²⁴ во время охоты подозвал к себе человека из дома Юя, махнув ему флагом. Но он не подошел, потому что это не соответствовало ритуалу. Первый министр не учел обстоятельств — ведь я маленький человек, и он ставит меня в неловкое положение, призывая к себе способом, нарушающим ритуал, поэтому я не пойду».

Посланец ушел.

Первый министр совершил омовение, выдержал пост, послал почтительное письмо и подношения шелком, приглашая Нама к себе. В то время Нам только что встал и как был одет, так и отправился в путь: в коротком платье из грубой шерсти, с непокрытой головой и босой. Посланец просил его переодеться, но Нам с обидой сказал:

«Я по-прежнему наемный работник, зачем же мне менять свой простой вид?»

Когда Нам пришел к первому министру, тот повернулся к востоку, признал его своим наставником, а затем представил правителю. В честь его воздвигли алтарь и сделали генералом.

Не знаю, какой из этих двух рассказов верный, пусть останутся оба.

Господин До Тхе Зяй и господин Хоанг Нэу Фуяк (Кинь Фу)

Господин До и господин Хоанг, когда судьба еще не благоприятствовала им, дружили с неким евнухом. Уи-выонг болел, множество низких людей привели в упадок государственные дела. Повсюду промышляли разбойники.

Евнух с грустью сказал:

²² Нин Ци первоначально был пастухом, обладал прекрасным голосом. Однажды он был в столице княжества Ци. Остановившись там на ночлег, он накормил своих волов и запел. Пение его услышал правитель княжества Ци — Хуань-гун, который как раз в то время вышел из дворца. Хуань-гун был так поражен глубоким смыслом, заложенным в песнях Нин Ци, что пригласил его к себе на службу, сделал сановником.

²³ Бо Лисы упоминается у конфуцианского философа Мэн-цзы, он продал себя за пять бараньих шкур человеку из Ци, пас у него быков, животные стали толстыми. Хозяин заметил, что быки поправились, похвалил, с этого началось возвышение Бо Лисы.

²⁴ Цзин-гун из княжества Ци правил в 547–490 г. до н. э.

«Я наблюдаю за наставшими временами и поступками людей. Род Чинь скоро угаснет. Почему бы нам не поддержать какого-нибудь наследного принца! Мы уйдем в горы и начнем собирать войска справедливости, как это было в старинной истории с Као-хоангом²⁵. Великий замысел наверняка удастся осуществить».

Оба господина возразили:

«Нет, дела обстоят не так. Род Чинь имеет большие заслуги, небо покровительствует ему, и, вероятно, он еще будет процветать. А пока что, давайте поищем, чем можно поддержать его. Если не получится, будет не поздно подумать и о другом».

Евнух резко изменился в лице и, махнув рукой, вышел. Опечалившись господин До тоже удалился.

Как-то проходя мимо резиденции Лыонгкуок, господин До заметил там мать Уи-выонга и его четвертого младшего брата. У ворот во множестве толпились евнухи, некоторые, сидя прямо на земле, развлекались петушиными боями. Увидев это, господин удивился. Вернувшись, сказал господину Хоангу:

«Он и есть мой истинный владыка».

Друзья взяли с собой буйвола, вина и, договорившись с привратником, нанесли визит. Младший брат правителя очень растрогался.

Скоро Уи-выонг оставил трон, младший брат взошел на престол, стал Минь-выонгом. Помня визит господина До и господина Хоанга в свою тайную резиденцию, Минь-выонг выдвинул их: первый управлял внутренними делами, а второй ведал внешними. Разбойники были полностью перебиты, жизнь стала спокойной.

Евнух удалился и увел с собой внуков правителя Зуи Тюка и Зуи Мата. Они захватили местность Чаннинь. Зуи Тюк стал там владыкой, евнуха называли Минь-куанконгом. Городок обнесли крепостной стеной, привели в боевую готовность воинов. Свыше тридцати лет пограничные войска не снимали доспехов.

Каждый раз, когда правитель интересовался делами на западе, господин До и господин Хоанг с почтением отвечали:

«Хотя противники и вынашивают разные замыслы, но пока взять их в плен еще нельзя».

Зуи Тюк скончался, ему наследовал Зуи Мат. Минь-куан умер. Тогда, обратившись ко двору, господин Хоанг сказал:

«Минь-куана больше нет в живых, захватить Чаннинь так же легко, как сломать бамбук».

Правитель поднял войска, приказал губернатору *тяу* Хоан господину Буи Тхе Дату возглавить воинов трех округов и выступить в поход. Зуи Мат сам себя сжег. Чаннинь была полностью умиротворена.

Пагода Тиентить (Кинь Фу)

К югу от столицы находится пагода Тиентить, она восстанавливалась во времена Тхань-выонга (годы правления: 1623–1657 — Е. К.). Столичные жители привозили бамбук, доски, доставляли молоты, возводили здание. Много суеты было на дорогах. Строительство закончилось через несколько лет.

Пагода просторная, с навесом, с рядом двойных дверей. Двор выложен восемью каменными квадратами, высотой в два *тхьюка* с лишним, здесь же

²⁵ Имеется в виду Ле Лой, основатель династии Ле, ставший императором Ле Тхай-то — правил в 1428–1433 гг.

установлены глиняные сосуды с орхидеями, легкий ветерок разносит их сильный аромат.

Позади пагоды — проезжая дорога, а спереди видна водосточная канава с прозрачной водой. Справа расположена башня в девять этажей высотой. По четырем углам повешены колокола, украшенные золотом и яшмой. Если идти к пагоде с запада на юг, то дорога здесь с ухабами, хотя и вымощена камнем.

Извилистые каналы устремляются в озеро. Оно глубокое и обширное, вода прозрачна. Летом распускается много лотосов, благоухание распространяется на несколько десятков *ли*. У озера каналы перегородены дамбами, здесь растут деревья, навалены камни. Слева от фасада пагоды, где канал впадает в озеро, построен мост. Под ним свободно могут проплывать лодки. Над мостом устроена крыша, сделаны перила, украшенные вырезанной чешуей драконов. На расстоянии нескольких шагов отсюда, от канала к югу, от озера к северу, сооружен загородный дворец правителя, позади него посажены ползучие растения, кипарисы, сосны, всего шесть-семь деревьев. Растительность здесь так густа, что солнечный свет сюда не проникает.

На земле установлены фигуры двух буйволов и двух оленей, рогами обращенных друг к другу. Они сделаны тщательно, и звери кажутся живыми. Эти старинные тямпские изваяния привезены в те времена, когда господин Хоанг покорял Юг²⁶.

В некотором удалении от озера — дом Киеуняк-хау Нгуен Кхана. Хау дружил с правителем с молодых лет, часто в повседневной одежде заходил в запретные дворцовые покои. Посещая пагоду, правитель всякий раз обязательно навещал фаворита. Он даже собственноручно написал: «в душах единомыслие», чтобы выразить свою благосклонность.

Присматривает за пагодой *Тхайчюнг куантюа* двоюродная младшая сестра правителя. На досуге государь, сопровождаемый принцессами, евнухами, приезжал сюда. Все плавали на лодке по озеру, пели, рвали лотосы, их отражения мелькали в волнах. Однако эти развлечения не превосходили те, что были некогда в Улине²⁷.

В год *ат-ти* (1785 — Е. К.) привратник пагоды услышал шум ударов, печальные звуки, напоминающие плач. Они доносились с берега озера, то исчезая, то появляясь. На следующее утро пришли посмотреть на это место. У буйволов лились из глаз будто слезы, земля, трава были истоптаны, как если бы животные бодались. Люди испугались, о случившемся узнали при дворе, и отдали приказ разбить фигуры буйволов и оленей. Сейчас курительница пагоды пришла в негодность. Клубы тумана, дикие травы колышутся под осенним ветром. Никак не удастся отыскать даже обломка кирпича. Процветание и упадок чередуются, можно ли преодолеть *дао*!

Госпожа Доан, верная памяти умершего мужа (Кинь Фу)

Госпожа Доан, оставшаяся верной памяти мужа, некогда была второй женой господина Зулинь-хау Нго Фук Зу. Хау происходил из семьи военных. В годы под девизом правления *Кань-хынг* он командовал передовым ударным отрядом, в шестом месяце года *бинь-нго* (1786 — Е. К.) погиб.

²⁶ Имеется в виду Тямпа, которая была присоединена в 1471 г.

²⁷ Улин — местность в Китае на территории современной провинции Хунань. Знаменитый поэт Тао Юаньмин (365–427), написал поэму «Персиковый источник», в которой рассказывал об утопической счастливой стране, и поместил эту страну в Улине.

Обратившись к учению *тхиен*, старшая жена покинула семью. Доан была красива, но не имела детей. Муж обращался с ней как с главной женой. Когда *хау* не стало, Доан продолжала разговаривать и смеяться, как будто ничего не произошло. Домашние удивлялись этому.

Вскоре, оставив детям *хау* наставления по поводу ведения семейных дел, Доан отправилась совершить молебен в пагоду Киеншо в Фудонге. Здесь, присматривая за храмом, жила главная жена.

После того, как молебен закончился, Доан и старшая жена собрали детей на пристани Тхюай, на том месте, где *хау* убили. Обратившись к югу, они призывали душу умершего и молились. Многие люди собрались посмотреть.

Госпожа Доан, нарядно одетая и разукрашенная, села в маленькую лодку. Она выплыла на середину реки, бросилась в воду и утонула. Местные жители воздвигли в честь нее кумирню и поклонялись ей.

Учитель провинциальной школы Ха Сать Хиен из Анняна сочинил стихи, в которых были строки:

*Достойно сожаления, что государство существует
более двухсот лет,
А велению неба, высшим людским принципам
последовала лишь одна женщина.*

Многие люди передавали друг другу эти слова.

Наемный работник в столице

В столице некий работник служил по найму у совершенномудрого человека. Он постоянно жаловался на бедность и просил помочь. Как-то раз, помолчав немного, после очередных сетований, совершенномудрый с величественным видом приказал работнику вытянуть правую руку, на которой начертал заклинание. Совершенномудрый сказал слуге, что когда тот окажется в нужде, надо будет протянуть руку, в нее посыпятся деньги. Но так можно получить только тридцать шесть монет, сверх меры брать нельзя.

Работник следовал его словам. Однажды не утерпел, набрал за раз пять связок монет. С тех пор заклятие утратило силу, как ни подставлял слуга руку, ничего не выходило.

Господин Ле Ань Туан (Туан Хиен)

В то время, когда господин Ле Ань Туан²⁸ находился у власти и входил в правительство, его жена из Тханьмая поехала в столицу. Госпожа остановилась на ночлег в доме, находившемся по соседству с храмом генерала Ли Фук Мана²⁹. Ей приснилось, что она слышит шум подъезжающего эскорта, потом ей доложили о жене генерала Ли, намеревавшейся посетить ее.

²⁸ Ле Ань Туан (1670–1736), занимал ряд видных должностей. Правитель Чинь Зянг (годы правления: 1729–1740) возненавидел его, и Ле Ань Туан был убит.

²⁹ Генерал Ле Фук Ман — соратник Ли Нам-де (годы правления: 544–548), основавшего независимое от Китая государство Вансуан.

Усевшись, госпожа Ли сказала:

«У меня есть к вам секретное дело, разрешите высказать просьбу?»

«Только прикажите», — отвечала супруга Ле Ань Туана. Жена генерала Ли продолжала:

«Старое пристанище разрушилось, поговорите об этом с господином министром, может быть он сообразоволил обратить внимание». И, пояснив, добавила:

«Господин Ле Ань Ву, живший при прошлой династии, и господин Ле Ань Туан — оба являются последующими перерождениями моего мужа».

Супруга Ле Ань Туана согласилась помочь и проснулась. Прибыв в столицу, она поспешила все рассказать мужу, тот выделил золото на ремонт кумирни. Здание сохранилось до сих пор.

Господин Буи Тхе Винь (Тунг Ниен)

Господин Буи Тхе Винь — мой предок в седьмом поколении по материнской линии, в один из годов под девизом *Зиен-тхань* (1578–1585 — Е. К.) он стал лауреатом *тиенши*, продвинулся по службе и занял должность *ты кханя*.

Когда правители из рода Мак лишились трона, господин Буи Тхе Винь вернулся домой. Его призвали ко двору вместе с До Уонгом из Доантунга и Ньы Тонгом из Ньыса. Но господин взял небольшой нож, порезал ногу выше колена и, сославшись на болезнь, не явился.

В это время госпожа *Тхьонг-куок* удавилась, погибнув ради долга и чести. Люди сочли, что оба человека были правы, есть поговорка: «Нож из Донглюана, веревка госпожи».

В сочинении «Записи лауреатов»³⁰ периода *Кань-хынг* нарушена последовательность, ведь историографы не дали справку о господине.

Строки, дополняющие поговорку:

*Разные бывают люди: из Тхьонгтхонга и Тхьонги
Так и остаются разбойниками, вероломными чиновниками,
Но вот нож из Донглюана,
И вот веревка исполненной душевной чистоты и чувства
долга госпожи.*

Господин Нгуен Хоан (Тунг Ниен)

Господин Нгуен Хоан, родом из Коло, что в Тиенфонге, доводился отцом министру *ба* Лану. В свое время много говорили об известности Нгуен Хоана на литературном поприще. К людям он относился по-разному: и чистосердечно и лицемерно, но когда дело касалось принципов, никому не уступал. Такова уж была его натура.

Ле Ань Туан, уроженец того же уезда, в юности дружил с господином, несмотря на их разницу в возрасте. На уездных экзаменах господин Ле стал пер-

³⁰ Авторы Нгуен Хоан и др., предисловие датировано 1779 г.

вым, его приятель — вторым. Они сравнили сочинения, Нгуен Хоан не признал себя побежденным. Когда господин Ле продвинулся по службе, тот прекратил дружеские отношения.

Господин министр рано постиг премудрости и почти догнал отца. Нгуен Хоан неоднократно с ним состязался. Если господин министр уклонялся от этого, отец очень ругал его. Однажды Нгуен Хоан приказал спустить лодку, он решил, плавая по реке, сравнить литературные способности, тот, кто проиграет, должен будет броситься в реку. Сочинения были закончены. Выяснив, что немного уступает сыну, Нгуен Хоан прыгнул в реку. Господин министр, плача, выловил его.

Как-то господин отправился посетить министра Нгуен Ханга. Дойдя до ворот, назвал свое имя. Привратник доложил. Господин министр так поспешно вышел приветствовать его, что потерял туфли. Он попросил написать стихи о том, как Ле и Юань поднялись на небо. Во время пиршества Нгуен Хоан сочинил шесть стихов, они и сейчас пользуются популярностью.

В то время, когда Нгуен Хоан ездил в столицу, он подружился с совершенномудрым Фам Виеном. Однажды спросил у него, чего он достигнет. Фам Виен ответил:

«К сожалению, вы ничего не добьетесь, а сына ждут большие успехи».

Господин оставил мирские дела и последовал за совершенномудрым, прося научить искусству видеть сокровенное. Когда поднимались на гору Мильюннг, кончилось продовольствие, и пришлось остановиться в ближайшей деревушке. Старик, хозяин дома, куда они зашли, встретил их радушно как гостей. Он сварил на пару трехлетнего ребенка и стал угощать этим кушаньем. Господин так и не смог опустить палочки для еды. Совершенномудрый рассмеялся, приказал принести яства, которые можно собрать в горах. Вскоре достигли загородного дома Фам Виена. Как закуску к вину слуга подал дохлую разложившуюся мышь. Зловонный запах так и ударил в ноздри. Господин прикрылся полой одежды, не решаясь даже взглянуть. Совершенномудрый сказал:

«Вас слишком многое связывает с обыденной жизнью, поэтому обучать нельзя. Все мирская суета».

Затем Фам Виен проводил его домой.

Когда господин министр стал первым кандидатом на столичных экзаменах, отец был еще жив. Все, сдавшие в этот год экзамены, собрались в деревне Кодо поздравить его. Нгуен Хоан в простой деревенской одежде вышел встречать гостей. Посмеиваясь, он сказал:

«Если уж *ба* Лан преуспел на экзаменах, то поистине в Поднебесной перевелись настоящие люди».

Когда Ле Ань Туан стал первым министром, господин министр допустил в делах просчет и должен был понести наказание. Решив, что никто, кроме отца не сможет помочь, отправился к нему с просьбой. Нгуен Хоан ничего не ответил. Лишь после того, как все родственники заплакали и принялись умолять его, кивнул головой.

Он пешком отправился в резиденцию первого министра. По дороге Нгуен Хоан перешел вброд водоем и с грязными ногами зашел в дом, осведомившись, здесь ли хозяин. Господин Ле в шапке и с поясом поспешил его встретить.

«Перепачкался из-за глупого мальчишки, — сказал Нгуен Хоан, — Обещание помочь, данное моим старинным другом, равноценно тысяче золотых монет. Но не будем много говорить об этом».

Господин Ле согласился оказать содействие, и Нгуен Хоан тут же собрался уходить. Как Ле Ань Туан его ни удерживал, приглашая побеседовать, так и не остался.

С годами Нгуен Хоан стал еще больше уважать знания. Услыхав, что некий студент Школы сынов отечества на испытаниях неоднократно занимал первые места, отправился его навестить. До деревни, где жил студент, Нгуен Хоан добрался только ночью. Дорога была извилиста, пришлось переходить вброд реку. Постучался у ворот, сказал:

«Я господин Нгуен Хоан. Возьметесь ли вы состязаться со мной на литературном поприще?»

Студент торопливо вышел из дома.

«Я отказываюсь, не осмеливаясь соперничать с вами», — сказал он и попросил подождать, когда наступят испытания в Школе Сынов Отечества. Нгуен Хоан пустился в обратный путь.

Несколько раз подряд на экзаменах в Школе Сынов Отечества сочинения Нгуен Хоана служили примером. Вернувшись в Шонтэй, уже будучи пожилым человеком, он посетил место, где поклонялись Хюйен Куангу³¹. Во сне наставник секты *тхиен* сказал:

«Вы разыскали историю Бить Ко. Слышал от Верховного Владыки, что ваша жизнь увеличена на один *ки*». После этого Нгуен Хоан жил еще долго, а потом умер.

Господин Ле Хью Киеу

Господин Ле в молодости не терпел никаких ограничений, он обучался у господина лауреата *тхамхоа* по имени Ву Тхань, который высоко ценил его. Некогда Ле Хью Киеу был последователем совершенномудрого человека Фам Виана.

Как-то господин *тхамхоа* дал ему тему для литературных упражнений: «Перешел на сторону княжества Чу, жители Чу не поверили. Перешел на сторону княжества Хань, жители Хань испугались³². Куда бы в таком случае отправиться?». Совершенномудрый шуток ради написал сочинение, отдал Ле Хью Киеу, попросив отнести проверить. Господин *тхамхоа* удивился и сказал:

«Это написал находящийся среди обычных людей небожитель».

Он приказал пригласить его, но Фам Виен отказался и не пришел. Господин Ле следовал за совершенномудрым несколько месяцев, потом тот посоветовал ему вернуться.

После того, как преуспел на экзаменах, Ле Хью Киеу остался душевно чистым человеком, ни перед кем не заискивал. Особенно он ненавидел буддистов и их учение.

Когда господин был с посольством в Китае, он зашел в пагоду и, проходя по коридору заметил золотую табличку с надписью: «Ле Хью Киеу — бодисатва». Внезапно просветлился, стал странствовать, и сердцем проник в закон.

³¹ Прозвище Ли Дао Тая, жившего при династии Чан.

³² Воюющие друг с другом княжества древнего Китая. Имеет значение: больше идти некуда.

Он вышел в отставку, открыл буддийскую школу, стал давать наставления. Там постоянно обучались несколько сотен человек, среди них много было людей, известных в среде почитателей учения *тхиен*. Те, кого Минь-выонг и Тинь-выонг сделали настоятелями монастырей, все они относились к последователям Ле Хью Киеу.

Господин Нгуен Чонг Тхыонг

Господина Нгуен Чонг Тхыонга, родом из Чунгкана, что в Тханьтионге, воспитывал дедушка по материнской линии. Когда он стал подростком, тогда наняли и других учителей.

Как-то ночью Нгуен Чонг Тхыонг увидел красавицу, она принесла чай, фрукты и завела веселую беседу. Прошло несколько лет, а между ними не было ни одной размолвки. Однажды красавица стала прощаться. Господин взял ее за руку и спросил, когда они снова увидятся.

«В местечке Фузунг возле озера Дунтин», — отвечала девушка.

В шестнадцать лет Нгуен Чонг Тхыонг сдал уездные экзамены. Впоследствии служил в ведомстве ритуалов.

Дедушка решил испытать его познания. Еще и полдень не наступил, а из кустов вышел некий молодой человек, подал сочинение на заданную дедушкой тему и удалился. Прочитав работу, дедушка сказал:

«Наверное, это совершенномудрый Фам Виен пошутил надо мной».

Нгуен Чонг Тхыонг бросил кисть, тайком пошел за Фам Виеном, нагнал его уже за городом и последовал за ним. В то время совершенномудрый отправился в горы Лонгхо. Дойдя до перевала Чаннам, господин встал на колени и попросил дать ему наставления.

«Дыхательные упражнения не для вас. Путь впереди дальний, обойдемся без обычного многословия», — промолвил Фам Виен и вручил Нгуен Чонг Тхыонгу несколько свитков, в которых описывалось древнее гадание для предсказания будущего.

«На озере Дунтин отдадите их мне», — добавил он.

Господин сдал экзамены, поступил на службу, но оставался равнодушным к карьере. Собравшись ехать с посольством в Китай, передал все семейные дела сыновьям. Нгуен Чонг Тхыонг взял с собой много вещей и отбыл.

Остановившись на почтовой станции возле озера Дунтин, он заметил у обочины дороги две кумирни. Одна из них была заброшена и почти развалилась. Господин поинтересовался у местных жителей, кого в ней почитают.

«Духа Нгуен Чонг Тхыонга», — последовал ответ, — но благовония не зажигались уже несколько десятков лет. Вторая кумирня его жены».

У Нгуен Чонг Тхыонга мелькнула в голове догадка, и он оставил имущество, взятое в дорогу под присмотром деревенских жителей.

Возвращаясь после аудиенции, плыл на лодке по Дунтину. Перелистал секретные свитки и бросил в воду, они утонули. Заночевав на станции Фузунг, Нгуен Чонг Тхыонг снова встретился с красавицей. На следующий день, плывя в лодке, господин умер. Тело его было доставлено домой для похорон.

Записки о прогулке к горе Фаттить (Тунг Ниеи)

В двенадцатый день третьей луны года *бинь-тхин* (1797 — Е. К.) вместе с досточтимыми Нгуен Нгиеу Минем, Чан Ван Ти, Нгуен Куе Нямом, Хоанг Хи До отправился посетить гору Фаттить. В час *мао* (5–7 ч. — Е. К.) мы вышли из столичных ворот³³. В час *нго* (11–13 ч. — Е. К.) остановились в Кимтхиа. У обочины дороги находилась пагода с колокольной башней, с которой можно смотреть издали на гору Фаттить. Поднялись на башню и посмотрели вдаль на запад, до чего же цвет горы зеленый!

Переправились через реку Дакшо, миновали Тхюикхуе, остановились в Куокоае в храме госпожи Нгуен. Госпожа была младшей сестрой супруги Минь-выонга (годы правления: 1740–1767 — Е. К.). Она ушла в монастырь и привела в порядок все пагоды в Тхиенфуке. Местные жители приносят ей жертвы. Храм прилегает к горе, граничащей с двумя уездами — Тхиенфук и Тхюикхуе. В исторических сочинениях ее называют горой Тхатътхат, в народе — горой Тхай. Во времена династии Ли (1010–1225 — Е. К.) Ты Дао Хань³⁴ постиг здесь *дао*. Слева на горе высится пик Хамлонг. Он зубчатый и изогнутый, рядом — озеро Лонг. К горному пику примыкает холм. Здесь находится центральное строение пагоды Тхиенфук³⁵, расположенное около воды, построил его наставник из секты *тхиен*. Помещение имеет две крытые галереи, это очень древнее устройство. В середине приносят жертвоприношения Будде³⁶, слева — истинному телу³⁷ наставника, справа — императорскому облику Ли Тхан-тонга. Пред императорским обликом стоят журавли небожителей, напротив — тямпские силачи, каждых по две фигуры. Они сделаны в период правления под девизом *Винь-хыу* (1735–1740 — Е. К.) по высочайшему повелению. Рассказывают, что император Тхан-тонг минувшей династии (годы правления: 1428–1788 — Е. К.) — это последующее перерождение Ли Тхан-тонга. Оба боковых помещения пагоды располагаются по берегам озера. На них опираются два моста. Слева — Няйтиен, он сообщается с храмом Тамфу, расположенном на острове в центре озера, справа — мост Нгуеттиен³⁸, который упирается в правый склон горы.

В час *зау* (17–19 ч. — Е. К.) поднялись к пагоде Тхиенфук. Присматривающий за ней монах по имени Тить Кхиен приглашает нас поговорить. Тить Кхием уроженец Тхиенфука, его речь отличается поэтичностью. В час *туат* (19–21 ч. — Е. К.) вернулись в храм госпожи.

³³ Имеется в виду Тханглонг (совр. Ханой).

³⁴ См сноску 5.

³⁵ См сноску 3.

³⁶ Согласно современным описаниям, в центральной части пагоды Тхиенфук находится статуя Ты Дао Ханя, ставшего Буддой.

³⁷ Истинное тело — это, согласно концепциям буддизма, высшее, вечное тело, не подверженное ни рождению, ни смерти, т. е. сущность. Что же касается человеческого тела и тел всего живого, то это ложные тела, т. е. проявления сущности. Истинное тело — Будда как абсолют — *Lharmakaуа*. Средневековые прозаические собрания сообщают, что в левом приделе пагоды Тхиенфук помещалась статуя Ты Дао Ханя, сделанная из золы и пепла, собранного при сожжении мошей праведника, длительное время остававшихся нетленными. Согласно современному описанию, в левой части пагоды находится статуя Ты Дао Ханя, сделанная из сандалового дерева, с подвижными сочленениями

³⁸ Мосты Няйтиен и Нгуеттиен построены в 1602 г. Фунг Кхак Кхоаном после того, как он возвратился с посольством из Китая.

В следующее утро достопочтенный Тянь Туи поднялся на пик Хамлонг. Он третий сын госпожи, раз за разом занимал высокие посты. Сейчас живет в Тхюикхуе. На половину с лишним *ли* влево от пика находятся затерянная могила Ли Нам-де (годы правления: 544–548 — Е. К.) и кумирня, в которой ему воздают должное. Местные жители говорят, что это останки Ла Зя, находящиеся в забвении. В «Речах государства Небесного Юга» сказано: «Могила Ла Зя³⁹ находится в бамбуковых зарослях». Еще не знаю, какое мнение из двух правильное. Изучил исторические сочинения: Нам-де — псевдоним государей Раннего Ли и Позднего Ли (годы правления Раннего Ли Нам-де: 544–548; Позднего Ли Нам-де: 571–603 — Е. К.). Ла Зя — это министр Чиэу Ай-*вюнга*. Людская молва как будто не соответствует каноническим книгам. Привожу здесь это в расчете на знающих людей.

На противоположной стороне горного пика находятся две пещеры. Одна — Бокок, в ней есть вода, в которой водятся рыбы, другая — пещера Тханкок. При прошлой династии это место осчастливили высочайшим посещением. Евноху приказали войти в пещеру, он увидел большую змею, поэтому все возвратились.

В час *ты* (9–11 ч. — Е. К.) перешли через мост Нгуэйтиен и по ступеням поднялись на гору. Посередине склона есть стела. На ней выгравированы стихи, самолично написанные Динь-*вюнг*ом (годы правления: 1682–1709 — Е. К.).

Взошли еще на несколько ступеней и оказались возле другой пагоды Тхиенфук. Это место, где курят фимиам, и наставники читают молитвы. Монах, охраняющий храм, при прошлой династии был евнохом. Увидев, что пришли путешественники, он стал радушно угощать дарами гор. Перед пагодой ниже на три ступени была бамбуковая роща. Сейчас в ней нет бамбука, посередине стоят четыре каменные башни. Позади пагоды расположена пещера Фаттить. В ней не очень темно. Слева поклоняются духу гор. По каменной расщелине устремляется вниз ручей, в устье которого есть голова дракона гордого вида. Летом ручей разливается, зимой пересыхает. Здесь же стоят стелы из шлифованного камня, они разные — большие, маленькие, черты иероглифов не ясны. Все относятся к эпохе *Чунг-хынг* и последующим временам.

Посередине пещеры отвесно поднимается стена. Навалены камни на высоту около одного *чюнга*, если залезть по ним, то доберешься до входа в другую пещеру. Проникнуть в нее можно только ползком, и называется она Какко⁴⁰. Длина и ширина ее примерно один *чюнг*. Наставник из секты *тхиен* освободился здесь от брэнной плоти, и по сей день сбоку на скале отпечаток головы, сверху на камне — следы ног. Некоторые берут здесь киноварь для печатания книг. Рядом с этим местом статуи буддийских наставников. Я написал снаружи пещеры: «В третью луну года *бинь-тхин* почтенный Тунг Ниен с друзьями поднялся сюда» — всего одиннадцать иероглифов.

В час *нго* достигли горной вершины Тхиентхи. Небо чистое, облака рассеялись, тихо веет свежий ветерок. Камни на горном пике, как отвесные утесы,

³⁹ Ла Зя (Лы Зя) — советник Чиэу Ай-*вюнга* (112 г. до н. э.). В ходе мятежа, возглавленного Ла Зя, были убиты вдовствующая императрица и Чиэу Ай-*вюнг*, а на трон возведен его старший сын Тхуат Зыонг-*вюнг* (111 г. до н. э.). Ла Зя сначала успешно отражал нападение династии Хань, затем, однако, был разбит китайскими войсками, возглавляемыми полководцем Лу Бо-дэ.

⁴⁰ Пещера Какко имеет другое название — пещера Тхан. Воспега известной поэтессой Хо Суан Хыонг (вторая половина XVIII в. — начало XIX в.). В 1936–1937 гг. здесь были обнаружены древняя утварь, скелеты, деньги.

по форме напоминают — один боковину экипажа, другой — изголовье, а вот кувшин для вина, кубок, они стоят естественно, мастерски исполненные природой, превосходят человеческую работу. Здесь есть ровный и широкий участок земли. Горы Фыонгхоанг, Куилан, Маиен, Лонгдау, Хоафат — все они обращены к этой вершине и окружают ее.

Промелькнуло более ста разноцветных петард — это забавлялся Хоанг Хи До, дровосеки и пастухи в изумлении оглядывались.

Вернувшись к пещере Фаттить, Тянь Туи и Чан Ван Ти стали вместе пить вино. Три-четыре горных обезьяны пробежали по верхушкам деревьев, по коньку крыши храма. Хи До и Кве Ням хлопнули в ладоши, засмеялись. Ущелье отозвалось эхом.

В час *муи* (13–15 ч. — Е. К.) спустились по северному склону горы в пагоду Фуклам. На стене написано: «Поднялся сюда прогуляться и полюбоваться природой. Незаметно поэтическое вдохновение наполнило горы, но не удалось его собрать». Сохранилась и подпись — Сонг Тхань. Господин Тянь в шутку продолжил: «Меня тоже посетило вдохновение, но я смог им воспользоваться».

Достигли пагоды Бойам⁴¹ на вершине холма. Храм примыкает к пещере, сделан наполовину из камня, наполовину из дерева. На стеле, выбитой на скале, сказано, что строительство его было начато в период *Хонг-нинь* (1591–1592 — Е. К.) на средства, пожертвованные знатной дамой из рода Мак (1527–1595 — Е. К.)

Среди тех, кто руководит общиной, много монахинь. На стенах беспорядочно написаны хвалебные стихи. Рассматриваем их, затем возвращаемся. У подножия горного пика находится пещера Зунгфат, в ней поклоняются древним буддийским святым.

В час *тхан* (15–17 ч. — Е. К.) я предложил почтенным Тянь Туи и Чан Ван Ти устроить пирушку на мосту Няйтиен. Лотосы, растущие в пруду, только что распустились. Листья их выделяются своим чистым, зеленым цветом, как будто порхают среди воды. Нгиеу Минь, Кве Ням и Хи До, не понимая толка в вине, предпочли чай.

Поздно вечером повернули и возвратились обратно к пристанищу.

В четырнадцатый день рано тронулись в путь и направились к горе Хоафат. Она находится слева от горы Фаттить. Скалы на ней теснятся выступами, и она не так известна, как гора Фаттить. Посередине горы есть храм с колоколом. Центральное строение называется пагода Хоафат. Живет здесь и присматривает женщина, жена чужестранца из рода Фан, которая в старости ушла в монахини. Она заваривает чай, радушно принимает гостей, чувствует, что у нее городские манеры. Позади пагоды вниз на одну ступень возвышается башня из камня. Каменная дорожка, следуя от пагоды влево, обрывается на вершине горы. Одна глыба здесь, огромная словно дом, кажется, вот-вот упадет. Рядом находится пагода, возведенная только наполовину. Собрал деньги и строил ее некий житель провинции О. Пустынно, никого нет.

В горах туман, ветер свистит, влага пропитывает одежду. В час *ты* поднялись на гору Фыонгхоанг, имеющую форму наклонившейся вниз птицы. В середине есть пещера, в которой хранятся буддийские статуи. В пещере есть три грота. Два из них — маленькие и мелкие, большой же — бездонный провал. Расска-

⁴¹ Пагода Бойам, другое название «Пагода одной крыши». Построена в 1592 г., в 1732 г. расширена. Пагода имеет только одно крыло крыши, которое вплотную примыкает к горе

зывают, что он сообщается с потусторонним миром. У входа в пещеру растут тенистые деревья, поэтому остановились, разожгли огонь и передохнули.

В час *муи* возвращаемся обратно на восток. В деревне Ванкань заночевали в деревянном домике моего старшего двоюродного брата по материнской линии — чиновника уездной канцелярии из рода Фам.

Ночью беседуем о горе Фаттить. Двоюродный брат рассказал: «Мой прадед по женской линии, лауреат *бангнян*, имел дочь — мою бабушку. С детства она была привержена Будде. Когда отец приказал ей выйти замуж, она сожгла на руке два пальца, чтобы доказать этим твердость своих устремлений. Бабушка ушла в монахини и поселилась в пагоде Тиенлы. Она часто гуляла на горе Фаттить, заходила и в пещеру Тханкок. В ущелье темно, не отличишь день от ночи. Освещаешь дорогу и идешь. Примерно два—три дня все еще слышны наверху, на земле, пение петухов и лай собак. Если идти долго, то обстановка становится иной, необычной. Во впадине, наполненной водой, навалены груды костей. Повсюду свисают сталактиты, дорога опасна, необычайна. Всем людям придется ползти по-звериному. Стоят камни в форме лежанки, скамейки, вешалки или одежды, не разберешься в них и за один-два дня. У дороги река, цвет ее напоминает индиго. Старый почтенный кормчий держит шест, ждет в лодке желающих переправиться через реку. На другом берегу естественный неясный свет. Торговые ряды, жители, товары, повозки не отличаются от человеческих. Если спросить об этом у почтенного кормчего, он скажет: «Это рынок в потустороннем мире». Один наставник пошел по каменной тропинке впереди. Некий старик сказал ему, что надо вернуться. Наставник не согласился. Змея, большая, словно плетенка для зерна, преградила дорогу назад. Тогда он вернулся. Когда вышел из пещеры, то оказалось, что уже прошел целый месяц и еще два дня».

Наставник принял постриг, был очень уважаемым человеком. Думаю, он не ошибался, поэтому присоединил сюда эту историю.

Краткие сведения о горе Фаттить изложены бессвязно — это то, что коснулось моих ушей, то, что попало мне на глаза. Но и они не бесполезны. Записал Донг Зя Тиеу⁴² по прозвищу Тунг Ниен в час *нго* в пятнадцатый день третьей луны.

Происшествие, случившееся с предком *тхайте*, не отраженное в официальной истории (Кинь Фу)

Когда предок *тхайте* Чунгтхуан-конг, выполнив приказ, возвращался, люди Маков задержали его. В то время императорский кортеж вернулся обратно в Тханьхоа. При дворе интересовались его судьбой, но сообщение было прервано.

Первый министр дома Мак господин Чан Лить Тиеу, родом из Хоатхиеу, из-за добродетелей предка захотел освободить его. Ночью он подошел к месту заключения и сказал, что скоро рассветет. Предок понял его замысел и тайком выбрался.

Едва он достиг Антхюнга, как преследователи стали нагонять. Ему пришлось попросить у каких-то людей убежища. Затем он переоделся и, взвалив на плечи овощи, будто на продажу, отправился в путь.

⁴² Донг Зя Тиеу — псевдоним Фам Динь Хо.

Перейдя реку Бай, оказался у дома некоего мятежника, присоединившегося к Макам. Посмотрев на путника, хозяин пригласил его зайти, приказал подать еду и дружески угостил. Предок недоумевал, в чем же дело. Вдруг хозяин выслал жену и детей и, поклонившись, сказал:

«Раньше, в то время, когда вы управляли провинцией, некто подал на меня в суд, но его обвинения были признаны несправедливыми. Наверное, не помните это дело? Ваш покорный слуга и есть тот человек, которого оправдали».

Только тогда предок все понял, доверился ему и остановился на ночлег. Затем они вместе отправились на юг.

Господин Дам Тхан Хюи (Кинь Фу)

Господин Дам Тхан Хюи⁴³ был уроженцем Онгмака. Имя матери не сохранилось, она родила еще одного сына, которого назвали Тхан Зян.

Как-то их уезд посетил старик родом из Таао, что в *тяу* Хоан. Он преуспел в геомантии, многие удивительные вещи, предсказанные им, впоследствии подтверждались.

Матушка, прослышав о его известности, просила указать благоприятные места. Старик согласился, но долго медлил с этим. Часто отлучаясь, геомант все же возвращался в дом семьи Дам.

Однажды, встретив госпожу под проливным дождем, старик принудил ее нести себя. Оба брата поспешно предложили заменить мать, но старик не разрешил. Госпожа вела себя подобающим образом.

Ночью геомант вошел к ней в спальню, но матушка отвергла его. Старик, вздохнув, сказал:

«Вы целомудренны, это надо вознаградить».

Затем он указал, наконец, благоприятное место.

Оба брата успешно сдали экзамены. До того, как род Мак узурпировал власть, старший брат возглавлял министерство чинов. Отправившись в поход, он потерпел поражение и умер. При династии Ле в период *Чунг-хынг* ему пожаловали титул *выонга* и установили храм Тьетнгиа.

Господин Ле Туан Мау (Кинь Фу)

Господин Ле Туан Мау⁴⁴, уроженец Сюанлюя, что в Иенфонге, при прошлой династии занимал должность в Палате инспекторов.

В то время Мак Данг Зунг (годы правления: 1527–1529 — Е. К.) благодаря тому, что был искусен в борьбе, достиг высокого положения. Господин, стыдя его, говорил:

⁴³ Дам Тхан Хюи родился в 1462 г., служил при дворе, входил в литературную академию под названием «Собрание двадцати восьми светил словесности» (Тао Дан), созданную императором Ле Тхань-тонгом (годы правления: 1460–1497). После того, как император Ле Тиеу-тонг (годы правления: 1516–1522) лишился власти, Дам Тхан Хюи некоторое время сражался с узурпатором, но успеха не имел, и, в конце концов, отравился.

⁴⁴ Ле Туан Мау в 1490 г. стал лауреатом на столичных экзаменах, служил при императорском дворе, ездил с посольством в Китай. Когда Мак Данг Зунг захватил трон, он вынудил Ле Туан Мау явиться на аудиенцию. Тот спрятал камень в рукав, бросил его в узурпатора, но не попал и был убит.

«Не кичитесь силой, я тоже могу так, но не унижаюсь до этого».

Данг Зунг рассердился, попросил позволения у императора состязаться с ним. Господин с воодушевлением согласился, намазал салом тело, заколол волосы узлом, закатал штаны и так ударил противника, что чуть не убил.

Данг Зунг узурпировал трон. Ссылаясь на болезнь, господин Ле Туан Мау не явился к нему. Его призывали много раз, а потом притащили под руки. Он плюнул в лицо Данг Зунгу и был казнен.

Господин Зыонг Банг Бан

Господин Зыонг Банг Бан происходил из Тханьлиема. Ему пожаловали родовую фамилию правящего дома, и он стал называться Ле Тунг.

В старости у него родился сын, господин отдал ребенка на воспитание жене рыбака. Мальчик, когда подрос, вернулся домой. Он не был склонен к учению, каждый день плавал с рыбаками. Зная его привычки, господин не удивлялся.

В канун дня поминовения предков Ле Тунга вызвали в столицу. Во сне ему привиделась семейная кумирня, в которой на возвышении восседал бес с красными волосами, в шляпе и с поясом. Затем злой дух исчез, а перед ним явились отец и другие предки. Проснувшись, Ле Тунг понял смысл увиденного, принялся повсюду разыскивать сына. Однако лодки носились по воле волн, и было неизвестно, куда их вынесет течение.

Некий рыбак забрал с собой мальчика и поселился с ним в Зяотхуи. Тот, возмужав, сдал экзамены, стал лауреатом *тиенши* и с триумфом возвратился. Деревенские жители говорили друг другу:

«Это пришлый человек, почему он живет среди нас!»

Сын Ле Тунга, услышав пересуды, расспросил близких и только тогда узнал о себе правду.

Господин Уонг Си Доан (Кимь Фу)

Господин Уонг Си Доан, когда еще не сдал экзамены, жил зятем в богатой семье в моей деревне. Имя его жены неизвестно. У них родился сын. Женщина, отличавшаяся злым характером, выгоняла всякого приятеля, приходившего к мужу поболтать, выговаривая супругу:

«Бездельник! И так отказался от четырех великих основ, не работаешь. Сколько можно галдеть!».

Когда подошел срок больших испытаний, муж стал собираться в путь. Жена, скупясь, не давала нужных вещей. Тогда господин, рассердившись, вышел, а женщина догнала его и отобрала всю одежду, оставив нагишом. Уонг Си Доану пришлось укрыться в воде.

Мимо проходила девушка из соседнего уезда. Она несла материю, направляясь вместе с бабушкой на базар. Увидев господина, женщины заговорили с ним. Старуха, узнав, в чем дело, оторвала кусок ткани и дала Уонг Си Доану, чтобы он мог сделать набедренную повязку.

Эти экзамены господин сдал успешно, еще раз женился, пробыл при дворе более шестидесяти лет, дожил до девяносто девяти лет. Девушку, повстречавшуюся ему некогда вместе со старухой, сделал главной женой. Чиновник Правительственного Совета Си Ланг, управляющий уездом Камзянг Си Тхиеу, помощник министра министерства общественных работ Си Чать — все они рождены ею.

Преображение в тигра (Кинь Фу)

В Шонви жил некий слуга, имя его неизвестно. Отправившись в горы, он сбился с дороги. Ему повстречался старик, который снял с себя платье, дал надеть слуге, а потом велел идти следом.

У слуги зачесалось все тело, и спустя мгновение, он превратился в тигра. К нему подошла стая тигров. Звери привыкли к новичку, спали вместе с ним, если удавалось раздобыть мясо, всегда делились.

Однажды слуга подошел к своему дому и услышал плач жены. Он позвал ее, желая утешить. Жена испугалась, стала бить в гонг и кричать. Слуга от страха убежал.

Устав, он прилег отдохнуть на камне. Перед ним появился старик и сказал: «Настало время вернуть то, что я тебе одолжил».

И, схватив его за брюхо, он мечом стал сдирать шкуру. Слуге было очень больно, хотелось, чтобы все поскорее кончилось. Затем старик внезапно исчез, а слуга заметил, что опять стал прежним человеком.

Ковыляя, пошел он домой, оказалось, целый год прошел со дня его исчезновения, а скоро должны были устроить по нему поминки. На спине у этого человека все еще оставались следы шерсти.

Увы! Некто, будучи тигром, стал человеком, а человек же превратился в тигра. Как они сумели преодолеть предначертанный им путь!

Черный ребенок (Кинь Фу)

В Лайчао, что в Хоазыонге, служила в лавке девушка. Она вышла замуж за купца из страны собакоголовых. Торговец решил съездить на родину, и жена спросила, когда же они увидятся. Муж отвечал:

«Если через три года не вернусь, можешь считать себя свободной».

Указанный срок истек, и женщина вторично вышла замуж за некоего человека. У них родился сын, но цвет его кожи был такой же темный, как у прежнего супруга. Женщина хотела бросить своего ребенка и спросила об этом у знающих людей. Ей ответили:

«У варваров слишком много спермы, поэтому вам надо промыть утробу».

Вскоре купец вернулся. Разыскав жену, обнаружил, что у нее родился черный ребенок. Он возбудил судебное дело, и по решению суда мальчика отдали торговцу, а жена осталась при своем нынешнем муже. Впоследствии у них родилось еще несколько детей, уже ничем не отличающихся от обычных.

Горная пещера (Кинь Фу)

Случилось это еще во времена походов на Юг. Несколько солдат, пробираясь через горы, увидели пещеру. Они вошли в нее. Сначала воины продвигались в темноте, но потом постепенно мрак рассеялся, и стало возможным видеть, что происходит вокруг.

Солдаты заметили подземных жителей, разговаривающих пронзительными голосами на непонятном языке. Проголодавшиеся воины бросились отнимать у них еду, и те, словно птицы, разбежались в разные стороны. Вскоре собралось множество обитателей пещеры. Солдаты испугались и отступили, защищаясь на ходу пиками. Выбравшись, воины рассказали людям о случившемся. В пещеру снова отправили отряд, но он уже никого не встретил.

Разбойник из Ламхо

Некий староста деревни Ламхо, что в Кимхоа, когда-то давно был разбойником. Пока мы жили в этой деревне, он заходил в гости и частенько рассказывал о том, что случалось с ним в молодости.

Разбойничал он обычно в соседней деревне вместе со своим приятелем. Так, однажды, чувствуя в сердце легкое волнение, отправились они на дело. Дойдя до деревенских ворот, разделились и стали подкарауливать прохожих.

Прошло около половины стражи, и староста услышал звуки жестокой схватки. Он поспешил на шум и увидел, что тигр подмял под себя его приятеля. Разбойник на мгновение оцепенел, но затем ударил зверя по голове. Тигр зарычал и бросился наутек. Тогда староста подхватил своего друга, рухнувшего на землю и едва дышавшего. Обе щеки у него были рассечены до кости. Староста окликнул приятеля, и после долгого молчания тот сказал:

«Очень хочется пить».

Разбойник засуетился, ища, чем бы можно утолить жажду. В желобе под крышей оказалось немного воды, не больше пригоршни, староста смочил край одежды, а затем, наклонившись над товарищем, стал отжимать платье, пока вода не закапала ему в рот.

Когда раненый пришел в себя, староста понес его домой. Не успели миновать половину дороги, как стало светать. Впоследствии приятель выздоровел, а староста перестал разбойничать.

Увы! В трудностях помогать друг другу не щадя себя — этому следовали доблестные герои древности. Здесь же так ведут себя преступники, вот и размышляю, разве не странно?

Господин До Уонг

В прежние времена, при Маках, в Доантунге жил господин До Уонг. Однажды он из столицы возвращался домой, это было еще до его успешной сдачи экзаменов. Когда господин добрался до моего родного уезда, небо потемнело.

На пороге не было ни души. Из храма Тхойкы выскочили несколько десятков всадников и погнались за ним.

Господин изменил свой путь, кинулся в Хоатъчать. Там он громко закричал:

«Досточтимый дядюшка Хоатъчать! Помогите мне!»

В деревенском храме царило молчание. Добравшись до храма Миньюан, До Уонг поступил так же. Издали дух ответил:

«Я младший брат уважаемого Тхойкы, к тому же из одного с ним уезда, так что помочь ничем не могу. Обратитесь к дядюшке Ласа».

До Уонг последовал его совету. Сто с лишним воинов, одетых в доспехи, откликнулись на его зов, и враги в страхе разбежались.

Вернувшись к себе в Доантунг, До Уонг зажег благовония и стал молиться во дворе, жалуясь Владыке на то, что с ним произошло. Его прошение не успело еще догореть до конца, как началась сильная гроза, дождь полил как из ведра.

На следующий день утром люди только и говорили о том, что храм Тхойкы разрушен. Господин втихомолку радовался, считая, что причиной этого послужила его просьба.

До Уонг стал вторым на столичных экзаменах. При прошлой династии дослужился до должности министра, был возведен в ранг доброго духа.

Генерал Доан Тхьонг (Тунг Ниен)

Генерал Доан Тхьонг был уроженцем Хонгтхи, что в Чьонгтане. Во времена Ли Хюе-тонга (годы правления: 1211–1224 — Е. К.), повинувшись приказу, ловил разбойников в *тяу* Хоан, брал с собой в поход новорожденного сына.

Когда династия Ли прекратилась, самолично удерживал эту местность. *Тхайши* династии Чан — Тху До, сделав вид, что хочет мира, приказал *Хоайдао хиенво-вьонгу* Нгуен Нону мобилизовать крупные воинские силы и неожиданно атаковать генерала. Сражение было жестоким. *Тхайши* династии Чан сам был в Ванзянг и ударил спереди. Генерал оставил Нона, развернулся к генералу. Ножом он был ранен в горло так сильно, что шея оказалась почти перерезанной. Генерал снял пояс, перевязался им, а затем в гневе помчался на восток.

В Анняне он повстречал старика, в шапке и поясе, стоящего слева у дороги, который поклонился и сказал:

«Вы человек беззаветно преданный и доблестный. Верховный владыка заметил это».

Затем он указал холм в соседней деревне, пояснив:

«Здесь издавна приносили кровавые жертвы, не пренебрегайте таким местом».

Генерал решил последовать совету старца. Добравшись до холма, слез с лошади и лег затылком на секиру. Сто червей взрыхлили землю, похоронив его. Местные жители сделали изображение генерала, соорудили кумирню и поклонялись ему.

Однажды на реке Ни прорвалась плотина, поток хлынул и снес эту кумирню. Когда вода опустилась, изображение нашли в Анняне. Люди соорудили там в честь него новую кумирню. Она была расположена возле реки Аннян, впереди нее находилась проезжая дорога, идущая в северо-западном направлении.

На пути этом встречалось много страшного и таинственного, следуя по нему, торговцы всегда оглядывались по сторонам.

Как-то раз зритель кумирни упал на землю, тело его сотрясала дрожь, затем он устроился на высоком сиденье, собрал стариков и сказал:

«Завтра нужно везде подмести, нас посетит правитель. Будет он в темных одеждах и придет пешком. Почему бы нам не встретить его?».

Все согласились. Утром на следующий день старейшины в парадных платьях и шляпах уже поджидали у храма. Когда солнце стало клониться к закату, люди, устав ждать, хотели разойтись. Вдруг на другом берегу реки в сопровождении мальчика показался монах, вся одежда которого весила не более шести *тху*. Они перешли мост и уселись отдохнуть у ворот кумирни. Деревенские жители воскурили благовония и поклонились. Монах, удивившись, спросил, отчего такие почести. Старики доложили, что его появление возвестил дух.

В те времена Нян-тонг (годы правления: 1279–1293 — Е. К.) уступил престол, ушел из семьи и, приняв имя Диеу-нгы *дай ши*, жил в горах Иенты, имел при себе лишь кувшин и патру для еды и сбора подаяния. Он ходил по деревням, никем не признанный.

В тот вечер всем жителям стало известно, что Нян-тонг осчастливил своим посещением Аннян. Узнав причину столь радушного приема, правитель обрадовался. Он остался здесь на ночлег, разъяснял закон причины и следствия, советовал прилагать усилия, чтобы любить все живое.

Утром Нян-тонг поднялся и вернулся в столицу. Вечером пошел сильный дождь, началась гроза. Престол духа повернулся на восток. С тех пор все беды на проезжей дороге прекратились. Этому духу пожаловали звание дух высшего ранга. Древний холм в Чыонгтане все еще сохранился.

Река Зунг (Тунг Ниен)

Река Зунг, протекающая через уезд Намдыонг — одна из крупных в *тяу Хоан*. Она берет начало в *тяу Чам*, минует Дайдонг, Донглюан, пересекает Саман и у пристани Футтхат впадает в море.

Волны ее безбрежны. Повсюду много омутов, особенно в Дайдонге и Донглюане. Рядом струйки дыма, поднимающиеся от человеческих жилищ. Днем можно было заметить женщин и девушек, которые приходили на базар. Их платье и речь не отличались от столичных. Некий человек стал следить за ними. Женщины подходили к воде и исчезали.

Один местный житель пришел к переправе в Донглюане. Он вымыл руки и наслаждался прохладой среди камышей. Этот человек увидел на песчаной отмели двух всадников, они проскакали три круга и разом вошли в воду. Затаив дыхание, крестьянин следил за ними. Вскоре несколько дворцов всплыли посреди реки, сначала они были маленькие, не больше свитка, но потом в одно мгновение сделались огромными. Повсюду среди строений сновали охранники и слуги. Они входили и выходили, и их можно было пересчитать.

Через некоторое время у человека вдруг запершило в горле, и, не сдержавшись, он кашлянул. Хоромы исчезли, погрузившись в реку, а на поверхность всплыла огромная рыба с двумя хвостами и отрубленной головой. Вода стала красного цвета.

Однажды начальник области, сам он был родом из Дайдонга, проходил через переправу Зяйка в Хайзыонге. Ему повстречалась старуха шестидесяти трех — шестидесяти четырех лет.

«Не из Дайдонга ли вы, — заговорила она с ним. — Отчего ваш выговор так напоминает тамошнее наречье?»

«Ведь это место отсюда за тысячу *ли*, — отвечал чиновник. — Как вы догадались?»

Женщина усмехнулась:

«Бывало, я прогуливалась в Дайдонге, а вам откуда об этом знать, только и всего».

Чиновник принялся подробно расспрашивать ее, и старуха рассказала:

«Я родом отсюда и как-то раз купалась в реке. Тут меня и похитил речной дух — *Зяндонг-хау*. Прожила я с ним три года, а потом его назначили в *тяу Хоан* управлять округом Донглюан и присматривать за омутом в Дайдонге. В свободное от прислуживания супругу время я бродила по деревенскому рынку. Так продолжалось не один день. Семейство Тхиеу Ве и семья Ли Тянь и сейчас там живут, не правда ли? Все они пользовались уважением в деревне. Не было ли у Тхиеу Ве еще и дочери, которая утонула?»

«Да, это так».

«Она вышла замуж за подданного моего мужа. В драконьих чертогах многие выбирают себе подруг из земного мира, но обычно этим занимаются стражники и слуги, хотя и те, кто повлиятельнее, иногда поступают так же.

В Дайдонге мы прожили пять лет. Как-то раз в верховьях реки по течению спускался плот. По бокам его были привязаны четыре фисташковых дерева, которые приглянулись супругу. Он устроил бурю, и плот утонул. Несколько моряков пожаловались на него в управление наместника. Моего господина признали виновным и изгнали на прежнее место. Здесь супруг и отпустил меня на свободу. Я качалась на волнах как будто в полусне. Родственники вынесли меня на берег, и только через несколько дней я окончательно пришла в себя. Облака и воды родных мест до сих пор у меня перед глазами».

Старуха рассказывала так подробно, что чиновник смог ясно все себе представить. Он записал ее историю в семейной летописи.

Озеро Донглиет лежит довольно далеко от реки, так что лодкам и плотам попасть туда невозможно. Говорят, будто в этом озере обитает небольшой дракон с чудодейственными когтями.

Некий человек, торговавший солью, родом из уезда Хынгнгуен, направлялся в столицу из *тяу Хоан*. Он сделал остановку у одной из переправ на реке Ни.

Была летняя пора, шли сильные дожди, и торговец, распродав весь товар, еще не мог поднять паруса. Как-то подошли к нему три — пять человек, по виду похожие на гонцов. Они принесли вино, мясо и пригласили торговца закусить. Когда пирушка подходила к концу, один из них достал письмо и на ухо сказал торговцу:

«Я слуга духа дракона из озера Донглиет. Мой повелитель пошел в поход на гору Танвиен⁴⁵, но по дороге погиб. Прошу вас доставить это письмо к омуту Донглюан».

⁴⁵ У вьетов был распространен миф о борьбе духа гор и духа вод. По поверьям, на горе Танвиен в давние времена поселился дух гор. Как-то раз дух гор и дух вод посватались к одной девушке, и предпочтение было отдано духу гор. Дух вод, рассердившись, обрушил берега рек, затопил их, а затем, созвав всех водяных тварей, отправился к горе Танвиен, где укрылся его враг. Преграждая

Торговец согласился, снарядил лодку и направился к югу. Лодка неслась, как стрела, в одно мгновение остались позади тысячи *ли*, и вечером того же дня оказалась у Донглиюана. Купец постучал по борту и крикнул, из-под воды ему ответили, а потом взяли письмо, попросив при этом подождать.

Долго пробыл он здесь, иногда неясно слышался плач. Ночью двое стражников вручили ему в знак благодарности превосходную шкатулку с двадцатью золотыми монетами. Торговец стал отказываться:

«Сделайте так, чтобы я мог безопасно плавать по рекам, этой награды хватило бы с излишком».

Он оставил только шкатулку, а золото отдал обратно. До конца жизни плавал торговец по рекам и озерам спокойно.

Гора Донглиет

Гора Донглиет возвышается на берегу озера. На вершине ее есть впадина. Говорят, будто это след упавшей звезды. Размером она больше *мау* и время от времени наполняется водой. На горе есть каменные шашки и доска для этой игры. Рядом отпечаток ноги, размером превышающий след обычного человека.

Одна девушка, наступив на него, почувствовала под сердцем движение и забеременела. Родилась у нее девочка. Едва появившись на свет, она умела говорить, знала прошлое и будущее. Об этом прослышали при дворе и пригласили девочку в столицу. Какой бы вопрос о злых и добрых духах ей ни задавали, на все находился готовый ответ. Подивившись, ее отпустили.

Через три года девочка умерла. Местные жители решили, что это была небожительница, построили в честь нее кумирню, которая и сейчас находится у подножия горы.

Гора Воконг

В Нгокшоне, граничащем с двумя *тяу* — Хоан и Ай — есть гора Воконг. Возле входа в ущелье находится кумирня духа-тысяченожки. Ежегодно ему в жертву приносили людей. Местные жители установили очередность главенства на этой

дорогу воде, люди стали забивать в землю колья и бревна, а увидев подплывавшие к заборам сухую траву и ветки, выпустили в них множество стрел, и убитые водные ратники обратились в мертвых черепах и змей. Нападение было отбито, но с тех пор каждый в одно и то же время, в шестую или седьмую луну, гнев духа вод пробуждается, и борьба между этими двумя духами вспыхивает вновь. Исследователи считают, что этот миф объясняет причины тайфунов и наводнений в Северном Вьетнаме (Мухлинов А.И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977. — С. 186). Миф о борьбе духа гор и духа вод, причем тоже связанный с горой Танвиен, был распространен и у мыонгов. Он упоминается в следующем предании мыонгов. Некий крестьянин получил в дар от дракона, владыки подводного царства, чудесный нож, который после его смерти должен был вернуться в подводное царство. Когда крестьянин умер, ножом завладел его приемный сын, а посланцу, прибывшему за ножом, пришлось удалиться ни с чем. Узнав об этом, дракон рассердился и повелел схватить дерзкого человека, нарушившего его волю. Вода стала прибывать, и вскоре незатопленной осталась только гора Танвиен, видневшаяся вдалеке. Приемный сын по совету чудесного помощника — ножа — призвал лошадь-ветер и на ней добрался до горы Танвиен. Вода, однако, все более поднималась, и тогда человек вынул чудесный меч и высказал пожелание, чтобы вода спала. Дракон действительно вынужден был отозвать поток. Когда наводнение прекратилось, приемный сын не вернулся к себе в деревню, он остался жить на горе Танвиен (Truyên cổ mĩng. — Hà-nội, 1978. — Тт. 287–290).

церемонии. Они прельщали бродяг золотом и шелковой материей и приносили их в жертву. Это вошло в обычай.

Подошел срок одного бедняка, который никого ничем соблазнить не мог. Он совершил омовение, готовясь самому стать жертвой, но в одежде спрятал острый нож. Пробыли четвертую стражу, и парень отправился в путь.

Когда церемония жертвоприношения закончилась, народ разошелся. Юноша вытащил нож и встал наготове, поджидая возле ущелья. Через одну стражу он почувствовал сильный запах сырой рыбы. Из расщелины, пыхтя, выползла большая, словно щит, тысяченожка. Парень тут же вонзил в нее нож, и она сразу умерла.

С тех пор всякая бесовщина прекратилась, а это место, подобно ущелью Фукзык, стало достопримечательностью.

Внутреннее учение (Тунг Ниен)

При прошлой династии в начале периода *Чунг-хынг* войны стали прекращаться. Горный и лесные призраки, оборотни появились сотнями. Народ очень страдал от этого.

В Андонге, что находится в Куангсьонге, был чародей по имени Чан Лок. Однажды он проходил через гору На, и, мучимый летней жарой, решил немного отдохнуть в цветущих зарослях. Вдруг на самой вершине горы появился седовласый старик. Он опирался на скалу и сверху смотрел на склон. Затем поманил чародея шляпой к себе. Чан Лок подобрал одежды и стал подниматься.

К полудню забрался на вершину, пал ниц и представился, старик ласково ему сказал:

«Вы честный и искренний. Владыка отметил вас в своем сердце и повелел вручить секретные заветы».

Потом наклонился к уху и произнес:

«Это — учение Будды о великой пустоте. Всеми силами следуйте делу «оказанию помощи»⁴⁶. Лotosовый трон недалеко»⁴⁷.

Кончив говорить, старик исчез. Чан Лок посмотрел в пустоту, поблагодарил и вернулся.

Он испытывал заветы многократно, гадал по ним и прославился как человек, обладающий талисманом против дурного. Его называли Фат То Ны Лай, двух сыновей — Та Тон Тхань и Хыу Тон Тхань, наиболее искусного последователя — Тиен Куан Тон Тхань, остальных — Бо Тат, Ким Кыонг, Минь Ши — эти имена даны в соответствии с учениями трех колесниц⁴⁸. Каждый имел свои обязанности.

Чан Лок прослышал, что в горах Мозиеу есть привидение, причиняющее вред прохожим. Он собрался в дорогу, прибыл туда.

Призрак, одетый в придворный наряд, сидел, опираясь на горную вершину на подстилке с каймой. Он вступил в борьбу с Основоположником. Через три

⁴⁶ Буддийский термин: «бодисатва оказывает помощь всем другим».

⁴⁷ Т. е. трон Будды.

⁴⁸ Здесь имеются в виду махаяна, хинаяна и ваджраяна

дня поединок так и не был закончен. Основоположник разгневался, произнес заклинания. Горная вершина обвалилась, а дух превратился в птицу и взлетел в высоту. Чан Лок сказал еще несколько заклятий подряд, призрак упал на землю и умер.

Каждый из двенадцати рукавов реки, впадающих в море, имел своего духа воды. Часто валы вздымались словно горы, а через мгновение вода снова опускалась. Если повстречаться с одним из этих духов, то потомства уже не будет. Чан Лок приказал своим последователям изгнать их. Они умертвили девять духов, но остались еще три. Основоположник уехал по делам в Шунгшон, поэтому предприятие не было доведено до конца.

В то время император Тхан-тонг (имеется в виду император Ле Тхан-тонг — Е. К.), заболел странной болезнью. Говорили, что он — последующее перерождение Ли Тхан-тонга, смотри о нем в «Описании удивительного земель, расположенных к югу от гор»⁴⁹. Придворные и простолюдины, все беспокоились. *Дайнгуенсуй Тхань-вюнг* придумал хитрость. Он попросил императора отречься от престола, провозгласить себя Тхай Тхыонг-хоангом — государем-отцом — и жить в отдельном дворце, стараясь излечить болезнь.

За несколько лет перепробовали разные заклинания, лекарства, ничего не помогало. Услышав о славе Основоположника, придворные послали гонца, чтобы призвать его. Чан Лок решил, что призраки на юго-западе только что усмирены, поэтому осмелился отлучиться, оставив там своего последователя Фап Бо Ким Кыонга.

Прибыв, Чан Лок стал произносить заклинания, ударяя себя в грудь. Через месяц с лишним болезнь государя прошла, он снова стал императором и повелел соорудить храм в честь Ной дао — Внутреннего учения, дабы прославить его.

Как-то Ким Кыонг проходил по дороге через деревню Бове. Местные жители в это время совершали церемонию принесения жертвы духам деревни. Ким Кыонг помочился перед общинным домом. Несколько молодых парней, рассердившись, связали его. Чародей любезно извинился, тогда его отпустили. Он написал заклинание, свернул его и ушел. Люди в общинном доме, старые и молодые, оказались соединенными друг с другом за руки. Они стояли, прислонясь к колоннам, группами по три-пять человек, и не могли разойтись. Все в деревне удивлялись этому. Кто-то сказал:

«Один волшебник нарушил ритуал, был связан, а затем отпущен. Наверное, это его рук дело».

Послали разыскать чародея, но нигде не нашли.

Слухи о происшедшем дошли до императора.

«Это был Фап Бо Ким Кыонг», — сказал он.

Осведомились у Основоположника, тот встревожился, стал ругать Ким Кыонга, отобрал у него все заклинания, оставил только несколько — для обращений с просьбой к Будде и изгнания наваждения.

В Зянгбаке распространена школа, также называемая Ной дао. Знакомые с ее практикой могут посохом излечить больного. Но это другое учение.

⁴⁹ Авторы-редакторы Ву Куинь, Киеу Фу (XV в.).

Вторая жена господина Нгуен Киеу

Второй женой господина *хаохиена* Нгуен Киеу была Доан Тхи Дием,⁵⁰ уроженка Зянгбака. Ее брат — господин Доан Люан — лучше всех сдал провинциальные экзамены. Госпожа славилась литературными способностями, вместе со старшим братом увлекалась «кистью и тушечницей», в тайне они соперничали.

Однажды вечером сестра наряжалась. Ополаскивая в пруду руки, господин Доан сказал:

*«Ты отражаешься в зеркале,
Одна черточка превращается в две».*

Женщина тотчас ответила:

*«Любуешься у пруда луной,
Один лунный диск превращается в два^{51!}»*

Тхайтиенсинь Данг Чан Кон⁵², прослышав об ее известности и захватив стихи, нанес визит. Госпожа со смехом сказала:

«Какой-то ничтожный школяр, только начавший учиться, разве стоит того, чтобы с ним беседовали!».

Господин Данг в гневе возвратился. Он приложил все силы для совершенствования образования и впоследствии стал прославленным ученым.

Госпожа придирчиво выбирала себе мужа, несколько раз отказывала женихам. Когда брачный возраст миновал, она вышла замуж за господина *хаохиена*. На женской половине дворца супруги обходились друг с другом с почтением, которое полагалось гостям. Это считалось в то время изысканным.

Когда господин *хаохиен* умер, все его ученики перешли к госпоже и окончили её школу. Несколько десятков выпускников впоследствии прославились.

В «Продолжении рассказов об удивительном»⁵³ есть повести «Таинственная кумирня в устье реки». «Божественная женщина из Ванката», «Доблестная женщина из Анапа», все пользуются известностью.

Госпожа была привязана к племяннице, имя ее не сохранилось, она была дочерью главы провинции. Племянница выпла замуж за губернатора Шоннама. Кончина его совпала со смертью сына. По этому случаю были написаны параллельные строки:

*От этого источника получала радость,
точно знала, что у господина есть сын.
Теперь с ними беседовать можно лишь во сне,
всякий скажет, что у жены нет мужа».*

Когда госпоже исполнилось семьдесят восемь лет, она приехала в столичный район, открыла там школу.

⁵⁰ Доан Тхи Дием (1705–1748). К числу сочинений, прославивших ее, принадлежит лирическая поэма «Жена воина, ушедшего в дальний поход». Первоначально эта поэма была написана по-китайски вьетнамским поэтом Данг Чан Коном, а Доан Тхи Дием переложила ее на *ном* (вьетнамскую иероглифическую письменность). Автор «Нового собрания рассказов об удивительном».

⁵¹ Игра слов. В стихах использованы иероглифы, входящие в имена собственные — *доан* и *люан*.

⁵² Данг Чан Кон — вьетнамский поэт, умер в 1745 г.

⁵³ «Новое собрание рассказов об удивительном» имеет и другое название — «Продолжение рассказов об удивительном». Сочинение Доан Тхи Дием является продолжением «Пространных записей рассказов об удивительном» Нгуен Зы (XVI в.).

Книга вторая

Господин Тю Ван Чинь (Кинь Фу)

Господин Тю Ван Чинь⁵⁴, живший при династии Чан, имел второе имя Ван Ан, прозвание Линь Чие, еще его называли наставник Тиеу Ан. Он был родом из Куанглиета, что в Тханьчи.

Господин Тю Ван Чинь получил ученую степень *тиенши*, принимал участие в управлении Школой сынов отечества и имел в связи с этим должность *тынги-еп*. Во времена Зу-тонга (годы правления: 1341–1369 — Е. К.) подал прошение на высочайшее имя с просьбой казнить семерых. Когда этим пренебрегли, ушел в отставку и уехал. Жил отшельником в горах Тилинь, обучая учеников. Все именитые люди смотрели на него снизу вверх, как на гору или созвездие Большой Медведицы.

Тыдо Тионг тук-хау Чан Нгуен Дан⁵⁵ посвятил ему стихи, гласившие:

*Узорная шапка. Жезл Хуаня⁵⁶. В сердце уже зола⁵⁷.
Ветер и иней, разве посмеют сгубить на морозе сливу⁵⁸!
Белые облака громоздятся десятью тысячами слоев.
Горная калитка закрыта⁵⁹.
На коричневых тропах⁶⁰ много развилок, а конь мой
утомлен.
Ароматные пологи уже не изумляют, одинокий журавль ропщет⁶¹.
Как прекрасен был ход тростниковой повозки⁶²!
Он возвращал народ обратно.
Блестящий двор, алтари земли и злаков⁶³. Небо наделило их благодатью⁶⁴.
Это достижимо, если послать за учителем в захолустье, где
старая яшма.*

⁵⁴ Книга вторая

⁵⁴ Тю Ван Чинь (?–1370 г.) прославился как известный поэт, наставник, знаменит своей беспринципностью и добродетелью.

⁵⁵ Чан Нгуен Дан (1325–1390 г.) известен как поэт, математик, астроном, автор ныне утраченного сочинения «Всеобщие записи, охватывающие сто поколений».

⁵⁶ Жезл Хуаня — один из шести жезлов высших сановников периода Чжоу, упомянут в «Чжоу-ли» как ритуальный жезл на дворцовых церемониях чжоуского Хуань-вана (годы правления: 719–696 г. до н. э.), имел мечевидную форму, на церемонии держался за тупой конец, изготовлялся из целого куска нефрита. Поэтическая метафора чиновничьей бирки сановника высокого ранга при назначении на должность.

⁵⁷ В сердце уже зола — душа остыла настолько, что может беспристрастно судить о мнениях, не принимая чью-либо сторону.

⁵⁸ Перен: молодые годы не подвластны внешним невзгодам.

⁵⁹ Горная калитка закрыта — символ отшельника, ушедшего в горы.

⁶⁰ На коричневых тропах — образ из поэзии великого китайского поэта Ли Бо (701–762), символизирует столичную жизнь, трудности карьеры и сдачи экзаменов.

⁶¹ Одинокий журавль ропщет — символ даосского бессмертного, сам Лао-цзы летал на белом журавле. Одинокий журавль в конфуцианстве — намек на крупного сановника, недовольного своей судьбой и потому склонного к даосизму. Здесь, возможно, намек на собственную судьбу.

⁶² Тростниковая повозка — повозка, колеса которой увиты тростником, чтобы устранить тряску. Знак особого уважения к вызванным в столицу мудрецам. В истории наиболее известны два персонажа, удостоившиеся этой чести: луский Шэнь-гун и Мэй Чэн из Хуайиня. За обоими такую повозку послал ханьский У-ди (годы правления: 140–87 г. до н. э.).

⁶³ Алтари земли и злаков — синоним государства.

⁶⁴ Подразумевается эпоха расцвета при У-ди. Поэт намекает на то, что и в его время мог бы быть достигнут такой же расцвет, если бы к «мудрым и достойным» относились с таким же уважением, как при У-ди.

И в дальнейшем Тю Ван Чинь пользовался таким же уважением.

Рассказывают, что когда господин преподавал в Куангхоанге, его регулярно посещали два мальчика удивительной и величавой наружности. Сидели они не на общей циновке. Люди видели их выходящими из воды. Тю Ван Чинь знал, что это были водяные духи. Как раз в тот год случилась засуха. Наставник приказал им вызвать дождь, мальчики отказывались, говоря:

«Верховный Владыка запечатал реки и озера, нигде не достать ни капли».

Господин велел взять влагу в тушечнице. Мальчики сказали:

«Не смеем ослушаться приказа наставника, но это нарушает замыслы Верховного Владыки, и мы понесем жестокое наказание», — и ушли.

Тут же пошел дождь, а на землю вдруг упали два дракона с отрубленными головами. Господин поднял их и похоронил. Теперь могильные холмы в пригороде в народе называют могилами драконов.

Когда господин умер, рядом со старым фундаментом, где раньше была его школа, местные жители построили кумирню и воздавали ему почести как крупному сановнику.

В годы под девизом правления *Кань-хынг* (1740–1786 — Е. К.) господин Буи Хюи Бить, находившийся в то время у власти, выяснил, что шестнадцать его потомков изменили свою фамилию на Нгуен, все они были глупые и тупые, не отличались никакими способностями, и их отнесли поэтому к разряду простолудинов. Буи Хюи Бить приказал всем восстановить старую фамилию, а также выбрать среди них одного мальчика и дать ему образование. Впоследствии хотел представить его ко двору и пожаловать правовую защиту и наследственные должности, как поступили некогда с сунскими конфуцианцами из рода Чэн⁶⁵ и из рода Чжу⁶⁶, но случились бедствия, и замыслы не осуществились.

Господин Ле Чай

Господин Ле Чай⁶⁷, живший при прошлой династии, имел псевдоним Наставник Ык Чай, происходил из рода Нгуенов. Отец его — *тыкхань* Фи Кхань, родом из Фыонгнона, в молодости увлекался геомантией. Он решил испытать это искусство на собственном опыте, перенес могилы предков в Никхе, что в Тхиенфуке и поселился там.

Господин Ле Чай при династии Хо (1400–1407 — Е. К.) сдал экзамены на степень *тиенши*, и занимал должность *тяньтионг* в Палате инспекторов.

Династия Хо погибла. Следуя за господином *тыкханем*, Ле Чай скрылся в Коншоне. Есть строка:

*Ночью путешествую, ориентируясь по Тельцу и Ковшу,
Издали смотрю на срединную равнину.*

Сердце Ле Чай было полно скорби, это отражалось в его стихах.

⁶⁵ Сунские философы Чэн И (1033–1107) и Чэн Хао (1032–1085), чье учение о *ли*, идеальном духовном начале, и *ци*, материальном начале мира, оказало большое влияние на философию Чжу Си (1130–1200), главу сунских неоконфуцианцев.

⁶⁶ Имеется в виду Чжу Си.

⁶⁷ Ле Чай (Нгуен Чай — 1380–1442) — известный поэт, военачальник, государственный деятель.

В те времена торговец маслом Чан Нгуен Хан, родом из Хоакса, что в Шон-тэе, как-то вечером задержался в Тхюихьонг и остался ночевать в храме *Хи-кханг дай-вьонга* Ли Онг Чонга⁶⁸. Ночью он услышал, как дух из соседнего уезда приглашает *вьонга* отправиться вместе ко двору Верховного Владыки. *Вьонг* отказался, сославшись на то, что *куок-конг* нашел у него пристанище.

С петушиным криком дух вернулся с аудиенции. *Вьонг* поинтересовался, какое дело обсуждалось, и есть ли какие-нибудь указания.

Дух ответил:

«Верховный Владыка считает, что в стране Юга нет хозяина. Он повелевает Ле Лою стать государем, а Ле Чаю — министром».

Когда Чан проснулся, он разыскал господина Ле Чаю и поведал об услышанном. Господин отправился более подробно разузнать об этом деле.

Явившийся ему во сне *вьонг* сказал:

«Не осмеливаюсь разглашать тайны небесного двора. Старшая сестра небожительница вам все как следует объяснит, ведь из-за женских речей Верховный Владыка не будет сердиться. Почему бы вам не поднести ей в подарок золота?»

Господин последовал совету, посетил храм принцессы-небожительницы. Во сне она обратилась к нему:

«Ле Чай! Ле Лой станет правителем, а вы — министром, разве еще не знаете этого?»

На более подробные расспросы отвечала:

«Ле Лой родом из Ламшона, что в Тханьхоа».

Господин вместе с Чаном отправились его разыскивать, повстречали Основателя династии в то время, когда тот в короткой простой одежде, неся на плече мотыгу, гнал рыжих быков с поля. Они остановились у него на два дня.

Как раз подошло время поминок, закололи свинью, подготовили стол для пиршества. Зайдя на кухню, чтобы помочь в стряпне, Ле Чай увидел там Основателя династии, который, орудуя ножом, разделывал тушу, отправляя при этом кусочки мяса себе в рот. Тайком господин сказал Чану:

«Принцесса меня обманула».

Отправился к небожительнице и потребовал золото обратно. Принцесса отвечала:

«Ле Лой станет правителем. Уже подготовлен приказ, только небесная звезда еще не появилась. Почему бы не подождать этого!»

Тогда же Основатель династии получил сочинения по военному искусству и чудесный меч. Ночью, затворив дверь, читал книги. Господин спрятался и подсматривал за ним, затем, толкнув дверь, вошел в сопровождении Чана. Держа меч, Основатель династии бросился вперед. Оба пали ниц на землю и промолвили:

«Мы с таким трудом добрались сюда только ради того, чтобы *Минь-конг* стал хозяином Поднебесной».

Основатель династии рассмеялся и оставил их у себя.

⁶⁸ Ли Онг Чонг — III в. до н. э. Согласно легенде, Ан Зьонг-*вьонг* (годы правления: 257–208 гг. до н. э.) направил своего сподвижника, отличавшегося богатырским ростом, по имени Ли Онг Чонг послом ко двору китайского императора Цинь Шихуана (годы правления: 246–209 гг. до н. э.), а тот назначил его командующим войсками, которые под его руководством разгромили армию сунну (гуннов) в Линьтао (пров. Ганьсу).

Когда обдумывали планы, как поднять войска, господин сказал:
«Еще рано».

Построили школу, обучали детей. Часто изготовляли маленькие барабанчики, варили сгущенный мед, лепили фигурки петухов, собак и отдавали все ученикам, поэтому другие ребяташки наперебой просили своих отцов отдать их в эту школу. Кроме того, на листьях деревьев, растущих в горах, делали жиром надписи, гласившие:

«Ле Лой станет правителем, Ле Чай — министром».

Насекомые проедали листья насквозь, получались дырки в виде иероглифов. Дровосеки, видевшие надписи, считали, что это сделали духи.

Примкнувших к ним с каждым днем становилось все больше. В год *мау-туат* (1418 — Е. К.) подняли войска. Всего было более двадцати сражений, и господин Ле Чай постоянно состоял в верховном командовании.

В год *бинь-нго* (1426 — Е. К.) произошла битва в Тотдонге, это была большая военная победа, продвинулись до подступов к Донгдо. Минский Чэншань-хоу Ван Тун, защищаясь, удерживал крепость. В год *динь-муй* (1427 — Е. К.) Мины послали на помощь Аньюань-хоу Лю Шэня и Цяньго-гуна Му Цина, двигавшихся разными путями параллельно друг другу. Император дал сражение в горах Маиен, казнил Лю Шэня, захватил в плен Хуан Фу, Цуй Цзюя, всего более трехсот человек. Му Цин ночью бежал. Ван Тун открыл ворота крепости и сдался. Его отпустили, и он вернулся на север.

С тех пор установился мир. Многие выступления, указы — все были составлены господином. Написанное в один из годов под девизом правления *Тхиеу-бинь* (1434—1439 — Е. К.) благодарственное обращение по случаю вступления в новую должность гласит:

*В дверях правительственного учреждения предлагаю план.
Наблюдая за великими свершениями,
Полжизни познаю, что такое преданность, верность долгу.
Пасть тигра, страждущее тело.
Разрешились мирные переговоры.
Прекратились тысяча столкновений между двумя государствами.*

Слова полностью соответствуют истине. За заслуги господину пожаловали родовую фамилию правящей династии, он занимал должности *виньлок дай-фу*, *няп-ной ханькхийем*, *читам куанши*. Чана впоследствии наградили титулом *куок-конг*, а после смерти возвели в ранг доброго духа, кумирня его и сейчас находится в Хоакса.

Произведения господина содержат жизненную силу. В годы под девизом правления *Тхуан-тхиен* (1428—1433 — Е. К.) написаны «Великое воззвание по случаю умиротворения китайцев» и текст стелы в Виньланге, что в Ламкине. Сочинения включены в «Истинные записи», здесь не хочу повторяться.

В один из годов под девизом правления *Тхиеу-бинь* Основатель пожаловал госпожу Тиеу Нги титулом *Хоангтхай фи*. Указ гласил:

Я, император, полагаю, что по отношению к родственникам должны проявляться уважение и сдержанность, а по отношению к умершим — сыновья почтительность.

*Трудное дело воспитания Великого императора
И благотворные старания женской половины
Должны быть отмечены при дворе великим званием,
Чтобы поддержать чистую душу в царстве тьмы и тишины.*

Госпожа,
 Придерживаясь прекрасных нравственных образцов поведения,
 Служила прежней династии.
 Когда же земля и небо пришли в беспорядок,
 То она неизменно занималась расчесыванием ветра и поливанием дождя.
 Держа совок и метелку, она никогда не забывала о подметании и опрыскивании.
 Ставя заплатки на одежду, она всеми силами стремилась уменьшить нужду.
 Когда человек всем сердцем предан служению,
 То тысяча лет не сможет нанести вреда его репутации.
 Когда между горами Маниань и Даниань скопились облака⁶⁹,
 Когда на реке Цзюйшуй поднималась песчаная буря⁷⁰,
 То с ней можно было переносить трудности.
 Когда у реки Хуто поднесли пшеничной каши⁷¹,
 А у беседки Улоутин достали бобовой каши⁷²,
 То мы с ней часто помогали друг другу утолить голод и жажду.
 И хотя она достигла состояния покоя старой черепахи,
 Она сохранила такое же чувство предосторожности как в петушином крике.
 Увы! К несчастью, императрица-мать скончалась.
 И вот я, один, ищу по-прежнему ее поддержки.
 Глубоко в душе, опираясь на ее заботливую милость,
 Я, император, осмелился воздать ей посмертные почести.
 Итак, изучив во всей полноте систему заупокойного ритуала,
 Я понял, что следует присвоить Великой госпоже новый титул,
 Чтобы прославить ее подвиг воспитания и помощи,
 Чтобы полностью исчерпать ритуал оплакивания славы умершего.
 Увы! Парадное облачение излучает сияние,
 Вне зависимости от того, жив человек или умер,
 Грива коня⁷³, пробивающийся источник,
 Эти прекрасные украшения погребения светятся во тьме.

Когда госпожу Тиеу Нги пожаловали титулом *Чиньи нгуен фи*, указ гласил: Я, император, полагаю следующее: когда совершенномудрый устанавливает правила поведения, то он учитывает, что в пути-дао нет ничего более важного, чем по-родственному относиться к близким.

Когда двор распространяет милости,
 То наиболее щедрые из них он раздает с учетом принципа дорожить знатными.
 Надлежит обнародовать этот императорский указ,
 Чтобы наградить тех, кто находится в темном царстве.
 Госпожа отличалась
 Чистотой и осторожностью, мягкостью и весельем,
 Прямотой и честностью, покоем и цельностью.
 В тот период, когда Небо и Земля еще окончательно не установились,
 Она проявляла старание и бережливость, заведя дворцовой утварью.
 Когда было трудно с вареным рисом в горах Линьшона,
 Она старалась добыть своему господину продовольствие,
 Когда обнаруживались прорехи на одежде,
 Она всегда стремилась заштопать их.

⁶⁹ В этом месте скрывался от врагов будущий основатель династии Хань — Гао-цзу (256–195 гг. до н. э.).

⁷⁰ Гао-цзу был окружен врагами возле реки Цзюйшуй, и благодаря песчаной буре сумел ускользнуть.

⁷¹ Имеется в виду будущий основатель династии Поздняя Хань Гуаньбу (Лю Сю; 6 г. до н. э. — 57 г. н. э.), река Хуто находится в провинция Шаньси-Хэбэй.

⁷² Также намек на Гуаньбу.

⁷³ Грива коня — узор, украшающий верхнюю часть усыпальницы.

*Постоянно помня о заслугах помощи правителю в прежнее царствование,
Разве я могу забыть о заботах и помощи мне, молодому императору?
Когда же во всем крае свершилось великое установление,
Госпожа умерла.
И вот, я, император, захотел выразить свою высшую сыновью почтительность
И осмелился последовать правилу воздаяния славы усопшей,
Поэтому я присвоил ей титул Подлинной третьей госпожи,
Чтобы тем самым прославить ее исключительную самоотверженность.
Увы! Рождение и кормление хотя и различны, но они едины безграничностью своего
милосердия.
Не делая разницы между жизнью и смертью, я, император, надеюсь на вечную, молча-
ливую помощь усопшей.*

Оба произведения приятно декламировать.

Нередко из-за случайностей господин попадал в тюрьму, но добивался амнистии и его освобождали. Много раз получал повышения по службе, занимал должность *тазьянги дайфу*, совмещая ее с постом *ханлам тхыати хокши*, имел титул *Теван-хау*.

Ле Чай отличался спокойным характером, мечтал удалиться от мира. В его стихах, посвященных другу, сказано:

*Пустая слава не занимает меня, Яньгэ⁷⁴ далеко.
В мечтах предо мной цветы, птицы, привычные горы.*

Господин имел загородный дом в Киньбаке, называемый Тиеувиен. В конце годов под девизом правления *Тхиеу-бинь* ожидал там повеления, к каким делам следует приступить.

В то время император Тхай-тонг объезжал с осмотром Север, остановился в Тиеувиене и в ту же ночь преставился. В его смерти обвинили жену Ле Чая по имени Нгуен Тхи Ло. Из-за этого господин попал в беду, его казнили вместе со всей семьей, не разбирая старых и малых.

Некогда в бою при Маиен взяли в плен минского *шаншу* Хуан Фу. Он был сведущ в геомантии, пока находился в нашей стране, ознакомился с расположением местностей и записал сведения об этом.

Ле Чай обходился с ним как с пленником без должных церемоний, на что господин Хуан, улыбаясь, заметил:

«Могилам моих предков покровительствует милосердная, утонченная звезда, и неприятности мои продолжатся всего лишь сто дней. Другая судьба ждет вашу семью, она погибнет».

Ле Чай тогда не поверил. Впоследствии Хуана освободили, он вернулся на родину, а господина из-за жены постигло несчастье. Люди сочли, что предсказание сбылось.

Сейчас, рассматривая захороненные в Никхе среди ровного поля могилы предков Ле Чая, одни усматривают в них облик полководца с развернутым знаменем, другие считают, что рельеф местности указывает на генерала с отрубленной головой. В местечке Муй есть гора в форме черепахи. Ее хвост развернут в противоположную сторону. В записях о рельефе земли, составленных *шаншу* Хуаном, сказано: «Жилы в Никхе коротки, несчастья следуют за казнями и убийствами». Указывается именно на это.

⁷⁴ Высокая башня, построенная по приказу танского Тай-цзуна (годы правления: 627–649), где был зал для прославления достойных сановников. В переносном значении — слава.

Рассказывают, что когда Ле Чай еще не попал в беду, он открыл школу в Никхе. Однажды господин указал на холмик, находившийся за пределами деревни, и сказал своим последователям:

«Сравняйте его завтра с землей, чтобы можно было выстроить там дом». Ученики согласились.

Ночью Ле Чай увидел во сне женщину, промолвившую:

«Тело у меня слабое, дети маленькие, подождите три дня, и я переселюсь, хорошо?»

Проснувшись, господин поспешил к холмику, но ученики уже закончили работу. Увидев у них два яйца, Ле Чай поинтересовался, откуда они взялись. Последователи отвечали:

«Только что заметили змею, хотели поймать ее, но лишь оторвали хвост».

Господин спрятал в рукав змеиные яйца и вернулся, решив позаботиться о них.

В ту же ночь, читая при свече, заметил белую змейку-мать. Она ползла по балке, кровь капнула на книгу на месте иероглифа «жизнь» и промочила три следующих страницы. Ле Чай внезапно догадался:

«Месть распространится на три следующих поколения».

Впоследствии змееныши вылупились из яиц, один был длинный, другой короткий. Господин приказал выпустить их в реку Толить, протекавшую поблизости. Они стали духами этой реки.

В те времена, когда Ле Чай уже выдвинулся, часто, возвращаясь после аудиенции, останавливался в торговых рядах Хангтиеу. Он повстречал там очень изящную женщину, перекинулся с ней рифмованными шутками и, придя в восторг, взял ее к себе.

В годы под девизом правления *Тхьеу-бинь* женщина часто заходила в дворцовый гарем. Тхай-тонг приказал присвоить ей титул *ныхокши*. Когда государь скончался, допросили и ее. Дама заявила:

«Несчастье произошло по наущению Ле Чая».

Поэтому господина осудили. После того, как казнь свершилась, женщина превратилась в змею, доползла до воды и пропала.

Одна из наложниц господина убежала в Шоннам и укрылась там. У нее родился сын от Ле Чая, его называли Ань Во. Лишь спустя долгое время государь узнал, где нашла пристанище наложница Ле Чая. В годы под девизом правления *Куанг-тхуан* (1460–1469 — Е. К.) Тхань-тонг (годы правления: 1460–1497 — Е. К.) унаследовал трон и высказал сожаления, что господина несправедливо обидели.

Желая смыть позор, он издал указ и посмертно присвоил Ле Чаю должность *тхайши* и титул *Тхе-куокконг*. Расспросив о потомках, государь повелел разыскать его сына и приблизить ко двору. Когда мальчик вырос, возвысил его, сделал главой провинции.

Отправившись с посольством в Китай, сын Ле Чая остановился на озере Дунтин. На поверхности воды появилась змея, поднялся сильный ветер, озеро взволновалось. Господин просил позволения закончить государственные дела. Буря прекратилась. На обратном пути, после аудиенции, достиг озера Дунтин, лодка перевернулась и он утонул. Посмертно ему дополнительно пожаловали должность *тхайши* и титул *Сунг-куокконг*.

В годы под девизом правления *Кань-хынг* при дворе упорядочивали записи о знатности и заслугах родов гражданских чиновников. Обсуждали вопрос о

том, как сократить милости, пожалованные деятелям, отличившимся при основании государства. Когда рассматривали указ, касающийся Ле Чая, заместитель министра финансов, почетный лауреат *бангнян* господин Ле Куи Дон⁷⁵ разорвал его на мелкие куски и сказал:

«Это сановник — смутьян! Какая может быть грамота о пожаловании титула!» Не успел договорить, как упал и заснул. Ле Куи Дону привиделись два воина, которые подхватили его и доставили в некое место. Вокруг были стены, росли вековые деревья толщиной в десять обхватов. Крышу дворца украшало десять драконьих рогов. Справа на галерее на плетеной лежанке сидел гражданский чиновник в головной повязке и парадном платье со знаками различия. Вокруг него стояло множество людей. Стражники ввели господина *бангняна*, поставили на колени перед лестницей, ведущей наверх. С лежанки послышался строгий голос:

«Я — *Теван-хау*! Как осмелились вы, новичок в науках, начинающий школяр опрометчиво отвергнуть человека, имевшего заслуги при прошлых государях? Это преступление заслуживает смерти, о помиловании не может быть и речи».

Господин *бангнян*, задыхаясь от страха, не смел посмотреть наверх. Стоявший рядом чиновник в светлом тюрбане и синей праздничной одежде вступился за него и настойчиво просил пощадить. Прошло много времени, Ле Чай смягчился и сказал:

«По сравнению с моей известностью и заслугами ваши дела ничего не стоят, только все время кичитесь, что преуспели на дворцовых экзаменах. Обратитесь к «Великому воззванию по случаю умиротворения китайцев». Если можно превзойти это сочинение, указ стоит того, чтобы его разорвали».

Господин *бангнян* очнулся, поспешно восстановил старый указ. Все милости заслуженным государственным деятелям были сохранены в прежнем объеме.

Увы! При таких славных деяниях Ле Чай не сумел сохранить себя, потому что почти полностью оказались уничтожены. Соломенная собака, глиняный дракон⁷⁶ — с древности до наших дней одни и те же сетования. Как жаль!

Господин Буи Кам Хо

Господин Буи Кам Хо, уроженец Долиеу, что в Тхиенлоке, обладал обширными познаниями и имел талант управлять государственными делами.

В то время, когда он заехал в столицу поразвлечься, там жил некий торговец, издавек вернувшийся домой. Его супруга приготовила похлебку из желтого земляного червя, муж поел и тут же умер. Жена спутала земляного червя со змеей, яд которой смертелен для людей. Официальные инстанции признали женщину виновной. Господин, зная, что обвинение несправедливо, изо всех сил старался разьяснить ошибку. Дело удалось успешно уладить, а Буи Кам Хо приняли на службу придворным чиновником. Сановники видели, что господин добился успеха, не сдавав экзаменов, поэтому многие не подчинялись ему.

⁷⁵ Ле Куи Дон (1726–1784) — выдающийся ученый, писатель, сановник.

⁷⁶ Соломенная собака, глиняный дракон — утварь, используемая при жертвоприношениях, по окончании которых ее выбрасывали. Обр.: бесполезная, ненужная вещь.

Наступило время поминок в Храме предков императора, церемония должна была проводиться утром. По старинным правилам сто чиновников должны в полночь собраться на террасе храма. Но господин был единственным, кто, начиная с часа *зау* дежурил ночью. Дул сильный ветер, лил дождь. Когда внезапно прибыл высочайший выезд, из ста чиновников ни одного не оказалось на месте. Император считал, что большую церемонию проводить нельзя, приказал господину сделать все необходимое. В одиночестве Буи Кам Хо обошел вокруг жертвенного стола с жертвенными сосудами, все соответствовало пунктам ритуала.

В это время чиновники ведомства ритуалов решили поставить господина в затруднительное положение. Они подожгли алойное дерево в золотой курительнице, не подложив снизу пепла. Однако Буи Кам Хо вынул из рукава влажный платок, почтительно подал императору, предупредив, что курительница горячая, и попросил им воспользоваться. Сам же попятился назад, не потеряв лица.

Когда он зачитывал моление, в зале внезапно погас светильник. Буи Кам Хо в темноте оглашал все полностью, не ошибаясь ни в одном иероглифе. Когда огонь зажгли, господин уже дочитал моление до конца. Император высоко оценил его способности.

В один из годов под девизом правления *Тхай-хоа* (1443–1453 — Е. К.) стал заместителем главы Палаты инспекторов, управлял районом Лангшон, ему пожаловали также должность *тханьчи тиньши*.

Возле деревни Буи Кам Хо, находившейся на побережье, высились горы. Жителям много горя приходилось терпеть от засухи и наводнений. Господин отправился к подножию гор Хонглинь и, сложив камни, сделал плотину. Взяв за образец древние оросительные каналы, Буи Кам Хо провел воды горного потока окольным путем на поля. После строительства канала вода орошала земли размером в тысячу с лишним *кхоаней*, все это принесло большую пользу крестьянам.

Когда Буи Кам Хо умер, люди построили в честь него храм у подножия горы Батьти, возвели в ранг доброго духа.

В конце периода *Кань-хынг* начались беспорядки. Одна только эта местность была спокойной, потому что не представляла интереса для пехоты и конницы.

Стихи души умершего (Кинь Фу)

Пагода Нгуэтзыонг находится рядом с деревней Хоазыонг — крупным торговым центром. Здесь, осматривая местность, бродил некий ученый. Он увидел на стене пагоды стихи, гласившие:

*Уже несколько лет никто не заходил в ворота пагоды Нгуэтзыонг,
В храме вздохи смешаны со слезами.
Старая трава у могилы, сожаления жены и младшей сестры,
В заброшенном холме похоронены три души.*

Стихи были очень печальные, ученый решил, что они написаны душой умершего.

Господин Фам Нгу Лао (Тунг Ниен)

Господин Фам Нгу Лао⁷⁷, уроженец Фуунга, что в Дыонгхао, происходил из семьи земледельцев. Внешность у него была величественная, имел способности к гражданским и военным делам.

Дом Фам Нгу Лао находился поблизости от казенного тракта, и он часто сидел, скрестив ноги у обочины дороги, обстругивая бамбуковые палочки.

Однажды Чан Хынг Дао-*выонг*⁷⁸ следовал из Ванкиепа в столицу, и едущие впереди воины из верхового эскорта закричали на Фам Нгу Лао. Он не сдвинулся с места. Тогда длинной боевой секирой проткнули ему бедро, но господин продолжал сидеть, как и раньше. Подъехал экипаж, и *выонг*, удивившись, спросил у Фам Нгу Лао, в чем дело. Тот с почтением сказал:

«Я кое-что обдумываю, нет времени ни на что обращать внимание».

Выонг изумился и решил выяснить, как он образован. На все вопросы, касающиеся канонических книг и военного искусства, Фам Нгу Лао свободно отвечал. Чан Хынг Дао приказал извлечь лезвие, смазать рану лекарством и перевязать. Он поместил господина в задней повозке, впоследствии представил ко двору.

Фам Нгу Лао был назначен начальником дворцовой охраны, но стражники не хотели ему подчиняться. Они предложили ему померяться силами, и господин милостиво согласился. Перед состязаниями Фам Нгу Лао решил отдохнуть дома три месяца.

Вернувшись в деревню, он каждый день подходил к большому холму, останавливался на некотором расстоянии, затем прыгал на него. Холм уменьшился наполовину. Когда время отдыха кончилось, господин отправился в запретный город, собрал стражников для состязания. Фам Нгу Лао бил кулаком, наносил удары ногами, двигался быстро, как будто летал. Тысяча мужей не смогли бы отразить такой натиск, и все признали его превосходство.

Вождь Айлао, ведя с собой более десяти тысяч ручных слонов, отправился грабить районы Хоан и Зием. Он подавлял любое сопротивление, нанося поражение пешим и конным войскам. Фам Нгу Лао получил приказание покарать вождя.

Господин повелел вдоль всей границы нарезать бамбуковые побеги длиной в пять-шесть *тхьюков* и сложить их в кучи. Затем он дал команду войскам отступить, а сам, в одиночку, пробрался в расположение неприятеля и ростками бамбука принялся бить слонов по ногам. Слоны громко затрубили и в беспорядке разбежались. Войска Айлао ночью отступили.

Хынг Дао-*выонг* дважды сражался с варварами, и Фам Нгу Лао оказал ему большую помощь.

Господину многократно жаловали должности, в том числе начальника дворцовой стражи. После смерти его возвели в ранг доброго духа, построили кумирню недалеко от его старого дома.

Некогда Фам Нгу Лао написал стихи, гласившие:

*Наперевес боевая секира среди гор и рек, вот уже несколько лет
В трех армиях — барсы и тигры, готовые проглотить быка.*

⁷⁷ Фам Нгу Лао (1255–1320) — талантливый полководец, самый тяжелый удар пехоте Тог-хана (нашествие монголов) был нанесен войсками под его командованием у вьетнамско-китайской границы.

⁷⁸ Чан Хынг Дао (?–1300) — великий вьетнамский полководец, победитель монголов.

*Мужчина, еще не ставший собой, ходит в должниках у славы.
Стыдно становиться, когда он слышит рассказы об У-хоу⁷⁹.*

Основным в жизни Фам Нгу Лао всегда была твердость, и сейчас, читая стихи, можно в этом убедиться.

Недавно господин Фам Куи Тхить из соседней деревни написал для кумирни стихи. Вот некоторые строки:

*Дела трех династий записаны в анналах,
Навечно родина держит поперек длинную боевую секиру.*

А также:

*Я тоже хочу проглотить быка.
С грустью декламирую поэтическое наследие, но гармонии
не достигаю.*

Стихи отражали его чувства.

Столичные экзамены (Тунг Ниен)

Начиная с эпохи *Чунг-хынг*, всякий раз, когда происходили столичные экзамены, к началу пятой стражи первый экзаменационный зал бывал уже торжественно убран, снаружи тоже все приводилось в порядок. Сумерки рассеивались, и императорская стража прекращала движение на улицах. Император прибывал во дворец Зянгтхы. Глава правительства подходил к трону, докладывал. Император вставал, повелевал прекратить поклоны и садиться. Сто чиновников, одетых в парадные платья с поясами, в тюрбанах занимали свои места. Сановники из свиты намечали тему экзаменационного сочинения и подносили ее императору. После этого чиновник *кхамсай* выходил из ворот. В паланкине под зонтом он появлялся в экзаменационном зале и оглашал тему.

Около полудня императорский кортеж возвращался во дворец. Во втором, третьем и четвертом экзаменационных залах императора заменял глава правительства. Приближенные чиновники в синих праздничных одеждах, в шляпах с шариками и в туфлях с плетеными шелковыми шнурами выступали шеренгой и, выполняя ритуал четырех поклонов, подносили тему. Затем, повинуясь приказу, чиновник *кхамсай* выходил, и все происходило, как в первом экзаменационном зале. На протяжении ряда династий придерживались этого заведенного порядка.

Когда наступили столичные экзамены в год *ат-муй* под девизом правления *Кань-хынг* (1775 — Е. К.) дворец Зянгтхы посетил Тхань-то Тхинь-вьонг (годы правления: 1767–1782 — Е. К.). Он сообщил указ, повелевающий собраться ста чиновникам в шляпах и одеждах для придворных аудиенций, как если бы сам император наблюдал за проведением экзаменов. Первый министр господин Нгуен Ба Лан в повседневной одежде совершил церемонию четырех поклонов и стал превозносить предшествовавших мудрых правителей, которые почитали, поддерживали установившийся ритуал более двухсот лет. Сейчас же церемония нарушена, все пришли в смятение. Наставник наследного принца — господин Нгуен Хоан, не зная, как спасти положение, просил отрубить ему голову, дабы

⁷⁹ У-хоу — имеется в виду Чжугэ Лян — знаменитый китайский полководец эпохи Троецарствия (III в.).

признать свою вину перед Поднебесной. *Вьонг*, недовольный происходящим, вернулся во дворец.

Накануне некий студент вышел после экзамена и задремал, забывшись возле дворца. Ночью услышал, как во дворце сказали:

«Три основы разрушились⁸⁰, как же может династия Ле долго существовать!»

Студент поискал, кто бы мог произнести эти слова, но во дворце никого не было. Он понял, в чем дело, и вернулся к себе. Только после того, как треножники опрокинулись, студент рассказал об этом случае.

Могила матери Дао Кхана (Тунг Ниен)

Среди геомантов пользовалась известностью благоприятно расположенная местность, своим рельефом напоминавшая лежащего быка. Она находилась в Киньбаке, в деревне Дангыу уезда Ванзянг. В сочинении «Тиски земли» Гао-вана⁸¹ сказано: «Увидишь лиану, остановись, встретишь траву, выдерни». Имеется в виду именно это.

При прошлой династии некий крупный род выбрал по гаданию место для захоронения. Вырыли могилу и наткнулись на гроб. На наружном саркофаге, блестящем и покрытом красным суриком, была вырезана надпись: «Мать Дао Кхана».

Происшествие дошло до главы правительства, послали чиновника разузнать подробности, затем гроб снова зарыли. Что же касается самой могилы, рассказывают, когда Дао Кхан носил траур по матери, к нему с соблезнованиями пришел гость и показал холмик в форме лежащего быка, посоветовав выбрать для могилы именно это место. Случай приведен в исторических записках династии Цзинь (265—420 — Е. К.), такого свидетельства достаточно для доказательства. Еще не слышал, чтобы делали могилу в земляном холмике, имеющем форму лежащего быка. К тому же невиданное дело, чтобы надпись на могиле матери связывалась с именем сына. Записал здесь, дожидаясь знающих людей.

Недавно воды реки Ынгмо в Виньлае размыли берег, и обнаружился лаковый саркофаг, покрытый красным суриком и позолотой. Надпись на нем гласила: «Наложница генерала Фу Бо»⁸². В одной из деревень Шоннама произошел такой же случай, поэтому присоединяю эти сведения.

Древняя кумирня у ворот Донгхоа

Город Донгдо Тханглонг начал возводиться при Ли Тхай-то. В то время вышел строгий приказ, обязывавший всех студентов государственных училищ участвовать в земляных работах. Студент Фам Кхой Чьонг по слабости здоровья не смог вынести тяжелой физической работы. Он потерял сознание, упал слева от ворот Донгхоа, и был засыпан землей. Через месяц из родной деревни

⁸⁰ Три основы: отношения государя и подданных, отца и сына, мужа и жены.

⁸¹ Имеется в виду Гао Пянь, китайский генерал, управлявший в IX в. Северным Вьетнамом, знаток геомантии.

⁸² Фу Бо — китайский военачальник, участвовавший в подавлении восстания сестер Чынг (39—42).

приехала его жена. Повернувшись к городской стене, женщина плакала три дня не переставая. Стена вдруг обвалилась, и люди увидели Фама, выглядел он как при жизни. Все очень удивились. О случившемся узнали при дворе, приказали построить на том месте кумирню Донгмон. Мои современники ошибаются, считая, что она находится в крепости Ланг, это не так.

Статуя Зя Лама⁸³ из заброшенной пагоды (Тунг Ниен)

В год *мау-нго* (1798 — Е. К.) в конце лета муж и жена из Кимнгыу уезда Ван-зянг носили солому на поле, чтобы удобрить батат. Солнце клонилось к закату. Вдруг из заброшенной пагоды вышел великан ростом более *чюнга* с лицом, красным словно багряница. Он схватил женщину и втащил ее в пагоду. Муж с криком помчался к деревне. Когда он добежал до окраины, там уже собралось много народа, и все вместе они отправились в пагоду. Подойдя к кумирне, люди увидели женщину — она стояла справа перед залом, опираясь на колонну, словно пьяная. Здесь же высилась статуя Зя Лама, который при виде толпы внезапно переменялся в лице. В правой руке он все еще держал женский платок. Жители, подивившись, тотчас опрокинули изваяние и разбили его вдребезги.

Стела на горе Тханьнам, выбитая на отшлифованной скале (Кинь Фу)

Крепость Тханьнам в Тьонгзыонге, что в Чалан провинции Нгеан, стали возводить при династии Чан. Она располагалась к югу от большой реки, поэтому ее и называли Тханьнам — Южная крепость. Из крепости можно увидеть гору Тханьнам.

Некогда Чан Минь-тонг (годы правления: 1314–1329 — Е. К.) лично руководил военными действиями против Айлао. На обратном пути, достигнув *тяу* Киема, император повелел господину Нгуен Чунг Нгану именно в этом месте отшлифовать скалу и сделать на ней запись о заслугах.

При династии Ле в годы под девизом правления *Кань-хынг* (1740–1786 — Е. К.) жители народностей *мыонг* и *тхай*, объединившись с жителями народности *лаха*, нанесли поражение Айлао, вынудив противника отступить до Чанниня. Гражданский губернатор провинции, господин Буи Хюи Бить,⁸⁴ принял к исполнению приказ отправиться управлять делами на границе. Остановив экипаж в Тьонгзыонге, он несколько раз забирался на гору, чтобы как следует рассмотреть стелу. Иероглифы были вырезаны большие, величиной с ладонь, врезаны в камень на глубину до одного *тхона*. Господин Буи Хуи Бить с помощью концентрированной туши сделал оттиски. Сейчас список с текста стелы выглядит следующим образом:

⁸³ Зя Лам — один из буддийских духов-охранителей.

⁸⁴ Буи Хюи Бить (1744–1818) — ученый и поэт, ученик Ле Куи Дона, составитель антологии «Собрание стихов и прозы минувших (лет) Вьета» (1787).

«Пятый император династии Чан⁸⁵, властитель Вьета — Тьыонг Нгиеу Ван Чьет Тхай Тхыонг, любимый Небом, господствовал над обширными землями, не было никого, кто бы не стал его вассалом. Только маленькое государство Айлао все еще упорно сопротивлялось. В год *ат-хой* (1335 — Е. К.), осенью, император самолично возглавил две армии и приблизился к западным окраинам. Наследный принц государства Тиемтхань, вассалы из стран Тянлап, Тиемла, вожди варваров по имени Са Лак и Куи Кам, только что присоединенный вождь Лам Бон, варвар Са, все они подчинились и поднесли в качестве даров местные продукты, соперничая друг с другом из-за императорской аудиенции. Только Бонг Фунг, боясь наказания за совершенные преступления, не явился. В конце зимы император остановился в *тяу* Мат на равнине Кыдок. Он приказал всем военачальникам вместе с варварами-*ман*, варварами-*и* нанести удар и вторгнуться во владения Бонг Фунга. Бонг Фунг бежал куда глаза глядят, и тогда, подчиняясь императорскому указу, войска вернулись.

Вырезано на камне в седьмой год под девизом правления *Кхай-хыу*, зимой года *ат-хой*, в двенадцатый день последнего месяца».

Почтенный предок — первый министр (Кинь Фу)

Мой предок в восьмом колене, занимавший пост первого министра, имел посмертное имя Чунг Тхуан, был уроженцем Вандиема, что в Донгнгане.

Один из его предков, посмертное имя Бон, занимал должность *тхайбао*, удостоился титула *Зуенфук-хау*. Когда он был ребенком, некий чиновник из их деревни пригласил геоманта, тот осмотрел землю и выбрал благоприятное место для могилы. Мальчик, работавший в поле в это время, увидел их и запомнил, что они говорят. Впоследствии чиновник совершил захоронение совсем не там, а *хау*, когда вырос, перенес в указанное место могилы предков.

В детстве мой предок отличался прилежностью в учении. В то время в деревне Онгмак того же уезда жил первый министр господин Дам, которому принадлежало феодальное владение Вандием. Он часто бывал здесь и, понимая, какое будущее ждет мальчика, велел деревенскому старосте освободить его от трудовой повинности, предоставляя время для совершенствования образования. Через некоторое время, пройдя курс обучения, юноша вернулся домой и стал опять работать вместе с другими жителями деревни. Господин Дам заметил его и произнес первую строчку параллельной фразы:

«В восемнадцать лет достаточно сил, чтобы переносить землю».

Молодой человек сразу же ответил:

«Летящий дракон находится в небе»⁸⁶.

⁸⁵ Пятый император династии Чан — Чан Минь-тонг.

⁸⁶ «Летящий дракон находится в небе» («Благоприятно свидание с великим человеком!») — фраза целиком взята из «Ицзина» («Книги перемен»): «Сильная черта на пятом месте. Только на пятой позиции творческий процесс выступает в своей полной силе. Он до конца проявился вовне, и, имея в себе достаточную мощь, не нуждается ни в какой поддержке. Он, как полный сил дракон, летит в небе. С такой высоты творящий человек легко может заметить великого человека, где бы тот ни находился. Но и сам он является великим человеком, настолько развернувшим свою деятельность, что его не трудно увидеть кому угодно» (*Шуцки* Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». — М., 1960. — С. 200).

Господин Дам похвалил его:

«Будущее за этим парнем, где уж мне с ним тягаться». Затем он вошел во внутренние покои, обсудил дело о бракосочетании и выдал внучку за него замуж. Впоследствии эта женщина получила титул *Куанфу-нян*. Мой предок в седьмом колене *тхайфо* Кунг И-конг и был их сыном.

В год *ат-муй*, в восемнадцатом году под девизом правления *Куанг-хынг* (1595 — Е. К.) прошлой династии при императоре Тхе-тонге (годы правления: 1573–1600 — Е. К.) состоялись первые экзамены в эпоху *Чунг-хынг*. Предок стал лауреатом второй степени на дворцовых экзаменах, продвинулся по службе, занимал должности *танчи зыкван конгтхан*, *хобо тхыонгтхы*, *тхайфо*, имел титулы *куок-лао*, *Лан-куанконг*. Когда умер, пожаловали почетное звание первого министра, посмертное имя — Чунг Тхуан. Сын его — Кунг И конг — сдал экзамены на степень *тиенши* в год *ки-муй* под девизом правления *Хоанг-динь* (1619 — Е. К.). Он занимал должности главы министерства общественных работ, *тхьеуфо*, имел титул *Зыонг-куанконг*, посмертно пожаловали звание *тхайфо*, посмертное имя — Кунг И.

В те времена, когда предок еще не прославился, он вместе с господином Дам Ни, лауреатом из деревни Онгмак, отправился в уезд Иенфонг в храм Чанво, молить духа ниспослать вещей сон. Предок ничего не увидел, а господину Даму приснились стихи:

*Слова раздадутся, вы их услышите и во сне все узнаете.
На первых экзаменах получите первое место.
Отец был почтенным человеком, сын и внук будут
уважаемыми людьми.
Потомки из поколения в поколение тоже станут высшими
составниками.*

Впоследствии господина представили ко двору, потомки пользовались уважением в точном соответствии с этими словами.

Рассказывают, что прадедушка был учеником министра Нгуен Фонга из Киетлака. Когда династия Мак погибла, он ушел со службы и жил в уединении, никуда не выезжая. Достигнув известности, прадедушка рекомендовал своего наставника, его пригласили ко двору, и в один из годов под девизом правления *Хоанг-динь* (1601–1619 — Е. К.) сделали чиновником. Он возглавил министерство чинов, имел титул *Микхе-хау*. В то время прадедушка возглавлял ведомство ритуалов, ему предложили стать во главе правительства, но согласия не получили. Разъясняя причину отказа, прадедушка доложил, что есть более достойный человек — господин из Киетдака. Правитель остался доволен такими словами и приказал Нгуен Фонгу занять важный пост. История в деталях изложена в «Записях, сделанных наскоро на досуге»⁸⁷, присоединил ее сюда для удобства.

Река Док (Кинь Фу)

Река Док в Шоннаме образуется возле деревни Доктин, что в Киньбаке, от слияния двух рек — Хат, притока реки Фульонг, и Лыонг. Там, где она берет начало, установлена кумирня, в ней поклонялись духу реки, известному

⁸⁷ Автор Ву Фыонг Де (XVIII в.).

чудесной силой и могуществом. Проплывавшие мимо на лодках торговцы непременно подносили ему дары. Если же этого не делалось, лодка тонула, и ни мачты, ни паруса, ни весла не удавалось найти.

Посередине реки находился столб, установленный неизвестно когда. В случае возникновения спора и сомнения в чьей-либо правоте, оба человека согласно обычаю приходили к реке и по очереди обхватывали столб — обманщик непременно соскальзывал в воду.

В один из годов под девизом правления *Кань-хынг* правитель плыл по реке, объезжая с инспекторским осмотром южные земли. Как только достигли этой местности, вода взволновалась, забурлила, а потом появился преграждающий путь остров. Правитель приказал его срыть. Но сколько ни копали, он не уменьшался. Тогда государь послал своего приближенного умолять духа смилостивиться, обещал пожаловать более высокий ранг. Через некоторое время из воды показались две змеи длиной более *тхьюока* и толщиной с бамбуковый ствол. Извиваясь, они проползли через остров и пропали. Отмель исчезла, а вода поднялась, как и прежде. Правитель, убедившись в чудесном могуществе духа, возвел его в высший ранг, пожаловав свидетельство на титул.

Некий стражник собирал налоги в деревне Доктин. Он часто приходил к реке выкупаться. Наслаждаясь прохладой, стражник садился у воды, вынимал дудочку и играл на ней, извлекая очень мелодичные звуки.

Как-то раз, оглянувшись, стражник увидел возле себя маленькую змейку, красную словно солнце. Змейка с достоинством приподняла голову. Человек сказал:

«Ты хочешь послушать мою игру? Тогда пойдем ко мне».

Змейка тотчас заползла в его шляпу и улеглась там. Направившись к дому, стражник взял змею с собой. Дойдя до общинного дома, он увидел там множество пирующих людей, пригласили и его зайти выпить и закусить.

Наступил вечер, стражник пошел домой, но уронил по дороге шляпу. Змея лежала на земле, не двигаясь. Человек рассердился:

«А, так ты, значит, недовольна мной!» — воскликнул стражник, наступил на нее ногой и затоптал до смерти.

В этом же месяце в столице серьезно заболел начальник стражи, он имел титул *хау*, имя его не сохранилось. Лекарства не давали никакого результата. Домашние пригласили знахаря, тот устроил алтарь, принялся молить духа снизить. Дух воплотился в нем и сказал:

«Причина болезни *хау* в том, что стражник убил сына речного духа. Пусть он пойдет скорее в храм просить прощения. Если же нет, дух разгневется окончательно, и больного тогда уже не удастся вылечить».

Стражника призвали и расспросили. Он все чистосердечно рассказал, добавив:

«Признаю свою вину и готов понести наказание. Я вовсе не хочу, чтобы вы отвечали за мой проступок».

Начальник стражи дал ему жертвенное животное, деньги, приказав отправиться в путь.

Тайком стражник обмотал себя от живота до коленей материей, везде укрепил лезвия, а в брюках спрятал острый нож. Прибыв в деревню, он сразу отправился к реке, обхватил столб и сразу же соскользнул в воду, погрузившись до пояса.

Через некоторое время стражник, вскарабкавшись по столбу, перебрался в лодку. Его родные увидели кровь, капавшую с ладоней, и испугались до холодного пота. Затем, вернувшись, он опять обхватил столб. В этот раз стражник долго не соскальзывал. Высадившись на берег, он вернулся домой. На следующий день всплыло бесчисленное количество мертвых водяных драконов и черепах, вода в реке окрасилась в красный цвет. Вскоре начальник стражи избавился от недомогания.

Могилы предков Банг-куана (Кинь Фу)

Предки *Банг-куана* Нгуен Хыу Тиня, уроженца Донгхая, что в Тяуфуке, были самыми богатыми в области людьми. Отец его увлекался геомантией. Услыхав, что в Тханьтионге живет некий студент Школы Сынов Отечества из рода До, который, сопровождая в странствиях совершенномудрого человека Фам Виена, постиг секреты «ветра и воды»⁸⁸, он попросил его выбрать благоприятное место для могил. Студент согласился и указал одно из таких мест на горе Конбанг.

Впоследствии, когда Нгуен Хыу Тинь только появился на свет, студент До подошел к их дому, услышал плач младенца и, вздрогнув, сказал:

«Это будет ловкач, который преуспееет в смутное время. Именно я причинил вред Поднебесной».

Ребенок вырос, он и стал *Банг-куаном*. В годы под девизом правления *Тиеутхонг* (1787–1788 — Е. К.) достиг должности *дайтыдо биньтионг куанкуок чонгши*.

Некий наставник посмотрел на него, вышел и промолвил:

«Звезда Небесной Собаки опускается, когда она дойдет до господина, бедствий никак не избежать».

Вскоре *Банг-куана* постигло несчастье в точном соответствии с этими словами.

Кумирня Тханькам (Тунг Ниен)

В кумирне Тханькам, расположенной в Донгггане уезда Тхосыонг, поклоняются некоему господину, героически погибшему при династии Мак. Имя его не сохранилось, лишь только известно, что он выдвинулся при династии Мак, получил ученую степень *тиенши*, служил чиновником в *дайшане*.

Некогда Тхань то Чьет-*выонг* (годы правления: 1570–1623 — Е. К.) поднял восстание и повел на восток войска, вставшие на защиту справедливости. Правитель из дома Мак оставил столицу и бежал на север. *Выонг* отправился в погоню и уже почти настиг его. Дело приняло угрожающий оборот. Именно в тот момент господин, облаченный в парчовое платье и золотой пояс, минув озеро Тхайкак, оказался в квартале Донгкак и преградил путь лошади Чьет-*выонга*. *Выонг* ударил в гонг, возвещая о временной остановке, собрал

⁸⁸ Т. е. геомантия.

военачальников, чтобы обсудить происшествие. Господина казнили. Затем преследование было возобновлено, но Мак-выонг уже успел переправиться через реку. Войска, защищавшие справедливость, отошли, а род Мак снова захватил Лонгбиен.

Кумирню в честь господина установили поперек проезжей дороги на том самом месте памятном месте. Благовония горели в ней не переставая.

Во времена Хи то Нян-выонга (годы правления: 1709—1729 — Е. К.) кумирню приказали разрушить. Под ней находилась могила, ее разрыли, и оказалось, что голова господина осталась такой же, как при жизни. Вокруг диковины столпились люди, пытались сдвинуть могилу с места, но не смогли. Таким образом кумирня сохранилась.

События из жизни небожителя Фам, не вошедшие в официальную историю (Тунг Ниен)

Совершенномудрый Фам Виен был родом из Анбая, что в Донгхане. В биографии, написанной Нго Фук Ламом, подробно изложена история его встречи с небожителем, поэтому сейчас нет необходимости еще раз возвращаться к этому.

Рассказывают, что когда совершенномудрый постиг *дао*, он вернулся домой. Отец его, занимавший должность министра, жил тогда в столице. Наступил день, в который отмечали поминки по матери. Совершенномудрый отправился вместе с четырьмя мальчиками, несшими на плечах стол с угощением, поднести яства господину министру. Едва отошли от деревенских ворот на один с лишним *ли*, Фам Виен велел прислужникам зажмуриться. Через мгновение мальчики открыли глаза и увидели, что уже находятся возле ворот столичного рынка Каузен. Обрато возвратились так же.

Однажды Фам Виен облачился в траурные одежды, вошел во внутренние покои и громко заплакал. Братья принялись его ругать. Вскоре отец умер. Совершенномудрый сказал братьям:

«Я не проявлял в полной мере сыновней почтительности, долго праздно болтался. С вашего разрешения теперь, искупая вину, буду блюсти траур. Что же касается управления похоронами, разрешите предоставить эту честь вам».

Старшие и младшие братья, обдумав предложение, согласились. Наступил срок похорон. Братья приготовили все необходимое, соорудили домик, где должны были совершаться жертвоприношения. Только совершенномудрый бездействовал. Накануне похорон Фам Виен вышел из деревни, осмотрел место, где предполагалось остановиться траурной процессии, потом вернулся домой. Когда на следующий день утром люди пришли туда, увидели высокие крытые черепицей дома — постоянные дворы из соседнего уезда. Здесь же были приготовлены для жертвоприношения животные, зерно, красное вино, различные заморские диковинки громоздились на жертвенных столах. После окончания церемонии этими блюдами угостили родню и гостей. Ночью постоянные дворы вернулись на свои места. Затем небожитель исчез.

Господин Данг Тят (Тунг Ниен)

Лауреат *чангнгуен* из Фудонга, господин Данг Тят, в то время, когда еще не имел степени, жил в одиночестве. Однажды утром, встав с постели, увидел соседку, развешивающую во дворе на солнце две телогрейки. Когда она ушла, другая женщина из того же дома их спрятала. Вечером обе они принялись ругаться, но спор так и не удавалось разрешить. Тогда они приготовили курицу, просо и отправились в храм Тхиен-выонг⁸⁹ принести клятву. Господин в шутку записал это.

Через несколько месяцев женщина украла опять, и Данг Тят засмеялся:

«Уж я-то знаю, в каком дух оказался положений!» Дух постучал в дверь и сказал:

«Господин *чангнгуен*! Господин *чангнгуен*! Впоследствии при дворе станете разбирать некое дело и совершите подлость, тогда и вспомните две телогрейки, ладно?»

Данг Тят оцепенел от страха, утром отправился в храм принести извинения, просил предотвратить последствия. Из-за этой истории он очень огорчился.

Господин Нгуен Тон Кхюе (Кинь Фу)

Господин Нгуен Тон Кхюе был уроженцем Фуккхе, что в Нгутхиене. В молодости, пока жил в столице, не интересовался учебой, целыми днями развлекался в компании своих сверстников.

Как-то, рассердившись, отец побил его. Парень десять дней прятался в пагоде Зиенхынг. Испытывая голод, он воровал подношения, приносимые людьми Будде. Это заметили, сообщили отцу, тот привел сына домой, всячески ругая и стыдя. Нгуен Тон Кхюе просил позволения отправиться учиться. Он стал заниматься в школе *тхамхоа* Ву Тхама — известного наставника того времени. Многие выпускники этой школы были широко известны.

В начале обучения у Нгуен Тон Кхюе не замечали выдающихся способностей. Однажды наставник дал тему упражнения в стихосложении: «Пара — самец и самка». Юноша кивнул головой и прочел:

Когда вместе стоят на вершине горы, темные камни в беспорядке перемешиваются.

Когда парой летят по небу, черные тучи сбиваются с пути.

Господин Ву высоко оценил его способности, сказав:

«В будущем этот парень непременно напишет знаменитые стихи». На экзаменах в год *тан-шу* под девизом правления *Бао-тхай* (1721 — Е. К.) двадцати восьми лет от роду Нгуен Тон Кхюе получил ученую степень *тиениши*. В то время господин Нгуен Дык Дон из Бинькиеу, самонадеянный, хорошо образованный человек, выйдя из четвертого экзаменационного помещения, сказал:

⁸⁹ Храм Тхиен-выонга — имеется в виду храм, построенный в честь чудо-мальчика Тхань Зонга, легендарной личности, жившей в государстве Ванланг при Хунг-выонге VI. После победы над врагами он вознесся на небо, ему присвоили титул Фудонг тхиен-выонг (Небесный государь из Фудонга).

«На этих экзаменах я обгону всех, кроме одного лишь Нгуен Тон Кхюе, остальные будут в три раза хуже». Когда вывесили список выдержавших испытания, Нгуен Тон Кхюе оказался первым, а Нгуен Дык Дон — вторым. При дворе Нгуен Тон Кхюе сделали лауреатом второй степени *хоан-зян*, дважды ездил с посольством в Китай; служил левым заместителем министра финансов, был удостоен титула *хау*. Он отличался справедливостью, ненавидел порок, не прятался за чужую спину. Знатный сановник Виеп-куанконг невзлюбил его, понизил в должности до помощника императорского лектора. Нгуен Тон Кхюе подал в отставку и вернулся в деревню. Дожил до семидесяти с лишним лет.

Когда господин ездил с посольством, он написал сборник «Напевы посланника в Китай», включавший сто стихотворений. При китайском дворе оценили изящество стиля этого сочинения. Оно и в самом деле достойно самых высоких похвал. До сих пор, спустя пятьдесят лет, им по-прежнему восхищаются. Сыновья господина — Тон Бао, глава уезда Чалан, и Тон Тхык, помощник управляющего провинцией Киньбак, также были известны как поэты.

Лок-куанконг из Хамзянга

Лок-куанконга из Хамзянга звали Динь Ван Та. В молодости господин отличался беспутным нравом, был отважный и веселый, бродяжничал в компании разных мошенников. Он обладал большой физической силой, одерживал над всеми верх.

Возле деревни протекала большая река, шириной более одного *ли*. Молодые люди часто плавали в ней, состязаясь друг с другом. Как-то раз они все вместе пришли на берег и уселись выпивать. На другой стороне реки в честь благодарственного жертвоприношения духам в храме раздался звук гонга. Приятели принялись подговаривать господина украсть его. Тот согласился, ночью переправился на тот берег, стащил гонг, и на обратном пути, достигнув середины реки, ударил в него. Деревенские жители проснулись, погнались за вором, но, так и не поймав его, вернулись. Однако из-за этого преступления господина заточили в тюрьму Донгмон.

В то время на южной границе проводились учения. Правитель приказал военным установить перед башней Нгулонг верстовой столбик для упражнений в стрельбе. Господин, подсматривавший за состязаниями, засмеялся и сказал:

«Не могут попасть в цель, как это их держат на службе?» Стрелявшие, услышав такие слова, рассердились, передали ему арбалет и велели выстрелить. Динь Ван Та взял стрелы, поднял арбалет, выстрелил несколько раз. Оказалось, что трижды он попал в самую середину мишени. Стрелки подивились такой меткости и признали его превосходство. Офицеры приказали господину стрелять еще, и каждый раз он попадал в цель. Происшествие получило огласку, и его помиловали.

Вместе с войсками Динь Ван Та отправился на юг. Повстречав неприятеля, правительственные отряды укрепились на вершине горы, а враги принялись атаковать их. Вскоре все — и генералы, и солдаты — оставили занимаемые позиции. Только господин остался, спрятавшись в джунглях.

Когда вражеские солдаты приблизились, он выстрелил, и те, испугавшись засады, вынуждены были отступить. Этим воспользовались правительственные

войска. Противник потерпел сокрушительное поражение, а господин стал широко известен.

После того, как Динь Ван Та совершил много подвигов, его наградили титулом *куанконг*. Но он отказался от титула, попросив взамен исключить его имя из списков уголовных преступников. Впоследствии господин не раз отличался в боях, занимал также самые высокие чиновничьи должности.

Восьмидесяти лет он серьезно заболел, и правитель лично навестил его, спросив, нет ли каких-нибудь желаний. Динь Ван Та с почтением ответил:

«Если бы мне присвоили ранг доброго духа, умер бы, ни о чем не сожалел».

Правитель исполнил просьбу, приказав прямо перед постелью объявить свой высочайший указ. Вскоре господин выздоровел. Он прожил еще несколько лет и скончался.

Потомки его стали храбрыми полководцами, прославились талантом сокрушать врагов. В те времена потомки *куоклао* Данг Динь Тьонга пользовались известностью, чиновная знать из этого рода заполняла двор. Люди говорили:

«Род Динь уничтожает врагов, а род Данг служит при дворе». Это соответствовало действительности.

Потомок Динь Ван Та в восьмом колене по имени Ня Хань любил книги, интересовался историей, был скромным и обходительным, выглядел, как настоящий ученый. В конце периода *Тиеу-тхонг* (1787–1788 — Е. К.) его сделали полководцем, пожаловали титул *Хам-куанконг*. В год *ки-зау* (1789 — Е. К.) вместе с семьей он бежал. После смерти матери сочинил стихи, в них были такие параллельные строки:

*Солнце погружается в западные горы,
Реки текут на восток,
Так было с древности до сих пор.
Мать вижу в южных землях лишь в сновидениях,
Правитель бежал на север,
Семья и государство объаты скорбью.*

Все, слышавшие эти стихи, сочувствовали ему.

Учитель Таао

Имя геоманта по прозвищу Таао⁹⁰ неизвестно, он был родом из деревни Таао, что в Нгисуане. В детстве потерял отца, бедствовал. После того, как мать ослепла, Таао вместе с торговцем-китайцем, который имел лавку на улице Футхат и решил вернуться на родину, отправился в Китай, разыскал там сведущего в глазных болезнях врача. Лекарю понравились чистосердечие и искренность молодого человека, и он передал Таао свои знания.

Когда обучение уже закончилось, их посетил некий наставник-геомант. У него долгое время болели глаза, а избавиться от недуга никак не удавалось. Геомант пришел пригласить лекаря к себе, но тот от старости не мог ходить и послал вместо себя господина. После того, как болезнь прошла, наставник взглянул на Таао и сказал:

«Этого парня можно выучить». Затем поведал ему все свои знания.

⁹⁰ Вероятно, речь идет о Нгуен Дык Хюйене (XVII в.).

Через год геомант захотел испытать ученика. Он принес песка, уложил его в форме гор и рек, а внизу спрятал сто монет. Наставник дал господину сто гвоздей, попросил, найдя наиболее благоприятные для могил места, забить их туда. Оказалось, что Таао ошибся только в одном случае, девяносто девять гвоздей попали в цель.

«Очень хорошо», — сказал геомант и велел ему возвращаться домой. При прощании наставник предостерег:

«Если случится сделать остановку возле гор Хонглинь, не вздумай смотреть наверх».

Выслушав наказ, Таао вернулся домой. Оказалось, что мать его жива, с помощью лекарств удалось вылечить ее, и она вновь обрела зрение.

Однажды, направляясь по делам, Таао прошел мимо гор Хонглинь. Он вспомнил слова наставника и, не понимая их причины, забрался на ближайшую гору и осмотрел ее. Заметив благоприятное для захоронения место, господин улыбнулся:

«Так вот, что имел в виду учитель».

Как следует все разведав, Таао перенес туда могилы предков. Вскоре у него родился сын.

В то время в Китае все астрономы в один голос сказали:

«Небесные светила покровительствуют Югу, в Аннаме уже найдено благоприятное место».

Император издал указ, повелевая геомантам, научившим жителей Аннама своему искусству или же выбравшим для них благоприятные места, привести в упадок дела их учеников. Если же кто-нибудь из геомантов откажется, род послушника будет истреблен.

Узнав высочайший указ, наставник, обучавший некогда Таао, заподозрил, что он всему виной. Послал сына разузнать, как обстоят дела. Приехав, сын спросил:

«После возвращения на родину, не переносили ли вы могил предков?»

Таао рассказал, как было дело. Тогда китаец тайком вырыл и похитил эти захоронения, а, кроме того, обманом увел с собой сына Таао.

Вскоре мать господина умерла. Он выбрал благоприятное место, находившееся на морском острове. В назначенный день задул ветер, поднялись волны, выйти в море не удалось, и срок был упущен. Таао вздохнул:

«Это место — «пасть дракона», открывается раз в пятьсот лет только на четверть часа, и вот момент упущен. Видно такая уж моя судьба!»

С тех пор он не помышлял больше употреблять учение для себя, постоянно странствовал повсюду, указывая людям места для захоронения. Когда умер, после него остались две дочери.

Пока Таао еще жил дома, он выбрал подходящее место для своей могилы, промолвив:

«Здесь рельеф изображает собаку, преследующую стадо коз. Через три дня после похорон можно стать бессмертным, живущим среди людей».

Как-то, уже будучи больным стариком, Таао возвращался из столицы в родную деревню. Его сопровождал ученик, и они намеревались обсудить свои дела. По дороге спутник умер. Кое-как Таао добрался до дома, ему стало совсем плохо, и он приказал отнести себя на носилках к выбранному некогда месту. Но путь был неблизкий, и на тот случай, если туда не удастся добраться, Таао указал холмик возле дороги, сказав:

«Тут совершались жертвоприношения, похороните меня здесь, если не достигнем выбранного ранее места». Он спустился с носилок, указал, в каком направлении надо копать могилу. Впоследствии действительно стал добрым духом.

Увы! Искусство, которым владел господин, можно назвать поистине странным. Как жаль, что имя его не дошло до нас!

Старинная крепость Чаокхау (Кинь Фу)

Старинная крепость Чаокхау, расположенная в деревне Чаокхау уезда Хынгнгуен, построена при династии Мин в годы под девизом правления Юн-лэ (1403–1424 — Е. К.) При прошлой династии именно в этом месте Тхай-то из района деревни Дозя перешел реку и окружил врагов.

На северо-западе крепость защищена горой, а на юго-востоке возведены укрепления из кирпича. Крепость давно разрушилась, из-за густых зарослей ничего не видно. Возле южных ворот была конюшня. На вершине горы в скалах когда-то воткнули флаг, он все еще сохранился. Если подняться до середины горы, то видна кумирня Туеннга, кому в ней поклоняются, выяснить не удалось.

В крепости есть пруд. По преданию, китайцы бросили туда остатки добычи. Коровы любили купаться в нем, опускаясь на илистое дно. Когда они вылезали, часто на шерсть налипали монеты.

В годы под девизом правления Кань-хынг господин Буи Хюи Бить стал управляющим провинцией. В свободное время гулял здесь, сочинил стихи, в середине которых были две параллельные фразы:

*Кумирня посреди скалы, имя духа неизвестно, флаг,
воткнутый в груды камней, следы его все еще остались.
Забавляясь, буйволы купаются, вдавливают деньги в ил,
лошади чиновников разгуливают у ворот, вымощенных
кирпичем.*

Остальные строки не привожу здесь, они полностью записаны в «Записках о Нгеане» господина Буи Хюи Битя.

Господин Ву Зюе (Тунг Ниен)

Господин Ву Зюе, получивший первое место на дворцовых экзаменах, был уроженцем Чинса, что в Шонви. Происходил он из семьи крестьян. В детстве, пока родители работали на поле, мальчик забавлялся со своими сверстниками. Ребятишкам особенно нравилось лепить из глины слоненка, вместо ушей ему укрепляли бабочку, а хоботом служила пиявка, прицепленная спереди. Слоненок мог даже ходить — ноги его ставили на четырех крабов.

Как-то в дом, где жил Ву Зюе, зашел человек и потребовал уплатить ему долг. Узнав, что родителей нет, он поинтересовался, где отец.

«Мой отец отправился убить одного человека», — сказал мальчик.

Пришедший принялся расспрашивать ребенка про матушку.

«А она пошла родить одного человека», — ответил малыш.

Гость встал в тупик и захотел узнать, в чем тут дело, но Ву Зюе соглашался объяснить свои слова только за вознаграждение.

«Если ты ничего не утаишь от меня, я прощу долг твоей семье», — предложил пришедший.

Тогда мальчик взял кусок размятой глины и заставил этого человека отпечатать свою руку для пометы.

«Мой отец вытаскивает из земли рисовую рассаду, а мама — высаживает ее», — засмеялся малыш.

Гость очень удивился этому. На следующий день он пришел снова требовать долг, но Ву Зюе протянул вчерашнюю глину, и гость не смог ничего сказать. Он посоветовал отцу тотчас же отправить сына учиться и использовать деньги, которые ему были должны, на покупку лампы.

В двадцать первом году правления под девизом *Хонг-дык* (1491 — Е. К.), Ву Зюе стал первейшим в Поднебесной, его сделали чиновником, и, позднее он уже возглавил Палату инспекторов.

Когда в поднебесной наступили перемены к худшему, Ву Зюе решил последовать за императором Тиеу-тонгом (годы правления: 1516–1522 — Е. К.) и бежал в Тханьхоа. Войскам могущественного сановника Мак Данг Зунга все же удалось его схватить. Первым делом он жестоко изругал узурпатора, а потом, забрав с собой печати Палаты инспекторов, утопился в море.

При предшествующей династии, в период *Чунг-хынг*, попытались было выплавить печать заново, но безуспешно. Пришлось отрядить рыбаков на поиски прежней. На дне сумели отыскать Ву Зюе. Оказалось, что он сидел как живой — в шляпе и платье, с печатью на поясе. А ведь со дня смерти уже прошло больше восьмидесяти с лишним лет. Только тогда его похоронили в уезде Шонви.

Господин Нгуен Ван Зяй

Министр Нгуен Ван Зяй в детстве обучался у своего односельчанина господина *тхайхоксиня*, имя которого не сохранилось. Семья Нгуен Ван Зяя была бедной, юноша отличался физической силой и постоянно нанимался на работу по переносу тяжестей, добывая этим деньги на покупку масла для лампы.

Как-то после трудового дня он вернулся домой. Стояла жара, и Нгуен Ван Зяй отправился выкупаться в пруду, находившемся перед домом его наставника. Пока он плавал, какой-то мошенник украл его одежду, лежащую на берегу. Юноша вынужден был остаться сидеть в воде. Так продолжалось долгое время, и вот на другой стороне пруда из ворот своего дома вышла девушка, дочь *зямсиня*, тоже решившая выкупаться. Увидев Нгуен Ван Зяя, она вернулась. Когда через некоторое время девушка снова появилась, перед ее глазами предстала та же картина. Она прошлась по берегу, а затем, оставив несколько десятков *тхьюков* полотна, удалилась. Поступок ее тронул Нгуен Ван Зяя, он взял ткань, обмотал голое тело и возвратился домой.

После того как Нгуен Ван Зяй сдал экзамены, он попросил *зямсиня* отдать ему дочь во вторые жены. *Зямсинь* ответил:

«Это невозможно. Недавно я просватал ее за своего ученика, вашего сверстника, поэтому не удивляйтесь отказу».

Заспорив с женихом, Нгуен Ван Зяй сказал:

«Я давно женат и, боясь насмешек, не смел бы мечтать о такой исключительной красавице, если бы не одно обстоятельство. Как-то в юности, пока мне еще не повезло, удостоился милости этой женщины, полюбил всем сердцем и поэтому сватаю ее. Небо, Земля, различные духи свидетели тому, что я говорю правду».

Нгуен Ван Зяй подробно рассказал давнишнюю историю. *Зямсинь* расспросил дочь, и выяснилось, что все это правда. Она вышла замуж за Нгуен Ван Зяя, стала его третьей женой, но господин относился к ней как к главной жене.

Кумирня наставника-основателя Тхуан Зьонга (Тунг Ниен)

В Тханглонге в переулке Хангнгием есть кумирня наставника-основателя Тхуан Зьонга, когда она построена, неизвестно. Совершенномудрый Фам Виен часто встречался здесь с Тхуан Зьонгом.

Семья Чьонг из Ньыкинъ прежде бедствовала. Они открыли харчевню у дороги, но денег хватало лишь на то, чтобы прокормиться. Как-то увидели праведника с красивой бородой, он прогуливался неподалеку, а потом зашел передохнуть. Его приняли с особым почтением. Праведник был тронут и указал секретное место, благоприятное для захоронения могил предков. После этого, хозяин спросил у праведника, как его зовут, и услышал в ответ:

«Я из рода Ла, семья живет в начале переулка Хангнгием.»

Чьонг записал это, потом послал слугу отблагодарить. Но кого только слуга ни расспрашивал, так никого из рода Ла и не нашел, а в названном переулке стояла только кумирня Тхуан Зьонга.

После того, как в год *биньго* (1786 — Е. К.) начались сражения, повсюду запылали пожары, многие старейшины умерли, и люди, ведающие церемониями, по ошибке сочли, что это кумирня принцессы Лиу Хань⁹¹. Цветы, золотые украшения, нарядные туфельки вперемешку с благовониями, чашками стояли перед изображением Владыки земли. Люди были введены в заблуждение. Подробности опускаю, достаточно написанного. Все это вызывает сожаление.

Огромный человек (Тунг Ниен)

В Туенкуанге все население, согласно реестру, относилось к племени *дун*. Туземцы, в основном жившие в горах и ущельях, обычно строили дома на сваях, чтобы уберечься от хищных зверей.

В то время, когда провинцией управлял Нгуен Динь Тхак, в одной деревне появился огромный человек. Он зашел в дом, из десяти членов семьи переловил и съел девять, а одному удалось убежать. Этот оставшийся в живых житель

⁹¹ Лиу Хань — почитаемое божество, владычица небесного мира.

и рассказал о случившемся чиновнику. Принесли большое орудие, стреляли по дому со всех сторон. Вскоре нашли гиганта убитым, он сидел в доме на сваях, ноги его спускались до земли. Огромный человек был голым, с короткими волосами до плеч и в длину достигал около двух *тхьюков* с лишним. Господин Нгуен Динь Тхак подивился этому и, вернувшись, рассказал о случившемся министру Фан Чонг Фиену. Министр сказал:

«Это чужеземцы с юго-западной границы. В год *зянго* (1774 — Е. К.), когда приступили к умиротворению Юга, на старом военном складе Нгуенов нашли человеческую кожу, набитую шелухой от риса, по величине равную росту вашего гиганта. Выяснилось, что это были останки пойманного в горах человека, тот, кого видели вы, наверное, относился к такому же племени».

Господин Фам Динь Чонг (Кинь Фу)

Господин министр Фам Динь Чонг⁹² уроженец Кхиньзао, что в Зяпшоне, имел талант к гражданским и военным делам. В молодости отправился учиться. Сложил оду «Ключ от северных ворот», гласившую:

*Увы! В Китае и у варваров ценят его репутацию.
Перед алтарями божеств земли и злаков высоки его заслуги.
При сунском дворе было только несколько таких талантов,
Как богато одаренный старец Коу⁹³.
Почему же он не находится в центральном правительстве
И не измеряет на весах служебные заслуги?
Его удалили к пескам и ущельям
Противостоять наступающим врагам, сопротивляться на границе
государства,
И, в конце концов, оклеветали.
Встретились трудности из-за заключения мира,
Стыд позорного договора падал на Чжэнь-цзуна⁹⁴,
Прекратился договор из-за ненависти Ван-цзы⁹⁵.
Помня о Шаньюане, китайцы попали в безвыходное положение и не
могли успокоиться.
И тогда они подумали, что если поднести яшму и золото на вершине
горы Тайшань, то можно прекратить разговоры.
Разве считают с давних пор течение реки Хуанхэ
оборонным рубежом против Севера?*

Все, кто прочли оду, были очень удивлены его талантом. В год *кимуй* под девизом правления *Винь-хью* (1739 — Е. К.) Фам Динь Чонг сдал экзамены и стал лауреатом *тиенши*. Семью его постигло горе, умерли родители, поэтому он ушел в отставку и вернулся домой.

В то время мятежники из Ниньса активизировались, на юго-востоке начались беспорядки. Фам Динь Чонг часто говорил знакомым:

⁹² Фам Динь Чонг (1713–1754) — известный сановник, военачальник.

⁹³ Имеется в виду Коу Чжунь (961–1023), сунский министр, благодаря его стараниям был заключен Шаньюанский мирный договор.

⁹⁴ Мирный договор сунского императора Чжэнь-цзуна (годы правления: 998–1022) с киданями, заключенный в 1004 г. в Шаньюане.

⁹⁵ Имеется в виду Ван Циньжо.

«Не может быть, чтобы я не смог уничтожить бандитов».

Случайно ему удалось обманом захватить предводителя бунтовщиков Нгуен Кы, поэтому его наградили — сделали правым вице-министром ведомства общественных работ, пожаловали титул *ба*.

До этих событий мятежники из Ниньса сделали своим предводителем Нгуен Хыу Кау⁹⁶, уроженца Лойдонга, что в Тханьха. Они отступили, заняли Дошон, и укрепились там, защищенные с одной стороны морем, с другой — горами. Правительство бросило против них войска, несколько лет боев ни к чему не привели. Тогда приказали Фам Динь Чонгу занять пост *хиентхонглинь* и вместе с Виеп-*куанконгом* Хоанг Нгу Фуком наступать по разным дорогам, а затем разбить на горе лагерь и наблюдать за бунтовщиками. Произошло несколько сражений, но покорить мятежников не удавалось.

Фам Динь Чонг велел срубить несколько сотен сосен, выдолбить их изнутри и заковать в железные обручи. В середину насыпали камни, снаряды, порох, поджигали и с высоты бросали в лагерь бунтовщиков, убитых было не сосчитать.

Враги стали использовать для прикрытия сосновые доски. Тогда Фам Динь Чонг приказал пропитать смолой полотно, разрезать на отдельные лоскуты и, смешав их с камнями, снарядами, поджечь порох и стрелять, как и раньше. Куски ткани подожгли доски, они быстро сгорели. Мятежники, прорвав окружение, бежали на север. Дошон был умиротворен. Фам Динь Чонга сделали чиновником Палаты инспекторов, пожаловали должность *тянтхонглинь*.

Вскоре Кау, опять собрав сообщников, отправился разбойничать на северо-востоке. Никак не удавалось его подавить, даже прозвали — «блуждающий бес-разбойник». Кау умел, имея в своем распоряжении немного воинов, вести бои с правительственными войсками. Во время сражения, отпустив поводья лошади, он врзался во вражеский строй, все в панике разбежались. Только когда битвой руководили Фам Динь Чонг и Виеп-*куанконг* удавалось одержать победу. Разбойники боялись их и прозвали: первого — «сопляк-ящерица», а второго — «парень — черный ворон». Но это не могло оскорбить обоих военачальников.

Однажды Фам Динь Чонг во главе отряда из десяти всадников повстречал неприятеля. Воины испугались, хотели быстро скрыться. Но господин остановил их, окольным путем привел к тропинке, петлявшей среди поля. Рядом с дорожкой находился колодец. Он был прикрыт густой, высокой травой, да и мутная, грязная вода не бросалась в глаза, так что проходящий мимо человек не мог бы его разглядеть. Фам Динь Чонг устроился рядом с колодцем, поджидая разбойников. Как только те приблизились на расстояние выстрела, закричали:

«Сопляк-ящерица! Сегодня мы поймаем тебя!»

«Ах вы ничтожества! И когда я смогу отрубить ваши головы?» — отвечал им Фам Динь Чонг.

Мятежники, рассердившись, поскакали прямо на него, вскоре и лошади и всадники свалились в колодец. Ехавшие с Фам Динь Чонгом воины хотели схватить их, но он не разрешил и приказал быстро уходить. Когда разбойники выбрались из колодца, Фам Динь Чонг был уже далеко.

Господин вел боевые действия основательно, не искал мелких побед. Если внезапно встречал врага, бил в колокол и, располагая в порядке войска, окружал

⁹⁶ Нгуен Хыу Кау — известный предводитель крестьянских восстаний в середине XVIII в.

его. Когда противник находился в пути, следовал за ним поодаль, время от времени направляя отряды всадников для предотвращения грабежей. Подобная тактика изматывала мятежников, вынуждала их сдаваться.

Правительство пожаловало Нгуен Хыу Кау звание Полководца Ниньдонга, титул Хыонгнга-хау. Господин, изо всех сил стараясь убедить, что этого делать не следует, говорил:

«Волчья порода честолюбива, никогда не даст себя использовать. Надо стянуть войска, чтобы схватить его. Сообщники разбегутся, Кау вынужден будет отправиться в Баозянг в Нгеане».

Подчиненный Фам Динь Чонга полководец Фам Динь Хан поймал Нгуен Хыу Кау, и мятежники успокоились. При дворе обсудили заслуги Фам Динь Чонга, пожаловали звание Заслуженный государственный деятель, прилагавший все силы к прославлению войск, повысили в должности до министра военного ведомства, даровали титул Хай-куанконг. Вскоре назначили военным правителем Нгеана. Ранее Фам Динь Чонг и чиновник правительственной канцелярии Люйен-куанконг До Тхе Зяй питали неприязнь друг к другу.

Как-то в канун нового года Фам Динь Чонг выпивал с китайским послом. Тхань Ки, один из подчиненных генерала, питавший к нему глубокую привязанность, вытащил острый меч и хотел убить посланника. Он принялся уговаривать Фам Динь Чонга поднять войска и навести порядок при дворе. Но господин отклонил это предложение.

На следующий день Фам Динь Чонг вернулся к себе, выпил вина. Затем тайно отправил письмо, вызывая гражданского правителя провинции Чан Зань Лама посоветоваться о будущих делах. Господин Чан прибыл, но у генерала из семи отверстий потекла кровь, и он умер.

Тхань Ки, услышав о похоронах Фам Динь Чонга, привел в боевую готовность кавалерию, намереваясь возглавить войска *тяу* Хоана и перейти на сторону Нгуенов. Получив письмо, господин Чан обманул Тхань Ки, заманив во дворец. Хотя тот и спрятался, воины нашли и обезглавили его.

Печальная весть о смерти Фам Динь Чонга дошла до столицы, он был возведен в ранг доброго духа, и ему воздвигли кумирню на горе Канхыонг. Сыну генерала — Динь Нги пожаловали титул Донгнган-хау. В период *Кань-хынг* стал заместителем начальника дворцовой стражи.

Когда покойного ныне наследного принца низложили, его держали в заточении в усадьбе *хау*. Тот по-прежнему обходился с ним как с принцем, которому скоро предстоит вступить на престол. Правитель рассердился, лишил должности. Из-за этого Динь Нги имел неприятности, не добился продвижения по службе. В год *динь-муй* при девизе правления *Тиеу-тхонг* (1787 — Е. К.) вспомнили его заслуги, пожаловали должность командующего войсками района Хайзыонг. В год *мау-тхан* (1788 — Е. К.) скончался дома.

Тхань Ки также был уроженцем Кхиньзао. Фамилию его разыскать не удалось. В юности прославился отвагой, вместе с Фам Динь Чонгом сражался с мятежниками, руководил воинами из Тханьха и Тыки.

Фам Динь Чонг стал главнокомандующим, и Тхань Ки часто находился в его лодке. Только любимая наложница генерала пользовалась такой же привилегией. Однажды утром женщина пошла вымыть руки, и, увидев бандита, закричала. Фам Динь Чонг остался сидеть, не двигаясь с места. Тхань Ки бросился туда, оказалось, что Кау уцепился за лодку и уже залезал в нее. Они схватились врукопашную, долго боролись. Кау проиграл и был утоплен. После

этого случая Фам Динь Чонг особенно привязался к Тхань Ки. Но тот отличался высокомерием, часто нарушал законы, и генерал не раз хотел убить его, но так и не привел свои замыслы в исполнение.

Рассказывают, что когда Фам Динь Чонг еще не получил ученой степени, некий преклонного возраста воспитанник академии по имени Зяп дружил с молодым студентом из того же уезда, которого звали Ат. Ат умер, и Зяп взял на себя заботы о его похоронах.

В год *ки-муй* (1739 — Е. К.) проводились столичные экзамены. Зяп отправился в дорогу попытать счастья. Вечером проходя через Тхьонгхонг, он повстречал Ата, тот пригласил его в дом. Все было роскошно обставлено, прислуга стояла навтыжку. Ат приказал нарезать буйвола, принести вина и принялся угощать гостя. Зяп завел разговор о предстоящем путешествии, но друг насупился и, поморщившись, промолвил:

«Твоя семья придет в упадок, судьба темна, зачем спрашивать о заслугах и славе?»

Огорчившись, Зяп умолял помочь. Ат сказал:

«На теперешних экзаменах тема оды очень необычна. Есть некий студент по имени Фам Динь Чонг, обратись к нему, он выручит».

Вскоре Ат ушел спать. На рассвете Зяп, попрощавшись, вышел, и, обернувшись назад, увидел кумирню господина Фам Нгу Лао в Фуунге. Расспросил местных жителей, и оказалось, что ночью внезапно умер один буйвол. Зяп обо всем догадался.

В третьем туре экзаменов требовалось написать оду на тему «Выбирай добродетельных, назначай способных». Зяп осведомился у одного из студентов, откуда взяты слова, просил дать указания, затем поинтересовался, как его зовут. Оказалось, это и был Фам Динь Чонг. Зяп обратился к нему за помощью. Именно тогда Фам Динь Чонг стал лауреатом *тиенши*.

Вскоре на востоке мятежники подняли восстание. Жену и детей Зяпа постигло несчастье. Оставшись один, он опирался только на генерала. Тот часто помогал ему, давал средства к существованию. Фам Динь Чонг все время хотел занести его имя в книгу записей военных заслуг, но дело каждый раз останавливалось. Зяп так всю жизнь и числился студентом.

Пагода Тхиенму (Кинь Фу)

Пагода находится в Тхуанхоа, что в Хьонгча, расположена на ровном гребне горы, откуда открывается прекрасный вид на скалы, горную речку.

Рассказывают, что однажды некий геомант расчищал русло горной реки. Перед ним вдруг появилась женщина, сказавшая, что местным жителям нужно построить здесь пагоду и встречать духов, возвращающихся с гор. Поэтому храм и назвали Тхиенму — пагода Небесной Матушки.

Некогда *куокконг* Нгуен Хоанг восстанавливал пагоду, впоследствии реставрационные работы продолжались. В храме есть каменный гонг, звук его очень чистый, вырезана надпись «Сделан во втором году под девизом правления *Тинь-лить* при Тхе-то Минь Кханг Тхай-выонге»⁹⁷. Рядом с пьедесталом Будды

⁹⁷ Имеется в виду Чинь Кием (годы правления: 1545–1569).

установлены старинные таблички семи поколений рода Нгуен. Ранее, когда Нгуен умер, его давний подданный посетил пагоду и, поклонившись, написал стихи на стене. Была такая фраза:

*Сожалею о двух прошедших столетиях,
Они кажутся не длиннее сна горного монаха.*

В годы под девизом правления *Кань-хынг* пагода немного обветшала. Глава провинции господин Буи Хюи Бить, вместе со своим заместителем господином Чыонг Дан Куи, проплывал на лодке мимо этого места, поднялся посмотреть. Написал стихи:

*Здесь находятся таблички с именами предков
поколений рода Нгуен,
В жилище монаха черепица наполовину разрушилась.*

Также были строки:

*Ставлю легкий парус, отправляюсь осмотреть окрестности
Счищаю мох, читаю вырезанную на гонге надпись.*

Озеро Хоанкием (Кинь Фу)

Озеро Хоанкием в Тханглонге находится возле квартала Баотхиен. Оно обширное, сообщается с рекой. При прошлой династии именно там Тхай-то *хоангде*⁹⁸ уронил меч.

Когда Тхай-то поднял восстание, он получил старинный меч и после победы постоянно носил его на поясе. Однажды государь плывал на лодке по озеру. Из воды показалась огромная морская черепаха. Он выстрелил, но не попал. Тогда мечом стал показывать на нее. Вдруг меч упал в озеро, вода взволновалась, и черепаха нырнула вслед за мечом. Император разгневался, приказал перегородить проход, соединяющий озеро с рекой, затем построить плотину и вычерпать всю воду. Меч искали, но так и не нашли. Впоследствии из-за остатков этой плотины озеро разделили на Левый и Правый водоемы.

В конце годов под девизом правления *Кань-хынг* какой-то предмет поднялся из острова в озеро. Он сверкнул, потом погас и исчез. Люди решили, что это улетел драгоценный меч⁹⁹.

⁹⁸ Имеется в виду Ле Лой, основатель династии Ле.

⁹⁹ Истории, соотнесенные с чудесным мечом, были очень популярны во Вьетнаме. Так, в «Истинных записях о Ламшоне» (XV в.) рассказывается о том, как Ле Лою удалось получить волшебный меч. Однажды, когда друг Ле Лоя Ле Тхан отправился ночью ловить рыбу, он заметил под водой некий сверкающий предмет. Ле Тхан забрасывал сети всю ночь, но ни одна рыба ему так и не попала, а удалось выловить лишь небольшой железный брус. Ле Тхан взял его с собой домой и положил в темном месте. Вскоре Ле Лой навестил друга и, заметив сверкающий железный брус, попросил отдать ему. Ле Тхан тотчас согласился. Возвратившись к себе, Ле Лой отшлифовал железный брус, сделал из него лезвие для меча. Затем, как-то раз, Ле Лой нашел недалеко от своего дома рукоятку. Он соединил лезвие и рукоятку, и оказалось, что оба предмета точно подходят друг к другу. Так и получился меч (*Nguyên Trai*. Toàn tập. — Hà-nội, 1976. — Тт. 46-47).

Сходное предание приводит и современный вьетнамский ученый Нгуен Донг Ти. Однако по его версии Ле Тхан трижды забрасывал сети и вылавливал железный брус, но первые два раза он

его выбрасывал и лишь в третий раз оставил, решив, что это происходит неслучайно (*Nguyễn Đổng Chí. Kho tàng truyện cổ tích Việt Nam. Т. 1. — Hà-nội, 1971. — Тр. 256*).

В другом варианте, упоминаемом французским исследователем Ле Бретеном, золотой меч Ле Лою дала огромная черепаха и забрала чудесное оружие после победы над врагами (*Porée-Maspero E. Étude sur les rites agraires des cambodgiens. Т. 2. — Paris, 1964. — Р. 474*). Французский ученый Дюмутье сообщает версию, согласно которой сиявший ослепительным блеском меч был найден Ле Лоем в озере. Впоследствии меч превратился в дракона и вновь исчез в водоеме (*Dumoutier G. Legendes historique de l'Annam et du Tonkin. — Paris, 1890. — Р. 87*). Вьетнамские предания о чудесном мече связываются с личностью Ле Лоя, возглавившего в начале XV в. борьбу против китайского господства (1418–1428). В результате Ле Лой восстановил независимость Вьетнама, основал новую династию и стал ее первым императором. Ле Лой считается национальным героем Вьетнама. В некоторых средневековых сочинениях его представляют как личность необычайную.

Предание о чудесном мече было распространено у народов Юго-Восточной Азии. Так, Я. В. Чеснов рассматривая цикл мифов о мече, встречающихся у народов Восточного Индокитая, отмечает, что этот цикл характеризуется особым сочетанием отдельных элементов. Меч связан с водной стихией и небом, он обладает сущностью огня (солнца) и является орудием упорядочивания (*Чеснов Я. В. Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. — М., 1970. — С. 73–99*). Эти основные моменты характерны и для вьетнамских преданий о мече.

Мифологические представления о мече, как орудии упорядочения космоса можно увидеть в сиамском ритуале. В период возможных наводнений торжественная процессия во главе с королем приближалась к реке, и правитель ударял мечом по воде. Это действие должно было обуздать водную стихию — предотвратить наводнения, оно также было связано с церемонией, символизировавшей оплодотворение. Исследовательница мифов и ритуалов Юго-Восточной Азии Э. Поре-Масперо предполагает, что некогда на озере Хоанкием в Ханое проводились водные игры, соотносящиеся с ритуалом, аналогичным тому, который совершался на водных праздниках в Сиаме. Э. Поре-Масперо считает, что вьетнамские предания о мече представляют собой мифологическое описание этого ритуала (*Porée-Maspero E. Étude... Т. 2. — Paris, 1964. — Р. 475*).

В связи с комплексом представлений о чудесном мече как орудии упорядочивания, мы хотим обратить внимание на божество буддийского пантеона Манджушри — на его изображения и посвященные ему легенды. Одним из характерных атрибутов Манджушри является меч, который он держит в правой руке. В тибетской иконографии, например, этот меч — огненный, плаляющий.

Напомним, что согласно представлениям ряда народов Юго-Восточной Азии, меч — это символ солнца и огня. В рукописном отделе СПб. филиала Института востоковедения РАН хранится иллюстрированный тангутский ксилограф XI в. «Празднпарамита-сутра» (Танг. 334, № 2208/1). На одной из иллюстраций изображен Манджушри, который мечом указывает (или грозит) на змея, высовывающегося из колодца. Можно предположить, что здесь имеется в виду обожание водяного животного, олицетворяющего водную стихию.

Легенду, в которой Манджушри и его меч связываются с «укрошением воды», приводит английская исследовательница А. Гетти. Так, некогда территория, где теперь находится Непал, была дном озера, населенного водяными чудовищами. Манджушри ударил несколько раз своим мечом по южному берегу озера, вода хлынула через эти пробоины, дно озера осушилось, и на этом месте образовался Непал (*Getty A. The gods of northern buddism. — Oxford, 1914. — Р. 97*). Здесь Манджушри творит космос (землю для людей) из водного хаоса (из озера, населенного чудовищами). Версию мифа о сотворении мира Манджушри из собственной аватары, из огромной космической золотой жабы или черепахи, приводит Л. Я. Штернберг. Так, некогда наступил момент для сотворения мира. Манджушри вышел из недр черепахи, принял свой собственный облик, поднялся ввысь и пустил в нее стрелу. Убитое чудовище погрузилось на дно, образовав подножие земли (*Штернберг Л. Я. Культ близнецов в Китае и индийское влияние // Сб Музея антропологии и этнографии. — Т. VI. — С. 16–17*). Можно предположить, что буддийская фигура Манджушри-устроителя наложила на некоего мифологического героя, творящего мир из водной стихии с помощью чудесного меча. Этот миф, вероятно, был популярен среди народов Юго-Восточной Азии. Буддизм, распространяясь по территории Индокитая, использовал местные верования а местным божествам и связанным с ними событиями давал буддийскую интерпретацию.

Столичные ворота (Кинь Фу)

В столице четверо ворот, построены во времена Ли Тхай-то (годы правления: 1010—1028 — Е. К.). Недавно разрушилась внешняя сторожевая вышка у ворот Дайхынг, сейчас сохранилась только ее половина. Из-под камней, кирпичей как-то вылезла черная с белыми отметинами змея, большая, словно балка. Заползла в соседний дом, тут же куда-то шмыгнула и пропала. Люди поймали троих ее змееньшей, всех убили.

Рассказывают, что когда в середине годов под девизом правления *Кань-хынг* разрушились ворота Батьхо, между кирпичами в щели нашли маленькую черепаху, похожую на небольшую монету. Голова и лапы ее все еще двигались. Присоединяю это к сказанному выше.

Господин Хоанг Шам

Господин Хоанг Шам из Тхушона происходил из семьи потомственных земледельцев. Отец его рано умер, оставив в наследство несколько *као* земли, и им с матерью приходилось жить, опираясь только друг на друга. В двадцать четыре года господин не знал еще толком иероглифов.

Господин министр Нгуен Конг Зоан, уроженец того же уезда, вышел в отставку и возвращался домой. Уездный начальник послал крестьян навстречу. Хоанг Шам был в их числе — нес паланкин дочери министра. Украдкой он взглянул на нее, и сердце взволновалось от небывалой красоты девушки.

Вернувшись домой, Хоанг Шам сказал матери, что хочет жениться на дочери министра. Та засмеялась и посоветовала оставить бесполезные мечты. Но он заготовил гроздь плодов арековой пальмы и заставил мать пойти разузнать имя девушки, а сам отправился следом, боясь, что она не выполнит поручения.

Женщина в нерешительности стояла перед воротами дома господина министра. Тот удивился этому и спросил, в чем дело. Мать Хоанг Шама все рассказала и умоляла простить ее, говоря, что она поступает так по воле сына. Министр, засмеявшись, сказал:

«Не печальтесь».

Затем позвал Хоанг Шама посмотреть, что он из себя представляет. Господин, одетый в короткие штаны, пришел и поклонился до земли. Министр, улыбнувшись, заметил:

«Неразумно будет с моей стороны отдать дочь в дом бедняка. Вот если вы преуспеете так же, как я, тогда и можете рассчитывать на успех».

Хоанг Шам дважды поклонившись, отвечал:

«Почтительно внял вашему приказу, надеюсь, что потом не нарушите своего слова».

Вернувшись домой, он, ничего не говоря матери, продал один *као* земли. Получив тридцать связок монет, отправился в столицу. Там он учился у известного наставника и, достигнув за три года больших успехов, выдержал экзамены в уезде Хиенхоа. Хоанг Шам отыскал односельчанина и попросил напомнить господину министру давший уговор. После этого вернулся в столицу.

Министр несколько раз хотел выдать дочь замуж, но та отказывалась и по-прежнему жила в доме отца.

При прежних государях Маках на экзаменах в год *мау-туат* под девизом правления *Дай-тинь* (1538 — Е. К.) в возрасте двадцати семи лет Хоанг Шам стал одним из первых *тиенши*, получив титул третьего лауреата. На следующий день с триумфом возвратился на родину. Церемонию свадебного жертвоприношения совершили во дворе господина министра. Все односельчане завидовали Хоанг Шаму. Впоследствии удостоился должности левого заместителя главы ведомства ритуалов, титула Хоангфук-ба.

Господин Данг Чан Кон (Тунг Ниен)

Господин Данг Чан Кон, уроженец Нянмука, что в Тханьчи, был другом моего покойного отца. Он любил пирушки, характер имел вспыльчивый, необузданный. В учебных заведениях сочинения господина получили широкую известность.

Когда Уи-выонг заболел и переселился во дворец Тхьонглиен, в столице строго запретили зажигать огонь. Господин вырыл углубление в земле и там читал книги. Он никогда не прекращал совершенствовать свои знания.

Однажды Данг Чан Кон написал цикл стихов под названием «Восемь пейзажей реки Сянцзян». Стихи, называвшиеся «Сянцзян ночью под дождем», гласили:

*Повсюду в воде зеленеет тростник,
Кто там бросает со звяканьем яшму долгой ночью?
Порыв ветра внезапно затихает в орхидеях, оплакивая гостя
из Чу¹⁰⁰.
Неожиданно приходит к темному бамбуку лить слезы Э
Хуан¹⁰¹.
Холод островков из ряски теснит рыбацьи фонари, они
удаляются.
Осенняя индийская полынь делает блестящие черные волосы
изжелта-седыми.
Выскочившая из-за дерева обезьяна карабкается на горный
пик.
Раздается песня о реке Цан-лан¹⁰², водная гладь безбрежна.*

Стихи «Горный рынок солнечным днем» гласили:

*Люди разбрелись у склона горы,
Среди леса виднеется винная лавка, сделанная из досок.*

Еще гласили:

*Послушники выносят из пещеры очищенное зерно,
Продав возле ручья свежую рыбу, уходят рыбаки.*

В стихах под названием «Парус возвращается домой издалека» есть строки:

¹⁰⁰ Гость из Чу — имеется в виду Цюй Юань (340–278), знаменитый китайский поэт, родившийся в царстве Чу.

¹⁰¹ Э Хуан и Цюй Ин — дочери легендарного китайского императора Яо, ставшие женами императора Шуня.

¹⁰² Имеется в виду сочинение Цюй Юаня «Отец-рыбак».

*Поздно, нет никого, кто бы встречал, расспрашивал.
В пяти озерах¹⁰³ вода уже подернулась осенней дымкой.*

Стихи «На реке вечером падает снег» гласили:

*Мутный поток воды с тысячи гор покрыл травы и деревья
Потемнело кругом, пропали из вида волны.*

Еще гласили:

*Старик рыбак сбился с пути, очутился на
отмели.
Поздно вечером возвратился, дождь промочил плащ
из травы.*

Стихи «На тихую отмель садится дикий гусь» гласили:

*На фоне мелкого дождя полынь и тростник как занавеси,
камыш как бамбуковая ограда.
Придают осенний вид южной реке.*

Художественный стиль стихов возвышенный. Если говорить о периоде с эпохи Чунг-хынг до настоящего времени, можно сказать, что благодаря Данг Чан Кону поэзия воспрянула. В его одах восемь рифм, пара жемчужин, их переписывали все студенты и бережно хранили.

В оде «Чыонг Хан вспоминает овощи и рыбу» есть строки:

*Мягие, пресные деревенские яства, половина жалования
ушла за разговорами об успехах и поражениях восьми
выонгов.
Ищу обычные, деревенские товары, несколько рюмок вредят
спорам о двух династиях Цзинь (годы правления китайских
династий: Цзинь — 265–420; также Поздняя Цзинь — 936–947 — Е. К.).*

В оде «Чжан Лян¹⁰⁴ одевает холщовую одежду» есть строки:

*У помощника возницы наполнена злобой душа,
Это из-за песков Бо-лана.
Наполовину спрятаны в рукав свитки с даосскими секретами,
Капли росы на мосту высохли на солнце.*

Ода «Стук в дверь» гласила:

*В дверь постучали несколько раз, покрутили в руках,
Не говоря ни слова, шелковый шнурок.
Безмятежно лишь одно небо, горло еще не перехватило при
разлуке.*

Также гласила:

*Распоряжаясь за рюмкой небом и землей,
Заставишь содрогнуться спящие горы и реки.*

Все стихи великолепные, достойные удивления. Господина назначили руководить дворцовой школой. Когда посетил храм Конфуция, написал сочинение, в котором были такие строки:

¹⁰³ Обр.: повсюду, повсеместно.

¹⁰⁴ Чжан Лян, живший при династии Хань, участвовал в нападении на императора Цинь Ши-хуана в Бо-лане. Его искали, поэтому сменил имя, жил тайно. Поступил в армию к Лю Бану, получил удел, титул, в старости увлекся даосизмом.

*Не имеет титула, а заслуги Яо.
Может говорить, а подобен небу и земле.*

Еще больше превозносили господина в последующих поколениях, заучивали стихи наизусть. Уже находясь в преклонном возрасте, написал «Жалобы наложницы», всего в поэме было около нескольких тысяч слов. Завершив сочинение, отослал господину Нго Тхой Ши. Тот восхитился и сказал:

«Почтенные Нго¹⁰⁵ повержены!»

Поэма стала известной даже в Гуандуне и Гуанси. Некоторые читатели говорили:

«Сюда вложена вся энергия, автор обязательно через три года умрет!»

После этого господина сделали инспектором, а умер он в точном соответствии со сказанными словами. Был у него еще и роман «Удивительная встреча в Битькау», пользовавшийся популярностью у нескольких поколений.

Небо наказывает мать бесов (Тунг Ниен)

В районе деревень Хахой и Тхыонгкат, что в Тылиеме, в крестьянской семье рос мальчик. Было ему пять-шесть лет. Он часто просил отца отпустить его переночевать к дедушке. Вечером мальчик уходил, а рано утром возвращался обратно. Прошло несколько месяцев, все к этому привыкли. Дядя, однако, беспокоился о трудностях его дороги.

Однажды, встретившись с дедушкой и бабушкой, он попросил разрешить племяннику ночевать в своей семье. Старуха удивилась:

«Внук уже давно не бывал у нас в доме. Какие странные вещи ты говоришь!»

Дядюшка только тогда и понял в чем дело, но вслух ничего не сказал.

Когда наступил вечер, он тайком пошел следом за ребенком. Выйдя за деревенские ворота и подойдя к холмику, находившемуся в лесной чаще, мальчик позвал:

«Матушка! Я здесь».

Дядя притаился в кустах и стал наблюдать. Он заметил несколько десятков с лишним детей, одни из них плакали, другие смеялись. С ними была женщина, ее груди были длиной более *чи*. Обняв мальчика, она дала ему грудь.

«Приходится мне по утрам уходить и лишь к вечеру могу я тебя снова увидеть, к тому же боюсь, что моя семья прознает, где я бываю. Почему ты не возьмешь меня к себе насовсем?» — пожаловался малыш.

Женщина стала его успокаивать:

«Срок еще не подошел, придется подождать несколько лет. Но помни: если тебе дома будут предлагать поесть мяса карпа или черепахи, ты ни за что не соглашайся. Нарушишь мое условие, я не смогу к тебе больше приблизиться».

Мальчик все понял, и они снова принялись говорить друг с другом, но уже шепотом. Дядюшка потихоньку вернулся домой, а когда наступило утро, отправился на базар и купил несколько карпов и речных черепах. Дома он все вместе сварил, приготовил кушанье и, позвав мальчика, велел ему отведать. Малыш наотрез отказался. Тогда дядюшка накормил его насильно, а остатками всего обмазал.

Дождавшись вечера, дядя снова отправился вслед за мальчиком. Малыш был уже в десяти шагах от холма, как мать бесов в страхе сказала:

¹⁰⁵ В конце XVIII— начале XIX вв. существовало Литературное общество семейства Нго.

«Ты не выполнил прежде данного обета, так зачем же ты снова явился?»

Она выбрала мальчика и запретила ему приходить как прежде. Малыш постоял немного и заплакал. Тут дядюшка громко обругал ее, и женщина внезапно исчезла. Дядя достал кости карпов, черепаховые панцири и раскидал их среди зарослей.

В ту же ночь женщина постучала в дядюшкину дверь и с плачем стала просить убрать кости, а если откажется, пригрозила превратить его в злого духа. Пришлось дядюшке согласиться. Утром он встал и собрал остатки карпов и черепах, а затем выбросил их в воду. С тех пор за мальчиком ничего худого не замечали¹⁰⁶.

Храм Чанво¹⁰⁷ (Тунг Ниен)

Кумирня Ма, что в Иенфонге провинции Киньбак, сейчас называется кумирня Суан.

Давным-давно, в незапамятные времена жила лисица с девятью хвостами. Она причиняла вред жителям на сорока с лишним *ли* вокруг. Местность опусте-

¹⁰⁶ Во вьетнамском предании мать бесов названа по-китайски Гуй-му. Обратим внимание, что такое же имя (Гуйцзы-му) носит у китайцев индуистская богиня Харити, вошедшая в буддийский пантеон. Как отмечают исследователи, Харити — богиня-мать, почитается как подательница и покровительница детей. Эта функция Харити связана со следующей легендой. Якшиня Харити имела очень много детей. Поскольку питалась она человеческими детьми, Будда, чтобы положить конец страданиям людей, решил обратиться к ней. Для этого он спрятал младшего, любимого, сына Харити под патру. Мать нигде не могла найти его, и в горе обратилась к Будде. Тот обещал ей вернуть сына при условии, что она никогда не будет больше есть человеческих детей. Харити дала обещание и получила обратно сына. Она стала богиней, дарующей женщинам детей, а также покровительницей детей — ее собственное материнское страдание пробудило в ней сострадание к матерям-жертвам (*Павловская Л. К. Шихуа как образец буддийского народного повествования // Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги — М., 1987. — С. 50–51*).

Кроме того, Харити считалась богиней плодородия. Одной из ипостасей Харити была богиня богатства и изобилия Васудхара. В Непале Харити почитали хозяйкой оспы. Индийские и яванские скульпторы и живописцы располагали изображение Харити рядом с Куверой, богом богатства. Кувера и Харити считались супружеской парой (*Getty A. The gods of northern buddism. — Oxford, 1914. — P. 115*). Так, например, одна из скульптурных групп изображала сидящих рядом Куверу и Харити. Харити кормит грудью ребенка, а несколько других детей стоят рядом или выглядывают из-за спины супругов. Кроме того, пьедестал украшен барельефами детских фигурок в разных позах (*Bilderatlas zur Religionsgeschichte. Kirfel W. Der Hinduismus. — Leipzig, 1934. — S. 17*). Харити почитали в северной Индии, Непале, на Яве, в Китае, Японии. Таким образом, Харити представлена связанной с плодородием, она изображалась кормящей грудью ребенка, часто в окружении других детей. Кроме того, Харити обладала вредоносными чертами — пожирала человеческих детей. Вспомним, что героиня вьетнамского рассказа обладает сходными признаками: представлена как мать-кормилица, связанная с детьми и вредящая человеческим детям. Вероятно, не случайно они носят одинаковое прозвание «мать бесов». Можно предположить, что оба эти персонажа восходят к некоему древнему мифологическому образу женщины-хозяйки, обладающей двойственной природой дарительницы жизни и смерти. При этом мать бесов из вьетнамского предания представлена как антропоморфное божество плодородия, сохранившее архаические черты хозяйки водяных животных.

¹⁰⁷ Построен в 1102 г., перенесен на южный берег Западного озера в 1474 г., французы называли его храм Большого Будды. Чанво — кит. Сюаньтянь чжэнь шанди — даосское божество, владыка Севера, изображался босой, с распущенными волосами, с мечом в руке, при нем находились змеи и черепаха. Первоначально его статуя была из дерева, при императоре Хи-тонге правитель Чинь Так (годы правления: 1657–1682) одержал победу над войсками из феодального дома Мак, считалось, что помог Чанво, поэтому сделали его статую из меди. Чанво оберегал северную часть Ханглонга.

ла, никого не осталось. Владыка Северного Неба спустился на землю и поймал ее. С тех пор при многих династиях Владыке Северного Неба поклонялись как совершенному, приносили жертвы, почитали за старшего и сделали об этом запись в книге церемоний. В честь него в северо-западной части Тханглонга построили храм Чанво, это сделали для того, чтобы подавить чары озера Тэй. При прошлой династии в правление Динь-вюнга (годы правления: 1682—1709 — Е. К.) выплавили статую из меди высотой в несколько десятков *тхьюков*. Волосы у Владыки Северного Неба были распущены, он стоял босиком на черепахе и змее, опираясь на меч. Впереди находились четверо военачальников. Дух лиса располагался сбоку, облик имел внушительный, величавый¹⁰⁸.

Некий даос, уроженец Тханьхао, потомственный чародей, как-то возвращался из соседней деревни. Ему повстречался наставник-геомант Таао, пожаловавшийся на голод. Даос вытащил из котомки лепешки, бананы и с почтением поднес яства. Наставник, тронутый его поступком, указал благоприятное, защищенное от злых сил место для могил предков, прибавив:

«Примите это от меня в дар в знак благодарности за угощение».

Вскоре Тхань-то Чиег-вюнг (годы правления: 1570—1623 — Е. К.) с войсками, вставшими на защиту справедливости, двинулся на восток. Во время

¹⁰⁸ Функции персонажей этого предания станут более понятными, если обратиться к варианту, записанному в сборнике Ву Куиня и Киеу Фу (XV в.). По мнению французской исследовательницы Э. Поре-Масперо, предание о лисе из «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» имеет тотемистический характер. Исследовательница обращает внимание на то, что гора Танвиен связана с повествованием о борьбе духа Гор, поселившегося на горе Танвиен, и духа Вод, который вместе со всеми водяными тварями атаковал ее. Это напоминает, считает Э. Поре-Масперо, государя-дракона, выступившего против лисицы (*Porée-Maspero E. Études... T. 2. — P. 463*). К мнению Э. Поре-Масперо следует добавить, что в тексте предания из «Описания удивительного земель, расположенных к югу от гор» говорится о лисе, живущем в пещере на холме недалеко от столицы. Он — злой оборотень, который подделывается под приносящего благо хозяина горы Танвиен — «Мана в белых одеждах». И далее в предании рассказывается о том, как хозяин воды — дракон покарал зловредного лиса, затопив его водой. В качестве антагонистов здесь выступают лис из горной пещеры и хозяин воды. Сам же дух горы Танвиен упоминается только в начале и как культурный герой: персонаж, наделяющий людей разными умениями. Таким образом, дух горы Танвиен и лис связаны с горой и представлены как антагонисты. Возможно, первоначально существовало одно божество горы, сочетающее в себе два начала — жизни и смерти, добра и зла. Впоследствии этим двум началам стали соответствовать и два персонажа — носители противоположных качеств.

Приведенные предания позволяют говорить о том, что в качестве духа горы, с которым враждовал хозяин воды — дракон, мог выступать лис. Этот персонаж, как правило, наделен чертами вредоносного существа. Хозяин воды, уничтожающий лиса, в поздних вьетнамских текстах заменен даосским божеством — Владыкой Северного Неба. Храм, построенный в честь этого божества идентифицирован с древней кумирней, согласно преданию, стоявшей на берегу Западного озера и усмирявшей злые чары лиса. Во времена Фам Динь Хо и Нгуен Ана эта кумирня, вероятно, уже не существовала. Это подтверждается и тем фактом, что храм Владыки Северного Неба, воздвигнутый в 1102 г., находился в императорской части города и только в 1474 г. был перенесен на берег Западного озера. Не следует при этом забывать, что дух горы Танвиен почитался как носитель положительного начала (жизни) (ср. с отрицательным лисом — хозяином горы), он же выступал укротителем водной стихии, и в этом качестве был связан с чудесным мечом, покоряющим водный хаос. Хозяин горы и хозяин воды выступают попеременно, то как вредители, то как благодетели. Таким образом, в этих текстах, возможно, содержится намек на цикл мифов о борьбе двух хозяев стихий, причем в одном случае победителем и носителем жизни-космоса является хозяин горы, а в другом — хозяин воды. Ср. антагонизм двух хозяев стихий в корейской культуре, исследованный М. И. Никитиной (*Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. — М., 1982. — С. 181–182*).

ночлега *вюнг* простудился. Срочно призвали даоса, повелев совершить моление о прекращении болезни. Только он начал заклинания, как правитель выздоровел. Его заслуги были записаны. В годы под девизом правления *Куанг-хынг* (1578–1599 — Е. К.) правитель прибыл в Чунгбо, приказал назначить даоса настоятелем храма Чанво. И впоследствии присматривавшие за храмом монахи все были его потомками.

Некий министр, уроженец Хоангса, имя которого не сохранилось, когда был послом в Китае, забрал там статую *Тыдонг-декуана*¹⁰⁹, привез ее на юг и временно поставил в переднем зале храма Чанво. Затем, когда он пересекал пик горы Хоангса, перед ним явился *Тыдонг* и сказал:

«Аннам — государства цивилизованное. Я буду в первый и шестой дни месяца являться во сне студентам, жаждущим получить ученую степень, но статую надо отправить в Китай».

Как раз в это время прибыла лодка с китайцем, разыскивавшим изображение. Повинуясь приказу духа, господин министр вернул статую, однако сам отправился в Китай и сделал копию с нее. Вернувшись, он почтительно поднес ее *Тыдонгу*. Сейчас стоит слева перед храмом Чанво, дух изображен в шляпе и одежде чиновника.

В годы больших испытаний здесь собирались отовсюду студенты, искавшие ученой степени. Все вместе они купались, потом шли в храм и молились о ниспослании вещего сна, каждому воздавалось по заслугам. В пагоде на горе Хоангса происходило то же самое.

Гора Зуктхуи (Тунг Ниен)

Эта гора находится в местности Чанган, что в Тханьхоа, возле протекает река Вансанг. На вершине находится пагода Линьте, построенная в седьмом году под девизом правления *Куанг-хыу* (1092 — Е. К.) при династии Ли. Во времена династии Чан, в годы под девизом правления *Кхай-хыу* (1329–1341 — Е. К.) пагоду отреставрировали, господин Чыонг Хан Сиеу сделал надпись.

В годы под девизом правления *Кань-хынг* здесь началось строительство загородного дворца для императора, место выбрали из-за горного рельефа. В короткое время возвели громадное здание. Сам государь составил надпись, а его сановники приказали выбить ее на камне. Когда происходило умиротворение юга, император останавливался в этом дворце. После смены треножников¹¹⁰ дворец пришел в запустение и превратился в зернохранилище, пагода также обветшала. Но старая стела сохранилась и поныне, надпись на ней гласит:

«В нашей местности много прекрасных пейзажей, во времена моей молодости я объездил их все. Часто, оставив у берега лодку, я поднимался на эту гору.

¹⁰⁹ *Тыдонг-декуан* — дух, покровительствовавший литературе. М.Ткачев, переводящий прозвание духа как Хранитель Багряно-алых ворот, считает, что это одно из имен духа, которому поклонялись в храме Воина-усмирителя, под этим именем он почитался как покровитель наук и словесности, первоначально — даосское божество, включенное в конфуцианский культ (Ткачев М. Мастер рукотворных чудес из края Светлого моря // Пространные записи рассказов об удивительном. — М., 1974. — С. 210–211). У китайцев дух с аналогичным именем — Цзытун дицзюнь (даос. Государь реки Цзытун) считался божеством, дарующим благополучие.

¹¹⁰ Имеется в виду падение династии Ле.

Расчистив стелу у обрыва и скосив около нее заросли, смог прочесть ее и узнал, что старая пагода построена в седьмом году под девизом правления *Куанг-хью*. Я поднялся на вершину горы и увидел, что верхний этаж пагоды уже обрушился и кругом валяются обломки. Сама пагода скрылась среди густых зарослей, беспорядочных груд камней. Нельзя было не почувствовать с грустью, что таков закон чередования возвышений и падений, побед и поражений, вероятно, в будущем, через двести с лишним лет, так же окажутся стерты следы династии Чан! Не такая ли судьба ждет и строителей? А эта гора с ее окрестностями существует с тех пор, как создан мир, и когда она рухнет, — этого не знает никто!

Впоследствии я странствовал по всем четырем сторонам, служил при дворе, занимал важные посты в провинции, был отшельником на краю света. Время текло как во сне!

Зимой, когда исполнилась вторая годовщина восшествия на престол (имеется в виду император Чан Зу-тонг, годы правления: 1341–1369 — Е. К.), горный монах по имени Чи Нью явился во дворец и объявил:

«Реставрация пагоды началась в двенадцатом месяце года *динь-шуу* под девизом правления *Кхай-хью* (1337 — Е. К.) и вот через шесть лет работы закончены. Прошу написать текст для стелы, ваши благочестивые заслуги так величественны, что их нельзя даже охватить мыслью, воздаяние будет столь же огромным.

Накануне дня освещения пагоды монах по имени Дык Ван видел во сне, как на вершине горы собралось более тысячи человек. Среди них выделялись трое, обладавшие высоким саном и необычной внешностью. Они сказали:

«Знайте, что сооружение пагоды является самым важным благочестивым делом».

Через полдня монах по имени Дык Уиен увидел сон, как святой отшельник Чук Лам Фо Туе совершил на этом месте церемонию, подавлял влияние нечистой силы.

И еще. Когда монахи Дык Тинь и Дык Минь мостили дорогу, ведущую к пагоде, на них упал большой камень, и они покатались с высоты вниз, пролетев несколько десятков ступеней. Видевшие это испугались, думая, что теперь и костей не соберешь. Но когда монахам помогли подняться, оказалось, что на них нет ни царапины.

Пагоду соорудили в четыре яруса, по ночам она испускала свет, видимый отовсюду. Все это происходило не без воздействия чудесных сил наших духов.

Я слышал также, что в древности царь Ашока преданно служил духам и соорудил в их честь восемьдесят четыре тысячи ступ. Во время освещения он обходился с духами как со своими родственниками и концом посоха выводил письмена на ступах. Так Ашока сумел утихомирить злые силы и переправиться через море страданий. Однако вскоре спустилась мгла, и правду стало не отличить ото лжи.

Настоящее время и древность одинаковы по своей сути. Поэтому прошу выбить это на камне, дабы передать грядущим поколениям: если всегда опираться на буддийскую церковь, на ее блистающий мир, если видеть в ней брод и перила моста при испытаниях, то тогда нет ничего невозможного».

Я полагаю, что Шакья и Лао-цзы за свидетельство *дао* почитали «три пустоты». После их ухода из этого мира в «последние времена» поднялись всяческие еретические учения, смущающие людей. Из пяти частей Поднебесной буддийские храмы находятся только в одной. Люди утратили прекрасные нормы

взаимоотношений и лишь попусту растрачивают свое богатство. Они стали подобно рыбам бездумно плыть по жизни, подобно червякам следовать за кем попало. Очень мало осталось таких, кто не поддался влиянию злых духов и не свернул с колеи. Множество людей творит зло. А разве это допустимо?

Но вместе с тем последователи учителя Фо Туе глубоко проникли в суть учения «бамбуковой роши»¹¹¹ и наложили на себя строгие правила соблюдения монашеского устава. Кулак, натягивающий пустой лук, как бы превращается в большую руку. Тот, кто задумал достичь заоблачных высот, должен класть камень за камнем: из *така* родится *тхьюк*, а из *тхьюка* — целый *чьюнг*, так шаг за шагом, этаж за этажом. И вот пагода взметнулась ввысь, как утес, уперлась в лазурный свод, стала еще одной достопримечательностью нашей страны. По своему совершенству ее можно сравнить с творящей силой природы. Разве все эти чувства можно выразить обычными словами?

С тех пор, как была построена пагода, прошло уже несколько веков. Вверху и внизу — изменения и разрушения. И вот, если бы я не пришел сюда, то кем бы вновь была выражена скорбь по разрушенной пагоде. Изумрудные пики, бирюзовые волны, на поверхность реки легла тень от пагоды. Заходящее солнце освещает лодку, что скользит по волнам там внизу. Лодочник с гордым видом толкает шестом лодку, ударяет по струнам и поет о водах реки Цанлан.

Эти чувства, этот пейзаж знаем лишь я, лишь река да горы. В год *куй-муй*, второй год под девизом правления *Тхьеу-фонг* (1343 — Е. К.) занимая должности *няпной ханькхиен тати тхиланг* и по совместительству помощника управляющего областью Лангшон, забытый старец Чьюнг Хан Сиеу поднялся и только что записал».

Могилы предков рода Нгуен из деревни Куею (Кинь Фу)

Род Нгуен из Куею при прошлой династии в период *Чунг-хынг* пользовался известностью. Некогда дальний предок, происходивший из бедной семьи, жил в хижине посреди поля и ловил уток, чтобы прокормиться. Однажды сын пришел навестить его, но нигде не нашел. Из письма сын узнал, что отец убит пробравшимися тайком китайцами, которые вырезали у него сердце и принесли в жертву своим демонам. Также в письме советовали сделать могилу в земляной насыпи рядом с хижинкой, указав: «Это благоприятное, выбранное по гаданию место, не следует его менять».

Сын горько заплакал, похоронил отца и вернулся. Впоследствии его потомки стали знаменитыми полководцами, отличавшимися смелостью. Многие из них погибли в бою. Люди приписали это искусству геомантии.

В годы под девизом правления *Винь-хыу* (1735—1740 — Е. К.) один из потомков, генерал Дык То отправился усмирять разбойников. Когда выступили в поход, передал знамя и печать подчиненным, сказав:

«Сохраните их, а потом вручите при дворе. Я наверняка не вернусь».

¹¹¹ «Бамбуковая роша» (Чуклам)— влиятельная буддийская секта, первым патриархом ее стал император Чан Нян-тонг (годы правления: 1279—1293).

Встретившись с мятежником Зиеном, генерал пришпорил коня и ринулся в бой. Схватка продолжалась долго. Лошадь генерала оступилась, и его убили.

Мятежник Зиен, уроженец Ниньса, что в Тилиеме, был потомком господина Нгуен Мая, отличался необычайной силой, за один присест съедал четыре котелка с рисом. В детстве он упражнялся в военном искусстве. Слава его не уступала известности генерала. После победы Зиен, обрадовавшись, сказал:

«Теперь у меня нет больше соперников».

Траурное известие услышали при дворе и, по достоинству оценив преданность генерала, возвели его в ранг доброго духа. Сыновей его — Дык Тхана и Дык Аня — сделали чиновниками. В сражении при Нянаме, что в Иентхе, столкнулись с мятежником Нгуен Хью Кау. Дык Ань ехал на слоне и руководил боем. Его ранили в правую руку возле локтя. Разорвав платье, Дык Ань сделал перевязку и, продолжая командовать войсками, опять кинулся в бой. Мятежники атаковали его и убили. Посмертно пожаловали титул *куанконга*.

В то время Дык Тхана назначили *хьутыонгкуан*. Теснил противника вплоть до вражеского лагеря. В него попал шальной снаряд, и он погиб. Его сын стал руководить войсками, проявил большую отвагу. Ему пожаловали титул *Бакнган-хау*. В конце годов под девизом правления *Кань-хынг* его направили в округ Тхуанкуанг. В пятом месяце года *бинь-нго* (1786 — Е. К.) при взятии крепости погиб в бою.

Господин Гром (Кинь Фу)

Некий богач был родом из Ньыфыонга, что в Ванзянге. Однажды, занимаясь торговлей, он вышел в открытое море. Поднялась сильная буря, лодку опрокинуло, а его самого выбросило на какой-то остров. Все жители здесь были черные и уродливые, одежда, пища, занятия земледелием ничем не отличались от обычных. Прожил торговец на этом острове несколько лет, нанимаясь батраком то к одному, то к другому. Как-то раз некий островитянин сказал ему:

«Если ты хочешь вернуться домой, следуй за мной».

Он дал ему конец каната, велел крепко ухватиться и закрыть глаза, поднялся в воздух и полетел. Торговец услышал оглушительные раскаты грома. Неожиданно канат оборвался, и он упал на землю. Глянул — перед ним ворота его родной деревни. Торговец поспешил к себе домой, но оказалось, что никто из близких его не узнает, — так он изменился. Богач рассказал о своих странствиях, только тогда люди ему поверили. Сейчас потомки этого человека все черные, в народе говорят, что это род господина Грома.

Господин Зыонг Као (Кинь Фу)

Господин был уроженцем Хало, что в Донгнгане. Пока еще не получил ученую степень, навещался в храм Чанво в уезде Иенфонг и молил о вещем сновидении.

Как-то дух сказал:

«Всю жизнь будешь принадлежать к разряду простолюдинов».

Проснувшись, Зыонг Као опечалился, пал духом и перестал рассчитывать на успех.

В год *мау-тхин* (1748 — Е. К.) проводились столичные экзамены. Вместе со своим наставником, некогда обучавшимся в Школе Сынов Отечества, Зыонг Као отправился в столицу.

Как только перешли к третьему туру, наставник умер. Зыонг Као подделал его имя, вошел в помещение для экзаменов и приступил к сочинению. Среди экзаменуемых распространился слух, что в испытаниях участвует подделавший имя человек. Все пришло в беспорядок. Сосед Зыонг Као, Нгуен Зуи Хиеу, сын министра Нгуен Зуи Тхоя, встал и сказал товарищам:

«Большие испытания проводятся раз в три года, отбор талантов — это торжественная церемония. Люди разберутся, что произошло, пусть каждый беспокоится о своей судьбе».

Сдававшие экзамены умолкли.

Когда вывесили доску с именами, оказалось, что Зыонг Као стал лауреатом. О случившемся прослышали наверху. Придворные требовали лишить его степени, но обсуждение этого дела еще не завершилось.

В то время господин Нгуен Зуи Хиеу, также выдержавший экзамен, отказался принимать поздравления. Его отец — министр — спросил о причине. Тот с почтением отвечал:

«Я опечален и не хочу принимать поздравления из-за некоего Зыонга, обладающего редким талантом, но его, кажется, хотят прогнать».

Господин министр постарался утешить сына. Затем тут же отправился во дворец и попросил аудиенции. Он обратился к правителю:

«Господин Зыонг Као выдержал столичные экзамены согласно правилам ведомства ритуалов. Разве он не преуспел бы на уездных испытаниях? На доске уже вывешены имена. Как же можно изменять устоявшиеся нормы?»

Государь внял его словам. Зыонг Као разрешили участвовать в дворцовых экзаменах, он оказался среди лауреатов *тиенши* второй степени. Впоследствии, когда была сделана надпись на стеле, в конце ее пояснялось, что Зыонг Као относился к простолюдинам. Предсказание духа сбылось.

Господин Нгуен Данг Као (Тунг Ниен)

Господин был уроженцем Хоайбао, что в Тиензу, характер имел распушенный, не терпел никаких ограничений. Кроме собачьего мяса и крепкого вина ничего не любил. Отличался надменным нравом, никого и в грош не ставил. На дворцовых экзаменах стал первым лауреатом, но при дворе понизили его до третьего места. На аудиенциях Нгуен Данг Као говорил, ничего не скрывая, несколько раз его увольняли со службы.

Из Китая прибыл посол, доехал до почтовой станции Сыонгзянг и остановился. Отослал наследному принцу квадрат из парчи, на котором крупно был написан иероглиф *кан*. При дворе ничего не поняли, указом вызвали господина. Тот с почтением доложил:

«Это несложная загадка. Не стоит и беспокоиться».

Приказал принести кисть и, обмакнув ее в тушь, провел на парче вертикальную черту.

Наконец посол прибыл. Правитель обратился за разъяснениями, Нгуен Данг Као отвечал:

«Иероглиф *кан* — гадательная триграмма — состоит из трех горизонтальных линий, я перечеркнул их вертикальной, получился иероглиф *выонг*, означающий «правитель».

Когда господин ездил с посольством платить дань, ему попался один постоянный двор, построенный поистине великолепно. Сопровождающий попросил сделать надпись на вывеске. Нгуен Данг Као начертал два иероглифа *чунг ни*. Китайцы осведомились, что это значит, господин с улыбкой пояснил:

«Ветер и луна¹¹² не имеют никаких ограничений».

Все, кто слышал, почтительно восхитились.

После возвращения посольства господин подал в отставку. Имея при себе флягу из тыквы-горлянки, одетый в крестьянскую шляпу из бамбуковой щепы и простые сандалии, бродил среди ручьев и камней, опираясь на посох. Часто так увлекался, что забывал вернуться.

Как-то лунной ночью господин поднялся на гору Ланкха. Пробили первую стражу, вокруг не было ни души. Вдруг заметил два посоха, воткнутые в землю и между ними натянутую тонкую веревку, на которой лежал даос и храпел. Нгуен Данг Као удивился, преклонил колени, решив подождать. Через одну стражу даос поднялся, сел и промолвил:

«Не вы ли третий лауреат дворцовых экзаменов, родом из Хоайбао?»

Низко поклонившись, господин отвечал утвердительно. Желая покинуть мирскую жизнь, просил позволения следовать за совершенномудрым в странствиях. Даос, очертив пальцем круг, сказал:

«Вы имеете задатки, но нет предопределения. Не стоит сопровождать меня, у вас возникнут трудности».

Господин проявил настойчивость и даос спросил:

«Придется воздерживаться от пяти видов мясной пищи, из которых собачье мясо первое, сможете ли?»

Нгуен Данг Као отвечал:

«Смогу».

Даос свернул веревку, связал ею посохи и велел господину нести их. Вместе они пошли через горы и реки, когда останавливались в знакомых местах, привычных пейзажей нельзя было узнать. К полудню добрались до рынка, из торговых рядов бил в нос запах собачьего мяса. Господину так нестерпимо захотелось отведать кушанья, что не смог удержаться и попросил разрешения в последний раз наесться досыта. Даос согласился, забрал у него посохи и велел зайти в харчевню. Наевшись, Нгуен Данг Као вышел. Даос сказал:

«Я — Чан До Нам, вы имеете задатки, но нет предопределения, не ходите за мной, вам будет трудно».

Он рассказал ему, как надо лечить буйволов и тут же исчез. Господин протер глаза и тщательно осмотревшись, понял, что находится на рынке Каулим в деревне Нойзюе, удаленном от горы Ланкха не более чем на один *ли*. Удивился, долго сожалел.

¹¹² Иероглиф *чунг* представляет собой внутреннюю часть иероглифа «ветер», а иероглиф *ни* — иероглифа «луна».

Господин Буи Хюи Бить (Тунг Ниен)

В год *ням-зан* периода *Кань-хынг* (1782 — Е. К.) власть перешла к Диен До-*выонгу* (годы правления: 1782 — Е. К.) который в то время был еще ребенком. Это всех взволновало, в двадцать пятый день десятого месяца войска трех областей подняли мятеж, возвели на трон Тонга — старшего сына прежнего государя, он стал Доан Нам-*выонгом* (годы правления: 1782—1786 — Е. К.). Только когда господин Буи Хюи Бить вошел в правительство, кое-как пришли к согласию. Находившиеся внизу покушались на власть, стоявшие наверху приходили в упадок. Устои при дворе с каждым днем разрушались. Господина это печалило, он часто сетовал.

Оплакивая чиновника, входившего в совет правительства, господина Хо Си Донга, Буи Хюи Бить написал такие строки:

«Наверху, в правительстве, за делами не следят. К тому же случилось наводнение, мелкие зеленые гусеницы съели урожай. Возможно, вы бы смогли исправить положение. Сейчас, когда вас уже нет в живых, я, пребывая в своем невежестве, по-прежнему не забываю вашей мудрости».

То, что было у него на сердце, ясно видно из этих слов.

Однажды вечером увидел во сне Нги то Ан-*выонга* (годы правления: 1709—1729 — Е. К.) он прогуливался в горах. Преклонив колени, Буи Хюи Бить доложил:

«Государственные дела пришли в упадок. Может быть, Вы что-нибудь делаете для нашей родины?»

Правитель вздохнул и, ничего не сказав, указал рукой вниз. Там, у подножия горы, громоздились трупы, текли реки крови. Шляпы, одежды, повозки, кормушки для лошадей лежали вперемешку, всего так много, что невозможно сосчитать.

Много раз Буи Хюи Бить подавал в отставку, но его просьбы не были удовлетворены. Вскоре государство погибло.

Башня Баотхиен (Тунг Ниен)

Башня Дайтханг тытхиен в пагоде Баотхиен была построена во времена Ли Тхань-тонга¹¹³ В ней двенадцать ярусов, в высоту достигает нескольких десятков *тхыоков*. Традиционно считается, что в Аннаме четыре достопримечательности¹¹⁴, башня — одна из них.

В годы под девизом правления *Сюань-дэ* (1426—1435 — Е. К.) династии Мин при прошлой династии император Тхай-то¹¹⁵ двинул войска и окружил столицу. Наместник китайского императора Чэншань-хоу Ван Тун, защищая город, разрушил башню, сделав из камней снаряды для катапульты. Впоследствии фундамент оказался засыпан землей. После смены династии пагода была

¹¹³ Император Ли Тхань-тонг правил в 1054—1072 гг., при нем в 1057 г. была построена башня Баотхиен

¹¹⁴ Четыре достопримечательности: башня Баотхиен, статуи Будды в Донгчиеу, треножник в одном из храмов Намдиня, колокол в Куулиене.

¹¹⁵ Имеется в виду Ле Лой.

заброшена, возле нее возник рынок Баотхиен, а на месте старого фундамента стали наказывать преступников.

В год *зяп-зан* (1794 — Е. К.) фундамент башни разрыли, а кирпичи и камни оттуда употребили, чтобы подремонтировать крепостные стены Тханглонга. В основании башня имела четыре входа, у каждого стояли по две статуи Ким Кыонга¹¹⁶. Здесь сохранились изваяния небожителей, птиц, зверей, а также столики, лежанки, посуда. Все сделано из камня, в таком количестве, что и не сосчитать. Башня сооружена из расписных кирпичей, на каждом выгравирована надпись: «Изготовлено при третьем императоре из семьи Ли, в четвертый год под девизом правления *Лонг-тхуй тхай-бинь* (1058 — Е. К.)». Некогда я сочинил стихи, гласившие:

*На старом фундаменте, воздвигнутом во времена
императоров Ли, выросла густая трава.
Тхай-бинь — забытый девиз, разрушились остатки кирпичей.*

Это соответствует действительности.

Принцесса-небожительница (Тунг Ниен)

Любимая дочь главной жены Минь-выонга (годы правления: 1740—1767 — Е. К.) оказалась принцессой-небожительницей. Она предназначалась в жены наследному принцу Зуи Ви, но не дожидаясь свадьбы, скончавшись юной. Ее положили в гроб, посмертно присвоив титул *Хоангтхай тыфи*. Траурная церемония происходила в доме кормилицы покойной принцессы — госпожи Лиеу.

Накануне наследный принц, облаченный в траур, остался у кормилицы ночевать. Ему приснился человек в желтой одежде, он отвел его во дворец государя. Прислуживали там наложницы, и все оказалось в десять раз роскошнее, чем обычно. Принц и принцесса пили чай, с кухни слуги подносили разные угощения, играла чудесная музыка. Долго они так пировали, а потом, приказав опустить полог, предались любви. Лежа в постели, принцесса сказала:

«Я получила приказ Владыки спуститься во дворец и исполнить брачные обязательства, ведь наши судьбы и раньше были связаны. Недавно матушка уменьшила свои милости, и посланец уведомил, что мне придется вернуться. К сожалению, не смогу удостоиться чести постоянно прислуживать вам с совком и метелкой, но наша встреча недалека. Не печальтесь обо мне».

Когда принц проснулся, винные пары еще не рассеялись, аромат пропитывал одежду. Он позвал кормилицу и все ей рассказал. Одежда, прекрасные манеры принцессы были совсем как при жизни. Вскоре наследного принца постигло несчастье.

Продавцы угля (Кинь Фу)

После того, как рухнула династия Нгуен¹¹⁷, прежние чиновники не стали служить и превратились в отшельников. Они зарабатывали на жизнь продажей угля. Однажды на дороге им встретились правительственные войска. Сановник,

¹¹⁶ Божества-охранители в буддизме, изображались во Вьетнаме в виде воинов.

¹¹⁷ Имеется в виду род Нгуен, правивший в южной части Вьетнама.

господин Хоанг, увидев это, изумился и повелел мне сложить на родном языке стихи о продавцах угля. И я написал такие строки:...¹¹⁸

Господин вздохнул и одобрил мои стихи, наградив пятью связками монет. Но я дар не принял, поднял на плечи свою ношу и ушел.

Стихов, написанных бывшими чиновниками прошлой династии Нгуен, очень много. Все их записать невозможно. Приведу только еще одно-два стихотворения.

Стихотворение в жанре *люйши* (семисложная строка в переводе передается двумя строками — Е. К.):

*Кто — врозь, а кто — вместе,
Как же может быть иначе?
Но издавна Юг и Север
Были одной семьей.
Зашатались и дрогнули правительственные войска,
Рога трубят, и гремят барабаны.
Государь и министры убежали, скрылись,
Слезы их льются на горы и реки.
Грустно свисают седые космы,
Куда старикам податься?
Тревожно бьются сердца у преданных,
Они не могут присягать другим.
Обращаюсь со словами к Священному Небу,
Чтобы оно не наслало на нас новых бед.
Побуждаю лазурно-пурпурное небо
Заставить всех бросить оружие.*

И еще одно стихотворение в жанре *люйши*, с сокращением:

*В течение двух столетий
В государстве царил прочный мир.
И арестованные и управляющие были наделены смыслом.
И со страхом почитали оружие совершенномудрого государя.
Негодные чиновники не подавали головы,
Порицались только вероломные у власти,
Никто не мог преодолеть пограничные хребты,
И всякая нечисть оставалась в покое.
Как можно стерпеть новые ступени,
На них так мало настоящих чиновников.
Как не воздать прежним правителям,
Они оставили нам свои заботы и милости.
Прошлая династия разве похожа на Инь (1766–1122 гг. до н. э. — Е. К.),
Она скорее напоминает Чжоу (1122–247 гг. до н. э. — Е. К.)!*

И еще одно стихотворение в жанре *люйши*:

*Я вначале скорбел,
Что не умер верным и преданным.
Глядя на то, как зависимые сановники
Съезжают в Яшмовую столицу за тысячу ли.
Когда Цзи-цзы¹¹⁹ уходил на запад,
Он скорбел о красоте хлебных злаков.*

¹¹⁸ Перевод не ясен, т. к. стихи написаны вьетнамской иероглифической письменностью *ном*, мне незнакомой.

¹¹⁹ Цзи-цзы — дядя иньского Чжоу-вана. Пытался удержать Чжоу-вана от жестокостей, но не имел в этом успеха. Тогда Цзи-цзы притворился сумасшедшим, и был продан в рабство по приказу Чжоу-вана.

*Когда Вэнь¹²⁰ переходил реку к северу от гор,
Он вздыхал о брызгах океана.
Поднимают глаза, смотрят на горы и реки,
И мысли о родине наполняют людей.
Когда обладатели ритуальной бронзы поднимают голову,
Они легко относятся к вкусу времени.
Вдалеке виднеются горы Тонгшон,
Что же это за место?
Там на холме старинные захоронения
Доблестных предков наших!*

Некая женщина, покинув столицу, тосковала на чужбине. Она жила у своего родственника из рода Нгуен, имевшего титул хау. Однажды продекламировала такие парные строки:

*Когда придешь, то погубишь княжество У и причинишь
вред женщинам, стирающим одежды¹²¹.
Когда уйдешь, то сохранишь княжество Чу и пристыдишь
Баосюя¹²².*

Хау услышал эти стихи и записал.

Господин Фам Тау (Кинь Чу)

Господин Фам Тау, уроженец Хоангса, что в Донгсуане, был сыном лауреата, победившего на внеочередных литературных испытаниях. Уже в детстве отличался умом, читал много книг, писал пространные сочинения. Когда сдавал экзамены, написал оду на тему «Встреча истинных государя и подданного». Экзаменаторы удивились его таланту, отвели ему первое место.

В один из годов под девизом правления *Винь-хыу* (1735–1740 — Е. К.) отец Фам Тау из-за своего тестя господина Нгуен Ханга скрылся в Чаннине, последовав за императорскими родственниками Зуи Тюком и Зуи Матом¹²³, которые подняли мятеж. В бою он был взят в плен, доставлен ко двору. Сановники, порицая его, сказали:

«Вы преуспели на экзаменах, почему же примкнули к бунтовщикам?»

«Давно уже не ясен смысл названий. Как можно отличить благонамеренного подданного от мятежника?» — ответил, улыбнувшись, господин, затем вытянул шею, дожидаясь казни.

¹²⁰ Имеется в виду сунский поэт Вэнь Тяньсян (1236–1282).

¹²¹ Женщины, стирающие одежды — жены воинов, отправившихся в поход.

¹²² Шэнь Баосюй — чуский сановник периода Чуныцю. В 506 г. до н. э. войска княжества У вторглись в царство Чу и овладели чуской столицей. Чуский князь Чжао-ван бежал в княжество Суй. После этого в 505 г. до н. э. Шэнь Баосюй отправился в Цинь просить помощи. Он стоял под стеной дворца семь дней и плакал. Циньский правитель сжалился и спел ему песню «Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?...» (Шицзин. — М., 1957. — С. 143). Он послал войско на помощь Чу. Чжао-вану удалось вновь вернуться в столицу и занять престол. Он хотел наградить Шэнь Баосюя, но тот отказался и бесследно исчез.

¹²³ Ле Зуи Мат принадлежал к императорскому роду Ле. В 1738 г. Ле Зуи Мат с группой сановников принял решение свергнуть правителя Чиня и восстановить реальную власть дома Ле. Попытка переворота не удалась. Ле Зуи Мат бежал в Тханьхоа. Там, опираясь на местное население, возобновил подготовку, восстание охватило всю горную часть Тханьхоа и Нгеана.

Из-за этого происшествия Фам Тау лишили права занимать чиновничьи должности, он погряз в пьянстве и разврате, бросил жену и детей. Не интересуясь работой, имуществом, бродил среди гор и рек, руководствуясь только своими желаниями, пил вино, пел песни. Часто так увлекался, что забывал вернуться домой.

В то время *куоклао* Хоан-*куанконг* Нгуен Хоан, заинтересовавшись даосскими книгами, решил, что господин владеет секретами небожителей. Он пригласил его, намереваясь расспросить. Фам Тау засмеялся:

«Вы принадлежите к придворным кругам, плывущим в жизни по течению, вас ничему нельзя научить».

Господин *куок-лао*, не сказав в ответ ни слова, выгнал его.

В конце периода под девизом правления *Кань-хынг* на рынке Тханьха можно было встретить босого человека в рваной одежде, декламировавшего стихи. Предлагали вино — не отказывался, давали деньги — тоже брал, но затем разбрасывал вокруг на радость собиравшим их ребятишкам. Прослышав об этом, уездный начальник пригласил человека в дом. Он пришел, от еды отказался, только выпил очень много вина. Пришло время идти спать, так с грязными ногами и улегся. Ему предложили вымыться, но не захотел. Прожил несколько дней, затем попрощался и ушел. После того, как треножники опрокинулись, неизвестно, что с ним стало.

Господин Во Конг Чан (Кинь Фу)

Министр Во Конг Чан был родом из Донтхы, что в Тханьоае. В детстве он отличался своей незаурядностью и не терпел никаких ограничений.

Господин Чан решил поселиться в местечке Тхьетунг уезда Донгнган и заняться совершенствованием своего образования. У деревенских ворот находилась бесовская кумирня, дух которой отличался своей сверхъестественностью. Юноша позволял себе часто над ним подшучивать.

Как-то раз ночью молодой человек настолько углубился в книгу, что сначала даже не заметил появившейся около него девушки в белом шелковом платье и черной юбке. Она уселась подле стола. Господин Чан подумал, что это одна из доступных, легкомысленных девиц и решил подшутить. Он начертал на чистом листе два иероглифа *чок фок* — «схватить», а затем кинулся обнимать ее.

Она вдруг исчезла, но когда отпустил руки, снова все было как прежде. Тут ему и пришло на ум, что она — бесовка. Девица не могла уйти и долгое время хранила молчание, а потом, не выдержав, принялась упрашивать господина Чана отпустить ее. Тот и слушать ничего не пожелал. Когда пропели петухи, девица жалобно взмолилась:

«У тьмы и света разные дороги, а вы меня тут держите. Разве не слышали, что произошло с тем, кто поджег носорожий рог в Нючжу?»¹²⁴

Господин Чан пообещал ее отпустить, но сначала захотел узнать о своей дальнейшей судьбе.

¹²⁴ По преданию, в Китае, во времена династии Цзинь некий человек зажег носорожий рог, осветил бездну в Нючжу, увидел там существ иного мира. Ночью ему явился во сне некий дух, который отчитал его за этот поступок.

«Легкомысленно разгласить небесную тайну — это большое преступление, но от вас я ничего не утаю. В будущем вы преуспеете на внеочередных литературных экзаменах не только у себя на родине, но и в Китае, тогда-то уж, надеюсь, и про меня не забудете», — сказала ему девица.

Господин Чан согласился, повернулся и написал на чистой бумаге иероглиф *зйй* — «отпустить». Девица сразу исчезла. Вскоре началась сильная гроза, и полил дождь.

На следующий день у людей только и разговоров было о том, что стоявшая у деревенских ворот кумирня, разрушена ударом молнии.

Прошло время, и в год *зяп-тхин* при девизе правления *Бао-тхай* (1724 — Е. К.) господин Чан сдал экзамены, получив высшую ученую степень *тиенши*. Удалось ему добиться успеха и на внеочередном литературном конкурсе.

Когда он отправился с посольством в Китай, там как раз подошел срок литературных испытаний, и господин Чан сумел одержать победу. После этого, видя, что слова девушки оказались пророческими, он не забывал во время еды ставить лишний прибор, принося ей жертвы.

Служа при императорском дворе, господин Чан отличался честностью и непреклонностью, никогда не заискивал перед важными персонами. В один из годов под девизом правления *Кань-хынг* ему была присвоена должность главы Палаты инспекторов. В это время на посту командующего военным округом находился Люйен-*куанконг* по имени До Тхе Зяй. Он был давним сторонником правителя, даже следовал за ним в изгнание. Пользуясь любовью и доверием государя, До Тхе Зяй забрал власть в стране в свои руки. Господин Чан просил отрубить этому сановнику голову и удостоился похвалы за свою прямоту. Когда он вышел в отставку, ему пожаловали почетную должность министра.

Дочь господина Чана была просватана за сына человека по имени То Тхе Хыу, жившего в деревне Биньданг. Только успели отпраздновать обручение, как ее суженый умер. Следуя наставлениям отца, девушка поселилась в доме семьи То и стала носить траур. Она была еще молода, и матушка, жалея ее, не раз предлагала выйти замуж.

«Следовать одному до конца — вот к чему должна стремиться женщина. Зачем еще о чем-то сожалеть», — говорила девушка.

Госпожа свекровь тоже советовала ей подумать о себе, но она поклялась не выходить замуж и так до смерти и прожила у них в доме.

Господин Нгуен Чат (Кинь Фу)

Господин Нгуен Чат, уроженец Нгуетвиена, что в Хоангхоа, в молодости сдал уездные экзамены, потом надолго забросил учебу. В деревне Боттхай этого же уезда жил некий человек, тоже уже выдержавший одни испытания. Он был способный и знающий, считал, что, полагаясь на свой талант, легко станет крупным чиновником. Один старик, сведущий в геомантии, часто навещавший его, как-то сказал:

«Я ценю ваши способности, могу, кроме того, указать одно место, благоприятное для будущих лауреатов *тиенши*. Если пожелаете, можете перенести туда могилы предков».

Человек отвечал:

«Ученую степень я и сам получу, зачем обязательно прибегать к геомантии?»

Старец молча ушел. Придя в деревню Нгуэтвиен, посетил господина Нгуен Чата и сделал такое же предложение. Нгуен Чат поблагодарил, промолвив:

«Богатый, благородный человек и я хотим добиться одного и того же. Но я учебу давно забросил, как могу на что-либо рассчитывать?»

«Конечно, лауреатом *тиенши* становится тот, кто много занимается, в этом нет ничего странного», — усмехнулся старик.

Он гостил у Нгуен Чата несколько месяцев, и тот все время за ним почтительно ухаживал. Наконец старик указал заветное место, а еще приказал взять все книги и сжечь. Нгуен Чат повиновался, но люди осудили такое безрассудство.

Наступили столичные экзамены. Нгуен Чату с трудом удалось раздобыть нужное снаряжение, и он отправился в путь. Вскоре прибыл в столицу, поселившись со своими друзьями, также принимавшими участие в конкурсе. В первом и во втором туре приятели помогли ему. В третьем туре Нгуен Чат подобрал чьи-то листки, списал с них и тоже достиг успеха. За несколько дней до последнего тура студенты, жившие вместе с ним, вышли куда-то обсудить экзаменационные дела. Господин остался дома один и проспал весь день. Ему привиделся дух, восклицавший:

«Красота! Красота!»

Проснувшись, Нгуен Чат понял:

«Иероглифы *кхьонг* — красота, и *кьонг* — имбирь, по-китайски читаются одинаково — *цзян*, наверняка дух имел в виду имбирь!»

Следуя совету, господин нарезал имбиря и захватил его с собой, когда пошел на экзамен.

Была весна, погода стояла холодная. Сидя в экзаменационном помещении, Нгуен Чат принялся причитать, ничего не делая. Потом он, думая согреться, разжег огонь и вскипятил воду. Солнце уже клонилось к закату. В соседнем помещении студент стонал от сильной боли в животе. Прислушавшись, Нгуен Чат узнал человека из деревни Боттхай. Он налил отвара с имбирем и дал ему выпить. Через мгновение тот вытащил экзаменационное сочинение, сказав:

«В этой работе воплотились все мои помыслы, к счастью, еще не успел поставить имя. Возьмите в награду за вашу доброту. Если я умру, надеюсь, вы не будете вспоминать старую вражду».

Нгуен Чат последовал его словам, тот вскоре умер. Нгуен Чат выдержал испытания, об этой истории говорили и в столице и в провинциях. Дело обнаружилось, приостановили дворцовые экзамены. Только спустя долгое время лауреатам предоставили возможность занять чиновничьи должности. С тех пор это стало правилом.

Господин Во Сьонг (Тунг Ниен)

В один из годов под девизом правления *Кань-хынг* (1740–1786 — Е. К.) прежний наследный принц был низложен и взят под стражу в доме внука Тхиен-куанконга.

Преуспевший на экзаменах господин Во Сьонг — внук в четвертом поколении лауреата *тхамхао* — сильно гневался по этому поводу и горевал. Он собрал борцов за правое дело, устроил заговор, чтобы исправить положение. Дело открылось, и Во Сьонга собирались казнить на пристани Донг. Ни близкие

родственники, ни старые друзья не осмеливались выразить сожаление. Только воспитанник Школы Сынов Отечества господин Нгуен Лиен родом из Финкхе, что в Лыонгтае, захватив вино, пришел проститься. Во Сыонг напился пьяным, сочинил стихи и преподнес их Лиену. Одна из строк гласила:

В одиночку взвалил на себя тяжкие «основы и добродетели»¹²⁵.

Затем вытянул шею, и тут же был казнен. Лиен распоряжался на похоронах.

В год *динь-муй* девиза правления *Тиеу-тхонг* (1787 — Е. К.) Во Сыонга по-смертно наградили титулом *выонг*, сделали чиновником его приемного сына по имени Хиеу, обсуждали дело о строительстве кумирни, дабы прославить погибшего героя. В год *ки-зау* (1789 — Е. К.) треножники опрокинулись¹²⁶. Хиеу последовал за правителем, отправился в Пекин, в конце концов, умер на чужбине. Слуги похоронили его на родине.

Чаньский наставник господин Чжо (Тунг Ниен)

Пагода Фаттить на горе Ланкха построена при Ли Ань-тонге (годы правления: 1138—1175 — Е. К.). Фиолетовый навес и жемчужный гребень черепичной крыши примыкали к горному ущелью. Императора отговаривали, но он, смеясь, говорил:

«Это было давно мне суждено».

В период *Чунг-хынг* при прошлой династии из Китая приплыл на лодке по морю чаньский наставник господин Чжо, перевез на юг более трех тысяч томов Трипитаки. Поднявшись на гору Ланкха, он внезапно прозрел и достиг просветления. Построил здесь скит, поселился в нем, прожив более года. Трипитаку наполовину съели крысы. Наставник вернулся в Китай, снова привез канонические сочинения на юг.

Благодаря заслугам этого наставника, уже после периода Ли-Чан (1010—1400 — Е. К.) буддизм вновь стал процветать.

Господин *чанггуен* Нгуен Данг Дао из Хоайбао в молодости обучался на чужбине. Дорога проходила через эту горную пагоду, наставник всегда радушно встречал и угощал его. Однажды студент в шутку написал иероглиф *хиен* — «подарок» — на дне шкатулки, поднес ее наставнику и вышел. Тот оставил его, попросив вернуться. Он сказал:

«Этот иероглиф состоит из двух других; *нам* — «юг» и *кхюен* — «собака». Я точно знаю, вы станете *чанггуеном* в южных землях, не хотите ли получить известность и при китайском дворе?»

Удивившись, господин поклонился и просил научить, что надо делать. Наставник вручил ему свиток, пояснив:

«Это секретная книга, печатные доски сгорели в один из годов под девизами правления *Чун-чжэнь* (1628—1643 — Е. К.) и *Шунь-чжи* (1644—1661 — Е. К.). Запомните, что в ней написано».

После этого господин преуспел на экзаменах, его отправили с посольством в Китай. Цинский император проявил к нему интерес, господин удостоился

¹²⁵ Три основы: отношения государя и подданного, отца и сына, мужа и жены; пять добродетелей: человеколюбие, справедливость, этика, мудрость, верность.

¹²⁶ Имеется в виду гибель династии Ле.

беседы, свободно цитировал мысли людей прошлых лет и современников. Великий император похвалил его и щедро наградил. Все в точности соответствовало словам наставника.

Наставник имел распространенную фамилию — Ли, имя его — Тянь Цзо — совпадает с посмертным именем Ань-тонга. Истинное тело и сейчас имеет такой же вид, как при жизни. Некоторые считали наставника последующим перерождением Ань-тонга.

Храм Линьланг (Тунг Ниси)

Озеро Тэй находится в округе Куандык. Это одно из самых красивых мест в столице. Воды, окутанные легкой дымкой, кажутся поистине бескрайними. Посмотришь вдаль, и взгляд уходит в бесконечность. Здесь любили прогуливаться императоры династии Ли.

Однажды деревенская девушка стирала белье на берегу озера. Ее увидел государь¹²⁷, она ему приглянулась, он пригласил ее в загородный дворец и удостоил любовью. Когда девушка вернулась домой, у нее уже было дитя под сердцем. Вскоре появился на свет мальчик, обликом он был совершенен. Ребенку исполнилось восемь лет, о нем стало известно местным старейшинам. Мальчика взяли во дворец и отвели ему место последнего императорского сына.

Вскоре этот принц заболел оспой. Он весь покрылся болячками, величиной с зерно гаоляна, как чешуя покрывавшими кожу. Принц исхудал и не произносил не слова. Минуло целых три месяца, а мальчик не поправлялся. У лучших лекарей государства опустились руки, никто не мог его исцелить. Император, навещая сына, тяжело вздыхал. И вот однажды принц неожиданно заговорил с государем:

«Я лишь на время был сослан на землю. Прошу вас, не печальтесь обо мне, сейчас настала пора возвращаться. Если ваше сердце хранит жалость к сыну, я осмелюсь высказать просьбу: на том месте, где я исчезну, прикажите построить храм».

Государь дал ему обещание, и тогда принц попросил опустить полог над постелью и отослал всех приближенных. Через одну стражу разрешил приоткрыть полог — перед глазами придворных оказался водяной дракон. Он сполз с матраса лежанки и, извиваясь, добрался до берега озера Линьланг. Там дракон приподнял голову, оглядел старые деревья и северный склон горы. Слуга, который поодаль шел следом за ним, вернулся во дворец и обо всем доложил государю. Тогда правитель издал указ, повелевая на том самом месте, где скрылся в воде дракон, соорудить храм, а его самого объявил духом высшего ранга.

Два духа — этого храма и храма Батьма¹²⁸ — почитались как великие духи-охранители столицы. Каждый год в начале весны чиновники специального

¹²⁷ Имеется в виду император Ли Тхай тонг (годы правления: 1028–1054 гг.).

¹²⁸ Храм Батьма — Белой лошади — построен в IX в. С этим храмом связана такая легенда: когда император Ли Тхай-то перенес столицу из Хоалы в Тханглонт, начали строить крепостные стены, но они обрушились. Тогда император послал приближенных помолиться в храм Батьма, и вскоре увидел, как из храма вышла белая лошадь. Император пошел следом за ней и составил рисунок следов ее копыт. По этому рисунку и построили крепостные стены. На этот раз они не обрушились. Божеству храма Ли Тхай-то дал титул духа-хранителя столицы.

ведомства приносили к подножию храма фигурку глиняного быка и совершали церемонию встречи весны. Этот обычай соблюдали все последующие династии.

Пагода Кимлиен (Тунг Ниен)

Осенью в год *динь-ти* (1797 — Е. К.) я вместе с Нгуен Тхать Хиеном, Нгуен Кинь Фу и Хоанг Хи До отправился погулять в пагоду Кимлиен, что в Нгитае. Это забытое место, где некогда жил настоятель Хюе, бывший евнух *Уи-выонга* (годы правления: 1729—1740 — Е. К.). Пагода задней стороной обращена к реке Ниха, озеро Тэй находится впереди. Волны подернуты дымкой, слегка колышутся, кажется, что небо и вода одного цвета. Передний и центральный залы поддерживаются каждый пятью колоннами. В годы под девизом правления *Кань-хынг* (1740—1786 — Е. К.) забрали древесину из пагоды Куанши и установили эти колонны, сработанные прочно, искусно.

Перед пагодой находятся несколько пригорков. Вода в озере зацвела. Рядом высится кирпичная ступа, шумят сосны, бамбук. В заднем зале пагоды установлена статуя, видны шляпа, парадные одежды, ноги босые, черные, блестящие волосы и брови, как нарисованные. Говорят, что это высочайший облик *Уи-выонга* — правителя прошлой династии.

Из пагоды вышел подросток, приблизился к нам, наломал диких цветов для жертвоприношения. Он пригласил нас зайти, немного посидеть. На дворе трава и камни перемешаны, тянется бамбуковая изгородь, начинают желтеть хризантемы. Все вместе мы гуляем, любимся, потом возвращаемся.

Увы! Белые облака, синие тучи меняются в мгновение ока. Наблюдающий за ними может просветлиться.

Император Тхань-тонг (Тунг Ниен)

При прошлой династии, Куанг Тхук — матушка императора, пока была еще простой женщиной, жила как-то в доме, расположенном к юго-западу от Школы Сынов Отечества. Рядом находилось озеро. Гадатели считали, что она обладала императорской жизненной силой. Часто родственники и друзья приглашали госпожу прогуляться вместе со вторыми женами государя. Тхай-тонг (годы правления: 1434—1442 — Е. К.) нашел ее приятной для глаз и удостоил любовью. Женщину выгнали из дома, она уже была к тому времени беременной. Точно в срок родился необычайный мальчик, обладавший небесным характером. В детстве жил вместе с матерью среди простого народа, прославился литературным талантом, образованностью. Услыхав об этом, Тхай-тонг призвал мальчика к себе, пожаловал титул *выонг*. Когда Ле-дык-хау низложили, сановники возвели его на престол. Он стал императором Тхань-тонгом (годы правления: 1460—1497 — Е. К.). Отправился туда, где некогда жила его матушка, приказал построить дворец Хуиван, а рядом пагоду Зуккхань.

Раньше, пока императрица была еще беременна, ей как-то приснился Верховный Владыка, приказывавший мальчику-небожителю спуститься в мир людей и стать правителем Аннама. Яшмовой деве повелевалось сочетаться

с ним браком. Мальчик отказался, владыка рассердился, запустил в него биркой чиновника¹²⁹ и поранил лоб. Мальчик, поклонившись, признал свою вину. Он попросил оказать милость и дать помощника. Владыка указал на одного из своих приближенных. Тот бил челом, никак не соглашался. Но Владыка толкнул его в плечо, не принимая отказа.

Госпожа проснулась, у нее родился Тахнь-тонг, на лбу мальчика виднелся рубец от бирки.

Взойдя на престол, император пожаловал матушку титулом *Хоангтай-хау*. Она все время искала людей, увиденных во сне, но так и не находила, поэтому не могла чувствовать себя счастливой.

В начале годов под девизом правления *Тхай-хоа* (1443–1453 — Е. К.) *Теван-хау* Нгуен Чай совершил преступление. Одну из девушек, находившихся у него в доме, забрали чиновники и определили в веселый квартал. Ей исполнилось семнадцать-восемнадцать лет. Она отличалась небывалой красотой, но не могла говорить. Девушка прислуживала во дворце на пирах. Из-за своей немоты она обычно сидела поодаль, постукивая кастаньетами. Как только император взошел на престол, девушка взяла кастаньеты и запела. Волшебные звуки так и обволакивали слушателей, напоминая небесную музыку. Император удивился, спросил, кто она такая. Девушка показалась ему очень похожей на Яшмовую деву. Ее отправили в резиденцию императрицы, присвоили титул *Чыонглак хоанг-хау*.

В год *куи-муй*, четвертый год под девизом правления *Куанг-тхуан* (1464 — Е. К.) должны были проводиться дворцовые экзамены, объявили о сроке их начала.

Господин *чангнуен* Лыонг Тхе Винь вошел, чтобы представиться. Император обратил внимание, что плечи у него слегка перекошены. Он повелел Лыонг Тхе Виню посетить матушку. Госпожа припомнила сон и узнала приближенного Верховного Владыки. Мать и сын обрадовались.

Лыонг Тхе Винь получил должность *ханлам тхидок*, его причислили к двадцати восьми звездам Тао Дана¹³⁰, оказав особую милость, записали десять стихов в «Досуге Небесного Юга»¹³¹. Кроме того, господин составил «Карты умиротворения Юга».

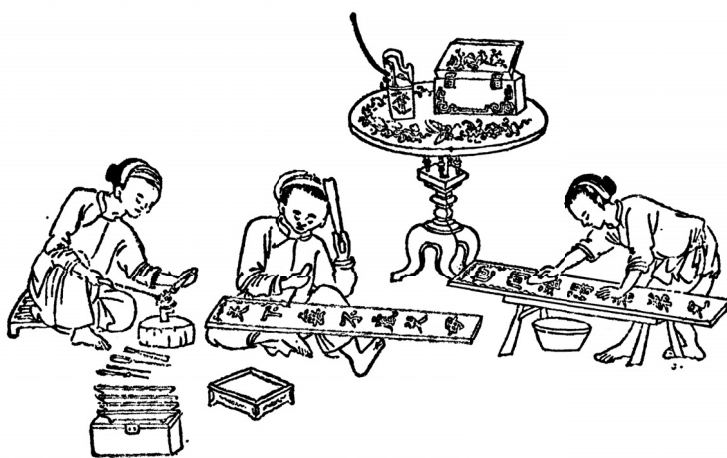
Пагоду Зуккхань впоследствии по ошибке сочли пагодой Хоаван. В левой части храма установлен киот с табличками предков императрицы Куанг Тхук. В годы под девизом правления *Зыонг-дык* (1672–1673 — Е. К.) периода *Чунг-хынг* западный дворец императрицы превратили в пагоду Кханшон. В правой части основного помещения храма поклоняются императорскому облику Тхан-тонг Уиен *хоанг-де* (годы правления: 1619–1643; 1649–1662 — Е. К.). После того, как треножники были повержены, пагода Кханшон разрушилась. Изображение императора перенесли в пагоду Зуккхань, сейчас она находится в переднем зале у правой колонны. Некоторые по ошибке считали, что это изображение Тхань-тонга.

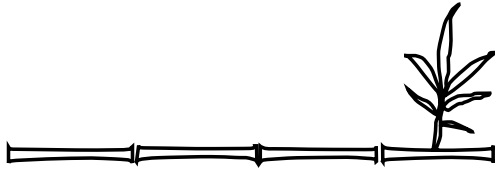
¹²⁹ Бирка, сделанная из нефрита, яшмы с указанием должности, полномочий, необходимый атрибут на аудиенции у более высокого по рангу сановника или императора.

¹³⁰ Император Ле Тхань-тонг возглавлял созданную при дворе литературную академию под названием «Собрание двадцати восьми светил словесности» (Тао Дан).

¹³¹ Сочинение составлено в годы под девизом правления Хонг-дык — 1470–1497 гг. несколькими учеными-придворными императора Ле Тхань-тонга, предисловие написал император.

Приложения

Меры длины, веса, объема.....	315
Титулы, даваемые на экзаменах.....	315
Вьетнамские династии.....	315
Китайские династии.....	316
Указатель географических названий.....	317
Указатель имен.....	324
Указатель произведений.....	334
Список использованной литературы.....	337
Summary.....	344

Меры длины, веса, объема*

1 *тхон* (*так*) = 4 см

1 *тхьок* = 40 см

1 *чьонг* = 320 см

1 *соть* = 2,3 м

1 *ли* = 576 м

1 *ланг* = 37,3 г

1 *и* — древняя китайская мера веса, равная 24 или 20 лян (вьет. ланг)

1 *тху* = 1/48 ланга

1 *кан* = 604,5 г

1 *дау* = 10,35 литра

1 *као* (*шао*) = 360 кв. м

1 *мау* = 3600 кв. м

1 *кхоань* = 6,67 га

Титулы, даваемые на экзаменах

Региональные экзамены *тхихьонг*: *синьдо* — титул лауреата первых трех испытаний, *хьонгконг*, — титул лауреата первых четырех испытаний.

Столичные экзамены *тхихой* — лауреаты не имели специальных названий.

Дворцовые экзамены *тхидин*: сдавшие их становились лауреатами *тиенши*. Первые трое получали почетные титулы *чангнуен*, *бангнян*, *тхамхоа*.

Лауреаты военных дворцовых экзаменов назывались *таоши* и приравнивались к лауреатам *тиенши*.

Внеочередные литературные испытания *донгкак*: лауреаты получали титулы *дайхокши* и *хьеутхы*.

Испытания *тиньдо*: первый лауреат получал титул *зямсинь*, второй и третий лауреаты — титул *синьдо*.

Вьетнамские династии

Хонг-банг — 2879–258 гг. до н. э.

Чиеу — 207–111 гг. до н. э.

Ранние Ли и Чиеу — 544–603

Нго — 939–967

Динь — 968–980

Ранние Ле — 980–1009

Ли — 1010–1225

Чан — 1225–1400

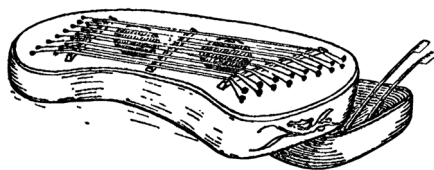
Хо — 1400–1407

* Во избежание многочисленных повторений приведем меры длины, веса и объема; титулы, даваемые на экзаменах; упоминаемые в текстах вьетнамские и китайские династии.

Ле — 1428–1527; 1533–1788
Мак — 1527–1595
Период Чунг-хынг — 1533–1788
Нгуен — 1802–1945
Род Чинь — 1545–1788
Род Нгуен — 1533–1775

Китайские династии

Шан-Инь — XVI–XI вв. до н.э.
Чжоу — XI в.—256 г. до н. э.
Эпоха Весен и Осеней — 770–476 гг. до н. э.
Эпоха Сражающихся царств — 403–221 гг. до н. э.
Цинь — 221–207 гг. до н.э.
Хань — 206 до н.э.—220 гг.
Цзинь — 265–420
Эпоха Южных и Северных Династий — 420–589
Тан — 618–907
Эпоха Пяти Династий — 907–960
Сун — 960–1279
Юань — 1271–1368
Мин — 1368–1644

Указатель географических названий

- Адолъпхо 76, 77
Ай 232, 255
Айлао 106, 207, 268, 271, 272
Алтай 59
Анап 96, 258
Анбай 276
Анбанг 228
Анвьет 183
Андонг 256
Анкуанг 233
Анланг 200, 204
Анмо 226
Аннам 18, 30, 34, 38, 65, 66, 106, 140, 150, 198, 280, 296, 302, 311
Аннан 56
Анняя 239, 253
Антиемтяу 186
Антхьонг 247
Анхоать 11
Аньнань 30, 63, 64, 65, 140, 165
Аньхой 189
Аньян 51
Аулак 53, 146, 192, 193, 195, 214
- Ба 171
Бакбо 121
Бало 175
Бангшон 36
Баньцюань 169
Баозянг 286
Баотхиен 122, 202, 219, 288, 302, 303
Бательонгви 174
Батьма 122, 310
Батьги 267
Батьхак 170
Батьхо 290
Башкирия 59
Башон 229
Биньданг 307
Биньзянг 196, 200
Бинькиеу 277
Биньтхюи 73
Бирма 166, 201
Битькау 96, 97, 98
Бове 257
Бойам 246
- Бокок 245
Бонман 207
Боттхай 307, 308
Бохай 50
- Вандием 272
Ванзянг 270, 271, 299
Ванкань 247
Ванкат 258
Ванкиеп 268
Ванланг 53, 84, 170, 171, 175, 187, 193, 277
Ванмонг 198
Вансанг 296
Ватконг 113, 126
Ваунг-фу 72
Велинь 184
Виджайя 31, 150
Виджун 62
Виннам 62
Винькиеу
Виньлай 270
Виньфу 186
Воконг 255
Вольсон 76
Восточный Китай 52
Восточное море 173, 196
Вунинь 172, 182, 183
Вьет 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 28, 35, 36, 39, 44, 47, 53, 54, 63, 75, 89, 95, 110, 133, 165, 167, 170
Вьетнам 9, 10, 12, 13, 15, 16, 22, 24, 25, 26, 28, 31, 34, 39, 41, 46, 55, 56, 63, 65, 68, 70, 71, 77, 89, 93, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 110, 112, 120, 131, 135, 139, 140, 165, 166, 167, 188, 191, 193, 214, 288, 303
Вьетинькьонг 192
Вьеттхьонг 165, 171, 172, 186, 193, 194
Вэ 76
- Ганьсу 188, 261
Гуан 63, 165

Гуандун 139, 165, 195, 293
 Гуанси 9, 139, 165, 293
 Гуйлинь 53, 189, 195
 Гуйхай 165
 Гуйхуачэн 51

Да 81, 199
 Дангыу 270
 Дайвьет 33, 44, 53, 103, 143
 Дайдонг 253, 254
 Дайла 58, 65, 66, 68
 Дайлай 25
 Дайлатхань 69
 Дайлау 221
 Дайтхан 199
 Дайтханг 302
 Дайхоанг 204
 Дайхынг 290
 Дайюй 50
 Дакшо 114, 244
 Дали (Куньмин) 166
 Дамса 36, 204
 Данлоан 104
 Даншань 263
 Даумо 207
 Доантунг 240, 251, 252
 Дозя 281
 Док 126, 273
 Доктин 273, 274
 Долиеу 117, 266
 Доло 199
 Донгдо 262
 Донгкак 275
 Донглау 199
 Донглиет 84, 125, 254
 Донглюан 240, 253, 254
 Донгмон 271, 278
 Донгнган 272, 275, 299, 306
 Донгтхан 276
 Донгшон 152, 153
 Донгсуан 227, 305
 Донгхай 235, 275
 Донгхоа 123, 128, 270
 Донгчиеу 162, 302
 Донтхы 306
 Дошон 285
 Дунду 169
 Дунтин 52, 121, 157, 167, 171, 243, 265
 Дыонган 44, 104

Дыонгхао 268

Ённсон 77

Западное озеро 86, 87, 294, 295
 Зием 268
 Зиентяу 160, 175, 196, 207
 Зиенфук 209
 Зиенхынг 232, 277
 Зиеунгием 214
 Зукзянг 199
 Зуккхань 311, 312
 Зуктхюи 296
 Зунг 83, 126, 253
 Зунгфат 246
 Зыонгтуен 171
 Зыонгтхюи
 Зяонам 139, 140
 Зяоти 30, 34, 71, 146, 148, 151, 152,
 155, 156, 171, 186, 187, 188
 Зяотяу 53, 63
 Зяотхюи 151, 205, 249
 Зяпшон 284
 Зяшон 196

Иенланг 222, 223
 Иенсинь 143
 Иенты 37, 144
 Иентхе 299
 Иенфонг 79, 248, 273, 294, 299
 Индийский океан 69
 Индия 10, 51, 52, 166, 201, 294
 Индонезия 78
 Инчжоу 50

Ка 220
 Кабираэ 48
 Кайласа 174
 Какко 245
 Камбоджа 84
 Камзя 199
 Камзянг 250
 Камтяу 207
 Канхыонг 286
 Каобанг 100, 134
 Каохонг 206
 Каплой 206
 Кау 71, 79
 Каудау 174

Каулим 301
Киём 224
Киенфук 184
Киеншо 239
Киетдак 122, 273
Киеухан 75
Кимлиен 113, 122, 311
Кимнгыу 271
Кимсиман 201
Кимтхиа 114
Кимхоа 251
Киньбак 85, 122, 167, 264, 270, 273, 278, 294
Киньзыонг (Цзиньян) 167
Китай 9, 16, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 39, 40, 47, 51, 53, 60, 63, 64, 68, 69, 70, 72, 73, 82, 87, 99, 121, 128, 157, 160, 170, 176, 181, 230, 234, 238, 239, 242, 243, 265, 278, 279, 280, 294, 300, 306, 307, 309
Коби 36, 230
Когурё 56, 59
Кольгучхон 60
Конбанг 275
Коншон 260
Корея 10, 24, 25, 55, 56, 57, 61, 62, 78, 79, 99
Красная река 146
Крепость Улитка 49, 193, 194
Куандык 310
Куанглиет 259
Куангнам 186
Куангсыонг 256
Куангхоанг 260
Куангчи 186
Куокоай 44, 114, 244
Куезыонг 172
Куелам 172
Куюе 298
Куилян 246
Куилиен 302
Куилонгхань 194
Куитяу 207
Куннэ (Кукнэ) 62
Куньлунь 194, 202
Куокоай 204
Куокты 204
Курэфуси 80
Кханшон 312
Кхиньзао 284, 286
Кхойчи 226
Кхонгло 151, 205, 206
Кыдок 272
Кымгван 76
Кыутян 172
Лайчао 250
Ламан 207
Ламкин 262
Ламхо 251
Ламшон 18, 19, 261, 288
Ланкха 301, 309
Ланг 271
Лангбак 91
Лангшон 298
Ландам 110
Лаос 121
Лаочао
Лапха 44
Латхань 68, 69, 207, 208
Лаудинь
Лафу 81
Линнань 165
Линьзянг 198, 235
Линьи 187
Линьланг 81, 310
Линьнам 165
Линьтао 188, 261
Линьте 296
Линян 155, 199
Ло 41, 67, 207
Лоатхань 193, 194, 196, 229
Лоходам 175
Лои (Чэнчжоу) 169
Лойдонг 285
Лонг 244
Лонгбиен 67, 174, 198, 276
Лонгдау 166, 198, 208, 246
Лонгдо 58, 63, 65, 66, 67, 68, 69
Лонгнян 79, 199, 200
Лонгсюен 176
Лонгтхань 63
Лонгхо 243
Лонгчи 222
Лоян 69, 169
Лыонг 273
Лыонгкуок 237

Лыонгтай 309
 Ма 294
 Магушань 189
 Маиен 246, 262, 264
 Мала 210, 211, 214
 Мамен 228
 Манкау 174
 Маншань 263
 Маса 199
 Мат 272
 Меланезия 78
 Мильонг 241
 Михау 175
 Монгфи 222
 Муй 264

 Намвьет 139, 146, 195, 198, 214
 Намдинь 302
 Намдыонг 253
 Намчиеу 206
 Наньхай (Намхай) 171, 189, 195
 Наньчжао 9, 63, 82, 166, 188, 206, 207
 Наньюэ 139
 Нгашон 185, 186
 Нгеан 122, 186, 271, 281, 286, 305
 Нгиам 122
 Нгисуан 279
 Нгитам 311
 Нгуенса 231
 Нгуетвиен 307, 308
 Нгуетдык 195
 Нгуетзыонг 267
 Нгуеттиен 244, 245
 Нгулинь 167
 Нгулонг 278
 Нгутхиен 277
 Нгыонгшон 11
 Непал 294
 Ни 254
 Никхе 260, 264, 265
 Ниха 174, 233, 311
 Ниньса 284, 285, 299
 Ниньхай 171
 Ниньшон 171
 Нойзюе 301
 Нунг 63
 Нунгшон 220
 Ньыкинь 113, 124, 226, 283

 Ньынгует 79, 199, 200
 Ньытяу 77, 202
 Ньыфонг 299
 Ньыхоан 207
 Нючжу 129, 306
 Нямкуанг 208
 Нямтуен 198
 Нянам 299
 Нянемук 291
 Нятзячать 181
 Нятнам 172
 Няттиен 244, 246
 Нячанг 74

 О 71, 95, 106, 132, 246
 Онгмак 248, 273
 Отхи 206

 Пекин 169
 Поднебесная 168, 177, 179, 182, 185,
 203, 204, 270, 275, 297
 Полинезия 78
 Пномпень 74
 Пхном Пень 75
 Пэкче 56
 Пэнлай 50

 Рим 60

 Сага 80
 Сайгон 108
 Сайшон 220
 Саман 253
 Северный Вьетнам 63, 83, 107, 121,
 186, 191, 255, 270
 Северный Китай 51
 Сиань 169
 Сиду 169
 Сиенкуанг 159
 Силла 56
 Сиода 80
 Ситькуи 167, 168
 Сонглюй 73
 Сондосан 78
 Суан 294
 Сушуй 46
 Сыбо 206
 Сычуань 171
 Сюанлюй 248

Сюаньхуа 169
 Сян 189
 Сянцзян 291
 Сяньян 188

 Таао 279
 Тайшань 87, 129
 Тамфу 244
 Танвиен 41, 65, 83, 84, 85, 86, 126, 174,
 175, 198, 199, 230, 254, 255, 294
 Тапхан 76
 Тибет 166
 Тиёмзянг 198
 Тиёмтхань 165, 171, 214, 272
 Тиёмла 272
 Тиензу 300
 Тиенлы 247
 Тиентить 113, 121, 123, 237
 Тиенфонг 240
 Тиетнгиа 248
 Тиеувиен 264
 Тиеузянг 195
 Тиеуня 55
 Тилинь 259
 Тиньхай 63
 Тиса 179
 Титьзянг 199
 Тихий океан 77
 Тоёбуку 48
 Толить (деревня) 67
 Толить (река) 67, 69, 201, 207, 208, 265
 Тонгшон 305
 Туенкуанг 283
 Туеннгиа 281
 Тхай 220, 244
 Тхайбинь 201
 Тхан 114, 220
 Тхандау 150
 Тханкок 245, 247
 Тханкхе 231
 Тханфу 198, 206
 Тханглонг 33, 58, 65, 68, 85, 104, 107,
 114, 150, 174, 232, 270, 283, 288,
 294, 303, 310
 Тханькам 110, 125, 275
 Тханьлием 249
 Тханьльонг 152
 Тханьмай 239
 Тханьнам 113, 121, 271

 Тханьоай 306
 Тханьтионг 243, 275
 Тханьха 285, 286, 306
 Тханьхао 295
 Тханьхоа 25, 122, 147, 158, 247, 261,
 282, 296, 305
 Тханьчи 259, 291
 Тхао 170
 Тхатзиёу 194
 Тхатъке 199
 Тхиендык 196
 Тхиендыкзянг 196
 Тхиенлок 117, 266
 Тхиенму 287
 Тхиетунг 306
 Тхиенкамшон 206
 Тхиентхи 245
 Тхиенфук 115, 200, 204, 220, 244, 245,
 260
 Тхитинь 234
 Тхихием 188
 Тхихочать 86, 175
 Тхоктхюи 46
 Тхосьонг 275
 Тхойкы 252
 Тхушон 290
 Тхуанань 71
 Тхуанхоа 287
 Тхюикхуе 114, 244
 Тхюихьонг 188, 261
 Тхьонгкат 120, 293
 Тхьонгфук 146
 Тылием 187, 188, 199, 293
 Тыю 227
 Тыонгзыонг 271
 Тыонгкуан 172
 Тыки 286
 Тытиеу 143
 Тэй 81, 175, 295, 310, 311
 Тэйау 53
 Тэйбазя 206, 207
 Тэйшон 103
 Тюдо 206
 Тюзиен 171
 Тяй 170
 Тямпа 31, 33, 36, 53, 143, 150, 159, 165,
 187, 214, 238
 Тяндинь 172
 Тянлап 272

Тяуфук 275
 У 305
 Уиендонг 198
 Улин 167, 238
 Улянцы 168
 Фанху 50
 Фаттить 105, 107, 113, 114, 115, 126,
 201, 204, 220, 244, 246, 247, 309
 Фаттить (пагода) 220
 Финкхе 309
 Фиентан 198
 Фичак 225
 Фонгтяу 79, 170
 Фудонг 183, 184, 239, 277
 Фудзицу 80
 Фуклок 198
 Фунань 52, 53, 187
 Футгхатъ 253
 Фуунг 268, 287
 Фухао 234
 Фукзык 256
 Фуккхе 277
 Фуклок 171
 Фулыонг 273
 Фыонгхоанг 246
 Фыонггнон 260
 Хабак 107
 Хайзыонг 44, 100, 286
 Хайнган 206
 Хайтхань 149, 208, 209, 210
 Хайхынг 104
 Хало 299
 Хамзянг 278
 Хамлонг 244
 Ханамнинь 11
 Хангнгиен 283
 Хангтиеу 265
 Ханой 20, 49, 58, 65, 85, 104, 108, 122,
 244, 289
 Хань (империя) 146, 242
 Хань (река) 128
 Хатинь 186
 Хаттедэн 80
 Хахоа 206
 Хахой 120, 293
 Хачать 149, 209
 Хат 273
 Хиго 48
 Хиенхоа 290
 Хоаван 312
 Хоазыонг 250, 267
 Хоакуок 90
 Хоайбао 300, 301, 309
 Хоайхоан 172
 Хоакса 261
 Хоалы 11, 58, 310
 Хоан 254, 255, 268
 Хоанкием 288, 289
 Хоангзянг 27
 Хоангмай 231, 235
 Хоангса 296, 305
 Хоангхоа 307
 Хоангшо 206
 Хоантяу 207
 Хоаньшон 206, 207
 Хоатхиеу 247
 Хоатьчатъ 252
 Хоафат 246
 Ходонг 175
 Хонглинь 117, 280
 Хонгтхи 252
 Хонгтяу 75, 167
 Хотон 171, 175
 Хотонтинь 214
 Хуайинь 259
 Хуанхэ 46, 284
 Хуаншань 72
 Хубэй 186
 Хунань 238
 Хуто 263
 Хымты 27
 Хынгнгуен 254, 281
 Хынгтхань 203
 Хыонгча 287
 Хэбэй 169
 Хэнань 169
 Хюэ 106
 Цанлан 291, 298
 Центральный Вьетнам 63, 186
 Центральный Китай 167
 Цзюйшуй 263
 Цзян 51, 128
 Цзянси 186
 Цзянсу 189
 Цзяо 165

Цзяонань 139
Цзяочжи 30, 139, 140, 146, 165, 186
Цзяочжоу 53, 188
Ци 236
Цинхай 63
Цинцю 127

Чалан 271, 278
Чам 253
Чан 78
Чанво 85, 86, 110, 122, 127, 294, 295, 296, 299
Чанган 204, 296
Чаннинь 237, 271, 305
Чаокхау 281
Чатьо 167
Чаушон 182, 188, 192
Чжанхэ 82
Чжаоу 166
Чжолу 169
Чжэцзян 172
Чинхан 76, 78
Чинса 281
Чишуй 202
Чу 171, 186, 242, 291, 305
Чунгбо 296
Чунгкан 243
Чыонгса 206
Чыонгган 252, 253
Чэнду 50, 171

Шаньси 263

Шаньюань 176, 284
Шокшон 183
Шонви 250, 281
Шоннам 265, 273
Шоннамтхьонг 122
Шоннамха 122
Шонтэй 104, 122, 132, 223, 231, 233, 242, 261
Шу 171
Шунгшон 257
Шэньси 188
Ынгмо 270

Юаньцзяо 50
Южная Индия 52
Южный Китай 82, 167, 176
Южных морей острова 78
Юйцзин 190
Юн 63
Юньнань 82, 166
Юшэньгуань 78
Юэ (Вьет) 172, 186
Юэнань 139
Юэшан 165, 186
Юян 154

Ява 294
Ян 186
Янсан 76
Янцзы 82, 121, 189
Яньцзин 158
Япония 10, 78, 80, 294
Яцусиро 48

Указатель имен

- А Ким 211
Адонис 88
Ай Шон 159
Алимов А. И. 39, 44
Ан До-в*ыонг* Чинь К*ыонг* (Ан-в*ыонг*) 228, 229, 230
Ан З*ыонг*-в*ыонг* (Ан З*ыонг*) 19, 48, 50, 53, 54, 57, 58, 165, 188, 192, 193, 195, 196, 229, 261
Ан Тием 185, 186
Антощенко В. И. 62, 71
Ань Во 265
Ань-тонг (Ань-в*ыонг*) 33, 144. см. Чан Ань-тонг
Ат 287
Аттис 88
Ашока 297
- Ба Куат 158
Ба Нгок 73
Бан 147
Банг Хо 157, 161
Бан Тиен Тан 22
Бао Бовэнь
Бао Зяк 13
Бао-суй
Бать Тинь Хау *ныонг* 214
Бинь Чунг 232
Бинь Чунг Конг
Бо Лисы 129, 237
Бо Тат 256
Бонг Фунг 272
Бонифаси А. 79
Брахма 87
Буи Кам Хо 116, 117, 118, 123, 125, 266, 267
Буи Тхе Винь 240
Буи Тхе Дат 237
Буи Хюи Бить 123, 124, 220, 221, 260, 271, 281, 288, 302
Бусик 78
- Валуа 25
Ван Ан 259. см. Тю Ван Ан (Тю Ван Чинь)
Ван И 50
- Ван Сян 78
Ван Тук 153
Ван Тун 262, 302
Ван Фанпин 189
Ван Хань 70
Ван Циньжо 284
Ван-цзы 284
Ван Чинь 33, 35, 146. см. Тю Ван Чинь (Тю Ван Ан)
Ви Ты 214
Винь 200
Вишну 87
Во Конг Чан 120, 127, 129, 306, 307
Во Нгон Тхонг 151
Во С*ыонг* 308, 309
Воскресенский Д. Н. 24
Ву (У) (ф*ея*) 167
Ву 210, 211
Ву Дык 35, 36
Ву Зюе 111, 116, 119, 281, 282
Ву Зюи Доан 95
Ву Куинь 10, 17, 43, 44, 45, 46, 47, 88, 89, 91, 110, 127, 135, 167, 295
Ву То Хао 93
Ву Тхань 242
Ву Ф*ыонг* Де 99, 100, 101, 273
Ву Чинь 100, 101
Вэнь 82
Вэнь-ван 234
Вэнь-гун 234
- Гань Бао 44, 45, 50, 128, 166
Гао Пянь (Гао, Гао-ван) 58, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 112, 188, 198, 207, 208
Гао Синь 208
Гао-цзу 263
Гао Ю 168, 202
Гаспардон Э. 12, 13, 20, 22, 44, 95, 96, 104
Гольгина К. И. 94, 95
Гончаров И. А. 23
Гоу Цзянь 172
Григорьева Т. П. 115, 130
Гроот Я. Я. М. де 58
Гуйцзы-му (Гуй-му) 294

- Гэ Хун 108
- Да 206
- Дай Диен 200, 201, 203
- Дай Хань 199
- Дам 272, 273
- Дам Ни 273
- Дам Тхан Хюи 118, 124, 248
- Данг 279
- Данг Динь Тьонг 279
- Данг Лан 232, 233
- Данг Си Зинь 210, 211
- Данг Тхи Хюе 232
- Данг Тят 277
- Данг Чан Кон 96, 111, 258, 291, 292
- Дао Зюи Ань 171, 172
- Дао Кхан 110, 112, 270
- Дао Тай 33, 153
- Дао Тхам 32
- Дао Хань 166, 200, 204, 220. см. Ты
Дао Хань
- Дашагрива 214
- Дашаратха 214
- Деопик Д. В. 9, 10, 33, 36, 38, 48, 171
- Джайя Симхаварман Второй 31
- Джарылгасинова Р. Ш. 56, 76, 77
- Ди И 167, 168
- Ди Лай 168, 169
- Ди Мин 167, 168
- Ди Юй Ван 169
- Диен До-вьонг (Диен До) 122, 302
- Диеу-нгы дай ши 253
- Динь 14, 279
- Динь Ван Та 278, 279
- Динь-вьонг 245
- Динь Зя Кхань 20
- Динь Нги 286
- Динь Тиен-хоанг 176
- Достоевский Ф. М. 23
- До Тхе Зяй 124, 236, 286, 307
- До Тхи 203
- До Тхиен 15, 18, 22, 89
- До Уонг 113, 118, 127, 240, 251, 252
- Доан 125, 238, 239
- Доан Люан 258
- Доан Тхи Диём 96, 97, 98, 258
- Доан Тхьонг 132, 252
- Дой Чай 44
- Донг Зя Тиеу 104, 247
- Донг Тинь-вьонг 36
- Донг Тхиен-вьонг 166
- Дуаньси 82
- Дык Ань 299
- Дык Ван 297
- Дык Минь 297
- Дык Тинь 297
- Дык То 298 299
- Дык Уиен 297
- Дюмутье Ж. 58
- Дюран М. 79
- Ермаков М. Е. 14
- Жданова Л. В. 64, 130
- Желоховцев А. Н. 39
- Жэнь Ао 189, 190
- Жэнь Сяо 176
- Жэнь Фан 168
- Жэнь Фу 190
- Зой Хиен 157, 158
- Зу-тонг (Зу-вьонг) 33, 34, 141, 146,
156, 259. см. Чан Зу-тонг
- Зуи Ви 303
- Зуи Мат 237, 305
- Зуи Тюк 237, 306
- Зюе-тонг (Зюе-вьонг) 34, 143, 145. см.
Чан Зюе-тонг
- Зык Тхань 35
- Зыонг Ван Ан 95, 132
- Зыонг Банг Бан 249
- Зыонг Као 111, 299, 300
- Зыонг Кхонг Ло 14, 37, 39, 43, 149,
151, 208
- Зыонг Няг Ле 34, 141
- Зыонг Ти Чать 225
- Зыонг Хоан 204
- Зя Ла 197
- Зя Лам 112, 271
- Зя Соа 174
- Зя-тонг 219 (Ле)
- Зя Тхоа (Соа)-вьонг 10, 88, 214
- Зяк Хай 28, 37, 149, 208, 209, 210
- Зяк-хоанг 77, 202, 203
- Зяп 287
- И 154
- Иен Сыонг 167

Ин Шао 168
 Индра 59, 61
 Ионова Ю. В. 61
 Исида Эйитиро 59, 77, 82
 И-тонг (Ле) 219, 230
 Инь 192, 234, 304
 Инь-ван 191, 192
 И-цзун 207, 208

Кабатон А. 74
 Кадьер Л. 73
 Кай-мин 171
 Као 177
 Као Ло 195
 Као *ньонг* 54, 55, 57
 Каундинья 52, 53
 Кафаров П. И. 136
 Кидзаэмон 80
 Ким Кыонг 256
 Киен 155
 Киеу Биеу 37
 Киеу Фу 10, 17, 43, 44, 45, 46, 47, 88,
 89, 91, 110, 127, 135
 Киеу Чи Хюйен 201
 Ким Бусик 56, 57, 59, 62, 76
 Ким Донг 191
 Ким Кыонг 303
 Кинь Зыонг-*вьонг* 47, 167, 168, 175
 Кинь-тонг 219
 Кинь Фу 107, 221, 227, 232, 234, 236,
 237, 238, 247, 248, 249, 250, 251,
 259, 267, 271, 273, 275, 277, 281,
 284, 287, 290, 295, 298, 299, 303,
 305, 306, 307
 Ко 155
 Конфуций 23, 41, 139
 Коу Чжунь (Коу) 284
 Кришна 214
 Куан 231
 Куан-ам 191
 Куан Бау 227
 Куан Виен 31, 152
 Куанг Диен 15
 Куанг Тхук 311
 Кве Ням 246
 Кует Минь 75
 Куи Кам 272
 Кун Ин-да 168
 Кунг Динь 140, 141, 142

Кунг И 273
 Кунг Тинь 141
 Кунг Туен 141
 Кунг Тук 140, 141, 142
 Кхонг Ло 151, 166, 208, 209
 Кхун Бором 171

Ла 150, 283
 Ла Зя 245
 Ла Ту 150
 Лак Лонг-куан 47, 76, 166, 168, 169,
 170, 174, 175, 182, 188, 198
 Лам Бон 272
 Лан 240, 241
 Ланг 87, 177
 Ланг Лиеу 184, 185
 Лао-цзы 297
 Ле 16, 25, 26, 36, 94, 101, 102, 103, 106,
 109, 116, 124, 125, 129, 132, 140,
 145, 165, 199, 219, 221, 224, 227,
 237, 240, 248, 270, 271, 288, 296,
 306, 309
 Ле Ань Ву 240
 Ле Ань Туан 112, 229, 239, 240, 241
 Ле Ван Хыу 17, 19
 Ле Дай Хань 79, 199
 Ле Динь 36
 Ле Зуи Мат 124, 305
 Ле Куат 158
 Ле Куи Дон 20, 21, 35, 45, 88, 100, 101,
 106, 119, 132, 133, 134, 220, 266
 Ле Лай 19
 Ле Лой 18, 19, 26, 53, 110, 132, 237,
 261, 262, 288, 289, 302
 Ле Лонг Динь 18
 Ле Най 44
 Леонов К. Ю. 9
 Ле Тиеу-тонг 248
 Ле Тоан Нгиа 200
 Ле Туан Мау 248, 249
 Ле Тунг 249
 Ле Тхай-то 26, 44, 237, 288, 302
 Ле Тхан 288
 Ле Тхан-тонг 110, 219, 257
 Ле Тхань-тонг 90, 91, 92, 93, 98, 119,
 248, 265, 311, 312
 Ле Тхе-тонг 123
 Ле Тхой Хиен 129, 234, 235
 Ле Ты Тхык 108

- Ле Тыонг-зык 44
 Ле Фап 160
 Ле Фунг Хиеу 31, 35, 36, 147, 148
 Ле Хиен-тонг 100, 113, 221, 230
 Ле Хыу Киеу 112, 113, 242, 243
 Ли Хюе-тонг 132
 Ле Чай 110, 119, 121, 260, 261, 262, 264, 265, 266
 Ле Чак 18, 29
 Ле Чынг 25, 140
 Ли 13, 14, 20, 22, 26, 28, 31, 38, 45, 54, 66, 67, 70, 94, 147, 148, 149, 150, 151, 165, 188, 202, 244, 296, 303, 310
 Ли Ань-тонг (Ань-тонг) 71, 309
 Ли Бон 54
 Ли Гунцзо 91
 Ли Гюбо 115
 Ли Дао Ланг-вюнг 54
 Ли Даоюань 53
 Ли Дао Тай 242
 Ли Конг Уан 70
 Ли Кхань Ван 70
 Ли Кюбо 57
 Ли Нам-де 54, 79, 181, 199, 239, 245
 Ли Нян-тонг 28, 31, 37, 38, 77, 202, 209
 Ли Онг Чонг 166, 261
 Ли Те Сюйен 20, 21, 22, 23, 45, 54, 65, 67, 110
 Ли Тхай-то 11, 35, 36, 58, 67, 68, 69, 70, 123, 174, 290,
 Ли Тхай-тонг 28, 31, 35, 66, 80, 81, 149, 184, 204, 310
 Ли Тхан 187, 188
 Ли Тхан-тонг 31, 38, 39, 110, 128, 152, 204, 206, 210, 220, 244, 257
 Ли Тхань-тонг 302
 Ли Тянь 254
 Ли Фат Ты 54
 Ли Фук Ман 239
 Ли Хюе-тонг 252
 Ли Цзинь 207
 Ли Чанмин 175
 Ли Чарян 78
 Ли Юаньцзя 67, 68, 69
 Лиет Тхань Тиен-вюнг
 Лиеу 303
 Лиеу Хань 87, 98, 189, 283, 284
 Линь Ланг 81
 Линь Фэн 63
 Линь Чиет 259
 Лить 67, 207
 Лихачев Д. С. 99
 Ло 200, 201, 202, 203, 204, 220
 Лонг Ны 167
 Лу Бодэ 206
 Лы Зя 206
 Лыонг Тхе Винь 119, 312
 Лыу 177
 Лю И 167
 Лю Бан 292
 Лю Сян 50
 Лю Шэнь 228, 229, 262
 Люй Дай 206
 Люй Дунбинь 211, 214
 Лян 181
 Магу 189, 190, 191
 Май Ан Тием 185
 Май Иен 175
 Май Конг Бат 50
 Мак 45, 95, 100, 110, 116, 124, 125, 228, 246, 273, 275, 276, 294
 Мак-вюнг 276
 Мак Данг Зунг 248, 249, 282
 Мак Ки 162
 Мала 210, 211
 Манджушри 289
 Ман *ньонг* 70, 166, 197
 Мань 37
 Мань Нгуен 25, 140
 Мао Бовэнь 228
 Масперо А. 54, 55, 89
 Марс 60
 Мартынов А. С. 41, 106, 204
 Ми Тяу 53, 54, 57, 195, 196, 229
 Мин 29, 139, 228, 281
 Минь-вюнг 243, 303
 Минь-куан 237
 Минь Кхонг 31, 35, 38, 39, 151, 152, 204, 205
 Минь Уи-вюнг 213
 Минь Ши 256
 Мо Маося 228
 Моисей 78
 Мок 166
 Молодякова Э. В. 59

Мони 178, 179
 Мухлинов А. И. 172, 186
 Му-гун 234
 Му-цзун 67
 Му Цин 262
 Мэй Чэн 259
 Мэн Цзян-ньюй 128
 Мэн-цзы 236

 Нам 234, 235, 236
 Нам-де 54, 181
 Нам Онг 25
 Намхэ 76
 Нгак 34
 Нге-тонг (Нге-вьяонг) 30, 34, 35, 140, 143, 145, 157, 160, 161. см. Чан Нге-тонг
 Нги то Ан-вьяонг 302
 Нгиеу Минь 246
 Нго 165
 Нго Кхонг 194
 Нго Миен 37, 148
 Нго Тхи Ниен 100
 Нго Тхи Ням 70
 Нго Тхи Ши 70
 Нго Тхой Ши 293
 Нго Фук Зу 238
 Нгок Ны 191
 Нго Ши Лиен 17, 19, 20, 28, 35, 37, 54, 55, 89, 91, 154, 155, 170
 Нгу Хо 107
 Нгуен 13, 37, 84, 102, 103, 106, 114, 115, 151, 221, 244, 298, 303
 Нгуен Ан 83, 85, 86, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 115, 116, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 135, 148, 221, 295
 Нгуен Ба Лан 269
 Нгуен Ба Зыонг 231
 Нгуен Бинь Кхием 106
 Нгуен Ван Зяй 111, 120, 224, 225, 282, 283
 Нгуен Ван Хюйен 38, 113
 Нгуен Данг Дао 309
 Нгуен Данг Као 112, 300, 301
 Нгуен Динь Тхак 283, 284
 Нгуен Донг Ти 288
 Нгуен Дык Дон 277, 278

 Нгуен Дык Хюйен 112, 279
 Нгуен Зу 109
 Нгуен Зуи Тхай 222, 223, 224
 Нгуен Зуи Тхой 229, 300
 Нгуен Зы 40, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 133, 258
 Нгуен Зя Тхиеу 109
 Нгуен Зяк Хай 37, 38, 149, 208
 Нгуен Зуи Хинь 33
 Нгуен Киеу 258
 Нгуен Кинь Фу 311
 Нгуен Конг 34, 160
 Нгуен Конг Бат 50
 Нгуен Конг Зоан 290
 Нгуен Конг Фонг 84
 Нгуен Конг Ханг (Нгуен Ханг) 123, 221, 228, 229, 230, 231, 241, 305
 Нгуен Конг Хоан
 Нгуен Няк 103
 Нгуен Куе Ням 244
 Нгуен Кхан 238
 Нгуен Лиен 309
 Нгуен Лы 103
 Нгуен Минь Кхонг 14, 38, 39, 77, 200, 204, 206
 Нгуен Нгиеу Минь 244
 Нгуен Нго Ланг 142
 Нгуен Нон 252
 Нгуен Нян Нгиа 36
 Нгуен Суан Хюи
 Нгуен Ти Тхань 151, 204
 Нгуен Тон Кхюе 116, 277, 278
 Нгуен Тхань-то 105
 Нгуен Тхатъ Хиен 311
 Нгуен Тхи Ло 264
 Нгуен Фонг 273
 Нгуен Хань 106
 Нгуен Хоан 240, 241, 242, 269, 306
 Нгуен Хоанг 287
 Нгуен Хыу Кау 119, 124, 285, 286, 299
 Нгуен Хыу Тинь 275
 Нгуен Хюе 103
 Нгуен Чай 18, 33, 110, 119, 121, 172, 260, 312
 Нгуен Чат 111, 307, 308
 Нгуен Чонг Тхыонг 113, 121, 243
 Нгуен Чунг Нган 157, 158, 271
 Нгунг 143

Нгыа 131
 Нек Та Прех Тяы 75
 Никитин А. В. 139
 Никитина М. И. 49, 56, 62, 295
 Никулин Н. И. 10, 12, 18, 20, 41, 47,
 50, 54, 55, 76, 90, 92, 98, 101, 111,
 214
 Нин Цы 129, 236
 Нинь Куи Хоанг 226
 Нинь Шон 44
 Ньы Тонг 240
 Ньюва 170
 Ня Ланг 54, 55
 Ня Хань 279
 Ням Хиеу 189
 Нян-тонг (Нян-выонг) 117, 144, 153,
 202, 253. см. Чан Нян-тонг

 Онг Зяй 79
 Онг Кок 79
 Осипов Ю. М. 17
 Оуян Сю 40

 Пак М. Н. 56
 Парвати 74
 Парментье А. 171, 220
 Пень 74, 75
 Плутарх 25
 По Нагар 74
 Познер П. В. 11, 12, 19, 48, 171, 172,
 186, 187
 Поляков А. Б. 13, 17, 18
 Поре-Масперо Э. 52, 86, 289, 295
 Пу Сунлин 93
 Пушкин А. С. 79
 Пшилуски Ж. 51, 52, 73, 84

 Рама 214
 Равана 214
 Рифтин Б. Л. 10, 24
 Рытхэу Ю. 25

 Са 272
 Са Лак 272
 Си Ланг 250
 Си Ниеп 196
 Си Тхиеу 250
 Си Чать 250
 Сита 214

 Сода 177, 178
 Содха 177, 178
 Сок Кроуп 181
 Соман 48
 Сонг Тхань 246
 Стейн Р. 71, 73, 87
 Стратанович Г. Г. 193
 Судати 48
 Суй 170
 Сун 46, 78, 165
 Сунь Цюаньсин 199
 Сурья 59
 Сыма Гуан 46
 Сыма Цянь 16, 19
 Сыонг Куонг 166, 175, 176, 190
 Сюань-цзун 46
 Сюй Вэньмоу 176
 Ся 46, 234
 Сян-ван 202
 Сян-гун 234
 Сянь-ди 196

 Таао 112, 120, 121, 133, 279, 280, 295
 Та Тон Тхань 256
 Тай-цзу 199
 Тай-цзун 264
 Там Зянг Бать Хак дай выонг 175
 Танг 200
 Танг Ма 81
 Тао Юань-мин (Тао Цянь) 58, 82, 91,
 238
 Тан (династия) 14, 46, 165, 170, 188,
 207
 Тан 177
 Танвиен 166, 193
 Ти Ви Ван 179
 Ти Донг Ты 166, 179, 180, 181
 Тиеу Ан 146
 Тиеу Ван 149, 150
 Тиеу Нги 262, 263
 Тиен Зунг 166, 179, 180, 181
 Тиен Куан Тон Тхань 256
 Тинь-выонг 221, 243
 Тинь До-выонг Чинь Шам 221, 232
 Тить Кхием 244
 Ткачев М. 91, 296
 То 67, 207
 То Лить 68, 166
 То Тхе Хьу 307

Тоёбуку-но-Хирогими 48
 Толстой А. К. 23
 Толстой И. И. 127
 Тон Бао 278
 Тон Тхык 278
 Тонг Тионг 29, 30, 40
 Тонг Тхок 160
 Троцевич А. Ф. 24
 Туе Чунг *тхыонг ши* 32
 Тунг Ниен 104, 107, 226, 231, 239, 240, 245, 247, 256, 268, 269, 270, 275, 276, 277, 281, 283, 291, 293, 294, 296, 300, 302, 303, 308, 309, 310, 311
 Тхайзыонг-*фунян* 71
 Тхай-тонг 264, 311 (Ле)
 Тхай Тхыонг-хоанг 257
 Тхальхэ 76, 77, 79
 Тхан-тонг Уиен хоанг-де 312
 Тхань-*выонг* (Чинь) 237
 Тхань Дао Ты 233, 234
 Тхань Зонг 277
 Тхань Ки 286
 Тхань Кхань 175
 Тхань Кхе 227
 Тхань-то (Нгуен) 103
 Тхань-то Тхинь-*выонг* 269
 Тхань-то Чиет-*выонг* 275, 295
 Тхань Хуан 160
 Тхап Дау-*выонг* 214
 Тхап Соа-*выонг* 214
 Тхе-то 103
 Тхе-то Минь Кханг Тхай-*выонг* 287
 Тхи Сьонг 80
 Тхиен-и А-на 72, 73, 74
 Тхиен-*выонг* 277
 Тхиен Тхюи 144
 Тхиен Хиен 227
 Тхиен Ша 75
 Тхиеу 103
 Тхиеу Ве 254
 Тхиеу Зьонг 32, 145
 Тхо Лень 175
 Тхой 191
 Тхой Ви 166, 189, 190, 191, 192
 Тхой Зиеу Донг 235
 Тхой Ланг 189, 190
 Тхонг Хюйен 28, 37, 38, 149, 209
 Тхонг Ши 13
 Тху Фак 44
 Тхук Фан 48, 49, 84, 193
 Тхуан Зьонг 283
 Тхуан-тонг 25, 34
 Тхуат Зьонг-*выонг* 245
 Тхук 80, 192
 Тхыонг 26
 Тхыонг Тиеу 13
 Ты 200, 220
 Ты Дао Хань (Дао Хань) 39, 47, 77, 114, 151, 200, 220, 244
 Ты Ло 166
 Ты Тхык 94
 Тыонг Нгиеу Ван Чиет Тхай Тхыонг 272
 Тэмусин 56
 Тю Ван Ан 33, 34, 146. см. Тю Ван Чинь
 Тю Ван Чинь (Тю Ан) 123, 126, 129, 259, 260. см. Тю Ван Ан
 Тюк 155
 Тюк Киен 155
 Тян-тонг 219
 Тян Туи 245, 246

 У-ван 234
 У-ван Сунь Цюань 206
 У-ди 46, 206, 259
 У Жэньчэнь 169
 У Лай 89
 Уонг Си Доан 249
 У-хоу 159, 269
 Уи-*выонг* 236, 237, 291, 311
 Ума 74
 Уонг Си Доан

 Фам 31, 152, 153
 Фам Ат 200
 Фам Виен 241, 242, 243, 275, 276, 283
 Фам Динь Хан 286
 Фам Динь Хо 40, 83, 85, 86, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 226, 247, 295
 Фам Динь Чонг 119, 123, 124, 284, 285, 286, 287
 Фам Конг 147
 Фам Конг Чы 120, 225

Фам Куи Тхить 269
 Фам Кхой Чыонг 270, 271
 Фам Кы Лыонг 199
 Фам Май 28, 33, 155, 156
 Фам Нго 28, 155
 Фам Нгу Лао 32, 41, 125, 131, 159, 268, 269, 287
 Фам Тау 124, 305, 306
 Фан 192
 Фан Жун 190
 Фан Ле Фиен 100, 134
 Фан Фу Тиен 19, 28, 35, 44, 154
 Фан Хюи Он 99
 Фан Хюи Тю 13, 14, 17, 20, 45, 93, 96, 98, 99, 100, 106, 116, 118, 120, 133, 134
 Фан Чонг Фиен 284
 Фанг Данг Няг 79
 Фап Бо Ким Кыонг 257
 Фап Ван 71, 197
 Фап Ву 71, 197
 Фап Диен 71, 197
 Фап Лой 71, 197
 Фап Лоа 15, 37
 Фат Ма 31, 35
 Фат То Ны Лай 256
 Фе Де 34
 Федорин А. Л. 11
 Фи Кхань 260
 Фи Синь 200
 Фо Туе 298
 Фрезер Дж. 60
 Фудонг Тхиен-выонг 183, 277
 Фу Бо 270
 Фу Си 46
 Фу Куанг 180
 Фуси 170
 Фунг Кхак Кхоан 244

 Ха О Лой (О Лой) 88, 165, 211, 212, 213, 214
 Ха Сать Хиен 239
 Хай Лыонг 15
 Хань 46, 165, 245, 292
 Хань Цзывэнь 109
 Харити 294
 Хёккосе 76
 Хи то Няи-выонг 276
 Хи-тонг (Ле) 219

 Хиен 34, 143
 Хиен-тонг (Хиен-выонг) 113, 123, 140. см. Чан Хиен-тонг
 Хиеу Ле 44
 Хо 25, 26, 34, 260
 Хо Куи Ли 25, 26, 27, 34, 37, 94, 140, 156, 160
 Хо Нгуен Чынг 14, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 135, 140, 154
 Хо Си Донг 220, 302
 Хо Суан Хыонг 17, 94, 245
 Хо Тонг Тхок 40, 45, 160
 Хо Хан Тхыонг 26
 Хоанг 304
 Хоанг Бинь Кхием 233
 Хоанг Динь Бао 232
 Хоанг Нгу Фук (Хоанг) 124, 236, 237, 238
 Хоанг Хи До 244, 246, 311
 Хоанг Шам 290, 291
 Ходон 56, 57
 Хонг-банг 44, 165, 167
 Хон-дык 156
 Хоу Жэньбао 199
 Хоу Цзин 181
 Ху Ин 29
 Хуан-ди 168, 169, 170, 187, 192, 202
 Хуан Фу 262, 264
 Хуан Фуми 46
 Хуан Шан 162
 Хуань-ван 234, 259
 Хуань-гун 234, 236
 Хубилай 32
 Хунг-выонг 19, 47, 83, 170, 171, 177, 182, 183, 185, 186, 187, 192, 193
 Хунг-выонг III 179, 180, 181, 188
 Хунг-выонг XVIII 79, 80, 84
 Хунг И 171
 Хунг Цюй 171
 Хыу Тон Тхань 256
 Хюе 311
 Хюи Нинь 26
 Хюйен Куанг 15
 Хюйен-тонг 219

 Цай Цзин 189
 Цао Кэ 207
 Цзэн Гуань 67

Цзи-цзы 304
 Цзинь 46, 67, 129, 165, 166, 306
 Цзинь Цзяо 129
 Цзо 188
 Цзюэ-цо 202
 Ци Се 90, 91
 Ци Цзин-гун 236
 Цин 123
 Цинь 192
 Цинь Ши-хуан 176, 188, 261, 292
 Цуй Цзюй 262
 Цю 139
 Цю Луань 228
 Цю Цзянь 139
 Цюй Ин 291
 Цюй Ю 94
 Цюй Юань 50, 291

 Чан (династия) 9, 13, 14, 15, 16, 20, 25, 26, 28, 31, 32, 34, 45, 94, 101, 123, 144, 145, 156, 157, 159, 165, 242, 259, 272, 296
 Чан 227
 Чан Ань-тонг (Чан Ань-выонг) 15, 31, 32, 37, 144, 147, 152
 Чан Ван Ви 227, 228
 Чан Ван Зяп 12, 13, 14, 20, 29, 220
 Чан Ван Ти 244, 246
 Чан До Нам 301
 Чан Зань Лам 286
 Чан Зу-тонг 141, 297
 Чан Лок 256, 257
 Чан Сюе-тонг 25, 97, 160
 Чан Куанг Кхай 41
 Чан Куок Туан 32
 Чан Лить Тиеу 247
 Чан Минь-тонг (Чан Минь-выонг) 15, 25, 26, 28, 32, 33, 42, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 155, 158, 271, 272
 Чан Нге-тонг (Чан Нге-выонг) 25, 31, 41, 140, 141, 150, 152, 161
 Чан Нгиа 34, 35, 39
 Чан Нгуен Дан 28, 33, 34, 41, 156, 157, 259
 Чан Нгуен Хан 110, 261
 Чан Нян-тонг 15, 22, 28, 32, 33, 37, 42, 87, 144, 154, 155, 160, 172, 298
 Чан Няг Зуат 28, 32, 149
 Чан Тоай 157

 Чан Тхай-тонг (Чан Тхай-выонг) 11, 15, 28, 31, 32, 33, 133, 145, 146, 149, 153
 Чан Тхань-тонг (Чан Тхань-выонг) 15, 41, 153, 154
 Чан Тхе Фап 45
 Чан Тхи Сьонг 79
 Чан Тхиеу-де 160
 Чан Тхыа 26
 Чан Тху До 26, 252
 Чан Тхуан-тонг (Чан Тхуан-выонг) 143
 Чан Хиен-тонг 25, 140
 Чан Хынг Дао (см. Чан Куок Тоан) 28, 32, 41, 159, 268
 Чан Фе-де 143, 145
 Чан Э 154
 Чанво 294
 Чеснов Я. В. 52, 289
 Чжан И 50
 Чжан Лян 292
 Чжан Цзюньфань 89
 Чжао-ван 67, 305
 Чжао То 53, 189, 195, 196
 Чжао Чан 22, 188
 Чжи 202
 Чжэнь-цзун 284
 Чжоу 46, 170, 186, 187, 234, 304
 Чжоу-ван 304
 Чжоу-гун 186
 Чжуан-ван 170
 Чжу-жун 167
 Чжу Си 260
 Чжун Ши 53, 54, 58, 195, 196, 229
 Чжунгэ Лян 159, 269
 Чи Бинь Зян 205
 Чи-гоу 202
 Чи Ню 297
 Чи Ю 168, 169
 Чиет-выонг 275
 Чиеу 53, 54, 165, 206
 Чиеу Ай-выонг 245
 Чиеу Ву-де 206, 207
 Чиеу Вьет-выонг 54, 55, 57, 58, 79, 181, 182, 199
 Чиеу Да 53, 189, 195
 Чиеу Куанг Фук 54, 181, 182
 Чиеу Онг Ли 207
 Чинь 124, 219, 221
 Чинь Зянг 239

Чинь Кием 287
Чинь Так 294
Чук Лам Фо Туе 297
Чук Лам *дай ши* 32, 33, 35, 144, 154
Чунг Тхуан 272, 273
Чхве Ри 56
Чхильсон 78
Чхун-хян 109
ЧЫНГ 26, 27, 47, 71, 270
ЧЫОНГ 79, 166, 283
ЧЫОНГ Дан Куи 288
ЧЫОНГ Хан 292
ЧЫОНГ Хан Сиеу 296, 298
ЧЫОНГ Хонг 79, 199
ЧЫОНГ Хат 79, 199
Чэн И 129, 260
Чэн Тан 234
Чэн Хао 129, 260
Чэнь Басянь 181

Шаванн Э. 52
Шакья 297
Шам Лау 157, 158
Шан 46
Шанди 131
Шан-цзюнь 172
Шао Цзи 206
Шунг Лам 167
Шунг Фам 201, 202

Шунь 46, 161, 172
Шекспир В. 23
Ши Цзинтан 207
Ши-цзу 149
Ши Цзю 16
Шэнь Баосюй 305
Шэнь-гун 259
Шэнь-нун 167, 170
Шэнь Цзефу 29

Ынг Хюйен 190, 192

Э Хуан 291
Элиаде М. 61, 73, 82, 88
Эу Ко 47, 48, 168, 169, 170, 198

Юань 22, 32, 46, 149, 157, 158, 161,
165, 241
Юань Хаовэнь 108
Юань Кэ 154
Юбер Э. 10, 214
Юй 46, 50, 72
Юри 76

Ян 192
Ян Пу 206
Ян Чань 181
Янь-ди 167, 168
Яо 34, 46, 157, 161, 172

Указатель произведений

- Алмазная сутра 24
- Восемь пейзажей реки Сянцзян 291
- Всеобщее зеркало из Тхоктхюи (Тхоктхюи тхонг зям) 46
- Всеобщие записи, охватывающие сто поколений (Бать тхе тхонг ки тхы) 28, 157, 259
- Географическое описание земель 172
- Государь Тонмен 57
- Гуань-цзы 168
- Дао-дэ цзин 170
- Досуг небесного Юга 312
- Жена воина, ушедшего в дальний поход (Тинь фу нгэм) 96, 258
- Жизнеописания бессмертных (Лесянь чжуань) 50
- Жизнеописания великих мужей (Гао ши чжуань) 46
- Заметки об Аннаме (Ан нам ти) 106
- Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя (Ву чунг туй бут) 40, 102, 104, 106, 130, 131, 132
- Записи лауреатов 240
- Записи о дворцовых и провинциальных экзаменах (Куок чиеу хыонг кхоа лук) 104
- Записи о древних следах Наньхая (Нань хай гу цзи цзи) 89
- Записи о землях к югу от гор 165
- Записи о Каобанге (Као банг лук) 100, 134
- Записи о передаче светильников совершенномудрыми (Тхань данг лук) 15
- Записи о природе бесов (Цай гуй цзи) 88
- Записи о прославленных подданных (Зань тхан лук) 100, 134
- Записи о пустоте 133
- Записи о Цзяо и Гуане 165
- Записи о школе *тхиен* в стране Юга (Нам минь тхиен лук) 13
- Записи о южнокитайских государствах 171
- Записи об увиденном и услышанном (Киен ван лук) 100, 101
- Записи об услышанных необычайных событиях (Зи ван ки) 95
- Записи, оставленные ваном Гао (Гао ван и гао) 64
- Записи отшельника (Шон кы тап тхуат) 100, 102
- Записи, сделанные наскоро на досуге (Конг зы тиеп ки) 99, 101, 132, 273
- Записки, касающиеся провинции О (О тяу лук) 106
- Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) 44, 45, 50, 128, 166
- Записки о Зяоти (Зяо ти ки) 22
- Записки о Нгеане 281
- Записки о Цзяочжоу (Цзяо чжоу цзи) 22
- Записки по дням и лунам о странствии к югу 115
- Записки того, что помню, сделанные у окна во время дождя (Юй чуан цзи со цзи) 77
- Зооморфные духи из общины Хуонгтхыонг 79
- Ицзин 46, 272
- Истинные записи о возрождении (Чунг хынг тхык лук) 17
- Истинные записи о Ламшоне (Лам шон тхык лук) 18, 19, 288
- Истинные записи о трех патриархах (Там то тхык лук) 14, 15
- Исторические записи о Великом Вьете (Дай вьет ши ки) 17
- Исторические записки (Ши ки) 16, 22 89
- Исторические записки (Ши цзи) 16
- Исторические записки трех государств (Самгук саги) 56, 59, 76, 78
- Карты умиротворения Юга 312

- Краткая история Вьета (Вьет ши лыок) 16, 18, 28, 35, 53, 54, 63, 89, 170, 172, 186
- Краткие записи о Хайзыонге (Хай зыонг ти лыок) 100
- Краткие записи о Цзяочжи 165
- Краткие записи об Аннаме (Ан нам ти лыок) 18, 29
- Краткие записи об Аньнани 165
- Краткие записи об увиденном и услышанном (Киен ван тиеу лук) 101, 119, 132, 133, 220
- Культ бессмертных в Аннаме 38
- Кун-цзы сань чао цзи 168
- Летопись, написанная на бамбуковых дощечках (Чжушу цзи цзянь) 46
- Луньюй 139
- Мелкие записи из Юяна 154
- Море разума Будды, преисполненное великим благоуханием (Дай хыонг хай ан тап) 28
- Неофициальная история Великого Вьеты (Дай вьет нгой ши) 22
- Нефритовые анналы (Нгок диеп) 11
- Нихон рёики 48
- Новое собрание рассказов об удивительном (Чуен ки тан фа) 96, 97, 98, 258
- Новые рассказы у горящего светильника (Цзянь дэн синь хуа) 94
- Новые записи о провинции О (О тя кан лук) 71, 132
- О таинственных силах и духах земли Вьет (Вьет диен у линь) 13, 14, 16, 20, 21, 22, 23, 35, 36, 39, 54, 75, 89, 95, 110
- Обзор достопримечательностей Восточного государства. Новое дополненное издание (Синчжын тонгук ечжи сынам) 60
- Обширный обзор *сяошо* пяти династий (Учао сяошо да гуань) 40
- Обширные записи годов Великого мира (Тайпин гуанцзи) 24
- Общая история Великого Вьета (Дай вьет тхонг ши) 133
- Описание земель к югу от хребтов (Линь нань цун шу) 74
- Описание поколений вьетского юга (Вьет нам тхе ти) 17, 45
- Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор (Линь нам чить куай) 10, 13, 14, 35, 37, 39, 43, 45, 47, 48, 53, 70, 71, 77, 79, 83, 85, 86, 88, 89, 91, 95, 110, 135, 136, 149, 151, 169, 170, 257, 295
- Описание установлений минувших династий, классифицированное по родам (Лить чиеу хиен тионг лоай ти) 116, 117, 118, 119, 120, 133
- Основные записи биографий знаменитых людей великого Юга (Дай нам тинь биен лиет чуен) 104
- Отец-рыбак 291
- Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора (Кхам динь вьет ши тхонг зям кыонг мук) 36
- Персиковый источник 238
- Повествование о воздаянии за совершенство (Бао кык чуен) 13, 22
- Полное собрание исторических записок (Ши ки тоан тхы) 17, 19, 89
- Полное собрание исторических записок о Великом Вьете (Дай вьет ши ки тоан тхы) 19, 28, 35, 44, 53, 170, 172, 186
- Посмертное собрание рукописей Тхань-тонга (Тхань тонг зи тхао) 90, 91, 92
- Поющая свирель в лесу [шумящем] под ветром (Фонг лам минь лай тхи тап) 107
- Правитель Нанькэ 91
- Праздник парамита-сутра 289
- Продолжение записок о поисках духов (Соу шэнь хоу цзи) 58, 82, 91
- Продолжение рассказов из предместья (Сюй шо фу) 29
- Продолжение рассказов об удивительном (Тук чуен ки) 96, 258
- Пространные записи рассказов об удивительном (Чуен ки ман лук) 40, 93, 94, 96, 112, 128, 133, 258

- Путевые заметки посланника в Айлао (Ай лао ши чинь) 106
- Рамаяна 10, 88
- Редкое собрание из Ханьфэньлоу (Ханьфэньлоу бицзи) 29
- Речи государства Небесного Юга 245
- Сборник благоговеющего перед просветлением 155
- Сборник Зой Хиена 158
- Сборник стихов вьетского звучания (Вьет ам тхи тап) 28, 35, 154
- Сборник стихов Кинь Кхе 156
- Сборник стихов Донг Зя Тиеу – Дровосека с восточного поля (Донг зя тиеу тхи тап) 106
- Сборник Шам Лау 157
- Свод установлений династии Ле (Ле чиеу хой диен) 106
- Свадебные передряги Хань Цзывэня 109
- Семейные хроники 89
- Систематический перечень сосен и скал горы Хуаншань (Ханшань сун ши пу) 72
- Случайные записки о превратностях судьбы 83, 85, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 135, 136
- Собрание биографий лауреатов, получивших ученую степень (Данг кхоа би кхао) 100
- Собрание выдающихся праведников из сада *тхиен* (Тхиен уиен тап ань) 13, 14, 35, 37, 39, 89, 133
- Собрание повседневных слов (Нят зунг тхыонг дам) 106
- Собрание смешанных записей о монахах (Танг зя тап лук) 12
- Собрание сочинений в жанре *цзилу* (Цзилу хуйбянь) 29, 135
- Собрание стихов и прозы минувших (лет) Вьета 271
- Собрание *сяошо*, написанных на китайском языке во Вьетнаме (Юэнань ханьвэнь сяошо цункань) 40, 135
- Сон в начале тумана 25
- Сосна, бамбук, лотос и слива — четыре друга стихотворца (Тунг чук лиен май ты хыу) 106
- Сны Южного старца (Нам онг монг лук) 14, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 89, 135, 136
- Техника и пантеон вьетнамских медиумов (донг) 79
- Трактат по геомантии, составленный Тао (Та ао диа ли люан) 133
- Хоу Хань шу 77, 186
- Хуайнань-цзы 202
- Цза бао цзан цзин 24
- Цзочжуань 188
- Чжуан-цзы 90, 202
- Чуньцю 187, 188
- Шицзи 139
- Шицзин 35, 160
- Шу и цзи 168
- Шуцзин 139

Список использованной литературы

1. *Алимов И. А.* Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-мина // Петербургское востоковедение. — СПб., 1993. — Вып. 3.
2. *Алимов И. А.* Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бици. Исследования. Переводы. Ч. 1. — СПб., 1996.
3. *Алимов И. А.* «Шихуа отшельника Лю-и» Оуян Сю // Петербургское востоковедение. — СПб., 1992. — Вып. 1.
4. Антология традиционной вьетнамской мысли. X — начало XIII вв. Составители В. В. Зайцев, А. В. Никитин. — М., 1996.
5. *Антощенко В. И.* Мифологические персонажи в государственном пантеоне духов во Вьетнаме // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2004. — № 4.
6. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. Вступит. ст., перевод и коммент. Л. Д. Позднеевой. — М., 1967.
7. *Бан Тиен Тан.* Повествовательный фольклор и становление средневековой вьетнамской новеллы: Автореф. дис. канд. фил. наук. — М., 1983.
8. *Бонгард-Левин Г. М.* Древняя Индия: исторический очерк / Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. — М., 1969.
9. Брихадараньяка Упанишада. — М., 1964.
10. *Ван Янь-сю.* Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань). Пер. с кит. и прим. М. Е. Ермакова. — СПб., 1998.
11. Возвращенная драгоценность. Китайские повести XVII в. — М., 1986.
12. *Воскресенский Д. Н.* Даосские мотивы в художественной прозе Китая (тема жизни-сна в литературе XVII в.) // Народы Азии и Африки. — 1975. — № 4.
13. *Гань Бао.* Записки о поисках духов. — СПб., 2000.
14. *Голыгина К. И.* Китайская проза на пороге средневековья. — М., 1983.
15. *Голыгина К. И.* Новелла средневекового Китая. — М., 1980.
16. *Горегляд В. Н.* Дневники и эссе в японской литературе XII—XIV вв. — М., 1975.
17. *Горегляд В. Н.* Сюжеты, связанные с нарушением запретов в японских мифах // Петербургское востоковедение. — СПб., 1992. — Вып. 2.
18. *Григорьева Т. П.* Читая Кавабата Ясунари // Иностранная литература. — 1971. — № 8.
19. *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос. — М., 1974.
20. *Грот Я. Я. М. де.* Демонология древнего Китая. — СПб., 2000.
21. *Данг Тхай Май.* Идеи и образы вьетнамской поэзии XI—XIV вв. // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1982.
22. *Деоник Д. В.* История Вьетнама. Ч. 1. — М., 1994.
23. *Деоник Д. В.* Проблема сходства культур Вьетнама, Кореи и Японии // Традиционный Вьетнам. — М., 1996. — Вып. 2.
24. *Деоник Д. В.* Древний Вьетнам. История, традиция, современность. — М., 2002.
25. *Джарылгасинова Р. Ш.* Этногенез и этническая история корейцев. — М., 1979.
26. Древнекитайская философия. В 2 т. — М., 1972.
27. *Елисеев Д. Д.* Корейская средневековая литература пхэсоль. — М., 1968.
28. *Елисеев Д. Д.* Новелла корейского средневековья. — М., 1977.
29. *Ермаков М. Е.* «Гао сэн чжуань» и агиографическая традиция // XII-годовая научная сессия ЛО ИВ АН СССР. — М., 1977.

30. *Жданова Л. В.* Поэтическое творчество Чхве Чживона. — СПб, 1998.
31. *Желуховцев А. Н.* Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая. — М., 1969.
32. *Жуковская Н. Л.* Цветочисловые композиции в монгольской культуре // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сб. статей памяти С. А. Токарева. — М., 1994.
33. *Завадская Е. В.* Даосская поэтика странствий // Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
34. *Исида Эйитиро.* Мать Момотаро. — СПб., 1998.
35. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. Под ред. Р. Ш. Джарылгасиновой и В. М. Крюкова. — М., 1993.
36. *Ким Бусик.* Исторические записи трех государств. Издание текста, перевод, вст. ст. и комм. М. Н. Пака. Т. 1. — М., 1959.
37. *Ким Бусик.* Исторические записи трех государств. Издание текста, перевод, вст. ст. и комм. М. Н. Пака. Т. 2. — М., 1995.
38. Классическая проза Дальнего Востока. — М., 1975.
39. Краткая история Вьета (Вьет ши лыок). Пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А. Б. Полякова. — М., 1980.
40. Кхмерские мифы и легенды. — М., 1981.
41. *Леонов К. Ю.* Ном в системе некитайской иероглифики Дальнего Востока // Традиционный Вьетнам. — М., 1996. — Вып. 2.
42. *Ли Губо.* Записки по дням и лунам о странствии к югу. Пер. Л. В. Ждановой. (Рукопись).
43. *Липец Р. С.* Образ батыря и его коня в тюрко-монгольском эпосе. — М., 1984.
44. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1971.
45. *Мартынов А. С.* Кисть и досуг «совершенного мужа» («цзюнь-цзы») // Петербургское востоковедение. — СПб., 1997. — Вып. 9.
46. *Мартынов А. С.* Конфуцианская личность и природа // Проблема человека в традиционных китайских учениях. — М., 1983.
47. *Мартынов А. С.* Конфуцианская утопия в древности и средневековье // Китайская социальная утопия. — М., 1987.
48. *Миго А.* Кхмеры. — М., 1973.
49. Мифы древней Индии. Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. — М., 1975.
50. Мифы и легенды в искусстве стран Юго-Восточной Азии. — М., 1990.
51. Мифы народов мира. В 2 т. — М., 1992.
52. *Молодякова Э. В.* Вещь в сакральной среде // Вещь в японской культуре. — М., 2003.
53. *Мухлинов А. И.* Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. — М., 1977.
54. *Неуен Ван Хоан, Никулин Н. И.* Взаимосвязям культуры вьетов и других народов Юго-Восточной Азии // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1983.
55. *Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. — М., 1982.
56. *Никитина М. И.* Миф о женщине-солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. — СПб., 2001.
57. *Никулин Н. И.* Вьетнамская литература. X–XIX вв. — М., 1977.
58. *Новакова О. В., Цветов П. Ю.* История Вьетнама. Т. 2. — М., 1995.

59. *Осинов Ю. М.* Литературы Индокитая, жанры, сюжеты, памятники. — Л., 1980.
60. Очерки истории Вьетнама. — Ханой, 1978.
61. *Павловская Л. К.* Шихуа как образец буддийского народного повествования // Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги. — М., 1987.
62. *Парникель Б.Б.* О фольклорном сродстве народов Юго-Восточной Азии // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1983.
63. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 3. — М., 1964.
64. Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. — М., 1969.
65. *Познер П. В.* Древний Вьетнам. Проблемы летописания. — М., 1980.
66. *Познер П. В.* История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья. — М., 1994.
67. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Перевод с ханвьета К. Ю. Леонова и А. В. Никитина, коммент., вступит. ст. и приложения К. Ю. Леонова и А. В. Никитина при участии В. И. Антощенко, М. Ю. Ульянова, А. Л. Федорина. Т. 1. — М., 2002.
68. *Поляков А. Б.* Место «Краткой истории Вьета» во вьетнамской историографии // Краткая история Вьета. — М., 1980.
69. *Рифтин Б. Л.* Зарождение и развитие классической вьетнамской новеллы // Повелитель демонов ночи. — М., 1969.
70. *Рифтин Б. Л.* Классическая проза Дальнего Востока // Классическая проза Дальнего Востока. — М., 1975.
71. *Рифтин Б. Л.* От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. — М., 1979.
72. *Рифтин Б. Л.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. — М., 1974.
73. *Рифтин Б. Л.* У истоков корейской словесности // Корейские предания и легенды. — М., 1980.
74. *Рифтин Б. Л.* Введение // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М., 1982.
75. *Рытхэу Ю.* Сон в начале тумана. — Л., 1976.
76. *Рябинин А. Л.* Рождение империи Нгуенов. — М., 1988.
77. *Стратанович Г. Г.* Этногенетические мифы об исходе из яйца или тыквы у народов Юго-Восточной Азии // Этническая история и фольклор. — М., 1977.
78. *Стратанович Г. Г.* Народные верования населения Индокитая. — М., 1978.
79. *Сыма Цянь.* Исторические записки. Пер. с китайского и комм. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вст. ст. М. В. Крюкова. Т. 1. — М., 2001.
80. *Ткачев М.* Вьетнамская проза средних веков // Классическая проза Дальнего Востока. — М., 1975.
81. *Ткачев М.* Мастер рукотворных чудес из края Светлого моря // Пространственные записи рассказов об удивительном. — М., 1974.
82. *Толстой И. И.* «Возвращение мужа» в Одиссее и в русской сказке // Сб. в честь ак. С. Ф. Ольденбурга. — Л., 1974.
83. *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. — М., Л., 1957.
84. *Троцевич А.Ф.* Мотив героя, принесенного водой, в корейских и монгольских преданиях // Литературные связи Монголии. — М., 1981.

85. *Троцевич А. Ф.* Корейский средневековый роман. — М., 1986.
86. *Троцевич А. Ф.* Миф и сюжетная проза Кореи. — СПб., 1996.
87. *Тюрина В. В.* Структура и семантика кхмерской сказки о Змее Кенг-Канге // Петербургское востоковедение. — СПб., 1995. — Вып. 7.
88. *Фан Данг Няп.* Мифо-эпические сказания народов Вьетнама и ранняя средневековая новелла // Роль фольклора в развитии литературы Юго-Восточной Азии. — М., 1988.
89. *Федорин А. Л.* Вьетнамская эпиграфика как исторический источник по периоду позднего средневековья и нового времени: Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1993.
90. *Фишман О. Л.* Три китайских новеллиста. — М., 1980.
91. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. — М., 1980.
92. *Чеснов Я. В.* Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. — М., 1970.
93. *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. — М., 1976.
94. *Чинь Хак Мань.* Становление и развитие вьетнамской эпиграфики и ее место в средневековой словесности Вьетнама: Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1990.
95. *Шарипов А. Ш.* Вьетнамские легенды о бессмертных // Восток. — 2000. — № 1.
96. *Шено Ж.* Очерки по истории вьетнамского народа. — М., 1957.
97. Шицзин. Изд. подгот. Штукин А. А. и Федоренко Н. Т. — М., 1957.
98. *Штернберг Л. Я.* Культ близнецов в Китае и индийское влияние // Сб. Музея антропологии и этнографии. — Б/м, б/д. — Т. 6.
99. *Шуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен». — М., 1960.
100. *Элиаде М.* Священное и мирское. — М., 1994.
101. *Элиаде М.* Азиатская алхимия. В 2 т. Т. 1. — М., 1998.
102. *Элиаде М.* Трактат по истории религий. В 2 т. — СПб., 1999.
103. *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. — М., 1965.
104. Японские легенды о чудесах. IX–XI вв. — М., 1984.
105. Bilderatlas zur Religionsgeschichte. *W. Kirfel.* Der Hinduismus (Иллюстрированный атлас по истории религии. Индуизм). — Leipzig, 1934.
106. *Vonifacy A.* Les genies theriomorphes du xa de Huong-thuong (Зооморфные духи из общины Хуонгтхьюнг) // BEFEO. — 1910. — Т. 10.
107. *Coulet G.* Cultes et religions de l'Indochine annamite (Культы и религии аннамитского Индокитая). — Saigon, 1929.
108. *Dumoutier G.* Legendes historique de l'Annam et du Tonkin (Исторические легенды Аннама и Тонкина). — Paris, 1890.
109. *Dumoutier G.* Les symboles, les emblems et les accessoires du culte chez les annamites (Символы, эмблемы и предметы культа аннамитов). — Paris, 1891.
110. *Durand M., Nguyen Tran Huan.* Introduction a la litterature vietnamienne (Введение во вьетнамскую литературу). — Paris, 1969.
111. *Durand M.* Technique et pantheon des mediums vietnamiens (đông) (Техника и пантеон вьетнамских медиумов). — Paris, 1959.
112. *Getty A.* The gods of northern buddism (Божества в северном буддизме). — Oxford, 1914.
113. *Gaspardone E.* Bibliographie Annamite (Аннамитская библиография) // BEFEO. — Hanoi, 1934. — Т. XXXIV.

114. *Huber E.* Etudes indochinoises. La legende du Ramayana en Annam (Индокитайские исследования. Рамаяна в Аннаме) // BEFEO. — Hanoi, 1905. — Т. V.
115. La medicine vietnamienne au XVIII siecle (Вьетнамская медицина в XVIII в.) Texte originaire du Pham Dinh Hô, extrait du Vu trung tùy bút // BEFEO. — Paris, 1970. — Т. LX.
116. *Lan Ong.* Thường kinh ky sư. Traduit et annotation par Nguyen Tran Huan. — Paris, 1972.
117. *Maspero H.* La dynastie des Li Anterieur (Династия Ранних Ли) // BEFEO. — Paris, 1916. — Т. XVI
118. *Maspero H.* Etudes d'Histoire d'Annam (Заметки об истории Вьетнама) // BEFEO. — Paris, 1916. — Т. XVI, № 1.
119. *Nguyen Van Huyen.* Contribution à l'étude d'un genie tutelaire vietnamienne Ly Phuc Man (К вопросу об изучении вьетнамского духа-покровителя Ли Фук Мана) // BEFEO. — Hanoi, 1938. — Т. XXXVIII.
120. *Nguyen Van Huyen.* La civilisation annamite (Аннамитская цивилизация). — Hanoi, 1944.
121. *Porée-Maspero E.* Étude sur les rites agraires des camdodgiens. (Исследование аграрных праздников камбоджийцев). Т. 1–2. — Paris, 1964.
122. *Stein R.* Jardins en miniature d'Extreme-Orient (Миниатюрные сады на Дальнем Востоке) // BEFEO. — Hanoi, 1942. — Т. XLII.
123. *Przyluski J.* La princesse à l'odeur de poisson et la nagi dans les traditions de l'Asie Orientale (Принцесса с запахом рыбы и наги в преданиях Восточной Азии) // Etudes asiatiques publiés à l'occasion du vingt-cinquième anniversaire de l'Ecole Francaise d'Extrême-Orient. — Paris, 1925. — Т. 2.
124. *Przyluski J.* Les populations de l'Indochine fracaise (Народы французского Индокитая) // Indochine. — Paris, 1931.
125. *Tran Van Giáp.* Le buddhisme en Annam, des origines au XIII siecle (Буддизм в Аннаме, от происхождения до XIII в.) // BEFEO. — Hanoi, 1932. — Т. XXXIII.
126. *Van Lohuizen — de Leeuw J. E.* Studies in southasia culture (Исследования южно-азиатской культуры). V. 5. — Leiden, 1976.
127. *Whitmore John K.* Việt Nam, Hô Quý Ly and the Ming (1371–1421) (Вьетнам, Хо Куи Ли и Минь (1371–1421)). — New Haven, 1985.
128. *Bừu Cầm.* Quốc hiệu nước ta (Названия нашей страны). — Saïgon. 1969.
129. Đại Việt sử ký toàn thư (Полное описание истории Великого Вьет). Т. 1. — Hà-nội, 1967.
130. Đại Việt sử ký toàn thư (Полное описание истории Великого Вьет). Т. 2. — Hà-nội, 1971.
131. *Đình Gia Khánh.* Lời giới thiệu Việt điện u linh (Предисловие к сборнику «О таинственных силах и духах земли Вьет»). — Hà-nội, 1960.
132. *Đình Gia Khánh.* Văn hóa dân gian Việt Nam trong bối cảnh văn hóa Đông Nam Á. (Народная культура Вьетнама на фоне культуры Юго-Восточной Азии. — Hà-nội, 1993.
133. *Đình Gia Khánh.* Văn học Việt Nam thế kỷ X nửa đầu thế kỷ XVIII (Вьетнамская литература X века — середины XVIII века). Т. 1–2. — Hà-nội, 1978.
134. *Đình Gia Khánh.* Nhà nho xưa tìm hiểu truyệnh dân gian và ca dao tục ngữ // Tạp chí văn học. — 1972. — №1.
135. *Đình Gia Khánh, Nguyễn Ngọc San.* Lời giới thiệu Lĩnh nam chích quái (Предисловие к «Собранию удивительного земли Линьнам»). — Hà-nội, 1960.

136. *Đoàn Thị Điềm*. Truyện ký tân phả (Новое собрание рассказов об удивительном). — Hà-nội, 1962.
137. *Hoàn Hưu Jên*. Lời giới thiệu Truyện ký tân phả (Предисловие к «Новому собранию рассказов об удивительном»). — Hà-nội, 1962.
138. *Hoàn Hưu Jên*. Lời giới thiệu Vũ trung tùy bút (Предисловие к «Записям вслед за кистью, сделанным во время дождя»). — Hà-nội, 1960.
139. *Lê Quý Đôn*. Kìen văn tiểu lục (Краткие записи об увиденном и услышанном). — Hà-nội, 1962.
140. *Lê Sỹ Thảng, Hà Thục Minh*. Lời giới thiệu Thánh tông di thảo (Предисловие к «Посмертному собранию рукописей Тхань тонга»). — Hà-nội, 1963.
141. *Lý Tế Xuyên*. Việt điện u linh (О таинственных силах и духах земли Вьет). — Hà-nội, 1960.
142. Lịch sử văn học Việt Nam (История вьетнамской литературы). Т. 3. — Hà-nội, 1971.
143. Lược thảo lịch sử văn học Việt Nam (Краткая история вьетнамской литературы). Т. 2. — Hà-nội, 1957.
144. Lược truyện các tác giả Việt Nam (Краткие биографии вьетнамских авторов). Т. 1. — Hà-nội, 1971.
145. *Nguyễn Cam Thủy*. Vũ Trinh và Kiến văn lục (Бу Чинь и «Записи об увиденном и услышанном») // Tạp chí văn học. — 1983. — № 3.
146. *Nguyễn Danh Phiệt*. Hồ Quý Ly (Хо Куи Ли). — Hà-nội, 1997.
147. *Nguyễn Duy Hình*. Tìm hiểu ý nghĩa xã hội của phái Trúc Lâm thời Trần (Об общественном значении школы Чуклам эпохи Чан) // Tìm hiểu xã hội Việt Nam thời Lý Trần (Исследования вьетнамского общества эпохи Ли-Чан). — Hà-nội, 1981.
148. *Nguyễn Đăng Na*. Văn xuôi tự sự Việt Nam thời trung đại. Truyện ngắn (Повесть-повествовательная проза Вьетнама эпохи средневековья. Короткие рассказы). Т. 1. — Hà-nội, 1997.
149. *Nguyễn Đông Chí*. Kho tàng truyện cổ tích Việt Nam (Сокровищница вьетнамских сказок). Т. 1. — Hà-nội, 1971.
150. *Nguyễn Đông Chí*. Lược khảo về thần thoại Việt Nam (Краткий очерк вьетнамской мифологии). — Hà-nội, 1958.
151. *Nguyễn Quang Vinh*. Hình bóng người anh hùng sang tạo văn hoá trong truyền thuyết dân gian Không Lô (Изображение культурного героя в народных легендах о Кхонг Ло) // Tạp chí văn học. — 1974. — № 1.
152. *Nguyễn Trai*. Toàn tập (Полное собрание). — Hà-nội, 1976.
153. *Phạm Đình Hổ*. Vũ trung tùy bút (Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя). — Hà-nội, 1960.
154. *Phan Đăng Nhật*. Sử gấn bó Việt Chàm qua một số truyện dân gian (Сходство вьетнамской и тямской культур, отраженное в народных рассказах) // Tạp chí văn học. — 1976. — № 5.
155. *Phan Huy Chú*. Lịch triều hiến chương loại chí (Описание установленных минувших династий, классифицированное по родам). Т. 1—4. — Hà-nội, 1960—1961.
156. Thánh tông di thảo (Посмертное собрание рукописей Тхань тонга). — Hà-nội, 1963.
157. Thiền uyển tập anh (Собрание выдающихся праведников из сада тхиен). — Hà-nội, 1993.
158. Thơ văn Lý — Trần (Стихи и проза эпохи Ли-Чан). Т. 1. — Hà-nội, 1977.

159. Thơ văn Lý — Trần (Стихи и проза эпохи Ли-Чан). Т. 3. — Hà-nội, 1978.
160. *Trần Nghĩa*. Hồ Nguyên Trừng mà cũng «quyên luyêн quê hương» «không quên Tổ quốc» ư? (Действительно ли Хо Нгуен Чынг был привязан и не забывал родину?) // Tạp chí văn học. — 1974. — № 4.
161. *Trần Văn Giáp*. Lược khảo sách Việt điện u linh (Краткий обзор сборника «О таинственных силах и духах земли Вьет») // Tạp chí văn học. — 1968. — № 8.
162. *Trần Văn Giáp*. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm (Исследование книг, написанных на китайском языке и вьетнамской иероглифической письменностью). Т. 1. — Hà-nội, 1970.
163. *Trần Văn Giáp*. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm (Исследование книг, написанных на китайском языке и вьетнамской иероглифической письменностью). Т. 2. — Hà-nội, 1990.
164. Truyền cổ mường (Сказания народности мьонг). — Hà-nội, 1978.
165. Truyền thuyết Hùng vu'ong (Легенды о Хунг-выонгах). — Hà-nội, 1984.
166. Truyền thuyết thần Hà-nội (Легенды духов Ханоя). — Hà-nội, 1994.
167. *Tru'ong Chinh*. Lời giới thiệu Vũ trung tùy bút (Предисловие к «Записям вслед за кистью, сделанным во время дождя»). — Hà-nội, 1972.
168. Tuyển tập văn bia Hà-nội (Собрание текстов стел Ханоя). Q. 1–2. — Hà-nội, 1978.
169. *Văn Tân* v. v. Sơ thảo lịch sử văn học Việt Nam (История вьетнамской литературы). Т. 1–4. — Hà-nội, 1957–1960.
170. Văn hóa dân gian vùng đất tồ (Народная культура родной стороны). — Vĩnh Phù, 1986.
171. Việt Nam — Đông Nam Á. Quan hệ lịch sử văn hoá (Вьетнам — Юго-Восточная Азия. Исторические и культурные контакты). — Hà-nội, 1993.
172. Việt sử thông giám cương mục (Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора). Т. 1–20. — Hà-nội, 1957–1960.
173. *Vũ Quỳnh, Kiêu Phú*. Lĩnh nam chí quái. («Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор»). — Hà-nội, 1960.
174. *Vũ Tô Hao*. Một vài nghi vấn về ban Truyền kỳ mạn lục hiện đang lưu hạnh (Некоторые сомнения по поводу варианта «Пространных записей рассказов об удивительном», который находится в обращении) // Tạp chí văn học. — 1978. — № 6.
175. Праджняпарамита-сутра. Рук. СПбФ ИВ РАН. Танг 334, № 2208/1.
176. Линнань чжигуай дэн шиляо сань чжун (Три исторических источника, включая «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор»). — Чжэнчжоу, 1991.
177. Цзилу хуйбянь (Собрание сочинений в жанре цзилу). Т. 13. — Шанхай, 1938.
178. Цьюань (Словарь «Цьюань»). Т. 1–4. — Сянган, 1981–1984.
179. Чжунго цуншу цунлу (Справочник по китайским собраниям сочинений). Т. 2. — Шанхай, 1982.
180. Юэнань ханьвэнь сяошо цункань (Собрание *сяошо*, написанных на китайском языке во Вьетнаме). Серия 2. Т. 1. — Тайбэй, 1992.
181. *Ян Боцзюнь*. Луньюй ичжу (Луньюй с переводом и комментариями). — Пекин, 1958.
182. Синчжын тонгук ечжи сыннам (Обозрение достопримечательностей Восточного государства. Новое дополненное издание). — Пхеньян, 1959.

Summary

Recueils constitues de recits courts etaient les plus courants en tant que type de la litterature traditionnelle en prose du Viet-nam. «Reves d'un vieillard du Midi» est un des premiers recueils en prose de Viet-nam, tandis que «Les notes d'occasion sur les retours de la fortune» n'ont apparue que trois siecles plus tard. Les recueils proposes ne sont pas sans rappelles les bitzy chinois ou les recits sur les evenements fantastistes s'alternent avec les faits reels concernant l'histoire et litterature. Les trois ouvrages evoquent les evenements ayant lieu a Viet-nam et il s'agit des Vietnamiens par excellence. Nombre d'entre eux sont des personnages historique connus par leurs actions illustres.

«Reves d'un vieillard du Midi» date du 1438, est compose par Cho Ngouen Tchyng, surnomme Vieillard du Midi. Cho Ngouen Tchyng etait le fils aine de Cho Kouï Li, qui a usurpe le trone de la dynastie Tchang et qui a cree sa proper dynastie (1400–1407). «Reves d'un vieillard du Midi» etait ecrit en Chine. Cho Nhouden Tchyng y est devenu un grand fonctionnaire. Le recueil est constitue de trente et un recits intitules et de plusieurs inclusions en vers. On trouve dans cette ouvrage des recits sur des regents sages et des fideles et loyaux sujets, chef d'armee illustres, poetes, savant, medecins, femmes fideles, moines, daociens, etc. Plusieurs recits sont structures en tant que biographies des personnages historiques. Une place importante est reservee dans les «Reves d'un vieillard du Midi» aux recits en vers qui, reunis par sujet, se trouve a la fin du recueil.

«Recueil des etres extraordinaires du Ling-nam» — est l'un des plus anciens documents ecrits de litterature folklorique. Auteur inconnu. D'après la tradition, ce serait Tran The Phap. Maintenant sa preface est perdue, il ne reste qu'une preface du Vu Quynh. Au 15e siecle, il fut revise et ameliore par Vu Quynh et Kieu Phu. Il comprend 22 legendes et contes populaires. Recueil presente un valeur incontestable au point de vue historique et sociologique.

«Les Notes d'occasion sur les retours de la fortune» hypothetiquement datent entre la fin du XVIII s. et debut du XIX s. Un des auteurs, Fam Din Cho etait ecrivain et savant connu, mais son oeuvre n'est presque etudiee ni a Viet-nam, ni en dehors ce pays. L'autre auteur, Ngouen An est moins connu. Tous les quatre-vingt-dix recits peuvent etre conventionnellement classes en trios categories — il y a des recits biographiques, folkloriques et informatifs. De sureroit, le tissu de l'ouvrage n'est pas structures par sujet. Chaque recit pris a part, est intitule.

Fam Din Cho et Ngouen An evoquent des actions des personnages historiques illustres tout en citant des extraits tires des ouvrages des poetes connus de Viet-nam. Les auteurs decrivent les monuments de l'architecture de Viet-nam, relatent des inscriptions qui figurent sur les stèles, etc., tout ce qui d'après eux merite d'être conserve pour de futures generations. La narration se fait de la premiere personne — Fam Din Cho et Ngouen An evoquent ce qu'ils ont vu de leurs propres yeux. Ainsi faut-il acorder attention au caractere bibliographique de l'ouvrage. Les problemes dont les auteurs parlent, sont suggeres par les evenements de l'epoque. Ainsi ce n'est pas un hazard que pendant la periode de troubles on recourait aux figures de chefs d'armee qui ont reussi a apaiser le peuple, aux actes des fonctionnaires qui suivaient du soutien au trone. Il est probable que c'etait une maniere des auteurs de desapprouver la generation de l'epoque ou il n'y avait point de personnes aptes de soutenir le roi et mettre de l'ordre dans le pays. Une partie importante de la matiere de l'ouvrage se refere a la tradition folklorique de Viet-nam. La matiere du recueil de Fam Din Cho et Ngouen An demontre les particularites de l'interaction dans la prose de Viet-nam de deux traditions culturelles, de la tradition local et celle de l'Extreme Orient, donc chinoise.

Les traductions sont faites du ven'ian.